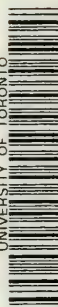

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00295472 5

I-IV, VIII

1891-1948

4 vol. half, 1 pap.

f 350. -

I: XIX, 503 p., pt.

1891

II: XIII, 427 p., pt.

1893

III: XI, 569 p., pt.

1895

IV: X, 375 p., pt.

1896

VIII: XII, 472 p.

1948

in Russian
Kospiak L

Portrait of Count Rumford by G. Kneller

СОЧИНЕНІЯ
М. В. ЛОМОНОСОВА

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

АКАДЕМИКА

М. И. СУХОМЛИНОВА.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1891.

PG
3316

81
1891

т. 1

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наук.
С.-Петербургъ, Декабрь 1891 года.

Непрежвнный Секретарь, Академикъ А. Штраухъ.

852085

Classical

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первое собраніе сочиненій Ломоносова издано самимъ авторомъ, въ 1751 году. Представляя свою рукопись въ академію, Ломоносовъ заявилъ: „Намѣренъ я всѣ мои оды и другія мои сочиненія отдать въ печать, для того что весьма много охотниковъ которые ихъ спрашиваютъ“. Что спросъ на сочиненія Ломоносова былъ весьма значителенъ, видно уже изъ того, что число экземпляровъ увеличено вдвое: вмѣсто обычныхъ въ то время 725 напечатано 1450. Изъ собственныхъ словъ Ломоносова о поводѣ къ изданію сочиненій, можно заключить, что и при выборѣ ихъ авторъ имѣлъ въ виду литературный вкусъ и требованія тогдашнихъ читателей. Въ этомъ отношеніи любопытенъ составъ первой книги, вышедшей подъ заглавіемъ: „Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова“. Въ ней помѣщены: десять духовныхъ одъ, десять одъ похвальныхъ, девятнадцать надписей и одно похвальное слово — императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

По счастью, сохранилась рукопись, по которой печаталось первое Собрание сочиненій Ломоносова. Она заключаетъ въ себѣ одни только стихотворенія, именно

*

всѣ тѣ оды и надписи, которыя напечатаны въ изданіи 1751 года, за исключеніемъ оды шестой — благодарственной за милость, оказанную автору въ Царскомъ Селѣ. Изъ одъ духовныхъ писаны Ломоносовымъ собственноручно четыре: переложенія псалмовъ: 26, 34 и 70, и ода, выбранная изъ Іова; всѣ остальные писаны чужою рукою. Изъ похвальныхъ одъ писана рукою Ломоносова только одна: „На взятіе Хотина“. Сверхъ того написаны рукою Ломоносова двѣ строфы изъ оды 1746 года, на день рожденія императрицы Елисаветы Петровны *). Всѣ надписи писаны рукою Ломоносова. Рукопись хранится въ Библіотекѣ Академіи наукъ.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ перваго Собранія сочиненій Ломоносова вышло второе, съ многочисленными дополненіями и съ измѣненіями, сдѣланными самимъ Ломоносовымъ. Оно начинается „Предисловіемъ о пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ“. За предисловіемъ слѣдуютъ тѣ же самыя стихотворенія и въ томъ же порядкѣ, какъ и въ первомъ Собраніи; прибавлены: двѣ оды, двадцать пять надписей, и т. д.

По смерти Ломоносова, изданіе его сочиненій принимали на себя: Академія наукъ, Россійская академія и частныя лица, во главѣ которыхъ долженъ быть названъ архимандритъ Дамаскинъ, бывшій питомецъ геттингенскаго университета, одинъ изъ выдающихся русскихъ ученыхъ своего времени.

Въ 1771 году учреждено было при московскомъ университетѣ Вольное Россійское Собраніе „для исправ-

*) Сравнительно со второю редакціею оды, въ рукописи Ломоносова слѣдующіе варианты:

Ст. 38. Цвѣтами нестру расширя,

Ст. 47. И щастливой избрала знакъ

ленія и обогащенія руссїйскаго языка чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ сочиненій и переводовъ, стихами и прозою“. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для достиженія желаемой цѣли признано изданіе сочиненій Ломоносова, которое и принялъ на себя членъ Вольнаго Руссїйскаго Собранія архимандритъ Дамаскинъ. Въ 1778 году вышло въ свѣтъ изданное имъ Собраніе разныхъ сочиненій Ломоносова. Ученый издатель говоритъ: „Между писателями, которые отъ всего просвѣщеннаго общества искуснѣйшими въ словѣ руссїйскомъ почитаются, Ломоносовъ по справедливости первое занимаетъ мѣсто. Чего ради, чтобы какъ переводчики и сочинители наши, такъ и обучающіеся въ школахъ юноши, могли удобнѣе достать и для подражанія въ правописаніи и красотѣ слога всегда предъ очами имѣть самаго лучшаго руссїйскаго писателя, предпріялъ я выдать на свѣтъ всѣ покойнаго Михайлы Васильевича Ломоносова сочиненія“ и т. д. Изданіе Дамаскина—безспорно самое замѣчательное изъ посмертныхъ изданій сочиненій Ломоносова. Научные приемы выразились и въ расположеніи произведеній въ хронологическомъ порядкѣ, и въ приведеніи вариантовъ. Дамаскинъ держался текста перваго Собранія, изданнаго Ломоносовымъ, и приводилъ варианты изъ втораго Собранія, вышедшаго также при жизни автора.

Въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія (1784—1787) Академія наукъ издала Полное собраніе сочиненій Ломоносова. Оно въ сущности было повтореніемъ изданія Дамаскина; но въ немъ помѣщено нѣсколько писемъ и стихотвореній Ломоносова, нигдѣ до того времени ненапечатанныхъ. Важный недостатокъ академическаго изданія заключается въ неточности текста нѣкоторыхъ изъ произведеній Ломоносова, впер-

вые появившихся въ печати. Это искаженіе рукописнаго текста послужило поводомъ къ эниграммѣ, которую мы и приводимъ въ своемъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе изданіе повторялось нѣсколько разъ, и къ нему постоянно обращались въ литературныхъ работахъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ Ломоносову.

Въ 1840 году сочиненія Ломоносова изданы Россійскою академіею. Принимая на себя этотъ трудъ, она надѣялась принести большую пользу современной русской литературѣ: „Россійская Академія, издавая снова всѣ стихотворенія, избранныя рѣчи и риторику Ломоносова, желаетъ и надѣется доставить, и юношеству и всѣмъ любителямъ Россійской словесности, образцы и правила поэзіи и витійства, и тѣмъ способствовать къ распространенію истиннаго вкуса и просвѣщенія“.

То обстоятельство, что изданіе сочиненій Ломоносова принимали на себя ученые учрежденія и литературныя общества, а равно и цѣль, съ которою издавались его сочиненія втеченіе почти цѣлаго столѣтія, показываютъ силу и живучесть литературнаго авторитета Ломоносова. Но движеніе литературы и науки выдвигаетъ и другія цѣли и требованія, видоизмѣняющія и усложняющія задачу издателя. Въ литературѣ нашей неоднократно высказывалась мысль о необходимости новаго изданія произведеній Ломоносова.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ признало нужнымъ предпринять изданіе сочиненій Ломоносова. Возложивъ на насъ исполненіе этого труда, Отдѣленіе одобрило представленный нами планъ изданія.

Существенное условіе изданія литературнаго памятника заключается въ точномъ сохраненіи первоначальнаго текста, съ указаніемъ тѣхъ измѣненій, которыя дѣлались самимъ авторомъ. Разысканіе перваго изданія (*editio princeps*) многихъ изъ произведеній Ломоносова сопряжено было съ большими трудностями. А между тѣмъ именно въ этихъ изданіяхъ стихотворенія являются въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вышли изъ-подъ пера автора и въ какомъ читали ихъ и восхищались ими его современники. Текстъ, принятый у Дамаскина, удерживался, и отчасти искажался, послѣдующими изданіями, да и въ превосходномъ изданіи Дамаскина многое и весьма многое напечатано не въ первой редакціи, а во второй, значительно уклоняющейся отъ первоначальной.

Въ настоящемъ изданіи особенное вниманіе обращено на собственноручныя рукописи Ломоносова.

Въ Библиотекѣ Академіи наукъ хранится, какъ мы сказали, драгоцѣнная рукопись Ломоносова, съ которой печаталось первое Собраніе его сочиненій. Рукопись въ листъ, въ бумажномъ переплетѣ; на внутренней сторонѣ его, внизу, надпись стариннымъ почеркомъ: „Изъ типографіи 1756 декабря 3“.

Въ академической библиотекѣ также находятся:

Рукопись № 112, заключающая въ себѣ черновыя бумаги Ломоносова, преимущественно матеріалы для грамматики.

Сборникъ, извѣстный подъ именемъ Свиньинскаго, потому что принадлежалъ издателю Отечественныхъ Записокъ Свиньину и описанъ имъ въ „Извѣстіи о вновь открытыхъ рукописяхъ Ломоносова“, помѣщенномъ въ Отечественныхъ Запискахъ. 1827. Ч. XXXI. стр. 489—494.

Въ Архивѣ Академіи наукъ, именно въ такъ называемомъ Архивѣ Академической Канцеляріи, въ массѣ фоліантовъ, разсыяны рукописи Ломоносова, и въ числѣ ихъ стихотворенія.

При каждомъ произведеніи обозначены въ нашемъ изданіи какъ текстъ, по которому оно печатается, такъ и соотвѣтствующіе варианты. Въ литературной исторіи произведеній Ломоносова варианты имѣютъ важное значеніе. Они знакомятъ съ авторскими приемами вообще; ими же опредѣляется, въ иныхъ случаяхъ, отношеніе произведенія къ современной имъ дѣйствительности. Изученіе рукописей Ломоносова показываетъ, что онъ много работалъ надъ своимъ стихомъ. Независимо отъ многочисленныхъ поправокъ въ рукописи и въ корректурѣ, Ломоносовъ, приводя свои стихи въ томъ или въ другомъ прозаическомъ сочиненіи, обыкновенно дѣлалъ въ нихъ большія или меньшія измѣненія. При новомъ изданіи стихотвореній онъ почти никогда не оставлялъ ихъ въ прежнемъ видѣ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ измѣненія были такъ велики, что являлась новая редакція издаваемого произведенія.

Велѣдъ за вариантами помѣщены объяснительныя примѣчанія и приложения. Общее свойство и самый объемъ примѣчаній опредѣляются историко-литературными соображеніями. Особенно подробны примѣчанія наши къ первымъ по времени стихотвореніямъ Ломоносова: при этомъ мы имѣли въ виду значеніе ихъ въ литературной дѣятельности Ломоносова вообще. Начало ея находится въ связи съ дѣятельностью Тредьяковскаго, и двѣ первыя оды Ломоносова служатъ доказательствомъ побѣды богато одареннаго ученика надъ заслуживающимъ всякаго уваженія учителемъ. Вторая ода Ломоносова, ярко обнаруживая его сильный талантъ, опредѣлила тотъ путь, которымъ пошелъ въ

литературѣ и самъ Ломоносовъ и его многочисленные подражатели. Спорные вопросы, возникшіе по поводу знаменитой оды, не могли быть оставлены безъ разъясненія.

Къ переводамъ и подражаніямъ Ломоносова мы прилагаемъ и подлинники; способъ перевода, удержаніе тѣхъ или другихъ чертъ подлинника, и самый выборъ произведеній, представляютъ несомнѣнный интересъ въ литературномъ отношеніи.

Изданіе сочиненій Ломоносова мы начинаемъ съ его стихотвореній: такой порядокъ опредѣляется значеніемъ ихъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка, и находитъ подтвержденіе въ примѣрѣ какъ самого Ломоносова, такъ и всѣхъ послѣдующихъ издателей его сочиненій.

Стихотворенія Ломоносова расположены нами въ хронологической послѣдовательности. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности опредѣлить ихъ съ несомнѣнною точностью. Приходится поневолѣ ограничиваться приблизительнымъ опредѣленіемъ времени, когда они написаны.

Портретъ, приложенный къ первому тому, снятъ съ портрета-оригинала, бывшаго въ семействѣ Ломоносова и принадлежащаго въ настоящее время потомку Ломоносова, графу Григорію Ивановичу Постицу. Считаемъ долгомъ выразить благодарность графу И. Г. Постицу и графу Г. П. Постицу за участіе въ изготовленіи портрета Ломоносова для нашего изданія.

Собирание петочниковъ—рукописей и первыхъ изданій сопряжено съ чрезвычайными трудностями. Нѣкоторые изъ нихъ исчезли, повидимому, навсегда; другіе находятся въ рукахъ любителей, живущихъ въ различныхъ краяхъ Россіи. Иногда то, чего долго и напрасно искали въ богатыхъ библіотекахъ, общественныхъ и частныхъ, Петербурга и Москвы, неожиданно открывалось въ Красноярскѣ, и т. п. На приглашеніе Академіи сообщать матеріалы отзывались немногіе, но сообщенное ими заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Съ живѣйшею признательностью называемъ имена: А. Ѳ. Бычкова, Н. Н. Толстаго, В. М. Юзефовича и Г. В. Юдина, обязательно подѣлившихся съ нами своими литературными драгоценностями.

Приносимъ искреннюю благодарность за содѣйствіе намъ въ работахъ нашихъ по изданію сочиненій Ломоносова: Л. Н. Майкову, В. Н. Сантову, Н. С. Тихомирову и В. П. Шеміоту.

М. И. Сухомлиновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАИ.
Предисловіе	III—X

1738.

I. Ода Фенелона, переведенная Ломоносовымъ	1—11
Примѣчанія и приложенія	3—28

1739.

II. Ода на взятіе Хотина	12—21
Варіанты, примѣчанія и приложенія	29—101
III. Тетраметры и триметры	22—23
Примѣчанія и приложенія	102—106

1741.

IV. Ода на рожденіе Гоанна III Антоновича	24—31
Примѣчанія и приложенія	107—128
V. Первые трофеи Гоанна III Антоновича (Ода)	32—40
Варіанты и примѣчанія	129—136

*

VI. Ода на день рожденія императрицы Елисаветы Петровны	41—49
Варианты, примѣчанія и приложенія	137—161

1742.

VII. Ода на прибытіе въ С.-Петербургъ герцога голштинскаго (впослѣдствіи императора Петра III)	50—55
Варианты, примѣчанія и приложенія	162—170
VIII. Вторая редакція той же оды	56—61
Варианты и примѣчанія	171—176
IX. Ода на день коронаванія императрицы Елисаветы Петровны	62—85
Примѣчанія и приложенія	177—185
X. Ода на прибытіе императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы въ Петербургъ по коронаціи	86—100
Варианты, примѣчанія и приложенія	186—212

1743.

XI. Ода на день тезоименитства великаго князя Петра Оедоровича	101—105
Варианты и примѣчанія	213—219
XII. Переложеніе псалма 143-го	106—108
Варианты, примѣчанія и приложенія	220—237
XIII. Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ	109—111
Варианты, примѣчанія и приложенія	238—244
XIV. Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ (?)	111—112
Варианты, примѣчанія и приложенія	245—251

1745.

XV. Ода на бракосочетаніе великаго князя Петра Оедоровича и великой княгини Екатерины Алексѣевны	113—120
Варианты и примѣчанія	252—259

1746.

XVI. Ода на день восшествія на престоль импе- ратрицы Елисаветы Петровны	121—128
Варианты и примѣчанія	260—266
XVII. Ода на день рожденія императрицы Елиса- веты Петровны	129—135
Варианты и примѣчанія	267—272
XVIII. Вторая редакція той же оды	135—141
Варианты и примѣчанія	273—275
Ср. Предисловіе	IV.

1747.

XIX. Надпись на иллюминацію въ день тезоиме- нитства императрицы Елисаветы Петровны	142
Варианты, примѣчанія и приложенія	276—282
XX. Надпись на иллюминацію въ день восшествія на престоль императрицы Елисаветы Пет- ровны	143
Варианты, примѣчанія и приложенія	283—287
XXI. Ода на восшествіе на престоль императрицы Елисаветы Петровны	144—153
Варианты и примѣчанія	288—300
XXII. Переложеніе псалма 145-го	153—154

	СТРАН.
Варіанти, примѣчанія и приложенія	301—305
XXII ^a . Переложеніе псалма 116-го	154
Варіанти и примѣчанія	306—307
XXIII. Переложеніе псалма 14-го	154—155
Варіанти и примѣчанія	308—310
XXIV. Изъ Гомера	155—157
Варіанти и приложенія	311—315
XXV. Изъ Анакреона	157—159
Варіанти, примѣчанія и приложенія	316—318
XXVI. Изъ Виргилія	159—163
Варіанти и приложенія	319—326
XXVII. Изъ Горация	164
Варіанти и приложеніе	327—328
XXVIII. Изъ Овидія	165—168
Варіанти и приложенія	329—334
XXIX. Изъ Марціала	169—170
Варіанти и приложенія	335—336
XXX. Изъ Сенеки	171—174
Варіанти и приложенія	337—342
XXXI. „Лишь только дневной шумъ замолкъ“	175—176
Варіанти, примѣчанія и приложеніе	343—345
XXXII. „Жениться хорошо, да много и досады“	177
Варіанти и примѣчанія	346—347
XXXIII. „Послушайте прошу, что старому случилось“	178
Варіанти и примѣчанія	348—351

1748.

XXXIV. Надпись на иллюминацію въ день коронаванія императрицы Елисаветы Петровны	179
Примѣчанія	352—354
XXXV. Надпись на ту же иллюминацію	179

	СТРАН.
Варіанти и примѣчанія	355—358
XXXVI. Надпись на иллюминацію въ день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны	180
Варіанти и приложеніе	359—360
XXXVII. Надпись на иллюминацію въ день восшествия на престоль императрицы Елисаветы Петровны	180
Варіанти и приложенія	361—363
XXXVIII. Ода на день восшествия на престоль императрицы Елисаветы Петровны	181—189
Варіанти и примѣчанія	364—373
XXXIX и XL. Стихи на иллюминацію и фейѳверкѳ „на новый 1749 годѳ“	190
Примѣчанія и приложенія	374—377
XLI. Четверостишіе для календаря на 1749 годѳ	190
Примѣчанія	378—380

1749.

XLII. Переложеніе псалма 103-го	191—193
Примѣчанія, приложенія и варіанты	381—386
XLIII. На иллюминацію въ день рожденія великой княгини (впоследствии императрицы) Екатерины Алексѳевны	194
Примѣчанія и приложенія	387—388
XLIV. Надпись на иллюминацію въ день коронаванія императрицы Елисаветы Петровны	194
Примѣчанія	389—390
XLV. На спускъ корабля: „Александръ Невскій“	195
Варіанти и примѣчанія	391—392
XLVI. Надпись на день восшествия на престоль императрицы Елисаветы Петровны	195

Примѣчанія и приложенія	393—394
XLVII. Надпись на прибытіе императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы въ Петербургъ	196
Варианты и примѣчанія	395—396

1750.

XLVIII. Полидоръ (пиддлія)	197—204
Примѣчанія	397—399
XLIX. Надпись къ статуѣ Петра Великаго	205—207
Варианты и примѣчанія	400—402
I. Надпись на ракъ св. Александра Невскаго	208
Варианты и примѣчанія	403—405
II. Надпись на иллюминацію въ Ораніенбаумѣ	209
Варианты и примѣчанія	406—408
III. Письмо къ П. И. Шувалову	210—211
Примѣчанія	409—411
LIII. Надпись на иллюминацію въ день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны	211
Примѣчанія	412—413
LIV. Ода благодарственная за милость, оказанную въ Царскомъ Селѣ	212—220
Варианты и примѣчанія	414—419
LV. Тамира и Селимъ (трагедія)	221—291
Варианты и примѣчанія	420—436
LVI. Надпись на иллюминацію въ день коронаванія императрицы Елисаветы Петровны	292
Примѣчанія	437—439
LVII. Надпись на иллюминацію въ день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны	292
Варианты и примѣчанія	440—443

	СТРАН.
LVIII. Надпись на иллюминацію въ день рожденія императрицы Елисаветы Петровны	293
Варианты и примѣчанія	444—446
LIX. Надпись на иллюминацію въ повый 1751 годъ	294
Варианты и примѣчанія	447—449
LX. Переложеніе псалма 1-го	295—296
Варианты и примѣчанія	450—452
LXI. Переложеніе псалма 26-го	297—299
Варианты и примѣчанія	453—457
LXII. Переложеніе псалма 34-го	300—304
Варианты и примѣчанія	458—463
LXIII. Переложеніе псалма 70-го	305—309
Варианты и примѣчанія	464—468
LXIV. Ода, выбранная изъ Гоа	310—314
Варианты, примѣчанія и приложения	469—485

1751.

LXV. Надпись на иллюминацію въ день коронованія императрицы Елисаветы Петровны	315
Варианты и примѣчанія	486—488
LXVI. Надпись на маскарады	316—317
Варианты и примѣчанія	489—491
LXVII. Надпись на день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны	317
Варианты и примѣчанія	492—494
LXVIII. Надпись на спускъ корабля: „Іоаннъ Златоустый“	318
Примѣчанія	495—496
LXIX. Надпись на иллюминацію въ день вошествія на престоль императрицы Елисаветы Петровны	319

	СТРАН.
Варианты и примѣчанія	497—499
LXX. Надпись на иллюминацію въ день рожденія императрицы Елисаветы Петровны	320
Примѣчанія	500—501
LXXI. Надпись на новый 1752 годъ	320
Примѣчанія	502—503

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Стихъ.	Напечатано:	Должно быть:
17	157	злится	злился
27	82	Недерскъ	Не дерскъ
29	169	вопскъ	войскъ
75	159	съ ней	съ ней
89	102	странъ.	странъ,
160	40	съ тономъ	съ стономъ
178	5	Прохожій	Прохожей
179	1	зданіе	зданіе
—	2	веселію	веселію
213	21	со мнѣньемъ	сомнѣньемъ
217	143	Твой	Твой
253	766	съ тобою	съ тобой

(ПРИМѢЧАНІЯ).

Строка.			
13	16	<i>спитьми</i>	<i>сптъми</i>
43	19	la tonnerre	le tonnerre
182	40—41	созсателя	создателя
—	43	двоею	своею

I.

ОДА

ФЕНЕЛОНА

ПЕРЕВЕДЕННАЯ

ЛОМОНОСОВЫМЪ

И ПРИСЛАННАЯ ИМЪ ВЪ АКАДЕМІЮ НАУКЪ

ВЪ 1738 ГОДУ.

ODE

Composée par Messire François de Salignac, de la Motte
Fenelon, Archeveque-Duc de Cambray Prince du st. Empire.

1.

Montagnes de qui l'audace
Va porter jusques aux Cieux
Un front d'éternelle glace,
Soutien du sejour des Dieux:
5 Dessous vos têtes chenues
Je cueille au dessus des nues
Toutes les fleurs du Printems;
A mes pieds contre la terre
J'entends gronder le tonnerre
10 Et tomber mille torrens.

2.

Semblables aux monts de Thrace,
Qu'un Geant audacieux
Sur les autres monts entasse
Pour escalader les Cieux,
15 Vos sommets sont des Campagnes
Qui portent d'autres montagnes
Et s'élevans par degrez,
De leurs orgueilleuses têtes
Vont affronter les tempêtes
20 De tous les vents conjurez.

ОДА

Которую сочинилъ Господинъ Франціскъ де Саліньякъ деля
Мотта Фенелонъ, Архіепіскопъ Дюкъ Камбрейскій, Священныя
Рїмскія Імперїи Прїнцъ.

1.

Горы толь что дерзновенно
Вносите верьхи къ звѣздамъ
Льдомъ покрыты беспремѣнно,
Нерушимъ столпъ небесамъ:
5 Вашими подь сѣдинами
Рву цвѣты надъ облаками
Чемъ пестритъ васъ взоръ весны;
Тучи подо мной гремящы
Слышу, и дожди шумящы,
10 Какъ ручьевъ падучихъ тьмы.

2.

Вы горамъ Оракійскимъ равны
Клалъ одну что на другу
Исполинъ отвагой славный
Что бъ взотти небесъ къ верьху.
15 Зрю на васъ поля широки,
Гдѣ съ уступами высоки
Горы, выше облаковъ
Гордыя главы вздымають,
Бурей ярость посрамяють
20 Всѣхъ бунтующихъ вѣтровъ.

3.

Dès que la vermeille Aurore
De ses feux étincelans
Ces vertes montagnes dore
Les tendres agneaux bèlans
25 Errent dans les pâturage;
Bientôt les sombres bocages
Plantes le long des ruiseaux
Et que les Zephirs agitent,
Bergers et troupeaux invitent
30 A dormir au bruit des eaux.

4.

Mais dans ce rude paysage
Où tout est capricieux
Et d'une beauté sauvage
Rien ne rapelle à mes yeux
35 Les bords que mon fleuve arrose
Fleuve, où jamais le vent n'ose
Les moindres flots soulever:
Où le Ciel serain nous donne
Le Printems après l'Automne
40 Sans laisser place à l'Hiver.

5.

Solitude où la riviere
Ne laisse entendre aucun bruit
Que celui d'une onde claire,
Qui tombe, écume et s'enfuit:
45 Où deux Iles fortunées
Des rameaux verts couronnées,
Font pour le charme des yeux
Tout ce que le coeur desire:
Que ne puis-je avec ma Lyre
50 Te chanter du chant des Dieux!

3.

Какъ на сихъ горахъ червленой
Начинаеть видъ зари
Сыпать по травѣ зеленой
Злато, искры и огни,
25 Скачють на лугахъ ягнята,
То гдѣ лыва кустовата
По истокамъ вдоль ростѣють,
Зѣфиръ древъ верьхи качаетъ
Съ пастухами призываетъ
30 Спать стада при шумѣ водъ.

4.

Но съ пригожствомъ на утрюмой
Нѣтъ тово на сей земли,
Что бъ я зрилъ очми и думой
Бреги какъ моей рѣки
35 Тихимъ токомъ орошенны,
Гдѣ не смѣють устремленны
Вѣтры волнъ когда взбудить.
Гдѣ всегда погода ясна,
Съ осенью весна прекрасна
40 Не пускають зиму жить.

5.

Пустыня, гдѣ быстриною
Стрѣлжъ моей рѣки шумить
Чистой только лишъ водою,
Спѣшно пѣнючись бѣжитъ.
45 Гдѣ два острова прекрасны
Какъ щастливы вѣтвми рясны
Зраку могутъ радость дать
Серце каковой желаетъ:
Лѣра что моя незнаеть
50 Пѣснь тебѣ Боговъ испѣвать!

6.

Du Zephir la douce haleine,
Qui reveroit nos buissons,
Fait sur le dos de la plaine
Flotter les jaunes moissons,
55 Dont Cerès remplit nos granges.
Bacchus lui-même aux vendanges
Vient empourprer le raisin,
Et du panchant des collines
Sur les campagnes voisines
60 Verse des fleuves de vin.

7.

Je voi au bout des campagnes.
Pleines de sillons dorez,
S'enfuit vallons et montagnes
Dans des lointains azurez,
65 Dont la bizarre figure
Est un jeu de la nature.
Sur les rive du canal,
Comme en un miroir fidele
L'Horizon se renouvelle
70 Et se peint dans ce cristal.

8.

Avec les fruits de l'Automne
Sont les parfums du Printems,
Et la vigne se couronne
De mille festons pendans.
75 Le fleuves aimant les prairies.
Qui dans les Iles fleuries
Ornent ses canaux divers
Par des eaux ici dormantes
Là rapides et bruiantes
80 En baigne les tapis verds.

6.

Вѣтръ отъ Запада пріятно
Въ нашихъ вѣетъ тихъ лѣсахъ,
И волнуетъ многократно
Желты класы на поляхъ
55 Полнитъ чемъ Цереса гумна.
Сила Бакхусова шумна
Обагретъ виноградъ,
Со пригоровъ, что высоки,
Многи льютъ вина потоки,
60 На поля тѣ въ низъ бѣжать.

7.

За полями гдѣ ужъ спѣетъ
Даръ Цересы золотой
Горь порядокъ чуть синѣетъ
Долы скрыты далиной,
65 Дивны этихъ все фигуры
Только лишь игра природы
При своихъ брегахъ каналъ
Такъ какъ зеркало правдиво
Горизонтъ являетъ живо
70 Чистой тотъ въ себѣ кристалъ.

8.

Вдругъ съ осенними плодами
Сладокъ духъ даетъ весна,
Тьмою виноградъ кистями
Краситъ увѣнчавъ себя.
75 Тутъ луга рѣкѣ пріятны
Въ островахъ цвѣтами знатны
Дѣлаютъ различны рвы;
Тихо идутъ тѣ здѣсь спящы,
Скоро тамъ текутъ шумящы,
80 Мочатъ злачныя ковры.

9.

Dansant sur les violette
Le Berger mêle sa voix
Avec le son des musette
Des flutes et des haut-bois:
85 Oiseaux par votre ramage
Tous soucis dans ce bocage
De tous coeurs sont éfacez.
Colombes et tourterelles
Tendres, plaintives, fideles,
90 Vous seules y gemisser.

10.

Une herbe tendre et fleurie
M'offre des lits de gazon,
Une douce reverie
Tien mes sens et ma raison.
95 A ces charmes je me livre,
De ce Nectar je m'enivre,
Et les Dieux en sont jaloux;
De la Cour flateurs mensonges
Vous ressemblez à mes songes
100 Trompeurs comme eux, mais moins doux.

11.

A l'abri des noirs orage,
Qui vont foudroier les Grands,
Je trouve sous ces feuillage
Un azile en tous les tems.
105 Là pour commencer à vivre
Je puise seul et sans livre
La profonde verité.
Puis la fable avec l'histoire
Viennent peindre à ma mémoire
110 L'ingenuë Antiquité.

9.

На фіялкахъ и былинкахъ
Съ пляской Пастухи поють,
И играютъ на волынкахъ,
Посвистомъ флейтъ воздухъ бьютъ:
85 Вашъ сердца тонъ услаждаетъ,
Птицы, скуку прогоняетъ
Звонокъ въ роцѣ сей густой.
Горлицы со голубями
Жалкими въ голосахъ
90 Восхищаете духъ мой.

10.

Мяжкой вмѣсто мнѣ перины
Нѣжна, зелена трава
Слаткой думой бесъ кручины
Веселится голова.
95 Сей забавой наслаждаюсь,
Нектаремъ симъ упиваюсь,
Боги въ томъ завидятъ мнѣ;
Лжы что при Дворахъ частыя
Вы какъ сны мои пустыя,
100 Васъ пріятнѣ только тѣ.

11.

Грозныхъ тучъ не опасаюсь
Гордость что владыкъ разятъ,
Подъ листьями покрываюсь
Тѣ всегда меня хранятъ.
105 Что бы жить мнѣ здѣсь начати
И бесъ книги почерпнати
Саму Истину могу.
А потомъ мнѣ повѣсть знатна
Пишетъ, Басня и пріятна
110 Въ память умну Старину.

12.

Des Grecs je voi le plus sage
Jotiet d'un indigne sort,
Tranquille dans son naufrage
Et circonspect dans le port.
115 Vainqueur des vents en furie
Pour sa sauvage patrie,
Des Grands il fuit les plaisirs:
O combien de mon bocage
Le calme, le frais, l'ombrage
120 Bornent mieux tous mes desirs.

13.

Je goute loin des allarmes
Des Muses l'heureux loisir:
Rien n'expose aux bruit des armes
Mon silence et mon plaisir.
125 Mon coeur content de ma Lyre
A nul autre honneur n'aspire
Qu'à chanter un si doux bien.
Loin, loin trompeuse fortune,
Et toi faveur importune,
130 Le monde entier ne m'est rien.

14.

En quelque climat que j'erre,
Plus que tous les aùtres lieux,
Cet heureux coin de la terre
Me plât et rit à mes yeux.
135 Là pour couronner ma vie
La main d'une Parque amie
Fitera mon dernier jour.
Là reposera ma cendre
Là Tyrsis viendra repandre
140 Les pleurs dûs à notre amour.

12.

Быль изъ Елліновъ мудрѣйшій
Лживыя фортуны смѣхъ,
Въ портахъ разумомъ острѣйшій,
Въ буряхъ непужливый всѣхъ.
115 Пылкихъ вихрей побѣдитель
Отчизны своей любитель
Роскошей чюжался сей.
О мои коль могутъ кусты
Хладны, тихи, дать, и густы
120 Похоти предѣль моей.

13.

Здѣсь при Музахъ во щастливой
Слатко тишинѣ живу:
Отъ войны всегда бурливой
Мѣлча весель не дрожу.
125 Серце радостно при лѣрѣ
Не желая чести въ мѣрѣ
Щастье лишъ свое поеть.
Прочь фортуна прочъ спесива,
И твоя вся милость лжива,
130 Ни во что вмѣняю свѣтъ.

14.

Гдѣбѣ мнѣ толь забавно было,
Мѣста я сыскать немогъ,
Мысль мою бѣ такъ взвеселило,
Сей земли какъ уголокъ.
135 Парка жизнь мою скончаетъ
Мирно здѣсь, и увѣнчаетъ,
День послѣдней допрядѣтъ;
Прахъ мой будетъ почивати.
Тѣрсь любви чтобъ долгъ воздати
140 Надо мной слезъ токъ прольѣтъ.

M. Lomonosoff.

II.

ОДА,

Блаженные памяти Государынѣ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ
на побѣду надѣ Турками и Татарами и на взятіе Хотина
1739 года.

1.

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведеть на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ:
Въ долинѣ тишина глубокой.
5 Внимая нѣчто ключъ молчить,
Которой завсегда журчить
И съ шумомъ въ низъ съ холмовъ стремится.
Лавровы выютея тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во все концы:
10 Далече дымъ въ поляхъ курится.

2.

Не Пиндъ ли подѣ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ Музыку!
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку носѣнно къ оныхъ лику.
15 Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и все забудь труды:
Умой росой Кастильской очи.
Черезъ стень и горы взоръ простри.
И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
20 Гдѣ веходитъ день по темной ночи.

3.

Корабль какъ ярыхъ волнь среди,
Которыя хотять покрыти,
Бѣжить, срывая съ нихъ верьхи,
Претить съ пути себя склонити;
25 Съдая пѣна вокругъ шумить;
Въ пучинѣ слѣдъ его горить;
Къ Россійской силѣ такъ стремятся.
Кругомъ объѣхавъ тьмы Татарь;
Скрываетъ небо конской парь!
30 Чтожь въ томъ? стремглавъ безъ дунь валятся.

4.

Крѣшить отечества любовь
Сыновъ Россійскихъ духъ и руку;
Желаеть всякъ пролить всю кровь.
Отъ грознаго бодрится звуку.
35 Какъ сильный левъ стада волковъ.
Что кажутъ острыхъ ядъ зубовъ,
Очей горящихъ гонить страхомъ?
Отъ реву лѣсъ и брегъ дрожить,
И хвостъ песокъ и пыль мутить,
40 Разить извившись сильнымъ махомъ.

5.

Не мѣдъ ли въ чревѣ Етны ржетъ.
И съ сѣрою кипя, клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ
И челюсти разинуть хочетъ?
45 То родъ отверженной рабы,
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металтъ и пламень въ долъ бросаетъ.
Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ среди болотъ
50 Черезъ быстрой токъ на огонь дерзаетъ.

6.

За холмы, гдѣ паляща хлябь
Дымъ, пепель, пламень, смерть рыгаеть,
За Тигрь, Стамбуль, своихъ заграбь.
Что камни съ береговъ здираеть;
55 Но чтобъ орловъ здержать полѣтъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Имъ воды, лѣсъ, бугры, стремнины,
Глухія степи равень путь.
Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
60 Проступятъ тамъ полкѣ орлины.

7.

Пускай земля какъ Понтъ трясеть.
Пускай вездѣ громады стонуть,
Премрачный дымъ покроеть свѣтъ.
Въ крови Молдавски горы тонуть:
65 Но вамъ не можетъ то вредить,
О Россы, васъ самъ рокъ покрытъ
Желаеть для щастливой Анны.
Уже вашъ къ Ней усердный жаръ
Быстро проходитъ сквозъ Татаръ
70 И путь отворенъ вамъ пространный.

8.

Скрываетъ лучъ свой въ волны день.
Оставивъ бой ночнымъ пожарамъ;
Мурза упалъ на долгу тѣнь;
Взять кунно свѣтъ и духъ Татарамъ.
75 Изъ лывъ густыхъ выходитъ волкъ
На блѣдный труиъ въ Турецкѣй полкъ.
Иной въ послѣдни видя зорю:
Закрой, кричитъ, багряной видъ.
И кунно съ нимъ Магметовъ стыдъ:
80 Снүстись поспѣшно съ солнцемъ къ морю.

9.

Что такъ тѣснить боязнъ мой духъ?
Хладнѣють жилы, сердце ноетъ!
Что бѣетъ за странной шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ!
85 Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
Небесная отверзлась дверь;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился;
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицомъ;
Умытымъ кровію мечемъ
90 Гоня враговъ, Герой открылся.

10.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Рассыпалъ вредны Россамъ стѣны?
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны?
95 Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ Готѣскимъ приплывалъ брегамъ,
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрой конь Его скакалъ,
Когда Онъ тѣ поля топталъ,
100 Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

11.

Кругомъ Его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ.
105 Кто съ нимъ толь грозно зреть на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вокругъ?
Никакъ Смиритель странъ Казанскихъ?
Каспійски воды, Сей при васъ
Селима гордаго потрясъ,
110 Наполнилъ степь головъ поганскихъ.

12.

Герою молвилъ тутъ Герой:
Нетщечно я съ тобой трудился,
Нетщетенъ подвигъ мой и твой
Чтобъ Россювъ цѣлой свѣтъ страшился.
115 Чрезъ насъ предѣль нашъ сталъ широкъ
На сѣверъ, западъ и востокъ.
На югъ Анна торжествуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдой сей.
Свилася мгла, Герои въ ней;
120 Не зрять ихъ око, слухъ нечуеъ.

13.

Крутить рѣка Татарску кровь,
Что протекала между ними:
Не смѣя въ бой пуститься вновь,
Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми,
125 Забывъ и мечъ и станъ и стыдъ,
И представляетъ страшный видъ
Въ крови друзей своихъ лежащихъ.
Ужè трягнувшись легкой листъ
Страшитъ его какъ ярый свистъ
130 Быстро сквозь воздухъ ядръ летящихъ.

14.

Шумить съ ручьями боръ и доль:
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушоль,
Бонится собственнаго слѣда.
135 Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночью,
Звучить во веѣхъ земляхъ трубой,
140 Коль Росская ужасна сила.

15.

Вливаясь въ Понтъ Дунай реветъ,
И Россовъ плеску отвѣщаетъ;
Ярясь волнами Турка льетъ,
Что стыдъ свой за него скрываетъ.
145 Онъ рыщетъ какъ пронзенный звѣрь,
И чаеть что ужè теперь
Въ послѣдней разъ заноситъ ногу.
И что земля его носить
Не хочетъ, что не могъ покрыть.
150 Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.

16.

Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злость на сѣверны края?
Стамбуль, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
155 Ты лишь своимъ велѣль ступить,
Насъ тотъ часъ чаяль побѣдить;
Янычаръ твой свирѣпо злится,
Какъ Тигръ на Росскій полкъ скакаль.
Но что? внезапно мертвъ упаль,
160 Въ крови своей пронзенъ залился.

17.

Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
Что васъ, Агаряне, попрала,
Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
Мечемъ кровавымъ показала.
165 Великой Анны грозной взоръ
Отраду дать просящимъ скорь;
По страшной тучи воссяетъ,
Къ себѣ повинность вашу зря.
Къ своимъ любовію горя,
170 Вамъ казнь и милость обѣщаетъ.

18.

Златой ужè денницы перстъ
Завѣсу свѣта вскрыль съ звѣздами;
Отъ востока скачетъ посту вереть,
Пуская искры конь ноздрями.
175 Лицемъ сїяетъ Фебъ на томъ.
Онъ пламеннымъ потрясъ верхомъ:
Преславно дѣло зря, дивится:
Я мало таковыхъ видалъ
Побѣдъ, коль долго я блисталь
180 Коль долго кругъ вѣковъ катится.

19.

Какъ въ клубъ змїя себя крутить,
Шипить, подъ камень жало кроетъ,
Орель когда шумя летитъ,
И тамъ парить, гдѣ вѣтръ не воесть;
185 Превыше молній, бурь, снѣговъ,
Звѣрей онъ видитъ, рыбъ, гадобъ.
Предъ Росской такъ дрожитъ Орлицей.
Стѣсняетъ внутрь Хотинъ своихъ.
Но что? въ стѣнахъ ли можетъ сихъ
190 Предъ сильной устоять Царицей.

20.

Кто скоро толь тебя, Калчакъ,
Учитъ Россійской вдатся власти,
Ключи вручить въ подданства знакъ.
И большей избѣжать напасти?
195 Правдивой Аннинъ гнѣвъ велить,
Что надшихъ передъ ней щадить.
Ея взошли и тамъ оливы,
Гдѣ Вислы токъ, гдѣ славный Ренъ,
Мечемъ противникъ гдѣ смиренъ,
200 Извергли духъ сердца кичливы.

21.

О какъ красуются мѣста,
Что иго лютое збросили,
И что на Туркахъ тягота,
Которую отъ нихъ носили;
205 И варварскія руки тѣ,
Что ихъ держали въ тѣснотѣ,
Въ полонѣ ужѣ несутъ оковы;
Что ноги узами звучать,
Которы для отгнанья стадь
210 Чужи поля топтать готовы.

22.

Не вся твоя тутъ, Порта, казнь,
Не такъ тебя смирать достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить намъ недала покойно.
215 Еще высокихъ мыслей страсть
Претигъ тебѣ предъ Анной пасть?
Гдѣ можешь ты отъ ней укрыться?
Дамаскъ, Каиръ, Алеппъ згоритъ;
Обставятъ Росскимъ флотомъ Критъ;
220 Евфратъ въ твоей крови смутится.

23.

Чинить премѣну что во всемъ?
Что очи блескомъ проникаетъ?
Чистѣйшимъ съ неба что лучемъ
И дневну ясность превышаетъ?
225 Героевъ слышу весель кликъ!
Одѣянъ въ славу Аннинъ ликъ
Надъ звѣздны вѣчность возноситъ круги;
И правда взявъ перо злато,
Въ нетлѣнной книгѣ пишетъ то,
230 Велики коль Ея заслуги.

24.

Витѣйство, Пиндаръ, устѣ твоихъ
Тяжчаебѣ Ѡивы обвинили;
За тѣмъ что о побѣдахъ сихъ
Онибѣ громчае возгласили,
235 Какъ прежде о красѣ Аѳинъ:
Россія какъ прекрасный кринъ
Цвѣтетъ подѣ Анниной державой.
Въ Китайскихъ чтутъ Ее стѣнахъ,
И свѣтъ во всѣхъ своихъ концахъ
240 Исполненъ храбрыхъ Россовъ славою.

25.

Россія, коль щастлива ты
Подѣ сильнымъ Аннинымъ Покровомъ!
Какія видишь красоты
При семъ торжествованьи новомъ!
245 Военныхъ нестрашися бѣдъ:
Вѣжитъ отгуду бранный вредъ,
Народъ гдѣ Анну прославляетъ.
Пусть злобна зависть ядъ свой льетъ.
Пусть свой языкъ, яряе, грызетъ;
250 То наша радость презираетъ.

26.

Козацкихъ полъ заднѣстрекѣ татъ,
Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ развѣянъ,
Несмѣетъ больше ужъ топтать,
Съ иппеницѣй гдѣ покой насѣянъ.
255 Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ,
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Ни гдѣ незналъ плывя, препятства.
Красуется великъ и малъ;
Жить хочетъ вѣкъ, кто въ гробъ желать:
260 Влекутъ къ тому торжествъ изрядства.

27.

Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходить;
Пришедъ, овецъ пасетъ гдѣ другъ,
Съ нимъ пѣсню новую заводитъ.
265 Солдатску храбрость хвалить въ ней,
И жизни часть блажить своей,
И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спитъ;
И Ту, что отъ враговъ хранитъ,
270 Простымъ усердемъ прославляетъ.

28.

Любовь Россіи, страхъ враговъ,
Страны полночной Героиня,
Седми пространныхъ морь береговъ
Надежда, радость и Богиня,
275 Велика Анна, Ты добротъ
Сіяешь свѣтомъ и щедротъ:
Прости, что рабъ твой къ громкой славѣ,
Звучить что крѣпость силъ Твоихъ,
Придать дерзнулъ не красной стихъ
280 Въ подданства знакъ Твоей державѣ.

III.

Тетраметры, изъ Анапестовъ и Ямбовъ сложенные:

На восходѣ солнце какъ зардится,
Вылетаетъ вспылчиво хищный Востокъ,
Глаза кровавы, самъ вертится;
Удара не сноситъ Сѣверъ въ бокъ,
5 Господство даетъ своему побѣдителю,
Пресильному водъ морскихъ возбудителю.
Свои тотъ зыби на прежни возводитъ,
Являетъ полность силы своей,
Что южной страной владѣетъ всей,
10 Индійски быстро острова проходить.

Вольные встающіе Тетраметры:

Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина,
Однако съ нимъ любовь моя.
Хоть я не самъ тоя причина,
Люблю Миртиллу, какъ себя.

Вольные падающіе Тетраметры:

Нимфы околъ насъ кругами
Танцовали поючи,
Всплескиваячи руками,
Нашей искренной любви
5 Веселися привѣчали,
И цвѣтами насъ вѣнчали.

Ямбическіе Триметры:

Весна тепло ведіо́тъ,
Пріятной Западъ вѣтъ,
Всю землю солнце грѣтъ;
Въ моемъ лишь сердцѣ лѣдъ,
5 Грусть прочь забавы бы́отъ.

IV.

ОДА

которую въ торжественный праздникъ высокаго рожденья Всепресвѣтлѣйшаго Державнѣйшаго Великаго Государя Іоанна Третьяго, Императора и Самодержца Всероссійскаго 1741 года Августа 12 дня веселящаяся Россія произносить.

1.

Нагрѣты нѣжнымъ воды югомъ,
Струи полденныхъ теплы рѣкъ,
Ликуйте свѣтло другъ предъ другомъ:
Златой начался снова вѣкъ.
5 Всегдашнимъ льдомъ покрыты вѣлны,
Скачите нынѣ веселья полны,
Въ берегахъ чините весель шумъ.
Повсюду вѣйте вѣтры радость,
Въ Невѣ пролейся меда сладость:
10 Іоанновъ нектаръ пьеть мой умъ.

2.

Однако нѣтъ, мой предѣлы,
Смущать не смѣйте молодой Слухъ.
Холмовъ верхи полночныхъ бѣлы,
Откуда вѣетъ хладной духъ,
15 Въ любви со страхомъ тихо тайте,
Покой Моей Надеждѣ дайте.
Вздержите быстрой рѣкѣ токъ,
Тихонько внизъ теча молчите,
Подъ мой лишъ ниской стихъ журчите.
20 Умолкни западъ, сѣверъ, востокъ.

3.

Породы Царской Вѣтвь прекрасна,
Моя Надежда, Радость, Свѣтъ,
Щастливыхъ дней Аврора ясна,
Монархъ, Младенецъ райской Цвѣтъ,
25 Позволь Твоей рабѣ низкайшей
Въ Твой новой годъ пѣть стихъ тишайшей.
Чѣмъ больше я росой кроплюсь
Съ Парнасскихъ что верховъ стекаетъ;
Жарчаѣ тѣмъ любовь пылаетъ.
30 Къ Тебѣ сильнѣ той налюсь.

4.

Щѣлую Васъ Вы щедры Очи,
Небесной въ коихъ блещетъ лучъ.
Какъ дни при Васъ свѣтлы мнѣ нѣчи,
Чистъ воздухъ мнѣ во время тучъ.
35 Послушны Вамъ стихіи сами.
Пресѣкъся вихрей бѣгъ съ громами.
[Коль щастливъ сихъ восходъ Планетъ.]
Отъ Васъ мои нагрѣты груди,
И Ваши всеѣ подданны люди,
40 Что просятъ Вамъ нечетныхъ лѣтъ.

5.

Щѣлую Ручки, что къ державѣ,
Природа мудра въ свѣтъ дала,
Которы будутъ въ громкой славѣ
Мечемъ страшить и гнать врага.
45 Отъ теплыхъ ужъ береговъ Азійскихъ
Вселенной часть до водъ Балтійскихъ
Въ объятіи Вашемъ вся лежитъ.
Лишь только Перстигъ Вашъ погнется,
Народъ бесчисленъ вдругъ зберетъ,
50 Готовъ итти куда велить.

6.

Вы Ножки, что лобзать желаютъ
Давно уста высокихъ лицъ:
Подданства знаки Вамъ являютъ
Языки многи, павши ницъ.
55 Въ Петровъ и Аннинъ слѣдъ вступите,
Противныхъ дерзость всѣхъ стопчите;
Прямой покажетъ правда путь:
Вась храбрость надъ луной поставитъ.
И въ тѣхъ земляхъ меня прославитъ,
60 О коихъ нынѣ нигдѣ нечуть.

7.

Земли пусти таки цвѣточки,
Здивиться Флорѣ чтобъ самой;
Жемчюгабъ чище ихъ листочки.
И златобъ ниже тѣхъ цѣной.
65 Пріятной духъ дай имъ Цейлоновъ.
Натура выше встань законовъ,
Роди, что выше силъ твоихъ.
Съ веселѣмъ Нимфы тѣ щиплите,
И съ лавромъ ихъ въ вѣнцы сплѣтите,
70 Во знакъ побѣдъ, утѣхъ драгихъ.

8.

Господствуй радость ты едина
Надъ Властью толь широкихъ странъ.
Но мышлю, придетъ лишь година.
Познаешь какъ что врагъ погранъ
75 Твоихъ удачами славныхъ Дѣдовъ.
Что страны тѣ у всѣхъ сосѣдовъ;
Заплачешь какъ Филишовъ сынъ.
Ревнивы слѣзы будутъ литься.
Но Твой веселѣмъ плачь скончится.
80 Монархъ: то было лишь починъ.

9.

Что сердце такъ мое пронзаетъ?
Не дерскъ ли то Гигантъ шумить?
Не горыль съ мѣсть своихъ толкаетъ?
Холмы сорвавши въ твердь разить?
85 Край небесъ ужè трясутся!
Пути обычны звѣздъ мигутся!
Никакъ ярится Антей злой!
Не Пиндъ ли онъ на Осеу ставить?
А Этна верхъ Кавкасской давить?
90 Не Солнце ль хочеть снять рукой?

10.

Проклята гордость, злоба, дерзость,
Въ чудовище одно срослись;
Высоко имя скрыло мерзость,
Слѣпой талантъ пустиль взнестись!
95 Велить себя въ неволю славить,
Престоль себѣ надъ звѣзды ставить.
Превысить хочеть вышню Власть.
На мой животъ ужь зубы скалить:
Злодѣйства кто его не хвалить,
100 Погрязнетъ скоро въ мрачну пасть.

11.

Но зрю съ весельемъ чудо славно,
Дивные нежъ Алцидъ чиниль;
Какъ онъ лишь былъ рожденъ недавно,
Скрутивъ змѣямъ главы сломиль.
105 Мой Императоръ громъ примаеть,
На гордость Свой перунъ бросаетъ;
Внезапно пала та стремглавь,
Съ небесъ какъ древня въ адъ денница:
За рай ужь держитъ ту темница.
110 Ну, гдѣ же твой кичливой нравъ?

12.

Исчезли все затѣи лишны,
Ужасныхъ нѣтъ во мнѣ премѣны:
Вездѣ веселы клики слышны:
МОНАРХЪ Нашъ сильныхъ двухъ колѣнъ.
115 Одно мое, чемъ я толь славна;
Россіанъ храбрость гдѣ не явна?
Друго Германско, съ коимъ Римъ
Войну едва дерзаль начати,
Весь свѣтъ побивъ, не могъ стояти
120 Въ бою. Тейтонъ, съ полкомъ твоимъ.

13.

Разумной Гостомысль при смерти
Крѣпиль Князей советомъ зборъ:
Противныхъ чтобъ вамъ силу стерти,
Живите въ дружбѣ, бойтесь ссоръ.
125 Къ брегамъ Варяжскихъ водъ сходите,
Мужей премудрыхъ тамъ просите,
Моглибъ которы править васъ.
Послы мои туда сходили,
Откуда Рурикъ, Труворъ были.
130 Съ Синавомъ три Князья у насъ.

14.

Не славныль стали ихъ потомки?
Великъ былъ Игорь, хоть и младъ;
Дѣла его при Понтѣ звонки,
Дрожалъ предъ нимъ и самъ Царьградъ.
135 Устроиль внукъ меня краснае,
Открылъ мнѣ полдня свѣтъ яснае,
Кумировъ мерскихъ мракъ прогналъ.
Ревнивъ Донской что Дмитрей дѣтъ?
Татарска кровь въ Дону багрѣтъ:
140 Мамай, кудабъ уйти, не зналъ.

15.

Молчу заслуги, что недавно
Чинила Царска мнѣ любовь,
Твое колю Рурикъ, племя славно!
Коль мнѣ твоя полезна кровь!
145 Оттудужь нынѣ взонло Свѣтило,
Откуда прежде щастье было.
Спѣшите скоро тѣ лѣта,
Когда увижу что желаю.
О младомъ Свѣтѣ больше чаю,
150 Нежъ предковъ слава мнѣ дала.

16.

Съ желаньемъ радость чувства долить;
Пронзаетъ очи страненъ лучъ!
Незнаемъ шумъ мой слухъ неволить;
Вручаетъ вѣчность мнѣ свой ключъ.
155 Отмкнулась дверь, поля открылись,
Предѣловъ нѣтъ, гдѣбъ тѣ кончились.
Полковъ лишь нашихъ слышенъ плескъ.
Отъ устья быстрыхъ струй Дунайскихъ
До самыхъ ускихъ мѣсть Ахайскихъ
160 Меча Россійска виденъ блескъ.

17.

Боязнь трясеть Хинейски стѣны;
Геонъ и Тигръ теряютъ путь,
Подъ горы льются полны пѣны.
Всегдашней востокъ не смѣетъ дуть.
165 Индйскихъ трубятъ водъ Тритоны
Предъ тѣмъ, что имъ дастъ законы.
Онъ скиптръ склонилъ среди валовъ,
Упалъ предъ младымъ ницъ Героемъ,
Что молвилъ, войскъ идя предъ строемъ:
170 Сколь много есть впереди свѣтовъ?

18.

Что я пою воински звуки,
Которы быть хотятъ потѣмъ?
Пора воздѣтъ на небо рѣки.
Просить о здравьѣ то драгомъ.
175 Чего Гоанну я желаю.
Твои щедроты, Боже знаю,
Что пролить ты во мнѣ предъ симъ.
Твоей Главу покрой рукою,
Котору ты мнѣ далъ къ покою.
180 Къ веселью людямъ вѣмъ твоимъ.

19.

Надежда, Свѣтъ, Покровъ, Богиня
Надъ пятой частью всей земли.
Велика сѣвера Княгиня.
Языковъ больше дватцати
185 Премудрой правишь Что рукою,
Монарха тѣхъ держишь другою.
Любовь моихъ, противныхъ Страхъ.
Возри на то пренедрымъ окомъ,
Въ подданствѣ ревность что глубокомъ
190 Воспѣтъ дерзнула въ сихъ стонахъ.

20.

Хотябъ Гомеръ стихомъ парящій
Что древнихъ Еллинъ мочь хвалилъ.
Ахиллъ въ бою какъ огонь палящій
Искусствомъ чѣмъ описанъ былъ,
195 Моихъ увидѣлъ дней изрядство.
На Пиндѣ взойтибъ нашолъ препятство:
Бессловенъ былъ егобъ языкъ
Къ хвалѣ Твоихъ добротъ прехвальныхъ,
И къ славѣ, что въ предѣлахъ дальныхъ
200 Гремить, коль разумъ Твой великъ.

21.

Торжественъ шумъ мой гласъ скрываетъ,
Скончатъ некрасной стихъ пора.
Однако мысль Тебѣ желаетъ
Нещетныхъ благъ отъ всѣхъ Творца
205 Съ Твоимъ Светлѣйшимъ въ вѣкъ Супругомъ,
Всего Которой свѣта кругомъ
Достоинъ толь, какъ Ты, владѣть.
Дай Богъ! драго чтобъ Ваше племя
Во мнѣ простерлось въ вѣчно время,
210 И Вамъ Сыновнихъ Внуковъ зрѣть.

Л.

V.

Первые Трофеи Его Величества Юанна III. Императора и Самодержца Всероссийскаго чрезъ преславную надъ Шведами побѣду Августа 23 дня 1741 года въ Финландїи поставленные, и въ высокій день тезоименитства Его Императорскаго Величества Августа 29 дня 1741 года въ торжественной одѣ изображенные отъ всеподданнѣйшаго раба Михайла Ломоносова.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ,
1741 года.

ОДА

..... Vivite Fortes,
Fortiaque adversis exponite pectora rebus.
Horatius.

1.

Россійскихъ войскъ хвала растетъ,
Сердца продерески страхъ трясетъ,
Младой Орелъ ужъ льва терзаетъ;
Прежъ нежелъ ждали, слышимъ вдругъ
5 Побѣды знакъ, палящій звукъ.
Россія вновь трофеей вздымаетъ
Въ другой на Финскихъ разъ поляхъ.
Свой ядъ премерску зависть травитъ,
Въ неволю тая храбрость славитъ,
10 Въ Россійскихъ зрила что полкахъ.

2.

Оставивъ шумъ войны*) Градивъ,
Израненъ весь, избить, чуть живъ,
Къ полочнымъ съ южныхъ странъ склонился,
Искалъ къ покою горъ, пещерь,
15 У Финскихъ спать залегъ озеръ,
Тростникъ подславъ, травой покрылся:
Теперь ужъ, молвить, я вздохну:
Изойдутъ язвы толь глубоки.
Въжите брани прочь жестоки,
20 Ищите вамъ мою**) сестру.

3.

Кровавы очи лишь сомкнулъ,
Внезапно тихъ къ себѣ почувъ
Приходъ Венеры и Діаны.
Лилѣи стали въ раны класть,
25 Впустили въ нихъ лечебну масть,
Смѣшавши ту съ водой Секваны:
Ахъ встань, прехраброй воинъ, встань,
О старой нашей вспомни дружбѣ,
Вступи къ твоей некосно службѣ,
30 Внеси въ Россію ташку брань.

4.

Вскочилъ какъ яръ изъ ложа левъ,
Колелеть странъ предѣлы ревъ.
Не такъ на верхъ высокой Эты
Поднявшись***) братъ его шумѣлъ,
35 Какъ ядъ внутри его кинѣлъ.
Ужъ дѣйства есть его примѣты.

*) Марсъ.

**) Беллону.

***) Геркулесь.

Мутятся смежны намъ брегà.
Стокгольмъ подобнымъ пьянствомъ шумень,
Уязвленъ злобой, стальъ безумень,
40 Отмкнуть велить войны врата.

5.

Но что за вѣтръ съ вечернихъ странъ
Прониретва васъ закрылъ въ туманъ?
Не зрела чтобъ того Россія,
Что вашихъ войскъ приходъ значить?
45 За чемъ вашъ зборъ у насъ стойтъ?
Въ закрытыѣ видны мысли злыя,
Въ шерсти овечьей знатенъ волкъ.
Хоть Аннинъ зракъ отъ насъ высоко:
Вторая есть, Которой око
50 Зрить, твой къ чему намѣренъ полкъ.

6.

Къ предѣламъ нашимъ чтожъ пришли?
Надежда кажетъ что впреди?
Надежда нынѣ вамъ не лжива!
Къ себѣ васъ та земля влечетъ,
55 Въ которой медъ съ млекою течетъ?
Нужь впредь; пройдите! нѣтъ и дива!
Ветъ вы почти ужъ такъ въ Раю.
Коль блиско наша къ вамъ столица!
Но ближе тѣмъ парить Орлица,
60 Что править Свой полѣтъ ко льву.

7.

Не самъ ли съ вами есть Нимвродъ,
Собрался весь гдѣ вашъ народъ?
Что землю онъ прилѣжно роетъ?
Воздвигнуть хочетъ столпъ и градъ?
65 Рушить прямой натуры рядъ?
Ужасну въ свѣтѣ вещь откроетъ!

Всѣ ждуть, чего не знаютъ ждать.
Да чтожъ увидимъ мы за диво?
Колѣно хочетъ то кичливо
70 Другу́ Полтаву тутъ создатьъ.

8.

Смотри тышка коль Шведовъ страсть,
Коль имъ страшна Россійска власть.
Куда хотятъ, того не знаютъ.
То тянуть, то втыкають мечъ,
75 То нашъ грозятся миръ пресѣчь,
То оной въ вѣкъ хранить желаютъ.
Чинятъ то умысль намъ жесто́къ.
Хотятъ намъ желчи быть горяче,
То воску сердце ихъ мяхчае;
80 Однако васъ сыскалъ свой рокъ.

9.

Противу вѣтровъ сильныхъ плыть,
Среди несносныхъ бурь вступить,
Отважны ихъ сердца дерзнули.
Колючей тернь, сухой тростникъ,
85 Таился въ коихъ зной великъ,
Теперь ужъ явно всѣмъ вспыхнули.
Войну́ открыли Шведы намъ:
Горятъ сердца ихъ къ бою жарко;
Гремитъ Стокгольмъ трубами ярко,
90 Значить въ свѣту́ свой блискій срамъ.

10.

Однако топчуть, рѣжутъ, рвутъ,
Губятъ, терзають, грабятъ, жгутъ,
Склоняють насъ враги подъ но́ги;
Россійску силу взяли въ плѣнь,
95 Шурмуютъ блиско нашихъ стѣнъ,
Щитають вотъ добычи многи,

Да гдѣжь? въ спѣсивомъ ихъ мозгу.
А въ дѣлѣ ужасъ по́томъ мочить,
И явно въ сердцѣ дрожь пророчить,
100 Что будетъ имъ лежать въ низу.

11.

Подобно быстрой какъ соколъ
Съ руки ловцовой въ верхъ и въ доль
Бодрѣ взираетъ скорымъ окомъ,
На всякой часъ взлетѣть готовъ,
105 Похитить, гдѣ увидитъ ловъ
Въ воздушномъ царствѣ свой ширококъ.
Враговъ такъ смотритъ нашъ солдатъ,
Враговъ, что вѣчной миръ попрали,
Враговъ, что нашъ покой смущали,
110 Враговъ, что насъ пожрать хотятъ.

12.

Ужѣ ступаетъ въ свой походъ
Къ трудамъ избранной нашъ народъ,
Нагимъ мечемъ на западъ блещетъ,
Которой скраситъ Шведска кровь,
115 Что брань начать дерзнула вновь.
Противныхъ ближней край трепещетъ.
На Финскомъ небѣ черной дымъ,
Россійска ревность гдѣ кипѣла.
Сквозь слѣзы видитъ житель сѣла,
120 Зажгла что мечь огнемъ своимъ.

13.

Всягитъ не можетъ ихъ гора,
Металль и пламень что съ верха
Жарчае Геклы къ нимъ рыгаетъ.
Хоть кунно Вилманстрандъ на нихъ
125 Ретиво толь со стѣнъ своихъ
Подобной блескъ и громъ нускаетъ.

Но искрамъ и огню претятъ
Полки силнѣйши горъ палящихъ
И ярко смертию имъ грозящихъ,
130 Стрѣламъ подобно сквозь летятъ.

14.

Въ моряхъ какъ южныхъ вѣчной востокъ
Отъ горъ Атлантскихъ валъ высокъ
Крутить къ берегамъ четвертой части,
Съ корнемъ вырвавъ лѣсъ валить;
135 Пустыня, дугъ и берегъ дрожить,
Хотятъ подмыты горы пасти.
Россійскій воинъ такъ врагамъ
Спѣшитъ отмстить свирѣпъ грозою,
Збиваетъ сильной ихъ рукою.
140 Течетъ ручьями кровь къ ногамъ.

15.

Вдается въ бѣгъ побитый Шведъ,
Бѣжитъ Россійской конникъ въ слѣдъ
Черезъ Шведскихъ труповъ кучи блѣдны
До самыхъ Вилманстрандскихъ рововъ,
145 Безъ щету топчетъ тѣхъ головъ,
Что быть у насъ желали вредны.
Стигійскихъ ***) водъ шумятъ брегà,
Гребутъ по нимъ побитыхъ дѹши,
Кричатъ тѣмъ, что стоятъ на сѹши,
150 Горька опять коль имъ бѣда.

16.

За нами пушки, весь припасъ,
Прислать что самъ Стокгольмъ про насъ:
Даетъ подарокъ намъ въ неволю.
При Вильманстрандѣ слышенъ трескъ
155 Мечей кровавыхъ видѣнъ блескъ.

***) Адскихъ.

Ты будешь скоро равень полю,
Дерзнешь въ упрямяствѣ ежель стать.
Подумать было кратко время,
Въ моментъ Славенско храбро племя,
160 Успѣло твой отпоръ поправить.

17.

Послѣдней конникъ вспячь бѣжить,
Оставшей трущ и стыдь смердить.
Къ себѣ скоряе въ домъ спѣшите,
Скажите тамъ пріятну вѣсть,
165 Какую здѣсь достали честь,
Добычи часть друзьямъ дарите.
Не Карль ли тутъ же съ вами былъ?
Въ Москву опять желалъ пробиться?
Никакъ вамъ это въ правду снится.
170 Скачите въ слѣдъ; онъ кажетъ тыль.

18.

Не толи вашъ войнской цвѣтъ,
Входила которой дватцать лѣтъ,
Что долго въ нѣгѣ жилъ спокойной.
Васъ тѣшилъ миръ, насъ Марсъ трудить;
175 Солдатъ вашъ спалъ, нашъ въ брани былъ,
Терпѣль Беллоны шумъ нестройной
Забыли что вы такъ щитать?
Что десять Рускихъ Шведъ прогонить?
Предъ нами что колѣни клонить
180 Хвасливъ толь нашей славы тать?

19.

На вотъ вамъ вашихъ бѣдъ починъ:
Сосѣда въ гнѣвъ ввели безъ винъ,
Давайте въ томъ другимъ примѣры.
Избранной воинъ вашъ погранъ.
185 Гдѣ вашъ снарядъ, запасы, станъ?

Никакъ тому неймете вѣры.
Хотя и младъ Монархъ у насъ.
Но славны Онъ чинить побѣды,
Въ Своихъ ступаетъ Предковъ слѣды,
190 Недавно что карали васъ.

20.

Высокой крови Царской Дщерь.
Сильнѣйшей Что рукою дверь
Отверзла къ славнѣйшимъ побѣдамъ.
Тобою нашъ Россійской свѣтъ
195 Во всѣхъ земляхъ какъ кринь цвѣтетъ,
Наводитъ бѣльшій страхъ сосѣдамъ.
Твоя десница въ первой годъ
Поля багрить чрезъ кровь противныхъ,
Являетъ намъ въ признакахъ дивныхъ,
200 Созрѣетъ колъ преславленъ плодъ.

21.

Добротъ чистѣйшій ликъ вознесъ
Велику Анну въ дверь небесъ.
Откуда зреть въ Россіи ясно
Монарха въ лавровыхъ вѣнцахъ,
205 На матернихъ Твоихъ рукахъ,
Низводитъ весель взоръ всечасно.
Къ Героямъ держить рѣчь сію:
Вотъ всѣхъ Моя громчайша слава!
Сильна во младыхъ дняхъ держава;
210 Взмужавъ до звѣздъ прославить ту.

22.

Отца отечества Отецъ!
Вручилъ Кому небесъ Творецъ
Храбрѣйшу въ свѣтѣ силу править.
Твоихъ премного сколь похваль,
215 Самъ нашъ завистливъ врагъ позналъ,

Не можетъ самъ Тебя не славить.
Въ бою Россійской всякъ солдатъ,
Лишь толькобъ для Гоанна было,
Твоей для славы лишь бы слыло,
220 Желаетъ смерть снести сто кратъ.

23.

Прекръпкій Боже, сильный Царь,
Что всю рукою держишь тварь,
Зришь, что враги встаютъ напрасно,
Жезломъ карай ихъ мести самъ.
225 Подай всегда побѣды намъ,
Твое что имя славимъ гласно.
Не хочуть естли брань пресѣчь.
Подай чтобъ также въ нихъ вонзился,
И новой кровью ихъ багрился
230 Нагрѣтой въ ней Гоанновъ мечъ.

VI.

ВСЕПОДДААННѢЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНІЕ
ДЛЯ
ВОШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
ВСЕИРЕСВѢТЛѢЙШІЯ ДЕРЖАВНѢЙШІЯ
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКИ
ВЪ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИКЪ
И
ВЫСОКІЙ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
ДЕКАБРЯ 18. 1741.

ВСЕПОДДААННѢЙШЕ ПРЕДСТАВЛЕНО
ОТЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ПЕЧАТАНО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ALLERUNTERTHÄNIGSTER GLÜCKWUNSCH
ZUM ANTRITT DER ERWÜNSCHTEN REGIERUNG
IHRO MAJESTÄT
DER ALLERDURCHLAUCHTIGSTEN UND GROSZMÄCHTIGSTEN
KAYSERIN
ELISABETH PETROWNA
BEHERRSCHERIN ALLER REUSSEN 32. 32. 32.
AM FROHEN
GEDÄCHTNISZ-FEST DER HOHEN GEBURTH
IHRO KAYSERL. MAJEST.
DEN 18. DECEMBER 1741.
DEMÜTHIGST ABGESTATTET
VON
DER KAYSERL. ACADEMIE DER WISSENSCHAFTEN.
ST. PETERSBURG,
GEDRUCKT BEY DER KAYSERL. ACADEMIE DER WISSENSCHAFTEN.

ODE.

1.

Welch allgemeiner Freuden-Strahl
Läsz sich in Ruszland Gräntzen nieder!
Welch munters Licht erhellt einmal
Das Chor der schüchtern Musen wieder!
5 Es sieht, und weisz vor Lust nicht was:
Warum? dem schattichten Parnasz
Macht ein entzückend Licht die Mine,
Als ob sein Stifter ihm erschiene.

2.

Doch die erfüllte Hoffnung rufft:
10 Nein. Kinder, laszt den Schein nicht trügen.
Ich bin es in verklärter Luft,
Um euch, um Ruszland zu vergnügen:
Ich bin es die im Glantze steigt,
Und euch des Tages Schimmer zeigt,
15 Den sich zu Ruszlands Wohlergehen
Die Vorsicht ehmahls ausersehen.

3.

Die Vorsicht, die die Zukunft sieht
Und ihren Lauff weisz zu regieren,
War diesen Tag ehmahls bemüht
20 Den Grund des Glückes aufzuführen,

ОДА

1.

Какой утѣхи общей лучь
Въ Россійски свѣтитъ къ намъ предѣлы!
Которой свѣтъ прогналъ тьму тучь?
По страхѣ Музы толь веселы
5 Не знаютъ, что за ясность зрятъ.
Чей толь пріятной свѣтитъ взглядъ,
Парнасской верхъ въ восторгъ приводитъ,
Не Основатель ли того приходитъ?

2.

Но къ нимъ надежда такъ гласить:
10 Не дайте тѣмъ себя прельстити,
Мой видъ такой зарей покрытъ,
Чтобъ васъ съ Россіей взвеселити.
Здѣсь въ ясномъ я стою свѣту,
И вамъ тотъ свѣтлой день кажу,
15 Опасность къ счастью что сыскала,
Россіябъ въ коемъ процвѣтала.

3.

Опасность можетъ впредь прозритъ,
И тое все управить знаетъ,
Въ сей день старалась то чинить,
20 Въ чемъ счастья верхъ себя являетъ,

Das unsrer Zeit bestimmt war.
Sie sah die ferneste Gefahr,
Sie schaffte Rath, und liesz auf Erden
ELISABETH gebohren werden.

4.

25 Erhalt'nes Pfand vor Ruzzlands Heil!
Wie hat die Allmacht Dich geschmücket!
Die Schönheit, Dein geringstes Theil
Wird mit Bewundrung zwar erblicket,
Allein der Tugend schönes Heer
30 In Deinem grossen Geist, noch mehr:
Da sich so viel Vollkommenheiten
Wie milde Strahlen von Dir breiten.

5.

Wer kont das Wort der Majestät
Aus Bildung, Gang, Gesicht und Wesen
35 Der gnädigsten ELISABETH
Bisher nicht klar und deutlich lesen?
Ihr Zeiten, wollt ihr Peters Geist
Und was ihr an Cathrinen preist,
Huld, Klugheit, Gnad und Güte mahlen;
40 So seht PETROWNENS Augen-Strahlen.

6.

Geh wo Du wilt! verbirg auch Dich,
Die Anmuth ist Dir doch zur Seiten,
Die Gnad und Huld verrathen sich,
Dasz sie Dich überall begleiten.
15 Wer dringt sich nicht, Dich nur zu sehn?
Wen läst Du trostlosz von Dir gehn?
Verkleide Dich! lasz Dich nicht nennen!
Nichts kommt Dir gleich: man wird Dich kennen.

Готово что для Нашихъ лѣтъ,
Чтобъ намъ уйти отъ дальнихъ бѣдъ,
Въ одномъ лишь только томъ трудилась,
Чтобы Елисаветъ родилась.

4.

25 Надежда Свѣтъ Россіи всей,
Въ Тебѣ щедрота Божія зрится.
Хоть внѣшней красотѣ Твоей
Довольно всякъ, кто зрить, дивится,
Душевныхъ ликъ Твоихъ добротъ
30 Краснѣе внѣшнихъ всѣхъ красотъ,
Гдѣ всяки совершенства явны,
Любезны всѣмъ во всемъ преславны.

5.

Величество являлось всѣмъ
Въ особѣ и во всякомъ дѣлѣ
35 На полномъ благѣ лицѣ Твоемъ
И велѣньемъ купно тѣлѣ.
Желаеть кто Петра смотреть
Или Екатерину чтить
И ихъ добротъ дивиться цвѣту,
40 Возрить пусь на Елисавету.

6.

Изволь хоть гдѣ Себя прикрыть,
Пріятство будетъ тамъ съ Тобою,
И милость въ слѣдъ Тебя ходить.
Откроютъ намъ Тебя собою.
45 Тебя смотреть теснится всякъ,
Ты всѣмъ твой щедро кажешь зракъ,
Хоть имябъ Ты Твое таила,
Но нашабъ то любовь открыла.

7.

Wie hat die stille Hoffnung nicht
50 Mit Sehnsucht Dich so lang betrachtet,
Und Dein liebeiches Angesicht
Als ihren lichten Stern geachtet,
Der, wenn auch Mast und Ancker brach,
Ihr stets noch hellen Trost versprach,
55 Aus dunkeln Unbestand der Wellen
Ihr Schiff in Sicherheit zu stellen.

8.

Wie lange seuffzt und schreyt zugleich
Die Treu und Vaterlandes-Liebe.
Ach rette Dich! auf, hilf dem Reich,
60 Und schütz den Eifer unsrer Triebe!
Besteige, Würdigste, den Thron!
Wunsch, Danck, und Eid-Schwur warten schon
Des Himmels, Volcks, und Erb-Rechts Willen
Durch Dein Erheben zu erfüllen.

9.

65 Nun zeigt ELISABETHENS Muth.
Woher Ihr Helden-Hertze stammet,
Da in Ihr Peters Helden-Blut
Aus Vaterlandes-Lieb' entflammet.
Sie faszt das Kreutz, und geht voran
70 Wie ehemals Constantin gethan:
Ihr Muth macht Muth: Ihr Blick begeistert;
Kaum komt Sie; alles ist bemeistert.

10.

Geschichte, zeigt eine That,
Die dieser That an Grösse gleiche!
75 Sagt, wer ein Reich erläset hat,
Ohn' iemands Blut, ohn' einge Leiche!

7.

Надежда долго въ тишинѣ
50 Съ желаньемъ на Тебя взирала,
Любезное Твое лице
Какъ ясно солнце почитала,
Которо въ грозныхъ бѣдъ волнахъ
Несносной утоляло страхъ.
55 Хотѣло изъ погодъ ужасныхъ
Въ мѣстахъ поставить безопасныхъ.

8.

Отеческой земли любовь
Коль долго по Тебѣ вздыхала
Избавь избавь Россійску кровь,
60 Отъ злаго скорбныхъ дней начала,
Достойна на престоль вступи,
Къ присягѣ мы готовы вси.
Отдай красу Россійску трону
По крови, правамъ и закону.

9.

65 Геройска мысль въ Тебѣ тогда
Черезъ дивно дѣло всѣмъ открылась,
Въ любовь Петрова кровь когда
Къ Твоимъ поданнымъ воспалилась.
Прежъ всѣхъ пошла съ крестомъ Своимъ
70 Чиниль что прежде Константинъ,
Твоимъ всѣхъ духомъ ободрила,
Лишь чуть пришла, всѣхъ покорила.

10.

Никто такихъ не знаетъ дѣлъ
Твоихъ чтобъ славою превсходили,
75 Спасенъ чтобъ былъ какой предѣль,
Гдѣбъ крови струй мечи не лили,

Wer hat, ELISABETHEN gleich,
Ein vorenthaltnes Kayser-Reich
Kaum in drey gantzen Viertelstunden
80 Gesucht, erobert und gefunden?

11.

So hoch ist noch kein Jubel-Chor
Mit seinem Freuden-Schall gedrungen
Als Ruzslands Vivat sich empor
Für seine KAYSERIN geschwungen.
85 Ja, Heldin, manche Million
Getreuer Zungen stimmt den Ton,
Und läst, den tiefsten Dank zu zeigen,
Den Glückwunsch noch gen Himmel steigen.

12.

So jauchzt auch Wissenschaft und Kunst
90 Die von der Einsicht Peters rühret,
Und Catharinens höchste Gunst
Vom Grundstein völlig aufgeföhret.
Sie weisz, was Peter aufgericht
Verläszt PETROWNENS Groszmuth nicht.
95 ELISABETHENS langes Leben
Musz Peters Wunsch Erfüllung geben.

Кто равно какъ Елисаветъ
Отъ бѣды избавилъ цѣлой Свѣтъ,
Въ единъ часъ сильныхъ побѣдила
80 Къ Себѣ взяла, на Тронъ вступила.

11.

Которой такъ веселой часъ
Пріятенъ людямъ быть казался,
Сердце Тевѣ какъ вѣрныхъ гласъ
И Вивать къ верху звѣздъ промчался.
85 Твоихъ подданныхъ миліонъ
Имѣли вдругъ согласной тонъ
Благодарить Твоимъ щедротамъ
И дивнымъ всѣмъ Твоимъ добротамъ.

12.

Ликуй же свѣтло хоръ наукъ,
90 Открыль что Петръ съ Екатериной.
Чтобъ слышенъ былъ веселой звукъ.
Сей день вамъ щастія причиной.
Великій Петръ что зачалъ самъ,
Елисаветъ восставить намъ:
95 Елисаветы долги лѣта
Прибавятъ Отчей славы свѣта.

VII.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ
ИМПЕРАТРИЦѢ
ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ
САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ
ГОСУДАРЫНѢ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ
ВСЕПОДАДАННѢЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНІЕ
ДЛЯ БЛАГОПОЛУЧНАГО И РАДОСТНАГО ПРИБЫТІЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
ЕГО КОРОЛЕВСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ ПЕТРА
ВЛАДѢТЕЛЬНАГО ГЕРЦОГА ШЛЕЗВИГЪ-ГОЛШТИНСКАГО
ВНУКА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
ВЪ ВЫСОКІЙ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ
ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ФЕВРАЛЯ 10 ДНЯ 1742 ГОДА
ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДѢ ПРЕСТАВЛЕННОЕ
ОТЪ ВСЕПОДАДАННѢЙШАГО РАБА
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ АДЪЮНКТА.

ОДА

1.

Дивитя нынѣ вся вселенна
Премудрымъ вышняго судьбамъ,
Россія что отъ зла спасенна,
И зрять конецъ своимъ бѣдамъ,
5 Которы нутрь ея терзали,
И всю въ конецъ пожрать желали,
Что вмѣсто терну зрять Едемъ,
Тебя, подданныхъ всѣхъ утѣха,
И во младомъ ПЕТРѢ ТВОЕМЪ
10 Своей фортуны ждеть успѣха.

2.

Въ сіе благопріятно время,
Въ которо щедрый нашъ Творецъ
Восставилъ намъ ПЕТРОВО племя
И нашей скорьби далъ конецъ,
15 Не можетъ искренняя ревность
Своей любви таити древность:
Всего народа весель шумъ,
Какъ гласъ водъ многихъ въ верьхъ восходить,
И мой отрады полной умъ
20 Восхитивъ тѣмъ въ восторгъ приводить.

3.

Воинской звукъ покинь, Беллона,
И жажду крови, Марсъ, оставь,
Спокойно слушай Аполлона,
И тѣмъ веселья намъ прибавь:
25 Чтобы Елисаветы радость,
Свою лила повсюду сладость,
Чтобъ воздухъ, море и земля
Съ Петромъ блажили Ту едину:
Подданна хочеть мысль моя
30 Воснѣть довольствъ драгихъ причину.

4.

Богиня странъ широкихъ, сильныхъ,
Державы Коей седмь морей
Премного полъ и рѣкъ обильныхъ
Кругомъ обнять не могутъ всей,
35 Ты паки зришь любезну Анну
Въ лицѣ Петровомъ свыше данну,
Ты зришь Великаго Петра
Какъ Феникса рожденна снова.
Россія долго что ждала,
40 Себѣ имѣеть для покрова.

5.

Добротъ Его дивимся лику,
Ему которой предстоитъ,
Любовь раскдаеть въ насъ велику,
Что купно съ ревностью горить,
45 Для общаго Твоихъ блаженства
Цвѣтуть въ Немъ всяки совершенства.
Черезъ тѣ какъ цѣнью щастья кругъ
Привязанъ въ вѣкъ ко днямъ щастливымъ;
И ради всѣхъ Твоихъ заслугъ
50 Не можетъ быти больше лживымъ.

6.

Петровой крови плодъ прекрасной;
День Твоего прихода къ намъ
Безъ вѣтра и тумана ясной
Представиль знакъ талану самъ.
55 Стихи сами то являютъ,
Въ Тебѣ сердца что наши чають.
Со снѣгомъ таяль купно ледь
Съ любовью всѣхъ людей согласно;
Казаль весны пріятной слѣдъ,
60 Какъ ждали мы Тебя всечасно.

7.

Санктпетербургъ съ какимъ желаньемъ
Тебя надежду зрить свою,
Не можетъ и пространнымъ зданьемъ
Вмѣстить въ себѣ утѣху всю;
65 Но мещетъ вверхъ огни горящи,
И въ самыхъ облакахъ свѣтящи.
Ахъ естлибъ жарка мысль къ Тебѣ
Россіянъ всѣхъ могла открыться,
Тобѣ солнце и свѣтила всѣ
70 За свѣтомъ тѣмъ не стали зряться.

8.

Намъ стница всевышней власти,
Что родомъ, духомъ и лицомъ
Восходишь выше смертныхъ части,
Прехвальна совершенна всѣмъ,
75 Въ Которой всѣхъ даровъ изрядство;
Съ Величествомъ цвѣтетъ пріятство;
Кто можетъ точно описать
Твои доброты всѣ подробну?
Какъ развѣ только указать
80 Петра Особу въ томъ подобну.

9.

Но спѣшно толь куда восходить
Внезапно мой плѣненный взоръ?
Пророческъ духъ на мысль наводитъ,
Парить Тессальскихъ выше горъ:
85 Я Дѣву въ солнцѣ зрю стоящу
Рукою Отрока держащу
И кунно всю Россію съ Нимъ.
Украшенна вездѣ звѣздами,
Разить перуномъ въ низъ Своимъ
90 Гоня противности съ бѣдами.

10.

И вѣчность предстоить предъ Нею,
И въ книгѣ кажетъ то своей,
Кленущися небомъ и землею,
Что послѣ первыхъ свѣта дней
95 Такого щастья не бывало,
Что намъ чрезъ Тую небо дало.
Отверзлась дверь, не видѣнь край,
Сыскать конца не можетъ око;
Цвѣтеть въ Россіи красной рай
100 Простертъ во всѣ страны широко.

11.

Текуть млекою и медомъ рѣки,
Собой земля плоды растить,
Златы приснѣли снова вѣки,
Изъ облакъ манна къ намъ росить,
105 Лишь Зефиръ вѣетъ теплый, смиренный
Чрезъ плоть полей благословенный,
Утихъ свирѣбой вихрь въ моряхъ,
Владѣетъ тишина водами,
Спокойство царствуетъ въ брегахъ,
110 Забавы всѣ ликуютъ съ нами.

12.

Гласить стой предъ Ней Россія,
Склонившись къ Той верьхомъ своимъ:
Тебъ я дамъ плоды земныя
И кушно людямъ веѣмъ Твоимъ;
115 Тебъ подданныхъ кровь питаю,
Горячестъ въ ихъ сердца вливаю,
Чтобъ ту за Вашу честь пролить,
И цѣлаго къ веселью свѣта,
Желаю въ радости прожить
120 Тебъ съ Петромъ чрезъ многи лѣта.

VIII.

ОДА

На прибытіе изъ Голстиніи и на день рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Теодоровича 1742 года Февраля 10 дня.

(ВТОРАЯ РЕДАКЦІЯ).

1.

Дивится нынѣ вся вселенна
Премудрымъ вышняго судьбамъ,
Что отъ напастей злыхъ спасенна
Россія зреть конецъ бѣдамъ.
5 И что ужѣ Елисавета
Златыя въ ону вводитъ лѣта,
Избавивъ отъ насильныхъ рукъ.
Красуются Петровы стѣны,
Что къ нимъ Его приходитъ внукъ
10 Прекрасной Анной днесъ рожденный.

2.

Въ сіе благопріятно время,
Когда всещедрый нашъ Творецъ
Восставилъ намъ Петрово племя,
И нашей скорби далъ конецъ,

- 15 Ужь съ радостью любовь согласно
Вездѣ ликуютъ безопасно.
Всего народа весель шумъ
Какъ гласъ водъ многихъ въ верьхъ восходитъ,
И мой отрады полный умъ
20 Восхитивъ тѣмъ, въ восторгъ приводитъ.

3.

- Воинскій звукъ оставь Беллона,
И Марсъ вложи свой шумный мечъ,
Чтобъ стройность праздничнаго тона
И Музъ поющихъ нынѣ рѣчь
25 Едина громко разносилась
И нашей радости сравнилась;
Чтобъ воздухъ, море, и земля
Ели свѣту возглашали,
И кунно съ Ней Петра хваля,
30 Моей бы лирѣ подражали.

4.

- Богиня, кося державу
Обнять не могутъ седьмь морей,
И громкую повсюду славу
Едва вмѣститъ вселенной всей!
35 Твоя надежда совершилась,
И радость паки обновилась:
Ты зришь Великаго Петра
Какъ феникса воскресша нынѣ;
Дражайшая Твоя Сестра
40 Жива въ своемъ любезномъ сынѣ.

5.

О коль велика добродѣтель
Въ Петровыхъ нѣжныхъ дняхъ цвѣтеть!

Коль славень съвера владѣтель
Въ тебѣ, Россія, возрастетъ!
45 Онъ ради твоего блаженства
Даровъ достигнетъ совершенства.
И щастье бѣгъ остановитъ
Любовью оныхъ восхищенно,
Союзъ съ тобою утвердитъ,
50 И вѣчно будетъ непремѣнно.

6.

О плодъ отъ корене преславна,
Дражайшая Петрова кровь,
Къ тебѣ горитъ ужè издавна
Россіянь искрення любовь!
55 Петрополь по Тебѣ терзался,
Когда съ Тобою разлучался
Еще въ зачатїи Твоемъ.
Сердца жалѣньемъ закипѣли,
Когда подъ дереекимъ кораблемъ
60 Балтїйски волны побѣлѣли.

7.

Какъ мать стешаньемъ и слезами
Крушится о сынѣ своемъ,
Что онъ противными вѣтрами
Отгнанъ живетъ въ краю чужемъ.
65 Она минуты все щитасть,
На брегъ по всякой часъ взирасть,
И просить щедры небеса;
Россія такъ Тебя желала.
И чрезъ пучину и лѣса
70 Усердны мысли простирала.

8.

Но нынѣ радость умножаетъ
Желанный нами Твой приходъ;
И кротость неба обѣщаетъ
Возвысить тѣмъ Россійскій родъ.
75 Стихїи сами предъявляютъ,
Чего все Россы ожидаютъ.
Здѣсь теплый воздухъ повѣвалъ
Съ любовью нашею согласно,
Весну прїятну предвѣщавъ,
80 Какъ ждали мы Тебя всечасно.

9.

Коликой славой днесъ блистаетъ
Сей градъ въ прибытіи Твоемъ!
Онъ всехъ веселій не вмѣщаетъ
Въ пространномъ зданїи своемъ:
85 Но воздухъ наполняетъ плескомъ,
И нощи тьму отъемлетъ блескомъ.
Ахъ естьлибъ нынѣ Россовъ всехъ
Къ Тебѣ горяща мысль открылась;
Тобѣ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
90 На вѣчной день перемѣнилась.

10.

Намѣстница всевышней власти
Что родомъ, духомъ и лицомъ
Восходишь выше смертныхъ части,
Прехвальна, совершенна всемъ,
95 Въ которой всехъ даровъ изрядство,
Съ величествомъ цвѣтетъ прїятство!

Кому возможно описать
Твой доброты все подробну?
Какъ развѣ только указать
100 Въ Петрѣ природу въ томъ подобну.

11.

Но спѣшно толь куда восходить
Внезапно мой плѣненный взоръ?
Видѣнїе мой духъ возводитъ
Превыше Фессалійскихъ горъ!
105 Я Дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
Рукою Отрока держащу
И все страны полночны съ нимъ.
Украшенна кругомъ звѣздами
Разитъ перуномъ внизъ своимъ.
110 Гоня противности съ бѣдами.

12.

И вѣчность предстоитъ предъ Нею.
Разгнувши книгу всехъ вѣковъ,
Кленется небомъ и землею
О щастьѣ будущихъ родовъ,
115 Что Россамъ будетъ непременно
Петровой кровью утверждено.
Отверзлась дверь, не видѣнъ край,
Въ пространствѣ заблуждаетъ око;
Цвѣтетъ въ Россїи красной рай
120 Простерть во все страны широко.

13.

Млекою и медомъ напоенны
Тучнѣютъ влажны берега,
И яснымъ солнцемъ освѣщенны
Смѣются злачные дуга.

125 Съ полудни вѣетъ духъ смиренный,
Чрезъ плодъ земли благословенный.
Утихъ свирѣпый вихрь въ моряхъ;
Владѣетъ тишина полями;
Спокойство царствуетъ въ градахъ
130 И миръ простерся надъ водами.

14.

Увидѣвъ времена златыя
Среди градовъ своихъ и сель,
Гласить спасенная Россія
Къ Защитницѣ своихъ предѣль:
135 Тебѣ я подданныхъ питаю
И храбру кровь ихъ ободряю,
Чтобъ твою за Тебя пролить.
Ахъ что бы къ удивленью свѣта
Изволилъ вышній утвердить
140 Престоль Петровъ чрезъ вѣчны лѣта.

IX.

DIE GEKRÖNTE HOFFNUNG
DES RUSZISCHEN KAYSERTHUMS
WURDE
IN
DEM FESTE
DER
HOHEN KRÖNUNG
DER
ALLERDURCHLAUCHTIGSTEN GROSZMÄCHTIGSTEN FÜRSTIN
UND GROSZEN FRAUEN
FRAUEN
ELISABETH PETROWNA
KAYSERIN UND SELBSTHERRSCHERIN ALLER REUSSEN
BEY
EINER ÖFFENTLICHEN ZUSAMMENKUNFFT DER ACADEMIE DER WISSENSCHAFFTEN
ZU ST. PETERSBURG
DEN 29. APRIL 1742.
IN
EINER GEBUNDENEN
REDE
ALLERFREUDIGST UND EHRERBIETHIGST ERKLÄRET
VON
GOTTLOB FRIEDRICH WILHELM JUNCKER
IHRO KAYSERL. MAYST. HOF-KAMMER-RATH, INTENDANT DER SALTZ-WERCKE,
UND MIT-GLIED DER ACADEMIE DER WISSENSCHAFFTEN.
ST. PETERSBURG GEDRUCKT BEY DER ACADEMIE DER WISSENSCHAFFTEN 1742.

1.

Welch ein vergnügter Geist nimmt dich, o Ruzland! ein?
Da gantz Europa seuffzt, wie kanst du fröhlich seyn?
Da dir die Zwietracht droht, die Arglist Stricke leget;
Da sich ein hitzig Heer auf Land und See beweget,
5 Das in Gedancken schon in deine Länder dringt,
Sich in den Raub vertheilt, und unser Gut verschlingt.
Wie kann ein Lust-Geschrey von Adlern noch erschallen,
Die Tyger ausgespührt, und Löwen angefallen.

IX.

ВЫЧАИШАЯ НАДЕЖДА РОССИЙСКИЯ ИМПЕРИИ
въ высокйй праздникъ
КОРОНОВАНИЯ
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШИЯ ДЕРЖАВИТѢЙШИЯ
ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЬНИИ
ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА
ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ
ВСЕРОССИЙСКИЯ
ПРИ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНИИ
САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУКЪ
ВСЕРАДОСТНО И ВСЕНОДАВНѢЙШЕ
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ АПРѢЛЯ 29 ДНЯ 1742 ГОДА
СТИХАМИ ПРЕДСТАВЛЕННАЯ
ОТЪ
ГОТЛОБА ФРИДРИХА ВИЛГЕЛЬМА ЮНКЕРА
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
НАДВОРНАГО КАММЕРНАГО СОВѢТНИКА
ИНТЕНДАНТА СОЛЯНЫХЪ ДѢЛЪ И
ЧЛЕНА АКАДЕМИИ НАУКЪ.
СЪ НѢМЕЦКИХЪ РОССИЙСКИМИ СТИХАМИ ПЕРЕВЕЛЪ
МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВЪ АКАДЕМИИ НАУКЪ АДЪЮНКТЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ. 1742 ГОДА.

1.

Россия, что тебя за веселье духъ живить?
Какъ можешь рада быть? Европа вся скорбитъ:
Тебѣ грозить раздоръ, лукавство сѣти ставить,
Продерескйй полкъ земель и моремъ бѣгъ свой править,
5 Что мыслью въ твой предѣлъ уже давно вступилъ,
Пограбилъ все мѣста, твое добро зглотилъ.
Орлы, какъ вы еще веселой гласъ послали?
Подкрались Тигры къ вамъ, внезапно львы напали.

2.

Die Freude bleibt gerecht, die Welt erkennt es schon;
10 Denn Du, ELISABETH, besteigest PETRUS THRON,
Mit seinem Helden-Muth, zu unsrer Feinde Schrecken;
Der wird sein Sieges-Mahl, dem Schild sein Erbe, decken.
Du trittst mit freyem Fusz auf seine schwehre Bahn;
Wo ihn der Todt gestöhrt, da fängst Du wieder an;
15 Du willst und wirst, wie Er, die Lieb und Lust der Erden,
Der Fürsten Muster-Bild, der Trost der Deinen, werden.

3.

Der Vorsatz ist nicht klein, und Deiner Seele gleich:
So, wie Er Vater war, sey Mutter für das Reich.
Dergleichen Kayser hat der Himmel nie gegeben;
20 Die Welt, so ihn verehrt, wird ihn nicht mehr erleben;
Durch alle Wiedrigkeit trug Er sein Haupt empor;
Da drang der wahre Fürst, und dort der Vater, vor.
Welch Stück der Herrschungs-Kunst kan kluger Witz
erlesen,
Das er nicht selbst bewirekt, wo nicht sein Geist gewesen.

4.

25 Die Hoffnung seines Reichs wird heut in Dir gekrönt:
Weil sich ein jeder Stand nach Deiner Hülffe sehnt.
Du, Du. MONARCHIN! sollst, durch heylsames
verbessern,
Sein unvollbrachtes Werck vollenden und vergrößern.
Du nimmst den Scepter an: die Boszheit fürchte sich;
30 Und ist sein Gold gleich schwehr: die Liebe stütze Dich.
So wirst Du glücklich seyn, und alles wird verschmertzten:
Bist Kayserin des Staats, und Königin der Hertenzen.

5.

So, wie der Sonnen-Glantz, bey heitrer Morgen-Zeit,
Geht und Dein Ansehn auf, mit sanffter Freudigkeit:

2.

Но радость истинна; уже призналъ весь свѣтъ:
10 Какъ Ты на тронъ Петровъ взошла, Елисаветъ,
Чрезъ сильной духъ Его въ противныхъ страхъ вложить;
Онъ будетъ свой трофеей, Твой щить наслѣдство крыти.
Вступила вольной Ты въ стезю Его ногой,
Гдѣ рокъ Его венягиль, тутъ путь начался Твой.
15 Ты будешь, такъ какъ Онъ, любовь во всей вселенной,
Князей примѣръ, покровъ земли Тебѣ врученной.

3.

Велико дѣло въ семь, равно душѣ Твоей:
Какъ Онъ отецъ нашъ былъ, Ты Мать Россіи всей.
Когда Олимпъ давалъ такихъ Монарховъ славныхъ?
20 Весь свѣтъ, что чтить Его, Ему не узрять равныхъ.
Сквозь все препятствіе Онъ главу свою вознесъ,
Монархъ здѣсь, тамъ Отецъ, хвалою къ верху небесъ.
Пристойны скажетъ кто къ правленію странъ науки,
Гдѣ не былъ духъ Его и храбры купно руки?

4.

25 Надежда странъ Его вѣнчанна днесъ въ Тебѣ:
Понеже всякой чинъ пособы ждетъ себѣ.
Ты, Ты Монархія на пользу все исправишь,
Неполной трудъ Его со всеѣмъ скончишь, прославишь.
Ты скиптръ рукой берешь, коварно злость дрозить,
30 Хоть тяжело злато въ немъ, любовь Тебя крѣпитъ.
Щастлива будешь тѣмъ, земель Императрица,
Печаль прогонишь всю, сердце людскихъ Царица.

5.

Какъ ясной солнца лучъ въ немрачной утра часъ,
Такъ Твой пріятной взоръ отрадой свѣтитъ въ насъ.

35 Es blickt die Majestät, mit angebohrner Milde,
Aus Deinem himmlischen der Welt geschenkten Bilde.
Zur Ehrfurcht zwinget uns der Schönheit Gnaden-Blick;
In Dir bewundern wir des Schöpfers Meister-Stück
Von menschlicher Gestalt, und Kronen-werthe Gaben,
40 Die, eh Du noch geherrscht, uns schon gefesselt haben.

6.

Dein grosz gesinntes Hertz bewährt sein Purpur-Blut;
Dasz Du von Helden stammst, beweizt Dein Geist und
Muth,
Und Dein sinnreicher Trieb, die Treue zu belohnen,
Der Nothdurfft beyzustehn, der Unschuld zu verschonen.
45 O! welch ein Inbegriff von Tugend seltner Krafft,
Von rühmlicher Begier, von edler Leydenschaftt,
Ist Deine Seele nicht? die so mit Eifer strebet,
Wie sie dem Thron gemäsz, des Ursprungs würdig, lebet.

7.

Das Göttliche Geschick, das Dich hervor gesucht,
50 Treibt Deinen Lebens-Baum bey voller Blüth zur Frucht:
Izt giebst Du Neigung kund, die Du vordem verborgen,
Durch Deine Wachsamkeit, durch Deine klugen Sorgen.
Von Dir wird alles das, was unser Wohl berührt,
Mit Weiszheit überlegt, mit Nachdruck ausgeführt;
55 Dein mächtiger Verstand wirckt schnell in allen Dingen;
Ihm musz sein wichtig Ziel, und uns der Wunsch,
gelingen.

8.

Der Zustand unsres Heils ist nun voraus zu schaun.
Es wird die Geistlichkeit mit lehren und erbaun,
Bey dem unsträflichen, den Worten gleichem. Leben.
60 Der Weiszheit, Wissenschaftt, und Demuth, sich ergeben,

35 Въ Тебѣ съ величествомъ сїяетъ къ намъ прїятство,
Съ небесъ влїянной даръ добротъ Твоихъ изрядство.
Къ почтенью насъ ведетъ прекрасной зракъ лица,
Въ Тебѣ дивимся мы премудрости Творца,
Въ талантахъ что Твоихъ вѣнца достойныхъ зрится,
40 Чрезъ кои мы давно желали въ вѣкъ плѣниться.

6.

Твоя высока мысль Цесареку кровь значить,
Что Ты Геройска Дщерь, Твой бодрой духъ гласить,
И склонность вѣрности чинить всегда награду,
Невинныхъ братъ подъ кровь и бѣднымъ дать отраду.
45 Коль сильныхъ сихъ добротъ въ Тебѣ велика власть?
Хвалы достойна мысль, и славой полна страсть
Животъ души Твоей, что тищится толь ревниво
Прилично трону жить, являть породы диво.

7.

Тебя къ сему избрать Творецъ изволилъ самъ,
50 И древо дней Твоихъ растить въ цвѣтахъ къ плодамъ.
Являешь склонность къ намъ, что прежде Ты таила,
Котору съ бодростью стараньемъ ты открыла.
Твоя десница что на пользу намъ чинить,
То править зрѣлъ совѣтъ, и добръ успѣхъ скорить.
55 Пресильной разумъ Твой поспѣшно все пронзаеть,
Намѣренье Твое съ желаньемъ всѣхъ кончаеть.

8.

Мы можемъ нашъ талантъ уже впередъ прозритъ:
Духовной будетъ чинъ ученьемъ насъ крѣпить,
И чисту жизнь блости, съ словами опыхъ сходну,
60 Съ наукой кроткой нравъ и съ тѣмъ премудрость сродну,

Im Herrn gelassen seyn, niemahl im Eifer ruhn
Der wilden Regung weh, den Armen guts, zu thun,
Und mit Verträglichkeit, durch ihr Bezeigen, sagen,
Dasz der die Liebe sey, des Bild sie an sich tragen.

9.

65 Du schaffst dasz diesem Amt, das zwiefach Ehre werth,
Nach seiner Würdigkeit die Achtung wiederfährt:
Damit das rohe Volck sich von den Lastern lencke,
Und mit Erkentlichkeit an das, was heilig, dencke.
So tritt die Priesterschaft in Andachts-voller Gluth
70 Vor den Altar des Herrn, mit Reinigkeit und Muth:
Es rüset sich ihr Geist, den Himmel zu bewegen,
Und zieht das Hertz zu GOTT, und auf das Land den
Seegen.

10.

Von Deinem frommen Sinn kommt alles wohlergehn,
Zumahl da Licht und Recht Dir stets zur Seiten stehn,
75 Die Du mit Einigkeit in Deinem Rath verbindest,
Und manches Hindernis durch Nachsicht überwindest.
Du hältst so Eigen-Nutz, als Neid und Hasz, im Zaum,
Ziehst den Verstand hervor, und machst der Wahrheit
Raum,
Wie treuer Redlichkeit, und freyem Muth im rathen,
80 Den Quellen reicher Art zu heylsam grossen Thaten.

11.

So unumschränckt die Macht von Deiner Hoheit ist,
So spührt man dasz Du doch so selbbeherrschend bist,
Und die Gedancken lenckst, so bald Du nur kanst finden,
Dasz andre Meynungen sich auf das Beszre gründen.
85 Ein Lob! ein ewig Lob, das Dein Gedächtnis schmückt,
Dich über alles hebt, und Deinen Staat beglückt,
Das Fürsten oft verschmähn, und Könige versäumen,
Wenn, aus Verhängnis, sie von falscher Grösse träumen.

И мирно въ Бозѣ жить и ревность въ томъ казать,
Чтобъ бѣднымъ помощь дать страстей набѣгъ поправить.
Они покажутъ всемъ промежъ собой согласно,
Что то сама любовь, что зримъ во оныхъ ясно.

9.

65 Тобою будетъ сей почтенъ чинъ имѣть,
Чего достоинъ онъ, всегда то будетъ зрѣть:
Что бы простой народъ пороковъ впредь чуждался
И свято въ мирѣ жить по ихъ словамъ старался.
Священство въ ревности предъ Божій станеть тропь,
70 Имѣя чисту мысль, хранивъ его законъ,
И духъ его готовъ небесну власть склонити,
Его чтобъ сердце взять, и миръ благословити.

10.

Твой вѣры полной умъ умножитъ щастье въ насъ:
Понеже правда, свѣтъ съ Тобой на всякой часъ,
75 Что Ты чрезъ Твой совѣтъ въ единъ союзъ приводишь.
Чрезъ умно слѣдство все препятства превосходишь.
Ты удержишь зависть злу и ненависть въ бродяхъ,
И правду съ разумомъ всегда въ Твоихъ очахъ,
И вѣрность истинну и вольну мысль въ совѣтъ,
80 Источникъ толь богатъ къ дѣламъ преславнымъ въ свѣтъ!

11.

Хотя велика толь Монаршека власть Твоя;
Но видимъ правинъ какъ самую Ты Себя.
Ты мысль Твою тогда на инной путь склоняешь,
Когда другихъ совѣтъ правдивѣ быть познаешь.
85 Тебѣ сѣя хвала пребудеть въ вѣкъ красой,
Возвысишь Твой народъ на щастья верхъ съ собой,
Не зная что Цари съ Князями мимо ходятъ,
Когда тѣ ложну власть какъ сонъ на мысль наводятъ.

12.

Dir bleibt doch allezeit der Auszug von dem Ruhm:
90 Denn fremdes Einsehn wird zuletzt Dein Eigenthum,
Wenn Deine Scharffsicht wirckt, durch kluges
unterscheiden

Das gründliche zu thun, das scheinbare zu meiden.
Du nimmst des Monden-Schein für keinen Sonnen-Strahl.
Die höchste Fürsten-Kunst besteht in einer Wahl
95 Verschiedner Neigungen, der Diener und der Sachen,
Die Ansehn ihrem Stuhl, die Länder glücklich, machen.

13.

So reifflich du erwegst, so bald vollstreckest du,
Giebst hier den Ausschlag selbst, und dort Befehl dazu,
Mit einem munteren anständigen Bezeigen,
100 Das die Gebuhrt verräth, und nur Monarchen eigen.
Dir stehet stets bevor, dasz Unentschlossenheit
Oft schlimmere Frucht gebührt, als Unbedachtsamkeit,
Und auch ein Augenblick, den man zu viel verdiehtet,
Ein weis erwognes Werek, von dem vollziehn,
vernichtet.

14.

105 Dein Reich ist ohnedem ein grosser Theil der Welt,
Den kluge Tapferkeit, mit Neid, beysammen hält,
Und ihr erworbnen Ruhm, der sonst zum Sporn soll
taugen,
Ein Dorn in fremdem Fusz, ein Stachel in den Augen;
Wir sind der Miszgunst Ziel; wo die Gewalt nicht kann,
110 Da greiffet es die List mit falscher Freundschaft an.
Allein, Groszmächtigste, Sie musz Dich noch nicht
kennen:
Denn wer kann so, wie Du, dergleichen Netze trennen.

12.

Тебѣ единой данъ высокою верьхъ хвалы,
90 Твоими должно звать потомъ другихъ труды:
Что острой разумъ Твой въ вещахъ отмѣну знаетъ,
Извѣстное чинить, не то что только часть.
За ясной солнца свѣтъ луны не чтишь лучей;
Князей искусство все совѣтъ разборъ вещей,
95 Различныхъ склонностей въ слугахъ и всей державѣ,
Для щастья ихъ земель и къ большей трона славѣ.

13.

Коль здраво мыслишь Ты, толь скоро все кончишь,
Въ чемъ здѣсь совѣтъ даешь, то дѣломъ тамъ велишь
Съ пристойной бодростью во всѣхъ дѣлахъ свободно,
100 Что Царску кажетъ кровь, Монархамъ что природно.
Ты зришь всегда умомъ, что долга мысль въ дѣлахъ
Дастъ часто худшій плодъ, нежъ жаръ въ крытыхъ
сердцахъ
И чрезъ единъ моментъ, излишно что пробавлень,
Разумной замысль прочь бываетъ такъ оставлень.

14.

105 Твоя страна и такъ большая свѣта часть,
Разумна храбрость гдѣ надъ злобой держитъ власть.
И звукъ ея хвалы взбуждать что долженъ къ чести
Какъ тернь въ чужихъ ногахъ и ось въ очахъ у
лести.
И зависть мѣтитъ въ насъ, гдѣ не лзя силой взять,
110 Тутъ ложной дружбой ковь желаетъ насъ прельщать.
Державнѣйша! Твоихъ совѣтовъ онъ не знаетъ,
Коль скоро разумъ Твой такую сѣтъ терзаетъ.

15.

Es sieht die Eifersucht, mit einem giftigen Blick,
Und hämscher Schlangen-Art, in jene Nacht zurück,
115 Als Ioch und Finsternis die Roxolanen drückten,
Die vor dem wilden Bild des strengen Batt sich bückten,
Und nimmt ein Muster an von künftiger Figur
Verdorbener Gestalt. Allein sie träumt sie nur,
Und wird nicht, wie vordem, mit uns in Schlachten
spielen,
120 Wo gegen hundert Mann gleich so viel tausend fielen.

16.

Nein, nein, O Heldin! nein, da steht Dein Muth davor.
Auf! schwinde Petrus Schwert mit gleicher Kraft empor,
Das Übermuth gereizt, und kecker Stoltz bewogen,
So wie sie es gefühlt, so bald es nur gezogen
125 Aus seiner Scheide fuhr. Verfolge Feind und Sieg,
Und zwing den Frieden ab, durch einen kurtzen Krieg,
Den Undanck, Bundes-Bruch, und Lästörung,
erzwungen,
Und die gedungne Faust der Grozmuth abgedrungen.

17.

Setz Dir Dein Helm nur auf, Du Pallas unsrer Zeit,
130 Und pflanze Dein Panier. Dein Heer steht schon bereit,
Der Stamm von Pultava, die Sieggewohnten Kinder
Der harten Dreistigkeit, der alten Überwinder,
Die jüngst am Meliboc, so wie am Caucasus,
Am Faul-und Schwartzten Meer, und an dem Weichsel-
Flusz,
135 Den Frieden ausgepreszt, den stoltzen Feind geschlagen,
Und mit gehäuftem Arm die Palmen weggetragen.

18.

Ihr Muth verkühlet nicht an unserm kalten Belth,
Besteigt erfreut den Bord, so wie das rauhe Feld.
Und wird auf Berg und Thal, und wilden Fluth und
Wellen,

140 Die dort verbrannte Brust auch hier entgegen stellen.
Dein Schiffs-Volck tackelt schon, erhebt sein froh
Geschrey,

Die Zeit war noch nicht da; nunmehr kommt sie herbey;
Die Kammern sind gefüllt, das Deck bepflantz mit
Stücken,

Und alles ausgerüst in freye See zu rücken.

19.

145 Zieh Deine Flaggen auf, lasz Deine Wimpel wehn.
Und einen furchtbarn Wald von Masten schwimmen sehn.
Zieh Deine Flotten vor aus den beeizten Meeren,
Vereine sie der Macht der schleichenden Galeeren,
Die in die Scheeren-Bucht schon mehrmahls Furcht
gebracht,

150 Und an dem Hellespont das Schrecken grosz gemacht.
Lasz nach befreyter Fahrt vor Dir die Seegel streichen:
Dein Vater war Neptun, Du kanst der Thetis gleichen.

20.

Gieb Losung und Befehl: die Waffen sind geschärfft.
Und Deiner Krieger Arm mit Treubegier benerfft.

155 Ja, rückt nur freudig aus, ihr Adler-Legionen:
Sucht Hütt und Klippen auf, wo unsre Spötter wohnen.
Kehrt ihre Nester um. Die Beute wird zwar klein.

Doch, eurer That gemäsz, der Ruhm weit grösser seyn.
So wie der reiche Stoff für unsre Sieges-Lieder:

160 Bringt ihr nicht Schätze mit, bringt uns den Frieden
wieder.

18.

Въ хладу Балтійскихъ водъ ихъ храброй духъ горить,
Съ весельемъ какъ на борть такъ въ полѣ быть
спѣшить.

Въ долинахъ и въ горахъ и гдѣ свирѣпы волны
140 Поставятъ грудь свою отважныхъ мыслей полны.
Морской народъ спѣшить, возносить веселье гласъ:
Что долго ждали толь, уже проходить часъ.
Каморы полны всё, палубы пушки кроютъ,
Готовы въ путь со всёмъ, вотъ въ море вдругъ
пороютъ.

19.

145 Вели Твой флагъ поднять и вимпель въ вѣтръ пустить,
И страшной лѣсъ въ волнахъ, Россійскихъ машеть
открыть.

Пресильной вывести флотъ изъ ледныхъ устьи въ море,
И мочь Твоихъ галеръ къ пособію оныхъ вскорѣ.
Вогнали что великъ въ морски заливы страхъ,
150 Мутила чемъ боязнь Евксинской понтъ въ берегахъ.
Судамъ на брань бѣжать вели въ ужасномъ видѣ:
Отецъ Твой былъ Нептунъ, Ты равна буди Фетидѣ.

20.

Дай имъ указъ къ тому; ружье уже востро
И вѣрность силу дастъ въ салдаты Твоихъ плечо.
155 Съ весельемъ правьте путь въ поля, полки орлины.
Гдѣ вашъ насмѣшливъ врагъ, пройдите всё долины,
Разройте гнѣзда ихъ: добыча хоть мала;
Однако будетъ въ томъ велика вамъ хвала,
И съ ней довольство намъ чемъ вашу храбрость
пѣти.
160 Не возьмемъ хоть багатствъ, но будемъ миръ имѣти.

21.

Lasz sie, GROSZMÄCHTIGSTE, lasz sie dahin nur ziehn,
Wo sie die Lust hinträgt, wo ihre Palmen blühn.

Wir stehn hier ausser Furcht, die GOTT dem Feind
erwecket,

Der sein Verhängnis merckt. Die Gräntzen sind bedeckt.

165 Die Vesten reich versorgt, ihr Schutz durch Kunst
vermehrt,

Ihr Wall mit Volck besetzt, und mit Metall beschwehrt.
Das der Verwegenheit, aus seinen hohlen Schlünden,
Den Donner Deines Ernsts zu strafen läst empfinden.

22.

So harnischt sich Dein Recht, und fühlt und braucht
die Macht,

170 Die Dir von GOTT verliehn: da sonst Dein Auge wacht,
Und Deine Groszmuth sorgt, durch ungleich stärckre
Waffen,

Der Liebe, Gnad, und Huld, Dir den Triumph zu schaffen.
Ja, Dich verherrlicht Dein mildreich übersehn

Des Unrechts, das vorbej, der Fehler, die geschehn:

175 Zwar ist die Ahndung süsz; doch nicht in grossen Geistern,
Und Deiner Helden-Art Dich selbst zu übermeistern.

23.

Es scheint, es hat der Feind der Tugend abgemerckt.

Dasz sie beweglich sey, ob sie sich gleich verstärckt.

Er mustert zwar sein Heer, doch zehlt er auch die Todten:

180 Itzt sucht er Stillestand, nun schickt er Friedens-Bothen.

Wohlan! GROSZMÜTHIGSTE, Du hast vorher gezeigt.

Dasz Du mehr gütig bist, als zum Verderb geneigt.

Es steht in Deiner Hand, läst sich der Antrag hören:

Du willst ohndem Dein Reich nicht mit Provinzen mehren.

21.

Пущай, Державнѣйша, пущай туда пойдуть,
Куда собою хотятъ, гдѣ пальмы ихъ цвѣтуть.
Безъ страху мы живемъ, чемъ Богъ врага смущаетъ,
Онъ рокъ примѣтилъ свой, къ намъ ближе не
держаетъ.

165 Границы съ крѣпостями имѣютъ твердъ покровъ
Твой храброй полкъ и съ нимъ снарядъ по верхъ
валовъ.

На гору дерзость что, рыгая огонь жерлами,
Твой грозной мечеть громъ и смерть между врагами.

22.

По праву должно такъ ихъ силою смирять,
170 Что Богъ изволилъ самъ Тебѣ для насъ послать,
Твой бодрой духъ спѣшитъ любви щедроту дати,
И сильнѣйшимъ ружьемъ Тебѣ тріумфъ сыскати.
Тебя прославить то, не помнишь что обидѣ,
И щедро презрела проступокъ гнусной видѣ:
175 Хотя пріятна мечь; но быть въ Тебѣ не смѣеть:
Что Твой высокой духъ собою самъ владѣеть.

23.

Я мышлю, что нашъ врагъ въ Твоей добротѣ зреть,
Что склонна къ милости, хотя полки крѣпить.
Онъ ставитъ войско въ строй, притомъ и мертвыхъ
числить,

180 То перемирныхъ дней, просить то миру мыслить.
Изволь, Державнѣйша: явила Ты предъ симъ.
Что хочешь миловать, нежъ вредна быти имъ.
Вся власть въ Твоихъ рукахъ, когда ихъ прозба
нравна,
Твоя земля и такъ своимъ пространствомъ славна.

24.

185 Was giebst Du nicht dem Nord, wenn Du ihm Ruhe
schenckst?

Du denckst Dir selbst gemäsz, seit Du das Ruder lenckst,
Und wie ELISABETH, das Wunder-Bild der Britten.
Die mit den Waffen auch, doch mehr mit Witz, bestritten.
Der Künstler Fleisz gelockt, ihr Reich in Flor gebracht.
190 Ihr emsigs Volek geschickt, reich, und berühmt, gemacht.
Durch Pracht und Sparsamkeit sich Ehr und Schätz
erworben.
Als Königin gelebt. als Siegrin spät gestorben.

25.

Du siehst nicht weniger den Grund des Besten ein;
Wirst aller Wissenschaft Schutz und Ergötzen seyn;
195 Durch sie erhält der Mensch den Vorzug, und das
Wesen,

Wozu ihn die Natur. wozu ihn GOTT, erlesen.
Sie edlen unsern Leib, Sie schärffen den Verstand.
Und ohne sie sind wir ein roher Diamant,
Der in der Finsternis der eignen Schaale steckt
200 Die seinen Glantz umhüllt, die seinen Werth verdeckt.

26.

Mit Danck erwiedern sie, was ihnen guts geschicht,
Mit Wirckung äussert sich ihr still-durchdringend Licht.
Und ihre Fruchtbarkeit in Millionen Künsten.
In nützlichem Gewerb. in rühmlichen Gewinnsten.
205 Tyrannen hassen sie. weil sie sich selber feind:
Ein Fürst. der Tugend liebt, ist so, wie Du, ihr Freund.
Aus Neigung wie mit Grund: und wo sie sicher wohnen.
Sind sie der Länder Glück, sind sie die Zier der
Kronen.

24.

185 Какъ Норду миръ подашь, имѣть все будетъ онъ.
Премудру кажешь мысль на Твой восшедши тронъ.
Подобна Ты во всемъ Британъ Елисаветъ,
Славнѣ что разумомъ была нежъ браню въ свѣтѣ.
Ввела науки всѣ, Британъ хвалу взнесла,
190 Богатства и ума довольно имъ дала,
Въ воздержныхъ торжествахъ казну и честь достала,
По Царски вѣкъ жила, въ побѣдахъ жизнь скончала.

25.

Ты видишь равно ей къ талану путь прямой,
Извѣсны будутъ намъ науки всѣ Тобой.
195 Чрезъ оны человѣкъ приходитъ къ совершенству.
Къ сему насъ Богъ избралъ съ натурою блаженству.
Тѣ красятъ нашу плоть острятъ и разумъ въ насъ;
Безъ нихъ мы мрачны какъ нечищеной алмазь,
Что въ дикомъ камнѣ скрытъ очей людскихъ таится.
200 Гдѣ свѣтлость и цѣна въ всегдашней тмѣ не
зрится.

26.

Кто имъ добро чинить воздать тѣ могутъ все
И дѣломъ кажетъ намъ ихъ свѣтъ лице свое.
Художествъ разныхъ плодъ обильный въ тьмахъ
являютъ
Чрезъ прибыль славную своихъ обогащаютъ.
205 Тираннамъ мерески тѣ: они враги себѣ.
Монархи любятъ ихъ подобные Тебѣ.
Когда спокойно ихъ хранить кака держава,
Бываютъ щастье странъ, коронъ краса и слава.

27.

Dein Reich ist recht für sie ein weiter Sammel-Platz:
210 Dort ist noch viel zu thun. da liegt noch mancher Schatz.
Das jene Zeit versäumt. den die Natur verborgen;
Du ziehest beydes vor durch wirthschaftliches Sorgen:
Giebst Vorschub mit Bedacht, wie ihn Dein Vater gab:
Was hier der Fleisz gewinnt. geht unsern Feinden ab.
215 Wird ihre letzte Krafft durch ein Verzehren schwächen.
Und ihren Trotz viel ehr, als Stahl der Waffen, brechen.

28.

Gönn unsrer Kauffmannschaft den billigen Genuss,
Bey Sicherheit und Ruh, von Deinem Überflusz;
Verbeszre Fahrt und Weg, vermehre Schiff und Waaren,
220 Durch Deine Lindigkeit und mildestes Verfahren:
Ein Staat ist wie ein Mensch: wenn dem sein Hertz nichts
preszt,
Und seinem Blute frey den Umlauff nehmen läsz.
So kan es jedem Glied die Nahrungs-Säfte geben,
Und Handlung ist im Staat das, was im Leib das Leben.

29.

225 Verhilff dasz Wort und Schrift in gleichem Werthe stehn.
Und Treu und Glauben sich durch Richtigkeit erhöh:
Dasz andre Völcker nicht an ihrem Umtausch leiden,
Betrug und Schaden fliehn, und unsre Häfen meiden.
Zieh sie durch Freyheit an, die Wohlfarth nach sich zieht;
230 Und, weil doch jedes Volek auf seinen Vortheil sieht,
So schencke denen mehr, die sich nach uns bequemen,
Und unsre Güter so. wie wir die ihren, nehmen.

30.

In Deiner Weisheit ligt dis Heiligthum verwahrt:
Schaff uns Gerechtigkeit durch Ordnung mancher Art.

27.

Имперія Твоя пространной домъ для нихъ.

- 210 Коль много скрытыхъ есть богатствъ въ горахъ Твоихъ!
Что прошлой вѣкъ не зналъ, натура что таила,
То все откроетъ намъ Твоихъ стараній сила.
Ты помощъ въ томъ даешь, какъ самъ Родитель Твой.
Что намъ прилѣжность дастъ, то тратитъ врагъ собой.
215 Послѣдню мочь его голодна скудость склонить,
И горду мысль его сильнѣ огня прогонить.

28.

Позволь купечеству торгомъ довольну быть

Въ излишествѣ Твоемъ, и безопасно жить,

Позволь свободной путь, умножь суда, товары

- 220 Чрезъ кроткіе Твои добротъ душевныхъ дары:

Страна какъ человекъ, какъ сердце бьется въ немъ,

Содержитъ кровь всегда въ прямомъ бѣгу своемъ;

То можетъ каждой членъ напнтанъ быть удобно:

Какъ тѣло духъ живить, такъ земли торгъ подобно.

29.

- 225 Въ дѣлахъ съ рѣчьми людей согласія прибавь,

Съ надеждой вѣрну мысль на равной вѣсь поставь:

Что бы въ торгу своемъ никто не зналъ урону;

Гони отъ портовъ прочь обманъ, утрату, спону;

Чрезъ вольность къ намъ введи таланъ земель чужихъ.

- 230 И для того что всякъ прибытковъ ждетъ своихъ,

Дай большу вольность тѣмъ, что намъ живутъ согласно,

И нашъ товаръ берутъ, какъ мы отъ оныхъ власно.

30.

Въ Твоей премудрости высокой даръ сей скрыть.

Поставь правдивой судъ откуду ложь бѣжить,

235 List, Gunst, und Vorurtheil, verbann aus den Gerichten,
Lasz, wie Du selber thust, nach Recht und Wahrheit
schlichten,
Und sonder Auffenthalt. Heb die Bedrängten auf,
Und hemme, nach Verdienst, der Boszheit frechen Lauf,
So wie, durch schnellen Trost, der Unschuld bittre Thränen,
240 Reisz der bedrückten Gut den Räubern aus den Zähnen.

31.

Geseegnet sey der Tag, den Du dazu erwehlt,
Dasz Deine Güte sich mit unsrer Treu vermählt.
O! welch unschätzbar Pfand sind so erhabne Triebe?
Und welche Süszigkeit steckt in der Völcker Liebe?
245 Was reget sich in Dir, was fühlen wir für Lust,
Die uns auf ewig bindt? Dir bebt die Helden-Brust
Von edler Ruhmbegier die Deinen zu ergözen:
Und unser Hertz für Furcht, Dich nicht genung zu schätzen.

32.

Wohl! leb und herrsche so mit Freyheit, Macht, und Glück,
250 Der Höchste füge Dir das günstigste Geschick,
Dasz mit Bewundrung noch die spatn Enekel schauen
Dich unsrer Zeiten Schmuck, Dich Krone grosser Frauen.
Dis ist der Wunsch vom Belth bisz zum Iapaner- Meer,
Von der Hyrcaner-See bisz, wo der weisse Bär
255 Den Eisberg übersteigt, am äussersten der Erden,
Wo so viel Thiere grosz, die Menschen kleiner, werden.

33.

Der Auf- und Niedergang, der Erde gröstes Stück,
Merckt Deiner Vorsicht auf, erfordert Deinen Blick,
Die innerliche Macht, Dein Ansehn bey den Thronen,
260 Und die Verbindungen so vieler Nationen.

- 235 Лукавство, ковь и леть низринь изъ мѣсть судебныхъ,
Вели на правду зреть, какъ Ты, въ дѣлахъ враждебныхъ
Безъ траты времени въ обидахъ помощь дай,
Коварну зависть, злость по ихъ дѣламъ карай.
Невинныхъ току слезъ послѣ Твою утѣху.
240 Избавь отъ хищныхъ рукъ Твоихъ людей къ успѣху.

31.

- Благословенъ будь день, что избранъ былъ къ тому,
Когда склонилась Ты къ народу Твоему.
О коль предрагъ залогъ отъ сей высокой страсти!
И коль пресладокъ плодъ любовь подданныхъ къ власти!
245 Колика радость намъ Тебѣ врученнымъ быть!
Велика сладость коль себя любиму зреть!
Геройска бьется грудь смотря Твоихъ забаву,
А наша, чтобъ Твою почтить довольно славу.

32.

- Господствуй и имѣй надъ щастьемъ полную власть,
250 Всевышній дасть Тебѣ въ таланѣ лучшу часть:
Что бы познать могли въ грядущій вѣкъ потомки,
Что Ты всѣхъ женъ краса, Твои дѣла коль громки.
Желая то гласятъ брега Балтійскихъ водъ,
До толь гдѣ кажетъ свой Японцамъ солнце востодъ;
255 И отъ Каспійскихъ волнъ до горъ, гдѣ мразъ насильный,
Гдѣ малъ народъ большихъ звѣрей стада обильны.

33.

- Востокъ и западъ весь большая часть земли
На промыслъ смотреть Твой и чтить дѣла твои.
И сила войскъ Твоихъ и честь отъ многихъ троновъ,
260 И оныхъ странъ союзъ и твердь Твоихъ законовъ

Sey wie das Mittel-Licht im weiten Bau der Welt,
Das rüstig sich bewegt, aus eigener Krafft sich hält,
Und so viel Cörper noch um sich mit Ordnung treibet,
Dasz jeder in dem Creysz der ewgen Vorschrift bleibet.

34.

265 Du bist uns recht zum Schutz auf eine Zeit verspahrt
Von gantz verworrener. von unerlebter, Art,
Bey deren Unbestand die Weisen schweigen müsen;
Was nicht der Todt getrennt. hat die Gewalt zerrissen,
Und alles untermengt; kein Bündnis hat mehr Krafft:
270 Die Staats-Kunst sieht zwar weit, doch denckt sie
zweifelhaft.

Was wird ihr gantzer Bau noch für Erschütterung leiden?
Das weisz kein sterblicher; die Schickung musz entscheiden.

35.

Ia Himmel! gnüge dich an so viel Thränen-Fluth:
Sey mit uns ausgesöhnt durch das vergoszne Blut;
275 Stürtz die verdamnte List die Völeker zu erbittern;
Schenk den Geschöpfen Ruh nach so viel Ungewittern.
So seuffzt die Redlichkeit. so wünscht das Vaterland,
So hofft die halbe Welt. so krönt der Allmacht Hand
Mit Lorbern ohne Schuld, mit Perlen sonder Mängel,
280 Dich, HÖCHSTE KAYSERIN, Dich, schönsten Friedens-
Engel.

Будь какъ начальной лучъ въ срединѣ всѣхъ планетъ,
Что самъ собой стоитъ и кругъ себя течетъ
И столько тяжкихъ тѣлъ пространнѣмъ вихремъ водить,
Что каждое изъ нихъ чрезъ вѣчный путь свой ходитъ.

34.

265 Тебя Творецъ для насъ до времени скрывалъ,
Когда премѣнный рокъ бѣдами насъ смущалъ.
Въ мятежны тѣ часы и мудры всѣ молчали;
Что рокъ отнять не могъ, то злы насильно взяли.
Смутили все въ одно; въ союзѣ силы нѣтъ!
270 Политика зрить въ даль; но слабъ ея совѣтъ.
Ужасна будетъ коль ея потомъ кончина?
Чтого намъ не лзя знать, покажетъ впрעדъ година.

35.

Довольно, небо, будь потокомъ слезъ людскихъ;
Поставь ужъ съ нами миръ за кровь рабовъ твоихъ.
275 Низвергни мерсской ковъ, что вводитъ брань въ народы,
Подай спокойной вѣкъ, згони отъ насъ погоды.
Вздыхаетъ вѣрность такъ того Россія ждетъ.
Тебѣ Всесильнаго рука вѣнецъ дастъ.
Гдѣ непорочной лавръ, гдѣ чистъ жемчугъ и ясный,
280 Тебѣ, Монархиня, нашъ Ангелъ мира красный.

Х.

ОДА

На прибытіе Ея Величества великія Государыни Императрицы
Елисаветы Петровны изъ Москвы въ Санктпетербургъ
1742 года по коронаціи.

1.

Какой пріятной Зефиръ вѣтъ,
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота ясенѣтъ?
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
5 Мы славу Дщери зримъ Петровой
Зарей торжествъ свѣтящу новой.
Чѣмъ ближе та сіяетъ къ намъ,
Мрачнѣе ночь грозитъ врагамъ.
Брегà Невы руками плещутъ,
10 Брегà Ботнѣйскихъ водъ трепещутъ.

2.

Взнесись превыше молній, Муза,
Какъ быстрый съ Пиндаромъ орелъ;
Гремящихъ Арфъ ищи союза,
И въ верхъ пари скоряе стрѣль;
15 Сладчайшій Нектаръ лей съ Назономъ;
Превысь Парнассъ высокимъ тономъ;
Съ Гомеромъ какъ рѣка шуми,
И какъ Орфей съ собой веди
Въ торжественъ ликъ дравъ и воды,
20 И всѣхъ звѣрей пустынныхъ роды.

3.

Дерзай ступить на сильны плечи
Атлантскихъ къ небу смежныхъ горъ;
Внушай свой вселенной рѣчи;
Блюдись спустить свой въ доли взоръ;
25 Надъ тучи онымъ простирайся,
И выше облакъ возвышайся,
Спѣши звучащей славѣ въ слѣдъ.
Но ею весь пространнй свѣтъ
Наполненный страшась чудится:
30 Какъ въ стихъ возможно ей вмѣститься?

4.

Однако ты и тѣмъ щастлива,
Что тщишься похвалы воспѣвать
Всея земли красы и дива,
И тѣмъ красу себѣ снискать.
35 Ты твердь оставь, о древня Лира,
Взнесенна баснями къ верьху мѣра:
Моя число умножить звѣздъ,
Возвысившись до горнихъ мѣстъ
Парящей славою Орлицы,
40 Прѣявъ отъ Росской свѣтъ Денницы.

5.

Священный ужасъ мысль объемлетъ!
Отверзъ Олимпъ всеильный дверь.
Вся тварь со многимъ страхомъ внемлетъ,
Великихъ зря Монарховъ Дщерь,
45 Отъ вѣрныхъ всѣхъ сердець избранну,
Рукою Вышняго вѣнчанну,
Стоящу предъ Его лицомъ,
Котору въ свѣтѣ Онъ Своемъ
Прославивъ, щедро къ Ней взираетъ,
50 Завѣтъ крѣпить и утѣшаетъ.

6.

Благословенна вѣчно буди:
Вѣщаетъ Ветхій деньми къ Ней,
И всѣ твои съ тобою люди,
Что ввѣрилъ власти Я Твоей.
55 Твои любезныя доброты
Влекутъ къ себѣ Мои щедроты.
Я въ гнѣвѣ Россамъ былъ Творецъ,
Но нынѣ паки имъ Отецъ:
Души Твоей кротчайшей сила
60 Мой гнѣвъ на кротость преложила.

7.

Утѣшилъ Я въ печали Ноя,
Когда погопомъ мѣръ казнилъ,
Дугу поставилъ въ знакъ покоя,
И тою съ нимъ завѣтъ чинилъ.
65 Хотѣлъ Россію бѣдъ водою
И гнѣвною казнить грозою;
Однако для заслугъ Твоихъ
Пробавилъ милость въ людяхъ сихъ,
Тебя поставилъ въ знакъ завѣта
70 Надъ знатнѣйшею частью свѣта.

8.

Мой образъ чтятъ въ Тебѣ народы,
И отъ Меня вліянный духъ;
Въ бесчисленны промчется роды
Добротъ Твоихъ неложный слухъ.
75 Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой Я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить;
Господствуй утверждена Мною,
80 Я буду навсегда съ Тобою.

9.

Но что страны вечерни тмятся,
И дождь кровавыхъ каплей льютъ?
Что Финскихъ рѣкъ струи дымятся,
И доли съ влагой пламень пьютъ?
85 Тамъ видя выше горизонта
Входяща Готеска Фаетонта
Противъ теченія небесъ,
И вокругъ себя горящій лѣсъ,
Тюмень въ брегахъ своихъ мутится
90 И воды скрыть подъ землю тщится.

10.

Претящимъ окомъ Вседержитель
Возрѣвъ на полкъ вечерній, рекъ:
О дерскій мира нарушитель,
Ты мечъ противъ Меня извлекъ;
95 Я правлю солнце, землю, море,
Кто можетъ стать со мною въ спорѣ?
Моя десница мечеть громъ,
Я въ пропасть свергъ за грѣхъ Содомъ,
Я небо мракомъ покрываю;
100 Я Самъ Россію защищаю.

11.

Но Вышній зракъ свой отвращаетъ
Отъ Готескихъ ослѣвленныхъ странъ.
И тѣмъ продерзость ихъ смущаетъ,
Трясетъ полки ихъ, флотъ и станъ;
105 Какъ сильный вихрь съ полей прахъ гонить,
И древъ верьхи высоки клонить.
Богинѣ Росской громъ вручилъ,
Чѣмъ злость разить противныхъ силъ:
Прими разженны къ мести стрѣлы,
110 Разсышь враговъ своихъ предѣлы.

12.

Стокгольмъ глубокимъ сномъ покрытый,
Проснись, познай Петрову кровь;
Не жди льстецовъ своихъ защиты,
Отринь коварну ихъ любовь;
115 Ты всеу Солнце считаешь,
И предъ Луной себя склоняешь;
Цѣлуй Елисаветинъ мечъ,
Что ты принудилъ самъ извлечь:
Его смягчитъ одна покорность,
120 Остригъ кичливая упорность.

13.

Примѣры храбрости Россійской
Представь теперь въ умѣ своемъ;
Воззри на Донъ и край Понтійской
Смиранный мстительнымъ огнемъ.
125 Тамъ степи кровью напоены
Взрастили лавры намъ зелены.
Багорова тамъ земля тряслась,
И къ небу съ дымомъ пыль вилась;
Россіянъ твердо грудь стояла,
130 И слава ихъ во мглѣ блистала.

14.

Свою Полтавску вспомни рану,
Что знать еще въ груди твоей,
И гордость при Днепрѣ пограну
И многій плѣнь твоихъ людей,
135 За Обскія бѣрега вселенны,
Хребтомъ Рифейскимъ заключенны,
За коимъ сильна Росска власть
Велику держитъ востока часть,
Гдѣ орды ей собираютъ дани,
140 По ней всегда готовы къ брани.

15.

Какъ нѣльзя лить рѣкамъ къ вершинѣ
Противъ крутизны водъ своихъ,
И силы взять огню въ пучинѣ;
Такъ къ намъ ввести людей твоихъ.
145 Орлы на тое не взирають,
Что львовы челюсти зѣяють.
Вотще твой хитрый былъ совѣтъ:
Россію самъ Господь блюдетъ;
Рукою Онъ Елисаветы
150 Противныхъ разрушить навѣты.

16.

Ужѣ и моремъ и землею
Россійско воинство течетъ,
И сильной крѣпостью своею
За лѣсъ и рѣки Готоовъ жметъ.
155 Огня ревущаго удары
И свистъ отъ ядръ лѣтящихъ ярый
Згущенный дымомъ воздухъ рвутъ,
И тяжкихъ горь сердца трясутъ,
Ужѣ мрачится свѣтъ полдневный,
160 Повсюду видъ и слухъ плачевный.

17.

Тамъ кони бурными ногами
Взвивають къ небу прахъ густой,
Тамъ смерть межъ Готоскими полкѣми
Бѣжитъ, ярясь, изъ строя въ строй,
165 И алчну челюсть отверзаетъ,
И хладны руки простираетъ,
Ихъ гордый исторгая духъ,
Тамъ тысящи валятся вдругъ.
Но если хочешь видѣть ясно,
170 Коль Росско воинство ужасно;

18.

Взойди на брегъ крутой высоко,
Гдѣ кончится землею понтъ;
Простри свое чрезъ воды око,
Коль много обнялъ Горизонтъ;
175 Внимай, какъ Югъ пучину давитъ,
Съ пескомъ мутить, зыбь на зыбь ставитъ,
Касается морекому дну,
На сушу гонить глубину,
И съ моремъ дождь и градъ мѣшаетъ;
180 Такъ Россѣ противныхъ низлагаетъ.

19.

Какъ ежели на Римлянъ злился
Плутонъ, являя гнѣвъ и власть,
И естли Градъ тому чудился,
Что Курцій, видя мрачну пасть,
185 Презрѣлъ и младость и породу,
Погибъ за Римскую свободу
Съ разѣзду въ оную скочивъ;
То ей! Квириты, Маркъ ванъ живъ
Во всякомъ Россѣ, что безъ страху
190 Чрезъ огонь и рвы течеть съ размаху.

20.

Всякъ мнить, что равень онъ Алкиду,
И что Немейскимъ львомъ покрытъ,
Или ужасную Егиду
Нося враговъ своихъ странить;
195 Пронзаетъ, рветъ и разсѣкаетъ;
Противныхъ силу презираетъ.
Смѣшившись съ прахомъ кровь кипитъ;
Здѣсь шлемъ съ главою, тамъ трушъ лежитъ;
Тамъ мечъ съ рукой отбитъ валяется.
200 Коль злоба жестоко казнится!

21.

Народы нынѣ научитесь,
Смотря на страну гордыхъ казнь,
Союзы разрушать блюдитесь,
Храните искренню пріязнь;
205 На множество не уповайте
И тѣмъ небесъ не раздражайте:
Мечи, щиты и крѣпость стѣнъ,
Предъ Божьимъ гнѣвомъ гниль и тлѣнъ:
Предъ нимъ и горы исчезаютъ,
210 Предъ нимъ пучины изсыхаютъ.

22.

Бѣжить въ свой путь съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный Исполинъ,
Ступаетъ по вершинамъ строгимъ,
Презрѣвъ глубоко дно долинъ,
215 Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;
Подъ сильною его пятою
Кремнистые бугры трещать,
И слѣдомъ деревá лежать,
Что множество вѣковъ стояли,
220 И бурей ярость презирали.

23.

Такъ флотъ Россійскій въ понтъ дерзаетъ,
Такъ роетъ онъ поверхъ валовъ;
Надменна бездна уступаетъ,
Стеня отъ тягости судовъ.
225 Во слѣдъ за скорыми кормами
Слѣпнуть съдая пѣна рвами.
Весельный шумъ, гребущихъ крикъ
Наносятъ Готѣамъ страхъ великъ;
Ужѣ надежду отвергаютъ
230 И въ мглѣ свой флотъ и стыдъ скрываютъ.

24.

Не Шведъ ли мнилъ, что онъ главою
Какъ Атласъ держитъ цѣлой свѣтъ,
И море сильною рукою
И полной властью въ узахъ жметъ;
235 Что твердь съ собой въ союзѣ свяжетъ
И вснять итти Лунѣ укажетъ,
Однако родъ Россійскій зналъ
И мысленно тогда взиралъ,
Когда онъ сталъ на насъ грозиться,
240 Какъ онъ бѣжить, какъ насъ страшится!

25.

На нивахъ жатву оставляетъ,
Отъ мести утрашенный Финь
И съ горь оцѣненѣвъ взираетъ
На дымъ всходящій изъ долинъ,
245 На мечъ на Готоовъ обнаженный,
На пламень въ селахъ возпаленный;
Тамъ ночью отъ пожаровъ день,
Тамъ днемъ въ пыли ночная тѣнь:
Багровый облакъ въ небѣ рдѣетъ,
250 Земля подъ нимъ въ крови краснѣетъ.

26.

Но холмы и дрѣвâ скачите,
Ликуйте множества озеръ,
Руками рѣки воспленците,
Петрополь буди вамъ примѣръ:
255 Елисавета къ вамъ приходитъ,
Отраду съ тишиной приводитъ:
Любя вселенныя покой,
Уягѣ простертой вамъ рукою
Даруетъ мирныя оливы,
260 Щадить велитъ дуга и нивы.

27.

Хоть съ вамибѣ, Готы, къ намъ достигли
Поящи западъ быстрины,
Хотя бы вы на насъ воздвигли
Союзы ваши всѣ страны;
265 Но тщетны былибѣ всѣ походы:
Незнаемые вамъ народы,
Что далѣ сѣвера живутъ,
Того по вся минуты ждуть,
Что имъ велить Елисавета,
270 Готовы стать противу свѣта.

28.

О слава женъ во свѣтѣ славныхъ,
Россіи радость, страхъ враговъ,
Краса Владѣтельница державныхъ!
Всякъ кровь свою пролить готовъ,
275 За многія твои доброты
И къ подданнымъ твоимъ щедроты.
Твой слухъ плѣнилъ и тѣхъ людей,
Что странствуютъ среди звѣрей;
Что съ лютыми пасутся львами,
280 За честь Твою восстанутъ съ нами.

29.

Твое прехвально имя пишеть
Неложна слава въ вѣчномъ льдѣ,
Всегда гдѣ хладный сѣверъ дышетъ.
И только вѣрой тепло къ Тебѣ;
285 И стѣпи въ зноѣ отдаленны
Къ Тебѣ любовію возженны
Еще усерднѣе горять.
Къ Тебѣ отъ восточныхъ странъ спѣшать
Ужѣ Американски вѣсны
290 Въ Камчатской портъ веселья полны.

30.

Въ шумящихъ берегахъ Балтійскихъ
Веселья больше нежели водъ,
Что видѣли судовъ Россійскихъ
Противъ враговъ щастливый ходъ.
295 Коль радостенъ женихъ въ убранствѣ,
Толь Финскій понтъ въ Твоемъ подданствѣ.
Въ проливахъ, въ устьяхъ рѣкъ, въ губахъ
Играя, Нимфы вьютъ въ рукахъ,
Монархиня, вѣнцы лавровы,
300 Тебѣ вспѣвая пѣсни новы.

31.

О чистый Невскій токъ и ясный
Щастливѣйшій всѣхъ водъ земныхъ!
Что сей богини ликъ прекрасный
Крочишь теперь отъ струй своихъ,
305 Стремись, шуми, теки обильно,
И быстриной твоей насильно
Промчись до Шведскихъ береговъ,
И больше устраши враговъ,
Имъ громкимъ шумомъ возвѣщая,
310 Что здѣсь зимой весна золотая.

32.

Какъ лютый мразъ она прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ,
315 Вселенну паки воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля цвѣтами краситъ вновь:
Такъ нынѣ милость и любовь,
И свѣтлый Дщери взоръ Петровой
320 Насъ жизнью оживляетъ новой.

33.

Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сонъ?
Еще горить во мнѣ охота
Торжественный возвыситъ тонъ.
325 Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
И купно ясный день сіяетъ!
То сердце сильна власть страшитъ,
То кротость оное живитъ;
То бодрость страхъ, то страхъ ту клонитъ,
330 Противна страсть противну гонитъ!

34.

На западъ смотритъ грознымъ окомъ
Сквозь дверь небесну Духъ Петровъ,
Во гнѣвѣ сильномъ и жестокомъ
Преступныхъ онъ мятетъ враговъ.
335 Богиня кротко съ нимъ взираетъ
На Невскій брегъ и простираетъ
Свой перстъ на Дщерь свою съ высотъ:
Воззри на образъ твой и плодъ,
Что всѣ дѣла твои восставить,
340 И въ свѣтѣ тѣмъ себя прославить.

35.

Исполненъ я веселья нынѣ,
Что вновь дѣла мои растутъ:
Вѣщаетъ Петръ къ Екатеринѣ;
Твои совѣты всѣ цвѣтутъ.
345 Блаженны Дщерью мы своею;
Рука Господня буди съ Нею,
Блаженъ тотъ годъ, тотъ день и часъ,
Когда Господь ущедрилъ насъ,
Подавъ Ея намъ на утѣху,
350 И всѣхъ трудовъ моихъ къ успѣху.

36.

Но рѣчь ихъ шумный вопль скрываетъ:
Война при Шведскихъ берегахъ
Съ ужаснымъ стономъ возрыдасть,
Въ угрюмыхъ кроется лѣсахъ.
355 Союзъ приходитъ вождельный,
И гласъ возноситъ къ ней смиренный:
Престань прекрасный вѣкъ мрачить,
И Фински горы кровавить:
Се царствуетъ Елисавета,
360 Да миръ подастъ предѣламъ свѣта.

37.

Хотя твои махины грозны,
Но сплавно ихъ въ зваянный видъ:
Чтобъ знали впрредь потомки позны,
Что нынѣ свѣтъ въ Россіи зреть.
365 Я вящши учиню премѣны,
Когда градовъ пространны стѣны
Безъ пагубы людской сотру,
Въ огромные столпы сберу;
Превыше будутъ тѣ Мемфійскихъ
370 Монарховъ славою Россійскихъ.

38.

Мечи твои и ко́пья вредны
Я въ плуги и въ серпы скую;
Пребудутъ все́ поля безбо́дны,
Отвергнувъ люту власть твою.
375 На мѣстѣ брани и раздора
Цвѣты свои рассылетъ Флора.
Разить не будетъ сѣрный прахъ
Сквозь воздухъ, огонь и смерть въ полкѣхъ,
Но озаривъ веселы почи,
380 Восхититъ зрящихъ духъ и очи.

39.

Еще плѣннна мысль мутится!
Я слышу стихотворцевъ шумъ,
Которыхъ жаръ не погасится,
И будетъ чтущихъ двигать умъ;
385 Завистно на меня взирая
И съ жалостію воздыхая,
Ко мнѣ возносятъ скорбный гласъ:
О коль ты щастливѣе насъ!
Нашъ слогъ исполненъ басней лживыхъ.
390 Твой сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ.

40.

На чтобы вымышлять намъ ложно
Безъ вещи имена однѣ,
Когда бы было намъ возможно
Рожденнымъ въ Росской быть странѣ,
395 Въ сіе благословенно время
Въ которое Петрово сѣмя,
Всѣхъ жёнъ хвала Елисаветъ
Сладчайшій Музамъ вѣкъ даетъ.
Въ ней зрятся истинны доброты,
400 Геройство, красота, щедроты.

41.

Что толь пріятный сонъ смущаетъ,
Восторгъ пресладкій гонить прочь,
И что спокойну брань скрываетъ,
И отвращаетъ ясну ночь?
405 Возносить востокъ и западъ клики!
Согласно разные языки
Гласятъ къ Монархинѣ своей:
Господь ущербомъ нашихъ дней
Умножь Твои дражайши лѣта
410 Къ отрадѣ и зашитѣ свѣта!

42.

Когда бы древни вѣки знали
Твою щедроту съ красотой,
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный въ храмѣ образъ Твой.
415 Чтожь будущіе скажутъ роды?
Покрыты кораблями воды
И грады, гдѣ были прежде лѣсъ,
Возвысятъ гласъ свой до небесъ:
Великій ПЕТРЪ намъ далъ блаженство,
420 ЕЛИСАВЕТА совершенство.

43.

Цѣлуй Петрополь ту десницу,
Которой долго ты желалъ:
Ты паки зришь ИМПЕРАТРИЦУ,
Что въ сердцѣ завсегда держалъ.
425 Не такъ поля росы желаютъ,
И въ зной цвѣты отъ жажды таютъ,
Не такъ способныхъ вѣтровъ ждетъ
Корабль, что въ тихій портъ плыветъ:
Какъ сердце наше къ Ней пылало,
430 Чтобъ къ намъ лице Ея сіяло.

44.

Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуй тѣмъ творцамъ,
Что носятъ лавръ похвалъ зеленый;
Доволенъ будь собою самъ:
435 Твою усерднѣйшую ревность
Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность
Въ забвеніи не могутъ скрыть,
Котору будутъ вѣкъ хранить
Дѣла Петровой Дщери громки,
440 Что стануть позны честь потомки.

ХІ.

ОДА

На день Тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Θεодоровича, 1743 года.

1.

Ужѣ врата отверзло лѣто;
Натура ставитъ общій пирь;
Земля и сердце въ насъ нагрѣто;
Колеблетъ вѣтви тихъ зефирь;
5 Объемлетъ мягкій лугъ крилами;
Крутится чистый токъ полями;
Брега питаетъ тучный иль;
Древа и цвѣтъ покрылись медомъ;
Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ
10 Поспѣшно ясный вождь свѣтилъ.

2.

Но о небесъ пресвѣтло око,
Веселыхъ дней прекрасный Царь!
Какъ наша радость, встань высоко,
Пролей чистѣйшій лучъ на тварь,
15 Въ прекрасну облекись порфиру,
Явись великолѣпнень миру
И въ новомъ блескѣ вознесись
Въ златую сѣдши колесницу,
Въ зениць вступи, прешедъ границу,
20 Позднѣ въ Океанъ спустись.

3.

И тѣмъ почти Петрова внука,
Сіяй, какъ нашъ веселый духъ
Горитъ отъ радостнаго звука,
Который въ нашъ внушаетъ слухъ
25 Младаго шумъ Орла паряща
И предкамъ въ слѣдъ взлѣтѣтъ спѣшаща;
На миръ возрѣтъ, искать побѣдъ.
Онъ выше бурь и тучъ промчится,
Противъ перуновъ ополчится,
30 Однимъ обозритъ взглядомъ свѣтъ.

4.

Какой веселый ликъ приходитъ?
Се вѣчность отъ пространныхъ нѣдръ
Великій рядъ вѣковъ приводитъ,
Въ нихъ будетъ жить Великій Петръ,
35 Тобой, Великій Князь Россійскій.
Въ Тебѣ весь Нордъ и край Азійскій
Воскресну прежню чтить любовь.
Какъ въ гробъ лице Петрово скрылось,
Въ сей день веселья солнце тмилось;
40 Но днесъ Тобою свѣтитъ вновь.

5.

Тебѣ Россія вся открыла,
Кленущись Вышняго рукой:
Я въ сердцѣ много лѣтъ таила,
Что мнѣ достоинъ жить Тобой
45 Мнѣ полдень съ утромъ вдругъ вступаетъ,
Весна цвѣты и плодъ являетъ
Въ возлюбленной душѣ Твоей.
Но грудь пронзить народовъ льстивныхъ,
Ужасный лучъ въ полки противныхъ
50 Блистая изъ Твоихъ очей.

6.

Возвысится какъ кедръ высокій
Надъ сильныхъ вѣхъ Твоя глава;
Ты какъ змію попрешь пороки,
Пятѣи наступишь Ты на Льва.
55 Твоими самъ Господь устами
Завѣтъ во вѣкъ поставить съ нами;
И крѣпче Мавританскихъ горъ
Твои плечи Петромъ скрѣплены
И силой свыше облечены
60 Надежный будутъ намъ опоръ.

7.

Прострешь Свои державны длани
Ко Вышнему за насъ въ церквахъ,
Покажешь мечъ и страхъ въ день брани
Подобно какъ Твой Дѣдъ въ полгѣхъ.
65 Премудрость сядетъ въ судъ съ Тобою,
Изгонитъ лестъ и ковъ съ хулою.
И мужество Твои чресла
Скрѣпитъ для общей нашей чести,
Защититъ насъ, къ противныхъ мести,
70 Дабы исторгнуть корень зла.

8.

Подъ инну Трою вновь приступитъ
Россійскій храбрый Ахиллесъ,
Продерскій мечъ враговъ притупитъ,
Хвалою взойдетъ къ верьху небесъ.
75 Отрада пойдетъ въ слѣдъ отградъ
Въ Петровомъ свѣту страшномъ градѣ,
И плески плескамъ вѣсть дадутъ:
Господь щедроты въ насъ пробавитъ,
И больше насъ Тобой прославитъ,
80 Какъ съ трепетомъ враги падутъ.

9.

Мой духъ течеть къ предѣламъ свѣта,
Охотой храбрыхъ дѣль плѣнень,
Въ восторгѣ зрять грядущи лѣта
И грозный древнихъ видъ время:
85 Холмовъ Ливанскихъ верхъ дымится!
Тамъ Наввинъ, иль Сампсонъ стремится!
Текутъ струи Евфратски вспять!
Онъ Тигровъ челюсти терзаетъ,
Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ,
90 Велитъ лунѣ и солнцу стать.

10.

Фиссонъ шумить, Багдадъ пылаетъ,
Тамъ вопль и звуки въ воздухъ бьютъ,
Ассирски стѣны огонь терзаетъ,
И Тавръ и Кавказъ въ понть бѣгутъ.
95 Единъ трясеть свирѣпымъ югомъ
И дальнымъ восточныхъ странъ округомъ
Сильнѣйшій горъ, огня, вѣтровъ,
Отмститель храбръ враговъ сварливыхъ,
Каратель странъ въ союзѣ лживыхъ
100 Россійскій родъ и Плодъ Петровъ.

11.

Однако естли врагъ оставить
Коварну зависть самъ собой,
То насъ желанный миръ прославить
И тѣмъ возвыситъ насъ Герой.
105 Стихи ярость укрочайте,
Туманы въ ясны дни растайте,
Являй веселый небо зракъ;
Цѣлуйтесь громы съ тишиною;
Упейся молнія росою;
110 Стань рядъ планетъ въ щастливый знакъ.

12.

Въ брегахъ да льются тихо рѣки,
Не смѣя чрезъ предѣль ступить;
Да придутъ все страны далеки
Съ концевъ земныхъ Тебѣ служить.
115 Возри на свѣта шаръ пространный,
Возри на понть Тебѣ подстлашый,
Возри въ безмѣрный кругъ небесъ:
Онъ зыблется и помаваетъ
И славу зрѣть Твою желаетъ
120 Свѣтящихъ тьмами въ немъ очесъ.

13.

Возри на трудъ и громку славу
Что свѣтъ въ Петрѣ неложно чтить;
Нептунъ позналъ Его державу,
Съ Минервой сильный Марсъ гласить:
125 Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія,
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотекія,
Сошедъ къ тебѣ отъ горьныхъ мѣстъ;
Онъ нынѣ въ вѣчности сіяетъ,
На Внука весело взираетъ,
130 Среди Героевъ, выше звѣздъ.

14.

Творецъ и Царь небесъ безмѣрныхъ,
Источникъ лѣтъ, вѣковъ Отецъ,
Услыши гласъ Россіянъ вѣрныхъ,
И чисту искренность сердець!
135 Какъ естли сей предѣль положенъ,
Что выше степень не возможенъ,
Куда дѣлами Петръ возшелъ;
Яви сѣю щедроту съ нами,
Да превзойдетъ Его лѣтами
140 Наслѣдникъ имени и дѣлъ.

ХІІ.

(Псал. 143.)

1.

Благословенъ Господь мой Богъ
Мою десницу укрѣпивый,
И персты въ брани научивый,
Сотрѣть враговъ взнесенный рогъ.

2.

5 Заступникъ и Спаситель мой,
Покровъ и Милость и Отрада,
Надежда въ брани и Ограда,
Подъ власть мнѣ дать народъ святой.

3.

О Боже! что есть человекъ?
10 Что Ты ему Себя являешь,
Отъ твари бѣльша быть вмѣняешь,
Котораго толь кратокъ вѣкъ.

4.

Онъ утро, вечеръ, ночь и день
Во тщетныхъ помыслахъ проводить;
15 И такъ вся жизнь его преходить,
Подобно какъ почная тѣнь.

5.

Склони, Владыко, небеса,
Коснись горамъ, и воздымаются;
Пусть реки на землѣ явятся
20 Твои ужасны чудеса.

6.

И молнію Твою блесни;
Бросай отъ странъ гремящихъ стрѣлы;
Рассыпъ враговъ Твоихъ предѣлы,
Какъ плевъ бурей разжени.

7.

25 Меня объялъ чужой народъ,
Въ пучинѣ я погрязъ глубокой:
Ты съ тверди длань простри высокой,
Избавь меня отъ многихъ водъ.

8.

Вѣщаетъ ложь языкъ враговъ,
30 Уста обильны суетою,
Десница ихъ полна враждою,
Скрываютъ въ сердцѣ лести и ковь.

9.

Но я, о Боже, возглашу
Тебѣ пѣснь нову повсечасно:
35 Я въ десять струнъ Тебѣ согласно
Псалмы и пѣсни приношу.

10.

Тебѣ Спасителю Царей
Давіда въ храбрости прославльшу,
Отъ лютаго меча избавльшу,
40 Что врагъ взмахнулъ рукой своей.

11.

Избавь меня отъ хищныхъ рукъ,
И отъ чужихъ народовъ власти:
Ихъ рѣчь полна тщеты, напасти;
Рука ихъ въ насъ наводитъ лукъ.

12.

45 Подобно масличнымъ древамъ
Сыновъ ихъ лѣта процвѣтають;
Одеждой дщери ихъ блистають,
Какъ златомъ испещренный храмъ.

13.

Пшеницы полны гўмна ихъ,
50 Нещетно овцы ихъ плодятся,
На тучныхъ пажитяхъ хранятся
Стада въ травѣ воловъ толстыхъ.

14.

Цѣла обширность крѣпкихъ стѣнъ
Вездѣ столпами утвержденныхъ;
55 Тамъ вопля въ стогнахъ нѣтъ стѣсненныхъ,
Не знаютъ скорбныхъ тамъ временъ.

15.

Щастлива жизнь моихъ враговъ!
Но тѣ свѣтляе веселятся,
Ни бурь, ни громовъ не боятся,
60 Которымъ Вышній Самъ Покровъ.

ХІІІ.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ,

ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СЪВЕРНАГО СІЯНІЯ.

1.

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла влажна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь,
Лучи отъ насъ прогнала прочь.
5 Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

2.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
10 Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Какъ персть между высокихъ горъ,
Такъ гибнетъ въ ней мой умъ и взоръ.

3.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ,
15 Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы божества
Тамъ также сила естества.

4.

Но гдѣишь, натура, твой законъ?
20 Съ полнотныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещуть огонь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

5.

25 О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаеть въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вѣщи знакъ
Являетъ естества уставъ,
Вы знаете пути планетъ,
30 Скажите, что нашъ умъ мятеть?

6.

Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разить?
Какъ молнiя безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ Зенитъ?
35 Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлой паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?

7.

Тамъ спорить жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
40 Иль тучныхъ горъ верьхи горятъ;
Иль въ морѣ дуть престалъ Зефиръ,
И гладки волны быють въ Еоиръ.

8.

Сомнѣнiй полношь вашъ отвѣтъ,
О томъ что окрестъ ближнихъ мѣстъ.
45 Скажитежь, коль пространствъ свѣтъ?

И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ?
Ктожь знаетъ, коль великъ Творецъ?

XIV.

Утреннее размышленіе о Божіемъ Величествѣ.

1.

Ужè прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по землѣ,
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
5 Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представъ, каковъ Зиждитель самъ!

2.

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
10 Могло приближившись возрѣть;
Тогдабъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно Океанъ.

3.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
15 Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

4.

Сія ужасная громада
20 Какъ искра предъ тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада,
Тобою, Боже, возжжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ!

5.

25 Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись
Исполненны твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
30 Великъ Зиждитель нашъ Господь!

6.

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣль;
Но взоръ твой въ бездну проникаетъ,
Не зная никакихъ предѣль.
35 Отъ свѣтлости твоихъ очей
Лѣтеть радость твари всей.

7.

Творецъ, покрытому мнѣ тмою
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою
40 Всегда творити научи.
И на Твою взирая тварь
Хвалить тебя, безсмертный Царь.

XV.

ОДА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕНПЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРИНѢ
ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ
ИМПЕРАТРИЦѢ
И САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССИЙСКОЙ

и

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВАМЪ
ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПЕТРУ ѲЕОДОРОВИЧУ

и ПРЭСВѢТЛѢЙШЕЙ ГОСУДАРИНѢ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ

НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ

БРАЧНАГО СОЧЕТАНІЯ

ИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ

ПРИНОСИТСЯ

ВЪ ЗАКЪ ИСКРЕННАГО УСЕРДІЯ, БЛАГОГОВѢНІЯ И РАДОСТИ

ОТЪ

ВСЕПОДАННѢЙШАГО РАБА

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

ХИМИИ ПРОФЕССОРА.

ПЕЧАТАНА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

МДССХLV.

1.

Не садъ ли вижу я священный
Въ Едемѣ Вышнимъ насажденный,
Гдѣ первый узаконенъ бракъ?
Въ чертогъ Богиня въ славѣ входитъ,
5 Прекраснѣйшихъ Супруговъ вводитъ
Плѣняющихъ сердца и зракъ.
Въ одномъ геройской духъ и сила
Цвѣтутъ въ лѣтахъ ужѣ младыхъ,
Въ другой натура истощила
10 Богатство всѣхъ красотъ своихъ.

2.

Исполнилъ Богъ свой совѣты
Съ желаніемъ Елисаветы:
Красуйся свѣтло Россіи родъ.
Се паки Петръ съ Екатериной
15 Веселья общаго причиною:
Ликуйте сонмы многихъ водъ.
Рифейскихъ горъ верьхи неплодны,
Одѣйтесь въ нѣжный цвѣтъ лилей;
Пустыни и поля безводны,
20 Излейте чистый токъ ключей.

3.

На востокъ, западѣ и югѣ,
Во всемъ пространномъ свѣта кругѣ
Ужасны Россіе полки,
Мечи и шлемы отложите
25 И въ храбры руки днесъ возмите
Зелены вѣтви и цвѣтки.
Союзы царства утверждайте
Въ предѣлахъ вашихъ тишину,
Вы бурны вихри не держайте
30 Подвигнуть пылъ глубину.

4.

Дѣвицъ и юношъ красныхъ лики,
Взнесите радостные клики
По мягкимъ тихихъ рѣкъ брегамъ:
Пусть гласъ веселый раздается,
35 Пусть сей веселый гласъ промчится,
По холмамъ, рощамъ и лугамъ.
„Къ утѣхѣ Росскаго народа
„Петра съ Екатериной вновь
„Считаетъ счастье и порода,
40 „Пригожество, младость и любовь.

5.

Какъ сладкій сонъ вливаетъ въ члены
Во дни трудами изнуренны
Отраду, легкость и покой,
Такъ мысль въ весельи утопаетъ.
45 О коль прекрасенъ свѣтъ блистаетъ!
Являя видъ страны иной.
Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
Тамъ вихрей нѣтъ ни шумныхъ бурь,
Межъ бисерными облаками
50 Сіяетъ злато и лазурь.

6.

Кристаллы горы окружаютъ,
Струи прохладны обтекаютъ
Усыпанной цвѣтами лугъ.
Плоды карминомъ испещренны
55 И вѣтви медомъ орошенны
Весну являютъ съ лѣтомъ вдругъ.
Восторгъ все чувства восхищаетъ!
Какая сладость льется въ кровь?
Въ пріятномъ жарѣ сердце таетъ!
60 Не тамъ ли царствуетъ любовь!

7.

И горлицъ нѣжное вздыханье,
И чистыхъ голубицъ лобзанье
Любви являютъ тамо власть.
Древа листьями помаваютъ,
65 Другъ друга вѣтвymi обнимаютъ,
Въ бездушныхъ тамъ любовна страсть!
Ручьи во слѣдъ ручьямъ крутятся,
То гонять, то себя манять,
То прямо другъ къ другу стремятся,
70 И слившись межъ собой журчатъ.

8.

Нарциссъ надъ ясною водою
Плѣненъ своею красотою
Стоитъ любуясь самъ собой.
Зефиръ, какъ ты по берегу дуешь,
75 Сто кратъ листки его цѣлуешь
И сладкой тѣ кропишь росой,
Зефиръ сихъ нѣжныхъ мѣстъ хранитель,
Куда свой правишь съ нихъ полеть?
Зефиръ кустовъ и роцъ любитель,
80 Что прочь отъ нихъ тебя влечеть?

9.

Онъ легкими шумитъ крилами,
Взвивается подъ небесами
И леть на воздухъ ароматъ;
Царицу мѣстъ любовь ерѣтаетъ,
85 Порфиру и власы взвѣваетъ;
Она снѣшить въ свой свѣтлый градъ.
Индійскихъ рѣкъ брега веселы,
Хоть вѣчна васъ весна нестрить,
Не чудны ваши мнѣ предѣлы,
90 Мой духъ красу любви зритъ.

10.

Какъ утрення заря сіяетъ,
Когда день ясный обѣщаетъ,
Румянитъ синій горизонтъ:
Лице любви толь прекрасно.
95 Въ ночи горятъ колъ звѣзды ясно,
И проникаютъ тихой понтъ:
Подобно сей царицы взгляды
Сквозь дѹши и сердца идутъ,
Съ надеждой смѣшанны отрады
100 Въ объяты страстью мысли льютъ.

11.

Бѣлѣйшей мрамора рукою
Любовь несетъ передъ собою
Младыхъ Супруговъ свѣтлый ликъ.
Натура оному дивится,
105 Возрѣтъ земля и море тщится,
И звѣздный кругъ къ тому прищикъ.
Кругомъ его умильны смѣхи
Взирающихъ плѣняютъ грудь,
Прїятности и все утѣхи
110 Цвѣтами устилаютъ путь.

12.

Усердна вѣрность принимаетъ
Носимый ликъ и поставляетъ
На крѣпкихъ мраморныхъ столпахъ
Сребромъ чистѣйшимъ обведенныхъ,
115 И такъ отъ вѣка утвержденныхъ,
Какъ въ тяжкихъ Таврекихъ нутрь горахъ,
Перуновъ грозныхъ не боятся
И презираетъ молній блескъ,
Отъ мрачныхъ тучъ бѣжать не тщится,
120 Въ ничто вмѣняетъ громовъ трескъ.

13.

Не самъ ли въ гарфу ударяетъ
Орфей, и камни оживляетъ,
И слѣдомъ водить хоръ древесъ?
Любовь, и съ нею восклицаютъ
125 Лѣса, и громко возвышаютъ
Младыхъ Супруговъ до небесъ.
Въ пригоркахъ бьютъ ключи прозрачны,
Сверькая въ солнечныхъ лучахъ,
И сыплютъ чрезъ долины зланы,
130 Чемъ блещетъ Ормъ въ своихъ краяхъ.

14.

Касталески Нимфы ликовствуютъ,
Съ любовью купно торжествуютъ,
И движутъ плесками Парнасъ;
Надежда оныхъ ободряетъ,
135 Надежда тверда возбуждаетъ
Возвысить громко брачный гласъ.
Надежда общаетъ явно;
Онѣ себѣ съ весельемъ ждутъ
Имѣть въ Россіи имя славно
140 И мздою ободренный трудъ.

15.

О Вѣтвь отъ корене Петрова!
Для вѣхъ полночныхъ странъ покрова,
Благополучно израстай.
О щедрая Екатерина,
145 Ты процвѣтай краснѣйши крина,
И сладки намъ плоды подай.
Отъ Васъ Россія ожидаетъ
Щастливыхъ и спокойныхъ лѣтъ.
На Васъ по всякой часъ взиретъ
150 Какъ на прекрасный дневный свѣтъ.

16.

Теперь во всѣхъ градахъ Россійскихъ
По селамъ и въ степяхъ Азійскихъ
Единогласно говорятъ:
Какъ Богъ продлитъ чрезъ вѣчно время
155 Дражайшее Петрово племя;
Щастлива жизнь и нашихъ чадъ:
Небудетъ страшной ужъ премѣны,
И отъ Россійскихъ храбрыхъ рукъ
Рассыплотся противныхъ стѣны
160 И сильныхъ изнеможетъ лукъ.

17.

Петръ силою Своей десницы
Россійски распростретъ границы
И въ нихъ спокойство утвердитъ.
Дражайшія Его Супруги
165 Вездѣ прославятся заслуги
И свѣтъ щедрота удивитъ.
Онъ добродѣтель чрезъ награду
Въ народѣ будетъ умножать;
Она предстательствомъ отраду
170 Потщится бѣднымъ подавать.

18.

Отъ Иберовъ до водъ Курильскихъ,
Отъ вѣчныхъ льдовъ до токовъ Нильскихъ,
По всѣмъ народамъ и странамъ
Имень слухъ Вашихъ протекаетъ,
175 Языки многи услаждаетъ,
Какъ благовонный оиміамъ.
Коль сладко путникъ почиваетъ
Въ густой травѣ, гдѣ клокъ течетъ,
Свое такъ сердце утѣшаетъ,
180 Смотри на Васъ, Елисаветъ.

19.

Съ горящей, солнце, колесницы,
Низведь пресвѣтлыя зѣницы,
Пространной видишь шаръ земной,
Въ Россійской ты державѣ входишь,
185 Надъ нею дневный путь преводишь
И въ вѣсны кроешь пламень свой.
Ты нашей радости свидѣтель,
Ты зришь усердїи нашихъ знакъ,
Что нынѣ намъ послалъ содѣтель
190 Чрезъ сей благополучный бракъ.

20.

О Боже, крѣпкій вседержитель!
Подаждь, да Россювъ Обновитель
Въ потомкахъ будетъ живъ Своихъ
Вспомяни Его заслуги,
195 И преклонивъ небесны круги
Благослови Супруговъ сихъ.
Съ высотъ твоихъ Елисаветѣ
Посли святую благодать,
Сподоби Ты въ грядущемъ лѣтѣ
200 Петрова Первенца лобзать.

XVI.

ОДА

НА ПРЕСВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ
ВОСШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССИЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШИЯ ДЕРЖАВНѢЙШИЯ
ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
ИМПЕРАТРИЦЫ
И
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКІЯ,
КОТОРОЮ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕУСЕРДНѢЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНІЕ ПРИНОСИТЬ
ВСЕПОДАДАННѢЙШІЙ РАБЪ
МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВЪ

1746.

ПОЯВЛЯ 25 ДНЯ.

Печатана при Императорской Академіи Наукъ.

1.

На верьхъ Парнасскихъ горъ прекрасный
Стремится мысленный мой взоръ,
Гдѣ воды протекають ясны,
И прохлаждають Музъ соборъ.
5 Меня не жажда струй прозрачныхъ,
Но шумъ пріятный въ рощахъ злачныхъ
Поспѣшно радостна влечеть:
Тамъ холмы и дрѣва взываютьъ,
И громкимъ гласомъ возвышаютъ
10 До самыхъ звѣздъ Елисаветъ.

2.

И се ужè рукой багряной
Врата отверзла въ мѣрь заря,
Отъ ризы сыплеть свѣтъ румяной
Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря,
15 Велигъ ночнымъ лучамъ склониться
Предъ свѣтлымъ днемъ, и въ тверди скрыться,
И тѣмъ почитать его приходъ.
Онъ блескъ и радость изливаетъ,
И въ красны лики созываетъ
20 Спасенный днесъ Россійскій родъ.

3.

Взирая на дѣла Петровы,
На градъ, на флотъ и на полки,
И купно на свой оковы
На сильну власть чужой руки,
25 Россія ревностно вздыхала,
И сердцемъ всякой часъ зывала
Къ Тебѣ Защитницѣ своей:
Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни намъ Петрово Племя,
30 Утѣшь печаль Твоихъ людей.

4.

Покрой Отчески законы,
Полки противныхъ отжени,
И святости Твоей Короны
Чужимъ коснуться возбрани,
35 Отъ церькви отврати налоги:
Тебя Монарши ждуть чертоги,
Порфира, Скипетръ и Престоль;
Всевышній пойдегъ предъ Тобою,
И крѣпкою своей рукою
40 Отъ всѣхъ Тебя защититъ золь.

5.

Какую чувствует прѣмѣну
Желаніемъ вперенный духъ?
Се мысль внезапно восхищенну
Веселый ободряетъ слухъ!
45 Ужѣ со многими народы
Гласить еoirъ, земля и вѣды,
И камни вошютъ теперь!
Къ намъ щедро небо преклонилось,
И щастье наше обновилось:
50 На тронъ взошла ПЕТРОВА ДЩЕРЬ.

6.

О утра часъ благословенный
Дражайшій намъ златыхъ вѣковъ!
О вѣстникъ щастья возделѣнный
Для насъ и будущихъ родовъ!
55 Ты коль велику далъ отраду,
Когда открылъ Петрову граду
Избавльшійя Богини зракъ!
Мы въ скорбнои темнотѣ заснули,
Но въ радости отъ сна вепрянули,
60 Какъ ты ноцный рассыпалъ мракъ.

7.

Ужѣ народъ нашъ оскорбленный
Въ плачевнѣйшей ноци сидѣлъ.
Но Богъ смотря въ концы вселенны,
Въ полночный край свой взоръ возвелъ,
65 Взглянулъ въ Россію кроткимъ окомъ,
И видя въ мракѣ ту глубокомъ,
Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ.
И бысть. О твари Обладатель!
Ты паки свѣта намъ Создатель,
70 Что взвелъ на тронъ ЕЛИСАВЕТЬ.

8.

О день блаженный, день избранный
Для щастія полночныхъ странъ!
Тобой сугубо осіянный
Востокъ и льдистый Океанъ
75 Свой колѣна прекланяють,
И жертву нынѣ возжигаютъ
Усердну въ радостныхъ сердцахъ
Предъ Солнцемъ на землѣ свѣтящимъ,
Что намъ въ печальной тмѣ сѣдящимъ
80 Пролити свѣтъ, отгнало страхъ.

9.

• Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей,
85 Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ,
И что надуты водъ громады
Текли покрыть пространны грады,
90 Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

10.

Я духомъ зрю минувше время,
Тамъ грозный злится исполнѣ
Рассыпать земнородныхъ племя,
И разрушить натуры чинъ!
95 Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,
Лѣсисты съ мѣстъ бугры хватаетъ,
И въ твердь сквозь облака разитъ.
Сиканской какъ Вулканъ дымится,
Такъ мгла изъ челюстей курится
100 И помрачаетъ солнца видъ.

11.

Но о прекрасная планета,
Любезное свѣтило дней!
Ты нынѣ чрезъ предѣлы свѣта
Простерши блескъ твоихъ лучей,
105 Спасенный сѣверъ освѣщаешь,
И къ намъ веселый видъ склоняешь,
Взирая на Елисаветъ
И купно на Ея доброты:
Отъ Ней текутъ на всѣхъ щедроты,
110 Какъ твой повсюду ясный свѣтъ.

12.

О вы недремлющiе очи
Стрегущiе небесный градъ!
Вы бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спятъ,
115 Взираете сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, что вы въ оный часъ,
Впротивъ естественному чину,
Петрову зрѣли Дщерь едину,
120 Когда пошла избавить насъ.

13.

Сладка плодамъ во время зноя
Прохлада влажныя росы,
И сонъ подъ тѣнью дровъ густою
Прiятенъ въ жаркiе часы;
125 Но вящшу радость ощущаетъ
Мой духъ, когда воспоминаетъ
Россiйскiя отрады день.
Еще приходитъ плескъ во уши!
Плѣняюща сердца и дүши
130 Тогдашней ноши зрится тѣнь!

14.

По стогнамъ шумный гласъ несется
Елисаветиныхъ похвалъ
Въ полкахъ стократно раздается:
Великѣй Петръ изъ мертвыхъ всталъ!
135 Мы пройдемъ съ Нимъ сквозь огонь и воды,
Преодолимъ бури и погоды,
Поставимъ грады на рѣкахъ,
Мы дерзскѣй взоръ враговъ потушимъ,
На горды выи ихъ наступимъ,
140 На грозныхъ станемъ мы валахъ.

15.

Коль наша радость справедлива!
Насъ красить сладостный покой;
О коль, Россія, ты щастлива
Елисаветиною рукой!
145 Противны силъ Ея страшатся,
И кунно милости чюдятся.
Таковъ Екатерининъ ликъ
Быль щедръ и кротокъ и прекрасенъ;
Таковъ быль Петръ врагамъ ужасенъ,
150 Своймъ Отецъ, вездѣ великъ.

16.

Что вы, о позные потомки,
Помыслите о нашихъ дняхъ?
Дѣла Петровой Дщери громки
Представивъ въ мысленныхъ очахъ,
155 И видя зракъ изображенный
Среди Героевъ вознесенный,
Что молвите между собой?
Не всякъ ли скажетъ быть чудесно,
Увидѣвъ мужество совмѣсно
160 Съ толикой кунно красотой?

17.

Велико дѣло есть и знатно
Сердца народовъ привлеци,
И странно всѣмъ и непонятно
Поль свѣта взять въ одной нощи!
165 Но кое сердце толь жестоко,
Которобъ Сей Богини око
Не сильно было умягчить?
И кая можетъ власть земная
На Дщерь и духъ Петровъ взирая
170 Себя противу ополчить?

18.

Пять кратъ подѣ щастливой державой
Цвѣтами красилась земля,
Стократной облеклися славой
Россійски грады и поля:
175 Трофеи въ оныхъ вознесенны,
Съ оливой пальмы насажденны
Елисаветиною рукой.
Америки Та досязаетъ,
Отъ Той Европа ожидаетъ,
180 Чтобъ въ ней возставленъ былъ покой.

19.

Хотя отъ смертныхъ сокровенно
Грядущихъ бытїе вещей;
Однако сердце просвѣщенно
Величествомъ Богини Сей
185 На будущїе дни взираетъ,
И больше щастье предвѣщаетъ.
Конецъ увидимъ оныхъ дѣлъ,
Что ради нашего блаженства
На верьхъ поставить совершенства
190 Входящїй въ небо Петръ велѣтъ.

20.

Кто может всѣ хвалы достойно
Сея Монархини сказать?
Чья Муза толь красно и стройно
Предъ Нею можетъ возыграть?
195 Я Лиру нынѣ подверьгаю,
Стопамъ Ея, и возглашаю:
Подаждь, о сильно Божество!
Да узрятъ многихъ лѣтъ округи
Ея къ отечеству заслуги,
200 И свѣтло днешне торжество.

21.

Да возрастеть Ея держава,
Богатство, щастье и полки,
И купно дѣль Геройскихъ слава,
Какъ токъ великія рѣки
205 Чемъ далѣ бѣгъ свой простираетъ,
Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ.
И множество градовъ поить,
Разлившись на поля восходить,
Обильный тукъ на нихъ наводитъ,
210 И жатвы щедро богатить.

XVII.

ОДА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕПРЕСВЯТЪЙШЕЙ
ДЕРЖАВНЪЙШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЪ
ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНЪ
ИМПЕРАТРИЦЪ

И

САМОДЕРЖИЦЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ

КОТОРОЮ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИКЪ

РОЖДЕНІЯ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

ДЕКАБРЯ 18. ДНЯ

1746.

ИСКРЕННІЯ И ВСЕУСЕРДНЪЙШІЯ СВОЙ ЖЕЛАНІЯ

ПРИНОСИТЬ

ВСЕПОДДАНИЙШАЯ АКАДЕМИЯ НАУКЪ.

ПЕЧАТАНА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1.

Въ сей день, блаженная Россія,
Любезна небесамъ страна,
Въ сей день отъ высоты святыя
Елисаветъ тебѣ дана,
5 Воздвигнути Петра по смерти,
Гордыню сопостатовъ стерти
И въ ужасъ оныхъ привести,
Отъ грозныхъ бѣдъ тебя избавить,
Судей надъ царствами поставить
10 И выше облакъ вознести.

2.

О дочь гремящаго надъ нами,
О мати всѣхъ племенъ земныхъ,
Натура чудная дѣлами,
Какъ естли таинъ ты своихъ
15 Меня достойнымъ быть судила,
И естли слаба мыслей сила
Проникнуть можетъ въ твой чертогъ,
Представь мнѣ оную годину
И купно бѣгъ свѣтилъ по чину,
20 Какъ вышній далъ намъ сей залогъ.

3.

Сквозь тучи бывшія печали,
Что лютый рокъ на насъ навелъ.
Какъ горы о Петръ рыдали
И Поигъ въ брегахъ своихъ ревѣлъ.
25 Сквозь страшны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ войнами возмущенный
Я вижу тотъ пресвѣтлый часъ:
Тамъ вокругъ молодой Елисаветы
Сіяютъ щастливы планеты,
30 И озаряютъ Ту для насъ.

4.

Тамъ солнце бѣгъ свой премѣняетъ,
И къ намъ течетъ умножить день,
На сѣверъ взоръ свой обращаетъ
И онымъ прогоняетъ тѣнь,
35 Являя что Елисавета
Въ Россіи усугубитъ свѣта
Державой и вѣнцемъ своимъ.
Ерміѣ *) наукамъ предводитель
И Марсъ на брани побѣдитель
40 Блистаютъ совокуно съ нимъ.

5.

Тамъ мужъ звѣздами испещренный
Свой свѣтлый напрягаетъ лукъ,
Діана **) стрѣлы позлащенны
Съ нимъ мечетъ изъ прекрасныхъ рукъ.
45 Се небо показываетъ ясно,
Коль то съ добротами согласно
Рожденной днесъ Богини сей:
Та духомъ мужескимъ пронзаетъ
Враговъ и купно уязвляетъ
50 Щедротой и красой Своей.

6.

Сіи признаки возделѣнны
Хотя представили тогда
Твои дары благословенны,
О главъ вѣнчанныхъ Красота!
55 Но вящша радость восхищала,

*) Во время рожденія Ея Императорскаго Величества планеты Меркурій и Марсъ стояли въ одномъ знакѣ съ солнцемъ.

**) Луна тогда стояла въ созвѣздіи Стрѣльца.

Взирающихъ и оживляла,
Когда надежнѣйшій признакъ
Въ младенческомъ лицѣ открылся,
Что точно въ немъ изобразился
60 Родителей дражайшихъ зракъ.

7.

Въ Тебѣ прекрасный домъ создали
Душѣ великой небеса,
Свое блистанье излїяли
Въ Твой пресвѣтлы очеса,
65 Лице входящїя денницы,
И бодрость быстрыя орлицы
Въ младенческихъ являлись дняхъ.
Уже и нѣжнѣйшіе взгляды
Предвозвѣщали тѣ отрады,
70 Что бѣднымъ нынѣ отъемлютъ страхъ.

8.

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.
75 Такъ Ниль смиренно протекаетъ,
Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
Но пользой выше прочихъ рѣкъ:
Своею сладкою водою
Въ лугахъ зеленыхъ пролитою
80 Златой даетъ Египту вѣкъ.

9.

Какъ ясно солнце возсіяло
Свой блескъ впервые на Тебя.
Ужъ щастье руку простирало
Твой прїятности любя,
85 Вѣнецъ держало надъ главою,

И возвышало предъ Тобою,
Трофеи отческихъ побѣдъ
Преславныхъ чрезъ концы земныя.
Коль щастлива была Россія,
90 Когда воззрѣла Ты на свѣтъ!

10.

Тогда отъ радостной Полтавы
Побѣды Росской звукъ гремѣлъ,
Тогда не могъ Петровой славы
Вмѣстить вселенныя предѣлы,
95 Тогда Вандалы низложены
Главы имѣли преклоненны
Еще при пеленахъ Твоихъ;
Тогда предъявлено судьбою,
Что съ трепетомъ передъ Тобою
100 Падутъ полки потомковъ ихъ.

11.

О сладкой нѣжности обитель!
О вы блаженныя мѣста!
Гдѣ храбрый Готовъ Побѣдитель
Лобзалъ и въ очи и въ уста
105 Впервые Плодъ Свой вождельбный,
Свой Плодъ межъ лаврами рожденный,
Васъ оныхъ радостныхъ временъ
Любезна память услаждаетъ,
И оный день вамъ пребываетъ
110 Въ безсмертны вѣки не забвенъ.

12.

Но се различные языки
Отъ рѣкъ великихъ и морей
Согласные возносятъ клики;
Къ Тебѣ Монархинѣ своей
115 Сердца и рѣки простираютъ,

И многократно повторяютъ:
Да здравствуетъ Елисаветъ
Для Росской славы днесъ рожденна,
Да будетъ свыше укрѣплена
120 Чрезъ множество щастливыхъ лѣтъ.

13.

Сіе гласитъ Тебѣ Россія
И кунно съ ней наукъ соборъ.
Предвѣдущая Уранія *)
Возводитъ къ верьху острый взоръ,
125 Небесны бѣги наблюдаетъ,
И съ радостію составляетъ
Вѣнецъ Тебѣ изъ новыхъ звѣздъ.
Тебѣ искусство землемѣрно
Пространство показать безмѣрно
130 Незнаемыхъ желаетъ мѣсть.

14.

Паряща Стихотворства ревность
До звѣздъ Тебя превознесетъ,
Ни гнѣвъ стихій ни ветха древность
Похваль Твоихъ не пресѣчетъ,
135 Къ Тебѣ усердной музы пламень,
Вѣчнѣе нежель твердый камень.
Но все художество свое
Тебѣ Иппократъ **) посвящаетъ,
И усугубить тѣмъ желаетъ
140 Дражайше здравіе Твое.

*) Астрономія.

**) Изобрѣтатель Медицины.

15.

Да будетъ тое невредимо,
Какъ верьхъ высокїя горы
Взираетъ непоколебимо
На мракъ и вредные пары;
145 Не можетъ вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть,
Взнесенъ къ безоблачнымъ странамъ,
Ногами тучи попираетъ,
Угрюмы бури презираетъ,
150 Смѣется скачущимъ волнамъ.

XVIII.

ОДА

на день рожденїя Ея Величества Государыни Императрицы
Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскїя,

1746 года.

(Вторая редакція)

1.

Въ сей день, блаженная Россїя,
Любезна небесамъ страна,
Въ сей день отъ высоты святыя
Елисаветъ тебѣ дана
5 Воздвигнути Петра по смерти,
Гордыню сопостатовъ стерти
И въ ужасъ оныхъ привести,
Отъ грозныхъ бѣдъ тебя избавить,
Судьей надъ царствами поставить
10 И выше облакъ вознести.

2.

О Дщерь Гремящаго надъ нами,
О мати всѣхъ племень земныхъ,
Натура чудная дѣлами,
Какъ естли таинъ ты своихъ
15 Меня достойнымъ быть судила,
И естли слаба мыслей сила
Проникнуть можетъ въ твой чертогъ;
Представь мнѣ оную годину,
И купно бѣгъ свѣтилъ по чину,
20 Какъ вышній далъ намъ сей залогъ.

3.

Сквозь тучи бывшія печали,
Что лютый рокъ на насъ навель,
Какъ горы о Петръ рыдали
И понтъ въ брегахъ своихъ ревѣль,
25 Сквозь страшны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ войнами возмущенный
Я вижу тотъ пресвѣтлый часъ:
Тамъ вокругъ молодой Елисаветы
Сіяютъ щастливы планеты,
30 Я слышу тамъ природы гласъ.

4.

Сѣдя на блещущемъ престолѣ
Составленномъ изъ твердыхъ горъ,
Въ пространномъ всѣхъ твореній полѣ
Между стихій смиряетъ споръ;
35 Сосцами всяку плоть питаетъ;
Отъ чрева рѣки проливаетъ.
Зелену ризу по лугамъ
И по долинамъ расширяя,
Изъ усть Зефирами дыхая,
40 Съ веселіемъ вѣщаетъ къ намъ.

5.

Я съ вами нынѣ торжествую,
Мнѣ сихъ часовъ краснѣе нѣтъ,
Что Героиню такую
Въ сей день произвела я въ свѣтъ.
45 Въ Ней хитрость вся моя и сила
Возможность крайню положила;
Я избрала щастливой знакъ
Надежду показать нелесну:
Въ пространну высоту небесну
50 Прилѣжно возведите зракъ.

6.

Се солнце бѣгъ свой премѣняетъ,
И къ вамъ течетъ умножить день;
На сѣверъ взоръ свой обращаетъ,
И онымъ прогоняетъ тѣнь,
55 Являя, что Елисавета
Въ Россіи усугубитъ свѣта
Державой и вѣнцемъ своимъ.
Ермій наукамъ предводитель
И Марсъ на брани побѣдитель
60 Блистаютъ совокупно съ нимъ.

7.

Тамъ мужъ звѣздами испещренный
Свой свѣтлый напрягаетъ лукъ,
Діана стрѣлы позлащенны
Съ нимъ мечетъ изъ прекрасныхъ рукъ.
65 Се небо показываетъ ясно,
Коль то съ добротами согласно
Рожденные въ признакахъ сихъ:
Отъ ней Геройство съ красотою
По всюду миромъ и войною
70 Лучи пускаютъ дней златыхъ.

8.

Сіе предвѣстіе природы
Хотя представило тогда,
Что ты возвеселишь народы,
О главъ вѣнчанныхъ красота!
75 Но вяща радость восхищала,
Взирающихъ и оживляла,
Когда даровъ Твоихъ признаковъ
Надежнѣе въ лицѣ открылся,
Что точно въ немъ изобразился
80 Родителей великихъ зракъ.

9.

Въ Тебѣ прекрасный домъ создали
Душѣ великой небеса,
Свое блистанье изліяли
Въ твой пресвѣтлы очеса,
85 Лице всходящія денницы,
И бодрость быстрыя Орлицы
И въ нѣжнѣйшихъ являлись дняхъ;
Ужè младенческіе взгляды
Предвозвѣщали тѣ отрады,
90 Что бѣднымъ нынѣ отъемлютъ страхъ.

10.

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.
95 Такъ Нилъ смиренно протекаетъ:
Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
Но пользой выше протчихъ рѣкъ:
Своею сладкою водою
Въ лугахъ зеленыхъ пролитую
100 Златой даетъ Египту вѣкъ.

11.

Какъ ясно солнце возсіяло
Свой блескъ впервые на Тебя,
Ужь щастье руку простирало
Твои прїятности любя,
105 Вѣнецъ держало надъ главою,
И возвышало предъ Тобою,
Трофеи отческихъ побѣдъ
Преславныхъ чрезъ концы земныя:
Коль щастлива была Россія,
110 Когда возрѣла Ты на свѣтъ!

12.

Тогда отъ радостной Полтавы
Побѣды Росской звукъ гремятъ;
Тогда не могъ Петровой славы
Вмѣстить вселенныя предѣла;
115 Тогда Вандалы побѣжденны
Главы имѣли преклоненны
Еще при пеленахъ твоихъ;
Тогда предъявлено судьбою,
Что съ трепетомъ передъ Тобою
120 Падутъ полки потомковъ ихъ.

13.

О сладкой нѣжности обитель!
О вы блаженныя мѣста!
Гдѣ храбрый Готтовъ Побѣдитель
Лобзалъ и въ очи и въ уста
125 Впервые плодъ свой вождельный,
Свой плодъ межъ лаврами рожденный:
Васъ оныхъ радостныхъ временъ
Любезна память услаждаетъ,
И оный день вамъ пребываетъ
130 Въ безсмертны вѣки незабвень.

*

14.

Но се различные языки
Отъ рѣкъ великихъ и морей
Согласные возносятъ клики;
Къ Тебѣ Монархинѣ своей
135 Сердца и руки простирають,
И многократно повторяють:
Да здравствуетъ Елисаветъ
Для Росской славы днесъ рожденна,
Да будетъ свыше укрѣпленна
140 Чрезъ множество щастливыхъ лѣтъ.

15.

Сіе гласить тебѣ Россія
И кушно съ ней наукъ соборъ.
Предвѣдущая Уранія
Возводитъ къ верьху быстрый взоръ,
145 Небесны бѣги наблюдаетъ,
И съ радостію составляетъ
Вѣнецъ Тебѣ изъ новыхъ звѣздъ.
Тебѣ искусство землемѣрно
Пространство показать безмѣрно
150 Незнаемыхъ желаетъ мѣсть.

16.

Парящей Поезїи ревность
Дѣла твои превознесетъ;
Ни гнѣвъ стихій, ни ветха древность
Похваль Твоихъ не пресѣчетъ.
155 Открыты естества уставы
Твоей умножать громкость славы.
Но все художество свое
Тебѣ Ишократъ посвящаетъ,
И усугубить тѣмъ желаетъ
160 И вѣкъ и здравіе Твое.

17.

Да будетъ тое не вредимо,
Какъ верхъ высокія горы
Взираетъ не поколебимо
На мракъ и вредные пары;
165 Не можетъ вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть,
Внесенъ къ безоблачнымъ странамъ,
Ногами тучи попираетъ,
Угрюмы бури презираетъ,
170 Смѣется скачущимъ волнамъ.

ХІХ.

НАДПИСЬ

На иллюминацію представленную передъ лѣтнимъ домомъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны въ торжественный день тезоименитства Ея, 1747 году, гдѣ изображена была Минерва въ храмѣ, значащая премудрость Ея Величества, по сторонамъ символическія изображенія мира и войны и протчая.

Ты миромъ и войной въ подсолнечной сіяешь,
И тѣмъ людей своихъ веселье умножаешь.
Тебѣ съ усердіемъ Минервѣ мы своей
Приносимъ радостныхъ сіяніе огней.
5 Но естлибъ съ нашею любовью то сравнилось,
Тобѣ солнце передъ нимъ въ полудни устыдилось.

XX.

НАДПИСЬ

На иллюминацію представленную въ торжественный день Восшествія на Всероссійскій Престолъ Ея Величества 1747 года, передъ зимнимъ домомъ, на которой изображена была Кристальная гора, а на ней Императорской престолъ съ около стоящими Императорскими на столпахъ признаками, а надъ трономъ вензловое имя Ея Величества.

Какъ вѣчная гора стоить блаженство наше,
Крѣпче мрамора, рубина много краше.
И Твой, Монархиня, престолъ благословенъ,
На нашей вѣрности недвижно утверженъ.
5 Пусть мнимая другихъ свобода угнѣтаетъ,
Насъ рабство подъ Твоей державой возвышаетъ.

XXI.

РАДОСТНЫЯ И БЛАГОДАРСТВЕННЫЯ ВОСКЛИЦАНІЯ
МУЗЪ РОССІЙСКІХЪ,
ПРОЗОРЛИВОСТІЮ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
ОСНОВАННЫХЪ,
ТЩАНІЕМЪ
ЩЕДРЫЯ ЕКАТЕРИНЫ
УТВЕРЖДЕННЫХЪ
И НЕСКАЗАННЫМЪ ВЕЛИКОДУШІЕМЪ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЯ ДЕРЖАВНѢЙШІЯ
ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ
ОБОГАЩЕННЫХЪ, ОЖИВЛЕННЫХЪ И ВОССТАВЛЕННЫХЪ,
КОТОРЫЯ
НА ПРЕСВѢТЛЫЙ И ВСЕРАДОСТНЫЙ ПРАЗДНИКЪ
ВОШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
НОВАБРЯ 25 ДНЯ 1747 ГОДА
ПРИНОСИТЬ
ВСЕПОДДАННѢЙШАЯ
АКАДЕМІЯ НАУКЪ,
ПЕЧАТАНО ВЪ САНКТЪПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОДА.

1.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сель, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
5 Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыпlesh щедрою рукою
10 Твое богатство по земли.

2.

Великое свѣтило миру,
Блестая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
15 Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находить
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ Той всего превыше;
Но духъ Ея Зефира тише
20 И зракъ пріятнѣ Рая.

3.

Когда на тронъ Она вступила,
Какъ Вышній подалъ Ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;

25 Тебя пріявъ облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ щастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
30 На цѣлый западъ и востокъ.

4.

Божественнымъ устамъ приличень,
Монархиня, сей кроткій гласъ.
О коль достойно возвеличень
Сей день и тотъ блаженный часъ,
35 Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда Ты Крестъ несла рукою
И на престоль взвела съ Собою
40 Добротъ Твоихъ прекрасный ликъ!

5.

Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ нѣнія Твоихъ похвалъ:
45 Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Черезъ яры волны порываетъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ,
50 Лѣтитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

6.

Молчите пламенные звуки
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.

55 Вы наглы вихри не держайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хочетъ Лира восхищенна
60 Гласить велики имена.

7.

Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель мира искони,
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни:
65 Послать въ Россію Человѣка,
Каковъ неслыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь все препятства Онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варваретвомъ погранну
70 Съ Собой возвысилъ до небесъ.

8.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ тренетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
75 Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
80 Которымъ прежде я текла?

9.

Тогда божественны науки,
Черезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали рѣки,
Къ сему Монарху говоря:

- 85 Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ Себѣ ихъ призываетъ;
Ужѣ Россія ожидаетъ
90 Полезны видѣтъ ихъ труды.

10.

- Но ахъ! жестокая судьбина!
Бессмертія достойный Мужъ,
Блаженства нашего Причина,
Къ несносной скорби нашихъ дуиъ,
95 Завистливымъ отторженъ рокомъ
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи Парнаски восстали,
И Музы воплемъ провождали,
100 Въ небесну дверь пресвѣтлый Духъ.

11.

- Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ шатался путь,
И токмо шествуя желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
105 Но кроткая Екатерина
Отрада по Петръ едина
Прѣмлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ естлибъ жизнь Ея продлилась,
Давнобъ Секвана постыдилась
110 Съ своимъ искусствомъ предъ Невой.

12.

- Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнасъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!

115 Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь.
Щедроты Отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
120 И къ счастью отверзаетъ дверь.

13.

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
125 Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучашу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
130 Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

14.

Сія Тебѣ единой слава.
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная Твоя держава
О какъ Тебѣ благодарить!
135 Возри на горы превысоки,
Возри въ поля Твои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
140 Что щедростью Твоей цвѣтетъ.

15.

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ щастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,

145 Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе злату́ очистить жилу,
Почувствуютъ и камни силу
150 Тобой восставленныхъ наукъ.

16.

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крилами
Твой взвѣваетъ знамена;
155 Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой
Какъ Нилъ народы напаяетъ
И брѣги наконецъ теряетъ,
160 Сравнившись морю широтой.

17.

Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творить натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоять глубокіе лѣса
165 Гдѣ въ роскошѣ прохладныхъ тѣней
На пасствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не устрашалъ,
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стучомъ
170 Поющихъ птицъ не разгонялъ.

18.

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ бѣгъ свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?

175 Мы даръ Твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца веходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
180 Въ Твою державу отъ Манжурь.

19.

Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ!
185 Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На востокъ плывущихъ кораблей:
Колумбъ Россійскій черезъ воды
Слѣшитъ въ невѣдомы народы
190 Сказать о щедрости Твоей.

20.

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкъ подобенъ Океанъ;
Небесной синевою одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
195 Тамъ тучи разныхъ птицъ лѣтають,
Что пестротою превышаютъ
Одежду вѣжняя весны,
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
200 Не знаютъ строгія зимы.

21.

И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи Рифейски копеймъ,
Сребро и золото истекаетъ
Во всемъ наслѣдїи Твоемъ.

205 Плутонъ въ расщелинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Которой тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
210 Свирѣпой отвращаетъ взоръ.

22.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветь отъ странъ чужихъ,
215 О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
220 Россійская земля раждать.

23.

Науки юношей питають,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастной случай берегутъ;
225 Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуют вездѣ,
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
230 Въ попоѣ сладки и въ трудѣ.

24.

Тебѣ, о милости Источникъ,
О Ангель мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,

235 Завидя нашему покою
Противъ Тебя восстать войною;
Тебя Зиддигель сохранить
Во всёхъ путяхъ беспреткновенну
И жизнь Твою благословенну
240 Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнить.

XXII.

1.

Хвалу всевышнему владыкѣ
Потщися духъ мой возсылать:
Я буду нѣтъ въ гремящемъ ликѣ
О немъ, пока могу дышать.

2.

5 Никто не уповай вовѣки
На тщетну власть Князей земныхъ:
Ихъ тѣжъ родили челоуѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

3.

Когда съ душею разлучатся
10 И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падеть;
Высоки мысли разрушатся
И гордость ихъ и власть минеть.

4.

Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
Всесильному во всёхъ дѣлахъ,
15 И токмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ.

5.

Несчетно многими звѣздами
Наполнившаго высоту,

И непостижными дѣлами
20 Земли и моря широту.

6.

Творящаго на сильныхъ нищу
По истиннѣ въ обидахъ судъ,
Даящаго голоднымъ пищу,
Когда къ нему возопіють.

7.

25 Господь оковы разрѣшаетъ
И умудряетъ онъ слѣпцовъ,
Господь упавшихъ возвышаетъ
И любитъ праведныхъ рабовъ.

8.

Господь пришельцовъ сохраняетъ,
30 И вдовъ пріемлетъ и сиротъ.
Онъ грѣшныхъ дерскій путь скончаетъ,
Въ Сіонѣ будетъ въ родъ и родъ.

XXII^a.

Хвалите Господа всея земли языки,
Воспойте вышняго вси малы и велики:
Что милость онъ свою вовѣкъ поставилъ въ насъ,
И истина его пребудетъ всякой часъ.

XXIII.

1.

Господи кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ тобою населяетъ
Верхъъ священнѣй горнихъ мѣстъ?

2.

5 Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду всегда хранить,
И нелестнымъ сердцемъ точно
Какъ устами говорить.

3.

Кто языкомъ льстить не знаетъ,
10 Ближнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

4.

Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ вышняго рабовъ
15 И предъ нимъ душою правыхъ,
Держитесь присяжныхъ словъ.

5.

Въ лихву дать серебро стыдитесь,
Мзды съ невинныхъ не беретъ.
Кто такъ жить на свѣтѣ тщится,
20 Тотъ во вѣки не падеть.

XXIV.

(Изъ Гомера)

За здравіе твое. Мы какъ бы у Атрида
Твоею Ахиллесъ здѣсь пищею довольны.
Ты насъ столомъ своимъ довольно угостилъ.
Не ради пиршества къ тебѣ мы нынѣ пришли;
5 Насъ Греческихъ полковъ погибель устрашаетъ;
И наши корабли едва ли уцѣлѣютъ.
Ужѣ тебѣ пора во крѣпость облещись:

*

- Трояна близъ судовъ поставили свой станъ,
И ихъ союзники зажгли въ полкахъ огни,
10 Грозятся купно всё, что съ брегу не отступятъ,
Пока до кораблей Ахейскихъ не достигнутъ,
И грянувъ самъ Зевесъ, даетъ имъ добрый знакъ.
Надѣясь на него Пріямовъ храбрый сынъ
Въ ужасной ярости всѣхъ Грековъ презираетъ
15 И въ бѣшенствѣ своемъ боговъ не почитаетъ.
Желаеть, чтобъ заря скорѣе началась
И хвастаетъ отсѣчь всѣ носы у судовъ,
И флотъ весь истребить, возжегши хищный пламень,
И Грековъ всѣхъ убить смятенныхъ въ мрачномъ дымѣ.
20 Сего весьма страшусь, и чтобъ сему Зевесъ
Такъ быть не попустилъ и не судилъ бы рокъ
Подъ Троей умереть далече отъ Еллады.
Какъ естли хочешь ты, то стань за насъ, хотъ позно
И Греческихъ сыновъ избавь отъ сей бѣды.
25 Ты будешь самъ тужить какъ намъ случится зло,
И радъ бы пособить, да способовъ не будетъ.
Подумай, чтобы нынъ избыть отъ злой години.
Пріятель, вспомни, что родитель приказалъ,
Въ которой день тебя къ Атриду посылалъ:
30 Дадутъ тебѣ, сказалъ, Юнона и Минерва
Побѣду на враговъ, ты будь великодушенъ.
Всего похвальнѣе добросердечнымъ быть.
Блюдись всегда вражды и ссоры начинать,
То будутъ тебя чтить и стары и младые.
35 Онъ такъ тебя училъ, а ты позабываешь.
Покинь свой лютый гнѣвъ и будь спокоенъ духомъ,
За то Агамемнонъ почтитъ тебя дарами.

* * *

Пустила по землі заря червленну ризу:
Тогда созвавъ Боговъ Зевесъ громодержитель

- 40 На высочайшій верьхъ холмистаго Олимпа,
Отверзь уста свой, они прилѣжно внемлютъ:
Послушайте меня вси Боги и Богини,
Когда вамъ объявлю, что въ сердцѣ я имѣю.
Ни мужескъ поль Боговъ ниже Богинь поль женскій
45 Законъ мой преступить отнюдь да не дерзаетъ;
Дабы скорѣе мнѣ къ концу привести все дѣло.
Когда увижу я изъ васъ кого снисходна
Во брани помощь дать Троянамъ либо Грекамъ,
Тотъ раненъ на Олимпѣ со срамомъ возвратится:
50 Или хвативъ его повергну въ мрачный тартаръ,
Далече отъ небесъ въ преглубочайшу пропасть,
Гдѣ мѣдяный помость, и гдѣ врата желѣзны...

* * *

- Внезапно всталъ Нептунъ съ высокія горы
Пошоль, и тѣмъ потрясъ и лѣсы и бугры.
55 Трикраты онъ ступилъ, четвертый шагъ достигнулъ
До мѣста въ кое гнѣвъ и духъ его подвигнулъ.

XXV.

(Изъ Анакреона)

- Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза.
5 Внезапно постучался
У двери Купидонъ,
Пріятной перервался
Въ началѣ самомъ сонѣ.
Кто такъ стучится смѣло?
10 Со гнѣвомъ я вскричалъ;

Согрѣй обмерзло тѣло:
Сквозь дверь онъ отвѣчалъ.
Чего ты утрашился?
Я мальчикъ, чуть дышу,
15 Я ночью заблудился,
Обмокъ и весь дрожу.
Тогда мнѣ жалко стало,
Я свѣчку засвѣтилъ,
Немедливиши ни мало
20 Къ себѣ его пустилъ.
Увидѣлъ что крилами
Онъ машеть за спиной,
Колчанъ набить стрѣлами,
Лукъ стянуть тетивой.
25 Жалѣя о нещастѣ
Огонь я разложилъ
И при такомъ ненастѣ
Къ камину посадилъ.
Я теплыми руками
30 Холодны руки мялъ,
Я крылья и съ кудрями
До суха выжималъ.
Онъ чуть лишь ободрился
Каковъ то, молвилъ, лукъ,
35 Въ дождѣ чать повредился;
И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.
Тутъ грудь мою пронзила
Преострая стрѣла,
И сильно уязвила
40 Какъ злобная пчела.
Онъ громко рассмѣялся
И тотъ часъ заплясалъ:
Чего ты испугался?
Съ насмѣшкою сказалъ;

45 Мой лукъ еще годится
И цѣль и съ тетивой;
Ты будешь вѣкъ крушиться
Отнынѣ, хозяинъ мой.

XXVI.

(Изъ *Виргилія*)

Вы небо безъ меня и землю возмутили
И на морѣ бугры поднять дерзнули, вѣтры;
То я васъ! ** только дай мнѣ волны успокоить.

* * *

5 Какое бѣшенство, Трояна, васъ объемлетъ?
Или вы вѣрите, что Греки отдалились?
И что безъ хитрости даютъ они подарки?
Иль такъ вы мало знать Уликса научились?

* * *

„Я мщеніемъ грозилъ, и огорчилъ словами,
„Отсюду вся бѣда; онъ сталъ искать мнѣ смерти,
10 „Сомнительны слова въ народѣ разглашалъ,
„И злиться не престалъ, пока ему Калхантъ.
„Но что ужъ сказывать случай вамъ непріятной,
„Что медлить, естли вамъ все Греки ненавистны.
„Довольно слышали, пора меня казнить.
15 „Атриды и Уликсъ весьма того хотятъ.
Мы жадно спрашивать причинъ нещастья стали,
Не зная хитрости и Греческихъ обмановъ.
Онъ снова свой притворъ съ боязнью началъ такъ:
„Отъ Трои отступить хотѣли часто Греки,
20 „И трудную войну не окончавъ оставить.

* * *

Какъ ниву лютой огонь снѣдаетъ въ бурный вихрь,
Или когда съ горы стремясь рѣка течеть,
Терзаетъ жатвы съ поля весенный трудъ воловъ,
И лѣсъ стремглавъ валить; стоящій на бугрѣ
25 Оцѣпенѣвъ пастухъ не знаетъ что шумить.

* * *

Избавившись отъ бурь, пришли мы къ островамъ,
Стоящимъ посредѣ Ионическихъ водъ,
Что Греческій народъ Строфадами зоветъ.
Со злой Целеною въ нихъ Гарпїи живутъ.

* * *

30 Противнѣе нигдѣ чудовищъ оныхъ нѣтъ,
Ни злѣйшей язвы адъ на свѣтъ не испускалъ.
Имѣютъ женскій зракъ ужасныя тѣ птицы,
И ногти острые, и смрадно гноемъ чрево,
Отъ гладу за всегда блѣднѣетъ ихъ лице.

* * *

35 Онъ чуть сказать успѣлъ, уже съ верху горы
Спускается къ водамъ великая громада,
Ужасный Полифемъ идетъ между овцами,
Лишенный зрѣнїя и скверный изувѣръ
Несетъ рукою дубъ, и тѣмъ дороги ищетъ.

* * *

40 Зубами заскрипѣлъ и съ тономъ въ море вшоль,
Едва во глубинѣ до бедръ достали волны.

* * *

Ужъ слава по градамъ быстро течетъ Ливїйскимъ;
Во всей подсолнечной сего зла злѣе нѣтъ.
Проворна и бодра, растетъ въ пути своемъ.
45 Хоть сперва и мала, и ходить боязливо;
Но вскорѣ до небесъ главу свою возносить.

Подъ каждымъ та перомъ имѣть быстры очи
И уши и уста гласящи беспрестанно.

* * *

- Что дѣлать мнѣ теперь? презрѣнной отъ Троянъ?
50 Или ужъ мнѣ просить Нумидскихъ жениховъ,
Которыхъ столько кратъ супружество отвергала?
Или итти во слѣдъ за флотомъ Иліонскимъ?
И взять себѣ въ законъ измѣнниковъ приказъ,
Которой все мои услуги позабылъ?
55 Но естли погонюся за Дарданскимъ пришельцемъ,
То кто на гордый флотъ меня Троянскій приметъ?
Еще ль не чувствуешь коль лживъ есть сей народъ?
И что? или одной итти за онымъ въ слѣдъ?
Или Пуническимъ мнѣ войскомъ ополчиться,
60 И паки изнурять въ волнахъ народъ Сидонскій,
Которой чрезъ моря недавно привела?
Не лучше ль умереть и жизнь мечемъ пресѣчь?

* * *

- Уже всходя заря на землю сыплеть блескъ
Воставъ съ багрянаго Тритонова одра.
65 Дидона на свѣту съ високаго чертога
Узрѣла, что ужъ флотъ отходить парусами
И что на берегу матрозовъ больше нѣтъ;
Ударила рукой въ свою прекрасну грудь,
И волосы свои терзая, говорить:
70 О боже мой! уйдетъ пришлецъ сей насмѣявшись?
Или не хочетъ градъ за нимъ бѣжать въ погоню?
И Карфагенской флотъ ограбить ихъ судовъ?
Расправьте парусы, съ огнемъ гребите вслѣдъ.
Но что я говорю? гдѣ я? и гдѣ мой разумъ?
75 Тебя нынъ рокъ постигъ, несчастлива Дидона!

- Тогдабъ то говорить, когда давала скиптръ.
Таковъ мнѣ вѣренъ тотъ, что отческихъ боговъ
И въ старости отца изъ пламени исхитилъ.
Не можноть было мнѣ терзать его на части?
80 Убить товарищей и сына умертвить
И члены бы его отцу поставить съ снѣдь?
Но счастье на бою сомнительно. Да пусть бы.
Хотящей умереть, кого уже бояться?
Зажглабъ всѣ корабли и съ сыномъ бы отца
85 Истнила и сама поверглась бы на нихъ.
О солнце что на всю вселенную зриаешь;
И знающая всю тоску мою Юнона,
Прозерпина, и вы о мстятія фуріи
И боги, умереть желающей Дидоны!
90 Внемите и мою услышьте днесъ мольбу:
Когда Зевесъ судилъ, чтобъ лютый сей злодѣй
Достигнулъ до земли и до береговъ Гесперскихъ,
Что рокъ такъ положилъ и премѣнить невозможно;
То пусть хотя его жестока мучить брань;
95 Изгнанъ, и отлученъ отъ сына своего
Пусть просить помощи, зря злую смерть друговъ.
И какъ ужъ заключить поносный миръ съ врагами;
То пусть тогда своимъ не насладився царствомъ,
Не видѣвъ радости безвременно падеть,
100 И будетъ посреди неску непогребенъ.
Сего прошу, и духъ мой съ кровью проливаю.

* * *

- Иные на горы катаютъ тяжки камни,
Иные къ колесу привязаны висятъ.
Тезей сидитъ къ горѣ прикованъ раскаленной,
105 И будетъ вѣкъ сидѣть. Флегей въ Геенскомъ мракѣ
Реветь, и жалостно другихъ увѣщаетъ:

„Вы сильны на земли, на казнь мою взирайте,
„Судите праведно и Бога почитайте.

* * *

Что? развѣ ты понесъ о Турнѣ труды вотще?
110 Уступишь ты свой скиптръ Троянскимъ бѣглецамъ?
Латинѣ ужъ не тебѣ, но имъ отдать намѣренъ
Лавинію свою придано и наслѣдство,
Что все ты заслужилъ самъ кровію своей.

* * *

Не стыдно ли ужъ вамъ сидѣть въ осадѣ снова
115 И смерти ждаты въ стѣнахъ? вы двояды взяты въ Троѣ.
Улисса нѣтъ у насъ, у насъ Атридовъ нѣтъ.
Жестокой нашъ народъ отъ роскоши бѣжитъ:
Мы хладною водой младенцовъ укрѣпляемъ,
Подрослые въ лѣсахъ всегда звѣрей гоняютъ.

* * *

120 Но васъ багряная одежда украшаетъ,
Вы любите плясать и въ роскошь отдаваться.

* * *

Подите по горамъ Диндимскимъ за свирѣльми:
Венера васъ зоветъ тимпаномъ и трубами;
Оружіе свое мущинамъ намъ отдайте.

* * *

125 Печальную любовь на лирѣ улаждая,
Тебя, сладчайшій мужъ, тебя единъ на брегѣ,
Тебя въ началѣ дня, тебя пѣлъ въ позный вечеръ.

*

XXVII.

(Изъ Горация)

- Я знакъ бессмертія себѣ воздвигнулъ
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди,
Что бурный Аквилонъ сотрѣть не можетъ,
Ни множество вѣковъ, ни ѣдка древность.
- 5 Не вовсе я умру; но смерть оставитъ
Велику часть мою, какъ жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великій Римъ владѣетъ свѣтомъ.
Гдѣ быстрыми шумитъ струями Авфидъ,
- 10 Гдѣ Давнусъ царствовалъ въ простомъ народѣ,
Отечество мое молчать не будетъ,
Что мнѣ беззнатной родъ препятствомъ не былъ,
Чтобъ внести въ Италію стихи Еольски,
И первому звѣнѣть Алцейской Лирой.
- 15 Взгордися праведной заслугой муза,
И увѣнчай главу Дельфійскимъ лавромъ.
-

XXVIII.

(Изъ Овидія)

Ужè югъ влажными крилами вылѣтаетъ,
Вода съ сѣдыхъ власовъ и дождь съ браны стекаетъ,
Туманы на лицѣ, въ росѣ перната грудь.
Онъ облаки рукой едва успѣлъ давнуть,
5 Внезапно дождь густой повсюду зашумѣлъ.

* * *

Изъ рукъ мужскихъ назадъ поверженные камни
Пріяли мужескъ видъ, изъ женскихъ рукъ видъ женскій:
Оттуду родъ нашъ твердь, и сносить трудъ великій,
И тѣмъ, откуда взять, довольно доказуетъ.

* * *

10 Едва она свою молитву окончала,
Корой покрылась грудь, оцѣпенѣли члены,
И рѹки отрасльми и вѣтвями власы,
Глава вершиною и ноги корень стали.
Однако Фебъ любя, къ стеблѹ рукой коснулся,
15 Почуль, какъ бьется грудь подъ новою корою.

* * *

Поставленъ на столпахъ высокихъ солнцевъ домъ,
Блится златомъ вокругъ и въ яхонтахъ горитъ,
Слоновый чистый зубъ верхи его покрылъ,
У вратъ на веряхъ сѣяетъ серебро.
20 Но выше мастерство матеріи самой:
Тамъ море изваялъ кругомъ земли Вулканъ,
И землю и надъ ней пространны небеса.

* * *

И какъ туда пришла военная Минерва,
И стала у дверей: что въ домъ вступить не можно;
25 Толкнула въ нихъ кошемъ, отверзся скоро входъ,
Увидѣла внутри, какъ зависть ѣстъ змѣевъ,
И оныхъ кровію злобу свою питаетъ;
Узрѣла, и свой взоръ Богиня отвратила.
Она встаетъ съ земли, оставивъ полъ змѣя,
30 Лѣнливою ногой къ Богинѣ подошла,
И видя, что она красно вооруженна,
Вздыхнула, и лице нахмуривъ восстенала.
Всегда блѣднѣетъ зракъ, и кожа на костяхъ.
Глядитъ изъ подъ бровей, и ржа всегда въ зубахъ,
35 Желта отъ желчи грудь, и ядъ течетъ отъ языка.

* * *

Въ одну погибнетъ ночь съ любовницей любовникъ!
Достойна ты была прожить должайшій вѣкъ.
Но я повиненъ въ томъ, я твой губитель сталъ,
Что въ полночь приказалъ притти въ мѣста опасны,
40 И самъ не уредилъ своимъ тебя приходомъ.
О вы ужасны львы збѣгайтесь изъ пещеръ
И рвите челюстями мою повинну плоть.
Но знакъ боязни есть желать лишь только смерти.

Старается во снѣ свой голодь утолить,
45 Но движеть лишь уста и зубъ на зубъ третъ,
Онъ думаетъ, что ѣсть, но токмо льстится тѣмъ,
И вмѣсто пици вѣтръ глотаеть лишь пустой.
Но какъ уже алчба отгнала сонъ его,
Почувствовалъ огонь на тонцемъ животѣ,
50 И тотчасъ просить все, что воздухъ и земля
И что родятъ моря; но голодень при всемъ.
Ужъ полные столы не полны передъ нимъ,
Чемъ градъ доволенъ весь, онъ тѣмъ одинъ несытъ.

* * *

Онъ гнѣвомъ воспаленъ возвелъ свирѣпый взоръ
55 На Илѣонскій брегъ, гдѣ Гречески суда,
И руки протянувъ, вскричалъ: О сильный Боже!
Предъ флотомъ я въ судѣ, и мнѣ Уликсъ соперникъ!

* * *

Устами движеть Богъ; я съ нимъ начну вѣщать.
Я тайности свой и небеса отверзу,
60 Свидѣнїя ума священнаго открою.
Я дѣло стану пѣть несвѣдомое прежнимъ;
Ходить превыше звѣздъ влечеть меня охота;
И облакомъ нестись, презрѣвъ земную нискость.

* * *

Ахъ когдабъ погрянулъ въ морѣ чужеложникъ
65 Прежде нежелъ приплыть къ Греческому берегу;
Тобъ одна я въ хладной не спала постели,
Дни бы не казались долги мнѣ и скучны.

* * *

Ужь Иліонъ лежитъ, Гречанкамъ ненавистный.
Едва того Пріямъ и Троя стоитъ вся.
70 Други вожди пришли, дымятся олтари,
Ужь отческимъ богамъ Симойски жгутъ добычи,
Жены приносятъ даръ, что здравы ихъ супруги.

* * *

Чрезъ пространно море рѹки простирало,
Кои о печальну грудь свою разбила,
75 И кажу остатки я власовъ издранныхъ.
Ради слезъ помилуй, кои ты мнѣ пролилъ,
И къ сему пустому мѣсту возвратися.
Естьли мертву найдешь, то збери хоть кости.

XXIX.

(Изъ Марціала)

Дивишься, что не дамъ тебѣ стиховъ моихъ?
Боюсь, чтобы ты мнѣ не подарилъ своихъ.

* * *

Когда себя хранилъ отъ яду Митридатъ,
По вся дни принималъ въ своей онъ пищѣ ядъ;
5 Ты Цинна, у себя всегда не доѣдаешь,
И тѣмъ предостеречь себя отъ гладу чаешь.

* * *

Въ тополовой тѣни гуляя муравей;
Въ прилипчивой смолѣ увязъ ногой своей.
Хотя онъ у людей былъ въ жизнь свою презрѣнный;
10 По смерти въ ентарѣ у нихъ сталъ драгоцѣнный.

* * *

Зачемъ я на женѣ богатой не женюсь?
Я вытти за жену богатую боюсь.
Всегда мужъ долженъ быть женѣ своей главою,
То будуть завсегда равны между собою.

* * *

- 15 О имя купно съ розами рожденно!
Тобой зовется лѣта часть прекрасна,
Ты сладко какъ цвѣты и медь Иблейскій,
И какъ блаженный Нектаръ на Олимпѣ.
Тобою бы желалъ назваться отрокъ
20 Зевесовъ виночерпецъ.

* * *

- На бѣлыхъ волосахъ у Аппія зима
И лѣто на глазахъ горящихъ отъ вина;
Какъ пьеть, то по носу фїялки расцвѣтають
И точно тѣмъ весны средину представляютъ;
25 Какъ въ осень щоки всѣ брусники полны зрѣлой.
Не всякъ ли видитъ годъ изображень тутъ цѣлой?
-

XXX.

(Изъ Сенени)

Г Е К У Б А.

Рыдайте жалостно руками бейте въ груди
Парисовымъ судомъ несчастливые люди.

Х О Р Ъ.

Привыкли мы къ слезамъ, мы плачемъ десять лѣтъ
Когда Пріямовъ сынъ начало нашихъ бѣдъ
5 Изъ древъ сея горы суда себѣ построилъ
И Грековъ грабежемъ и насъ обеспокоилъ.
Десятью видѣли мы снѣгъ поверхъ бугровъ
Что лѣсу лишены побитыхъ для ^{ гробовъ. } _{ костровъ. }
Десятью въ робости хлѣбъ сѣяль сельскій житель,
10 По вся дни имъ и намъ былъ страшень побѣдитель.
Теперь намъ новой плачь несчастнымъ настаетъ
Рыдайте, идучи царицѣ вашей в'слѣдъ.

Г Е К У Б А.

Сообщницы моей напасти и печали,
Что горестъ мнѣ нести въ несчастъ помогали
15 Насыпьте, бѣдные, коль горестны часы!

*

Троянской с кровью прахъ въ растрепанныя власы
Спустивши платье с плечъ все руки обнажайте
И до утробы плоть ударамъ подвергайте
Какой остался намъ уже плѣннымъ стыдъ
20 Не къ браку намъ беречь покрытой тѣла видъ
Терзайте грудь лице в отчаянныя терзайте
Пріятель мнѣ сей видъ; Царица подражайте
Все плачи прежніе старайтесь превышать
Рыдайте какъ есть долгъ о Гекторѣ рыдайте.

Хоръ.

25 Растрепаны власы, и узлы все разбиты
Горячимъ пепеломъ главы у всехъ покрыты.

Гекуба.

Возмите в горсти прахъ. Вамъ только можно взять
Что вамъ оставила десятилѣтняя мать.
Ударьте нынѣ все в нагя сильно плечи
30 Печаль произнеси прегорестныя рѣчи.
Регейски берега распространяйте вой
Ты ехо скучное въ пещерахъ подъ горой
Не только повторяй слова рѣчей послѣдны
Но цѣлой бѣдныхъ вопль стenanія передны.
35 О море небеса вамъ должно здѣсь внимать
Мы нынѣ начали о Гекторѣ рыдать.

Хоръ.

Тебя, тебя въ слезахъ о Гекторѣ поминаемъ
И плечи язвами покрытыя терзаемъ
Тебя родившая багровыя груди рветъ
40 Изъ поврежденныхъ вновь ранъ прежнихъ кровь течетъ
О столпъ отечества о рока воспятитель
Плечами былъ ты намъ своимъ покровитель.

* * *

Расторгни смертны узы, Гекторъ,
Раздвинь земное нѣдро,
45 Карай Уликса;
Одна твоя къ тому довольна тѣнь.
Оружіемъ гремитъ,
И на Ахейскій флотъ бросаетъ хищный пламень!

* * *

Умножь теперь свой гнѣвъ и будь бодръ какъ прежде,
50 И стары злы дѣла почти за добродѣтель.
Медея нынѣ я, и дерзость въ злѣ растеть,
Весьма полезно мнѣ, что мной убитъ мой братъ,
Что мной растерзанъ былъ и на пути разметанъ.
Полезно что отецъ лишень руна златаго.
55 Не знаю что теперь злый духъ мой умышляетъ
И самъ себѣ едва представить ясно смѣеть.

* * *

Къ неслыханному злу рука моя готова.
Примите дѣти казнь за отческу невѣрность.
Трепещетъ грудь моя, и члены цѣпенѣють!
60 Отходить лютость прочь: я стала снова мать.
Ахъ! какъ мнѣ кровь пролить драгихъ своихъ дѣтей?
Однако не мой, пускай ужѣ погибнуть.
Ахъ нѣтъ они мои! и ничему невинны!
Но равно какъ они и братъ невиненъ былъ.
65 Что зыблешься мой духъ? и слезы что текутъ?
Любовь влечетъ въ страну а гнѣвъ влечетъ въ другую.

* * *

Ко мнѣ дражайшій плодъ въ объятія бѣгите:
Единыхъ видитъ васъ сей скорбный домъ отраду.

* * *

Но ненависть кипить болѣзнь воспламенилась
70 И прежней гнѣвъ бодрить мой къ убійству рѹки.
Я слѣдую тебѣ, куда ни поведешь.

* * *

Зевесъ боговъ отецъ, егоже сильный громъ
Страшитъ востокъ и югъ и дальный солнцевъ домъ,
Я миръ тебѣ принесъ, ты царствуй безопасно:
75 Что было на земли и въ тартарѣ ужасно,
То все я сокрушилъ Геройской сей рукой
И свѣту показаль, что я рождень тобой.
Ужъ некуда тебѣ бросать гремящи стрѣлы:
Я спасъ отъ лютыхъ бѣдъ вселенныя предѣлы.

XXXI.

Лишь только дневной шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ,
И взялъ пастушей посохъ въ лапу,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
5 На уши вдѣлъ широку шляпу,
И крался тихо сквозь лѣсокъ,
На ужинъ для добычи къ стаду.
Увидѣлъ тамъ, что Жучко спить,
Обнявъ пастушку Оирсъ храпитъ,
10 И овцы всѣ лежали сряду.
Онъ могъ изъ нихъ любую взять;
Но не довольствуясь уборомъ,
Хотѣлъ прикрасить разговоромъ
И именовъ овецъ назвать.
15 Однако чуть лишь пастъ разинулъ,
Раздался въ рощѣ волчей вой.
Пастухъ свой сладкой сонъ покинулъ,
И Жучко съ нимъ бросился въ бой;
Одинъ дубиной гостя встрѣтилъ,
20 Другой за горло ухватилъ;
Тутъ поздно бѣдной волкъ примѣтилъ,
Что черезъ чуръ перемудрилъ,

Въ полахъ и въ рукавахъ связался,
И волчьимъ голосомъ сказался.
25 Но Оирсъ недолго размышлялъ,
Уборъ съ него и кожу снялъ.
Я притчу всю короткимъ толкомъ
Могу вамъ, господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
30 Тому лисицей не бывать.

XXXII.

- Жениться хорошо, да много и досады.
Я слова не скажу про женскіе наряды:
Кто миль, на томъ всегда пріятень и уборъ;
Хоть правда что при томъ и кошелекъ неспоръ.
5 Всего несноснѣе противныя совѣты,
Упрямья слова, и спорныя отвѣты.
Примѣръ намъ показалъ недавно мужичокъ,
Котораго жену въ водѣ постигнулъ рокъ.
Онъ къ берегу пришедъ, увидѣлъ тамъ сосѣда,
10 Не усмотрѣлъ ли онъ, спросилъ, утопшей слѣда.
Сосѣдъ совѣтовалъ въ низъ берегомъ итти:
Что быстрина туда должна ее снести.
Но онъ отвѣтствовалъ: я, братецъ, признаваюсь,
Что вѣкъ она жила со мною вопреки:
15 То истинно теперь о томъ не сумнѣваюсь,
Что потонувъ она плыла противъ рѣки.
-

XXXIII.

Послушайте прошу, что старому случилось,
Когда ему гулять заблаго рассудилось.
Онъ ѣхаль на ослѣ, а слѣдомъ парень шоль;
И только лишь съ горы они спустились въ доль,
5 Прохожій осудилъ тотчасъ его на встрѣчѣ:
Ахъ, какъ ты малому даешь брестъ толь далече?
Старикъ сошоль съ осла и сына посадилъ,
И только лишь за нимъ десятокъ разъ ступилъ;
То люди начали указывать перстами:
10 Такими, вотъ, весь свѣтъ наполненъ дураками:
Не можноль на ослѣ имъ ѣхать обоимъ?
Старикъ къ ребенку сѣлъ и ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ.
Однако чуть минулъ мѣстечка половину,
Весь рынокъ закричалъ: что мучишь такъ скотину?
15 Тогда старикъ осла домой поворотилъ,
И скуки не стерпя, себѣ проговорилъ:
Какъ стану я смотрѣть на всѣ людскія рѣчи,
То будетъ и осла взвалить къ себѣ на плечи.

XXXIV.

Твоей короны зданіе, Монархія, лускай стоитъ
Тебѣ къ веселію и намъ къ блаженству твердо
Какъ наша вѣрность ожидать отъ неба намъ того велитъ
И ревность уновать всегда Тебѣ усердо.

XXXV.

НАДПИСЬ

На иллюминацію представленную въ торжественный день Коронованія
Ея Величества 1748 года, передъ зимнимъ домомъ, гдѣ представ-
лень былъ въ храмѣ олтарь изъ сердець сложенной, на верху
Императорской вѣнецъ, по сторонамъ галереи къ восходящему и
заходящему солнцу.

Во храмѣ ревности на олтарѣ сердце
Къ подавшему Тебѣ съ высотъ своихъ вѣнецъ
Отъ подданныхъ Твоихъ чистѣйшій огонь пылаеть,
Да щастіемъ Твоимъ Россію увѣнчаетъ,
5 Да солнце восходя и заходя дивится,
Что веюду красота Твоихъ тріумфовъ зрится.

XXXVI.

НАДПИСЬ

На иллюминацію представленную въ торжественный день Тезоименитства Ея Величества, 1748 года, Сентября 5 дня, передъ лѣтнимъ домомъ, на которой изображенъ былъ фонтанъ, а по сторонамъ храмы мира и войны.

Богиня красотой, породой Ты богиня,
Повсюду громкими дѣлами Героиня,
Ты Мать щедротами, Ты именемъ покой:
Смущенный бранью миръ миритъ Господь Тобой.
5 Россійска тишина предѣлы превосходитъ
И леть избытокъ свой въ окрестныя страны:
Воюеть воинство Твое противъ войны;
Оружіе Твое Европѣ миръ приводитъ.

XXXVII.

Жививъ шастливую премѣну,
Чего желалъ Россійскій свѣтъ,
Пренсла препятствій многихъ стѣну
Восшедъ на тронъ Елисаветъ.
5 На память дня того и оной ночи въ честь
Мы тщимся праздничны сѣи огни принести.

XXXVIII.

ОДА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ, ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ
ИМПЕРАТРИЦѢ
ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НА ПРЕСВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ
ВОШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССИЙСКІЙ ПРЕСТОЛѢ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

ПРИНОСИТСЯ

ОТЪ ВСЕНОДАДАННѢЙШЕЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ,

НОВАЯ 25 ДНЯ 1748 ГОДА.

ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТЪПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1.

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
5 Благословенное начало
Тебѣ, Богиня, воссіяло.
И нашихъ искренность сердець
Предъ трономъ Вышняго пылаеть,
Да щастіемъ Твоимъ вѣнчаетъ
10 Его средину и конецъ.

2.

Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Въ Тебѣ послушныхъ берегахъ;
15 Вражда и злость да истребится,
И огонь и мечь да удалится
Отъ странъ Твоихъ и всякій вредъ;
Весна да рассмѣется нѣжно,
И ратай въ нивахъ безмятежно
20 Сторичный плодъ да собереть.

3.

Съ способными вѣтрами споря,
Терзать да не дерзнетъ Борей,
Покрытаго судами моря
Плывущими къ землѣ Твоей.
25 Да всѣхъ глубокой миръ питаетъ;
Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ сель.
Да злобна зависть постыдится,
И славѣ свѣтъ да удивится
30 Твоихъ великодушныхъ дѣлъ.

4.

Священны да хранятъ уставы
И правду на судѣ судьи,
И время Твоея державы
Да ублажатъ раби Твои.
35 Сосѣды да блюдутъ союзы;
И вамъ, возлюбленныя Музы,
За горьки слезы и за страхъ,
За грозно время и плачевно,
Да будетъ радость повсядневно,
40 При Невскихъ обновясь струяхъ.

5.

Годну ту вспоминая,
Среди утѣхъ мятется умъ!
Еще крутится мгла густая,
Еще наносятъ страшный шумъ!
45 Тамъ буря искры завиваетъ,
И алчный пламень пожираетъ
Минервинъ съ громкимъ трескомъ храмъ!
Какъ мѣдь въ горнилѣ, небо рдится!
Богатство разума стремится
50 На низъ къ трепещущимъ ногамъ!

6.

Дражайши Музы, отложите
Взводить на мысль печали тѣнь;
Веселымъ гласомъ возгремите,
И пойте сей великій день,
55 Когда въ Отческой коронѣ
Блеснула на Россійскомъ тронѣ
Янѣе дня Елисаветъ;
Какъ ночь на полдень премѣнилась,
Какъ осень намъ съ весной сравнилась
60 И тьма произвела намъ свѣтъ.

7.

Въ луга усыпанны цвѣтами
Царица трудолюбныхъ пчель,
Блестящими шума крилами
Летитъ между прохладныхъ сель;
65 Стекается оставивъ розы
И согомъ напоенны лозы
Со тцанѣемъ отсюду рой,
Свою Царицу окружаетъ
И тѣсно въ слѣдъ ея лѣтаетъ
70 Усердіемъ вперенный строй.

8.

Подобнымъ жаромъ воспаленный
Стекался здѣсь Россійскій родъ.
И радостію восхищенный
Тѣснясь взиралъ на Твой приходъ.
75 Младенцы купно съ сѣдинію
Спѣшили слѣдомъ за Тобою.
Тогда великій градъ Петровъ
Въ одну стогну умѣстился,
Тогда и вѣтръ остановился
80 И плескъ вносилъ до облаковъ.

9.

Тогда во все предѣлы Свѣта
Какъ молнія достигнулъ слухъ,
Что царствуетъ Елисавета,
Петровъ въ Себѣ имѣя духъ.
85 Тогда нестройные сосѣды
Отчаялись своей побѣды,
И въ мысли отступили вепять.
Монархиня, кто Россовъ знаетъ,
И ревность ихъ къ Тебѣ внимаеть,
90 Помыслить ли противу стать?

10.

Что Марсъ кровавый не дерзаетъ
Рукѣ своей простерти къ намъ,
Твой онъ силы почитаетъ
И власть подобну небесамъ.
95 Левъ нынѣ токмо зреть ограду,
Чемъ путь ему пресѣченъ къ стаду.
Но море нашей тишины
Ужѣ предѣлы превосходитъ,
Своимъ избыткомъ миръ наводитъ.
100 Разлившись въ западны страны.

11.

Европа утомленна въ брани,
Изъ пламени поднявъ главу,
Къ Тебѣ свой простерла длани
Сквозь дымъ куреніе и мглу.
105 Твоя кротчайшая природа,
Чемъ для блаженства смертныхъ рода,
Всевышній нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечъ Твой лаврами обвитый
110 Необнаженъ войну пресѣкъ.

12.

Европа и весь миръ свидѣтель,
Народовъ разныхъ миліонъ,
Колика нынѣ Добродѣтель
Россійскій украшаетъ тронъ.
115 О какъ сіе насъ услаждаетъ,
Что вся вселенна возвышаетъ
Монархія, Твои дѣла!
Народовъ Твоя державы
Различна рѣчь, одежда, нравы,
120 Но всѣхъ согласна похвала.

13.

Единымъ гласомъ всѣ зываемъ,
Что Ты Защитница и Мать,
Твои доброты исчисляемъ;
Но всѣхъ не можемъ описать.
125 Когда щедроты пѣть стремимся,
Безгласны красотѣ чудимся.
Побѣдыль славить мысль течеть,
Какъ пали Готы предъ Тобою?
Но больше мирной Ты рукою
130 Пространный удивила свѣтъ.

14.

Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ всѣми кто дарами цвѣль:
Тотъ крѣпкое имѣеть тѣло;
Но слабъ въ немъ духъ и умъ не зрѣль.
135 Въ другомъ блистаетъ умъ небесный,
Но домъ себѣ имѣеть тѣсный,
И духу силъ не достаетъ.
Иной прославился войною;
Но жизнью миръ порочить злою,
140 И самъ съ собой войну ведетъ.

15.

Тебя, Богиня, возвышаютъ
Души и тѣла красоты,
Что въ многихъ раздѣлясь блистають,
Едина всѣ имѣешь Ты.
145 Мы видимъ, что въ Тебѣ единой
Великій Петръ съ Екатериной
Къ блаженству нашему живетъ.
Похваль пучина отворилась,
Смущенна мысль остановилась,
150 И словъ къ тому достатка нѣтъ.

16.

Однако духъ еще стремится,
Еще кипить сердечный жаръ,
И ревность умолчать стыдится:
О Муза, усугубь твой даръ,
155 Гласи со мной въ концы земныя,
Коль нынѣ радостна Россія!
Она коснувшись облаковъ.
Конца не зреть своей державы
Гремящей насыщенна славы
160 Покоится среди луговъ.

17.

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя стадамъ наводятъ сонъ,
165 Сѣдить и нѳги простираетъ
На степь, гдѣ Хиновъ отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ
И вокругъ довольства исчисляетъ,
170 Возлегиши лактемъ на Кавкасъ.

18.

Се нашею, рекла, рукою
Лежить поверженный Азовъ;
Рушитель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ.
175 Се знойные Иркански бреги,
Гдѣ варварски презрѣвъ набѣги,
Сквозь степь и блата ПЕТРЪ прошелъ,
Въ средину Азіи достигнулъ,
Свой знамена тамъ воздвигнулъ,
180 Гдѣ день скрывали тучи стрѣль.

19.

Въ моей послушности крутятся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,
Гдѣ многіе народы тщатся
Драгихъ мнѣ въ даръ ловить звѣрей;
185 Едва покровъ себѣ имѣя,
Смѣются лютости Борея,
Чудовищамъ дерзаютъ въ слѣдъ,
Гдѣ верхъ до облакъ простираетъ,
Угрюмы тучи раздираетъ
190 Поднявшися съ дна морскаго ледъ.

*

20.

Здѣсь Днѣпръ хранить мой границы,
Гдѣ Левъ горящійся упалъ
Съ торжественныя колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
195 Сарматовъ и Саксоновъ плѣнныхъ,
И двигалъ въ мысляхъ вознесенныхъ
Одной вселенную рукой.
Но палъ; и токмо звукъ достигнулъ
Оракійскихъ горъ, и ихъ подвигнулъ,
200 Дунай, съ твоею быстриной.

21.

Въ стѣнахъ Петровыхъ протекаетъ
Полна веселья тамъ Нева,
Златой порфиною блистаетъ,
Покрыта лаврами глава.
205 Тамъ равнымъ жаромъ воспалены
Сердца, какъ храмы освѣщены
Въ исполненной утѣхъ ночи.
О сладкій вѣкъ! о жизнь драгая!
Петрополь небу подражая
210 Подобны облистать лучи.

22.

Сіе Россія восхищенна
Въ веселіи своемъ гласить;
Москва едина на колѣна
Упавъ передъ Тобой стоить,
215 Власы сѣдыя простираетъ,
Тебя, Богиня, ожидаетъ,
Къ Тебѣ единой вопія:
Возри на храмы опалены
Возри на стѣны разрушенны;
220 Я жду щедроты Твоя.

23.

Гряди, Краснѣйшая Денницы,
Гряди, и свѣтлостью лица
И блескомъ чистой багряницы
Утѣшь печальныя сердца,
225 И время возврати златое.
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ трудамъ.
Отсудствуя Ты будешь съ нами.
Покрытымъ Орлими крилами
230 Кто можетъ прикоснуться намъ?

24.

Но естли гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ;
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
235 Онъ верьхъ небесъ къ Тебѣ преклонитъ,
И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ Твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предъидетъ ужасъ предъ Тобою,
240 И слѣдомъ воскурится дымъ.

XXXIX.

Взираетъ вѣрность на тебя
Во храмѣ полного блаженства,
Пространная Твоя земля
Тогожь достигнетъ совершенства.

XL.

Такъ нынѣ новый годъ къ намъ щастіе приводитъ.
Съ Твоею славою таланъ нашъ въ верхъ восходитъ.

XLI.

Ты вѣйско, ты совѣтъ
Даешь своимъ сосѣдамъ
Твоимъ дивится свѣтъ
Безпагубнымъ побѣдамъ.

XLII.

1.

Да хвалить Духъ мой и языкъ
Всесильнаго Творца Державу
Великолѣпіе и славу.
О Боже мой, коль Ты великъ!

2.

5 Одѣянъ чудной красотой,
Зарей божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ бессчета
Шатру подобно предъ Тобой

3.

Покрывъ водами высоты,
10 На легкихъ облакахъ восходишь,
Крилами вѣтровъ шумъ наводишь,
Когда на нихъ летаешь ты.

4.

И воли Твоя послы
Какъ устремленія воздушны
15 Всесильнымъ маніямъ послушны
Текутъ, горятъ не зная мглы.

5.

Ты землю твердо основаль
И для надежныя окрѣпы
Недвижны положилъ заклеи
20 И вѣчну непреклонность даль.

6.

Ты бездною ея облекъ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходить, сгущаяся надъ нами,
Гдѣ дождь рождается и снѣгъ.

7.

25 Ихъ воля Твой единый взглядъ,
Отъ запрещенія мутятся,
И въ тучи устрашась тѣснятся;
Лишь грянетъ громъ Твой, внизъ шумятъ.

8.

Восходятъ горы въ высоту;
30 Крутыя ставишь Ты стремнины
И стелешь злачныя долины,
Угрюмствомъ множа красоту.

9.

Предѣлъ верхамъ ихъ положилъ,
Чтобъ землю скрыть не обратились,
35 Ничемъ бы въ низъ не преклонились,
Кромѣ Твоихъ безмѣрныхъ силъ.

10.

Изъ горъ въ долины льешь ключи
И прохлаждаешь тѣмъ отъ зноя:
Журчатъ для сладкаго покоя,
40 Между горами текучи.

11.

И напоятъ всёхъ звѣрей,
Что окрестъ сель себя питають;
И ждуть ослы, какъ въ жакдѣ тають,
Отрады отъ руки Твоей.

12.

45 Слетаясь тамо птицы въ тѣнь,
Возносятъ пѣніе и свисты,
Живятъ вертены каменисты,
И тѣмъ проводятъ жаркой день.

13.

Ты свыше влагу льешь горамъ,
50 Плодами землю насаждаешь,
И всё народы насыщаешь,
Свидѣтелей Твоимъ дѣламъ.

14.

Растишь въ поляхъ траву для стадъ
Намъ разны зелія въ потребу
55 Обильно прилагаешь къ хлѣбу
Щедрою ко всёмъ богатъ.

15.

Хлѣбъ силой нашу грудь крѣпитъ,
Намъ масло члены умягчаетъ;
Вино въ печали утѣшаетъ
60 И сердце радостью живитъ.

16.

Древамъ даешь обильный тукъ;
Поля вѣнчаешь ими, щедрый.
Насаждены въ Ливанѣ кедры
Могуществомъ всеильныхъ рукъ.

XLIII.

Коль много за Тебя сердце пылаетъ къ Богу;
И радость чувствуютъ въ сей свѣтлый день толь многу.
Гласятъ чтобъ съ тою онъ стократно возвратился
Какъ красный Амаранъ твой вѣкъ бы процвѣталъ
5 Морозы лютые и бури презиралъ
Чтобъ Россій родъ Твоимъ плодомъ возвеселился.

XLIV.

Коль счастлива земля, коль счастливы вѣнцы
Что подъ Твоимъ вѣнцемъ прославлены въ покое.
Въ семь щастіи гласить усердіе святое,
Да Росски въ вѣкъ Тобой утѣшитъ Богъ концы.

XLV.

НАДПИСЬ

На спускъ корабля именуемаго Святаго Александра Невскаго
1749 года.

Гора, что Горизонтъ на сушѣ закрывала,
Внезапно съ берегу на быстрину збѣжала,
Между палатъ стоитъ, гдѣ былъ недавно лѣсъ
Мы веселимся здѣсь въ срединѣ тѣхъ чудесъ.
5 Но мы бы въ лодочкѣ на лужѣ чуть сидѣли,
Когдабъ великаго Петра мы не имѣли.

XLVI.

Россія посмотри на ту щастливу ночь
Что радость привела, печаль отгнала прочь.
Когда по ревности и истинному праву
Изволила принять Петрова дочь державу
5 Съ Собою и тебя до облакъ вознесла.
Добротъ прекрасный ликъ ко трону привела,
Которыя его всечасно окружаютъ
И щастіе твое во вѣки сохраняютъ.

XLVII.

НАДПИСЬ

На прибытіе Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы
Петровны изъ Москвы въ Санктпетербургъ, 1749 года.

Поднявшись солнце въ верхъ, возводитъ взоръ по свѣту,
Спѣшащу зреть во градъ Петровъ Елисавету,
Дивится что зима покорна Ей и снѣгъ,
И что по оному толь быстрой видитъ бѣгъ;
5 На коней пламенныхъ зардѣвшись негодуетъ
И огненнымъ бичемъ за лѣность наказуетъ.
О солнце, не стыдись: краснѣйшая луны
Богиня къ намъ грядетъ Россійскія страны:
Мы блеску твоего не столько ожидаемъ,
10 Какъ видѣть свѣтлое лице Ея желаемъ.

XLVIII.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

МАЛОРОССІЙСКОМУ,

ОБОНХЪ СТОРОНЪ ДНѢПРА И ВОЙСКЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ

ГЕТМАНУ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАММЕРГЕРУ

АКАДЕМІИ НАУКЪ ПРЕЗИДЕНТУ

ЛЕЙБГВАРДІИ ИЗМАЙЛОВСКАГО ПОЛКУ

ПОДПОЛКОВНИКУ

И РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ

КАВАЛЕРУ

СІЯТЕЛЬНОЙШЕМУ ГРАФУ

КИРИЛУ ГРИГОРЬЕВИЧУ

РАЗУМОВОКОМУ

ИДИЛІЯ,

КОТОРОЮ

УСЕРДНОЕ СВОЕ ПОЧТЕНІЕ ЗАСВИДѢТЕЛЬСТВУЕТЪ

АКАДЕМІИ НАУКЪ ПРОФЕССОРЪ

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВЪ.

ПЕЧАТАНА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ 1750. ГОДА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПОЛИДОРЪ,

ИДИЛЛІЯ,

ВЪ КОТОРОЙ РАЗГОВАРИВАЮТЬ,

Каллиопа Муза.

Левкія Днѣпрская Нимфа.

Дафнисъ Тамошею пастухъ.

* * *

КАЛЛІОПА.

Между прохладными Днѣпровыми струями,
Между зелеными и мягкими кустами
Тебя я посѣтить пришла съ Кастальскихъ горъ,
Чтобъ радость мнѣ свою соединить съ твоею;
5 Едино щастіе съ тобою я имѣю:
Единъ у насъ теперь предстатель Полидоръ.
Богиня, что поля пространны управляетъ
И щедрою Парнассъ рукою украшаетъ,
Ему вручила жезлъ, чтобъ въ сихъ лугахъ пасты.

ЛЕВКІЯ.

10 Доколѣ будетъ Днѣпръ въ берегахъ своихъ крутиться,
Доголѣ олтари здѣсь будутъ Ей куриться,
И лавры навсегда торжественны цвѣсти.
Здѣсь плески на лугахъ повсюду раздаются,
И съ шумомъ радостнымъ въ порогахъ воды льются,

- 15 Избыточно цвѣты даютъ свой нѣжной духъ,
И вѣтвьми деревъ красуясь качають,
И горы и лѣса Богиню возвышаютъ,
Что къ ихъ желанію склонила щедрый слухъ.
Тебя здѣсь, Полидоръ, желали роши зланы,
20 Долины тучныя, источники прозрачны,
Тебя желали здѣсь обильныя поля.

Калліопа.

Тебя мы, Полидоръ, имѣемъ тамъ ограду;
И чрезъ тебя Парнасъ почувствовалъ отраду
Какъ влагу получивъ иссохшая земля.

Левкія.

- 25 Ты, Муза, прохладись подъ тѣнію густою.

Калліопа.

Ты, Нимфа, уклонись со мной сюда отъ зною;
Мы сядемъ при водѣ на мягкую траву.
Теперь пристоемъ часъ сплетать вѣнки прекрасны,
И Полидору пѣть здѣсь пѣсни намъ согласны.

Левкія.

- 30 Я вѣтвей и цвѣтковъ, Калліопа! нарву.
Смотри, какъ зеленую вездѣ покрылись нивы,
И тихой Днѣпръ въ себѣ изображаетъ ивы,
Что густо по крутымъ краямъ его растутъ.
Играютъ Зефиры кудрявыхъ древъ листьями,
35 И нѣжатъ теплыми душистой цвѣтъ крилами,
Съ котораго шума свой пчелы медъ несутъ.

Калліопа.

Пріятной день теперь намъ радость умножаетъ,
Подъ вѣтвьми соловей свой свистъ усугубляетъ,
Завидуя въ дугахъ поющимъ пастухамъ.

- 40 И овцы ужъ траву съ ручьями позабыли,
И слухъ къ веселой ихъ игрѣ повертели,
И козы прыгаютъ по звонкимъ ихъ струнамъ.
Иной кладетъ пучки, иной въ свирѣлку свищетъ,
Иной любезныя межъ деревьями ищетъ,
45 Иной самъ прячется отъ ней въ зеленой кустъ.

Левкія.

- Хотя довольно насъ пріятность улаждаетъ;
Однако больше всѣхъ меня увеселяетъ
О Полидорѣ гѣсенъ изъ Дафнисовыхъ устъ.
Я вижу, онъ идетъ украшенъ весь цвѣтами,
50 Цвѣты на головѣ, цвѣты между перстами,
Цвѣтами ѳвигъ вокругъ и посохъ и свирѣль.
Не такъ любезно мнѣ по камнямъ водъ журчанье,
Не столько голубицъ мнѣ мило воркотанье,
И сладкихъ соловьевъ не такъ пріятна трѣль,
55 Какъ голосъ Дафнисовъ здѣсь роши оживляетъ,
И имя, Полидоръ, стократно повторяетъ.
Ахъ, Дафнисъ! гѣнѣмъ своимъ насъ улади.

Калліона.

- Хотя Геройскихъ Лиръ мнѣ больше шумъ угоденъ:
Однако Сельскихъ струнъ мнѣ сладокъ звонъ и сроденъ,
60 Ты, Дафнисъ, звонкихъ птицъ въ лугахъ здѣсь постыди.

Дафнисъ.

Ты, Муза, мнѣ вдохни, что нынѣ гѣть пристойно,
Что слуху вашего, и что сихъ дней достойно.
Ты Нимфа, ласковымъ мнѣ взглядомъ силу дай,

Калліона.

- Зачни великія Богини добродѣтель,
65 Которой я сама и весь Парнассъ свидѣтель;
Потомъ и сихъ долинъ довольства воспѣвай.

Левкія.

Запой, что видѣлъ ты, какъ былъ въ великомъ градѣ,
И что при Нимфахъ пѣлъ въ Палемоновомъ стадѣ.
Мы станемъ пестрые вѣночки завивать,
70 И въ голосъ къ твоему пѣвѣ приставать.

* * *

Дафнисъ.

Молчите шумные пороги
И слушайте мой новой стихъ;
Усыпьте, Нимфы, здѣсь дорогѣ
Лилѣями изъ рукъ своихъ;
75 Вездѣ вѣнками украшайте
Пригорки, дѣлы и ручьи.

Калліопа.

Веръхи Парнасски расцвѣтайте;

Левкія.

Красуйтесь днѣпрекія струи.

* * *

Дафнисъ.

Великой будетъ пусть Богинѣ
80 Вездѣ прилична красота.
О какъ я веселюся нынѣ
Что видѣлъ очи и уста,
Отъ коихъ радость почерпляютъ
Широки сѣверны поля,

КАЛЛІОПА.

85 Верьхи Парнасски расцвѣтають,

ЛЕВКІЯ.

Красуется сія земля.

* * *

ДАФНИСЬ.

При Ней я видѣль Полидора,
Онъ предъ лицемъ Ея стояль,
Среди Геройскаго собора
90 И ласково ко мнѣ взираль
О тихи вѣтры, развѣвайте
По всѣмъ лугамъ словà мой.

КАЛЛІОПА.

Верьхи Парнасски расцвѣтайте;

ЛЕВКІЯ.

Красуйтесь Днѣпрскія струи.

* * *

ДАФНИСЬ.

95 Вчерась меня кругомъ обстали
Пастушки съ красныхъ нашихъ горъ,
И съ жадностію понуждали:
Каковъ, скажи намъ, Полидоръ?
Я даль отвѣтъ: онъ превышаетъ
100 Собой всѣхъ здѣшнихъ пастуховъ;

КАЛЛІОПА.

Верхи Парнасски украшаетъ;

ЛЕВКІЯ.

Онъ здѣшнихъ будетъ честь луговъ.

* * *

ДАФНИСЬ.

Онъ одна передъ другою:
Скажи, скажи о Нимфѣ намъ,
105 Которой Полидоръ красою
Плѣнившись торжествуетъ самъ.
Я имъ сказалъ: вы заплетите
Нарвавши съ розами лилей;

КАЛЛІОПА И ЛЕВКІЯ.

На нихъ любуясь поглядите,
110 И думайте притомъ объ ней.

* * *

ДАФНИСЬ.

Лозѣ подобно плодовой
Она возлюбленнымъ плодомъ
Благословеніемъ покрытой
Наполнить Полидоровъ домъ.
115 Пребудетъ радость въ вѣкъ отнынѣ
На каждой умножаясь часть.

КАЛЛІОПА И ЛЕВКІЯ.

Хвала бессмертная Богинѣ
Украшившей его и насъ.

* * *

*

Д а ф н и с ь .

Ему поспѣшно наливайтесь
120 Пріятной сладостью плоды,
Сторично овцы размножайтесь
И лѣтніе воловъ труды.
Вы сладку росу поспѣшайте
Збирать, прилѣжные рои.

К а л л і о п а .

125 Верхи Парнасски расцвѣтайте,

Л е в к і я .

Красуйтесь Днѣпрскія струи.

XLIX.

НАДПИСЬ 1,

Къ статуѣ Петра Великаго.

* * *

Се образъ изваянь премудраго Героя,
Что ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ и царствуя служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
5 Рожденны къ Скипетру простеръ въ работу руки,
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.
Когда Онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ моряхъ,
Художниковъ збиралъ и обучалъ солдатовъ,
10 Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ сопостатовъ;
И словомъ се есть ПЕТРЪ отечества Отецъ;
Земное божество Россія почитаетъ,
И столько олтарей предъ зракомъ симъ пылаетъ,
Коль много есть Ему обязанныхъ сердець.

НАДПИСЬ 2,

къ тойже.

* * *

Елисавета здѣсь воздвигла зракъ Петровъ
Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ: но кто онъ былъ таковъ;

Гласить сей градъ и флотъ, художества и войски,
Гражданскіе труды и подвиги Геройски.

НАДПИСЬ 3,

къ тойже.

* * *

Металль, что пламенемъ на брани устрашаетъ,
Въ Петровомъ градѣ се Россіяны утѣшаетъ,
Изобразивъ въ себѣ лица Его черты;
Но естлибы его душевны красоты
5 Изобразить могло притомъ раченье наше,
То былъ бы образъ сей всего на свѣтѣ краше.

НАДПИСЬ 4,

къ тойже.

* * *

Зваяннымъ образамъ, что въ древни времена
Героямъ ставили за славные походы,
Невѣжествомъ вѣковъ честь божеска дана,
И чтили жертвой ихъ послѣдовавши роды,
5 Что вѣра правая творить всегда претить.
Но вамъ простительно, о поздые потомки,
Когда услышавъ вы дѣла Петровы громки,
Поставите олтарь предъ сей Геройскій видъ:
Мы васъ давно своимъ примѣромъ оправдали:
10 Чудясь дѣламъ Его превышшимъ смертныхъ силъ,
Не вѣрили что Онъ единъ отъ смертныхъ былъ,
Но въ жизнь Его уже за Бога почитали.

НАДПИСЬ 5,

къ тойже.

* * *

Гремящія по вѣмъ концамъ земнымъ побѣды,
И Россовъ чрезъ весь свѣтъ торжествовавшихъ слѣды,
Собраніе наукъ, исправленны суды,
Премѣнное въ рѣкахъ теченіе воды,
5 Покрытый флотомъ понтъ, среди волнъ грады новы,
И протчія дѣла увидѣвъ смерть Петровы,
Рекла, сей человекъ предѣлъ мой нарушилъ
И долѣ въ мирѣ семь Маѹсаила жилъ.
Такъ лѣта по дѣламъ щитая, возгласила,
10 И въ гробъ великаго сего Героя скрыла.
Но образомъ Его красуется сей градъ.
Взирая на Него Персъ, Турокъ, Готѣъ, Сарматъ,
Величеству лица Геройскаго чудится,
И мертваго въ мѣди бесчувственной страшится.

Л.

НАДПИСЬ,

Которая изображена на великолѣпной серебряной ракъ святому, благовѣрному и великому Князю Александру Невскому, построенной высочайшимъ повелѣніемъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, въ Троицкомъ Александроневскомъ Монастырѣ.

* * *

Святый и храбрый Князь здѣсь тѣломъ почиваетъ;
Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираетъ,
И на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ,
И гдѣ невидимо Петру споспѣшествовалъ.
5 Являя Дщерь Его усердіе святое,
Сему Защитнику воздвигла раку въ честь
Отъ перваго серебра, что нѣдро Ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть.

II.

НАДПИСЬ

На иллюминацію представленную Ея Императорскому Величеству отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Ораніенбаумѣ 1750 года, Іюля 31 дня; гдѣ изображены были два соединенныя сердца пылающія на Олтарѣ къ сіяющему надъ ними солнцу, по сторонамъ молодой мѣсяць и восходящая денница.

* * *

Какъ Солнце съ высоты, Богиня, къ намъ сіяешь,
И въ нашихъ жаръ сердцахъ усерднѣйшій раждаешь.
Мы оба чувствуя любовь Твою къ себѣ,
Приносимъ ревности взаимно жаръ Тебѣ.
5 Монархиня, ты всѣмъ единъ источникъ свѣта,
Россійскій Горизонтъ Тобою освѣщенъ,
Тобою нашъ восходъ на ономъ озаренъ.
Мы свѣтъ заимствуемъ, даетъ Елисавета.

III.

Прекрасны лѣтні дни сіяя на исходѣ,
Богатство съ красотой обильно сыплоть въ мѣръ;
Надежда радостью кончается въ народѣ;
Натура смертнымъ всѣмъ открыла общій пирь;
5 Созрѣлыя плоды древа отягощаютъ
И кажутъ солнечнымъ румянецъ свой лучамъ!
И руку жадную пригожествомъ привлекають;
Что снять своей рукой, тотъ слаще плодъ устамъ.
Сіе довольствіе и красота всемѣтна
10 Не токмо жителямъ обильнѣйшихъ полей
Полезной роскошью является прелестна,
Богинь влечетъ она пріятностью своей.
Чертоги свѣтлыя, блистаніе металловъ
Оставивъ, на поля спѣшитъ Елисаветъ;
15 Ты слѣдуешь за ней, любезный мой Шуваловъ,
Туда, гдѣ ей Цейлонъ и въ сѣверѣ цвѣтеть,
Гдѣ хитрость мастерства преодолѣвъ природу,
Осеннимъ днямъ даетъ весны прекрасной видъ,
И принуждаетъ въ верхъ скакать высоко воду,
20 Хотя ей тлѣность въ низъ и жидкость течь велить.
Толь многи радости, толь разныя утѣхи
Не могутъ отъ тебя Парнасскихъ горъ закрыть.

Тебѣ пріятны коль Россійскихъ музъ успѣхи,
То можно изъ твоей любви къ нимъ заключить.
25 Ты будучи въ мѣстахъ, гдѣ нѣжность обитаетъ,
Какъ взглянешь на поля, какъ взглянешь на плоды,
Вспомяни, что мой покоя духъ не знаетъ,
Вспомяни мое раченье и труды.
Межъ стѣнъ и при огнѣ лишь только обращаюсь;
30 Отрада вся, когда о лѣтѣ я пишу;
О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
И радости въ одномъ мечтаніи ищу.
Однако лѣто мнѣ съ весною возвратится,
Я оныхъ красотой и въ зиму наслаждусь,
35 Когда мой духъ твоимъ пріятствомъ ободрится,
Которое взнести я на Парнасъ потщусь.

ЛІІІ.

Съ молодыми пальмами спокойныхъ нашихъ дней
Возвышено Твое преславно имя въ свѣтѣ.
Россія, и пріавъ покой Европа съ ней,
Похвалъ вѣнцы за то плетутъ Елисаветѣ.

ЛІV.

ОДА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ
ИМПЕРАТРИЦѢ
ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

КОТОРОЮ

ЗА ВЫСОЧАЙШУЮ МОНАРШЕСКУЮ МИЛОСТЬ

ОКАЗАННУЮ

ВЪ САРСКОМЪ СЕЛѢ

ВСЕУСЕРДНѢЙШЕЕ БЛАГОДАРЕНІЕ ПРИНОСИТЬ

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ РАБѢ

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВѢ.

ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТВЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

СЕНТЯБРЯ 10 ДНЯ 1750 ГОДА.

ОДА.

1.

Какую радость ощущаю?
Куда я нынѣ восхищенъ?
Небесну пицу я вкушаю,
На верхъ Олимпа вознесенъ!

- 5 Божественно лице сіяетъ
Ко мнѣ, и сердце озаряетъ
Блистающимъ лучемъ щедротъ!
Коль нѣжно Флоры здѣсь богатство!
Коль сродно воздуха пріятство
10 Богинѣ красныхъ сихъ высотъ!

2.

- Чтожь се? Дѣланъ я прекрасной
Ужѣ послѣдую въ лѣсахъ,
Отъ коей хитростью напрасной
Укрыться хочеть звѣрь въ кустахъ!
15 Ужѣ и купно со Денницею
Великолѣбною колесницею
Въ безоблачныхъ странахъ несусь!
Блаженство мыслямъ непонятно!
Благополученъ многократно,
20 Когда нещетнымъ сномъ я льщусь!

3.

- Престань со мнѣньемъ колебаться,
Смятенный духъ мой, и повѣрь;
Неложны то мечтанья зрятея,
Но истинно Петрова Дщерь
25 Къ наукамъ матерски снисходитъ,
Щедрою въ восторгъ приводитъ.
Ты Муза, лиру прѣими,
И чтобъ слышала вселенна,
Коль жизнь наукамъ здѣсь блаженна,
30 Возникни, вознесись, греми.

4.

Гдѣ древнимъ именемъ Славѣна
Гордяся пролились струи,
Тамъ видя Нимфа изумленна
Украшенны луга свои,

35 Златые кровы окомъ мѣрять.
И въ ужасѣ себѣ не вѣрять.
Но каждую обозрѣвши часть,
Съ веселіемъ сіе вѣщаетъ:
То само небо созидаетъ,
40 Или Петровой Дщери власть.

5.

Рекла, и влагу рассѣкая
Пустилась тщательно къ Невѣ;
Волна во бреги ударяя
Клубится пѣною въ травѣ.
45 Во храмъ сіяющій металломъ,
Предъ тронъ украшенный кристалломъ
Поспѣшно простираетъ ходъ;
Вѣнцемъ зеленымъ увязенной
И въ виссъ, вѣщаетъ, облеченной
50 Владычицѣ Россійскихъ водъ.

6.

Рѣка, которой проливають
Великія озѣра дань,
И кою громко прославляютъ
Во всей вселенной миръ и брань!
55 Ты щастлива трудомъ Петровымъ;
Тебя и нынѣ красить новымъ
Раченіемъ Елисаветъ.
Но малые мой потоки
Прими въ себя какъ Ниль широкій,
60 Который изъ рая течетъ.

7.

Мой источники вѣнчаетъ
Едемской равна красота,
Гдѣ садъ Богиня насаждаетъ,
Прохладны возлюбивъ мѣста;

- 65 Поля гдѣ небу подражаютъ,
Себя цвѣтами испеняютъ.
Не токмо нѣжная весна,
Но осень тамо юность года;
Всегда роскошествуетъ природа
70 Искусствомъ рукъ побуждена.

8.

- Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ,
Тогда на вѣтвѣи высокомъ
И посрединѣ зеленыхъ лозъ
75 Со свистомъ птицы воспѣваютъ
Отъ сна къ веселью возбуждаютъ,
Что царствуетъ въ моихъ лугахъ.
И солнце восходя дивится,
Увидѣвъ то, чемъ Индъ пестрится,
80 Обильно при моихъ ключахъ.

9.

- Въ срединѣ жаждущаго лѣта,
Когда томить протяжный день,
Отъ знойной теплоты и свѣта
Прохладна покрываетъ тѣнь,
85 Гдѣ вѣтви преклонясь зелены
Въ союзъ взаимной сопряженны,
Отводятъ жаркіе лучи.
Но коль великая отрада
И томнымъ чувствамъ тутъ прохлада
90 Какъ росу пьютъ цвѣты въ ночи!

10.

Ели саветинымъ добротамъ
Вездѣ подобна красота;
Примѣра многимъ лишъ щедротамъ
Не смѣть скудна дать вода

95 И орошать скаканьемъ поля;
Однако ежели Оной воля
Охоту ободрить мою,
Великой въ похвалу Богинѣ
Я воды обращаю къ вершинѣ,
100 Речеть, и къ небу устремлю.

11.

Коль часто доли оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда Богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!
105 Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ,
Коню бѣжать не воспеваютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ бродами,
И топчетъ бурными ногами
110 Прекрасной Всадницей гордьясь!

12.

Какъ естли зданіемъ прекраснымъ
Умножить должно звѣздъ число,
Созвѣздіемъ явиться яснымъ
Достойно Сарское село.
115 Чудовища, что легковѣрнымъ
Стремленьемъ древность и безмѣрнымъ
Поднявъ на твердь, вмѣстила тамъ,
Укройте за предѣлы свѣта:
Се зиждетъ здѣсь Елислава
120 Красу приличну небесамъ.

13.

Великія Семирамиды
Рассыпанна окружность стѣнъ,
И вы, о горды пирамиды,
Чемъ Нильскій брегъ отягощенъ,

125 Хотя бы чувства вы имѣли
И чудный трудъ лѣтъ малыхъ зрѣли,
Вамъ не былобы тяжело,
Что строены вы цѣлы вѣки:
Васъ созидали человекѣ,
130 Здѣсь зиждеть само Божество.

14.

Великолѣпными верьхами
Восходятъ храмы къ небесамъ,
Изъ нихъ пресвѣтлыми Очами
Елисаветъ сіяетъ къ намъ,
135 Изъ нихъ во все страны взираетъ,
И на единѣ представляетъ
Врученный свѣтъ подъ скипетръ Свой,
Подобно какъ орелъ парящій
Отъ самыхъ облакъ зреть лежащи
140 Поля и грады подъ собой.

15.

О коль правдиво возвышаетъ,
Монархиня, сей Нимфа гласъ!
Коль взоръ Твой далеко блистаетъ,
То чувствовалъ и нынѣ Парнассъ,
145 Какъ Ты отъ мѣстъ преукрашенныхъ
И лѣтней нѣгѣ посвященныхъ
Возрѣла матерски къ нему.
Являя такову щедроту,
Колику къ знаніямъ охоту
150 Даешь народу Твоему.

16.

Что дымъ и пепель отрыгая
Мрачилъ вселенну Енцеладъ,
Реветъ подъ Етною рыдая
И тѣломъ наполняетъ адъ;

155 Пронзень Зевесовымъ ударомъ,
Въ отчаяннѣ трясется яромъ
Безсиленъ тяготу поднять,
Великою покрыть горою
Безъ пользы движется подь тою
160 И тщетно силится восстать.

17.

Такъ Варварство Твоимъ Перуномъ
Ужѣ повержено лежитъ,
Когда при шумѣ сладкострунномъ
Поющихъ Музъ Твой слухъ звучитъ,
165 Востокъ и Западъ наполняетъ
Хвалою Твоей, и возвышаетъ
Твои щедроты выше звѣздъ.
О вы щастливья науки!
Прилѣжны простирайте рѣки
170 И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.

18.

Пройдите землю и пучину
И стѣни и глубокой лѣсъ
И нутрь Рифейскій и вершину
И саму высоту небесъ.
175 Вездѣ ислѣдуйте всечасно
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
Трудами вѣки удивите,
И сколько можетъ, покажите,
180 Щедротою Елисаветъ.

19.

Изъ горъ несѣченны колоссы,
Механика, ты въ честь возвысь
Монархамъ, отъ которыхъ Россы
Подъ солнцемъ славой вознеслись;

185 Наполни воды кораблями,
Моря соедини рѣками,
И рвами блага иссуши,
Военны облегчи громады,
Петромъ основанные грады
190 Подъ скиптромъ Дщери соверши.

20.

Въ земное нѣдро ты Химія
Проникни взора остротой,
И что содержитъ въ немъ Россія
Драги сокровища открой.
195 Отчества умножить славу
И вяцше укрѣпить державу
Слѣши за хитрымъ естествомъ,
Подобнымъ облакаясь цвѣтомъ;
И что прекрасно токмо лѣтомъ,
200 Ты здѣлай вѣчно мастерствомъ.

21.

Въ небесны уранія круги
Возвыси посредѣ лучей
Елисаветины заслуги,
Чтобъ тамо въ вѣчну славу Ей
205 Сіяла новая планета.
Россійскаго пространство свѣта
Собравъ на малы чертежи,
И грады Оною спасенны
И сѣла Ею же блаженны
210 Географія покажи.

22.

Наука легкихъ метеоровъ
Премѣны неба предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Черезъ вѣрны знаки предьявляй:

215 Чтобъ ратай могъ избрати время,
Когда земли повѣрить сѣмя,
И дать когда покой браздамъ,
И чтобы не боясь погоды
Съ богатствомъ дальны шли народы
220 Къ Елисаветинымъ брегамъ.

23.

А ты возлюбленная Лира,
Правдивымъ щастьемъ веселись,
Къ блистающимъ предѣламъ мира
Шумящимъ звономъ вознесись,
225 И возгласи, что нѣтъ на свѣтѣ,
Ктобъ равенъ былъ Елисаветъ
Такимъ блистаніемъ хвалы.
Но что за громы ударяють?
Се гласъ мой звучно повторяють
230 Земля и вѣтры и валы!

LV.

ТАМИРА и СЕЛИМЪ

ТРАГЕДІЯ,

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1750 года.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Въ сей Трагедіи изображается стихотворческимъ вымысломъ позорная гибель гордаго Мамаея Царя Татарскаго, о которомъ изъ Россійской исторіи извѣстно, что онъ будучи побѣжденъ храбростію Московскаго Государя, Великаго Князя Димитрія Іоанновича на Дону, убѣжалъ съ четырьмя Князьми своими въ Крымъ, въ городъ Кафу, и тамъ убитъ отъ своихъ. Въ дополненіе сего представляется здѣсь, что въ нашествіе Мамаево на Россію Муметь Царь Крымскій обѣщавъ дочь свою Тамирю въ супружество Мамаю, послалъ сына своего Нарсима съ нѣкоторымъ числомъ войска на вспоможеніе оному. Въ его отсутствіе Селимъ Царевичъ Багдатскій по повелѣнію отца своего перешедъ черезъ Натолію, посадилъ войско на суда, чтобы очистить Черное море отъ Крымскихъ морскихъ разбойниковъ, грабившихъ Багдатское кучество. Сіе учинивъ, приступилъ подъ Кафу, въ которой Муметь будучи осаженъ, и немѣя довольныя силы въ сопротивленію, выпросилъ у Селима на нѣкоторое время перемирія, въ томъ намѣреніи, чтобы между тѣмъ дожждаться обратно съ войскомъ сына своего Нарсима. Послѣ сего перемирія въ первый день слѣдующее происходитъ въ Кафѣ, знатнѣйшемъ приморскомъ городѣ Крымскомъ, въ Царскомъ домѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Муметь Царь Крымскій.

Мамай Царь Татарскій.

Тамира Царевна Крымская, дочь Муметова.

Селимъ Царевичъ Багдатскій.

Нарсимъ Царевичъ Крымскій, братъ Тамиринъ.

Надиръ братъ Муметовъ.

Заисанъ Визиръ Муметовъ.

Клеона мамка Тамирина.

Два вѣстника.

Воины.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

Насталъ ужасной день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи;
Даетъ печальной знакъ къ военной непогодѣ
Любезна тишина минула въ сей ноцѣ.

- 5 Отецъ мой воинству готовится къ отпору,
И на стѣнахъ стоять уже вчера велѣлъ.
Селимъ полки свои возвелъ на близкую гору,
Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ.
На гору какъ орелъ веходя онъ возносился,
10 Которой съ высоты на агнца хочетъ пасть;
И быстрой конь подъ нимъ какъ бурной вихрь крутился,
Селимово казалъ проворство тѣмъ и власть.
Онъ ѣздилъ по полкамъ, пока тѣнь мрачной ночи
Закрыла отъ меня поля, его и строй.
- 15 Потомъ и томныя хотя сомкнулись очи,
Однако видѣла его передъ собой;
Во снѣ ли было то, или то было въ явѣ:
Смуцался мыслями сонъ, смуцались мысли сномъ;
Селимъ казался мнѣ великолѣпенъ въ славѣ,

20 Таковъ осанкою, Клеона, и лицомъ,
Какъ въ перемирны дни скакаль передъ стѣнами,
Искусствомъ всѣхъ другихъ и взоромъ превышалъ,
И стрѣлы пущенны ужè подь облаками
Направленными въ слѣдъ стрѣлами расѣкаль.

КЛЕОНА.

25 Багдатско воинство умножилось безъ счота!
При всходѣ свѣтлыя я видѣла луны,
Что мосты и пути и городски ворота
Противныхъ силою вездѣ осажены.
Ночно молчаніе боязнь усугубляло,
30 И слѣзы по лицу блѣднѣющихъ лились.

ТАМИРА.

Теперь сраженіе конечно ужъ настало;
Клеона, посмотри, и скоро возвратись.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТАМИРА ОДНА.

О какъ смущенъ мой духъ! я знаю и заочно,
Селимъ противу стѣнъ стойтъ напереди.
35 Боюсь, чтобъ кто его не ранилъ ненарочно,
И не вонзиль стрѣлы отъ насъ въ его груди!
Я ей не чаю быть такого кровопивца,
Ктобъ съ умыслу хотѣлъ направить лукъ въ него!
О небо, отвори свирѣпаго убивца,
40 И сокрушить недай тѣмъ сѣрдца моего!
Ахъ что я дѣлаю? что въ мысли я имѣю?
Я тѣмъ родителя и Бога прогнѣвлю,

- Что общаго врага отечеству жалѣю!
Никакъ Селимомъ я плѣнилась и люблю?
45 Однакъ и безъ любви ему ль желать мнѣ року?
Тотъ злою львицею въ пустыхъ горахъ рождень,
Кто видя съ младостью природу въ немъ высокоу,
Къ жалѣнію по немъ не будетъ побуждёнъ.
Что онъ противу насъ вооружился въ полѣ,
50 Сыновняя любовь и должности велятъ.
И какъ родительской не согласиться волѣ?
Отецъ его, отецъ, не онъ намъ сопостатъ.
Онъ щастливъ, что ему есть въ старости замѣна.
Благополучна мать, что въ свѣтъ произвела!
55 И ежели есть сестра, то коль она блаженна,
Что съ лѣтъ младенческихъ съ нимъ купно возрасла!
Но коль родилась та на свѣтъ благополучно,
Которой щедрая устроила судьба,
Чтобы съ Селимомъ жить до смерти неразлучно!
60 О какъ волнуюсь я! какая внутръ борьба!
Теперь я признаю, что нѣкотора сила
Неосторожной духъ ужё взяла во власть,
И сердце нѣжное къ Селиму преклонила:
Къ нему я чувствую въ себѣ любовну страсть!
65 Любовь меня влечетъ его смотрѣть на стѣны.
Куда? и какъ? или на стрѣлы устремлюсь,
Что нынѣ противъ насъ шумятъ какъ градъ сгущенный?
Но я уязвлена, и стрѣлы ужъ не боюсь.
Ахъ что терзаюсь я безщастная, незная;
70 Селиму можетъ быть въ отечествѣ своемъ
Любима и любви залогъ взяла иная;
О чемъ крушуся я нерассудя о чемъ?
Суровая война, тобою учинилось,
Что тотъ противникъ нашъ, котораго люблю!
75 Однако гдѣ бы мнѣ видать его случилось?
Я время суетнымъ мечтаніемъ гублю.

Не лутчели просить отъ вѣрныя совѣту,
И способовъ скоряй къ отрадѣ мнѣ искать?
Однако ждаты могутъ утѣшнаго отвѣту?
80 И какъ осмѣлось я Клеонѣ все сказать?

* * *

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Престань себя смущать, дражайшая Царевна.
Какія вижу я премѣны на лицѣ!
Оставь боязнь: въ сей часъ минетъ судьбина гнѣвна;
Весь страхъ мнѣ кажется при самомъ бытѣ концѣ.

ТАМИРА.

85 Никакъ ужъ ворвались къ намъ въ городъ сопостаты,
И превратился страхъ въ отчаянну печаль?

КЛЕОНА.

Теперь веходила я въ высокія палаты,
И на Багдагскіе полки смотрѣла вдаль.

ТАМИРА.

Ты видѣла полки? ты видѣла Селима?

КЛЕОНА.

90 Я видѣла, что онъ отиошь ужè отъ стѣнъ,
И кажется, что прочь со всемъ идетъ отъ Крыма,
Невѣдомо какой причиною побуждень;
Я чаю, утомясь, не хочетъ больше бою.

Т а м и р а .

Никакъ ему какой предатель измѣнилъ:
95 Или отецъ объятъ печально войною,
И требуетъ себѣ его на помочь силъ.
Я чаяла конца, и по паденьи мнимомъ,
Оплакавъ кровь гражданъ и стѣнъ оставшій прахъ,
Мнѣ будетъ слѣдовать во узахъ за Селимомъ,
100 И при Евфратскихъ жить невольницей брегахъ.

К л е о н а .

Тотъ ужасъ миновалъ: военные снаряды
Противники веходя на корабли несутъ,
Кафа избавилась отъ грозныя осады.
Что слезы по лицу, дражайшая, текутъ?
105 Никакъ отъ радости? однако воздыханья
И твой прискорбною взоръ иное кажутъ мнѣ.
Или ужасныя и грозныя мечтанья
Обеспокоили младую мысль во снѣ?
Или враги въ ночномъ призракѣ побѣдили?
110 Никакъ представилось паденіе сихъ стѣнъ?
Что Крымски города и села пусты были,
Что Царь и домъ его былъ взятъ въ поносной плѣнъ?

Т а м и р а .

Ахъ естьлибъ то быть сонъ, тобъ съ мракомъ разрушился!
Однако бы и сонъ такой меня плѣнилъ!

К л е о н а .

115 Или твой нѣжной духъ любовью узвился?
Но ктоже бы тебя въ любовь нынѣ уловилъ?
Скажи, Царевна, мнѣ; или тому быть можно,
Чтобъ тайны мнѣ твоей не должно было знать?

Т А М И Р А .

Что хочешь слышать ты, то странно и безбожно,
120 Нигдѣ не слыхано и ужасно сказать!

К Л Е О Н А .

Для сихъ ослабшихъ рукъ, которыми носила
Тебя въ младенчествѣ, смущенье отложи,
И вспомнивъ какъ тебѣ я искренне служила,
Необинуясь мнѣ тоску свою скажи.
125 Чемъ долѣе она въ закрытїи таится,
Тѣмъ духъ терзается сильнѣе отъ нея;
Но естли объявишь, то можетъ утолиться,
Иль быть умѣренна потѣмъ печаль твоя.

Т А М И Р А .

Любезная моя и вѣрная Клеона,
130 Коль тяжело мучусь я?

К Л Е О Н А .

О небо!

Т А М И Р А .

Ахъ Селимъ!

Противница отцу, преступница закона!
Врагомъ отечества, и можетъ быть, своимъ. . . .

К Л Е О Н А .

135 О Боже мой! никакъ ты тайно согласилась
И хочешь для любви отечество предать!

Т А М И Р А .

То небо отврати! довольно что прельстилась;
Преступно и любви противничей желать.
Я бодрость и лице, Клеона, представляя,
*

- 140 Горю, и пламень мой гашеніемъ растетъ.
Не знаю что начать! скажи мнѣ, дорогая,
Что дѣлать мнѣ теперь, когда онъ прочь идетъ?
Ужѣ всѣ мысли съ нимъ на берегъ обратились;
Я съ нимъ, я съ нимъ среди морскихъ валовъ плыву,
145 И горы крымскія отъ насъ изъ виду скрылись.
Какой объемлетъ хладъ и мракъ мою главу!
Уѣдетъ о моей любви неизвѣстенъ,
И слезъ моихъ себѣ не будетъ представлять!
За тѣмъ ли ты, Селимъ, казался мнѣ прелестенъ,
150 Чтобъ вѣчно по тебѣ безъ пользы воздыхать?

КЛЕОНА.

- Царевна, ты тоску напрасно умножаешь.
Послѣдуй моему совѣту и забудь
Пусты мечтанія, чемъ мысль отягощаешь,
И кровь кипящую къ спокойствію принудь.
155 Селимъ, я слышала, о нѣжности не знаетъ,
Онъ въ полѣ только жить и на стану привыкъ,
За полное свое блаженство почитаетъ,
Когда оружной трескъ и въ войскѣ слышитъ крикъ,
Какъ стѣны падаютъ и города дымятся,
160 Когда мечи блестятъ, течетъ по кошьямъ кровь.
Ты сердцу дай покой и полно сокрушаться:
Не могутъ вмѣстѣ быть свирѣнство и любовь.

ТАМИРА.

- За нимъ бы слѣдовать ни горы мнѣ высоки,
Ни конскимъ тономомъ смущенный въ полѣ прахъ,
165 Ни ко́нья ни мечи ниже кровавы токи,
Ниже какой иной не возбранилъ бы страхъ.
Любовію горятъ перѣдко и Герои;
Отъ ней избавиться не можно никому.

Кому любезнѣе сраженія и бои
170 И жить всегда въ шатрахъ, какъ брату моему?
Однако нынѣ онъ послѣдуя Мамаю,
Хотя въ Россійской край пошолъ вооруженъ;
Но мысли все свои, Клеона, вѣрно знаю
Все мысли клонить къ той, которой узвлень.
175 Возлюбленный мой братъ! когдабъ ты здѣсь былъ нынѣ,
То лбъ въ отчаяннѣ толикомъ не была;
Ты здѣлалъ бы конецъ жестокой сей судьбинѣ,
Илибъ не допустилъ сего въ началѣ зла.
Ты далъ бы способъ мнѣ увидѣться съ Селимомъ;
180 Или бы къ симъ ево не допустилъ стѣнамъ;
И я бы не была въ мученнѣ нестерпимомъ,
Не показавъ такой пріятности очамъ.
Теперь послушенъ ты неистовому звѣрю,
Въ которомъ варварство и гордость мнѣ гнуса,
185 Кичливому ни въ чемъ Мамаю я не вѣрю,
Ему вселенная къ владѣннѣ тѣсна.
Подумавъ о своемъ возлюбленномъ Нарсимѣ,
Боюсь, чтобъ не постигъ такой его конецъ,
Что плачь бы произвелъ и нестроенье въ Крымѣ.

КЛЕОНА.

190 Царевна, вотъ идетъ дражайшій твой отецъ.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МУМЕТЪ, ТАМИРА И КЛЕОНА.

Муметъ.

Прошла военная гроза и неустройство,
Желанной миръ насталь, возлюбленная дочь,

- И утверждается надежное спокойство:
Въ союзъ со мной вступивъ, Селимъ отходитъ прочь.
195 Поставленный сей миръ мнѣ больше тѣмъ пріятенъ,
Что выгоды онъ мнѣ нечаянны принесъ.
Съ начала случай сей едва мнѣ былъ понятенъ,
Что радость намъ пришла внезапно вмѣсто слезъ.
Однако нынѣ я причину вижу ясно,
200 За чѣмъ спѣшить въ союзъ со мной вступить Селимъ;
Ему прибытіе Нарсимова ужасно,
Что скоро съ воинствомъ назадъ придетъ моимъ.
Къ Селиму какъ ко мнѣ, конечно уповаю,
Пришла, мнѣ радостна, ему печальна вѣсть,
205 Что Росская страна подверглась вся Мамаю,
И сыгъ мой поспѣшить полкѣи сюда привести.
Сего дня лишь зоря намъ свѣтъ предвозвѣстила,
Съ поспѣшностью гонецъ прибѣгъ съ Донскихъ полей,
И вѣсть принесъ, что вся Ордынска къ бою сила
210 Противу Россовъ шла, и Россы противъ ней.
Но Ольгъ Резанскій Князь, и Князь Олгердъ Литовскій
Свой къ Мамаевымъ поставили полкѣи,
И съ малымъ воинствомъ Димитрій Князь Московскій
Противу стать дерзнулъ, оставшись близъ рѣкѣи.
215 Какъ буря шумная поднявшись послѣ зною,
Съ свирѣпой яростью въ зажженный дуетъ лѣсъ,
Дымъ, пепель, пламень, жаръ восхитивъ за собою,
И въ вихрь крутой завивъ, возноситъ до небесъ,
И нивы на поляхъ окрестныхъ поядаетъ,
220 И сѣла и кругъ нихъ растуціе плоды;
Надежды селянинъ лишившись оставляетъ
Ревущему огню вселѣтныя труды.
Подобно такъ Мамай единымъ вдругъ ударомъ
Противъ Димитрія Ордамъ летѣтъ велѣлъ,
225 И въ мужествѣ стремясь на полкъ противный яромъ,
Скакалъ съ мечемъ своимъ чрезъ блѣдныя кучи тѣлъ.

Россійскія въ крови повержены знамена,
И Князь Московскій былъ отвсюду окружень,
И сила войскъ его слабѣла утѣшенна:
230 Сомнѣнья нѣтъ, что онъ Мамаемъ побѣжденъ.

Т а м и р а.

Мнѣ равно какъ тебѣ, родитель мой, пріятно.
Что радостная вѣсть пришла въ спасенный градъ;
Однако будетъ мнѣ утѣшнѣе стократно,
Когда прѣдетъ здравъ возлюбленный мой братъ.
235 Ахъ небо помоги желаннаго достигнуть,
И поспѣши къ концу намѣреній моихъ!

М у м е т ь.

Я къ большей радости могу тебя подвигнуть,
Возлюбленная дочь: Мамай тебѣ женихъ.

Т а м и р а.

Мамай! о Боже мой!

М у м е т ь.

240 Востока обладатель
И побѣдитель всѣхъ полочныхъ нынѣ странъ,
Союзникъ искренней и вѣрной мнѣ пріятель
Судьбой и мной тебѣ въ супружество избранъ.
Имѣя многіе подъ областью народы,
245 Тамира, будетъ онъ тобою жить плѣнень,
И станетъ оной плѣнъ дороже чтить свободы,
Хотя ему востокъ и сѣверъ покорень.
Возлюбленная дочь, что очи потушишь?

Я стыдъ дѣвической въ тебѣ весьма хвалю:
250 И что вздыхаючи ты брата ожидаешь,
Природную къ нему любовь твою люблю;
Однако нынѣ ты похвальную стыдливость
И мысли смутныя о братѣ отложи,
И на отеческу смотря нетерпѣливость,
255 Согласна ли ты мнѣ, немедлѣнно скажи.

Т А М И Р А .

Что я съ младенчества родительскую волю
Привыкла исполнять, довольно знаешь самъ;
Своею почитать не отрицаюсь долю,
Которую мнѣ дать угодно небесамъ.
260 Однако рассуди мой младяя лѣта,
И въ возрастъ мнѣ притти въ дому твоёмъ позволь.
Я буду почитать, что я живу внѣ свѣта.
Какъ есть ли безъ тебя я буду жить средь поля!
И какъ подумать мнѣ, что я мила Мамаю?
265 И какъ могу сказать, что бы онъ мнѣ былъ милъ,
Когда лица ево и нравовъ я не знаю?
И какъ ево мой взоръ заочно бы плѣнилъ?

М У М Е Т Ъ .

Оставь о семъ ты мнѣ, Тамира, попеченье,
И вѣрь, что будетъ толь межъ васъ крѣпка любовь,
270 Что лишь твое со мной минуетъ разлученье,
То будетъ къ одному кипѣть Мамаю кровь.
Ты долженствуешь мой въ востокѣ родъ восставить
И дружбу чрезъ родство съ Мамаемъ утвердить,
Умножить нашу мочь, и съ нимъ себя прославить;
275 Мнѣ польза, честь тебѣ велитъ ево любить.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

- Война и миръ противъ моей любви воюеть!
Противилась моимъ желаніямъ война;
Но нынѣ, Клеона, миръ свирѣпѣе враждуетъ;
Меня сильныя бурь колеблетъ тишина!
- 280 Сугубымъ бременемъ за что отягощаюсь?
Въ супружество даютъ тому, кто мнѣ постыль!
Довольноль что того, кого люблю, лишаюсь?
О небо, не нашли мнѣ казни выше силъ!
Когдабъ еще война понынѣ продолжалась,
- 285 То мучилъ бы меня одинъ лишь только страхъ,
Мнѣ лутче, естлибъ я Селиму въ плѣнъ досталась .
Какъ славно царствовать въ Мамаевыхъ странахъ.
Ахъ естлибъ было то, и я бы вѣрно знала,
Что равнымъ пламенемъ Селимъ ко мнѣ горить;
- 290 То слезъ потокъ проливъ, отцу бы все сказала,
Что духъ мой и языкъ съ тобою говорить.
Онъ видя искренность, на плачь бы преклонился,
И нацу можетъ быть любовь бы утвердилъ.
Илибъ и мой животъ съ надеждой прекратился,
- 295 Въ спокойствѣ, что ужѣ Селимъ меня любилъ.
Но нынѣ ненависть въ одну страну склоняетъ,
Въ другу отчаяннѣ несчастную влечетъ.
Какъ на морѣ корабль, то буря похищаетъ,
То водъ стремленіе противъ нея несетъ;
- 300 Такъ я противными страстями вдругъ борима,

Нечая одолѣть, должна противъ стоять.
Отчаявшись имѣть въ супружествѣ Селима,
Отчаявшись любить Мамаю, что начать.

КЛЕОНА.

Ахъ лучше то избрать, что подлинно извѣстно,
305 Какъ онаго желать, чему не можно быть.
Хотя Селимово лице тебѣ прелестно;
Но праву слѣдую, старайся позабыть.

ТАМИРА.

Довольно бы того, что права и законы
Во обузданіи любовну страсть крѣпить;
310 Довольно отъ стыда любовникамъ препоны,
Когда взаимной жаръ другъ въ другѣ знать хотятъ.
Но развращенной вѣкъ насильства умножаетъ;
Отеческа гроза, богатство, родъ и честь
Коль многихъ въ вѣчное нещастье погружаетъ,
315 Любви желающихъ достатки предпочестъ.
Какая польза въ томъ, что златомъ испещренный
И каменьемъ драгимъ въ глазахъ блеститъ чертогъ,
Когда мой будетъ духъ отъ оныхъ отверженный
Къ тому всегда вперенъ, чего имѣть не могъ.
320 Дабы на мало лѣтъ восстановить союзы,
Родители даютъ свою залогомъ кровь,
На дѣтскія сердца кладутъ несносны узы:
Въ какой неволѣ ты, дражайшая любовь!
Я вамъ завидую, которы отдаленно
325 Отъ гордыхъ сихъ палатъ живете въ тишинѣ:
У васъ веселіе равно и непремѣнно,
И прямо щастливы лишь только вы одиѣ,
У васъ вольна отъ узъ живетъ любовь святая;

У васъ не для отцовъ, но любятъ для себя,
330 Союзовъ никакихъ ни выгоды не считая,
Но склонность лишь своихъ сердець употребя.
Коль щастлива былабъ, коль щастлива Тамира!
Когдабъ съ ней былъ Селимъ въ одномъ лугу пастухъ:
Не злато, не вѣнцы, не Царская порфира,
335 Но вѣрнаябъ любовь соединила двухъ.

КЛЕОНА.

Одно тебѣ еще прибѣжище осталось.
Ты дядѣ мысль сѣю, Царевна объяви;
Спѣши, пойдемъ пока со всѣмъ не основалось
Супружество твоей противное любви.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

* * *

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

СЕЛИМЪ и НАДИРЪ.

НАДИРЪ.

340 Мнѣ радостенъ сей миръ; но на тебя взирая,
Сугубо чувствую веселіе въ себѣ.
Таковъ его былъ взоръ и бодрость въ немъ такая,
И именемъ и всѣмъ подобенъ былъ тебѣ
Селимъ, котораго любовь и добродѣтель
345 Къ Нарсиму и ко мнѣ коль искренна была,
Тому прекрасный брегъ Геонскихъ водъ свидѣтель.

*

Селимъ.

Сѣдины вижу тѣ, и тѣ черты чела!
Теперь мнѣ небеса надежду укрѣпляютъ!
Возлюбленный Надиръ, тебя здѣсь вижу я,
350 Котораго понынь мѣста воспоминають,
Гдѣ праведна еще цвѣтетъ хвала твоя,
Хотя и никому твой Царской родъ незнаемъ,
Которой и друзьямъ твоимъ былъ потаенъ?
Но гдѣ твой сынъ, мой другъ?

Надиръ.

355 На брань пошолъ съ Мамаемъ.
Однако онъ Царемъ не мной на свѣтъ рожденъ.
Родившись отъ одной съ Муметомъ я утробы,
Нарсима сыномъ звалъ, онъ звалъ меня отцомъ;
И не хотя, какъ ты открыть своей особы
360 Высочество тайлъ въ названіи простомъ.

Селимъ.

О щедрая судьба! Нарсимъ! онъ братъ Тамиръ!
Пріятель искренней! когда бы здѣсь онъ былъ,
То можетъ быть при семъ возобновленномъ мирѣ
Въ желаніи моемъ мнѣ промыслъ споспѣшилъ.

Надиръ.

365 Его обратно Царь всечасно ожидаетъ.

Селимъ.

Однако и твоя поможетъ мнѣ пріязнь.
Позволь мнѣ объявить, чего мой духъ желаетъ;
Узнаешь нынѣшнихъ отъ прежнихъ мыслей разнь.

Тебѣ все склонности и жизнь моя извѣстна,
370 Какъ былъ я въ Индїи съ Нарсимоу и съ тобой;
Бывалась красота очамъ моимъ прелестна?
Бывалъ ли нарушенъ любовью мой покой?
Всегда исполненъ тѣмъ, что мудрые *) Брамини
Съ младенчества въ моей оставили крови,
375 Напасти презирать, безъ страху ждать кончины,
Имѣть недвижимъ духъ и бѣгать отъ любви;
Я больше какъ рабовъ имѣлъ себя во власти,
Мой нравъ былъ завсегда уму поработенъ,
Преодоленны я имѣлъ подъ игомъ страсти.
380 И мраку ихъ не зналъ наукой просвѣщенъ.
Другихъ волненїя смотрѣлъ всегда со брегу.
Но нынѣ подъ общей я подверженъ сталъ законъ
И мыслей быстро здержать несиленъ бѣгу,
Я имъ послѣдую и отдаюсь въ полонъ.
385 Не ради слабыхъ силъ оставилъ я осаду
Любовь исторгнула изъ рукъ военныхъ мечъ;
Тамира не полкъ была защита граду,
Она мнѣ племъ съ главы, броню сложила съ плечъ.

Надиръ.

Что слышу я? и какъ?

Селимъ.

390 Сквозь самы тверды стѣны,
Межъ копей межъ щитовъ любви свободенъ путь.
Я въ перемирны дни на градъ сей утѣсенный,
Приблизившись ко рву едва успѣлъ взглянуть,
Прекрасны очи грудь пронзили изъ бойницы.
395 Смущенъ и изумленъ спросилъ, какъ ѣхалъ прочь:
Мнѣ плѣнникъ объявилъ, что смотрятъ тутъ дѣвицы,

*) Индѣйскіе философы.

И что Муметова въ срединѣ оныхъ дочь.
Съ того часа война въ крови моей восстала;
Я вамъ спокойство давъ, съ собою брань имѣлъ:
400 Любовь поставить миръ, честь къ бою побуждала.
Вчера любовну страсть мой разумъ сдолѣлъ.
Я въ руки принялъ мечъ; но сердце вопіяло:
Селимъ, на толи ты держашь устремлень,
Чтобъ око нѣжное на кровь гражданъ взирало,
405 Которое меня въ пріятной взяло плѣнь,
И чтобъ въ слезахъ лице Тамирино прекрасно
Отъ падающихъ стѣнъ покрылъ згущенный прахъ.
Я симъ движеніямъ противился напрасно,
И удержать не могъ оружія въ рукахъ.
410 Дражайшій мой Надиръ, познавъ причину мира,
И дружбу вспомянувъ потщись мнѣ пособить.
Царю напоями, что можетъ лишь Тамира
Трiумфъ мой и сихъ стѣнъ мнѣ цѣлость заплатить.

НАДИРЪ.

Твои заслуги мзды толикія достойны,
415 Достойны качества, и славный Царскій родъ:
Ты мысли между тѣмъ имѣй, Селимъ, спокойны,
Когда твой объявлю Царю сюда приходъ.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТАМИРА, СЕЛИМЪ и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

Отраду можетъ быть въ моей печали крайней
Второй мнѣ дать отецъ. . . . кого я вижу здѣсь?
420 Клеона, ахъ! куда?

КЛЕОНА.

О случай невзначайной!

СЕЛИМЪ.

О радостной восторгъ! я цѣпенѣю весь!
Драгая, не мятѣсь симъ взоромъ необычнымъ,
Но слуху своего гласъ слезный удостой,
425 И красотѣ твоей воззрѣнїемъ приличнымъ
Трепещущую кровь и сердце успокой.
Хотя учтивость мнѣ и скромность возбраняетъ
Продерзостную мысль нечаянно открыть;
Но время краткое отнюдь не позволяетъ
430 И сердце не дать движенїя тантъ.

Становится на колѣна.

Ты видишь предъ собой, прекрасная Царевна,
Тобой плѣннаго презрителя любви;
Тобой мнѣ будетъ жизнь блаженна, иль плачевна.
Коль хочешь оживи, коль хочешь умертви.

ТАМИРА.

435 Какимъ смущаюсь я внезапно разговоромъ!
Тебя, Селимъ, тебя могу я умертвить?
Коль странна рѣчь!

Поднимаетъ его.

СЕЛИМЪ.

Твоимъ пронзенно сердце взоромъ
Бунтующей душѣ велить твоею быть.
440 Вотще противъ тебя противъ себя воюю:
У стѣнъ, въ полкѣхъ, въ поляхъ твою срѣтаю тѣнь,
И въ трубный шумъ твое я въ мысли имя чую,
Тебя мнѣ мракъ ночной и ясность кажетъ въ день.
Прїятностей твоихъ вездѣ мнѣ блескъ сіяетъ;

445 Тобой исполненъ я и въ явѣ и во снѣ.
Недвижимый мой духъ и крѣпость оставляетъ,
Я больше ужъ себя не нахожу во мнѣ.
На горькое смотря, дражайшая, мученье,
Повѣрь, что мой животъ въ любезной сей рукѣ.

Тамира.

450 Какое дать могу тебѣ я облегченье,
Въ лютѣйшей будучи погружена тоскѣ?

Селимъ.

Дражайшая, какой свирѣпости возможно
Тебѣ малѣйшую противность учинить?
Какое сердце есть на свѣтѣ толь безбожно,
455 Которое тебя дерзаетъ оскорбить?
Тебя, предъ коею жаръ бранный погасаетъ
И падаютъ изъ рукъ и копыя и щиты,
Геройскихъ мыслей бѣгъ насильный утихаетъ
Удержанъ силою тоlikой красоты!
460 Но если ты меня, драгая, удостоишь
Причину твоего смущенія узнать;
То свой ты черезъ то и мой духъ успокоишь:
Во всемъ любовь моя возможетъ помощь дать.
На все любовь моя готова устремиться,
465 Готова все бѣды и смерть въ ничто вмѣнить;
Лишь толькобы твоей отрадой веселиться,
И чтобъ любовь твою взаимно заслужить.

Тамира.

Ахъ тщетны все слова! напрасны обѣщанья!
Гонимой отъ своихъ поможетъ ли чужой?
470 Одиѣ остались мнѣ со плачемъ воздыханья:

Не множь ихъ, и себя отъ глазъ моихъ укрой.
Меня судьба зоветъ и должность понуждаетъ
Оставить здѣшній градъ и въ дальный край сѣштить,
Престань того желать, что небо запрещаетъ,
475 Такъ промыслъ положилъ, и нельзя премѣнить.

Селимъ.

Поспѣшно твоему отшествію иль косно,
Чрезъ море должно быть, или пространствомъ поль;
То, ежели тебѣ мое присудство сносно,
Дражайшая, себѣ послѣдовать позволь.
480 И удостой меня взирать слезящимъ окомъ
На знаки нѣжные возлюбленныхъ слѣдовъ.
Но ежели недано тебѣ предѣла рокомъ
Гдѣ должно странствовать, оставя домъ отцовъ;
Послѣдуй мнѣ въ луга Багдатскіе прекрасны,
485 Гдѣ въ срѣтеніе тебѣ Евфратъ прольетъ себѣ,
Гдѣ вѣшніе всегда господствуютъ дни ясны,
Пріятность воздуха достойная тебя.
Царицу воспріять великую стекаясь,
Богинею почитать чюдящейся народъ,
490 И красотѣ твоей родитель удивляясь,
Превыше всѣхъ торжествъ поставитъ твой приходъ.

Тамира.

Хотя такихъ, Селимъ, даровъ не презираю;
Но выше въ нихъ твоимъ достоинствомъ цѣна.
Ахъ что прельщаюсь тѣмъ, чья быть не уповаю?
495 Какъ сердце я отдамъ, въ которомъ невольна?
Велика держитъ внутри мой робной голосъ сила;
Но большая тоя отъ сѣрдца гонитъ вонъ!
Когда противъ твоей я воли возлюбила,
О небо! то скончай ударомъ громнымъ стонъ!

- 500 Ужъ долѣе таить мой духъ не позволяетъ,
И толь великихъ бурь не можетъ грудь вмѣстить.
Селимъ, любовь моя равно къ тебѣ пылаетъ,
Которую судьба стремится погасить.
Отеческая власть желаніямъ противна
- 505 Иному отдаешь тобою полную грудь,
И съ коимъ жизнь моя была бы неразрывна,
Едва я на того дерзаю и взглянуть.

Селимъ.

- О радостныя вдругъ минуты и плачевны!
Я вознесенъ до звѣздъ и въ бездну погруженъ!
510 На что соединилъ сердца, о промысль гнѣвный,
Когда союзъ ихъ въ вѣкъ тобой не утверженъ?
Но нынѣ о твоей любви я увѣренъ,
Дражайшая, противъ судьбы вооружусь.
Мой духъ такъ напряженъ, коль пламень мой безмѣренъ;
515 Умру, или съ тобой въ триумфѣ возвращусь.

Тамиръ.

Я сердце ужъ тебѣ, любезный, поручаю,
И вѣрность данную пребуду вѣкъ храня.
Къ неистовому я не преклонюсь Мамаю.
Пусть весь свѣтъ побѣдитъ, не побѣдитъ меня.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Селимъ одинъ.

- 520 Мамай! Тираннъ во плѣнъ толику добродѣтель,
Чудовище влечетъ толику красоту?
О солнце, ты сего можешь быть свидѣтель,
И свѣта не лишешь такую срамоту!

Я коль великимъ то и славнымъ почитаю
525 Чтобъ вѣкъ Тамириной любовію горѣть;
Толь напротивъ того позорно быть вмѣняю
Такого Вѣрвара соперникомъ имѣть.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МУМЕТЪ, СЕЛИМЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ

Селимъ.

Спокойствомъ пользуясь я нынѣ безопаснымъ,
Тебя пришлошь почтить и видѣть, Государь,
530 И договоромъ миръ возобновить согласнымъ,
Къ чему мнѣ даль всю власть меня родившій Царь.
По волѣ я его Таврійскую вершину
Прешель и воинствомъ наполниль корабли,
Отъ страху свободилъ Евксинскую пучину,
535 Что ваши подданны разбоемъ навели.
Отметивъ кунечества грабежъ, я миръ даль граду,
Имѣя громъ въ рукѣ, ударить не хотѣль:
За домъ, за Крымъ, за жизнь желанну дай награду,
Которой я свою побѣду предпочель.

Муметь.

540 Причину твой отецъ имѣль вооружиться,
Какую завсегда къ войнѣ легко сыскать.
Котора можетъ власть на свѣтѣ похвалиться,
Чтобъ такъ вѣхъ подданныхъ могла она держать,
Какъ мирны требуютъ отъ оныхъ договоры,
545 И многіе тысячи имѣли мысль одну?

*

И кто угодить тѣмъ, что будтобъ рунить ссоры,
Наносятъ для хвалы неправедну войну?
Хоть наша жизнь кратка, и оныя прибавить
Черезъ храбрыя дѣла Героямъ долгъ велить;
550 Но мѣру праведну желаніямъ поставить,
Въ томъ больше похвала чрезъ цѣлой свѣтъ гремитъ.
Тебѣ довольно быть, Селимъ, я уповаю,
Когда повиннымъ казнъ достойну наложу.

СЕЛИМЪ.

Спокойство утвердивъ, я больше не желаю,
555 Но токмо дружество взаимно предложу.
На свѣтлое лице взирая восхищаюсь,
Что въ ономъ начертанъ любезный мой Нарсимъ,
И та, которою нылаю и терзаюсь,
Плѣняетъ красота воззрѣніемъ твоимъ.
560 Союза нашего залогъ и совершенство
И вѣчная печать быть можетъ дочь твоя.
Тамира дастъ одна и сохранить блаженство,
Котораго во вѣкъ лишуся безъ нея.
Какъ естли данный миръ земли твоей полезень,
565 За тое надлежитъ воздать моей любви.
И буде, Государь, твой сынъ тебѣ любезенъ,
То друга ты его себѣ усынови.

МУМЕТЪ.

Что сынъ мой другъ тебѣ, то мнѣ весьма пріятно.
Онъ такъ же какъ и я за щастіе почтеть,
570 Что въ городъ сей пришедъ съ побѣдою обратно,
Тебя союзникомъ, а не врагомъ найдетъ.
При немъ намъ небеса помогутъ все устроить,
Его къ отрадѣ я по вся минуты жду.

Селимъ.

Надѣясь чрезъ него я сердце успокоить,
575 На Понтеки берега съ веселіемъ пойду,
И прежде дружнего потщусь сюда приходу
Все воинство свое на корабли вмѣститъ.

* * *

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

Муметь.

Взирая на любовь, особу и породу,
Не въ силѣ мыслей я своихъ соединить.
580 Примѣтивъ ненависть Нарсиму къ Мамаю,
Союзъ къ супружеству съ Тамирою тайль.
Но нынѣ бѣльшія препятствія срѣтаю:
Нарсимъ Селиму другъ, а ей Мамай постылъ.
Не должно царское Царю быть слово ложно;
585 Но какъ я кровь свою тиранствовать могу?

Заисанъ.

Того ужъ, Государь, перемѣнить не можно:
Кто другомъ былъ, тому открыто все врагу.
Когда кто сильному, что долженъ, отрицаетъ,
Тотъ будетъ принужденъ, что и не долженъ, дать.
590 И долгъ къ отечеству Царямъ повелѣваетъ
Блаженство онаго родству предпочитатъ.
Помысли, Государь, коль будетъ дерзновенно
Вооруженнаго Мамай раздражить;
И коль полезно вамъ, похвально, несравненно
595 Владѣніе такимъ союзомъ укрѣпитъ.

НАДИРЪ.

- Что мѣру превзошло, стоить надъ стремниною;
Чтобъ гордости примѣръ паденьемъ звучнымъ дать.
Безумна власть падеть своею тяготою;
Что срамно пріобрѣсть, срамнѣе потерять.
- 600 Видалъ я быстрыя ужѣ иссохши рѣки,
Засыпанны пескомъ, что рвали съ береговъ.
Такъ царства, что цвѣли во славѣ многи вѣки,
Упали тягостью поверженныхъ враговъ.
Нарочно Богъ во тмѣ грядущее скрываетъ,
- 605 Чтобъ смертныхъ гордые совѣты разорить.
Мамай поля свой людьми опустошаетъ,
Дабы ихъ трупами Россійскій край покрыть.
Насильна власть стоять не можетъ долговѣчно.
Кто гонить одного, тотъ всякому грозить.
- 610 Россію варварство его бесчеловѣчно
Изъ многихъ областей въ одну совокупить.
На плачь, на шумъ, на дымъ со всѣхъ сторонъ стекутся;
Рассыпанныхъ враждой зберетъ послѣдній страхъ.
Какою силою въ единствѣ облекутся,
- 615 Владимиръ намъ примѣръ и храбрый Мономахъ.
Сей вредные своей землѣ отмстивъ набѣги,
Лавровымъ верьхъ вѣнцемъ и Царскимъ увѣнчалъ,
А оный здѣшніе покрывъ полгѣми бреги,
Супругу въ сихъ стѣнахъ и вѣру воспріалъ.

З а п и с а н ъ.

- 620 Мамаю слѣдуетъ вездѣ съ побѣдой слава;
Онъ съ нею къ намъ спѣшитъ Россіей овладѣвъ.
Великостію силъ военны мѣрятъ права
Великіе Цари и областію гнѣвъ.

НАДИРЪ.

Великодушный левъ жаръ тотчасъ утоляетъ,
625 Коль скоро видитъ онъ, что врагъ его лежитъ;
Но хищной волкъ пота противника терзаетъ,
Пока послѣдняя въ немъ кровь еще кипитъ.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ВЪСТНИКЪ и ПРЕЖНІЕ.

ВѢСТНИКЪ.

Съ придонскихъ, Государь, полей я отъ Нарсима
Къ тебѣ пріятную несу поспѣшно вѣсть,
630 Что къ радости твоей и къ утѣшенью Крыма
Велику заслужилъ онъ храбростію честь.
Побитыхъ кровію Непрядвы токъ згустился,
И грабятъ Росской станъ Херсонскіе полки,
И ранами покрыть отъ бою уклонился
635 Димитрій бѣгая Нарсимовой рукі.
Одно несчастіе Мамаю сокрушаетъ,
Что сильный Челубѣй пронзенъ въ крови лежитъ,
Лежитъ и поля часть велику покрываетъ!
Но намъ послѣдую побѣда ужъ гремитъ.
640 Оставшимъ Россамъ путь пресѣченъ къ бѣгу Дономъ,
Или въ бою падутъ или дадутся въ плѣнъ.
Мамаю малымъ толь людей своихъ урономъ
Пространный сѣверъ весь подъ область покоренъ.

МУМЕТЪ.

Мамаю небеса Тамиру поручаютъ,
645 И слово данное сама судьба крѣпитъ.

Хоть нравы разные съ Нарсимою раздѣляютъ;
Но обще счастье ихъ въ любовь соединить.
Ты вѣрный Зансанъ, и ты мой братъ любезный,
Подумавъ межъ собой, придите въ мой чертогъ,
650 Союзы утвердить и дать совѣтъ полезный,
Дабы доволенъ быть Селимъ отказомъ могъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОМУ ДѢЙСТВІЮ.

* * *

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

М а м а й одинъ.

Еще великій страхъ меня не оставляетъ!
Еще я слышу крикъ враговъ гонящихъ въ слѣдъ!
И блѣдныхъ лицъ меня мечтаніе смущаетъ!
655 Здѣсь съ паромъ кровь изъ мурзь рассѣченныхъ течетъ.
Здѣсь тѣнь Нарсимова послѣдуя за мною,
Ужъ въ глазахъ моихъ отмщеніемъ грозитъ!
Крѣпись, мой духъ, крѣпись, бѣду скрывай бѣдою,
И въ горести кажи на мнѣ Геройской видъ.
660 Отъ Россовъ побѣжденъ хотя я ужасаюсь
Въ отечествѣ свой стыдъ и слабость показать;
Но съ войскомъ погубивъ Нарсима утѣшаюсь,
Что не остался, ктобъ здѣсь могъ о томъ сказать.
Мамай ты будь себѣ и въ пагубѣ подобенъ,
665 Мумета ложною побѣдою увѣрь.
На дѣлѣ испытай коль къ умысламъ способенъ,
И ковъ составленной напастью пинѣ мѣрь.
Тамиру давъ въ жену, мнѣ дастъ Муметь и войско.
Я орды по стенамъ рассышаны зберу;

670 Искусство покажу коварствомъ симъ Геройско,
Внезапно набѣжавъ, Москву въ ногахъ попру.
На плачь тамъ премѣню я торжество спокойно,
И покажу врагамъ каковъ мой гнѣвъ и власть.
Въ конецъ отчаяться Мамаю недостойно;
675 Безумно всѣхъ путей неиспытавъ пропасть.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

МАМАЙ, МУМЕТЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

М у м е т ъ .

Какое щастіе мнѣ небо посылаетъ,
Великій Государь, пришествіемъ твоимъ!
Нечаянной твоей взоръ тѣмъ больше восхищаетъ,
Чемъ больше нуженъ онъ смятеніямъ моимъ.
680 Я радуюсь твоей побѣдѣ въ свѣтѣ звучной,
И скорому дивлюсь прѣзду твоему.

М а м а й .

Не можетъ торжества Мамай благополучной
Себѣ къ веселію оставить одному;
Но хочетъ онаго имѣть и ту причастну,
685 Которую къ сему блаженству ты родилъ.
Имѣя всю страну Россійскую подвластну,
Я радость сообщить изъ устъ своихъ спѣшилъ.
Сугубымъ торжествомъ украсить ускорю,
И славою мой въѣздъ въ великую орду.
690 Но славноѣ я быть Тамирою желаю,
Какъ тѣмъ что Дмитрія въ оковахъ приведу.

Ужѣ все воинство со плескомъ ожидаетъ
Съ прекрасною меня Царицею къ себѣ.

М У М Е Т Ъ.

Побѣда мужество Геройское вѣнчаетъ;
695 Любовь и дружество Тамиру дать тебѣ.
Нарсимъ помощникъ твой, въ семь градѣ возделѣнный
Украститъ брачный день, со славой возвратясь,
И храбымъ воинствомъ Херсонскимъ окруженный. . . .

М А М А Й.

Онъ нынѣ на поляхъ Россійскихъ веселясь,
700 Сокровища себѣ съ побитыхъ собираетъ,
Съ которыми тогда обратно придетъ въ домъ,
Какъ даннымъ отъ меня онъ краемъ завладеетъ,
Лугами тучными межъ Дономъ и Днѣпромъ.

З А И С А Н Ъ.

О щастливой успѣхъ! о коль мѣста прекрасны!
Къ Надиру.
705 Не мнѣ ли въ честь конецъ пріяла наша прѣя?

Н А Д И Р Ъ.

Но сердца моего съ симъ чувства несогласны!

М У М Е Т Ъ.

Достоенъ даръ таковъ великаго Царя!

М А М А Й.

Любезный Государь! Нарсима оставляя,
Я слышала въ радостныхъ изъ устъ его слезахъ,

- 710 Что въ сердцѣ ненависть искоренилась злая,
И общимъ щастіемъ вражды развѣянь прахъ.
Прости, сказалъ онъ мнѣ; я нынѣ признаваюсь,
Что злобой я тебя не рассудя гнѣвилъ.
Я храбрости твоей и духу удивляюсь,
715 Чѣмъ ты Дмитрія и гнѣвъ свой побѣдилъ.
Геройства твоего я бывши самъ свидѣтель,
Завистниковъ твоихъ отвергнулъ клеветы.

З а и с а н ъ .

Превыше зависти восходить добродѣтель,
И презираетъ ту спокойна съ высоты!

М а м а й .

- 720 Услышавъ таково Нарсимова пріятство,
Немедля брачной я союзъ ему открылъ.
Онъ въ радости сказалъ: о коль любезно братство,
Въ которомъ промысль мнѣ съ Героемъ быть судилъ!
Благополучень Крымъ, и щастлива Тамира,
725 Тобой возвышенны, прославленны тобой!
Но ты подобяся дыханію зефира,
Поспѣшно въ Крымъ пришедъ Мумета успокой.
Скажи ему, коль мнѣ съ тобою быть полезно;
И будущей твоей Царицѣ объяви,
730 Что мнѣ толикое супружество любезно;
И о моей къ тебѣ увѣрь ее любви.
Величество свое и неисчетны орды
Тамиръ покажи, со славой возвратясь;
И торжествуй, ступивъ врагамъ на выи горды,
735 Что будутъ ницъ лежать. предъ нею преклонясь.

* * *

*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ.

ТАМИРА, КЛЕОНА и ПРЕЖНИЕ.

ТАМИРА.

Ужель возлюбленный Нарсимъ къ намъ возвратился?
Дражайшій мой отецъ!

МУМЕТЪ.

Ты видишь здѣсь его,
Предъ коимъ съверь весь пространный преклонился;
740 Мамаю почитай за сына моего.

ТАМИРА.

О строги небеса!

МАМАЙ.

Ты видишь братня друга,
Которой хочеть вѣкъ къ тебѣ одной горѣть.

МУМЕТЪ.

Имѣешь жениха; а скоро и сунруга
745 Въ немъ будешь отцескимъ раченѣмъ имѣть.
Къ Мамаю.

Любовь и я даю тебѣ рожденну мною,
Съ тобою царствовать и искренне любить.

МАМАЙ.

Вторымъ я нынѣ отцемъ рожденъ на свѣтъ тобою,
Когда ты предирялъ меня усыновить.

МУМЕТЪ.

Къ Тамирѣ.

750 Нарсима и меня люби ты въ немъ единомъ
И царствуй щастливо въ обширной толь странѣ.
Влистая на земли пресвѣтлымъ Царскимъ чипомъ,
Ему послушна будь, какъ нынѣ послушна мнѣ.

ТАМИРА.

Ты вѣленъ. Государь! законы и природа
755 Велятъ тебѣ имѣть въ Тамирѣ полную власть.
Какъ спорить я могу? коль не дана свобода
По волѣ избирать пристойну въ жизни часть.
Но естли смѣю я. . . .

МУМЕТЪ.

Младые не радѣють
760 О томъ, чрезъ чтобы имъ ко щастію дотти:
За тѣмъ родители рожденными владѣють,
Дабы поставить ихъ на истинномъ пути.
Любовью будешь звать, что нынѣ зовешь грозою,
И станешь строгости моей благодарить.
765 Ты слѣдуй въ мой чертогъ, любезный братъ, за мною,
Дабы мнѣ скорой бракъ съ тобою расположить.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТАМИРА, МАМАЙ, ЗАИСАНЪ и КЛЕОНА.

МАМАЙ.

Несносной горестью смятенный примѣчаю,
Что всеу таковымъ я пламенемъ горю!
Тамира, ненависть имѣешь ты къ Мамаю?

- 770 И смѣешь согрѣшить великому Царю?
Однако принужду свои къ спокойству мысли,
И младости твою противность припишу.
Царевна, истиннымъ своимъ блаженствомъ числи,
Что сердце я свое тебѣ въ даръ приношу.
- 775 Цари съ концевъ земныхъ сродствѣ со мной желаютъ;
И каждая красоту приносить мнѣ страна.
Коль многія по мнѣ Царевны въздыхаютъ!
Ты можешь получить желанья всѣхъ одна.
Ты можешь получить великаго Героя,
- 780 Которой мужествомъ вселенну удивилъ,
Превысилъ славою Чингиса и Хозроя,
И прадѣда въ себѣ Батыя воскресилъ.
Представь мой славной родъ, и кто Мамаю дѣды,
Отъ коихъ онъ тебѣ къ супружеству рожденъ.
- 785 Россія не мои, но ужъ твои побѣды,
Когда я красотой твоей самъ побѣжденъ.
Толикимъ Государь народамъ покореннымъ,
Не обинуюсь быть просителемъ твоимъ.
Я шастіе свое почелъ бы несравненнымъ,
- 790 Когда бы оное считала ты своимъ.

ТАМИРА.

Когда ты многіе привелъ подъ власть народы,
То славы, Государь, толикой не теряй,
И слабый женскій полъ лишивъ драгой свободы,
Великихъ дѣлъ своихъ чрезъ то не помрачай.

МАМАЙ.

- 795 Тебя свободы я могу лишить, Тамира?
Котору возвести съ собой на тронъ спѣшу.
Поставить госпожой мнѣ подданнаго мира,
И будучи Царемъ, быть плѣнникомъ нищу?

ТАМИРА.

Среди довольствій всёхъ, среди великой славы,
800 Сидя на Царскаго престола высотѣ,
Что пользы, естьли въ насъ различны будутъ нравы?
Я все равно почту послѣдней ничетѣ!
Какая польза въ томъ, что рокъ свой проклиная,
Не бракомъ буду бракъ, но плѣномъ называть;
805 И на оковы толь песносные взирая,
Тебѣ послѣдовать, а о иномъ вздыхать!

* * *

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МАМАЙ, КЛЕОНА, ЗАИСАНЪ.

МАМАЙ.

Клеонѣ.

Что слышу я еще! любовница иному
Тамира можетъ быть, и мнѣ притомъ жена?
И кто Мамаева не устрашайся грому,
810 Дерзнулъ взглянуть на ту, что мнѣ обручена?
Тебѣ всё склонности и нравъ ея извѣстенъ,
Ты можешь нынѣ честь и милость заслужить.
Скажи, скажи, кто есть Тамирѣ толь прелестенъ,
Кого бы мнѣ она хотѣла предпочтить?
815 Когда открытѣемъ смущеніе прогонишь,
Дабы соперника узнать и отвратить;
Когда Тамиринъ духъ ко мнѣ въ любовь преклонишь,
Какую мзду за то ты можешь получить!
Ты знаешь власть мою и отческую волю:

820 Старайся обязать великихъ двухъ Царей.
Я Царску честь тебѣ давать своимъ позволю,
И матери равно тебя почту своей.

КЛЕОНА.

Я знаю, Государь, коль власть твоя велика,
И коль должна Царю послушна быть раба!
825 Но помощи податъ не можетъ мзда толика,
Когда имѣеть брань съ любовію судьба.
Не можетъ воинство съ концемъ всея вселенны
Противу твоего стать гнѣвнаго лица;
Но силой покорять пристойно крѣпки стѣны,
830 А нѣжны ласкою дѣвически сердца.
Чѣмъ больше ты къ любви Тамиру принуждаешь,
Тѣмъ больше будешь ей противень и постыль.

ЗАИСАНЪ.

Великому Царю толь дереско отвѣчаешь?

МАМАЙ.

О какъ напрасно я къ ней щедръ и ласковъ быть!
835 Оковы, мѹки, гладъ и вѣчная темница,
И смерть сама легка таку змѣю карать.

КЛЕОНА.

Тамирѣ былобъ то ужѣ живой гробница,
Селнму сердце давь, Мамаю присягать.

* * *

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.
МАМАЙ и ЗАИСАНЪ.

МАМАЙ.

Селимъ! и кто?

ЗАИСАНЪ.

840 Селимъ! О щастливъ недостоинно:
О общая печаль! о страсти слѣзота!
Селимъ, что не хотя въ Багдадѣ жить спокойно,
Разбоемъ утѣснялъ предъ градомъ симъ мѣста.
Но страхомъ силъ твоихъ смятенъ склонился къ миру,
845 И въ городъ сей вошедъ Мумету предлагалъ,
Дабы онъ далъ ему въ супружество Тамиру;
Однако Царь на то отвѣтъ несклонной далъ.
Къ Селимовой любви Царевна согласится. . . .

МАМАЙ.

И предпочеть меня разбойнику могла?
850 О горесть! о ударъ! о какъ мой духъ стремится!
Не можетъ больше быть на свѣтѣ мнѣ хула,
Какъ чтобъ соперникъ мнѣ Царевичъ былъ Багдадской!
Хотя дерзнулъ сего онъ суетно искатъ,
Но можетъ возвратясь сказать въ странѣ Евфратской
855 Что онъ тогоже могъ, чего и я, желать.
Теряетъ цѣну всю, что ни было велико,
Какъ естли тое онъ надѣется имѣть;

Ему хвала, а мнѣ презрѣніе колико,
Что тѣмъ же пламенемъ со мною могъ горѣть!
860 Но ахъ что мыслию я, и что я здѣсь коснѣю?
Ужѣ похитилъ онъ, что должно быть мое!
Любезный Заисанъ, спѣши отмстить злодѣю;
Пойдемъ.

ЗАИСАНЪ.

Смягчи теперь волненіе свое.
865 Ты будешь, Государь, имѣть свою невѣсту,
И приметъ за сіе достойну казнь Селимъ,
Какъ воины твои къ сему присиѣютъ мѣсту;
Онъ погубить себя желаніемъ своимъ.
Муметова себѣ отвѣта ожидая,
870 Умедлить здѣсь, пока ты въ силѣ будешь самъ
Его плѣнить, отъ насъ способности не желая,
Что ради мира нынѣ чинить не должно намъ.

МАМАЙ.

Поѣхавшіе въ слѣдъ со мною разлучились
И скорости моей сравниться не могли.
875 Надѣюсь въ разныя дорѣги устремились,
И ѣздить по стенимъ рассыпанны въ дали.
И естли ускорятъ, не могутъ утомленны
Покоя не имѣвъ Селиму отомстить.
Но я продерзостью такую огорченный
880 Могуль минуту дать Селиму живу быть?
Сія рука мой умывшись кровью мерской,
Воздастъ весь долгъ моей озлобленной любви.
Погибнетъ пусть злодѣи и сопостать продерской.
А ты любовь свою и ревность мнѣ яви,
885 Скажи, гдѣ онъ?

З а и с а н ъ .

Храни особу ты високу,
И рукъ не прѣстирай.

М а м а й .

Доколѣ мнѣ страдать?
Слѣши со мной отметить обиду толь жестоку,
890 Чтобъ мерску кровь его Тамирѣ показать!

* * *

Я В Л Е Н И Е С Е Д ь М О Е .

Т А М И Р А и К Л Е О Н А .

К л е о н а .

Какою лютостью къ Селиму онъ пылаетъ!
Какой приходитъ къ намъ отъ словъ тиранскихъ слухъ!
Какой, драгая, жаръ въ очахъ твоихъ блистаетъ!
О какъ колеблется озлобленный твой духъ!
895 Мнѣ сердце движется и говоритъ всечасно,
Что скоро лютая постигнетъ насъ напасть!

Т а м и р а .

Теперь мнѣ болѣе ничто ужъ не ужасно,
Ни варварска гроза, ни отческа власть!

*

КЛЕОНА.

Царевна на кого ты можешь положиться?
900 Кто можетъ свободить отъ сильныхъ рукъ?

ТАМИРА.

Любовь!
Поди и посмотри, куда Мамай стремится?
вѣ слѣдъ Клеонѣ
На всѣ напасти жизнь несчастную готовь.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ТАМИРА ОДНА.

Бѣги отсель, бѣги, Тамира и спасайся,
905 Пока тиранскихъ ты не чувствуешь оковъ,
Бѣги насильныхъ рукъ, на градъ не озирайся:
Селимъ принять тебя на корабли готовъ.
Онъ съ берегу очей минуты не спускаетъ,
И плователи всѣ направилися въ путь;
910 И небо искренней любви поспѣшаетъ:
Ужѣ намъ и борей способной начать дуть.
Въ одномъ Селимѣ я надежду всю имѣю,
Когда слезами я отца не умягчу.
Но въ страхѣ трепещу, смущаюсь, цѣпенѣю!
915 Ахъ! что продерская, ахъ что начать хочу?
Уйду, отечество, родителя оставивъ.
И брата и сей домъ и стыдъ свой позабывъ,
И царской родъ во всей вселенной обесславивъ,
И кровнаго родства законы преступивъ?
920 Но кажда мѣсто мнѣ отечество съ Селимомъ;

- Селимъ мнѣ будетъ братъ, отецъ и все родство.
Оставить всѣхъ и быть въ жизни нераздѣлимомъ
Съ супругами велить законъ и естество.
Супружествомъ назвать неистовство дерзаешь,
925 И налагать страстямъ закона имена?
Нещастная, кому себя ты поручаешь?
Или тебѣ въ любви невѣрность нестрашна?
Представь себѣ, представь прельщенную Медею,
Оставльшую отца и честь на семь брегъ!
930 Я мѣсто тожъ и страсть подобную имѣю:
Или я лутчія ждать вѣрности могу?
Несноснѣе бѣды мнѣ можетъ быть защита,
Какъ естли мнѣ Селимъ другую предпочтить.
И на чужой странѣ къмъ буду я покрыта?
935 Отцу и брату гнѣвъ и дальность возбранить.
Отъ року бѣгая, на явной рокъ дерзаю.
Мнѣ пагубой земля, вода грозить бѣдой.
Непостоянное я море представляю,
И бури хищныя ревутъ передо мной.
940 Тамира въ бѣдствіе сугубо не вдавайся,
Блюдись сугубой ты невѣрности, блюдись.
Однако укрѣпись, мой духъ, и не смущайся,
На слово данное Селимомъ положиись.
Не тотъ въ немъ блещетъ духъ, не та его порода,
945 Съ любовію кишить Геройская въ немъ кровь.
И коя устранишь при немъ меня погода?
Не движется въ волнахъ нелестная любовь.
Спѣши, спѣши отъ мѣстъ Мамаемъ зараженныхъ,
Спѣши за Понтъ, за Тигръ, за Ниль, за Океанъ.
950 И какъ ужъ будешь ты въ странахъ толь удаленныхъ,
И тамъ покажется, что близко сей тиранъ!
О промыслъ! о судьба! слезами умягчитесь!
О небо! о земля! о вѣтры! о моря!
На жалость на тоску, на вопль мой преклонитесь,

955 Покройте отъ руки свирѣпаго Царя.
А вы мѣстà, гдѣ мы любовію плѣнились,
Затмитесь, чтобъ отцу на память привести,
Что строгостью его Тамиры вы лишились!
Прости, дражайшее отечество, прости!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕМУ ДѢЙСТВІЮ.

* * *

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

ЗАИСАНЪ.

960 Какіе, Государь, услышишь нынѣ вѣсти!
О тяжкая бѣда! о вѣчна срамота!
Тамира стыдъ забывъ, своей не помня чести,
Бѣжать намѣрилась отсель въ чужи мѣстà!
И безрассудною любовію палима,
965 Къ Багдатекиишла одна, закрывъ себя, судамъ,
Надежду положивъ на льетиваго Селима,
Что былъ недавно врагъ отеческимъ стѣнамъ!

НАДИРЪ.

О жалость горестна! о лютое мученье!
О строгость отческа, къ чему ты привела?

З а и с а н ъ .

- 970 По щастью я открылъ такое дерзновенье:
Тамира во вратахъ ужѣ градскихъ была!
Я общей за стѣны пошолъ смотрѣть отрады,
Ужель Селимъ полки поставилъ на суда;
И видя, что на нихъ все войско и снаряды,
975 Я путь свой обратилъ съ веселіемъ сюда.
Увидѣлъ, что спѣшить тамъ женскій полъ ко берегу,
Смотря во все страны сквозь тонкой своей покровъ.
Я робкому дивяся и скорому толь бѣгу,
Навстрѣчу прямо шолъ, провѣдать кто таковъ.
980 Какъ странникъ на пути отъ звѣря убѣгая,
Спѣшить черезъ терніе, черезъ камни и бугры:
Но вдругъ увидѣвъ, что тутъ стремнина крутая,
И должно въ мрачну хлябь стремглавъ упасть съ горы,
Оцѣпенѣвъ стойтъ, противится размаху,
985 Трепещутъ члены все, мутится свѣтъ очей:
Меня увидѣвъ вдругъ, Тамира такъ отъ страху
Смутилась, обмерла въ продерзости своей.
Укрыться отъ меня во все страны металась;
Вездѣ былъ запертъ путь боязнью и стыдомъ.
990 Когда толикими волнами колебалась,
Я изумленную въ отеческой ввелъ домъ.
Что нынѣ мнѣ начать? какъ я Царю открою?
Дай въ помощь, Государь, премудрой твой совѣтъ.

Н а д и р ѣ .

- Внезапно не срази печалію такую:
995 Представь себѣ какъ симъ подвигнется Муметь!
Я лутче думаю сію скрыть вѣсѣ тайну,
Дабы въ спокойствіи отцовъ оставить духъ.

З а п и с а н ь .

Но я могу попасть въ бѣду чрезъ тое крайну,
Когда кромѣ меня къ Царю достигнетъ слухъ.
1000 То видѣли раби и воины со мною,
И могутъ все ему подробно донести.

Н а д и р ь .

Хотя смягчи ударъ пріятностью какою;
Между веселыхъ словъ печаль сію вмѣсти.

* * *

Я В Л Е Н І Е В Т О Р О Е .

Н а д и р ь о д и н ь .

Несытая алчба имѣнія и власти,
1005 Къ какой ты крайности родъ смертныхъ привела?
Которой ты въ сердцахъ не возбудила страсти?
И коего на насъ не устремила зла?
Съ тобою возрасли и зависть и коварство;
Твое нечадіе кровавая война!
1010 Которое отъ ней не стонетъ государство?
Которая отъ ней не потряслась страна?
Гдѣ были созданы всходящи къ небу храмы,
И стѣны трудъ вѣковъ, и многихъ тысячь потъ,
Тамъ видны лишь одиѣ развалины и ймы,
1015 При коихъ тучную имѣеть насеству скотъ.
О коль мучительна родителямъ разлука,
Когда даютъ дѣтей, чтобы пролить ихъ кровь!
О коль разительна и нестерпима мука,
Когда военный шумъ смущаетъ двухъ любовь!

- 1020 Лишь только зазвучить ужасна брань трубою,
Мягнутся города и сѣла и лѣса,
Любовническаго исполненныя вою,
И жалобъ на ударъ жестокаго часа.
Что можетъ быть сего несносиѣ во свѣтѣ,
1025 Когда двоихъ любовь и младость сопрягла;
Однако въ самомъ днѣй младыхъ прекрасномъ цвѣтѣ
Густая жадности мрачить ихъ пламень мгла,
Когда родители обманчивой корысти
На жертву отдаютъ и совѣсть и дѣтей.
1030 О небо, преклонись, вселенную очисти
Отъ пагубы такой, отъ скверной язвы сей!
Коль дало красоту и младость человѣку,
И нѣжны искры въ немъ любовныя зажгло,
Чтобъ въ радости прожить дражайшую часть вѣку;
1035 То долголь на землѣ сѣ попустишь зло?
На толь Тамирѣ ты прїятность влило въ очи,
На толи нѣжную въ нее вложило страсть,
Чтобы подверженна Тиранской сильно мочи,
Оплакивала жизнь и горестную часть.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

НАДИРЪ и КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

- 1040 Тамира! Ахъ печаль! Тамира дорогая
Поиманна, въ слезахъ отчаявшись сидить!
Селима въ жизнь свою увидѣть ужь не чая,
Лишь мыслями на него въ отсутствїи глядитъ,

И имя сладкое едва съ плачевнымъ стономъ
1045 Держаетъ въ горести послѣдней помянуть.
Озлобленна судьбы жестокимъ толь закономъ
Руками томными терзаетъ нѣжну грудь.
Влѣднѣетъ цвѣтъ лица, и всѣ трепещутъ члены,
Холодной страхъ, тоска, отчаянье и стыдъ,
1050 Являются въ ея очахъ изображенны.

Надиръ.

Что здѣлалъ бы Селимъ, таковъ представивъ видъ!

Клеона.

Что здѣлалъ бы когда увидѣлъ, что руками
Кровавыми Мамай любезную влечетъ,
Которая стремясь на небеса очами,
1055 Потoki слезные, рыдая горько, льетъ?
Ахъ сжался, Государь, не дай бѣдѣ сей збыться,
Всю мысль свою къ ея спасенію вперн.

Надиръ.

Не можно отъ сего Царевнѣ свободиться:
Воюютъ противъ ней великіе Цари.

Клеона.

1060 Такъ пойдетъ агница за волкомъ въ слѣдъ Тамира.
На кровь, на смерть людей, на трупы ихъ смотрѣть,
И радости линась въ супружествѣ и мира.
Мученье внутрь себя тяжчайшее имѣть?

Надиръ.

Не знаю что мое внутри сердце предвѣщаетъ,
1065 И смутному уму всечасно говорить:
Мамай Царя и всѣхъ злой хитростью прельщаетъ,
И около насъ сѣтъ коварствъ его стоять.
За чѣмъ одинъ прибѣгъ? за чѣмъ спѣшитъ онъ бракомъ,
И что за нимъ не шлетъ извѣстiя Нарсимъ?
1070 Сiи окрестности считаю я признакомъ
Для насъ и для него и для Тамири злымъ.

Клеона.

Для толь поспѣшнаго Мамаева прихода
Слухъ въ городѣ проиоль, что онъ со всѣмъ побить!

Надиръ.

Всегда есть Божiй гласъ гласъ цѣлаго народа;
1075 Устами онаго Всевышнiй говорить.
Но пусть Мамай надъ всею вселенной торжествуетъ;
Однако щастливъ быть не можетъ бракъ такой,
Когда сама любовь противъ него враждуетъ.
Совмѣстноль варварству съ толь нѣжной красотой?
1080 Возможноль въ сей тоскѣ Тамиръ укрѣпиться,
И сердца своего движенъя утолить?

Клеона.

На страсть ея смотря и небо возгорится,
И не умедлитъ зла толикаго отмстить.

Надиръ.

Горами потрясетъ, и воспалитъ пожары,
1085 Или опустошитъ повѣтрiемъ луга,

*

Или отъ глубины возвысивъ волны яры,
Потопомъ скверные очиститъ берега.

КЛЕОНА.

Народную молву пріумножаютъ знаки;
Вездѣ ужъ говорятъ, что близъ дверей бѣда!
1090 Мнѣ кажутся во снѣ ужасные призраки,
И врановъ, какъ на трупъ, слѣтаются стада.

НАДИРЪ.

Хоть радостень Муметь, но войска не имѣеть;
Что будетъ, какъ Селимъ къ стѣнамъ приступитъ вновь?
Погибнемъ, ежели не рассудя посмѣетъ
1095 Озлобить мечъ въ рукѣ держащую любовь.
Мамая гордый духъ чѣмъ больше возвышаетъ,
Тѣмъ можетъ рокъ его скорѣе поразить.
На пыцны горъ верьхи громъ чаще ударяетъ.
Бѣги высотъ, когда безбѣдно хочешь жить.
1100 Цвѣтутъ спокойныя не зная бурь долины,
Гдѣ рѣдко молніи возможно досягать.
Никто на свѣтѣ такъ не обязалъ судьбины,
Ктобъ завтрашнее себѣ могъ счастье обѣщать.
На лживость онаго никто не полагайся:
1105 Что утромъ возрасло, то вечеромъ падетъ.
Никто въ несчастіи спасенья не отчайся:
Что вечеръ низложилъ, то утро вознесетъ.
Неутолимый рокъ все коломъ обращаетъ.
Съ Мамаемъ рушиться внезапно можетъ Крымъ.
1110 Когда кто съ высоты великой упадаетъ,
И тѣхъ съ собой влечетъ, что съ низу или за нимъ.
Но снмъ смущаются лишь только подлы дѣши.
Которы на морской волнами шумный путь
Смотря, колеблются съ недвижыма сѣши,

1115 И чають на брегу высокомъ потонуть.
Едина видить то съ презорствомъ добродѣтель;
Среди громовъ и бурь недвижимо стойтъ;
Сама себѣ хвала, сама себѣ свидѣтель;
Хоть миръ обрушится, бесстрашну поразить.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЕЛИМЪ и ПРЕЖНІЕ.

СЕЛИМЪ.

1120 Любовникамъ долга единая минута!
Возможноль, Государь, Селиму нынѣ знать,
Ещель Тамира здѣсь?

КЛЕОНА.

О скорбь!

НАДИРЪ.

О горесть люта!

1125 Ахъ что дерзнули вы несчастные начать!

СЕЛИМЪ.

Мужайся скорбный духъ, и стой противъ удара,
Который на меня свирѣпый рокъ занесъ.

НАДИРЪ.

Ахъ естьлибъ гнѣвнаго отцова силу жара!
Тамира утолить могла потокомъ слезъ!
1130 Поимана въ пути для бѣгства предпріятюмъ
Терзается. . . .

СЕЛИМЪ.

Какой вступаетъ въ жилы хладъ!
Когда не помогло ты въ дѣлѣ мнѣ начатомъ,
О небо! не косни, живаго свергни въ адъ!
1135 Мамай любовію моею поругаться,
И пламень мой презрѣть намѣрился Муметь?
Тамира не моя? мнѣ съ нею не видаться?
И больше никакой ужѣ надежды нѣтъ?
Я вижу, что Муметь меня еще не знаетъ,
1140 Еще въ осадѣ онъ моихъ не свѣдалъ силу.
Мамаю дочь отдавъ, меня отвергнуть чаеть?
Надежду на песокъ онъ зыбкомъ положилъ!
Забылъ онъ, что моимъ любленіемъ спасенный
Стойтъ сей градъ? и въ немъ того лишитъ меня,
1145 Чѣмъ я надѣялся въ сей жизни одаренный
Съ нимъ въ дружествѣ прожить, свой родъ соединя?
Забылъ любовь мою и дружество съ Нарсимоу?
Забылъ, что жизнь его была въ моихъ рукахъ?
Я свижусь, покажу, каковъ союзъ съ Селимомъ,
1150 И что вражда его возможетъ въ сихъ стѣнахъ!
Я снова на брегу противномъ мнѣ поставлю
И обращу на градъ Евфратекіе полки;
Отъ лютости такой любезную избавлю,
И отъ Мамаевой мучительской руки.
1155 Ударитъ женскій стонъ здѣсь вмѣсто пѣсеней брачныхъ,
И вмѣсто праздничныхъ огней пожаръ сихъ стѣнъ.

Муметь увидить смерть бѣгущу въ вихряхъ мрачныхъ,
И кровію чертогъ Мамасвъ обогреть.

Надиръ.

Я самъ бы уклонясь отеческаго града.
1160 Въ пустой степи и жизнь и скорбь свою закрыть;
Не видя срамоты и мерзостнаго взгляда,
Я щастливъ бы весьма въ несчастіи томъ быть.
Однакожъ, Государь, вспомянувъ Нарсима,
И зная что сіе отечество его,
1165 Меча не возноси къ опроверженью Крыма,
И даннаго держись ты слова своего.

Селимъ.

Не я, но самъ Муметь стѣнь будетъ разоритель:
Презрѣніемъ своимъ на то мнѣ право дать.
Нарсима въ оныхъ нѣтъ, но лютый въ нихъ мучитель;
1170 Онъ купно бы со мной противъ него воссталъ.
Сугуба страсть меня на то вооружаетъ,
То жалость горестна, то искрення любовь;
Одна во мнѣ стремить, другая духъ терзаетъ,
Одна снѣдаетъ грудь, друга волнуетъ кровь;
1175 Одна велитъ отъ зла невинную избавить,
Другая въ вѣкъ себѣ любезну получить;
Одна всеобщій долгъ естественный исправить,
Другая данную присягу сохранить.
Или безчувственъ я таковъ кажусь Мумету,
1180 Чтобы недвижно могъ стоять, когда Мамай,
Похитивъ силою, что мнѣ дороже свѣту,
Ликуя поведетъ изъ глазъ въ далекій край?
Возможноли стерпѣть его совѣты мерзски!
О сердце, не смягчись; но разруши въ конецъ;
1185 Мумета низложи. Куда Селимъ продерзскій?

Подумай, что Муметь любезный отецъ!
И свято мѣсто мнѣ, Тамира гдѣ родилась;
Пусть въ цѣлости стойтъ, и пусть погибнетъ тотъ,
Отъ коего моя надежда разрушилась.
1190 Мамаю отниму Тамиру и животъ.

Надиръ.

Пріятель укроги въ себѣ волненья гнѣвны,
И жизни не давай въ опасность такову.

Клеопла.

Въ сугубой горести не погрузи Царевны,
Отъ пагубы храни любезную главу.

Надиръ.

1195 Когда на сей ты градъ восстать не долженъ войскомъ
То долженъ ли одинъ? что хочешь?

Селимъ.

Умереть!

Или торжествовать, и въ мужествѣ Геройскомъ
Награду вѣрности прекрасную имѣть.
1200 И правды и любви непобѣдима сила
Противъ насилія со мной на брань пойдетъ.
Или моя рука, что Крымску кровь щадила,
Свою, но прежде той Мамаеву прольеть.
И естли мужество побѣдой не прославить;
1205 Любовь и честь велить: довольно; я умру?
Пускай хоть тѣмъ меня отъ мѣки рокъ избавить,

Въ любовномъ жизнь моя погибнетъ пусть жару.
Я лучше съ похвалою оставить ту желаю,
Какъ тяжекъ быть себѣ и небу и землѣ,
1210 И смерти ждать, въ посмѣхъ отдавъ себя Мамаю,
До старости не знать отрады николи.
Владѣть нашихъ дней Всевышній самъ предѣломъ;
Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власть.
Коль близко ходитъ рокъ при робномъ и при смѣломъ;
1215 То лучше мнѣ избрать себѣ похвальну часть?
Какая польза тѣмъ, что въ старости глубокой
И въ тмѣ бесславія кончаютъ долгой вѣкъ!
Добротами всходятъ на верьхъ хвалы высокой
И славно умереть родился человекъ.
1220 Превыше смертнаго я жребія поставлю
Участіе свое и славой вознесусь,
Когда Тамиру я отъ лютости избавлю,
Вмѣняя ни во что; умру или спасусь!
Пустькай отецъ Ея свирѣпой постыдится,
1225 Мою за дочь свою текущу видя кровь;
Узнаетъ злость свою, но поздно научится,
Что можетъ предпріять озлобленна любовь!

Надиръ.

Какую принесешь ты въ старости утѣху
Родителямъ своимъ, когда услышатъ вѣсть,
1230 Что вмѣсто въ сей войнѣ желаннаго успѣху
Дерзнулъ, забывъ объ нихъ, себя на рокъ привести!
Они во срѣтенье давно къ тебѣ взираютъ,
И простираютъ мысль чрезъ горы и валы,
И въ нетерпѣніи минуты всѣ считаютъ,
1235 Твоей насытиться желая похвалы.
Возобнови свои премудрые уставы,
Которымъ прежь сего себя ты покорялъ;

И вспомни прежніе свой на сей часъ нравы,
Которыхъ мѣрностью ты старыхъ удивлялъ.

СЕЛИМЪ.

1240 Любви велика власть всю крѣпость низлагаетъ,
И мной господствуетъ. Ужъ я не тотъ Селимъ. . . .

КЛЕОНА.

Какую небо казнь съ Мамаемъ насылаетъ!

* * *

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МАМАЙ, ЗАИСАНЪ и ПРЕЖНІЕ.

МАМАЙ.

Совѣтъ имѣете съ соперникомъ моимъ?

СЕЛИМЪ.

Или я съ Крымомъ здѣсь подвластенъ сталъ Мамаю?
1245 Или онъ мнѣ имѣть совѣты запретить?

МАМАЙ.

Теперь препятствія любви моей скончаю!

СЕЛИМЪ.

Теперь любовь моя насилствію отмститъ!

М А М А Й.

Весь сѣверъ покоривъ сего не одолѣю?
Забывъ, продерзостный противится Селимъ,
1250 Кто прадѣды мой, и что я въ области имѣю?

С Е Л И М Ъ.

Кто родомъ хвалится, тотъ хвастаетъ чужимъ.
Но гдѣ твои полки? и гдѣ желаешь? въ морѣ
Иль въ полѣ окончатъ толику боемъ прю?

М А М А Й.

Увидишь, дерзостный бѣглець, увидишь вскорѣ,
1255 Какому ты дерзнулъ противу стать Царю.
Поди и возвѣсти, гдѣ обитають мертвы
Прапрадѣды мой, каковъ ихъ въ свѣтѣ внукъ.
вынимаетъ саблю.

С Е Л И М Ъ.

вынимая саблю.
Любовь Тамирина такой достойна жертвы,
Которой отъ моихъ она желаетъ рукъ.
Сражаются.

З А И С А Н Ъ.

1260 Великій Государь!

разнимая.

К Л Е О Н А.

Ахъ!

*

НАДИРЪ.

Ахъ, Селимъ любезный!^{разнимаю.}
Въ какую пагубу несетъ злой рокъ тебя!

ЗАИСАНЪ.

Смягчи свой Царской гнѣвъ!^{Къ Мамаю.}

КЛЕОНА.

1265 Склонись на токи слезъ!^{Къ Селиму.}
Помилуй, Государь, Тамиру и себя!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОМУ ДѢЙСТВІЮ.

* * *

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ, ТАМИРА, КЛЕОНА, ВОИНЫ.

МУМЕТЪ.

Въ какой я крайней стыдъ тобою погрузился!
До коего достигъ при старости я зла!
На толь тебя родиль, на толи я крушился,

1270 Тамира, чтобы ты преслушна мнѣ была?
За прищелецемъ бѣжать изъ отческаго дому,
И кровности его дерзнула предпочесть!
Какая казнь равна такому дѣлу злomu,
Какая быть сему довольна можетъ мечь?

ТАМИРА.

1275 Когда родилась я въ безщастную минуту,
Чтобъ скорбь тебѣ принесть; то жгалься Государь!
Скончай свой гнѣвъ, скончай мою судьбину люту,
Мечемъ своимъ въ мою повинну грудь ударь!
Мнѣ гробъ пріятнѣе Мамаева чертога;
1280 Упогреби свою родительскую власть!

МУМЕТЬ.

Не я тебѣ, не я, сама себѣ ты строга;
Сама дерзнула ты въ такую мерзость впасть.
Ты въ сердцѣ лютую сама змѣю питаешь,
Котора въ кровь твою пускаетъ смертный ядъ!
1285 Мамаю дерзостью бесстыдно озлобляешь,
Котораго одинъ тебя достоинъ взгляда,
Которой къ высотѣ толикія державы
Тебя и весь мой домъ склонился возвести,
И въ общество принять своей гремящей славы,
1290 И сердце въ даръ тебѣ Геройско принести.
Къ послѣдному склонись отеческому слову,
Старайся склонностью продерзость наградить.
Но естли я тебя увижу неготову
Съ великимъ симъ Царемъ въ супружество вступить;
1295 То здѣлаю примѣръ, и покажу вселенной,
Что я хотя отецъ, однакоже и Царь.
Блудись руки моей упрямствомъ раздраженной,

И будь готова стать съ Мамаемъ предъ олтарь.

Къ Надирю.

Любезный братъ потщись прельщенную наставить

1300 На истинну стезю, пока все учрежду.

Къ Клеонѣ.

Тебя преступница кто можетъ нынѣ избавить

Отъ казни, что тебѣ за злобу наведу?

Къ Воинамъ.

Возмите скверную, и ввергните въ темницу.

КЛЕОНА.

Помилуй Государь!

ТАМИРА.

1305

Невинной не казни!

НАДИРЪ.

Ты щедрю обрати, о небо, къ намъ зѣницу!

ТАМИРА.

Отеческу любовь во гнѣвѣ вспомяни.

* * *

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ТАМИРА и НАДИРЪ.

НАДИРЪ.

Дражайшая моя Тамира, будь спокойна,
И строгой перестань противиться судьбѣ;

- 1310 Забудь, что лутчегѡ ты щастїа достойна,
Будь тѣмъ довольна. что она даетъ тебѣ.
Когда родитель твой любовень и разсудень,
Тогда взаимно ты съ почтенїемъ люби;
Когдаже онъ свирѣпъ и къ умяченью трудень,
1315 То помни крови долгъ, сноси и не скорби!
Повѣрь мнѣ, что Мамай хотя теперь возвышень,
И гордости своей не знаетъ гдѣ предѣлъ;
Но скоро упадетъ, и звукъ лишь будетъ слышенъ,
Съ какой онъ высоты поверженъ въ низъ летѣлъ.
1320 Чудовищу сему хотъ небо попускаетъ
Еще до времени родъ смертныхъ разорять;
Но нынѣ чрезъ твою невинность воспылаетъ,
И ускоритъ твою и всѣхъ бѣду скончатъ.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТАМИРА, НАДИРЪ и ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Печальны. Государь, въ сей часъ услышишь вѣсти!

ТАМИРА.

1325 Не дай, о Боже, мнѣ отчаяться въ конецъ!

НАДИРЪ.

И не нашли на насъ превыше силы мести,
Но будь оставленнымъ и въ ярости отецъ!

Вѣстникъ.

Во гнѣвѣ изъ палатъ Мамай неутолимомъ
Лишь только вышелъ вонъ, и обращалъ свой зракъ
1330 Съ озлобленнымъ тотчасъ увидѣлся Селимомъ,
И тутъ къ сраженію другъ другу дали знакъ.
Взлѣтѣли на коней, и оныхъ поощряя,
Скакали на поля одиѣ изъ нашихъ стѣнъ.
Я ѣхалъ имъ во слѣдъ, гдѣ роша есть густая,
1335 Среди которой лугъ широкой заключень.
Тутъ перьвой ихъ ударъ.

Тамира.

О какъ мой духъ стѣснился!

Вѣстникъ.

Сверкнули острые, и дали звукъ мечи;
Какъ туча мрачная Мамай ярьась смутился,
1340 Отъ глазъ былъ блескъ, какъ валь морской горить въ ночи.
Надежда на лицѣ Селимовомъ блистала,
И въ мужествѣ была пріятна красота;
Вездѣ рука его Мамаю утѣсняла,
Мамай искалъ себѣ спасенья отъ щита.
1345 Едва отъ скорыхъ оныхъ ударовъ укрывался,
И дѣйствовать мечемъ не успѣвалъ своимъ;
Ужѣ и отступать и къ бѣгу порывался;
Но руку сильную занесъ въ размахъ Селимъ;
Ударилъ по щиту, звукъ грянулъ межъ горами;
1350 Раснался разомъ щитъ и конска голова.
Мамай поверженъ былъ внезапно подъ ногами,
И ближни потряслись паденіемъ древа.
Селимъ тутъ могъ поурать копытами Мамаю;
Однако спедъ съ коня къ возставшему спѣшилъ.

Надиръ.

1355 Ахъ дерзость!

Тамира.

Ахъ бѣда!

Вѣстникъ.

На храбрость уповая,
Къ погибели своей великодушень былъ.
Какъ чаялъ, что врага имѣлъ ужъ онъ во власти;
1360 Набѣгли не въ значай Мамаевы Мурзы.
Онъ имъ вскричалъ: теперь спасите отъ напасти!
Ударились къ нему.

Тамира.

О горькіе часы!
О щедры небеса, и мой животъ скончайте!

Вѣстникъ.

1365 Мнѣ свѣтъ изъ глазъ отнявъ, погнала прочь боязнь!
Я слышалъ только тамъ: рубите и терзайте.
Одинъ изъ Мурзъ вскричалъ: прими достойну казнь.

Надиръ.

Любезный мой Селимъ, ужъ ты лежишь бездушень,
И храбрость множествомъ твоя побѣждена!
1370 На толь ты столько былъ родителю послушень,
Чтобъ кости приняла твои чужа страна.

Тамира.

Въ отчаяньи своемъ ужè я ледѣнью,
Терзаньемъ утомясь любовнаго огня!
Отмести ты, Государь, отмести сему злодѣю,
1375 За друга своего отмести и за меня.

Надиръ.

Пойду, не пощажу своей я холодной крови.
Отмщу, или умру! довольно и того,
Что ваней принести сподоблюся любви
На жертву живота остатки моего.

* * *

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамира одна.

1380 Какую можетъ дать Надиръ ужъ мнѣ отраду?
Селима больше нѣтъ! Мамай вокругъ ополчень!
Иль сквернаго себѣ его ждать буду взгляду?
И дамъ себя жива чудовищу во плѣнь?
Одно спасенье мнѣ не ожидать спасенья.
1385 Въ покровъ природа смерть несчастливымъ дала.
Имѣя вольный путь, не избѣгу мученья?
Еще хочу я жить и не страшуся зла?
Ужъ сердце за стѣной Селимово терзають,
Ахъ лютой мой отецъ! убійцы по путямъ.
1390 О какъ и рѣки имъ твои не помогаютъ!

- Поди и насладись невинной кровью самъ.
Насыть слезами грудь дочерними, родитель!
И пагубой моей и рокомъ веселись!
Но знай, что будешь слыть на свѣтѣ ты мучитель:
- 1395 Единымъ именемъ съ Мамаемъ возгордись.
А ты, мой братъ, когда сталъ нынѣ другъ Мамаю,
То въ жизни на тебя гнушаюсь я взглянуть;
Когдажъ ты отъ него погибъ, какъ вѣрно чаю,
То въ тотъ же за тобой снѣшить мнѣ должно путь.
- 1400 И такъ несчастная Тамира, умирая
Родительскихъ уже не будешь видѣть слезъ.
Одна сомкнетъ глаза, со свѣта убѣгая,
Оставлена отъ всѣхъ, презрѣнна отъ небесъ!
И огорченный духъ сойдетъ въ мѣста подземны,
- 1405 Себя отъ тяжкихъ сихъ оковъ разрѣша,
И устремится въ слѣдъ Селиму въ хляби темны!
Повѣй ко мнѣ, повѣй, любезная душа:
Соединись съ моимъ послѣднимъ здѣсь дыханьемъ,
И будь, когда намъ рокъ жить вкупѣ запретилъ,
- 1410 Хотя по смерти мнѣ соединенъ бѣжаньемъ
Со свѣта, что съ тобой однѣмъ мнѣ могъ быть миль.
Раскаешься уже родитель мой, но поздно!
Ахъ поздно будешь ты надъ мертвою рыдать,
Что принужденіе твое могло мнѣ грозно
- 1415 Надежду и животь во младости отнять!
А ты почувствуешь, Мамай бесчеловѣчный,
Который отнять нынѣ двѣ жизни у меня,
Почувствуешь ты казнь и страхи бесконечны,
Какъ наина предъ тебя приступить тѣнь стена.
- 1420 Селимовъ будетъ духъ и мой тебѣ мечтаться,
И лица блѣдныя и кровь вездѣ казать.
Изъ стени будешь въ степь отъ страху укрываться;
Но мѣста не найдешь, гдѣбъ мѣки избѣжать.
Пока не видя ты своимъ мученьямъ краю,
- *

- 1425 Погибнешь въ горести, проклявъ послѣдній часъ.
Сего, о небеса, тиранну я желаю!
И въ жертву приношу послѣдній съ кровью гласъ!
Ужè мнѣ вѣчность входъ къ блаженству отверзаетъ,
И смерть зоветъ меня къ спокойству отъ трудовъ!
- 1430 Героевъ свѣтлый ликъ Нарсима тамъ встрѣчаетъ.
А ты мой духъ къ нему ещели не готовъ?
Ты къ дѣлу славному на что ослабѣваешь?
Что должно потерять, то должно презирать.
За чемъ рука моя конца не ускоряешь?
- 1435 Мнѣ легче смерть сама, какъ смерти ожидать.
Я смертью лишь могла, Селимъ, тебя лишиться,
Когдабъ нашъ вѣкъ продлить изволилось судьбѣ.
Но нынѣ не хочу и въ смерти разлучиться:
Ты умерь для меня; я слѣдую тебѣ.

Хочеть заколотся.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

СЕЛИМЪ, НАРСИМЪ и ТАМИРА.

Селимъ.

Схвативъ за руку и вырвавъ кинжалъ.

1440 Я живъ, дражайшая, я живъ и торжествую!

Нарсимъ.

Любезная сестра, твой здравствуетъ Нарсимъ!

ТАМИРА.

Ужè межъ мертвыми я вижу тѣнь драгую!
ослабѣвая.

СЕЛИМЪ.

Въ какомъ отчаяннѣ!

ТАМИРА.

И духъ Нарсимовъ съ нимъ!

СЕЛИМЪ.

Къ ослабѣвающей Тамирѣ.

1445 Тебя, дражайшая, Селимъ твой поздравляетъ,
Что врагъ нашъ погубленъ, ужъ больше не страшись.
Насъ вѣрность и любовь и щастье возвышаетъ;
Великой радостью ты съ нами ободрись.

ТАМИРА.

Возможноль быть тому? Селимъ! Нарсимъ! я съ вами!
1450 Я съ вами въ жизнь еще увидѣться могла?
Я вижу ясно, что рука твоя надъ нами,
О Боже мой, въ бѣдѣ и въ горести была!
Но мнѣ Мамаева еще ужасна сила!

НАРСИМЪ.

Умывшись въ Вѣрварской рука моя крови,
1455 Вселенныя концы отъ страху свободила,
Мнѣ мщенье воздала, и вашей долгъ любви.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ, ЗАИСАНЪ, СЕЛИМЪ,
НАРСИМЪ и ТАМИРА.

Муметъ.

Нарсимъ, ты здѣсь! тебя я вижу, сынъ любезный?
Коліку радость ты нечаянно принесъ!
Одинъ ты несущишь мой потоки слезны,
1460 Что пролилъ мнѣ ударъ разгнѣванныхъ небесъ!
Мамаю не хотя Тамира быть супругой,
Всего лишаетъ насъ, что намъ онъ обѣщаль,
И что ты пріобрѣлъ своей къ нему услугой.

Нарсимъ.

Я всю ужъ, Государь, печаль твою скончалъ,
1465 И побѣжденъ къ тебѣ съ побѣдой возвращаюсь;
Димитрій одолѣлъ; и врагъ нашъ пораженъ.

Муметъ.

Внимая странну вѣсть, въ сомнѣннѣ ужасаюсь!

Нарсимъ.

Коль чудно я для васъ отъ пагубы спасенъ!
Спасенъ, сей градъ, тебя, Тамиру и Селима
1470 Избавить отъ бѣды, Мамаю погубивъ.
Поверженъ сопостатъ и разоритель Крыма,
Что полкъ мой низложилъ; чутъ я остался живъ.

М У М Е Т Ъ .

О небо!

З а л с а н ь .

Ахъ ударъ!

Т а м и р а .

1475 О промыслъ милосердый!

Н а д и р ь .

къ Зансану.

Не мнѣ ли въ честь конецъ имѣеть наша прѣя?

С е л и м ь .

Сама судьба есть щитъ любви нашей твердый.

М у м е т ь .

О лъстивыя словà коварнаго Царя!

Скажи, любезный сынъ, скажи мнѣ все подробно,

1480 И здѣлай всѣмъ моимъ смущеніямъ конецъ.

Н а р с и м ь .

Не слыхано еще на свѣтѣ зло подобно,

Какое предпріять Мамай, тиранъ и льстецъ.

Ужè чрезъ пять часовъ горѣла брань сурова,

Сквозь пыль, сквозь паръ едва давало солнце лучъ.

1485 Въ густой крови кипя тряслась земля багрова,

И стрѣлы падали дождевыхъ гуще тучъ.

Ужъ поле мертвыми наполнилось широко;

Непрядва трунами спершись едва текла.

Различный видъ смертей тамъ представляло око,

- 1490 Различнымъ образомъ поверженны тѣла.
Иной съ размаху мечъ занесъ на сопостата;
Но прежде прободенъ, удара не скончалъ,
Иной забывъ врага, прельщался блескомъ злата;
Но мертвый на корысть желанную уналъ.
- 1495 Иной отъ сильнаго удара убѣгая,
Стремглавъ на низъ слетѣлъ и стонеть подъ конемъ.
Иной пронзенъ угасъ, противника пронзая,
Иной врага повергъ, и умеръ самъ на немъ.
Россійскіе полки отвсюду утѣшенны,
- 1500 Казалось, что въ плѣнъ дадутся или падуть.
Мамай растерзанны противныхъ видя члены
Великой гордостью, промолвилъ мнѣ, надуть.
Нарсимъ, Дмитрія во узахъ предо мною,
Когда онъ живъ еще, немедлѣнно поставь;
- 1505 Но ежели онъ мертвъ, съ противничей главою
Поспѣшно возвратясь, мнѣ радости прибавь.
Я будучи его тобою отданъ волѣ,
Немедля поскакалъ къ Россійскому полку;
Дмитрія искать въ его стану и въ полѣ;
- 1510 По трупамъ перешолъ кровавую рѣку.
Со всѣхъ сторонъ меня внезапно окружили
Избранны воины Мамаевыхъ полковъ,
И тѣхъ, что кругъ меня вооруженны были,
Дерзнули сѣчь. Я тутъ узналъ проклятой ковъ.
- 1515 Узналъ, что не вотще его я опасался,
И къ защищенію себя вооружилъ.
Одинъ изъ нихъ ко мнѣ ужъ прямо устремлялся,
И стрѣлу на меня въ свирѣпости пустилъ.
Она пробивъ мой щитъ, увязла по срединѣ.

Муметь.

- 1520 Къ какой ужасной я послалъ тебя бѣдѣ!

Надиръ.

Тренещеть грудь моя!

Селимъ.

Коль блиско былъ къ кончинѣ.

Нарсимъ.

Внезапно шумъ воссталъ по воинству вездѣ.
Какъ туча бурная ударивъ отъ пучины,
1525 Ужасной въ воздухѣ раждаетъ бѣгомъ свистъ;
Реветь и гонить мглу чрезъ горы и долины,
Возноситъ отъ земли до облакъ легкой листъ.
Такъ сила Росская поднявшись изъ засады,
Съ внезапнымъ мужествомъ пустилась противъ насъ;
1530 Дождавшись таковой въ бѣдѣ своей отрады,
Оставше воинство возвысило свой гласъ.
Во срѣтенье своимъ Россіяне вскричали,
Великой воспылалъ въ сердцахъ унывшихъ жаръ.
Мамаевы полки увидѣвъ встрепетали,
1535 И ужасъ къ бѣгствію принудилъ всѣхъ Татаръ.
Убивцы отъ меня для страху удалились.
Я къ верьху смутные возвелъ свой глаза.
Тогда надъ Росскими полками отворились,
И ясный свѣтъ на нихъ спустили небеса.
1540 Ударилъ громъ на насъ, по оныхъ поборая,
И подалъ знакъ, что Богъ на помощь имъ идетъ!
Глазами я искалъ, и не нашолъ Мамаю;
Съ бѣгущими и самъ побѣгъ ему во слѣдъ.
Внимая страшный стонъ, съ холма я оглянулся;
1545 Какую пагубу увидѣлъ нашихъ силъ!
Увидѣлъ купно всѣхъ попранныхъ, ужаснулся!
Мамаю отомстить за все я зло спѣшилъ.

М у м е т ь .

О щастье льстивое, какъ души ослѣпляешь!
Тамира, я тебя напрасно озлоблялъ!

Т а м и р а .

1550 Ты словомъ симъ животь съ надеждой возвращаешь!

С е л и м ь .

Ужè я вознесенъ, какъ мой соперникъ палъ!
И очи, Государь, мои тѣмъ насладились,
Что отнялъ жизнь ему при мнѣ любезный другъ.
Когда мы на полѣ одинъ съ другимъ сразились,
1555 Вооруженные наѣхали къ намъ въ лугъ.
Я чаялъ, что Мамай съ другими согласился,
Чтобъ множествомъ меня коварно одолѣть;
Однако я стоять противъ вооружился.
И предпріялъ, лишась любезной, умереть.
1560 Тотчасъ тутъ усмотрѣлъ любезнаго Нарсима;
Которой яростью къ Мамаю устремленъ
Летѣлъ къ отмщенію колеблемаго Крыма.
Онъ тяжело возстеналъ, мечемъ сквозь грудь пронзенъ.
Какъ тигръ ужъ на копьѣ хотя ослабѣваетъ,
1565 Однако посмотрѣвъ на раненой хребетъ,
Глазами на ловца кровавыми сверькаетъ,
И роговице злясь въ себѣ зубами рветъ.
Такъ мечъ въ груди своей схватилъ Мамай рукою;
Но палъ, и трясучись о землю тыломъ билъ.
1570 Изъ раны черна кровь ударилась рѣкою;
Онъ очи злобныя на небо обратилъ.
Разинуль челюсти! но гласа не имѣя,
Со скрежетомъ зубнымъ извергнуль духъ во адъ.
Нарсимовы слуги бездушнаго злодѣя
1575 Остались истребить огнемъ послѣдній ядъ.

Надиръ.

Толь тяжко съ высоты Богъ гордыхъ повергаетъ!

Селимъ.

Вторично, Государь, я нынѣ предложу
О томъ, къ чему моя толь сильно грудь пылаеть;
И жизни для чего своей я нещажу.

Муметь.

- 1580 Я съ небомъ и съ судьбой и съ вами соглашаюсь,
Исполню, что велить любовь и красота.
Я щастіемъ своимъ и вашимъ утѣшаюсь!
Живи въ веселіи, любезная чета.
Коль всѣмъ намъ былъ сей день печалень и ужасень,
1585 Что могъ насъ въ пагубѣ конечной утопить;
Толь будетъ завсегда онъ весель и прекрасень,
Что въ оный промыслъ васъ судиль соединить.
Взаимная любовь межъ васъ не принужденна
Всегдашней вѣрностью пусть дастъ инымъ примѣръ.
1590 Мамаева притомъ кичливость поражена
Другихъ пусть устрашитъ гордиться выше мѣръ.
Къ готовому теперь вы олтарю за мною
Послѣдуйте предъ нимъ въ супружество вступить;
Клеониною я хоть оскорбленъ виною,
1595 Но радость нынѣшня велить ей все простить.

КОНЕЦЪ ПЯТОМУ ДѢЙСТВІЮ.

LVI.

Четыре родъ вѣнца Елисаветъ далъ
И пятымъ тую свѣтъ лавровымъ увѣнчалъ,
И щастье Имя тѣмъ преславно обвиваетъ
Кротчайшій нравъ Ея то пальмой украшаетъ.
5 И в' славѣ каждый годъ и въ радости своей
Торжественны врата изображаетъ Ей.

LVII.

НАДПИСЬ

На иллюминацію представленную въ торжественный день восшествия на Престоль Ея Величества Ноября 25 дня 1750 года, передъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображенъ былъ вавилонъ окруженный зеленѣющимъ садомъ, по сторонамъ торжественные столпы.

Во время Твоея, Монархиня, державы,
Сугубой щастливы мы лѣта красотой.
Одну даетъ намъ Богъ округъ вѣковъ создавый,
Другую дарствуетъ приходъ, Богиня, Твой.
5 Изъ вавилона бѣдъ изведены Тобою,
Вошли спокойствія въ прекрасные сады.
И ставя нынѣ столпы съ Твоею похвалою,
Вкушаемъ радости пріятные плоды.

LVIII.

НАДПИСЬ

На иллюминацію представленную въ торжественный день рожденія Ея Величества Декабря 18 дня 1750 года, передъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображена была сіяющая звѣзда надъ олтаремъ, на которомъ пылаеть сердце, по сторонамъ храмы.

Щастливая звѣзда на Горизонтъ блистала,
Когда Елисаветъ Россіи воссіяла.
Монархиня, Твой къ намъ сверькнулъ пресвѣтлый лучь,
Возжегъ и освѣтилъ всѣхъ сердце послѣ тучь.
5 Единымъ сердцемъ всѣ равно къ Тебѣ пылаемъ,
И тое на олтарь усердій возлагаемъ.
Изъ храмовъ ревности желанія гласять,
Да вышній дастъ сей день торжествовать стократъ.

ЛІХ.

НАДПИСЬ

На иллюминацію въ новый 1751 годъ представленную передъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображенъ былъ земной глобусъ, на которомъ стояло вензловое имя Ея Величества и число новаго года; по сторонамъ отверстыя храмы и олтари съ возженнымъ на нихъ пламенемъ.

Отверсты храмы всѣ и Олтарі дмятся,
Желанья всѣхъ къ Тебѣ, Монархиня, стремятся,
И ревность подданныхъ со временемъ растеть,
И оныхъ щастіе съ числомъ восходитъ лѣтъ,
б Полсвѣта, что Твоя десница управляетъ,
Согласный шумъ до звѣздъ усердно возвышаетъ,
Да Вышній новый годъ съ Тобой благословить,
И слухъ Твой и другу полсвѣта удивить.

LX.

Преложеніе псалма I.

1.

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
Не хочетъ грѣшнымъ въ слѣдъ ступать,
И съ тѣмъ, кто въ пагубу приводитъ,
Въ единомъ мѣстѣ засѣдать.

2.

5 Но мысль и волю подвергаетъ
Закону Божію во всемъ,
И точно оный наблюдаетъ
Во всемъ теченіи своемъ.

3.

Какъ древо онъ распространится,
10 Что близъ текущихъ водъ растеть,
Плодомъ своимъ обогатится,
И листъ его не упадетъ.

4.

Онъ узритъ слѣдствія поспѣшны
Въ незлюбивыхъ своихъ дѣлахъ;
15 Но пагубой смятутся грѣшны,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

5.

И такъ злодѣи не восстанутъ
Предъ вышняго Творца на судъ;
И праведны не вспомануть
20 Въ своемъ соборѣ ихъ отнюдь.

6.

Господь на праведныхъ взираетъ,
И ихъ въ пути своемъ хранить;
Отъ грѣшныхъ взоръ свой отвращаетъ,
И злобный путь ихъ погубить.

LXI.

Преложеніе псалма 26.

1.

Господь Спаситель мнѣ и свѣтъ:
Кого я убоюся?
Господь самъ жизнь мою блюдетъ:
Кого я утрашуся?

2.

5 Чтобъ въ злобѣ плоть мою пожрать,
Противны устремились.
Но злой навѣтъ хотя начать,
Упадши, сокрушились.

3.

Хоть полкъ противъ меня восстань;
10 Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнуть брань;
На Бога полагаюсь.

4.

Я только отъ Творца прошу,
Чтобъ въ храмъ его вселиться;
15 И больше въ свѣтѣ не ищу,
Какъ въ ономъ веселиться.

5.

Въ селеніи своемъ покрылъ
Меня онъ въ день печали,
И неподвижно укрѣшилъ,
20 Какъ злые окружали.

6.

Возвысилъ онъ мою главу
Надъ всеѣхъ враговъ ужасныхъ:
Я жертву приношу, зову
Ему въ исалмахъ согласныхъ.

7.

25 Услыши, Господи, мой гласъ,
Когда къ тебѣ взываю,
И сохрани на всякой часъ:
Къ тебѣ я прибѣгаю.

8.

Я къ свѣту твоего лица
30 Вперяю взоръ душевный.
И отъ всецѣдраго Творца
Пріемлю лучъ всѣдневный.

9.

Отъ грѣшнаго меня раба,
Творецъ, не отвратися;
35 Да взыдетъ предъ тебя мольба,
И въ гнѣвѣ укротися.

10.

Меня оставилъ мой отецъ
И мать еще въ младенствѣ;
Но воспріялъ меня Творецъ
40 И далъ жить въ благоденствѣ.

11.

Настави, Господи, на путь
Святымъ твоимъ закономъ,
Чтобъ врагъ не могъ поколебнуть
Крѣпящагося въ ономъ.

12.

45 Меня въ сей жизни не отдай
Душамъ людей безбожныхъ,
Твоей десницею покрывай
Отъ клеветаній ложныхъ.

13.

Я чаю видѣть на землѣ
50 Всевышняго щедроты,
И не лишиться николи
Владычнія доброты.

14.

Ты сердце духомъ укрѣпись,
О Господь мужайся,
55 И бѣдствіемъ не колеблись;
На Бога полагайся.

LXII.

Преложеніе псалма 34.

1.

Суди обидящихъ, Зиждитель.
И отъ борющихся со мной
Всегдашній буди Покровитель,
Заступникъ и Спаситель мой.

2.

5 На гласъ мой нынѣ преклонися,
Прими оружіе и щить,
И мнѣ на помощь ополчися,
Когда противникъ мнѣ грозитъ.

3.

Здержи стремленіе гонящихъ.
10 Ударивъ пламеннымъ мечемъ.
Увѣрь въ наступахъ обстоящихъ,
Что я въ покрытіи твоемъ.

4.

Гонители да постыдятся,
Что ищутъ зла души моей.
15 И съ срамомъ всячь да возвратятся,
Смутившись въ памяти своей.

5.

Да сильный гнѣвъ твой злыхъ возхитить,
Какъ бурнымъ вихремъ легкій прахъ.
И Ангель твой да не защититъ,
20 Бѣгущихъ умножая страхъ.

6.

Да помрачится путь ихъ мглою,
Да будетъ ползокъ и разрытъ,
И Ангель мстящею рукою
Ихъ въ слѣдъ гоня, да устранитъ.

7.

25 Сіе гоненіе ужасно
Да оскорбитъ за злобу ихъ,
Что на меня ярясь напрасно,
Скрывали мрѣжу злобъ своихъ.

8.

Глубокій, мрачный ровъ злодѣю
30 Въ пути да будетъ сокровень;
Да будетъ сѣтїю своею,
Что мнѣ поставилъ, уловлень.

9.

Душа моя возвеселится
О покровителѣ своемъ,
35 И радостїю ободрится
О заступленїи твоємъ.

10.

Съ тобою кто себя сравниеть?
Всѣ кости, Боже мой, гласять;
Твоя власть сильныхъ сокрушаетъ,
40 Что бѣдныхъ растерзать хотять.

11.

Ужè свидѣтели восстали
Неправедные на меня,
И стыдъ оставивъ вопрошали
О томъ, чего не знаю я.

12.

45 Наносятъ мнѣ вражду и злобу,
Чтобъ тѣмъ мнѣ за добро воздать,
И бѣдной духъ мой и утробу
Досадой и тоской терзать.

13.

Но какъ они ослабѣвали,
50 Тогда постомъ я и мольбой
Смирялъ себя, дабы восстали
Противники мой въ покой.

14.

Какъ брату своему я тщился,
Какъ ближнимъ, такъ имъ угождать.
55 И сѣтуя объ нихъ крушился,
И слезъ своихъ не могъ держать.

15.

Они однако веселятся,
Какъ видятъ близъ мою напасть;
И на меня согласно злятся,
60 Готова ровъ, гдѣ мнѣ упасть.

16.

Смятенный духъ во мнѣ терзають,
Моимъ паденьемъ лстя себя;
Смѣются, нагло укоряють,
Зубами на меня скршыя.

17.

65 Доколѣ, Господи, безъ гнѣву
На злость ихъ будешь ты взирать?
Не дай, не дай ты львову чреву
Животъ мой до конца пожрать!

18.

Во храмѣ възвѣщу великомъ
70 Преславную хвалу твою,
Веселымъ гласомъ и языкомъ
При тьмахъ народа воспою.

19.

Не дай врагамъ возвеселиться
Неправедной враждой своей,
75 Не дай презорствомъ возгордиться
И помизаніемъ очей.

20.

Хоть мирныя словà вѣщали
И ласковъ видъ казали виѣ;
Но въ сердцѣ злобу умышляли
80 И сѣти соплетали мнѣ.

21.

Мнѣ пагубы конечно чая,
Всѣ купно стали восклицать,
Смѣяться, челюсть расширяя:
Намъ радостно на то взирать!

22.

85 Ты видѣлъ, Господи, ихъ мерзость:
Отмсти и злобнымъ не стерпи;
Отмсти бессовѣстную дерзость,
И отъ меня не отступи.

23.

Восстани, Господи Зиждитель,
90 Взойди на твой святыи престолю,
И буди нашей при рѣшитель,
Спаси отъ нестерпимыхъ золь.

24.

Подвигнись правдою святою,
Суди насъ, Господи, суди,
95 Не дай имъ поругаться мною,
Суди, и мнѣ не снисходи.

25.

Не дай имъ въ злобѣ похвалиться,
И мнѣ въ ругательство сказать:
О какъ въ насъ сердце веселится,
100 Что мы могли его пожрать.

26.

Посрамлены да возьмутся,
Что ради злымъ моимъ бѣдамъ;
И съ верьхъ главы да облекутся
Мои противны въ студъ и въ срамъ.

27.

105 Но тѣмъ дай вѣчную награду,
Что оправдать меня хотятъ;
Взирая на мою отраду,
Великъ Господь нашъ, говорятъ.

28.

Языкъ мой правдѣ поучится,
110 И истинѣ святой твоей.
Тобой мой духъ возвеселится
Чрезъ все число мнѣ данныхъ дней.

ЛХІІІ.

Преложеніе псалма 70.

1.

Въ тебѣ надежду полагаю,
Вссильный Господи, всегда,
Къ тебѣ и нынѣ прибѣгаю,
Да въ вѣкъ спасуся отъ студа.

2.

5 Святою правдою твоею
Избавь меня отъ злобныхъ рукъ,
Склонись молитвою моею
И сокруши коварныхъ лукъ.

3.

Поборникъ мнѣ и Богъ мой буди
10 Прогивъ стремящихся враговъ,
И брэнной сей и тлѣнной груди
Стѣна, защита и покровъ.

4.

Спаси меня отъ грѣшныхъ власти
И преступившихъ твой законъ,
15 Не дай мнѣ въ челюсти ихъ впасти
Зіяющи со всѣхъ сторонъ.

5.

Въ терни́ни мое́мъ, Зидитель,
Ты былъ отъ самыхъ юныхъ дней,
Помощникъ мой и Покровитель,
20 Пристанище души мое́й.

6.

Отъ чрева матерни тобою
И отъ утробы укрѣпленъ,
Тебя превозношу хвалою,
Усердіемъ къ тебѣ возженъ.

7.

25 Враги мои чудясь смѣются,
Что я кругомъ объять бѣдой,
Однако мысли не мятутся:
Когда Господь Заступникъ мой.

8.

Превозносить твою державу,
30 И воспѣвать на всякой часъ
Великолѣбіе и славу,
Отъ устъ да устремится гласъ.

9.

Во время старости глубокой
О Боже мой, не отступи;
35 Но крѣпкой мышцей и высокою
Увидши члены укрѣпи.

10.

Враги, которые всечасно
Погибели мое́й хотятъ,
Уже о мнѣ единогласно
40 Между собою говорятъ:

11.

Погонимъ: Богъ его оставилъ;
Кого онъ можетъ преклонить,
Отъ насъ бы кто его избавилъ?
Теперь пора его губить.

12.

45 О Боже мой, не удалися;
Покрой меня рукой своей,
И помощь ниспослать потщися
Объятой зломъ душѣ моей.

13.

Да въ вѣчномъ срамѣ погрузятся,
50 Которые мнѣ ищутъ зла;
Да на главу ихъ обратятся
Коварства, плевы и хула.

14.

Надежду крѣпку несомнѣнно
Въ тебѣ единомъ положу,
55 И прославляя беспремѣнно,
Въ псалмахъ и пѣсняхъ возглашу.

15.

Отъ устъ моихъ распространится
О истинѣ твоей хвала,
Благодѣяній слухъ промчится
60 Тобой мнѣ бывшихъ безъ числа.

16.

Твою я крѣпость, Вседержитель,
Повсюду стану прославлять;
И что ты мой былъ покровитель,
Во вѣки буду поминать.

17.

65 Тобою, Боже, я наставленъ
Хвалить тебя отъ юныхъ лѣтъ,
И нынѣ буди препрославленъ
Черезъ весь тобой созданный свѣтъ.

18.

Доколѣ дряхлость обращаться
70 Не возбранить моимъ устамъ,
Твоя въ нихъ крѣпость прославляться
Грядущимъ будетъ всѣмъ родамъ.

19.

Твоя держава возвѣстится,
И правда мною до небесъ;
75 О Боже, кто тебѣ сравнится
Великимъ множествомъ чудесъ.

20.

Ты къ пропасти меня поставилъ,
Чтобъ я свою погибель зрѣлъ;
Но скоро обратясь избавилъ
80 И отъ глубокихъ безднъ возвелъ.

21.

Щедроту ты свою прославилъ,
Меня утѣшить восхотѣлъ,
И скоро обратясь избавилъ.
И отъ глубокихъ безднъ возвелъ.

22.

85 Среди народа велегласно
Повѣдаю хвалу твою,
И на струнахъ моихъ всечасно
Твои щедроты воспою.

23.

Уста мои, возвеселятся,
90 Когда возвышу голосъ мой,
И купно чувства наслаждаются
Души спасенныя тобой.

24.

Еще языкъ мой поучится
Твои хвалити правоты,
95 Коварныхъ сила постыдится,
Которы ищутъ мнѣ бѣды.

LXIV.

ОДА,

Выбранная изъ Іова, глава 38, 39, 40 и 41.

1.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человекъ,
Внимай, коль въ ревности ужасно,
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
5 Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ грома прерывая,
Словами небо колебаль,
И такъ его на распрю зваль.

2.

Збери свои все силы нынѣ,
10 Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь земли поставилъ.
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
15 Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

3.

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тмы новыхъ звѣздъ,
Моей возжженныхъ вдругъ рукою
20 Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ
Мое Величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

4.

25 Кто море удержалъ берегами
И безднѣ положилъ предѣль,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
30 Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши здвигнулъ Океанъ?

5.

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣ утру быть,
35 И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу землѣ тряхнуть,
40 Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

6.

Стремнинами путей ты разныхъ
Прошолъ ли моря глубину?
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада ходящія по дну?

45 Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты сперь ли адовы уста?

7.

Стѣсная вихремь облакъ мрачный
50 Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горь сердца трясуцимъ трескомъ
55 Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

8.

Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орель, на высоту паря,
По вѣтру крила простираетъ
60 И смотреть въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и въ пропастяхъ глубокихъ
Что я ему на пищу далъ.
Толь быстро око тыль создалъ?

9.

65 Воззри въ лѣса на бегемота,
Что мною сотворенъ съ тобой;
Колочей тернь его охота
Безвредно попираетъ ногой.
Какъ верви сплетены въ немъ жилы.
70 Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?

10.

Ты можешь ли Левїаона
На удѣ вытянуть на брегъ?
75 Въ самой срединѣ Океана
Онъ быстрой простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрыть какъ мѣдными щитами,
Копье и мечъ и молотъ твой
80 Щитаетъ за тростникъ гнилой.

11.

Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ,
И зубы страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
85 На острыхъ камняхъ возлегаеть,
И твердость оныхъ презираетъ.
Для крѣпости великихъ силъ,
Щитаетъ ихъ за мягкой иль.

12.

Когда ко брани устремится;
90 То море какъ котель кипитъ,
Какъ печь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ уголь въ горнилѣ разкаленный.
95 Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня.
Кто можетъ стать противъ меня?

13.

Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить я хотѣлъ,
Просиль ли твоего совѣта
100 Для множества толикихъ дѣлъ?

Какъ персть я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати челоуѣка;
За чѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видѣ иной тебѣ я далъ?

14.

- 105 Сіе, о смертный, рассуждая,
Представь Зиждителю власть,
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣнныи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ.
110 Казнить кого, или поконитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси,
И безъ роитанія проси.
-

LXV.

НАДПИСЬ

На иллюминацію представленную въ торжественный день Корованія Ея Величества Апрѣля 25 числа, 1751 года, передъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображена въ Амфитеатрѣ окруженная сіяніемъ Императорская корона и скипетръ на украшенномъ постаментѣ съ вензловымъ именемъ Ея Величества, по обѣимъ сторонамъ два портала далече простирающихся аллей, при которыхъ поставлены грудныя изображенія четырехъ частей свѣта.

Лучи отъ Твоего, Монархиня, вѣнца
Въ четыре разлились Вселенныя конца:
Европа, Африка, Америка, Азія
Чудятся ясности, отъ коея Россія
5 Сіяетъ чрезъ концы земны просвѣщена.
О ты блаженная въ подсолнечной страна,
Взведи свой умный взоръ къ Божественному свѣту,
Дабы вѣнчанную въ сей день Елисавету
На много лѣтъ своимъ блистаньемъ окружилъ,
10 И съ нами сѣверъ весь спокойствомъ озарилъ.

LXVI.

НАДПИСЬ

Къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ
На Маскарады 1751 года.

А.

Природа какъ Тебя на свѣтъ производила,
На то истощена была ея вся сила,
Дабы ни одного таланта не отнять.
Великъ былъ Твой Отецъ, была прекрасна Мать;
5 Герой Тебя родить, носила Героиня:
Какой быть долженъ плодъ? не иной какъ Богиня.
Но сколько смертныхъ Ты превыше почтена,
Ты столько сердцемъ къ нимъ и щедра и склонна.
И въ тѣ часы, когда лице свое скрываешь,
10 Къ народу своему щедротою сїяешь.

НАДПИСЬ

На тѣже.

В.

Увидѣвъ множество одеждъ и лицъ отмѣнныхъ,
Я въ мысляхъ нынѣ зрю восторгомъ восхищенныхъ,
Монархиня, концы державы Твоя,
И въ оныхъ нахожу утѣхи видъ сея.

- 5 Отъ тихихъ восточныхъ водъ до береговъ Балтійскихъ,
Отъ непроходныхъ льдовъ до теплыхъ странъ Каспійскихъ
Въ одеждахъ много коль и въ лицахъ перемѣнь!
Сугубымъ нынѣ я видѣнъ емъ удивленъ!
Я слышу тамъ, какъ здѣсь, пріятную музыку:
10 Тамъ отъ усерднаго народовъ разныхъ клику
Черезъ горы, чрезъ поля согласный шумъ течеть,
Что Ты едина всѣмъ покровъ, отрада, свѣтъ.
-

LXVII.

- Повсюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣтеть;
Лежитъ оружіе, и съ кровью слезъ не леть;
И земледѣлецъ плугъ выноситъ безопасно:
Спокойство съ именемъ Твоимъ вездѣ согласно.
5 По правдѣ Божій Миръ, Монархія, слывешь,
Когда Ты тишину Европѣ всей даешь.
Съ почтеніемъ она главу свою склоняетъ,
И храмъ Тебѣ хвалы бессмертный возвышаетъ.
Напрасно лютая война шумѣть слѣшитъ,
10 Гдѣ имя кроткія Богини въ свѣтъ гремитъ.
-

LXVIII.

НАДПИСЬ

На спускъ корабля, именуемаго Іоанна Златоустаго.

Сойди къ намъ Златоустъ, оставивъ небеса:

Достойна твоего здѣсь зрѣнія краса.

Петрова Дщерь тебѣ корабль сей посвящаетъ,

И именемъ твоимъ все море наполняетъ.

- 5 Когда ты пойдешь въ путь на немъ между валовъ,
Греми противъ Ея завистливыхъ враговъ,
Златыми прежде ты гремѣлъ въ церьквахъ устами,
Но пламенными впродъ звучи въ водахъ словами.
-

LXIX.

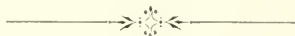
Желая къ храму насъ Блаженства возвести,
Ты трудной путь сама должна была протти,
Тамъ горы, хляби тамъ, бугры, стремнины, рѣки,
Препятствія вездѣ неслыханны во вѣки.
5 Но что, Монархиня, могло Твой духъ здержать?
Какъ Промысль самъ Тебя воздвигнулъ насъ спасать?
Внезапно возсіялъ Твой лучъ всѣхъ бѣдствій выше,
И трудной толь восходъ минулъ Зефира тише.
Надежда, вѣрность намъ и радость и любовь,
10 Тотъ день приводятъ въ умъ и представляють вновь,
Коль счастлива Твоимъ возшествіемъ Россія,
Что съ онымъ привела Ты дни въ нее златыя.

LXX.

Среди прекраснаго Россійскаго Рай,
Монархия, цвѣтетъ дражайша жизнь твоя,
Рукою вышняго насъ ради насажденна
И силою его отвсюду покровенна.
5 Мы сердце возводя и очи къ небесамъ,
Согласно просимъ всѣ: подай о Боже намъ,
Да солнце милости сѣять къ ней не престанетъ,
И толь дражайшій плодъ во вѣки не увянетъ.

LXXI.

Веселѣемъ сердца годъ новый оживляетъ,
И ново щастіе въ Россіи утверждаетъ.
Довольство, здравіе и щастіе цвѣтетъ,
Гдѣ свѣтитъ именемъ своимъ Елисаветъ.
5 Россія веселясь, блажитъ Ея державу,
Что каждый годъ свою растущу видитъ славу.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ,

ВАРІАНТЫ

И

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Появленіе оды Фенелона въ русскомъ переводѣ студента Ломоносова находится въ прямой связи съ инструкціею, данною Ломоносову и его товарищамъ по академическому университету при отправленіи ихъ за границу, въ 1736 году. Въ инструкціи говорится: «Стараться ему о полученіи такой способности въ русскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, чтобъ онъ ими свободно говорить и писать могъ, а притомъ учиться прилежно рисованію (ст. 5). Присылать всегда, по прошествіи полугода, въ академію наукъ извѣстіе, какимъ наукамъ и языкамъ онъ обучается; также и нѣчто изъ своихъ трудовъ въ свѣдѣтельство прилежанія, и притомъ счетъ съ расписками о своихъ расходахъ (ст. 6)». Рукою Ломоносова написано: «Такову инструкцію студентъ Михайло Ломоносовъ получилъ, по которой точно исполнять будетъ». За инструкціей 18 августа 1736 года послѣдовало, въ разное время, нѣсколько другихъ, въ которыхъ требуется, чтобы студенты извѣщали о своихъ занятіяхъ, о посѣщеніи профессорскихъ лекцій, и присылали опыты (specimina) своихъ научныхъ работъ, а также подробные счета всѣмъ вообще расходамъ и списки книгъ, пріобрѣтаемыхъ за границу. Въ инструкціи, данной 29 мая 1738 года, сказано: Wenn sie von Scientificis rapportiren, so sollen sie melden, wie weit sie in der oder jener Disciplin gekommen, und die Stunden angeben, in

welchen sie von dem oder jenem Professore oder Maitre frequen-
tiren, auch von Zeit zu Zeit Specimina, welche sie ausgearbeitet
haben, einschicken. In Oeconomicis sollen sie alle Ausgaben
nahmhaft machen. . . Von denen während ihres Aufenthaltes in
Teutschland gekauften Büchern sollen sie mit dem Preis ein
Verzeichnisz einschicken, и т. д.

Любопытнымъ и остроумно придуманнымъ отвѣтомъ на
подобныя требованія служить донесеніе, посланное Ломоносовымъ
изъ Марбурга 15 октября 1738 года, съ двумя приложеніями.
Для нагляднаго доказательства своихъ успѣховъ въ четырехъ
языкахъ, названныхъ въ инструкціи, Ломоносовъ пишетъ доне-
сеніе *по-нѣмецки* и прилагаетъ къ нему научную работу на *ла-
тинскомъ* языкѣ и переводъ оды съ *французскаго* языка на *рус-
скій*. Въ донесеніи Ломоносовъ увѣдомляетъ, что онъ слушаетъ
лекціи физики у профессора Вольфа, повторяетъ химію по сочи-
неніямъ Бургава, Шталя и Штабеля, и упражняется въ рисо-
ваніи. Здѣсь-же помѣщенъ *списокъ книгъ*, купленныхъ Ломоно-
совымъ, и счетъ расходамъ до самыхъ мелкихъ подробностей.
Къ донесенію приложены: научная работа—*Specimen physicum
de transmutatione corporis solidi in fluidum a motu fluidi prae-
existentis dependente*, и русскій переводъ оды Фенелона, съ
французскимъ подлинникомъ, *texte en regard*.

Какъ донесеніе, такъ и оба приложенія къ нему написаны
Ломоносовымъ собственноручно и весьма тщательно, на одина-
ковой бумагѣ, въ листъ. Ода занимаетъ четыре страницы, раз-
дѣленные пополамъ продольною чертою: на лѣвой сторонѣ—
французскій текстъ, на правой русскій переводъ. Въ рукописи
строфы обозначены цифрами; на каждой изъ трехъ страницъ—
по четыре строфы, на четвертой и послѣдней—только двѣ
строфы.

Ода, о которой идетъ рѣчь, написана Фенелономъ въ моло-
дости, именно въ 1681 году.

(ср. Histoire de Fénelon, composée sur les manuscrits originaux, par
De Bausset. Paris. Livre I. p. 51—57).

Литературная исторія этой оды связана съ судьбою главнаго произведенія Фенелона, воспитателя внука Людовика XIV, — *Aventures de Télémaque*. Близкое знакомство автора съ придворною жизнью, съ нравами тогдашняго общества и личное нерасположеніе Людовика XIV къ воспитателю его внука послужили источникомъ многихъ невзгодъ для Фенелона; книга его была строжайшимъ образомъ запрещена во Франціи. Но вслѣдствіе этого она приобрѣла огромный успѣхъ за границею, и одно за другимъ стали появляться ея изданія въ различныхъ мѣстахъ Европы: въ Амстердамѣ, въ Лондонѣ, въ Гамбургѣ и др. Во многихъ изданіяхъ къ тексту прилагались объяснительныя примѣчанія, проводившія ту мысль, что книга написана съ цѣлью развѣнчать окруженный фальшивымъ блескомъ образъ Людовика XIV, и убѣдить будущаго короля отнюдь не слѣдовать примѣру своего дѣда ни въ семейной, ни въ общественной и государственной жизни. Въ подлинникѣ, на примѣръ, говорится: *Le plus malheureux de tous les hommes est un roi qui croit être heureux en rendant les autres hommes misérables. La vérité ne peut percer la foule des flatteurs pour aller jusqu'à lui. Il est tyrannisé par ses passions, il ne connaît pas ses devoirs, и т. д.* (кн. V). Издатели видятъ въ этомъ живую картину правленія Людовика XIV, въ которой каждая черта до того согласна съ истиною, что не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ. По мнѣнію комментаторовъ, Людовикъ XIV отчасти напоминаетъ Идоменея, но всецѣло воспроизведенъ въ Адрастѣ: *Il croit que tous les hommes qui sont nés sur la terre ne sont nés que pour servir à sa gloire par leur servitude. Il ne veut point de sujets, dont il soit le roi et le père: il veut des esclaves et des adorateurs* (кн. XI), и др.

Только со смертію Людовика XIV прекратилась опала, постигшая книгу Фенелона во Франціи. «Телемакъ» изданъ въ Парижѣ, въ 1717 году, по собственноручной рукописи автора, подъ наблюденіемъ его внука, маркиза Фенелона. Въ этомъ изданіи, въ видѣ приложенія къ «Телемаку», впервые напечатана ода, впоследствии переведенная Ломоносовымъ. Въ предисловіи (*aver-*

tissement) сдѣлано такое замѣчаніе: On a joint à la fin de cette édition une ode de l'auteur composée dans sa jeunesse. Elle fera voir son talent naturel pour la versification. Въ изданіи «Телемака» 1734 года, исполненномъ подъ наблюденіемъ того-же маркиза Фенелона, который былъ тогда французскимъ посланникомъ въ Голландіи, снова появилась ода, помѣщенная въ изданіи 1717 года и во многихъ, но не во всѣхъ, послѣдующихъ. Заслуживаетъ вниманія поясненіе издателей по поводу этой оды: On ne s'est point laissé aller au faux goût de ceux qui ont inspiré aux éditeurs de l'édition de Paris de 1733, de supprimer une pièce en vers lyriques de la jeunesse de mr. de Cambray, et que l'on avait placée à la fin du Télémaque dans l'édition de 1717. Ceux qui ont le goût du sentiment, de l'harmonie et de la belle cadence dans les vers, verront avec plaisir restituer cette ode au public. Elle montre l'heureux génie de l'auteur pour la versification и т. д.

(Les Aventures de Telemaque, fils d'Ulysse. Par feu Messire François de Salignac, De La Motte Fenelon. Nouvelle édition, conforme au manuscrit original. Amsterdam. Rotterdam. 1734. p. VII).

Въ изданіи 1717 года и послѣдующихъ находятся нѣсколько самыхъ краткихъ примѣчаній, именно къ словамъ: *Montagnes* (въ первой строкѣ), *Solitude* (въ пятой), *le plus sage* (въ двѣнадцатой), и *Tyrsis* (въ четырнадцатой):

Montagnes de qui l'audace — *Montagnes* d'Auvergne où il étoit alors.

Solitude où la riviere — Carenac, petite Abbaye sur la Dordogne qu'il avoit alors.

Des Grecs je voi *le plus sage* — Ulysse.

Là *Tyrsis* viendra repandre — Mr. l'Abbé de Langeron.

Примѣчанія эти не удержаны въ рукописи Ломоносова.

Строфы обозначены цѣфрами какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ.

Изъ какого изданія Телемака заимствовалъ Ломоносовъ приложенный имъ къ переводу французскій подлинникъ оды Фенелона? Судя по указанію, сдѣланному самимъ Ломоносовымъ, можно бы подумать, что онъ пользовался изданіемъ 1723 года. Въ списокѣ книгъ, находящемся въ донесеніи, при которомъ прислана ода, значится: *Aventure de Telemaque. In octavo. 1723.* Но такое изданіе вовсе неизвѣстно библиографамъ, и всѣ старанія разыскать его оказались безуспѣшными.

(ср. *La France littéraire ou dictionnaire bibliographique*, par I. M. Quérard. Paris. 1829. p. 89—98. *Manuel du libraire et de l'amateur de livres*, par Jacques-Charles Brunet. Paris. 1861. Tome deuxième. 1re partie. p. 1210—1219. *Trésor de livres rares et précieux ou Nouveau dictionnaire bibliographique*, par Jean George Théodore Grässe. 1861. Tome deuxième. p. 563—566, и др.).

Изъ всѣхъ изданій Телемака до 1738 года, пересмотрѣнныхъ нами въ различныхъ бібліотекахъ, наиболѣе близокъ къ Ломоносовскому текстъ оды въ изданіи, вышедшемъ въ Голландіи, въ 1725 году, подъ такимъ заглавіемъ: *Les Aventures de Telemaque, fils d'Ulysse. Composées par feu Messire François de Salignac, De la Motte Fenelon, Précepteur de Messeigneurs les Enfans de France, et depuis archevêque-duc de Cambrai, Prince du Saint Empire. Nouvelle édition, augmentée et corrigée sur le manuscrit original de l'auteur. Avec des Remarques pour l'intelligence de ce poëme allegorique. A Rotterdam. Chez Jean Hofhout. 1725. Avec privilege.*

Въ изданіи 1725 г. и у Ломоносова.

Въ другихъ изданіяхъ.

Des Grands il fuit les plaisirs: Bravant les flots nuit et jour.

O combien de mon bocage O! combien de mon bocage

Le calme, le frais, l'ombrage Le calme, le frais, l'ombrage

Bornent mieux tous mes desirs. Meritent mieux mon amour.

(строфа 12).

Filera mon dernier jour.

Filera mes plus beaux jours

(строфа 14).

<i>Ces vertes montagnes dore</i>	<i>Toutes ces montagnes dore</i> (строфа 3).
Ne laisse entendre <i>aucun</i> bruit	Ne laisse entendre <i>autre</i> bruit (строфа 5).
<i>Dessous</i> vos têtes chenues	<i>Dessus</i> vos têtes chenues (строфа 1).
Dont Cerès <i>remplit</i> nos granges	Dont Cerès <i>emplit</i> nos granges (строфа 6).
A <i>ces charmes</i> je me livre	A <i>ce charme</i> je me livre (строфа 10).

Сходство съ Ломоносовскимъ, но не до такой степени близкое, представляетъ текстъ оды, помѣщенный въ изданіи 1745 года. (Les Aventures de Telemaque. . . Imprimé suivant la copie de Paris, aux depens de Daniel Barthelemy et fils. 1745). Сходство же съ изданіемъ 1725 года, замѣчаемое въ словахъ и выраженіяхъ Ломоносовскаго текста, простирается и на знаки препинанія и даже на опечатки:

Въ изданіи 1725 г. и у Ломоносова.

Въ изданіи 1745 года.

<i>Le fleuve (fleuves) aimant les prairies.</i>	<i>Ce fleuve aimant les prairies</i> (строфа 8).
Loin, loin trompeuse fortune, Et toi faveur importune,	Loin, loin, trompeuse fortune Et toi faveur importune (строфа 13).
A mes pieds contre la terre	A mes pieds, contre la terre (строфа 1).
Du Zephir la douce haleine, Qui <i>reveroit</i> nos buissons.	De Zephir la douce haleine, Qui <i>reverdît</i> nos buissons (строфа 6).

Въ рукописи Ломоносова встрѣчаются невѣрности и описки, какъ на примѣръ: *S'enfuit* vallons et montagnes, вм. *S'enfuir* (строфа 7); *Tien* mes sens et ma raison, вм. *Tient* (строфа 10); *Je voi* au bout des campagnes, вм. *Je vois* (строфа 7), и т. п. Во множе-

ственномъ числѣ *s* на концѣ часто опускается: *sur les rive* (строфа 7); *les violette, des musette* (строфа 9); *des noirs orage, sous ces feuillage* (строфа 11). Въ спискѣ книгъ: *Avanture de Telemaque*.

Русскій переводъ довольно близокъ къ подлиннику, насколько это возможно при соблюденіи стихотворной формы. Въ переводѣ и въ подлинникѣ римы чередуются въ одинаковомъ порядкѣ: первый стихъ римуется съ третьимъ, второй — съ четвертымъ, пятый — съ шестымъ, седьмой — съ десятымъ и восьмой — съ девятымъ.

Относительно языка можно указать на слова народныя, изъ которыхъ многія употребляются въ Архангельской губерніи, а также на слова иностранныя съ особенностями ихъ формы:

Ст. 26. То гдѣ *лыва*, кустовата — *les sombres bocages*

Лыва — Лука, болото и вообще мокрая мѣстность; также: густой на болотистой мѣстности лѣсъ; куча наносной поросли въ морѣ.

(Словарь областного Архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ Александръ Подвысоцкій. 1885).

Ст. 42. *Стрѣжъ* мой рѣки шумить

Слово: *стрѣжъ* употребляется въ Архангельской губерніи. *Стрѣжа*, *Стрѣжь* — русло, фарватеръ; достаточно глубокое мѣсто въ морѣ или рѣкѣ для того, чтобы плыть судномъ или стоять на якорѣ.

(Словарь области Архангельскаго нарѣчія).

Ст. 64. Долы скрыты *далиной*, — *dans des lointains*

Въ словарѣ руссійской академіи: *Далина* — дальнее разстояніе. Въ позднѣйшемъ академическомъ словарѣ слово *далина* названо простонароднымъ.

Ст. 63. Горъ *порядокъ* чуть синѣеть

Порядокъ — рядъ, линія домовъ по улицѣ въ селѣ или деревнѣ.

(Словарь области Арханг. нарѣчія).

Ст. 66. Только лишь игра *натуры* — Est un jeu de la nature.

Ст. 55. Полнить чемъ *Цереса* гумна. — Dont Cerès remplit nos granges.

Ст. 62. Даръ *Цересы* золотой.

Ст. 56. Сила *Вакхусова* шумна — Bacchus lui-même aux vendanges

Ст. 96. *Нектаремъ* емъ упиваюсь, — De ce Nectar je m'enivre,

Въ правописаніи обнаруживается фонетическое начало — пишется, какъ произносится: *серце, сердца* (Ст. 48, 85); *сладкой* думой, *сладко* живу (Ст. 93, 122); *мягкой* перины (Ст. 91); *бесъ* книги (Ст. 106), *беспременно* (Ст. 3); нѣтъ *того* на сеѣ земли (Ст. 32); *лжы, лжывыя* (Ст. 98, 112). Роскошей *чужался* сеѣ — Des Grands il fuit les plaisirs (Ст. 117). Вдругъ съ *осенними* плодами — Avec les fruits de l'Automne (Ст. 71).

Ода Ломоносова относится ко времени введенія у насъ тоническаго стихосложенія и принадлежитъ къ числу первыхъ опытовъ въ этомъ родѣ. Изъ написаннаго Ломоносовымъ ранѣе 1738 года извѣстны только школьные стихи, полученные академикомъ Н. Я. Озерецковскимъ отъ земляка Ломоносова Степана Кочнева въ іюль 1788 года.

(Путешествіе академика Ивана Лепехина. 1805. Часть IV. стр. 301):

Услышали мухи
Медовыя духи
Прилѣтевши сѣли,
Въ радости зашѣли
Егда стали ясти,
Попали въ напасти
Увязли бо ноги
Ахъ плачутъ убоги,
Меду полизали
А сами пропали

Для вѣрной оцѣнки первой оды Ломоносова надо имѣть въ виду, въ какомъ состояніи находилась тогда наша литература и какіе образцы представляла она для начинающаго писателя.

Въ «Новомъ способѣ» стихосложенія Тредьяковскій приводилъ «въ примѣръ» слѣдующіе стихи:

Красота весны! Роза о прекрасна!
Всей о Госпожа румяности власна!
Пойдетъ вѣкъ долговѣчень,
И многочеловѣчень;
Поживемъ въ благодѣньѣ,
Мы все вездѣ отъ пыньѣ. . . .
Воздухъ чистъ, растворенный,
Влитѣемъ удобреный;
Вѣять здравый вѣтръ станеть,
Вредъ наносить престанеть. . . .
Трусилъ Марсъ и съ войною,
Предъ нашей тишиною. . . .

Изъ русскихъ писателей Тредьяковскій первый сталъ доказывать необходимость для нашего языка тоническаго стихосложенія. Мысли этой вполнѣ сочувствовали Ломоносовъ и, благодаря его таланту, новое стихосложеніе прочно водворилось въ нашей литературѣ. Стихотворный переводъ оды Фенелона былъ первымъ шагомъ Ломоносова на новомъ поприщѣ. Приведа начало этой оды, академикъ Пекарскій говоритъ: «Эти четырехстопные хоры важны въ исторіи русскаго стиха, какъ первая попытка Ломоносова писать стихи размѣромъ, введеннымъ у насъ Тредьяковскимъ. Въ стихахъ Ломоносова слышится подражаніе послѣднему, но, при всей тяжеловатости своей, они все-таки благозвучнѣе стихотвореній Тредьяковскаго 1734 — 1737 годовъ».

(Исторія Императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго. 1873. Томъ II. стр. 292).

По поводу той же оды академикъ Кунинъ говоритъ: «Языкъ

Ломоносова, при всей своей шероховатости, все-таки былъ несравненно благозвучнѣе того языка, на которомъ Тредьяковскій напечаталъ свои произведенія 1734 — 1737 годовъ; да и т. н. трохей Ломоносова, въ первомъ его опытѣ, были гораздо правильнѣе, чѣмъ у Тредьяковскаго».

(Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ; издалъ А. Куникъ. 1865. Часть I. стр. XXV).

Лучшее для того времени руководство: «Новый и краткій способъ къ сложенію російскихъ стиховъ» Тредьяковскаго былъ для Ломоносова учебною книгою, которую онъ взялъ съ собою и за границу, и чтеніе которой не прошло безслѣдно для молодого, начинающаго писателя. Что касается занимающей насъ оды Фелелона, то не только въ способѣ передачи французскаго подлинника, но быть можетъ и въ самомъ выборѣ произведенія для перевода, обнаруживается, въ большей или меньшей степени, знакомство съ книгою Тредьяковскаго. Въ размѣрѣ стиха, въ чередованіи рюмъ, въ такъ называемыхъ «шпическихъ вольностяхъ» и т. п., замѣчается нѣкоторое сходство съ правилами и примѣрами «Новаго способа». Въ числѣ четырнадцати «вольностей», допускаемыхъ Тредьяковскимъ, находятся слѣдующія: «Глаголы втораго лица, числа единственнаго, могутъ кончиться на *ши*, вмѣсто на *шь*; такъ же и не опредѣленные на *ти*, вмѣсто на *ть*. Напримѣръ: *тишеши*, вмѣсто *тишешь*, и: *писати*, вмѣсто *писать*. . . Многія реченія, которыя сложены въ самомъ началѣ изъ частицъ *со*, *во*, *возъ*, *воєъ*; могутъ, для пущды въ Стихѣ, выкидывать шема *о*. Такъ *сочиняю*, можетъ написано быть: *счиняю*; *водружаю*: *вдружаю*; *возобновилъ*: *взбновилъ*; *воспою*: *вспою*. . . Когда будутъ два тѣже, или разныя согласныя шема въ реченіи, то одно выкинуться можетъ, такъ вмѣсто *прелестный*, *прелесный*. . . Вольности во обще таковой подлежатъ быть, чтобъ реченіе по вольности положенное, весьма распознать было можно, что оно прямое Россійское, и еще такъ, чтобъ оно нѣсколько и уютребительное было. Напримѣръ: *бреду*, можно поло-

жпть вмѣсто *берей*; *брежно*, вмѣсто *бережно*; *стрей*, за *стерей*; по *острожно*, вмѣсто *осторожно*, не возможно положить» и т. д.

(Новый и краткій способъ къ сложенію російскихъ стиховъ съ опредѣленіями до сего надлежащихъ званій. Черезъ Васіля Тредіаковскаго. 1735. стр. 16—20).

Согласно съ предлагаемыми правилами, а отчасти и съ примѣрами, въ одѣ Ломоносова встрѣчаются, и въ значительномъ количествѣ, такого рода «вольности»:

Ст. 105 — 106. Что бы жить мнѣ здѣсь *начати*.

И бесъ книги *почерпнати*

Ст. 138 — 139. Прахъ мой будетъ *почивати*.

Тѣрсь любви чтобъ долгъ *воздати*

Ст. 50. Пѣнь тебѣ Боговъ *вспѣвати!*

Ст. 133. Мысль мою бѣ такъ *взвеслило*,

Ст. 37. Вѣтры волнъ когда *взбудитъ*.

Ст. 46. Какъ щастливы *внѣвми* рясны

Ст. 48. *Серце* каковой желаетъ:

Ст. 85. Вашъ *серца* тонъ услаждаетъ,

Изложивши свои теоретическія соображенія, Тредьяковскій говоритъ: «полно ужѣ мнѣ теперь о способѣ моемъ къ сложенію новыхъ нашихъ Стиховъ, словомъ токмо предлагать: время оной самымъ дѣломъ и примѣрами объявить», и вслѣдъ за этимъ помѣщаетъ стихотвореніе Фенелона въ русскомъ переводѣ. Примѣръ Тредьяковскаго, помѣстившаго, въ видѣ образца, оду Фенелона въ руководствѣ къ сложенію стиховъ, могъ имѣть нѣкоторое значеніе въ глазахъ Ломоносова, избравшаго для перевода также оду Фенелона, которая самымъ появленіемъ своимъ въ печати обязана тому, что, по мнѣнію издателей, обнаруживала въ авторѣ счастливую способность къ стихосложенію. Во всякомъ случаѣ сравненіе переводовъ Тредьяковскаго и Ломоносова представляетъ черты для характеристики литературной дѣятельности Ломоносова въ самомъ ея началѣ. На этомъ основаніи считаемъ нужнымъ помѣстить здѣсь переводъ Тредьяковскаго съ французскимъ подлинникомъ, составляющимъ притомъ библиографическую рѣдкость.

La sagesse humaine, ou le portrait
d'un honnête homme.

(Oeuvres choisies de Fénelon. A Paris
An VI. Tome second. p. 501—504).

1.

Rendez au Créateur ce que l'on
doit lui rendre:
Réfléchissez avant que de rien
entreprendre:
Point de société qu'avec d'hon-
nêtes gens;
Et ne vous enfliez point de vos
heureux talens.

2.

Conformez-vous toujours aux
sentimens des autres;
Cédez honnêtement, si l'on
combat les vôtres.
Donnez attention à tout ce qu'on
vous dit;
Et n'affectez jamais de montrer
trop d'esprit.

3.

N'entretenez personne au delà de
sa sphère;
Et dans tous vos discours ta-
chez d'être sincère,
Tenez votre parole inviolable-
ment,
Et ne promettez point inconsi-
dérément.

Стихи научающіе добронравію
человѣка.

Переведены съ французскихъ покой-
наго Франціска де Саліньяка Дела
Мотта Фенелона. Нарошно сочинены
Россійскимъ новымъ Эксаметромъ для
примѣру (стр. 27—29).

1.

Отдавай то все Творцу, долгъ
что отдавати;
Безъ рассутка жъ ничего ти
бъ не начинать.
Токмо съ добрыми людьми въ
жизни сей дружися;
А таланты чрезъ твои никогда
не льстися.

2.

Съ мнѣиёмъ другихъ всегда
будь согласенъ прямо;
Никогда въ твоёмъ стоять не
пзволь упрямо.
Внятно слушай, что тебѣ люди
предлагають;
Больше умнымъ не какись,
нежели ты знаютъ.

3.

Съ тѣмъ о томъ не говори,
смыслитъ кто что мало;
Проста сѣрдца быть тебя рѣчь
и всебъ казало.
Слово данное держи, былобъ
какъ ни трудно;
Ничегожъ не обѣщай вдругъ
и не рассудно.

4.

Soyez officieux, complaisant,
doux, affable,
Et pour tous les humains d'un
abord favorable,
Sans être familier, ayez un air
aisé.
Ne décidez de rien sans l'avoir
bien pesé.

5.

Aimez sans intérêt, pardonnez
sans faiblesse.
Choisissez vos amis avec déli-
catesse:
Cultivez avec soin l'amitié d'un
chacun.
A l'égard des procès, n'en in-
tentez aucun.

6.

Ne vous informez point des
affaires des autres,
Sans affectation taisez-vous sur
les vôtres.
Prêtez de bonne grace, avec
discernement:
S'il faut récompenser, faites-le
noblement.

7.

En quelque heureux état que
vous puissiez paraître
Que ce soit sans excès, et sans
vous méconnaître.

4.

Будь услужень, будь и тихъ,
ласковъ въ разговорѣ;
Всѣхъ пріятно принимай, будь
никтобъ въ презорѣ.
Дерзостно не будь знакомъ,
обходисяжъ смѣло;
Не размысливъ не вступай ни
въ какое дѣло.

5.

Безъ корысти всѣхъ люби, а
процай безъ мести;
Низокъ будь большимъ, себяжъ
подлымъ не бесчести.
Дружень всѣмъ старайся быть,
дружно поступая,
Тяжбы никогда ни съ кѣмъ
самъ не зачиная.

6.

Не провѣдывай ни какъ что
чинять другіе;
Просто крой дѣла твои, чтобъ
не знали злые.
Рассмотря давай въ займы,
толькожъ добровольно;
Если нада наградить, награж-
дай довольно.

7.

И какимъ бы ни хотѣлъ обра-
зомъ ты быть;
Будь безъ лишка, и себябъ въ
томъ не позабыти.

Compatissez toujours aux disgraces d'autrui,
Supportez ses défauts, vivez bien avec lui.

8.

Surmontez les chagrins où l'esprit s'abandonne,
Et ne les faites pas retomber sur personne.
Où la discorde règne, apportez-y la paix,
Et ne vous vengez point, qu'à force de bienfaits.

9.

Reprenez sans aigreur, louez sans flatterie:
Riez paisiblement, entendez raillerie.
Estimez un chacun dans sa profession;
Et ne critiquez rien par ostentation.

10.

Ne reprochez jamais les plaisirs que vous faites,
Mais mettez-les au rang des affaires secrètes.
Prévenez les besoins d'un ami malheureux:
Sans prodigalité montrez-vous généreux.

Страждеть кто твой другъ
напастъ? сожалѣй безмѣрно;
Въ другѣ всякъ порокъ спосп,
все будь другомъ вѣрно.

8.

Побѣждай печаль, какъ духъ оной поддается;
Не виши въ той никого, та какъ и мнется.
Учпннть старайся миръ, ссоры гдѣ злодѣйство;
Инакъ и не отмщевай, какъ чрезъ благодѣйство.

9.

Жарко не жури людей, и хвали не льстиво;
Мѣрно смѣйся надъ людьми; смѣхъ терпн взаимно.
Кажда въ ремеслѣ своемъ чти ты безъ упрямства;
Такъ же ничого не хуль одного для чванства.

10.

Благодѣтельствомъ твоимъ худо попрекати;
Лучше оное всегда вѣвся забывати.
Нужду другу помогай, тотъ хоть и не проситъ;
Кто даритъ не такъ, какъ мотъ, щедро имя посигъ.

11.

Modérez les transports d'une
bile naissante;
Et ne parlez qu'en bien de la
personne absente.
Fuyez l'ingratitude, et vivez
sobrement.
Jouez pour le plaisir, et perdez
noblement.

12.

Parlez peu, pensez bien, et
n'offensez personne:
Faites toujours grand cas de
ce que l'on vous donne.
Ne tyrannisez point le pauvre
débitteur;
Montrez-vous en tout temps
pour lui de bonne humeur.

13.

Fuyez toute ignorance ainsi
que la paresse,
Et ne vous laissez point sur-
prendre par l'ivresse;
Mais lorsque vous prendrez
quelque délassement,
Que ce soit sans excès et tou-
jours sobrement.

14.

Au bonheur du prochain ne
portez point d'envie;
Et ne divulguez point ce que
l'on vous confie.

11.

Пылка гнѣва утапай жаръ и
не насытноть;
Говори добро всегда въ чьюлибо
небытноть.
Благодарноть бы была въ
сердцѣ ти природно;
Для забавы хотъ играй, толь-
кожъ благородно.

12.

Мысля, мало говори, обмануть
не тщися;
Чтобъ ти ни было дано, тѣмъ
всегда хвалися.
Должника не мучь, какъ онъ
къ платѣ не исправенъ;
Для себя, и для него, все будь
добронравенъ.

13.

(Эти четыре стиха
оставлены
Тредьяковскимъ
безъ перевода).

14.

Ближнихъ щастія твоихъ не
завидуи цвѣту;
Ввѣренное такъ храни, чтобъ
не вынестъ свѣту.

Ne vous vantez de rien; gardez	Крой,	не чваняся ничѣмъ,
votre secret.		тайну ти искусно;
Et vous serez alors l'homme le	Презирай	по семь, какъ лгутъ
plus parfait.		про тебя что гнусно.

Первая ода Ломоносова ровно сто шестнадцать лѣтъ оставалась въ рукописи, о существованіи которой ничего не было извѣстно ни въ литературѣ, ни въ самой академіи. Только благодаря счастливой случайности ода Ломоносова появилась въ печати. Въ 1855 году праздновалось столѣтіе московскаго университета, въ основаніи котораго Ломоносовъ принималъ дѣятельное участіе. Въ засѣданіи Общаго собранія академіи наукъ, 2 декабря 1854 года, избраны были «комиссары» для составленія адреса московскому университету: отъ перваго отдѣленія академіи Д. М. Перевощиковъ, отъ втораго—И. И. Давыдовъ, отъ третьяго—А. А. Кунякъ. Въ двухъ засѣданіяхъ этой комиссіи, 9 и 15 декабря 1854 года, положено: «Напечатать на пергаминѣ оду Ломоносова, переведенную имъ изъ Фенелона и найденную академикомъ Куникомъ въ академическомъ архивѣ. Этотъ переводъ вмѣстѣ съ подлинникомъ, и самимъ Ломоносовымъ переписанный, относится къ 1738 году, слѣдовательно предшествуетъ одѣ его на взятіе Хотина, которая доселѣ считается первою по времени одою въ исторіи нашей поэзіи. При одѣ будетъ надпись, снимокъ съ двухъ строфъ рукописи, объяснительныя замѣчанія, къ этой одѣ относящіяся, и портретъ Ломоносова, если только художникъ успеетъ оный окончить». Въ экстраординарномъ Общемъ собраніи 22 декабря 1854 года академикъ Давыдовъ читалъ «объяснительныя примѣчанія на печатаемую оду Ломоносова», и опредѣлено: «Напечатать на пергаминѣ одинъ только экземпляръ переводной оды Ломоносова, вмѣстѣ съ французскимъ текстомъ, удержавъ въ обоихъ, для полнаго воспроизведенія подлинника, правописаніе рукописи Ломоносова, а также

и всѣ приложенія, поименованныя въ первой статьѣ донесенія комиссіи. Впослѣдствіи эта ода будетъ перепечатана въ другомъ форматѣ для гг. академиковъ и профессоровъ московскаго университета». Распоряженія относительно внѣшности изданія оды Ломоносова возложены Общимъ собраніемъ на академиковъ: Якоби, Бетлинга, Куника, и Коркунова.

(Архивъ конференціи Академіи наукъ: № 105, *Protocoles de l'an 1854* и Акты экстраординарнаго Общаго Собранія 22 декабря 1854 г.).

Въ концѣ декабря 1854 года отпечатана ода Ломоносова, и 12 января 1855 года, въ день юбилея, поднесена московскому университету.

Краткія примѣчанія, приложенныя къ великолѣпному изданію первой оды Ломоносова, сообщены академикомъ Погодинымъ въ его «Воспоминанія о Ломоносовѣ».

(Извѣстія Императорской Академіи наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. 1855. Т. IV. стр. 69 — 80).

Болѣе подробныя свѣдѣнія находятся въ статьѣ академика Куника: «Нѣсколько словъ о Фенелонѣ и его одѣ 1681 года, переведенной Ломоносовымъ».

(Ученыя записки Императорской Академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. Томъ III. Выпускъ 2. 1855. стр. 256 — 264).

Самая ода издана академикомъ А. А. Куникомъ въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. 1865. Часть II. стр. 407 — 418. Къ французскому подлиннику приложены варианты по изданію оды въ *Oeuvres de Fenelon. Paris, chez Didot. Tome III-me. 1850.*

Внѣшнимъ поводомъ къ выбору оды Фенелона для перевода съ французскаго языка на русскій послужило очевидно требованіе относительно занятій языками, находящееся въ инструкціи, данной Ломоносову изъ академіи наукъ при отъѣздѣ его за границу. Но нельзя отрицать и причины внутренней: выбирая не другое какое-либо произведеніе, а именно эту оду, онъ безъ сомнѣнія руководствовался и своимъ собственнымъ чутьемъ, своимъ литературнымъ вкусомъ. Подобно Ломоносову, достоинство оды Фенелона признавали и другіе писатели восемнадцатаго столѣтія,

какъ иностранныя, такъ и русскіе. Доказательствомъ этому могутъ служить отзывы французскихъ критиковъ и неоднократное появленіе ея въ русскомъ переводѣ — сорокъ и шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ перевода Ломоносова. Прилагаемъ два перевода — стихотворный и прозаическій.

Стихотворный переводъ, 1780 года, изданъ отдѣльно, въ 4-ю д., восемь страницъ, нумерованы отъ 3-й до 8-й; на первой — заглавіе; вся ода, за исключеніемъ заглавія, напечатана курсивомъ. За сообщеніе этой библіографической рѣдкости приносимъ искреннюю благодарность автору «Матеріаловъ для библіографіи» Як. Ѳед. Березину-Ширяеву. Прозаическій переводъ помѣщенъ въ журналѣ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени», издателемъ котораго былъ Сохацкій, профессоръ философіи, эстетики и древней словесности въ московскомъ университетѣ.

(Часть XIX. 1798. стр. 412 — 416).

ОДА

ГОСПОДИНА ФЕНЕЛОНА

переведенная Августа

1780 года.

1.

О! горы въ дерзости взносящи
Верхы сѣдые къ небесамъ;
На сильныхъ раменахъ держащи
Превысренній безсмертныхъ храмъ;
5 По бедрамъ вашимъ я ступаю,

И нѣжные цвѣты срываю.
У ногъ моихъ сверкаетъ лучь
И яры грома ударяють,
Дожди съ стремленьемъ упадаютъ
10 Изъ тяжкихъ влажностію тучь.

2.

Подобны вы горамъ Оракійскимъ,
Изъ коихъ дерзкій древле родъ,
Къ мѣстамъ стремяся Олимпійскимъ,
Желалъ воздвигнуть къ небу ходъ,
15 Одну поставя надъ другою;
Надъ вашей зрю поля главою,
И рядъ несчетный новыхъ горъ,
Что верхъ степенями возвышая,
Мятежны вѣтры отражая
20 Ведуть ужасной съ ними споръ.

3.

Багряная заря руками
Когда румяной сыплетъ Свѣтъ
Надъ сими грозными горами,
Пастухъ овецъ въ луга ведетъ;
25 Въ мѣстахъ насытившіся злчныхъ,
Подъ тѣнь деревъ межъ струй прозрачныхъ,
Гдѣ слышенъ тонкій шумъ листовъ,
Отъ зноя въ полдень утомлены,
Въ едино сонмище стѣснены
30 Текутъ стада младыхъ оводовъ.

4.

Но въ грубой сей и своенравной,
Лишенной нѣжности странѣ,
Не зрю пріятности я равной
Красамъ береговъ послушныхъ мнѣ:
35 Тамъ тихи воды протекають,

И бурны вѣтры не дерзають
Малѣйшихъ волнъ наверхъ поднять;
Тамъ нѣтъ зимы, но небо ясно
Весенне время намъ прекрасно
40 Спѣшитъ по осени подать.

5.

Пустыня, въ коей обитаетъ
Покой и вѣчна тишина;
Гдѣ пѣнясь и журча раждаетъ
Веселый шумъ рѣка одна;
45 Въ которой острова зелены
Цвѣтутъ древами украшенны;
Плѣняя сердце духъ и взоръ.
Почто нѣтъ силъ, на лирѣ стройной
Чтобъ пѣснью Боговъ достойной
50 Гласить похвалъ твоихъ соборъ?

6.

Когда зефиры тихи вѣють,
Сугубятъ жизнь въ дровахъ молодыхъ,
И класы, что въ долинѣ зрѣють,
Колеблются въ волнахъ густыхъ;
55 Церера оные срываетъ
И гумна наши наполняетъ.
Самъ Вакхъ въ осенни дни идетъ,
Къ намъ украшати грозды нѣжны,
И съ горъ въ поля и доли смѣжны
60 Источники вина лѣтъъ.

7.

Я вижу на концѣ браздами
Исполненныхъ въ долу полей,
Какъ кроются луга съ горами
Въ пространствахъ синихъ отъ очей.
65 Видь оныхъ чудныя фигуры

Я чту игралищемъ природы.
Потока чистаго въ берегахъ,
Какъ въ вѣрномъ горизонтѣ зеркалѣ,
Я зрю изображенъ въ кристалѣ
70 Блестящемъ въ серебрянныхъ волнахъ.

8.

Плоды осенни созрѣваютъ
Съ благоуханьемъ купно розъ;
Верхъ винограды преклоняютъ
Подъ бременемъ созрѣлыхъ лозъ;
75 Рѣка вѣясъ въ потокахъ разныхъ
Въ срединѣ острововъ прекрасныхъ,
Любя сосѣдственны луга,
Въ семь мѣстѣ тихими водами,
Тамъ съ шумомъ быстрыми струями
80 Кропитъ зелены берега.

9.

Въ поляхъ ликуетъ испещренныхъ
Пастухъ вечернею порой;
Между свирѣлокъ вознесенныхъ
Онъ голосъ напрягаетъ свой.
85 И въ нашемъ пѣннѣ согласномъ,
О! птички, нѣжномъ и прекрасномъ,
Нѣтъ тамъ стнящихъ голосовъ;
Одни лишъ горлицы вздыхаютъ,
И нѣжну вѣрность повторяютъ
90 Межъ раздающихъ пѣснь лѣсовъ.

10.

На мягкой муравѣ питаюсь
Пріятнымъ по трудахъ я сномъ;
Въ забвеньи нѣжномъ погружаюсь
И чувствомъ купно и умомъ:
95 Симъ прелестямъ себя вручаю,

Сей сладкій Нектаръ я вкушаю
Любезный смертнымъ и Богамъ.
О! вы въ градахъ пріятства льстивы,
Подобны снамъ моимъ и лживы,
100 Возможно ли предаться вамъ.

11.

Отъ бурь свирѣлыхъ удаленный,
Что мещуть громы при дворахъ,
Покой вкушаю возделенный
Въ тѣхъ безмятежныхъ я мѣстахъ:
105 Въ шхъ только жить я начинаю;
Одинъ безъ книги постигаю
Глубоку истинну умомъ,
И древнихъ лѣтъ дѣла мнувши,
Любезны книги я разгнувши
110 Вперяю въ мысль свою потомъ.

12.

Я зрю въ спокойствѣ преглубокомъ
Улисса мудраго въ волнахъ,
Гонима древле злобнымъ рокомъ,
И осторожна при брегахъ;
115 Онъ наглы вѣтры побѣждаетъ;
Надменны волны презираетъ,
Свое отечество любя.
О! коль въ моихъ кустахъ прохлада,
Спокойства, тѣнь, въ трудахъ отрада
120 Пріятнѣй кажутъ мнѣ себя.

13.

Священны музы услаждаютъ
Отъ шума удаленный слухъ;
Оружій звуки не дерзаютъ
Тревожить мой веселой духъ.
125 Доволенъ будучи собою,

Не льщусь я честію другою,
Какъ пѣть невѣнчѣннѣйшій покой.
Прочь щастія блескъ принужденный;
Прочь знатныхъ милости премѣнны;
130 Я чту на свѣтѣ все мечтой.

14.

Въ какой странѣ ни обрѣтаюсь,
Не зрю подобной красоты,
Симъ мѣстомъ только услаждаюсь,
Презрѣвъ градскія суеты:
135 Тамъ жизнь мою увѣнчавая,
Благой судьбою управляя,
Мнѣ красны Парка дни слететъ;
Тамъ прахъ почтѣтъ мой тѣлесный,
И Тирсъ надъ гробомъ токи слезны
140 Въ знакъ нѣжнѣйшій дружбы пролѣтъ.

ФЕНЕЛОНОВА ОДА,

ВЪ МОЛОДЫЯ ЛѢТА НМѢ СОЧИНЕННАЯ.

1.

«Горы, покрытое вѣчнымъ льдомъ чело свое, сію подпору
жилища боговъ, дерзновенно до небесъ возносящія! подъ вашими
сѣдыми главами я превыше облакъ срываю весенніе цвѣты; у
ногъ моихъ слышу негодующіе на землю грома, и тысящами
подающіе потоки.»

2.

«Верхи ваши, подобящіеся горамъ Оракійскимъ, руками дерзкаго исполна для восхожденія къ небесамъ на шныя горы взгроможденнымъ, суть равнины, носящія на себѣ новыя горы, и при постепенномъ возвышеніи гордыми главами поругающіяся всѣмъ сопротивнымъ обуревающимъ вѣтровъ.»

3.

«Едва токмо румяная заря позлатитъ всѣ сѣи горы лучезарными огнями, и кроткіе блеющіе агнцы разсѣются по пажитямъ, какъ уже тѣшстыя вдоль потоковъ пасажденныя, и зефирами зыблемыя рощи приглашаютъ стада и пастырей наслаждаться сномъ на берегахъ шумящихъ водъ.»

4.

«Но въ сей грубой, противоположной и дикой странѣ, ничто предъ глаза мои не представляетъ береговъ орошаемыхъ моею рѣкою, рѣкою, гдѣ вѣтръ малѣйшихъ волнъ поднять не дерзаетъ, гдѣ не терпящее зимы ясное небо даруетъ весну во слѣдъ за осенью.»

5.

«Пусться, гдѣ рѣка внушаетъ слуху токмо единый шумъ чистой, падающей, пѣнящейся, и убѣгающей воды, гдѣ два щастливые острова, зелеными вѣтвіями увѣчанные, производятъ для прелести глазъ все, чего сердце желаетъ; почто не могу на лрѣ моей воспѣть тебя божественною пѣснью?»

6.

«Тихое дыханіе зефира, озеленяющее вновь наши кустарники, на хребтахъ равнины струитъ желтыя жатвы, конны Церера обогащаетъ наши жатвицы. Во дни осеннихъ собираній самъ Вакхъ багрянитъ виноградныя кисти, и съ покатистыхъ холмовъ проливаетъ на окрестныя поля виноточныя рѣки.»

7.

«У предѣла полей, покрытыхъ позлащенными бродами, зрю бѣгущія горы и долины въ пространствѣ лазоревыхъ отдаленностей, коихъ чудный видъ есть игра природы. Горизонтъ обновляется на брегахъ потока, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, и живописуется въ сихъ струяхъ кристалловидныхъ.»

8.

«Фуnio съ осенними плодами цвѣтутъ благоуханія весны, и виноградная лоза увѣчивается тысящами висящихъ гроздій. Сія лугамъ благотворная, и разными по цвѣтущимъ островамъ протоками украшающая ихъ рѣка оmyваетъ ковры ихъ идѣ сянцами, идѣ быстрыми и шумными водами.»

9.

«По фѣлкамъ скачущій пастырь смѣшиваетъ гласъ свой со звукомъ свирѣлей и роговъ. Птички! ваше прелестное пѣаніе въ роцѣ сей изгоняетъ всѣ томныя изъ сердець заботы. Нѣжныя, жалобныя, вѣрныя горлицы и голубицы! вы единныя токмо въ ней стонете.»

10.

«Мягкая, разцвѣтшая трава посвящаетъ мнѣ дерновыя одры. Сладкое размышленіе объемлетъ умъ мой и чувства. Симъ предаюсь я прелестямъ, симъ упоеваюсь нектаромъ, и самыя боги тому завидуютъ. Моимъ мечтамъ подобны вы, льстивыя обманы. Обольщенія ваши равны, но не столь пріятны.»

11.

«При висящихъ черныхъ, разительныхъ тучахъ, во всѣ времена подъ сими лѣствіями я обрѣтаю убѣжище. Здѣсь для начатія прямой жизни, я одинъ и безъ книги почернаю истину. За симъ баснь купно съ исторією начертываютъ въ памяти моеи безпри- творную древность.»

*

12.

«Зрю мудраго изъ Грековъ, игралище гнѣвнаго рока, въ кораблекрушеніи спокойнаго, въ пристанищѣ осторожнаго; побѣдителя свирѣпствующихъ вѣтровъ, непрестанно съ волнами борющагося.»

13.

«Удаленный отъ всѣхъ возмущеній, вкушаю щастливую Музу свободу. Ничто спокойства и удовольствія моего не подвергаетъ звуку оружіи. Сердце мое, довольное своею лирою, не бьется побужденіемъ ни къ чему другому, кромѣ токмо воспѣвать небесный даръ пѣснопѣнія. Прочь, лживая фортуна, и ты, обременительное покровительство! Весь свѣтъ для меня ничто.»

14.

«Подъ какимъ бы я небомъ ни скитался; но уголь сей щастливой, смѣющейся предъ очами моими земли паче всѣхъ пныхъ мѣсть мнѣ любезенъ. Здѣсь во увѣчаніе моей жизни благопріятнѣйшая кончина прекратитъ дражайшіе дни мои. Здѣсь почіетъ прахъ мой. Сюда придетъ мой Тиренсъ пролить дружеству должныя слезы.»

Г. Щ.

II.

ТЕКСТЪ.

С. I. — Собрание разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова. Книга первая. 1751. Оды похвальныя. Ода 10. стр. 157 — 171. Строфы обозначены цифрами.

ВАРИАНТЫ.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочиненій Ломоносова, 1751 года. Вся ода писана Ломоносовымъ собственноручно. Заглавіе, также собственноручно: «Ода 10, Блаженныя памяти Государыни Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ на побѣду надъ Турками и Татарами и на взятіе Хотина 1739 года». Строфы обозначены цифрами.

С. II. — Собрание разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. . . Михайла Ломоносова. Книга первая. 1757. Оды похвальныя. Ода 12. стр. 142 — 153. Строфы обозначены цифрами.

Рит. I. — Рукописная Риторика Ломоносова. 1744.

Рит. II. — Рукописная, собственноручная, Риторика Ломоносова. 1746 — 1747.

Рит. III. — Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 году.

Рит. IV. — Риторика, помѣщенная во второй книгѣ Собранія сочиненій Ломоносова, вышедшей въ 1759 году.

Ст. 6 — 7. Что межъ травой въ лугу журчить
И въ низъ съ холмовъ шума стремится. (Рит. II
и III. § 163).

Что межъ травой въ лугу журчить
И съ холмовъ въ низъ шума стремится. (Рит. IV.
§ 163).

Ст. 7. И съ шумомъ въ низъ съ холмовъ стремится, (Р.)

Ст. 10. Далече дымъ въ поляхъ мутится. (Р.)

Ст. 33 — 35. Въ сердцахъ кипить волнуясь кровь;
Растеть отъ грозна бодрость звуку.
Не левъ ли алчущихъ волковъ (Р.)

Ст. 53 — 56. За Тигръ своихъ, Стамбуль, заграбъ.
Что камни со береговъ смываетъ.
Претить не могутъ огонь, вода,
Орлица какъ парить туда. (Рит. I. § 53)

Ст. 60. Достунять тамъ полкъ орлины. (С. П.)

Ст. 62. Пускай бурливы вихри стонуть, (Рит. I. § 105)

Ст. 63. И мрачной дымъ покроетъ свѣтъ (Р.)

Ст. 66. Васъ рокъ желаетъ самъ покрытъ. (Рит. I. § 105.)

Ст. 68 — 70. Уже какъ рощу въ зной зажженну
Терзаетъ огонь турецкй станъ.
Теперь о гордый Бусорманъ
Излей свой гнѣвъ, тревожь вселенну! (Р.)

(Въ Р. въ седьмой строкѣ *одиннадцать* стиховъ, вмѣсто обычныхъ десяти).

Ст. 76. На блѣдный трупъ въ Срацинскй полкъ. (Р.)

Ст. 93 — 97. Въ Иранскихъ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли Персы низложенны?
Онъ такъ взиралъ къ врагамъ лицомъ,
Онъ такъ бросалъ за Бельтъ свой громъ,
Онъ сильну такъ возносилъ десницу, (Рит. II,

III и IV. § 68. Последніе три стиха (95 — 97) повторены въ томъ же видѣ: Рит. II, III и IV. § 203).

Ст. 94. Не симъ ли пали низложенны? (Р.)

Ст. 96. Какъ къ Готскимъ приплывалъ брегамъ, (С. П.)

- Ст. 118. Покрывъ его побѣдой сей. (Р.)
- Ст. 123. Не смѣя въ бой вступить ужъ вновь, (Р.)
- Ст. 142 — 150. Отзывкой плеску шумъ прибавиль,
Сердясь волнами Турка льетъ,
Что смѣлость, нравъ, шатеръ оставиль.
Агарянъ ноги въ выстрѣль всякъ
Дрожатъ, себѣ являя знакъ,
Въ послѣдни что бѣжа ступаютъ.
Земля не хочетъ ихъ носить,
Отъ насъ не знали что покрыть,
Верхи свои древа качаютъ. (Рит. I. § 54.)
- Ст. 143 — 144. Сердитъ волнами Турка льетъ.
Что смѣлость, кровь, шатры оставиль.
(Рит. I. § 79.)
- Ст. 149 — 150. Не хочетъ, что не могъ закрыть.
Скрываетъ мракъ и страхъ дорогу. (Р.)
- Ст. 157. Янычаръ твой свирѣпо злился, (Р., С. П.)
- Ст. 171. Уже златой денницы переть (Рит. I. § 112.)
- Ст. 173. Съ востока скачетъ по стѣ вереть, (Рит. I. § 112.)
- Ст. 176 — 177. Онъ пламеннымъ встряхнувъ верхомъ
Преславному видя вещь дивится. (Рит. I.
§ 112.)
- Ст. 215 — 219. Еще упрямство бореть страсть?
Не хочешь ницъ предъ Анной пасть?
Не хочешь съ нами въ миръ склониться?
Стамбуль, Кюпръ, Аленъ, згорить, (Рит. I.
§ 100.)
- Ст. 268. Мѣстамъ гдѣ нынѣ спокойно спить. (Р.)
- Ст. 277 — 278. Въ С. I. опечатки: *громной* вмѣсто *громкой*; *силъ* вмѣсто *силъ*. Опечатки эти исправлены въ С. II.

ВЪ ОТНОШЕНІИ ПРАВОПИСАНІЯ:

- Ст. 82. Хладнѣютъ жилы *серце* ноеть? (Р.)
Хладнѣютъ жилы, *сердце* ноеть! (С. I. и II.)

- Ст. 200. Извергли духъ *сердца* кичливы. (Р.)
 Извергли духъ *серца* кичливы. (С. I. и II.)
- Ст. 138. Летаеть слава въ *тьмъ* ночной, (Р.)
 Летаеть слава въ *тьмъ* ночной, (С. I. и II.)
- Ст. 254. Съ *пиеницей* гдѣ покой насѣянъ. (Р.)
 Съ *пиеницой* гдѣ покой насѣянъ. (С. I. и II.)
- Ст. 202. Что иго лютое *сбросили*, (Р.)
 Что иго лютое *збросили*, (С. I. и II.)
- Ст. 1. Восторгъ *вnezанной* умъ плѣнилъ, (Рит. II. § 163.)
 Восторгъ *вnezанный* умъ плѣнилъ, (Р., Рит. III.
 § 163., С. I. и II.)

Въ *P.* самъ Ломоносовъ въ словѣ *вnezанной* передѣлалъ *о* въ *ы*; въ Рит. III. Ломоносовъ, въ корректурныхъ листахъ, въ словѣ *вnezанной* зачеркнулъ *о* и поставилъ на поляхъ *ы*.

- Ст. 26. Въ пучинѣ слѣдъ его горить: (Р.)
 Въ пучинѣ слѣдъ его горить; (С. I. и II.)
- Ст. 84 — 86. Пустыня, лѣсъ и воздухъ воеть!
 Въ пещеру скрытъ свирѣпство звѣрь;
 Небесная отверзлася дверь; (С. I. и II.)

Тѣ же знаки были и въ собственноручной рукописи Ломоносова, но онъ замѣнилъ восклицательный знакъ точкой, и точки съ занятыми передѣлалъ въ занятыя: *воетъ*. — *звѣрь*, — *дверь*. (Р.)

Ода на взятіе крѣпости Хотина написана подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, и прислана Ломоносовымъ изъ Фрейберга въ Петербургъ въ концѣ 1739 или въ началѣ 1740 года. Хотинъ взятъ русскими войсками 19 августа 1739 года, и въ первыхъ числахъ сентября 1739 года въ петербургскихъ газетахъ, русской и нѣмецкой, появилось подробное описаніе взятія крѣпости. Оно препровождено было саксонскому правительству дипломатичес-

кимъ путемъ; оно же послужило источникомъ и для иностранныхъ газетъ. Изъ нихъ-то, по всей вѣроятности, Ломоносовъ и узналъ о подвигѣ русскихъ войскъ, имѣвшемъ рѣшительное вліяніе на исходъ нашей войны съ Турціею. Въ счетѣ за чтеніе газетъ и журналовъ значится на Ломоносовѣ долгъ за чтеніе *Hallsche Zeitung* въ теченіе трехъ четвертей года, съ Иванова дня 1739 года до Святой 1740 года.

(Сборникъ матеріаловъ для исторіи академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ; издалъ А. Кунинъ. 1865. Ч. I. стр. XXVIII, XXXVIII и 175).

Послѣдовавшій за взятіемъ Хотина Бѣлградскій миръ заключенъ $\frac{7}{18}$ сентября, а размѣномъ ратификацій утвержденъ $\frac{17}{28}$ декабря 1739 года. Ломоносовъ писалъ свою оду до появленія извѣстій о заключеніи мира, какъ видно изъ содержанія оды вообще и особенно изъ словъ, обращенныхъ къ Портѣ (ст. 215 — 216):

Еще высокихъ мыслей страсть
Претить тебѣ предъ Анной пасть?

Ода на взятіе Хотина весьма долго считалась первою по времени одою Ломоносова, и не возникало сомнѣнія въ томъ, что она была напечатана вскорѣ по полученіи ея въ Петербургѣ. Въ словарь Новикова, вышедшемъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Ломоносова, упоминается объ одѣ его въ самыхъ общихъ чертахъ: «Въ Марбургѣ пробылъ онъ четыре года; потомъ поѣхалъ въ Саксонію, наконецъ возвратился въ С. Петербургъ въ 1741 году. Около сего времени оказалъ онъ первые опыты столь гремѣвшаго не только въ Россіи, но и въ чужестранныхъ областяхъ, лирическаго стихотворства, сочинивъ *торжественную оду* и нѣсколько потомъ другихъ.»

(Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 62).

Болѣе опредѣленныя указанія находимъ у Штелина. Въ архивѣ конференціи академіи наукъ сохранилась рукопись, на французскомъ языкѣ, заключающая въ себѣ свѣдѣнія о жизни академика Штелина, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ; подъ 1783 годомъ замѣчено: S. A. madame la princesse

de Dachkoff ayant resolu de faire imprimer une nouvelle édition complete des oeuvres de Lomonosoff, il lui fournit quelques feuilles d'anecdotes sur la vie de ce celebre savant qu'il avoit recueilli de ses papiers. Штелинь говоритъ, что Ломоносовъ во время пребыванія своего въ Марбургѣ сталъ сочинять русскіе стихи новымъ размѣромъ, и первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ, въ 1739 году, была торжественная ода на взятіе Хотина (Штелинь по ошибкѣ написалъ *Очакова*): «она была напечатана при академіи, поднесена императрицѣ Аннѣ, роздана при дворѣ, и всѣ читали ее, удивляясь новому размѣру».

(Москвитянинъ. 1850. Ч. I. Отдѣлъ III. стр. 4).

Матеріалами Штелина воспользовался составитель біографіи Ломоносова, помѣщенной при академическомъ изданіи его сочиненій. Въ этомъ очеркѣ сказано, что Ломоносовъ, будучи студентомъ марбургскаго университета, началъ писать стихи новымъ размѣромъ, и «первый примѣръ такихъ размѣровъ въ русскихъ стихахъ оказалъ въ 1739 году торжественною одою на побѣду, одержанную російскими императорскими войсками надъ татарами и турками, или на завоеваніе крѣпости Хотина. Сію оду прислалъ онъ изъ Марбурга къ тогдашнему санктпетербургской академіи наукъ президенту г. Корфу. Каммергеръ Корфъ напечаталъ ее. Подалъ въ торжественный день императрицѣ Аннѣ. Разнесена была ко всѣмъ придворнымъ; каждый читалъ ее со удивленіемъ.»

(Полное собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова. 1784. Часть I. стр. VII—IX).

Съ тѣхъ поръ и до позднѣйшаго времени свидѣтельство Штелина и академическаго біографа Ломоносова принималось на вѣру, и много разъ было повторяемо съ различными дополненіями и видоизмѣненіями въ томъ или другомъ родѣ. Одни описывали яркими красками впечатлѣніе, произведенное одою рыбака на высшее петербургское общество; другіе высказывали свои предположенія о томъ, въ какомъ количествѣ экземпляровъ отпечатана ода, и кто держалъ корректуру, и т. п.

Но самыя тщательныя разысканія приводятъ къ заключенію, что ода на взятіе Хотина была прислана изъ Фрейберга, а не изъ Марбурга, и не была напечатана ни въ 1739 или 1740 году, ни внослѣдствіи до 1751 года.

Ломоносовъ, по его собственнымъ словамъ, послалъ въ академію оду свою вмѣстѣ съ «письмомъ» или «разсужденіемъ о нашей верификаціи», а Тредьяковскій говоритъ по этому поводу: «Будучи въ *Фрейбертъ*, студентъ Михайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ, что нынѣ адъюнктомъ при академіи, прислалъ *оттуда* въ академію наукъ письмо, которымъ онъ опровергалъ правила, положенныя отъ меня, а свои вмѣсто тѣхъ представилъ».

(Исторія Императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарекаго. 1873. Т. II. стр. 83).

Что Ломоносовъ находился въ это время, т. е. въ концѣ 1739 и въ началѣ 1740 года, во Фрейбергѣ, видно изъ переписки Генкеля съ президентомъ академіи наукъ барономъ Корфомъ. Генкель пишетъ изъ *Фрейберга* о Ломоносовѣ и двухъ его товарищахъ, 30 іюля (10 августа) 1739 года: «Русскіе студенты: Рейзеръ, Ломоносовъ и Виноградовъ, прибыли сюда нѣсколько дней тому назадъ (vor etlichen Tagen); 13 (24) декабря 1739 года — «за обученіе трехъ, находящихся здѣсь, русскихъ студентовъ (allhier in meiner Institution sich befindenden Hrn. Ruszen)»; и т. д. Изъ писемъ Генкеля видно, что Ломоносовъ былъ въ Фрейбергѣ въ маѣ и въ іюнѣ 1740 года.

(Сборникъ матеріаловъ для исторіи академіи наукъ; изд. А. Куникъ. 1865. Ч. I. стр. 160, 166, 172 — 173).

Отдѣльнаго изданія (editio princeps) оды на взятіе Хотина нѣтъ ни въ академической, ни въ публичной, ни въ эрмитажной библіотекѣ, ни въ библіотекѣ московскаго университета, ни въ библіотекѣ бывшаго шляхетнаго корпуса, ни въ Румянцовскомъ музеѣ, ни въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и др. Ни на страницахъ тогдашнихъ повременныхъ изданій, ни въ архивѣ конференціи академіи наукъ, ни въ архивѣ академической канцеляріи, ни въ дѣлахъ типографіи академіи не

встрѣчается ни малѣйшихъ указаній на оду Ломоносова, хотя есть точныя данныя о печатаніи двухъ другихъ одъ (русской — Витынскаго и нѣмецкой — Махницкаго), написанныхъ въ то же время и также на взятіе Хотина. Вирши Витынскаго въ такомъ родѣ:

Чрезвычайная летитъ — что то за премѣна!
Слава носящая вѣтвь финіка зелена;
Порфирию блещетъ вся, блещетъ вся отъ злата,
Отъ конца міра въ конецъ мечется крылата.
Востокъ, Западъ, Сѣверъ, Югъ, брѣги съ Океаномъ,
Новую слушайте вѣсть, что надъ мусульманомъ
Подную Россійскій мечъ, коль храбрый, толь славный,
Вікторію получилъ, и авантажъ главный. . .
По побѣдѣ и Хотинъ городъ взятъ толь славный,
Коль стѣнами огражденъ крѣпкими, коль давный. . .

Страннымъ можетъ показаться, что академическая канцелярія, по опредѣленію которой печатались подобныя вирши, оставила совершенно безъ вниманія превосходное по своему времени произведеніе Ломоносова. Не кроется ли причина этому въ литературной враждѣ, въ оскорбленномъ авторскомъ самолюбіи? Письмо Ломоносова о русскомъ стихосложеніи направлено противъ Тредьяковскаго и послано, вмѣстѣ съ одой, въ Академію наукъ на судъ образовавшагося въ средѣ академій «Россійскаго Собранія», дѣятельнѣйшимъ членомъ котораго былъ Тредьяковский. Ода служила нагляднымъ и въ высшей степени краснорѣчивымъ подтвержденіемъ справедливости мыслей, высказанныхъ Ломоносовымъ въ письмѣ, опровергающемъ мнѣніе Тредьяковскаго. Авторъ «Новаго и краткаго способа къ сложенію руссійскихъ стиховъ» написалъ возраженіе также въ формѣ письма и отдалъ его въ академическую канцелярію для отправки въ Фрейбергъ. Письмо Ломоносова обращено къ членамъ Россійскаго Собранія, вслѣдствіе чего и отвѣтъ Тредьяковскаго написанъ отъ имени Россійскаго Собранія. Но отвѣтное письмо Тредьяковскаго,

наполненное «учеными спорами», не было отправлено по назначенію, чтобы «на платежъ за почту денегъ напрасно не терять». При такомъ положеніи дѣла Тредьяковскій едва ли особенно желалъ появленія въ печати какъ письма Ломоносова, такъ и его оды. Но не желать не значить еще открыто противодѣйствовать, и остается неизвѣстнымъ, почему такъ не посчастливилось произведенію Ломоносова, которое, казалось, должно было бы встрѣтить большое сочувствіе.

На основаніи всѣхъ данныхъ, которыя удалось добыть до настоящаго времени, оказывается, что ода на взятіе Хотина пролежала въ рукописи около двѣнадцати лѣтъ и впервые напечатана въ 1751 году самимъ авторомъ въ Собраніи его сочиненій.

Въ вышедшемъ въ 1751 году «Собраніи разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова» ода на взятіе Хотина помѣщена десятою, т. е. послѣднею. Полагаютъ, что это сдѣлано «вѣроятно не безъ умысла».

(Сборникъ матеріаловъ для исторіи академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. 1865. Ч. I. стр. XXXII).

Причина такого размѣщенія заключается въ слѣдующемъ: изъ десяти похвальныхъ одъ, находящихся въ Собраніи сочиненій Ломоносова 1751 года, первыя шесть одъ относятся къ *царствующей* государынѣ; три слѣдующія — къ *наслѣднику престола*, а послѣдняя — къ *покойной* государынѣ. Въ первомъ и во второмъ отдѣлѣ оды расположены въ хронологическомъ порядкѣ:

Ода первая — На прибытіе Императрицы Елисаветы Петровны, послѣ коронаціи, изъ Москвы въ Петербургъ въ 1742 году.

Ода вторая — На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, 1746 года (25 ноября).

Ода третья — На день рожденія Императрицы Елисаветы Петровны, 1746 года (18 декабря).

Ода четвертая — На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года.

Ода пятая — На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, 1748 года.

Ода шестая — Благодарственная Ея Величеству за милость, оказанную автору 27 августа 1750 года.

Ода седьмая — На прибытіе изъ Голштиніи Великаго Князя Петра Федоровича, 10 февраля 1742 года.

Ода восьмая — На день тезоименитства Великаго Князя Петра Федоровича, 1743 года.

Ода девятая — На день бракосочетанія Великаго Князя Петра Федоровича, 1745 года.

Ода десятая — Блаженныя памяти Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ на взятіе Хотина.

Въ изданіи 1751 года ода на взятіе Хотина печаталась съ собственноручнаго подлинника Ломоносова — съ рукописи, хранящейся въ первомъ отдѣленіи бібліотеки академіи наукъ. На рукописи помѣтка: «Рукописные труды Ломоносова № 2»; внизу, стариннымъ почеркомъ: «Изъ типографіи 1756 декабря 3». Любопытно, что изъ всѣхъ похвальныхъ одъ, находящихся въ рукописи, только одна ода на взятіе Хотина писана *собственноручно* Ломоносовымъ; всѣ же остальные оды списаны рукою шеста съ *печатныхъ* экземпляровъ, въ чемъ легко убѣдиться при сравненіи рукописнаго текста съ первымъ изданіемъ (editio princeps). Не заключается ли здѣсь поваго указанія на то, что ода на взятіе Хотина въ первый разъ напечатана только въ 1751 году. По крайіней мѣрѣ, тѣ мѣста въ похвальныхъ одахъ, которыя впервые напечатаны въ изданіи 1751 года, въ рукописи собственноручно написаны Ломоносовымъ. Такъ напримѣръ: въ третьей одѣ прибавлено Ломоносовымъ собственноручно двѣ строфы — четвертая и пятая, вслѣдствіе чего въ изданіи 1751 года третья ода состоитъ изъ семнадцати строфъ, а въ первомъ изданіи (editio princeps) ихъ было только пятнадцать. Въ рукописи седьмая строфа оды на взятіе Хотина состоитъ изъ одиннадцати стиховъ вмѣсто десяти, что едва ли бы осталось въ такомъ видѣ въ печатномъ изданіи, если бы оно существовало до 1751 года.

Нѣтъ сомнѣнія, что рукопись оды на взятіе Хотина, хотя и собственноручная, но не та самая, которую Ломоносовъ прислалъ

изъ Фрейберга. Самое заглавіе: «*Ода 10, Блаженныя памяти Государынѣ*» и т. д. показываетъ, что она предназначалась для издаваемаго собранія сочиненій. Въ рукописи своей Ломоносовъ сдѣлалъ нѣсколько измѣненій.

Было написано:

Измѣнено Ломоносовымъ:

Ст. 10:	Тамъ дымъ и прахъ
въ поляхъ мутится.	Далече дымъ въ по-
ляхъ мутится.
Ст. 36:	Что кажутъ съ нѣной
ядъ зубовъ	Что кажутъ острыхъ
ядъ зубовъ
Ст. 93 — 94:	Въ Иранскихъ жак-
дущихъ степяхъ.
Не симъ ли Персы
низложены?	И Персы въ жажду-
щихъ степяхъ
Не симъ ли пали низ-
ложены?
Ст. 134:	И своего боится слѣ-
да.	Боиится собственнаго
слѣда.
Ст. 146:	И мнить что онъ уже
теперь	И чаеть что уже те-
перь
Ст. 176:	Онъ пламеннымъ трях-
нувъ верхомъ;	Онъ пламеннымъ по-
трясь верхомъ,
<small>(Въ рукописи описка: «верхо-
момъ»).</small>
Ст. 205:	И что свирѣны руки
тѣ,	И варварскія руки тѣ,
Ст. 228:	Перо златое правда
взявъ	И правда взявъ перо
злато́,

Ст. 1 — 10. Восторгъ везапный умъ плѣнилъ,
Ведеть на верьхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣтъ забыть;
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключъ молчить,
Которой завсегда журчить

И съ шумомъ въ низъ съ холмовъ стремится.
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во все концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Державинъ приводитъ всю эту строфу какъ превосходный образецъ такъ называемаго лирическаго безпорядка: *«Безпорядокъ лирическій»* значитъ то, что восторженный разумъ не успѣваетъ чрезмѣрно быстротекущихъ мыслей расположить логически. Потому ода плана не терпитъ. Но безпорядокъ сей есть высокій безпорядокъ, или безпорядокъ правильный. Между періодовъ, или строфъ, находится тайная связь, какъ между видимыхъ, прерывистыхъ колѣнъ перуна неудобозримая нить горючей матеріи. Лирикъ въ пространномъ кругу своего свѣтлаго воображенія видитъ вдругъ тысячи мѣстъ, отъ которыхъ, чрезъ которыя и при которыхъ достигъ ему предмета, имъ преслѣдуемаго; но ихъ нарочно пропускаетъ или, такъ сказать, совмѣщаетъ въ одну совокушность, чтобъ скорѣе до него долетѣть. При всемъ томъ, если не предводитъ его разумъ, то хотя препроводять долженъ. Иначе сей мнимый безпорядокъ будетъ въ самомъ дѣлѣ безпорядокъ, горячка, бредъ. Вотъ примѣръ лирическаго безпорядка, въ которомъ поэтъ, какъ изступленный, мечется отъ одной мысли къ другой, кажется безъ всякой связи, но сколько тутъ ума и сколько красота! Восторгъ внезапный умъ плѣшилъ» и т. д.

(Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1872. Т. VII. стр. 539—540).

«Собранныя въ слѣдующей строфѣ мысли не имѣютъ, кажется, никакой между собою связи, но все клонятся къ одной цѣли и заключаютъ много прекрасныхъ изображеній. Восторгъ внезапный умъ плѣшилъ» и т. д.

(Словарь древней и новой поэзіи, составленный Школаемъ Остолоновымъ. 1821. Ч. II. стр. 241—242).

«Ломоносовъ позналъ, что для стихотвореній важныхъ и описующихъ дѣла героевъ, ямбы суть приличнѣйшій родъ стопосложенія, и первый тому опытъ показалъ (въ 1739 году) торже-

ственною одою на побѣду, одержанную росіійскими войсками надъ татарами и турками, или на завоеваніе крѣпости Хотина. Онь послалъ сію оду изъ Марбурга въ С.-Петербургъ къ тогдашнему академіи наукъ президенту. Сія ода была напечатана, и въ торжественный день представлена блаженныя памяти Императрицѣ Ангѣ. Всѣ читали ее съ восторгомъ. Да и кто не вознесется духомъ, кто не воспылаетъ подобнымъ ему жаромъ, кто не удивится быстрому полету мыслей, читая въ сей одѣ: Восторгъ внезапно (sic) умъ плѣнилъ» и т. д., до конца строфы.

(Слово похвальное Михайлу Васильевичу Ломоносову, читанное въ Императорской Росіійской Академіи въ годовомъ торжественномъ ея собраніи 1805 года членомъ оныя Васильемъ Севергинымъ. 1805. стр. 11—13).

Сумароковъ раздѣляетъ всѣ строфы въ одахъ Ломоносова на семь разрядовъ, которымъ даетъ такія названія: «строфы прекраснѣйшія; строфы прекрасныя; строфы весьма хорошія; строфы хорошія; строфы изрядныя; строфы, по моему мнѣнію, требующія большова исправленія; строфы, о которыхъ я ни чего не говорю».

(Полное собраніе всѣхъ сочиненій А. П. Сумарокова. 1787. Часть X. стр. 91—92).

Первую строфу въ одѣ на взятіе Хотина Сумароковъ относитъ къ числу «весьма хорошихъ».

Ст. 1 — 7. Первые семь стиховъ въ первой строфѣ оды на взятіе Хотина самъ Ломоносовъ приводитъ, въ своей Риторикѣ, въ примѣръ *умягченныхъ вымысловъ*: «Умягчаются вымыслы и въ косвенные обращаются тремя способами: *условіемъ, сомнительно значащими словами и фигурами*. Сіи способы какъ у ораторовъ, такъ и у стихотворцевъ употребительны. Примѣры умягченныхъ вымысловъ фигурами; мечтаніемъ:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ. . . .

И въ низъ съ холмовъ шума стремятся. (Рит. II, III и IV. § 163).

Ст. 3: Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣтъ забыль,

Ода торжественная о здачѣ города Гданска, сочиненная чрезъ
Василія Тредіаковскаго. 1734. ст. 9:

Бурливые вѣтры! молчите. . .

Буало: Ode sur la prise de Namur, ст. 9:

Et vous, Vents, faites silence. . .

Ст 5. Внимая нѣчто ключь молчитьъ.

«Избранное Ломоносовымъ слово (*Ключь*) осталось, кажется, навсегда для этого представленія безъ соперника. Всякіи скажетъ конечно: *Ключь Кастальскій*, а не *ручей*. Ключь молчитьъ — показываетъ поэтическое, оживленное возрѣніе на явленіе природы, безъ насилія воображенію. Послѣ этого чувствуешь, какъ легко могло явиться выраженіе *говорѣ ручья*.»

(Записки Академіи наукъ. 1863. Т. III. Книжка I. *Биларскаго*: Об-разчикъ филологическаго разбора языка новѣйшихъ писателей. стр. 125—137).

Ст. 11 — 14: Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ Музыку!
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку посѣбно къ оныхъ лику.

Ломоносовъ приводитъ эти четыре стиха въ примѣръ «вымысла, умягченнаго фигурою вопрошенія». (Рит. II, III и IV, § 163). Су-мароковъ называетъ эту строфу «весьма хорошею».

Тредьяковскаго Ода о здачѣ Гданска, ст. 3—6:

Чистое Парнасса убранство,
Музы! не васъ ли вижу нынѣ?
И звонъ вашихъ струнъ сладкогласныхъ,
И силу ликовъ слышу красныхъ. . . .

Буало: Ode sur la prise de Namur. ст. 3, 4:

Chastes Nymphes du Permesse
N'est-ce pas vous que je voy?

Ст. 31 — 33: Крѣпитъ отечества любовь
Сыновъ россійскихъ духъ и руку;
Желаетъ всякъ пролить всю кровь. . .

Тредьяковскаго, Ода о здачѣ Гданска. ст. 55, 57:

Готовъ и кровь пролити смѣло,
Щастіемъ Анны всѣ крѣплятся. . . .

Четвертая строфа требуетъ, по мнѣнію Сумарокова, большаго исправленія.

Ст. 41—44, 46—47: Не мѣдь ли въ чревѣ Етны ржетъ,
И съ сѣрою князя, клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ
И челюсти разинуть хочетъ?
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металъ и пламень въ долъ бро-
саетъ. . .

Буало: Ode sur la prise de Namur. ст. 28 — 30; ст. 97 — 100:

Et par cent bouches horribles
L'airain sur ces monts terribles
Vômit le fer et la mort. . . .
Et les bombes dans les airs
Allant chercher la tonnerre,
Semblent, tombant sur la Terre,
Vouloir s'ouvrir les Enfers.

Первые четыре стиха (41 — 44) Державинъ приводитъ въ прямѣмъ *новости*: «Новость, или необыкновенность чувствъ и выраженій, заключается въ томъ, что когда поэтъ неслыханными прежде на его языкѣ изреченіями, подобіями, чувствами или картинными поражаетъ и восхищаетъ слушателей, пзлагая мысли свои въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, такъ, чтобы онѣ по сходству съ употребительными, пзвѣстными картинами, или самою природою, по тѣмъ или другимъ качествамъ, не взирая на свою новостъ, тотчасъ ясны становились и плѣняли разумъ. Витійственныя сѣти сіи не потому нравятся знатокамъ, что онѣ остро выдуманы; но что ласкають ихъ самолюбію, когда настоящій опыхъ разумъ скорѣе, чѣмъ простой народъ, понимаютъ. Напри-

мѣръ: они гордятся тѣмъ, что въ стрѣлахъ Пиндара слышатъ поразительные звуки арфы, сердца ихъ услаждающіе; а въ стрѣлахъ Гомера видятъ лучи Аполлона, или солища, смертельную язву Грекамъ наносящія, чего другіе не видятъ и не слышатъ. Вотъ примѣры новыхъ чувствъ и выраженій: Не мѣдь ли въ чревѣ Этны ржеть. . . . И челюсти разинуть хочеть?».

(Сочиненія Державина. 1872. Т. VII. стр. 547—548).

Ст. 45: То родъ отверженной рабы,

Гюитеръ въ одѣ на миръ съ Портою, 1718 г. ст. 262:

Du böses Ismaels - Geschlechte!

Ст. 48: Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ,

Ода Ломоносова, 1741 года: «Первые Трофей Императора Иоанна III». ст. 112:

Къ трудамъ избранной нашъ народъ,

Пятую строфу Сумароковъ относитъ къ «строфамъ прекраснѣйшимъ».

Въ похвальному словѣ Ломоносову Севергинъ приводитъ эту строфу вслѣдъ за первой какъ равную ей по поэтическому достоинству.

Ст. 51 — 56. Рукописная Риторика Ломоносова, 1744 года, § 53: «Черезъ намѣреніе идею довольно можно распространить, если представлено будетъ, что оно возможно и удобно или невозможно и неудобно; помѣть препятствія или вспоможенія, что можно взять изъ свойствъ мѣста, времени и признаковъ самой вещи, на которую намѣреніе положено, и того, кто оное предпріялъ. и. и.:

За холмы, гдѣ паляща хлябь.

Дымъ, пепель, пламень, смерть рыгаетъ,

За Тигръ своихъ, Стамбуль, заграбь.

Что камни со бреговъ смываетъ.

Претить не могутъ огонь, вода.

Орлица какъ парить туда“.

Шестую строфу Сумароковъ находить также «прекраснѣйшею».

Ст. 61 — 66. Эти стихи Ломоносовъ приводитъ въ своей Риторикѣ 1744 года, § 105: «Уступленіе фигура есть, когда риторъ уступаетъ что-нибудь противное предлагаемой рѣчи, и. и. воскресите, воскресите его отъ мертвыхъ, еслии можете, смотрите ожившаго стремленіе, котораго и во гробѣ лежащаго бѣшенство вамъ неспосно, или:

Пускай земля какъ Понтъ трясеть,
Пускай бурливы вихри стонуть,
Премрачной дымъ покроетъ свѣтъ,
Въ крови Молдавски горы тонуть.
Но вамъ не можетъ то вредить,
Васъ рокъ жѣлаетъ самъ покрыть“.

Сумароковъ считаетъ седьмую строфу «хорошею».

Въ строфахъ: *девятой, десятой, одиннадцатой* и *двѣнадцатой* Ломоносовъ изображаетъ явленіе, съ небесной высоты, и бесѣду двухъ «героевъ» русской исторіи — Петра Великаго и Ивана Грознаго. Вызовъ тѣней изъ царства мертвыхъ — давній литературный обычай; ораторы и поэты обращались къ умершимъ, дѣлая ихъ участниками событій, совершавшихся послѣ ихъ смерти.

У Гюптера, въ одѣ на миръ съ Портою, ст. 47 — 50, 57 — 60 и др.

Es sind die Seelen alter Helden:
Sie kommen, deinen Muth zu sehn,
Und werden, was durch ihn geschehn,
Der Ewigkeit voraus vermelden. . . .
Sie helfen euch im Sieg und Schlagen;
Denn hat ihr Schatten gleich kein Hertz,
So kan er doch wohl hinterwärts,
Den Feind mit kaltem Schauer plagen. . . .

Жуковскіи въ «Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ»:

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами. . . .
И ты, невѣрныхъ страхъ, Донскоіи,
Съ четой двухъ соменныхъ. . .
И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей,
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца снѣдь мечей,
И міръ взываетъ слава!
Давно ль, о хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрои
Въ лѣсу съ твоимъ Сарматомъ. . . .

Въ драмѣ, задуманной Грибоѣдовымъ: «Гѣни давно усопшихъ исполиновъ: Святослава, Владимира Мономаха, Иоанна, Петра, пророчествуютъ о годниѣ искупленія для Россіи: хоръ безилотныхъ провожаетъ ихъ; своды разступаются; герои поднимаются высирь и исчезаютъ».

(Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, подъ редакцію И. А. Шляпкина. 1889. Т. II. стр. 214).

Ломоносовъ, избравши героями Петра Великаго и Ивана Грознаго, заставляетъ одного изъ нихъ говорить другому въ такомъ родѣ: «Мы съ тобою трудились ненарасно, подвигъ мой и твой увѣнчался успѣхомъ — Россія широко распространяла свои предѣлы, стала могучею и странною для враговъ». Такое сопоставленіе цѣлей и стремленій двухъ представителей русской исторической жизни соответствуетъ взгляду самого Петра Великаго. По свидѣтельству современниковъ, Петръ Великій неоднократно выражалъ мысль, что считаетъ Ивана Грознаго не только предшественникомъ своимъ, но даже образцомъ — по основнымъ началамъ его государственной дѣятельности.

Девятую строфу Державинъ приводитъ въ примѣръ «вопро-

ненія», говоря: «*Сомнѣнія и вопрошенія*. Когда поэтъ, въ упоеніи своего восторга, представляетъ себѣ, будто въ чемъ сомнѣвается и, дѣлая себѣ вопросы, самъ же на нихъ отвѣчаетъ, дабы тѣмъ усугубить красоту или силу своего предмета или страсти. Разрѣшенія таковыхъ сомнѣній чрезвычайно поражаютъ слушателей».

(Сочиненія Державина. 1872. Т. VII, стр. 560).

Сумароковъ называетъ эту строфу «прекрасною».

Ломоносовъ, въ своей Риторикѣ говоритъ: «Отъ признаковъ можно распространить слово, ежели они будутъ состоять во многихъ дѣйствіяхъ или имѣть будутъ разныя части, свѣйства или обстоятельства. Иногда самыя свойства и дѣйствія какъ признаки предлагаются, будучи совокуплены съ нѣкоторымъ усумнѣніемъ». Въ примѣръ Ломоносовъ приводитъ всю десятую строфу своей оды на взятіе Хотина.

(Рит. II, III и IV. § 68).

Сумароковъ считаетъ эту строфу «прекрасною», а Севергинъ находитъ, что она можетъ, подобно первой и пятой, возбудить восторгъ и удивленіе.

Ст. 91 — 94. Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Рассыпалъ вредны Россамъ стѣны?
И Персы въ жаждащихъ стѣняхъ
Не симъ ли пали пораженны?

Державинъ приводитъ эти четыре стиха въ примѣръ «сомнѣній».

(Сочиненія Державина. 1872 Т. VII, стр. 560—561).

Ст. 98 — 100. Шевыревъ указываетъ на нѣкоторое сходство этихъ стиховъ со стихами Пушкина: «Представьте себѣ состояніе стиха русскаго во времена Ломоносова. Я разумю стихъ художественный, поэзію какъ искусство народа образованнаго (Kunstpoesie). Силлабическія вирши Симеона Полоцкаго, Теофана и Кантемира съ одной стороны; съ другой — первыя нескладныя попытки въ размѣрѣ тоническомъ трудолюбиваго, но бездарнаго Тредьяковскаго. Вдругъ изъ этой нескладницы, изъ этого нестрога, звучать въ первый разъ, въ слухъ русскаго народа, такіе звуки:

Такъ быстрой конь его скакалъ,
Когда онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ веходящу къ намъ денницу.

Припомнимъ здѣсь кетати подобные стихи Пушкина:

Какъ быстро въ полѣ вокругъ открытомъ
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая звучитъ!»

(Москвитяинъ. 1843. Часть III. № 5. Критика, стр. 242).

Въ рукописной Риторикѣ Ломоносова, 1744 года, § 54: «Производящая вещь, признаки и обстоятельства, предыдущее и послѣдующее, также пристрашно могутъ быть предложены, ежели они соединены будутъ со идеями своихъ свойствъ, дѣйствій, подобій и противныхъ вещей». Въ примѣрѣ Ломоносовъ приводитъ всю пятнадцатую строфу въ томъ видѣ, какъ она помѣщена у насъ въ вариантахъ (стр. 31).

Ст. 141 — 144. Ломоносовъ въ Риторикѣ, 1744 года, § 79: «Отъ причины рождаются замыслы: 1) Когда вмѣсто прямой посторонняя и неирличная причина дѣйствію приложится. н. п. Александръ говоритъ къ своимъ садатамъ: мы погрѣшили, мои садаты, ежели мы только для того Дарія побѣдили, чтобы рабу его отдать государство. 2) Когда причина дѣйствія будетъ вымыслена. п. п.

Вливаясь въ Погтъ Дунай реветъ,
Отзывкой плеску шумъ прибавилъ.
Сердитъ волнами Турка льетъ.
Что смѣлость, кровь, шатры оставилъ“.

По мнѣнію Сумарокова, строфа эта требуетъ большаго пераправления.

Ст. 152, 155, 156: Гдѣ дерзость? Гдѣ въ бою упорство?
Ты лишь своимъ велѣлъ ступить,
Насъ тотъ часъ чайлъ побѣдить;

Буало: Ode sur la prise de Namur. ст. 136, 137, 140:

Où sont ces Chefs pleins d'audace
Jadis si prompts à marcher,
Jusqu'à Paris nous chercher?

Сумароковъ считаетъ шестнадцатую строфу «хорошею», не болѣе.

Ст. 161—166, 168, 170. Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
Что васъ, Агаряне, попрала,
Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
Мечемъ кровавымъ показала.
Великой Анны грозной взоръ
Отраду дать просящимъ скорь;
Къ себѣ повинность вашу зря,
Вамъ казнь и милость обѣщаетъ.

Гюгтеръ: Ода на миръ съ Портою. Ст. 111 — 116:

Bysantz erkenn anjetzt den Werth
Von Rudolphs göttlichem Geblüte,
Und küsse Carls gereitztes Schwert!
Es hat nicht minder Schärf als Güte:
Du fehlst, es straft; du flehst, es schenckt;
Und wird durch Demuth abgelenckt. . .

Обращаясь къ *Туркамъ* и *Татарамъ*, Ломоносовъ говоритъ: «Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ, Что васъ, *Агаряне*, попрала». Въ похвальномъ словѣ Петру Великому: «Удобнѣ наружныя язвы исцѣляются, нежели внутреннія поврежденія. Но сличивъ исцѣленіе Россіи отъ пораженія варварскимъ оружіемъ извнѣ нанесеннаго, съ удивительнымъ кривоцагося внутрь вреда врачеваніемъ Елисаветиною рукою произведеннымъ, противное находимъ. Тогда для исцѣленія ранъ наружныхъ обогрены были ноли и рѣки не меньше Россійскою, нежели *Агарянскою* кровію. Въ благословенные дни наши великодушная Елисавета вкоренившійся вредъ внутрь Россіи безъ всѣхъ нашихъ томленій истребила въ краткое время» и т. д.

(Собраніе разныхъ сочиненій Ломоносова. 1757. Кн. I. стр. 210 — 211).

Сумароковъ называетъ семнадцатую строфу «прекраснѣйшею».

Ст. 171 — 177. Ломоносовъ въ Риторикѣ, 1744 года, § 112: «Вымысль есть чрезъестественное изображеніе предлагаемой матеріи, что бываетъ слѣдующими образы: 1) Когда какая вещь представляется подъ другимъ видомъ. Такъ у Овидія представленъ сѣверной вѣтръ подъ видомъ стараго крылатаго и на облакахъ летящаго мужа. Присемъ наблюдать должно подобіе вымышленнаго изображенія съ самою вещію. и. п. Естьли кто хочетъ представить луну во образѣ человѣческомъ, то не надлежитъ ее перемѣнить въ старую женщину, но въ молодую дѣвицу, ради свѣтлости ея. Также стараться должно, чтобы вымышленнаго изображенія части, дѣйствія и обстоятельства имѣли нѣкоторыя свойства той вещи, которая подъ онымъ представляется, съ вымышленными смѣшенныя. и. п.

Уже златой денницы переть
Завѣсу свѣта вскрыть съ звѣздами,
Съ востока скачетъ по ступи вереть.
Пуская искры конь ноздрями.
Лицемъ сіяетъ Фебъ на томъ,
Онъ пламеннымъ встряхнувъ верхомъ
Преславному видя вещь дивится.

Сумароковъ находитъ эту строфу «весьма хорошею».

Ст. 191 — 192: Кто скоро толь тебя, Калчакъ,
Учить Россійской вдатся власти? . .

Въ числѣ «знатныхъ персепъ», сдавшихся военноплѣнными при взятіи Хотина, первымъ названъ «Командующій *Калчакъ*-паша трехбунчукный». 8 ноября 1739 года привезенъ въ Петербургъ «бывшей хотинской комендантъ *Калчакъ*-паша съ нѣсколькими знатыми турками, которыхъ на другой день находящейся здѣсь очаковской сараскеръ посѣщаль».

(С.-Петербургскія Вѣдомости. 1739. № 91. стр. 816).

Гюнтеръ: Ода на миръ съ Портою. Ст. 119 — 120:

Wer lehrt dich tunne Tyranny,
Dergleichen kluge Waffen finden?

Ст. 197, 198: Ея взошли и тамъ оливы,

Гдѣ Вислы токъ, гдѣ славный Рень,

Въ этихъ стихахъ указаніе на недавнюю войну, ознаменованную взятіемъ Данцига въ 1734 году. Минихъ доносилъ императрицѣ Аннѣ Иоановнѣ: «Каждый день съ авантажемъ одинъ постъ за другимъ счастливо отбираю отъ непріятели; одинъ главный постъ на берегу *Вислы* взять, и сдѣланъ съ русской стороны крѣпкіи редутъ, который пресѣчетъ сообщенія непріятели по *Вислѣ*. Жителямъ Данцига и ихъ гостямъ какъ птицамъ сѣтью головы прикрыты». Франція объявила Австріи войну за Польшу; Австрія обратилась за помощью къ Россіи, и «съ движеніемъ русскаго войска къ *Рейну* пачали двигаться мирные переговоры между Франціею и Австріею».

(Исторія Россіи, С. М. Соловьева. 1878. Т. XX, стр. 35, 61 и др.).

Тредьяковскаго: Ода о здачѣ Гданска. Ст. 37 — 38:

Всѣ *Вістлою* нынѣ рѣкою
Не Скамандру ли называютъ?

По мнѣнію Сумарокова, строфа эта — «весьма хорошая».

Ст. 207. Въ полонъ узѣ несутъ оковы;

Въ манифестѣ 14 февраля 1740 года: «До пачатія войны въ *полонѣ* увезенные изъ тяжкаго *полону* и бѣдства избавлены».

Ст. 215 — 220. Въ Риторикѣ Ломоносова, 1744 года, § 100, о фигурѣ, называемой *отвращеніе*: «Черезъ сію фигуру можно совѣтовать, засвидѣтельствовать, обѣщать, грозить, хвалить, насмѣхаться, угѣнать, желать, сожалѣть, повелѣвать, запрещать, прощенія просить, возбуждать страсти, оплакивать, что-нибудь сказывать, поздравлять, или прощаться съ тѣмъ, къ чему риторъ отъ предложешной матеріи отвратился. и. п. угрозою:

Еще упрямства бореть страсть?

Не хочешь ниць предъ Анной пасть?

Не хочешь съ нами въ миръ склониться?

- Стамбуль, Кипръ, Алень згоритъ,
 Обставятъ Росскимъ флотомъ Критъ,
 Евфратъ въ твоей крови смутится.
- Ст. 218: Дамаскъ, Каиръ, Алешъ згоритъ:
 Гюнтеръ: Ода на миръ съ Портою. Ст. 321:
 Der Nil erschrickt, Damascus brennt,
 Сумароковъ находитъ эту строфу «прекрасною».
- Ст. 226 — 230: Одѣянъ въ славу Аннинъ ликъ
 Надъ звѣзды вѣчность вносить круги;
 И правда взявъ перо злато,
 Въ нетлѣнной книгѣ пишетъ то,
 Велики коль Ея заслуги.
- Гюнтеръ: Ода на миръ съ Портою. Ст. 371, 372, 375—378
 и ст. 421 — 422, 428, 429:

Wo schweif ich hin? wo bleibt mein Held?
 Entzieht er sich vielleicht der Erde?
 Ja, ja! ich seh die Ewigkeit,
 Sie webt und stickt sein Ehren-Kleid,
 Umgibt sein Bildnisz mit den Sternen,
 Und führt es zum Vergöttern auf. . .
 Ihr, die ein glücklich Feuer treibt,
 Dem hohen Maro nach zu kommen. . .
 Kommt! setzt die goldnen Federn an,
 Und schreibt, was Gott und Karl gethan!

- Строфа эта, по мнѣнію Сумарокова — «прекрасная».
- Ст. 231 — 237: Витійство, Пиндаръ, уеть твоихъ
 Тяжчаебъ, Оивы обвинили;
 За тѣмъ что о побѣдахъ сихъ
 Ошибъ громчае возгласили,
 Какъ прежде о красѣ Лонинъ:
 Россія какъ прекрасный кринъ
 Цвѣтетъ подъ Анниной державой.

Стихи эти, при всемъ различіи въ отдѣльныхъ чертахъ, обра-
 захъ и выраженіяхъ, находятся въ нѣкоторой связи съ приводи-

мыми ниже стихами Тредьяковского, Буало и Гюштера. Основная мысль одна и таже, и подобный приемъ восхваленія своихъ героевъ могъ быть навѣянтъ чтеніемъ произведеній названныхъ писателей.

Ода о здачѣ Гданска. Ст. 11 — 20:

Въ своихъ пѣсняхъ въ вѣчность преславныхъ,
Пиндаръ, Гораций, несравненны
Взнеслся до звѣздъ въ небѣ явныхъ,
Какъ Орлы быстры, дерзновенны.
По будебъ ревности сердечной,
Что имѣеть къ Аппѣ жаръ вѣчноп,
Моя гласъ Лкры сравнися;
То бы самъ и *Орфеи* Оракинскіи,
Амфионъ куннобъ и *Эвипскіи*,
Сладости ея удивился.

Ode sur la prise de Namur. Ст. 11 — 20:

Dans ses chansons immortelles,
Comme un aigle audacieux,
Pindare étendant ses aisles,
Fuit loin des vulgaires yeux,
Mais, ô ma fidele Lyre,
Si, dans l'ardeur qui m'inspire,
Tu peux suivre mes transports;
Les chesnes des monts de Thrace
N'ont rien ouï que n'efface
La douceur de mes accords.

Ода на миръ съ Портою. Ст. 161—170 и ст. 381, 385—388:

Schläft Naso noch um jenen Ort,
Wohin ihm das Geschrey begraben;
So wünscht ich mir ein Allmachts-Wort,
Nur ihn dadurch erweckt zu haben.
Jetzt dächt er nie ans Vaterland,
Jetzt würde sich so Harf als Hand
In Carls Person und Ruhm verlieben;

Jetzt wär Eugen sein Lob-Gesang;
Jetzt sprüch er: Cäsar, habe Danck!
So glücklich hast du mich vertrieben. . . .
O Printz! O grosser Printz! . . .
Homer behalt dir den Achill!
Aeneas bleibe, wo er will!
Sie sind am längsten grosz gewesen;
Sie weichen doch mit Ehren aus. . . .

Ст. 238: Въ Китайскихъ чтуть Ее стѣнахъ,
Ода о здачѣ Гданска. Ст. 110:

Чтуть дважды Ту *Xincki* предѣлы. . . .

Строфа эта, по мнѣнію Сумарокова, «требуется большаго исправленія».

Ст. 258, 259: Красуется великъ и малъ;

Жить хочетъ вѣкъ, кто въ гробъ желать:

Гюптеръ: Ода на миръ съ Портою. Ст. 186 — 187:

Und wird von Grosz und Klein gefragt;

Der Greisz lässt Stock und Schwachheit fallen. . .

Сумароковъ находитъ, что и эта строфа «требуется большаго исправленія».

Ст. 273, 274: Седми пространныхъ морь береговъ

Надежда, радость и Богиня. . .

Ода Ломоносова на прибытіе изъ Голштиніи Великаго Князя Петра Федоровича, 1742 года (вторая редакція). Ст. 31 — 32:

Богиня, коея державу

Обнять не могутъ седьм морей,

Ст. 277 — 279: Прости, что рабъ твой къ громкой славѣ,

Звучить что крѣпость силъ Твоихъ,

Придать дерзнулъ не красной стихъ

Гюптеръ: Ода на миръ съ Портою. Ст. 459, 460:

So stärckt des grossen Namens Kraft

Die Ohnmacht meiner schlechten Reime. . .

Последнюю строфу оды на взятіе Хотина Сумароковъ относитъ къ числу тѣхъ, о которыхъ онъ «ничего не говоритъ».

Въ литературѣ нашей неоднократно высказывалось мнѣніе, что образцомъ для оды на взятіе Хотина послужила ода Гюнтера на миръ Австріи съ Турцією, заключенный въ 1718 году. Сравненіе этихъ двухъ произведеній показываетъ, что Ломоносовъ замѣтствовалъ у Гюнтера виѣшнюю форму стиха: тоже преобладаніе четырехстопнаго ямба, тоже чередованіе рямъ, тоже число строкъ въ строфѣ; встрѣчается также нѣсколько сходныхъ образовъ и выраженій, нѣсколько общихъ приемовъ, какъ напримѣръ: обращеніе къ непріятелю съ угрозами и глумленіемъ; за описаніемъ сраженій слѣдуетъ картина мира, и т. п. Но болынею частью сходство ограничивается самыми общими чертами, и объясняется весьма естественно тѣми условіями, при которыхъ Ломоносовъ писалъ свою оду. Живя въ Германіи, среди университетской молодежи, Ломоносовъ узналъ и полюбилъ произведенія самаго популярнаго изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Несомнѣнный талантъ Гюнтера, его превосходство надъ современными ему одошцами, самая молодость его, также и его печальная судьба, все привлекало къ нему читателей и поклонниковъ, особенно въ молодомъ поколѣніи. Въ небольшомъ числѣ книгъ, приобрѣтенныхъ въ Марбургѣ Ломоносовымъ на его скудныя средства, значится и *Günters Gedichte. Breszlau. 1735*. Ода Гюнтера, заключающая въ себѣ изображеніе борьбы съ турками, пришлась весьма кстати молодому писателю, желавшему попробовать свои силы въ изображеніи такой же борьбы и побѣды надъ тѣми же врагами, т. е. надъ турками. Громкая извѣстность Гюнтера, какъ лирическаго поэта, была уже речательствомъ за удачный выборъ Ломоносова.

Блестящій талантъ, силу воображенія и способность представлять предметы необыкновенно живо, воочию, признавали въ Гюнтерѣ многіе нѣмецкіе писатели, и во главѣ ихъ Гете, называвшій Гюнтера поэтомъ въ полномъ смыслѣ слова. Последующіе критики иистики литературы, даже тѣ изъ нихъ, которые весьма строго относились къ дарованію и къ личности Гюнтера, признавали достоинство такихъ его произведеній, какъ стихо-

творенія духовнаго содержанія, студенческаго нѣшня года на мирѣ съ Портою. Съ тридцатыхъ годовъ и до настоящаго времени появляются въ нѣмецкой литературѣ труды, относящіяся къ жизни и сочиненіямъ Гюнтера.

(Hoffmann v. Fallersleben : Joh. Christ. Günther—ein literarhistorisches Versuch. 1833. — Leben und Dichten Joh. Christ. Günther's, von Otto Roquette. 1860. — Kalbeck: Neue Beiträge zur Biographie G-s. 1879. — Litzmann: Zur Textkritik und Biographie G-s. 1880.—Wittig: Neue Entdeckungen zur Biographie G-s. 1881. Cp. Literarisches Centralblatt. 1881. № 31. стр. 1066 — 1067).

Отзывы нѣмецкихъ критиковъ объ одѣ Гюнтера въ такомъ родѣ: Der Anfang versetzt den Leser auf das lebendigste gleich mitten in die Situation. Die zweite Strophe bringt in ihren ersten Versen leider schon ein Paar Ausdrücke des Ungeschmacks, wie sie bei Günther häufig vorkommen. . . Изъ пятидесяти строфъ длинной оды лучшими считаются первыя двадцать двѣ. Es folgen noch achtundzwanzig Strophen, die sich nur in Wiederholungen und Ausspinnungen des schon Gesagten ergehen. . . Вообще объ одѣ: Man erkennt Günthers grosses Talent daraus, aber das Gedicht ist im Innersten ungüntherisch. Seine Lyrik ist eine individuelle, keine pindarische, und wo er sich zur Rhetorik zwingt, da hören wir eine zwar pathetisch schwungvolle Sprache, die aber kalt klingt gegen die warmen Gemüthslaute, in welchen er von den Leiden und Freuden seines Herzens singt. Nur des grossen Stoffes wegen hat man dies Gedicht von jeher zu dem Gipfelpunkte seiner Poesie machen können, und führt es als solchen noch heut in Anthologien auf. Ginge man jedoch tiefer auf Günthers Wesen ein, würde man diesem Gedicht eine solche Stellung nicht einräumen können. Aber, wenn in seinem Werthe auch nur in zweiter Reihe unter Günthers Dichtungen stehend, so ist die Bedeutung desselben für die Zeit immer noch gross genug. Wie ein siegesgewisses Kriegsheer tritt es die ganze Gelegenheitsdichterei zu Boden. Eine solche Macht der Sprache, eine so unaufhaltsame Lebendigkeit des Vortrags hatte man bisher noch von keinem Dichter gehört.

(Leben und Dichten Joh. Christ. Günther's, von Otto Roquette. стр. 57 — 64).

Въ русской литературѣ Гюнтеръ издавна считался однимъ изъ выдающихся нѣмецкихъ стихотворцевъ.

На страницахъ журнала шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія читаемъ: «Въ нѣмецкой землѣ стихотворство началось въ прошедшемъ вѣкѣ. Они успѣли въ лирическомъ стихотвореніи; драматическія сочиненія, которыхъ у нихъ очень мало, недостойны примѣчанія; они писали такъ же и басни стихами. *Гюнтеръ*, Готтнедъ, Захаріасъ, своими сочиненіями достойны примѣчанія».

(Полезное Увеселеніе на мѣсяць Іюнь 1762 года, стр. 234).

Сумароковъ въ своей «Эпистолѣ о стихотворствѣ»:
Взойдемъ на Геликонъ, взойдемъ, увидимъ тамо
Творцовъ, которыя достойны славы прямо.
Тамъ царствуетъ Гомеръ, тамъ Сафо, Теокрытъ,
Эшилль, Анакреонъ, Софокль и Еврипидъ. . . .
Тамъ Тассъ и Аріостъ, тамъ Камюенсъ и Лопъ,
Тамъ Ондель, *Гюнтеръ* тамъ, тамъ остроумный Понъ. . . .

При этомъ поясняется: «Ондель—славный голландскій стихотворецъ или Виргиліи тамошній; трагикъ хорошій; жилъ въ 17 вѣкѣ. *Гюнтеръ*—нѣмецкій стихотворецъ послѣдняго времени, котораго тщательно составленныя и вычищенные имъ стихи, хотя таковыхъ и гораздо меньше, нежели другихъ, превеликой похвалы достойны».

(Полное собраніе сочиненій Сумарокова. 1787. Ч. I. стр. 337, 351, 359).

Извѣстіе о томъ, что Ломоносовъ будто бы *переводилъ* изъ Гюнтера, идетъ отъ Штелина и Шлецера.

По словамъ Штелина, Ломоносовъ «въ особенности любилъ стихотворенія *Гюнтера* и зналъ ихъ почти наизусть. По тому же размѣру сталъ онъ сочинять русскіе стихи». Оду на взятіе Хотина Ломоносовъ «носилъ къ тогдашнему президенту академіи Корфу, который отдалъ ее на разсмотрѣніе Ададурову и Штелину. Мы были очень удивлены такимъ, еще небывалымъ въ русскомъ языкѣ, размѣромъ стиховъ, и нашли между прочимъ,

что эта ода написана въ Гюнтеровомъ размѣрѣ, и именно въ подражаніе его знаменитой одѣ: Eugen ist fort! Ihr Musen nach, etc, и даже *цѣлыя строфы были изъ нея переведены*.

(Москвитининъ. 1850. Ч. I. Отдѣлъ III. стр. 4).

Литературные враги Ломоносова обвиняли его, въ приливѣ полемическаго задора, въ томъ, что онъ

. . . . *Гюнтера* и многихъ обокралъ,

И мысли ихъ писавъ, народъ нашъ удивлялъ. . . .

Шлецеръ, въ своей автобіографіи, упоминая о пребываніи Ломоносова съ 1736 года въ Марбургѣ, продолжаетъ: «Um diese Zeit war *Günther* der deutsche Haupt-Poet: Lom. schrieb hier vermutlich seine erste Oden auf die damaligen Siege der Russen über die Türken; Günthers Ode «Eugen ist fort, ihr Musen nach» wurde von ihm *mer übersetzt als nachgebildet*: aber das wuszte in Ruszland niemand, und sein poetischer Rum fing an.

(Aug. Ludw. Schlözer's Öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst beschrieben. 1802, стр. 218).

Въ біографическомъ очеркѣ, помѣщенномъ при изданіи сочиненій Ломоносова 1784 года, и составленномъ по матеріаламъ Штеллна, говорится, что во время пребыванія въ марбургскомъ университетѣ Ломоносовъ «отъ обхожденія съ тамошними студентами, и слушая ихъ пѣсни, возлюбилъ нѣмецкое стихотворство. Лучшей для него писатель былъ *Гюнтеръ*. Многихъ знатнѣйшихъ стихотворцевъ вытвердилъ наизусть. По тамошнимъ ямамъ, хорейамъ и дактилямъ началъ размѣрять стопы и въ русскихъ стихахъ, совѣмъ новымъ образомъ, несравненно глажѣе и согласнѣе прежнихъ въ чтеніи. . . Отдана она (ода на взятіе Хотина) для просмотрѣнія г. Ададурову обще съ нѣкоторыми академиками. Удивились они размѣру стиховъ, который до сего времени былъ вовсе неизвѣстенъ въ росіійскомъ стихотворствѣ. Написана ода была *ямбическими стопами на вкусъ Гюнтеровъ*, подражательно славной его одѣ».

(Полное собраніе сочиненій М. В. Ломоносова. 1784. Ч. I. стр. VIII — IX).

По мнѣнію Мерзлякова, вліяніе Гюнтера повредило худо-

жественному достоинству одъ Ломоносова: «Въ то время, какъ Ломоносовъ въ Германіи прилѣнился къ Гинтеровымъ ямамъ и одамъ: Сумароковъ въ Петербургѣ обрабатывалъ хорей Тредьяковского. Ломоносовъ не столько былъ свѣдущъ во французской словесности, сколько въ нѣмецкой, которая въ то время находилась въ посредственномъ состояніи, обремененная гномъ педантства. Разсмотрите же оды Ломоносова: въ нихъ примѣтень какой-то ученый и нѣсколько холодный для оды порядокъ» и т. д.

(Труды Общества любителей російской словесности. 1812. Ч. I. стр. 78).

Севергинъ, въ похвальномъ словѣ Ломоносову, говоритъ, что Ломоносовъ «читалъ и паузу съ выучивалъ лучшія творенія германскихъ писателей; онъ позналъ совершенно тамошнюю словесность, и всѣмъ прочимъ тогдашнимъ писателямъ предпочиталъ славнаго *Гинтера*. Твердость въ слогѣ, важность въ выраженіи, правильность въ сложеніи стиховъ, и быстрое періодовъ теченіе плѣнили его, и онъ содѣлался подражателемъ сего пѣнны, но подражателемъ, подлинникъ далеко превосшедшимъ».

(Севергина: Слово похвальное М. В. Ломоносову. 1805. стр. 10).

С. П. Шевыревъ, говоря объ отношеніи Ломоносова къ Гюнтеру, не ограничился общими соображеніями, и привелъ нѣсколько положительныхъ данныхъ: «Сличить оды Ломоносовы съ одами *Гинтера* дѣло весьма полезное и любопытное. Изъ сличенія открывается, что Ломоносовъ, хотя и заимствуетъ покрой строфы своей изъ Гинтера, по духомъ, геніемъ, творчествомъ, вкусомъ и благородствомъ души стоитъ неизмѣримо выше нѣмецкаго лирика. . . . Согласимся съ Пушкинымъ, что Ломоносовъ наполнилъ свои оды высокопарною хвалою; но прошу покорно отыскать во всѣхъ одахъ Ломоносова строфу, подобную этой строфѣ Гинтера, которую нѣмецкій лирикъ обращалъ къ императору германскому:

Ich, Herr! dein tiefster Unterthan
Will, bleib ich auch im Staube sitzen,
Noch mehr auf deiner Ehrenbahn
Als vor dem Elends-Ofen schwitzen.

Verstosz mich an den kalten Bär,
 Ich geh und gern und find ein Meer
 Dein Lob in ewig Eisz zu schreiben;
 Denn weil mir Augen offen stehn,
 Soll Carl und Tugend und Eugen
 Die Vorschrift meiner Museu bleiben.

Высокое чувство поэзии не позволило бы нашему лирику сказать ничего подобного. Ломоносовъ оды свои адресовалъ одной императрицѣ: Шувалову писалъ онъ только письма и посланія. У него не найдете вы такой оды, какъ вторая ода Гюгера, адресованная какому-то графу фонъ Шпорку, въ которой онъ говорить:

Ihr Vögel, stellt das Schwatzen ein!
 Ihr Blätter, schweig! Sporek soll allein
 Feld, Ufer, Thal und Luft erfüllen.

(Москвитянинъ. 1843. Часть III. № 5. Критика стр. 240—241).

Академикъ Я. К. Гротъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ отношеніе оды на взятіе Хотина къ одѣ на миръ Австріи съ Турціей: «Едва ли Ломоносовъ, при своихъ ученыхъ занятіяхъ и студенческихъ развлеченіяхъ, имѣлъ время прилежно читать Гюгера; но ему легко было ознакомиться съ прославленнымъ произведеніемъ замѣчательнѣйшаго изъ тогдашнихъ германскихъ поэтовъ, и вотъ однородныя событія въ войнѣ Россіи съ Турціей подають ему мысль взять за образецъ нѣмецкую оду, воспѣвную торжество австрійцевъ въ борьбѣ съ тѣмъ же непріятелемъ. Чрезвычайно замѣчательно, какъ молодой Русскій, руководствуясь своимъ природнымъ вкусомъ и эстетическимъ тактомъ, воспользовался примѣромъ современнаго ему Нѣмца. Принявъ размѣръ подлинника и его десятистрочную строфу съ тѣмъ же порядкомъ въ сочетаніи римовъ, Ломоносовъ сдѣлалъ свою оду почти вдвое короче. Кромѣ внѣшней формы, подражаніе его затѣмъ ограничивается ероднымъ духомъ лиризма, общимъ сходствомъ въ образахъ и заимствованіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей; но оно

нигдѣ не доходить до степени даже вольнаго перевода. Ломоносовъ обнаружилъ тутъ поразительную въ начинающемъ поэтѣ художественную сдержанность, избѣгнувъ всѣхъ тѣхъ перовностей, тривіальныхъ картинъ и выраженій, запечатлѣнныхъ безвкусіемъ, которыя довольно часто попадаются въ нѣмецкой одѣ посреди стиховъ и цѣлыхъ тирадъ противоположнаго свойства».

(Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова, читанный академикомъ Я. К. Гротомъ въ торжественномъ собраніи Императорской академіи наукъ 6 апрѣля 1865 года. СПб. 1865. стр. 10—11).

По мнѣнію профессора Булича «все отношеніе Ломоносова къ нѣмецкому поэту состоитъ въ томъ, что Ломоносовъ находился отчасти подъ вліяніемъ большой оды *Гюптера*, написанной въ прославленіе принца Евгенія послѣ мира, заключеннаго въ Пассаровицѣ въ 1718 году. Но и здѣсь исполненныя замѣчательнаго реализма картины сраженій стоятъ гораздо выше блѣдныхъ очерковъ русскаго поэта» и т. д.

(И. Н. Булича: Къ столѣтней памяти Ломоносова. 1865. стр. 35).

Для вѣрной оцѣнки литературной дѣятельности Ломоносова необходимо выяснить отношеніе одного изъ замѣчательныхъ его произведеній къ иностранному образцу, вызвавшее столько разнообразныхъ сужденій въ нашей литературѣ. Поэтому считаемъ нужнымъ помѣстить здѣсь оду Гюптера, о которой упоминается всегда, какъ только заходитъ рѣчь объ одѣ на взятіе Хотина.

AUF DEN
ZWISCHEN IHRO RÖM. KAYSERL. MAJESTÄT
UND DER PFORTE

1718. GESCHLOSSENEN FRIEDEN.

1.

Eugen ist fort. Ihr Musen, nach!
Er steht, beschleuzt und ficht schon wieder,
Und wo er jährlich Palmen brach,
Erweitert er so Gräntz als Glieder.

5 Sein Schwerdt, das Schlag und Sieg vermählt,
Und wenn es irrt, aus Groszmuth fehlt,
Gebiehr dem Feind ein neues Schrecken,
Und stärckt der Völeker Hertz und Macht,
Die unter Adlern, Blitz und Nacht
10 Die Flügel nach dem Monden strecken.

2.

Die Wahlstatt ist noch nasz und lau,
Und stinckt nach Türken, Schand und Leichen;
Wer sieht nicht die verstopfte Sau
Von Aesern faul und mühsam schleichen?
15 Und dennoch will das Deutsche Blut
Den alten Kirchhof seiner Wuth
An jungen Lorbeern fruchtbar machen;
Und gleichwohl hört der dicke Flusz
Des Sieges feurigen Entschlusz
20 Aus Mörsern und Carthaunen krachen.

3.

Es schnaubt des Überwinders Rosz,
Es schäumt und riecht den Streit von fernen,
Das Glücke mengt sich in den Trosz,
Um von EUGEN Bestand zu lernen.
25 Die Luft ertönt, das Ufer bebt,
Der Reuter brennt, das Fusz-Volck strebt
Den wilden Haufen anzurennen:
Und wer nicht schärfer sinnt als sieht,
Der dörfte, wenn die Mannschafft zieht,
30 Ihr Heer ein fliegend Hertze nennen.

4.

Nur drauf, du Kern der Deutschen Treu!
Nur drauf, du Kraft aus Herrmanns Hüften!
Beweise, wer dein Anherr sey,
Und crön ihn auch noch in den Gräften!

35 Dein Haupt, dein Beyspiel, dein EUGEN
Läsz alle, die ihm widerstehn,
Ein tödliches Verhängnisz wissen;
Er steht, er eilt, er würgt dir vor,
Es ist noch um ein eisern Thor,
40 So wird die Pforte springen müssen.

5.

Dort, wo der Zeiten Eigensinn
Die Brücke des Trajans zertrümmert,
Dort wirf die Augen vor dir hin,
Dort mercke, was so schwärmt und schimmert.
45 Es rauscht, wie Pantzer und Gewehr,
Es ist ein römisch Geister-Heer,
Es sind die Seelen alter Helden:
Sie kommen, deinen Muth zu sehn,
Und werden, was durch ihm geschehn,
50 Der Ewigkeit voraus vermelden.

6.

Braucht, tapfren Sieger! braucht das Heft
In Gegenwart so seltner Zeugen,
Die, wo mich nur kein Blendwerck äft,
Aus jenem dunckeln Reicke steigen.
55 Warum? sie wollen nicht allein
So schlecht und faule Zeugen seyn,
Sie helfen euch im Sieg und Schlagen;
Denn hat ihr Schatten gleich kein Hertz,
So kan er doch wohl hinterwärts,
60 Den Feind mit kaltem Schauer plagen.

7.

Gieb acht, erschrocknes Morgenland!
Du kennst den Blitz, des ADLERS Stärke,
Er wafnet unsers HELDEN Hand,
Und zielt auf gröszre Wunder-Wercke:

65 HIER SCHWERDT DES HERRN UND GIDEON!
Auf, blasse Türken! auf, davon!
Nein! steht und lernt noch besser fühlen.
Hier schlägt der Degen und der MANN,
Den GOTT kaum tapfrer wehlen kan,
70 Euch Hitz und Wahnwitz abzukühlen.

8.

Ihr übereilt euch! Schritt vor Schritt!
Ihr kommt mit Rosz, Cameel und Wagen;
So bringt uns fein das Werekzeug mit,
Den Raub bequemer wegzutragen:
75 Nun strengt euch an! Es giebt Gefahr;
Nun hinckt um Mahomets Altar,
Nun fleht ihn mit gesenckten Waffen;
Nun ruft doch laut, nun schreyt doch zu,
Er hält vielleicht noch Mittags-Ruh,
80 Er dichtet oder hat zu schaffen.

9.

Umsonst! der stumme Götz ist taub;
Ihr mögt euch selbst zu Hülfe rufen:
Kommt, seyd ihr Männer, hohlt den Raub!
Wir reissen aus, vervolgt die Stufen;
85 Was säumt ihr denn? Was steht ihr da?
Wie? geht euch unser Schaden nah?
Wie? macht euch unsre Zagheit müde?
Probiert sie! Weh uns, Amurath!
Du sinnst auf eine grosse That;
90 Was kömmt heraus? was suchst du? Friede.

10.

Ha! sinckt dein Hochmuth schon so tief!
Du schertzest oder hast vergessen,
Wie grausam nächst dein Meyneid rief,
Als wolt er uns von weitem fressen.

95 Wie stimmt dein dort vermesznes Schrey
Mit dieser Demuth überein?
JA NOTH MACHT OFT GEBET AUS FLÜCHEN;
Ja! ja! dein Hertz und auch dein Mund
Sind beyd an eine Zeit gewohnt,
100 Und zeigen sich nur zum Verkriechen.

11.

Du hast auch wohl wahrhaftig Zeit;
Denn zwischen deinen Stelm und Weichen
War nunmehr sonst kein Unterscheid,
Als unsers Angrifs Losungs-Zeichen.
105 So manche Klinge stund schon blosz,
So mancher Donner schlug schon losz,
Dir Halsz und Lästern abzukürtzen;
Europa selbst beschlosz schon fest,
Dein stolz Serrail, dein Huren-Nest,
110 Von seinem Rand ins Meer zu stürtzen.

12.

Bysantz erkenn anjetzt den Werth
Von RUDOLPHS göttlichem Geblüte,
Und küsse CARLS gereitztes Schwerdt!
Es hat nicht minder Schärf als Güte:
115 Du fehlst, es straft; du flehst, es schenckt;
Und wird durch Demuth abgelenckt,
Und läszt sich siegend überwinden.
Ihn selbst zwingt nichts als Busz und Reu;
Wer lehrt dich tumme Tyranney,
120 Dergleichen kluge Waffen finden?

13.

Wie kanst du, SCHUTZ-GOTT DEUTSCHER RUH!
Der frechen Schaar so bald vergeben?
O fahre mit dem Donner zu!
Ihr Fall wird doch dein Lob erheben.

125 Doch nein! du zeigst auch hier dein Reich,
Und fesselst Feind und Zorn zugleich,
Und brauchst die Keule nur zum Schützen,
Die Sanfmuth crönt dich mehr als Gold;
Denn, wenn du strafen must und sollt,
130 So willst du nur dem Sünder nützen.

14.

Hört Frevler! die ihr weder Rath,
Noch Trost, noch Schutz, noch Ablasz findet,
Und nach vollbrachter Missethat
Die Zuflucht an die Fersen bindet:
135 Faszt, sucht ihr Rettung und Erhör,
Die Hörner des Altars nicht mehr!
Auch Joab kan nicht sicher flüchten.
Kommt, faszt des SANFTEN KAYSERS Knie!
Hier liegt sein Hertz, hier giebt sichs Müh
140 Die Thorheit mit Gedult zu richten.

15.

Verwegne Feder! halt doch ein,
Und schone CARLS vollkommne Gaben!
Sonst werden wir die ersten seyn,
Die diese Freystadt nöthig haben.
145 Die Wahrheit haszt die Mahlerey,
Dein Lob macht doch kein Conterfey;
O trag ein ehrerbietig Schweigen,
Und weis' in HAPSBURGS Ahnen-Saal,
Und sprich: CARL faszt sie allzumahl;
150 So kanst du seine GRÖSSE zeigen.

16.

Zurück, ihr Musen, in das Feld!
Dort sproszt der Oel-Zweig aus den Lantzen.
Irene flicht ein Zauber-Zelt;
Geht, springt mit ihr auf Wall und Schantzen!

155 Die Schwerdter werden Sichel-krum,
Das Glücke schmelztz die Kugel um,
Und geust den Helden Ehren-Säulen,
Die Freuden-Gluth friszt Kraut und Loth,
Das Stücke wirft mehr Lust als Tod,
160 Und darf nicht mehr gefährlich heulen.

17.

Schläft Naso noch um jenen Ort,
Wohin ihn das Geschrey begraben;
So wünscht ich mir ein Allmachts-Wort,
Nur ihm dadurch erweckt zu haben.
165 Jetzt dächt er nie ans Vaterland,
Jetzt würde sich so Harf als Hand
In CARLS Person und Ruhm verlieben;
Jetzt wär EUGEN sein Lob-Gesang;
Jetzt spräch er: Cäsar, habe Danck!
170 So glücklich hast du mich vertrieben.

18.

Die Freude zieht sich weit herein,
Und wächst mit Meilen und in Städten,
Die unter Thau und Sonnenschein
Vor LEOPOLDS Geschlechte beten.
175 Der Tempel raucht von heilger Pflicht,
Die Priester tragen Recht und Licht,
Und liegen vor den Danck-Altären.
Vornehmlich sieht das hohe Wien
Die Opfer-Flammen aufwärts ziehn,
180 Und von der Türcken Beute zehren.

19.

Die Regung macht mich ungeschickt,
Das frohe Deutschland abzureissen;
Wohin des ADLERS Aufsicht blickt,
Da musz disz Jahr ein Hall-Jahr heissen.

185 Der Friedens-Herold bläsz und jagt,
Und wird von Grosz und Klein gefragt;
Der Greisz läsz Stock und Schwachheit fallen;
Die Jugend spielt, die Kindheit singt,
Und das, was noch aus Brüsten trinckt.
190 Erklärt sich durch ein holdes Lallen.

20.

Hier kommt ein junger Ritter an,
Und findet in dem nächsten Garten,
Der alle Strassen zeigen kan,
Sein schönes Kind mit Schmerzen warten.
195 Da geht es an ein zärtlich Thun;
Da läsz der Kusz den Mund nicht ruhn;
Da stockt das zitternde Willkommen;
Da wird, was immer schmeicheln mag,
Als wär ein andrer Hochzeit-Tag,
200 Mit Hand und Minen vorgenommen.

21.

Dort spitzt ein voller Tisch das Ohr,
Und horcht, wie Nachbars Hamms erzehle;
Hamms iszt und schneidet doppelt vor,
Und schmiert sich dann und wann die Kehle;
205 Da spricht er, Schwäger! seht nur her,
Als wenn nun disz die Donau wär,
(Hier macht er einen Strich von Biere,)
Da streiften wir, da stund der Feind,
Da gieng es schärfer, als man meynt;
210 GOTT straf! Ihr glaubt mir ohne Schwüre.

22.

Dort musz ein tapfrer Wittwen-Sohn
Der Mutter neuen Trost erwerben,
Und schliefe nicht der Vater schon,
So müst er jetzt vor Freude sterben.

215 Das gute Weib ist froh und rennt,
Und ändert gleich ihr Testament,
Und flucht dem falschen Todten-Scheine,
Und denckt: Nun hab ich einen Stab,
Und weisz, wer einmal um mein Grab
220 Aus Tren und reinem Hertzen weine.

23.

So sah der Griechen Jubel aus,
Als dort nach zehn Belagrungs-Jahren
Der Dardaner verwünschtes Hausz
In geilem Feuer aufgefahren.
225 Corinth und Argos und Athen
Liesz Kampf-Platz, Stall und Schulen stehn,
Und lief, die Schiffe zu empfangen:
Weib, Kind und Kegel drang an Port,
Und keins verstund sein eigen Wort
230 Vor Jauchzen, Fragen und Verlangen.

24.

Mich deucht, die Zeitung nährt so gar
Auch unbeseelte Creaturen:
Der Hunds-Stern brennt und eifert zwar;
Und doch erquickt der Lentz die Fluren;
235 Wald, Förste, Thäler, Berg und Hayn
Gehn hier und dar ein Bündnisz ein,
Die süsse Nachricht auszubreiten;
Die Nymphen schertzen um den Sand,
Und sprützen mit geübter Hand
240 Viel Bogen nasser Lustbarkeiten.

25.

So weit die Donau, wie sie soll,
In Christlichen Gehorsam fliesset,
Und mehr Begierd-als Wasser-voll
Sich unter CARLS Gebot ergiesset;

245 So weit vermehrt sie ihre Lust,
(Denn Freude zieht das Blut zur Brust)
Durch Beytrag aus den kleinen Flüssen,
Die jetzt den stündlichen Tribut,
Weil grosse Freude viel verthut,
250 Geschwind und doppelt liefern müssen.

26.

Dort kommen Drave, Sau und Theisz,
Und bringen ihr viel starcke Fluthen;
Hier wächst sie durch des Sieges Schweisz,
Und durch der Janitscharen Blüten;
255 Damit so fleucht ihr schneller Lauf,
Und hält die Wellen nirgends auf,
Als wo sie sich mit Fleisz verweilen,
Um wo ich also reden mag,
Dem Ister einigen Geschmack
260 Von unsrer Freiheit mitzuthelen.

27.

Nun sieh doch, wo du etwas siehst,
Du böses Jsmaels-Geschlechte!
Du kommst, so oft du auswärts ziehst,
Dem Donner allemal zurechte.
265 Dein toller Hund, dein stumpfer Zahn
Fällt Reich und Adler kraftlos an,
Und musz so Blut als Haare lassen;
Dein Einbruch ist so gut als Flucht:
So gehts, wer fremde Schläge sucht,
270 Kriegt meistens Spott und Strick zu fassen.

28.

Du sündigst auf Vergebung losz,
Und ausser CARLS Verdienst und Glücke;
Er sieht die Sonne nicht so grosz,
Als deines Hochnuths Schwäch und Tücke;

275 Dein Frevel kämpft mit eigner Qual
An Vorzug, Länge, Stärk und Zahl,
Und siegt sich selber zum Gehöhne.
Geh, trag nun den verwirckten Hals,
Ja gar den Aufschub deines Falls
280 Von OESTERREICHS Gedult zum Lehne.

29.

Nur glaube nicht, verschnittner Schwarm!
Dein Meineyd sey so durch gekommen,
Nachdem sein gantz zerschellter Arm
Zehn Jahr zur Heilungs-Frist genommen.
285 Der Friede, der die Noth nur faszt,
Und den du halb erbettelt hast,
Erlöst dich nicht vom Zorn-Gerichte;
Nein! nein! verstockter Pharao,
Die Langmuth lacht, und thut nur so,
290 Damit sie deine Bosheit sichte.

30.

Zerreisz den falschen Alcoran,
Er hat dich lang genug betrogen;
Dein letzter Fall rückt endlich an,
Und steigt mit unsern Sieges-Bogen.
295 DIE RACH IST KEIN VERGESSLICH WEIB,
SIE DRINGT ZWAR LANGSAM AUF DEN LEIB,
ALLEIN MIT DESTO SCHÄRFERM STREICHE.
Dein angemaszter Kayser-Thron
Erschrickt und wanckt und wittert schon
300 Die Eitelkeit gestohlner Reiche.

31.

Du, dem zu Lieb EUGENIUS
Des Aufgangs Untergang verschoben;
Du, dem des ALLERHÖCHSTEN Schlussz
Sein hohes Straf-Amt aufgehoben,

305 Komm fort und eil aus Blut und Schoosz!
Komm, eil auf unsre Zeiten losz!
Komm, komm aus CARLS geweihten Lenden,
Es hält sich Asien gefaszt,
Dir ehstens, ANGENEHMER GAST!
310 Sein reiches Erb-Land zu zuwenden.

32.

Was zieht sich vor ein Vorhang weg?
Ich seh den Schauplatz später Zeiten:
Dort hör ich einen Scanderbeg,
Dort seh ich einen Gottfried streiten,
315 Die Palmen grünen um sein Haupt,
Man heult, man jauchzt, man schlägt, man raubt,
Kein Creutz-Zug macht ein solches Lärmen:
Der Erden gröst und dritter Theil
Zerreißt der Saracenen Heyl,
320 Und würgt den Hund mit seinen Därmen.

33.

Der Nil erschrickt, Damascus brennt,
Es raucht auf Ascalons Gebürgen,
Und durch den gantzen Orient
Herrscht Unruh, Hunger, Pest und Würgen.
325 Der Jordan steht, wie Mauren da,
Als käm EIN ANDRER JOSUA;
Er kommt auch, doch aus deutschen Saamen;
Wie heiszt er? Ja! die Schickung winckt,
Und raubt mir, weil der Vorhang sinckt,
330 Stand, Vorwitz, Schauplatz, Held und Namen.

34.

Was macht in Ungarn der Soldat
Vor grausam-klägliche Geberden?
Er dringt sich vor den Krieges-Rath,
Und hört vor Unruh Friede werden.

335 Er murt, er zörnt, er schilt den Bund,
Wodurch der abgewiesne Hund
Der heurigen Gefahr entgangen;
Und ehrt er nur nicht den EUGEN,
So sollt er sich wohl unterstehn,
340 Den Krieg von frischem anzufangen.

35.

Sein Eyfer hat auch ziemlich Recht:
Es musz die Tapferkeit verdriessen,
Wenn Kleinmuth ihren Fortgang schwächt,
Und Thränen statt des Blutes fließen.
345 Sie sucht nur Wehr und Widerstand,
Sie sucht mehr Ruhm als Leut und Land,
Und giebt nur ein verbittert Lachen,
Wenn, eh ihr Degen Wunder thut,
Feind, Zelt, Geschütz und Haab und Guth
350 Den Sieges-Wagen enge machen.

36.

Ihr guten Deutschen! laszts nur seyn,
Und sprecht den tapfern Zorn zufrieden!
Die Lorbeern gehn gleichwohl nicht ein,
Sie grünen mitten in dem Frieden.
355 Der Palm-Paum ist nicht schlimm versetzt,
Wofern ihn fettes Ufer netzt:
Das hoft man auch von euch zu schreiben.
Geht, zieht ans Meer, und kämpft und sucht
Iberiens verlorrne Frucht
360 In Welschlands Gärten auf zu treiben.

37.

Hält hier der Stillstand euren Muth,
So kan er dort mit Nachdruck blitzen;
Nicht anders pflegt der Adern Blut
Nach kurtzer Stemmung scharf zu sprützen.

365 Dort spannt ein neuer Friedens-Bruch
Ein neu und feindlich Seegel-Tuch;
Geht, geht und zeigt dem Niedergange
Ein schwartz und blutig Abendroth,
Damit die Flotte, so euch droht,
370 Den Port in Charons Kahn erlange.

38.

Wo schweif ich hin? wo bleibt mein HELD?
Entzieht er sich vielleicht der Erde?
Wie? oder hebt sich nur sein Zelt,
Damit es nicht entheiligt werde?
375 Ja, ja! ich seh die Ewigkeit,
Sie webt und stickt sein Ehren-Kleid,
Umgiebt sein Bildnisz mit den Sternen,
Und führt es zum Vergöttern auf;
Nun mag der Enckel Lebens-Lauf
380 Den Vorzug unsrer Tage lernen.

39.

O PRINTZ! O GROSSER PRINTZ! wie weit,
Wie weit entfernst du dich dem Neide,
Und auch so gar der Möglichkeit,
Dasz etwas deinen Crantz beschmeide?
385 Homer behalt dir den Achill!
Aeneas bleibe, wo er will!
Sie sind am längsten grosz gewesen;
Sie weichen doch mit Ehren aus;
Denn disz ist auch ein Lorbeer-Strausz,
390 Dem stärcksten Palmen nach zu lesen.

40.

Die Seele weisz von keiner Ruh,
Sie zeugt Gedancken aus Gedancken:
So, THEURER HELD! verfährst auch du
In deinem weiten Lebens-Schrancken;

395 Dein Eyfer braucht Gelassenheit;
Das Wesen seiner Tapferkeit
Besteht in lauter klugen Siegen;
Dein Alter blitzt so spät als früh;
Was wollte wohl die Poesie,
400 O HELD! zu deinen Ehren lügen?

41.

Genung! genung von deinen Ruhm!
Genung mit blutigen Geschäften!
Trag Helm und Schild ins Heiligthum,
Und lasz es an die Cedern heften!
405 Auch Groszmuth macht dem Alter Raum,
Es blüht ja schon der Mandel-Baum
Auf deinen Lorbeer-reichen Haaren.
Geneusz doch einmal deine Ruh,
Und sieh nunmehr auch andern zu,
410 Wie viel sie unter dir erfahren?

42.

CARL ist allein geschickt und werth,
Getreue Dienste zu belohnen:
CARL, der wie GOTT nichts mehr begehrt,
Als dasz die Völcker sicher wohnen.
415 CARL, dessen Ohr vom Himmel nimmt,
Was sein Befehl der Welt bestimmt,
Die kein Vorhängnisz mehr vergnüget;
CARL, dessen Geist den Thron erhöht,
Und noch so weit darüber geht,
420 Als Feind und Ehrfurcht drunter lieget.

43.

Ihr, die ein glücklich Feuer treibt,
Dem hohen Maro nach zu kommen,
Was macht es, dasz ihr sitzen bleibt?
Ihr habt nicht rechten Stof genommen.

425 Ihr sinnt, ihr schreyt mit Angst und Müh,
Reimt Fabeln, und vergeht, wie sie;
Kommt! wollt ihr hoch und ewig leben,
Kommt! setzt die goldnen Federn an,
Und schreibt, was GOTT und CARL gethan!
430 Der ADLER wird euch mit erheben.

44.

Ja schreibt nur, was ihr hört und seht,
Hier gilt erzehlen mehr als dichten.
Europa jauchztz und Stambol fleht;
Wer weiszt mir dieses in Geschichten?
435 Die VORSICHT, so das Reich bewacht,
Erklärt den Zwiespalt in die Acht,
Und lehrt uns mit versöhnten Blicken;
Es werde disz sein mächtig Haupt,
Was Unrecht, List und Neid geraubt,
440 Den Barbarn aus den Klauen rücken.

45.

Das Erbtheil JOSEPHS lebt in Ruh,
Und nährt sich von des BRUDERS Glücke;
Der Schäfer lacht, sein Vieh nimmt zu,
Die Lämmer werden feist und dicke:
445 Elysiens gelobtes Land
Treibt Handel, bringt das Feld in Stand,
Und baut so Korn-als Weisheits-Häuser;
In Welschland blüht ein neuer Sieg;
So lehren beydes Fried und Krieg:
450 DER SECHSTE CARL, DER GRÖSTE KAYSER.

46.

DER SECHST' an Zahl, DER ERST' an Ruhm;
Ihr Zeiten! lernt den Titul fassen!
Er zieret noch kein Alterthum,
Er fliegt allein in unsern Gassen;

455 Er giebt der Fama Geist und Schall,
Verewigt Felsen und Metall,
Und heiligt die geritzten Bäume;
Ja was das gröste Wunder schafft,
So stärckt des grossen Namens Kraft
460 Die Ohnmacht meiner schlechten Reime.

47.

HERR! so vermögend wirckt dein Geist
In kalt und schläfrige Gemüther.
Ich, den nur Wind und Hoffnung speist,
Besitze weder Kunst noch Güter;
465 Ich leyr im Winckel, Noth und Staub,
Und bin ein eingetheilter Raub
Von so viel ungeneigten Fällen,
Die, hab ich gleich die Pallas lieb,
Und käm auch oft ein guter Trieb,
470 Mir dennoch Fleisz und Lust vergällen.

48.

Und sieh, o HERR! auf einmal reiszt;
Mich deines Purpurs Anblick höher,
So schnell, daz nichts geschwinder heiszt;
Was red ich! Siegt EUGEN nicht eher?
475 Dein Scepter führt mich auf die Spur;
Drum trotz ich Schwachheit und Natur,
Du nimmst sie, wie den Feind, gefangen.
HERR! wächst dein Alter, wie dein Reich,
So hof ich mir noch viel von euch,
480 Ihr deutschen Schwäne! zu erlangen.

49.

Den welcken Lorbeer hab ich schon,
Num mangeln noch Verdienst und Leben;
Disz musz ein Mäcenaten-Sohn,
Und JENES CARLS Regierung geben.

485 Die ALLMACHT lasse nur dein Haupt,
Wofern es unsre Sünd erlaubt,
Nicht eher Stern und Himmel zieren,
Als bis ein Alexander weint,
Dem eine Welt zu enge scheint,
490 Des Vaters Thaten auszuführen.

50.

Ich, HERR! dein tiefster Unterthan
Will, bleib ich auch im Staube sitzen.
Noch mehr auf deiner Ehren-Bahn
Als vor dem Elends-Ofen schwitzen.
495 Verstosz mich an den kalten Bär,
Ich geh und gern und find ein Meer,
Dein Lob in ewig Eisz zu schreiben;
Denn weil mir Augen offen stehn,
Soll CARL und TUGEND und EUGEN
500 Die Vorschrift meiner Musen bleiben.

(Sammlung von Iohann Christian Günthers, aus Schlesien, bis anhero
herausgegebenen Gedichten. Fünfte Auflage. 1751. стр. 123—137).

Поводъ, по которому написана ода на взятіе Хотина, объясненъ самимъ авторомъ. Ломоносовъ говоритъ, что ода эта «ничто иное есть какъ только превеликія оныя радости плодъ, которую непобѣдимѣйшія наша монархія преславная надъ непріятелями побѣда въ вѣрномъ и ревностномъ моемъ сердцѣ возбуждала».

(Покойнаго ст. сов. М. В. Ломоносова собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. Книга вторая. 1778. стр. 3).

Рѣшительная побѣда надъ давними и опасными врагами и взятіе важной крѣпости представлялись какъ бы возмездіемъ за неудачный Прутскій походъ. Въ извѣстіяхъ, получаемыхъ съ поля битвы и печатаемыхъ во всеобщее свѣдѣніе, Ломоносовъ находилъ благодарный матеріалъ для описанія подвиговъ «нашего, въ трудъ избраннаго, народа». Извѣстія эти переводились на иностранныя языки и перепечатывались въ иностранныхъ газетахъ. Русско-турецкая война привлекала особенное вниманіе

европейскихъ державъ. Представитель Саксоніи при петербургскомъ дворѣ посылалъ своему правительству, вмѣстѣ съ дипломатическими депешами, и листки петербургскихъ газетъ, заключающіе въ себѣ извѣстія о ходѣ военныхъ дѣйствій. Онъ послалъ въ Дрезденъ изданный на русскомъ и на нѣмецкомъ языкѣ «Планъ баталіи при Ставучанахъ въ Молдавіи, между Императорскою Россійскою Главною Арміею подъ командою генерала Фелдмаршала Графа Фонъ Миниха и между Турецкою Арміею, подъ командою Сераскера трехъ бунчужнаго вели паши и Салтана Исламъ Гирѣи; бывшей $\frac{17}{28}$ Августа 1739 году». Препровождая планъ Ставучанскаго сраженія, саксонскій посланникъ пишетъ: Je joins le plan de bataille de Choczim qui a été imprimé ici.

Реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ писалась въ такомъ тонѣ, который могъ отчасти вызвать настроеніе, господствующее въ похвальныхъ одахъ вообще. Источникомъ для послѣдующихъ описаній послужило слѣдующее подробное извѣстіе, появившееся, вмѣстѣ съ «журналомъ компаніи», на страницахъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.

Въ Санктпетербургѣ Сентября 3 дня 1739 года.

Сего утра съ присланнымъ отъ Генерала Фелдмаршала Графа Фонъ Миниха, отъ главнѣйшей Императорскаго Величества арміи Генералъ-Мазоромъ Апраѣинымъ, получена радостная вѣдомость, о дарованной отъ Бога надъ наследнымъ Христіанскаго имени непріятелемъ знатной побѣдѣ, и взятіи крѣпкаго города Хотима, со всею въ немъ артилеріею и гарнізономъ съ ихъ командіромъ трехъ бунчужнымъ Колчакъ Пашею, за которое щедротное Божеское милосердіе, и праведному Ея Императорскаго Величества оружію щастіе, да будетъ Его Всемогуществу хвала и благодареніе.

Копія съ реляціи отъ Генерала Фелдмаршала Графа Фонъ Миниха, изъ Хотима отъ 20 Августа, 1739 года.

Въ началѣ Богу единому честь, слава и благодареніе!

А Вашему Императорскому Величеству нашей Августѣйшей и Всемилостивѣйшей Великой Государынѣ, вѣчная и безсмертная хвала, о бывшей 17 сего мѣсяца выигранной, и одержанной надъ непріятелемъ цѣлаго Христіанства совершенной вѣкторіи, которая происходила слѣдующимъ образомъ.

Какъ свѣрѣнной командующей бендерской Сераскеръ Вели Паша съ бѣлгородскимъ Сераскеръ Султаномъ Исламъ Гирѣемъ, и съ Турецкимъ Генѣмъ Али Пашею, съ Хотимскимъ Колчакъ Пашею, и съ Мустафою

Агою командующимъ надъ Янычары, и протчими Пашами и Султанами, въ крѣпкомъ при деревнѣ Стаучанахъ, сполторы мли отъ Хотима лагерѣ, на болшон Хотимскою дорогѣ стараясь всѣми мѣрами къ оной крѣпости насъ не допустить. Не точію всѣ непріятельскіе силы состоящія отъ 40 до 50000 Турокъ, между которыми до 20000 Янычаръ находилось, такожъ 40000 Татаръ и 10000 Липкановъ, и тако всего до 90000 человекъ въ собраніи имѣлъ, по и въ тамошнихъ гористыхъ мѣстахъ (которые и безъ того собою весма крѣпки) троннымъ ретранжаментомъ со многими батареями, на которыхъ до 60 пушекъ и мортіръ поставлено было, такъ сильно ошанцовался, что весма не возможно казалось оного непріятели, изъ такого крѣпкого посту выгнать, у котораго онъ имѣлъ на правои рукѣ непроходимои густои лѣсы и горы, передъ собою маленкую рѣчку съ прудами и болотами, ретранжаментъ и батареи; въ лѣвои же рукѣ, по томужъ глубокія буяраки и великія горы, слѣдственно и трудные дефілеи, а крѣпость Хотимъ въ тылу и стоялъ на такомъ вышинѣ, что мы оного никакою пушкою, ниже изъ мортіры бомбою достать не могли.

Армія Вашего Императорскаго Величества уже двои сутки отъ непріятели окружена была и непріятель атаквалъ со всѣхъ сторонъ, не точію съ утра до вечера; но и чрезъ цѣлую ночь, то съ праваго, то съ лѣваго крыла, то въ тылъ, а Сераскерь бендерскои съ своихъ батарей изъ пушекъ стрѣлялъ безперерывно, токъмъ какъ Турки, такъ и Татары кои на насъ напали, всегда съ великимъ ихъ урономъ назадъ отбиваемы были, и нашими Гусарами, Калмыками, и Казаками ежедневно Турецкіе и Татарскіе головы, хорошее ружье, и лошади привожены были, регулярные жъ воиска показывали почти не слыханную къ баталіи охоту, и весма желали чтобъ къ непріятели какъ наискорѣе пріблїжиться, а непріятель днепо и почно работалъ, стараясь съ своими батареями ближе къ намъ подвїнуты.

И по тому прїзвавъ Бога въ помощь, взята резолюція того 17 числа на непріятели въ ево лагарѣ напасть.

И понеже точію къ непріятелскому лѣвому крылу прїступитца было можно, то учїнено раздѣленїе, употребляя воинскую хїтрость, и немедленно Гвардія Вашего Императорскаго Величества, такожъ два драгунскихъ, и три пѣхотныхъ полка, нѣсколко нїкетовъ и нерегулярныхъ воискъ, 4 мортіры, и 30 пушекъ протїву правои крыла непріятелскои, на разстоянїе пушечнаго выстрѣла отъ ихъ батарей выведены, и пѣсколко бомбъ брошено. Цѣлая же армія въ ружьѣ вступїла, подавая вїдъ яко бы непріятелскои ретранжаментъ (которои такожъ и ихъ лагаръ безчїсленнымъ множествомъ знаменъ уставленъ былъ) атаквалъ хотѣла.

Потомъ непріятель умножая свою работу въ томъ мѣстѣ и еще 2 батареи и лїніи вновь предъ нами на вышинѣ здѣлалъ, и съ великимъ поснѣшенїемъ работалъ, покуда, армія Вашего Императорскаго Величества, вдругъ въ правую сторону пошла, и Гвардія коя съ полками и съ артиллерїею выведена была, наки къ арміи возвратїлась, а коль скоро оное учїнено, тогда у непріятели глаза отворїлись, и онъ уже узналъ, что армія Вашего Императорскаго Величества, на ево лѣвое крыло прямо идетъ.

При чемъ чрезъ имѣющуюся переправу съ такою скоростію множество мостовъ мы подѣлали, и изъ полѣвой полковой артиллеріи такъ сильно дѣйствовали, что около 1-го часа по полудни, Генераль-Лейтенантъ Карлъ Фонъ Биронъ, съ правымъ крыломъ арміи, чрезъ оную переправу щастливо перебрався, и тотъ непріятель котораго падавать отваживался, нашею артиллеріею сідно прогнанъ былъ. За правымъ крыломъ слѣдовала Вашего Императорскаго Величества Гвардія, подъ пріводомъ Генерала-Лейтенанта Густава Фонъ Бирона, а за онымъ Коръ-де-баталія съ Генераломъ Аншефомъ Румянцовымъ, и лѣвое крыло подъ пріводомъ Генерала Лейтенанта Барона Фонъ Левендаля, которое Турки въ Аріергардъ сильно атакowali.

На правое крыло состоящее подъ командою Генерала Лейтенанта Карла Фонъ Бирона, а особливо: на Гусаровъ непрестанное нападеніе чинено, и по тому мы обрѣтались въ средѣхъ безчисленнаго непріятеля: котораго всю армію Вашего Императорскаго Величества окружалъ, такъ что, со всѣхъ сторонъ оною чаять надлежало. Точію невзвѣрая на то, слѣдовали прямо на гору противу левого крыла непріятельскаго лагеря, съ правымъ крыломъ арміи и съ Гвардіею Вашего Императорскаго Величества, и двумя бригадами полѣвой артиллеріи. А что лошади артиллерійскіе встать на гору немогли, то чинена помощь людьми съ великою радостію.

Непріятель на ту гору, на которую мы всходить должны были, взвезъ пушки, имѣющіеся у него болшіми готовыми турами дѣлалъ батарею, и изъ оной немедленно стрѣлялъ, точію опая нашими артиллерійскими неправыми командирами, и доброю артиллеріею немедленно збита.

въ 5-мъ часу по полудни, атакowali янычара пѣхотою состоящею отъ 12 до 13 тысячъ, при чемъ видно было, что непріятельскій лагерь зачали снимать, и оной жечь.

Означенныя Янычара по ихъ обыкновенію прібѣжали даже до рогатокъ, и учлились на Гвардію Вашего Императорскаго Величества, и на большую часть пѣхоты, противу которыхъ такою сильною огонь мы употребляли, что оны не долго стоять могли, ибо какъ передніе Янычары всѣ побиты, и болѣе тысячи по объявленію вышедшаго, ранено, то досталныя ретировались еще скорѣе, нежели какъ прібѣжали.

Мыбъ могли тутъ цѣлонъ непріятельскій лагерь получить, ежелибъ не имѣли при себѣ большаго обозу, и провіанскаго магазейна, котораго мы покрываты прінуждены понеже Татара, и Турецкая кавалерія, насъ безпрестанно окружала, по чему должно было частые гальты дѣлать, и жадныхъ на непріятеля солдатъ удерживать, и точію въ 7-мъ часу по полудни на гору взшли, и въ непріятельскій лагерь вступили, гдѣ и по лѣсамъ оставшаго отъ непріятеля 19 мѣдныхъ пушекъ, 4 мортіры, нѣсколко знаменъ, безчисленное множество бомбъ, картечь, ядеръ, а особливо шанцовыхъ инструментовъ, да слѣшкомъ 1000 полотокъ, немалое число всякаго запаса и фуражу, въ знакъ совершенной вѣкторіи получено, а оной въ наивышней конфузій будучи поосрамленъ со стыдомъ, остави свои лагерь ретироватися прінуждены.

Всемогущій Господь, котораго милостію своею намъ предводітелемъ

быль, всевышшею своею десницею защитилъ; что мы чрезъ непріятелскою безперерывною огонь, и въ такой силнои баталіи убитыхъ и раненыхъ весьма малое число имѣемъ.

Всѣ рядовые объ означенной полученной викторіи, до полуночи радовались, и кричали Вивать Великои, Государынѣ, и означенная викторія даетъ намъ надежду къ великому успеху, понеже армія Вашего Императорскаго Величества со всѣмъ въ добромъ состояніи, и имѣетъ чрезвычайной куражъ.

БОГУ ЕДИНУМУ СЛАВА!

А я оною полученною надъ непріателемъ милостію Божескою, и высокімъ Вашего Императорскаго Величества щастіемъ полною викторією, съ радостнымъ сердцемъ Вашему Императорскому Величеству нашей Все-милостивѣйше Государынѣ, приношу мое всепѣжаншее поздравленіе.

Вышесказанное мое всеподданнѣйшее, написано было, 18 числа, а вчерашняго числа егожь могуществомъ Божескімъ, и высокімъ Вашего Императорскаго Величества щастіемъ, славною и прензрядною Хотимскою крѣпостію мы овладѣли, и трехъ бунчужной Калчакъ Паша, со всѣмъ гвардизономъ военноплѣнными учинены, и ключи оного города, при семь къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества съ отправленнымъ съ нимъ Генераль-Маэоромъ Апраѣнскимъ всеподданнѣйше полагаю.

А завтешняго числа за всѣ таковыя Его Божескія неизреченныя милости; имѣемъ всюю армією учинить ему Всевышнему благодареніе, а по томъ дальнѣйшіе сильныя дѣйства, въ Молдавіи продолжать.

Объ обстоятельствахъ вышесказанной знатной викторіи, и взятія Хотима, изъ приложенного при семь журнала пространнѣе явствуетъ.

Продолженіе журнала, держанное при главной Ея Императорскаго Величества арміи; кампаніи 1739 году: отъ 10 до 20 Августа.

10 числа, армія ожидая оставленную въ горахъ артилерію, багажъ и провіанской магазинъ, имѣла отдохновеніе.

Въ 9 часу предъ полуднемъ показалаcя непріятельская партія, и учинила на бывшей въ паствѣ предъ правымъ крыломъ арміи скотъ нападеніе, но непріятель отъ нашихъ Гусаровъ на семь стоявшихъ такъ принять, что онъ оставя нѣсколько побитыхъ, ретироваться принужденъ былъ.

Съ нашей стороны ни побитыхъ, ни раненыхъ не было.

Изъ Валахии прибылъ одинъ Ротмистръ, именемъ Василій Куртъ, съ нѣсколькими Волохами въ лагерь, и въ службу Ея Императорскаго Величества принять.

Сей Ритмейстеръ обнадеживалъ, что Волохи, которыхъ у Господаря Молдавскаго съ 5000 человекъ числомъ было, такъ разбѣжались, и въ горы ретировались, что токмо отъ 7 до 800 человекъ у Господаря не осталось, якоже и Турки подъ командою Сари Магмета Паша, которой Волохскому Господарю въ помощь приставленъ, въ 500 человекъ состоявшія до 100 человекъ, также оного оставили и за Дунай

разбѣжались, и тако Господарь самъ, уже собрался равнымъ образомъ за Дунай ретироваться.

Непріятельскія лагера, которые рано поутру видимы были, изъ нашего виду исчезли.

Генераль Маеоръ Бахметевъ, съ оставленнымъ на высокомъ мѣстѣ багажемъ: сохранны въ лагерь прибылъ.

11 числа армія шла для фуражу нѣсколько верстъ въ верхъ, и лагеромъ не далеко отъ села Ракитны стала.

Генераль Маеоръ Шиповъ, прибылъ съ достальнымъ багажемъ и провіанскимъ магазиномъ до рѣки Гукави, и шель черезъ оставленные тамо мосты, денно и ночно безъ остановки. Къ нему для прикрытія посланъ на встрѣчу бригадиръ Лаухинъ, съ 4 баталіонами и нѣсколькими полковыми пушками, такожъ нѣсколькими подводами; для лутчего и скорѣйшаго походу.

Въ полдень непріятель видимъ былъ въ походѣ, которой въ 10 верстахъ отъ насъ лагерь свой накі поставилъ. Наши Гуссары, Волохи и Казаки, съ нимъ тотчасъ въ сраженіе вступили, и огнь до вечера продолжался.

Непріятель разнократно покушался предъ нами фуражъ зажечь, но онъ за бывшимъ по сіе время дождемъ горѣть не могъ, такъ что онъ намъ въ томъ никакого вреда учинить не въ состояніи былъ.

Непріятель сего дня много побитыхъ и раненыхъ имѣлъ, а напротивъ того наши разное изрядное ружье, денги и платье въ добычь получили.

Съ нашей стороны побиито.

3 Гуссара и
1 Волохъ.

Раненыхъ было.

2 Гуссара.
3 Волоха.
3 Донскихъ и
3 Малороссійскихъ Казака.

Сверхъ того 1 Волохъ и два Малороссійскіе Казака пропали.

Въ почі непріятель на наши патрули, какъ на правомъ таѣ и на лѣвомъ крылѣ арміи напалъ, но которомъ изъ мѣлкаго ружья, да и нѣсколько разъ изъ пушекъ налено, и когда непріятель у насъ все въ доброй осторожности и бодрости нашолъ, то онъ вскорѣ назадъ отступилъ.

Нѣкоторые Запорожскіе Казаки, которые въ Польшѣ продерзости учинили, казнены, и предводитель повѣшенъ.

Тогожъ числа Капитанъ Гвардіи баронъ Мейендорфъ со всеподданнѣйшею реляціею о томъ, что съ 18 числа Іюля произошло, къ Ея Императорскому Величеству отправленъ, котораго Малороссійской Полковникъ Чеснокъ, съ 400 Казаками до Польскихъ границъ прешпровождать приужденъ, понеже непріятельскіе партіи по всюду разбѣзжаютъ.

12 числа ожидая великаго багажа, и провіантнаго магазейна арміи, еще растагъ данъ быть имѣлъ, и генеральное фуражированіе держено.

Полковникъ Чеснокъ, съ своею командою назадъ благополучно, и сохранны въ лагерь прѣѣхалъ.

Отъ непріятеля того числа все въ тишинѣ было, однакожь можно было его лагерь изъ дали видѣть.

13 числа армія по утру рано поднялась, лагерь при рѣкѣ Равитѣ у деревни Каланауча, принадлежавшей Чагодарю Хотимскому Калчакъ Пашѣ; учрежденъ.

Непріятель по ту сторону рѣки Равиты появлялся, и такъ близко къ намъ подошелъ, что его изъ мѣлкаго ружья достать мочно было.

Мосты между тѣмъ подъ нашею артилеріею на рѣкѣ Равитѣ построены, и какъ скоро наши на другой сторонѣ мѣсто заняли, и регулярные войска къ непріятелю выступили, то оной непріятель назадъ отступилъ, а армія безъ препятственно въ лагерь вступила.

Получена подлинная вѣдомость, что Сераскерь Вели Паша, котораго лагерь видѣть мочно было, съ 20000 Янычаръ, и 20000 Спаговъ, Арнаутовъ, и Серденгачитами, купно со всеми Татарами и Липканерами такожь отъ 40 до 50000 человекъ состоящими, и съ многочисленною артилеріею, Россійскую армію по сю сторону Хотима ожидать намѣренъ, такъ что ежели мы его не атакуемъ, то онъ самъ изъ своего лагера выступитъ, и намъ баталію дать хочеть, а именно такимъ образомъ, чтобъ командующей Сераскерь Вели Паша, съ фрунта Калчакъ Паша наше лѣвое, и Эншали Паша правое крыло; и Сераскерь Султанъ съ Татарами съ тылу насъ наихвостайше атаковать.

Потому отъ командующаго Генерала Фелдмаршала все къ баталіи распорядено, багажъ отъ арміи отлученъ, и подъ достаточнымъ прикрытїемъ, подъ командою Генерала Маеора Хрушова, зѣло въ выгодномъ лагерь позади оставленъ.

14 числа армія на рассвѣтѣ того дня въ маршъ вступила, и перешла чрезъ рѣку Амремшу безъ всякаго препятствія,

Мы имѣли разные долины, болота и дефины, чрезъ которые мосты строить принуждены были; переходить, пока армія на гору взшла, съ которой непріятельскій лагерь, съ хорошую милою отъ насъ находящейся виднмъ былъ.

Въ 9 часу предъ полуднемъ видѣли, какъ непріятель свой лагерь снялъ, и оной на высокую гору далѣе противъ Хотима назадъ переставилъ, такъ что сего дня, ни къ какому главному сраженію не дошло, а между тѣмъ непріятель противу нашего лѣваго крыла, въ нѣсколькихъ тысячахъ человекъ собрался, и какъ оной видъ далъ чрезъ долины съзади нашей Арміи зайти, и на нашъ багажъ напасть, то Донскіе, Чюгуевскіе, и другіе Казаки, съ 4 пушками на лѣвомъ крылѣ арміи поставлены, дабы маршъ багажа лучше прикрывать.

Нѣсколько сотъ Турокъ съ горы сошло, и чрезъ рѣку Равиты, при которой лѣвое крыло арміи стояло, перешло; тогда наши Казаки наихвостайше на оныхъ напали, ихъ назадъ отбили, и многіе Турецкіе головы съ Командарскою булавою, называемою Тонусъ или Босдиханъ привезли.

Коръ де баталіи съ правымъ крыломъ (гдѣ такожь нѣсколько сотъ

Турокъ (появляясь) продолжалъ маршъ безъ всякаго препятствія въ горѣ, на которой непріятельской лагерь стоялъ, до рѣки Санкоучи, чрезъ которую тотчасъ мосты построены.

Наши Гусары и Волохи съ праваго крыла арміи, нашимъ непрестанно въ сраженіи бывшимъ Казакамъ на помощь пріѣхали, и огонь былъ отъ часу жесточе, однакожъ съ такою разностію, что непріятель, по которомъ добрымъ распоряженіемъ Генерала Лейтенанта барона фонъ Левендаля, безпрестанно палено и бомбы бросаны, отчасу назадъ отступалъ, и нашимъ по продолженномъ отъ 10 часа предъ полуднемъ до 5 часа по полудни огнѣ; поле очистить принужденъ.

Духовной или пошъ новгородскаго пѣхотнаго полку имянемъ Григорей Лапинскій, всегда предъ сражающимися войсками Святой крѣсть въ рукахъ держа разѣвжалъ, подъ которымъ лошадь ранена, а Чюгуевскоіи Казакъ одинъ трехъ Турокъ кошемъ закололъ, и такъ храбро поступалъ, что хотя онъ потомъ и самъ раненъ, оной однакожъ до окончанія акціи въ огнѣ пребывалъ.

Съ нашей стороны убито:

- 2 Гуссара.
- 2 Волоха,
- 2 Кампанейца и
- 1 Малороссійской Казакъ.

Ранено.

- 1 Ротмейстеръ отъ Чюгуевскихъ Казаковъ.
- 1 Гуссаръ.
- 1 Аудиторъ отъ Волоховъ.
- 1 Донской и
- 3 Малороссійскихъ Казаковъ.
- А 1 казакъ безвѣсти пропалъ.

Непріятель же множество людей потерялъ: ибо не токмо разныя Турецкія головы привезены, но и отъ нашихъ нѣсколько Турецкихъ Лошадей въ седлахъ и уборѣ, и пѣкоторое число Турецкихъ червонныхъ въ добычѣ взято.

Генераль Маеоръ Хрущовъ прибылъ съ оставленнымъ, а Генераль Маеоръ Шиповъ съ тяжелымъ багажемъ, и съ провіанскимъ магазейномъ къ рѣкѣ Санковци, которая чрезъ почъ, здѣланными тамо мостами; безъ перерывно переходили.

15 числа для обожданія тяжелаго багажа, и провіанскаго магазейна, былъ еще расгагъ, и генеральное фуражированье.

Въ 10 часу предъ полуднемъ, непріятель предъ корь де баталіи показался, и присматривалъ нашихъ фуражировъ, а не регулярныя войска, мужественно на него наступали и онымъ бригадою полевой артилеріи вспомошествовано.

Огонь продолжался до 3 часу пополудни, когда непріятель нашимъ поле оставить принужденъ былъ.

Съ нашей стороны въ сей день побитыхъ не имѣлось, а раненыхъ было.

1 Хорунжей Донскихъ Казаковъ.

1 Товарищъ Полтавскаго полку и

2 Козака.

1 Чюгуевской Калмыкъ безвѣсти пропалъ.

Два драгуна, и два Казака, которыя въ сей кампаніи Татарами въ полокъ взяты, и отъ непріятеля ушли, въ лагерь прибыли.

Такожь вторично нѣсколько Волоховъ къ арміе добровольно пріѣхало, которые въ Ея Императорскаго Величества службу приняты.

Въ вечеру поздно Генераль Маэоръ Шинновъ съ тяжелымъ багажемъ, и провіанскимъ магазиномъ, которой съ 5 Августа позади, и въ дефілеяхъ былъ, накі къ арміи прибылъ; изъ чего выразумѣть можно, съ какими многими трудностями, маршъ черезъ горы, а особливо при многомъ дожжѣ продолжать принуждены были, и нѣсколько тысячъ скота померло.

Генераль Маэоръ Штокманъ при тяжеломъ багаже пропалъ, и чайтельно есть, что онъ Татарами поиманъ, понеже его видѣли, что онъ только одинъ вверхъ на гору верхомъ ѣхалъ.

16 числа по утру была армія накі вся въ собраніи, и въ походъ вступила, шла вторично многими дефілеями, и переправилась черезъ малыя рѣчки Книшковчи и Салоченчи.

Въ полъ 9 часа предъ полуднемъ пришла армія на высокое мѣсто на пушечной выстрѣль отъ Турецкаго лагера, и тамо усмотрѣно, что непріятель сильно шанцами орудился, и батареи подѣлалъ.

Въ 10 часу предъ полуднемъ выступили Турки изъ своего лагера на наше лѣвое крыло, и всѣ Татарскія орды подошли отъ нашего праваго, даже до лѣвого крыла въ тылъ арміи, такъ что мы отъ непріятеля окружены были.

Въ 11 часу имѣли наши Донскія и Чюгуевскія Козаки у лѣваго крыла съ непріятелемъ жестокое сраженіе, по понеже нашимъ отъ бригады полевой артилеріи, и нѣсколькими полковыми пушками наудачнымъ образомъ веномоществовано, то мы всегда авантажъ пріобрѣтали.

А между тѣмъ, походъ при всегдашнихъ сраженіяхъ и пушечной пальбѣ продолжался, и стали лагеромъ при урочище Солнчи названномъ, такъ что мы въ сей день за трудными дефілеями точию 6 верстъ, или малую мѣлю вверхъ перейти могли, а имянно на пушечной выстрѣль отъ непріятельскихъ батарей.

На правомъ крылѣ наши Гусары и Малороссійскія Казаки въ сраженіяхъ были, и нѣсколько тысячъ Турокъ и Татаръ такожь атаковали на артилерію, но такъ приняты, что они съ великимъ урономъ назадъ отступить принуждены были.

Турки пушечную пальбу, и бросаніе бомбъ безпрерывно съ своихъ батарей продолжали, но безъ всякаго дѣйства.

По наступленіи ночи, какъ Генераль Квартіръ-Мейстеръ фонъ Фермеръ, съ 250 человекъ драгунъ, и фуражирами, такожь и съ тремя полковыми пушками, съ полверсты предъ арміею въпереди былъ, для

учрежденія лагера, напали на него нѣсколько тысячъ Турокъ и Татаръ, и какъ усмотрѣно, что большая часть тудажъ слѣдовала, и ради того разсудилось, что непріятель сей малой корпусъ преодолѣть, и тако немедленно конная гвардія, съ нѣкоторымъ числомъ пушекъ туда послана, за которою полки отъ праваго крыла подъ предводительствемъ Генерала Лейтенанта Карла фонъ Бірона, тогожъ часу слѣдовали, и тогда непріятель по сраженіи чрезъ полчаса съ великимъ урономъ ретироваться принужденъ былъ.

Съ нашей стороны при томъ токмо 3 человекъ съ легка ранены.
А на лѣвомъ крылѣ одинъ Есаулъ, и 3 Казака убиты.

Раненныхъ было.

5 Драгуновъ.

5 Гусаровъ.

1 Полковникъ.

1 Есаулъ или Адъютантъ отъ Донскихъ Казаковъ.

1 Калмыцкой лама или попъ.

30 Казаковъ и Калмыковъ.

Непріятель окружа насъ со всѣхъ сторонъ, и на армію въ разныхъ мѣстахъ ночью папалъ, однакожъ вездѣ отъ нашего жестокаго огня назадъ прогнанъ, а между тѣмъ непріятель въ той ночи еще 2 новые батареи ближе къ нашему лагеру здѣлалъ, и жестоко трудился, чтобъ оныя ретраншементомъ обвести и прикрыть.

Мы съ нашей стороны мало фуражу имѣли, и недостатокъ въ дровахъ, на нашей лѣвой странѣ Хотимскіе горы и такой лѣсъ, чрезъ которой и партія пройти не могла, не токмо чтобъ армія съ артилерією проходить моглабъ, на тылѣ мы отъ всѣхъ Татарскихъ ордъ окружены были, и имѣли по правую руку горы, которые даже до Прута простираются, и гдѣ мы окружъ на 7 или 8 маршевъ чинить принуждены былибъ, дабы подъ Хотимъ подойти, а предъ нами была Турецкая армія, которая день и ночь тройнымъ ретраншементомъ лагерь свой укрѣпить трудилася.

Въ такихъ обстоятельствахъ неможно было долго мѣшкать, и какъ нынѣ отъ плѣнныхъ слышно, то Сераскеры и Паша, въ надеждѣ были, что нынѣ Россійскую армію въ рукахъ своихъ уже имѣють, такъ что ни жадной человекъ у нихъ не уйдетъ.

И тако резолюція принята, подъ божескою защитою, непріятеля въ его лагерь атаковать, и какъ видно было, то онъ предъ своимъ правымъ крыломъ, противу котораго наша армія стояла, при своемъ ретраншементѣ и батареяхъ непрестанно работала, а его лѣвое крыло, которое равномѣрно на вершинѣ той горы стояло, еще шанцами обведено не было, такъ что такмо на томъ мѣстѣ до него дойти можно было, того ради хитрость употреблена.

И 17 Августа (въ которой день и въ прошломъ году акцією и висторією противу сегожъ Вели-Паши торжествовано) одинъ корпусъ, состоящей изъ гвардіи 2 драгунскихъ, и 3 нѣхотныхъ полковъ, 400 человекъ отъ Пикета съ тридцатью полковыми пушками, и 4 мартірами

противу непріятельскаго праваго крыла и его батареи подь самыя пушки, а потомъ всей арміе въ ружье вступить велѣли, якобы намѣреніе наше было непріятеля въ его ретраншементѣ, которой равномѣрно какъ весь его лагерь, со множественнымъ числомъ знаменъ покрыть быть, со всею нашею силою атаковать, и сей стратагемъ или обманъ; столько предъуслѣлъ, что непріятель въ двое работниковъ къ своимъ ретраншементамъ приставилъ, непрестанно изъ своихъ пушекъ по насъ стрѣлялъ, и свою силу туда привелъ, такожъ и наше лѣвое крыло, а особливо Донскихъ Казаковъ вновь атаковалъ.

Къ полудни съ нашей стороны все къ баталіи потребное готово было, и мы тогда вдругъ въ правую руку маршировали, присовокупляя въ тожь время вышепомянутой откомандированной корпусъ наки съ арміею, и въ тожь часъ непріятель глаза отворя прісмотрилъ, что на его лѣвое крыло пойдемъ, однакожь непріятель, по скаскѣ плѣнныхъ войско свое увѣрилъ, что Россійская армія симъ подвигомъ возвратный маршъ предпріемлетъ, о чемъ въдомость и въ Хотимъ къ Калчакъ Пашѣ тогожь часу послалъ.

Мы, дабы непріятельское лѣвое крыло атаковать могли, принуждены были, чрезъ рѣку Сулицы перейти, потомъ на высокое мѣсто взойти, куда Арнауты и Спаци уже збиралися, и еще чрезъ глубокую долину маршировать, и тогда на крутую гору взлзати, на которой непріятельской лагерь стоялъ; наивысшее намъ затрудненіе было, что поуже непріятель отъ всюды насъ окружалъ, мы со всѣмъ багажемъ и съ провіанскимъ магазиномъ маршировать, оной прикрывать, и въ тожь время непріятеля атаковать имѣли, сего ради при неотрывной стрѣльбѣ отъ двухъ бригадъ полевой артилеріи 27 мостовъ чрезъ рѣку Сулицы такъ посиѣпно построили, что 2 часа по полудни Генералъ Лейтенантъ фонъ Біропъ съ лѣвымъ арміи крыломъ чрезъ обонъ предъ нами долины щастливо переходить и ниже высокаго мѣста, на которомъ за двѣ версты предъ нами непріятельской лагерь стоялъ, въ ордеръ баталіи построиться могли, которому Ея Императорскаго Величества Гвардіи подь предвожденіемъ Генерала Лейтенанта Густава фонъ біропа слѣдовали, а за ними Корде баталіи съ Генераломъ Аппефомъ Румянцовымъ, и на послѣдн лѣвое крыло подь предвожденіемъ Генерала Лейтенанта барона Левендала маршировали, на которыхъ Турки безпрестанно напуски чинили, и тако армія всегда въ передъ подавалась, по понеже багажъ и магазинъ прикрывать надлѣжало, то она не безъ остановки къ непріятельскому лагеру на гору приближалась. Въ 3 часу правой фланкъ Генерала Лейтенанта Карла фонъ бірова, и наши Гусары отъ непріятельской конницы сильно атакованы, но паними полковыми пушками, и двумя бригадами, полевой артилеріи, которыми Подполковникъ Князь Дадьянъ, по обыкновенію своему съ великимъ искусствомъ и храбростію дѣйствовалъ, всегда полѣ очищено было.

О 4 часу по полудни, видимъ былъ непріятель отъ своего праваго крыла къ лѣвому на насъ въ совершенномъ движеніи, везя съ собою многія шанцовыя туры и пушки, и дѣлая на высокомъ мѣстѣ батарею, съ которой онъ тотчасъ изъ пушекъ налить началъ.

Но мы тѣмъ въ нашемъ походѣ толь меньше остановлены, поспеже паша скоро дѣйствующая артiлерiя ихъ преодолевала, и гдѣ артiлерныя лошади немогли опую на гору взвѣсть, то iнфантерiя въ томъ помогала, со всегдашнимъ радостнымъ восклицанiемъ и желанiемъ до непрiятеля добратся.

Въ 5 часу по полудни атаковали Янычары съ саблями въ рукахъ и наущали по обыкновенiю ихъ до самыхъ рогатокъ, но сiе трафилось на самую силу нашей пѣхоты и на гвардiю Ея Императорскаго Величества, которая такъ сильно мушкетную и при томъ пушечную пальбу производили, что оное недолго продолжаться могло, но изъ Янычаровъ отъ 2 до 3000 къ атакованiю пришедшихъ, передовыя на мѣстѣ побиты, и по скаскѣ пленныхъ болѣе 1000 ранено, и тако съ слѣдующими имъ Янычарами въ бѣгство обратиться принуждены были, не продрався до нашей пѣхоты, и не приближась до рубленiя саблями. Когда Янычары побѣжали, то видно было, что часть непрiятельскаго лагера собирать и жечь стали, а войска къ Хотиму назадъ регироваться начали. Здѣсь мы весь непрiятельской лагерь получить моглибъ, ежели бы мы тяжелаго багажу и провiантскаго магазина, отъ Турецкой конницы и Татаръ, которыми мы всегда окружены были, прикрывать и тако часто остановиться, и охотныхъ солдатъ удерживать принуждены не были.

По чемъ мы уже въ 7 часу вечера на вышину горы и къ лѣвому крылу непрiятельскаго лагера взошли, гдѣ мы отъ части на батареяхъ, отъ части же на другой день по утру на Хотимской дорогѣ 4 мѣдныхъ мортиры, 19 мѣдныхъ пушекъ, нѣсколько знаменъ; съ тысячу полатокъ, неисчисленное множество бомбъ, картечь и ядеръ, особливо же шанцовыхъ инструментовъ, великое множество телегъ съ провiантомъ и фуражемъ, въ которомъ здѣсь не мало недостатокъ есть; во знакъ совершенной викторiи отъ непрiятеля, которой съ великою торопостiю отступилъ и свой вельми сильно шанцами укрѣпленной лагерь съ стыдомъ и срамотою оставить принужденъ, въ добычъ получили, и ту ночь въ непрiятельскомъ лагерѣ съ непрестаннымъ радостнымъ восклицанiемъ и веселiемъ каждого стояли. Всемогушiй Богъ, которой насъ до сего мѣста привелъ, содержалъ и при томъ свою милостивую руку надъ нами что мы отъ непрiятельской непретавной пушечной стрѣльбы, которая съ самого утра до 7 часа вечера продолжалась, и отъ многократныхъ нападеней непрiятельской конницы и напослѣдн Янычаръ, побитыхъ имѣли токмо.

3 Гусара.

4 Мушкетера и

6 Казаковъ.

Раненыхъ 53 человекъ, между которыми Подполковникъ Колударовъ и Маюръ Ширмашеръ, одинъ Поручикъ, 1 рейтаръ, 2 рядовыхъ отъ Ея Императорскаго Величества Гвардiи, 1 Адъютантъ и два Хорунжея отъ Донскихъ казаковъ обрѣтаются, которой малой уронъ почти невѣроятенъ видится, однакожъ сущимъ дѣйствомъ есть мужество и храбрость Россiйскихъ войскъ и сильное наступанiе и артiлерiи оное, кото-

рой у опихъ обыкновененъ, яко же плѣнной Калчакъ Паша самъ признаеть, что они нашего огня никакъ съестн не могутъ.

Неприминуто сею отъ бога дарованною славною вѣкторіею, и всеконечнымъ разбитіемъ непріятели пользоваться тако что 18 командующей Генераль Фелдмаршалъ, потомъ какъ оной весь непріятельской лагерь рентраншементъ и батарей, и употребленную при томъ невѣроятную работу, ибо много въ каменную гору врываться принуждены были, гдѣ особливо на правомъ крылѣ 5 и 6 дивізіи одно предъ другою здѣланы были, и натуральную сильную сітуацію со удивленіемъ осмотрѣлъ, съ корузомъ состоящимъ въ 30000 человекъхъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ подъ предвожденіемъ трехъ Генераловъ Лейтенантовъ Карла и Густава фонъ бѣроновъ и барона фонъ Левендаля, прямою дорогою къ Хотиму для взятія сей крѣпости маршъ продолжалъ.

Остатокъ арміи съ провіантнымъ магазиномъ и великимъ багажемъ, подъ командою Генерала Аншефа Румянцова, слѣдовалъ въ слѣдъ. Мы маршировали того дня чрезъ Хотимской лѣсъ отъ 6 до 7 верстъ, и лагерь близъ деревни Дашковчѣ, къ нашему наибольшему удовольствію заняли со изобиліемъ травы и свѣжего корму.

По сей дорогѣ на всякомъ шагѣ знаки непріятельской всеконечного разбитія и Генеральнаго страха видимы были. Ибо оной непріятель свой путь не къ Хотиму, но паче въ правую руку къ бендеру воспріиалъ, и въ побѣгѣ презрѣдныя пушки отъ большей части не загвожженныя, и множество бомбъ, картечь, ядеръ, шапковыхъ инструментовъ, пороха и свинцу такожь провіантъ въ лѣсу разбросавъ оставилъ.

Въ ночи была тревога, и непріятельница партія къ нашему лагерю подралась, по которой палено: чаяли что оная изъ Хотима для осмотрѣнія выслана была.

19. По утру рано кормлено, и не много фуражировано, ибо по всемъ полученнымъ вѣдомостямъ подъ Хотимомъ ни какого фуража достать надѣяться не можно было.

Въ 8 часовъ предъ полуднемъ армія въ походъ вступила, и какъ мы только отъ 5 до 6 верстъ до Хотима идти имѣли, то мы въ 10 часовъ близъ предмѣстей пришли, такъ что нечего отъ непріятельской арміи видно небыло.

Наши нерегулярныя войска тотчасъ нѣсколько Турокъ и Волоховъ изъ предмѣстей привели, которые единогласно сказали, что Калчакъ Паша 17 числа, то есть въ день баталии при Ставучапѣ, въ вечеру поздно съ нѣсколькимъ малымъ числомъ Янычаровъ въ Хотимъ возвратился. А гарнизонъ, которой выведенъ, и при арміи былъ, назадъ не явился, но въ бѣгство съ Турецкою арміею къ бендеру обратился. Пославъ тотчасъ бригадиръ Князь Каптемиръ, и Полковникъ Капнистъ, яко Турецкой языкъ знающіе, съ Посольства Секретаремъ Пенлюевымъ, къ Калчакъ Пашѣ и велѣно имъ крѣпость къ здачѣ требовать, чтобъ онъ оную понеже ему никакого сукурса надѣяться не мочно, безвредну еще Тогожь дня Ея Императорскаго Величества славы достойному оружію очистилъ, и онъ самъ съ гарнизономъ на дискрекцію здался.

Потомъ Калчакъ Паша прислалъ Плацъ Мазора Ибрагима, и желалъ командующаго Генерала Фелдмаршала требованіе и пароль изъ устъ его слышать. Требуя нѣсколько часовъ сроку, дабы съ Янычарскимъ Агою, Комендантомъ крѣпости и другими Офицерами, о капитулаціи совѣтовать, да притомъ свободной отпущекъ и конвой до Дуная, еже ему однакожь отказано, и велѣно тотчасъ шести гранадрскимъ ротамъ и тремъ баталіонамъ, съ Генераломъ Мазоромъ Шиповымъ, и вскорѣ потомъ Ея Императорскаго Величества Гвардіи подъ командою и предводеніемъ Генерала Лейтенанта Густава фонъ бирона, до контершкарповъ крѣпости выступить.

А при томъ понуждали Калчакъ Пашу, такъ что въ 2 часа по полудни оной съ своимъ малолюднымъ гарнизономъ военными плѣнными здався, съ такимъ прошеніемъ, чтобъ ихъ жены и дѣти съ ихъ пожитками, въ ихъ дома отпущены и препровождены были, еже и дозволено.

Въ 3 часа Янычарскія знамена съ валовъ сняты, и бѣлое знамя выставлено, около 4 часовъ ключи крѣпости чрезъ Янычарскаго Агу, Коменданта и Муфтію командующему Генералу Фелдмаршалу поднесены, ворота Ея Императорскаго Величества Гвардіею заняты, и вскорѣ потомъ Калчакъ Паша самъ съ великою знатною свѣтою пришолъ, командующему Генералу Фелдмаршалу покорился, оному свою саблю отдать, и причиталъ божіему соизволенію и плохому поступку Сераскера Вели-Пашин, причину и вину нынѣшнихъ злоключеней.

Генераль Фелдмаршалъ еще тогожь вечера крѣпость объѣзжалъ, которая въ презрядномъ состояніи, имѣя всѣ фортификаціи каменные и гораздо больше и крѣпче Очаковской находится.

Многочисленная изрядная артилерія и магазейны сего дня принимаются, и крѣпость карауломъ занята; Роспись знатнымъ военнымъ плѣннымъ при семъ прилагается, и о всемъ протчемъ вскорѣ обстоятельное описаніе пришлется.

Генераль Мазоръ Штокманъ и 16 человекъ плѣнныхъ, которые въ здѣшней крѣпости обрѣтались, наки освобождены.

Предмѣстїи велики и изрядныя, и какъ непрїятель время не имѣлъ, оныя разорить, и свои пожитки и имѣніе отъ туда снасть, то наша армія тамо великую добычу получила.

Сія армія въ самопожеланномъ благословенномъ состояніи пребываетъ. И понеже по нынѣшнему лѣтнему времени еще нѣчто предвоспрїято быть можетъ: то о дальныхъ военныхъ операціяхъ помышлять надобно, дабы отъ воспослѣдованныхъ съ того времени, когда мы Днестръ перешли, паче всякаго человѣческаго чаянїя счастливыхъ происхожденїи, всякую возможную пользу прїобрѣсти, и непрїятеля къ резонабельному миру принудить. Яко къ сему нынѣ великая надѣжда есть.

БОГУ ЕДИНОМУ СЛАВА!

РЕЭСТРЪ.

Тѣмъ знатнымъ персонамъ, которые при взятіи Хотима военными плѣнными здались.

1. Командующей Калчакъ Паша трехъ бунчужной.
2. Его сынъ, которой во отсутствіи отца Каймаканомъ служилъ.
3. Эмиръ Муллей или духовной.
4. Янычарской Ага Солиманъ.
5. Комендантъ Ахметъ Ага Эрли Агаза.
6. Тошши баша или имѣющей надъ артилеріею въ гарнизонѣ команду Мустафа Ага.
7. Оберъ Криксъ-Камисаръ Тефтардаръ Ефенди.
8. Командиръ при артилеріи Галль Ага.
9. Янычарской судья Абдулахъ Рахманъ.
10. Городской судья.
11. Оберъ Вагенъ-Мейстеръ Абдулахъ.
12. Плацъ Мазоръ Ібрагимъ.

ЯНЫЧАРНЫЯ МАЭОРЫ.

13. Мустафа Ага.
14. Ахметъ Ага.
15. Исманль Ага.
16. Салихъ Ага.
17. Салиманъ Ага.
18. Янычарской первой Адъютантъ Хаджи Ягтя

АДЪЮТАНТЫ.

19. Ахметъ Чаушъ.
20. Гусевъ Чаушъ.
21. Мустафа Чаушъ.
22. Солиманъ Чаушъ.
23. Мустафа Чаушъ.

ОФИЦЕРЫ ПРИ АРСЕНАЛѢ.

24. Али Ага.
25. Хаджи Мустафа.
26. Хаджа Ага.
27. Исманль Ага.
28. Усманъ Ага.
29. Исманль Ага.
30. Ахметъ Ага.

ИНЖЕНЕРНЫЯ ОФИЦЕРЫ.

31. Гасапъ Ага.
32. Шарипно Агази.

Взятіе Хотина праздновалось весьма торжественно въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (14 сентября 1739 года, № 74, стр. 591) сообщалось: «Для полученной предъ недавнимъ временемъ всерадостной вѣдомости о одержанной надъ насѣднимъ непріятелемъ Христіанскаго имени побѣды и о взятіи турецкаго города *Хотина*, былъ при дворѣ балъ, на которомъ Ея Императорское Величество съ симъ радостнымъ извѣстіемъ присланнаго генерала маэора Апраксина кавалеромъ ордена святаго Александра Невскаго и первымъ маэоромъ лейбгвардіи семеновскаго полку всемплощивѣйше пожаловать соизволила. Въ среду отправлялась во всѣхъ церквахъ здѣшней Императорской резиденціи торжественное молебствованіе, а и въ лютеранской, на большой перспективѣ стоящей, церкви С. Петра и въ протчихъ иностранныхъ народовъ христіанскаго закона находящихся здѣсь церквахъ, по повелѣнію ея высококняжеской свѣтлости герцогини курляндской, при отправленіи Божія службы преизрядныя концерты съ другою музыкою были».

Саксонскій посланникъ *Suhm* въ денешѣ своей изъ Петербурга, 22 сентября 1739 года, пишетъ: *On celebra hier à la Cour par un grand bal la glorieuse victoire obtenue sur les tures près de Choczim et de la prise de cette place.*

Въ родномъ краю Ломоносова также праздновалось взятіе Хотина. Изъ «города Архангельскаго» писали, 9 ноября 1739 года: «Въ здѣшней соборной церкви отправлялось вчерашняго дня, при пушечной и троекратной изъ мелкаго ружья пальбѣ, молебное и благодарное Всевышнему Богу пѣніе о *взятіи города Хотина*, и о дарованной отъ Него побѣдѣ надъ турками, а при томъ о дальнемъ Божіемъ Его благословеніи побѣдоносному оружію Ея Императорскаго Величества молили. Здѣшній комендантъ и губернаторъ господинъ фонъ Ліцкинъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь духовныхъ и знатнѣйшихъ свѣтскихъ персонъ, также здѣшнее и чужестранное купечество, пребогато у себя трактовалъ, и весь сей день въ совершенномъ веселіи препровожденъ».

(С.-Петербургскія Вѣдомости. 1739. № 94, стр. 840).

Иностранныя державы привѣтствовали русское правительство съ блестящею побѣдою. На поздравленіе короля-курфирета саксонскаго императрица Анна Іоанновна отвѣчала слѣдующимъ письмомъ, на русскомъ языкѣ.

(Дрезденъ. Hauptstaatsarchiv. № 3017):

— Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій король и курѣпреть, дружбеюлюбезный братъ, другъ и сосѣдъ.

Якоже я о дражайшей вашего величества мнѣ дружбѣ къ особливому моему удовольствованію напредъ сего уже совершенно удостовѣрена, тако и мнѣ нынѣ не иначе, какъ и новому обязательству быть можетъ, что ваше величество мнѣ обнадѣживаніи о томъ своею дружбеюобратскою грамотою отъ 29 сентября и притомъ засвидѣтелствованнымъ благожелательнымъ и склоннымъ участія принятіемъ въ дарованномъ отъ Всевышняго Бога моему оружію въ сеі послѣдней кампаніи у *Хотима* благословеніи, толь обязательнымъ образомъ повторитъ изволили. Ваше величество мнѣ пріятную справедливость окажете, когда вы о мнѣ всегда благонадежны быть изволите, что ничего совершеніе быти не можетъ, какъ моя къ вашему величеству непоколебима имѣющая дружба. И что тѣ авантажи мнѣ всегда вожделѣннѣйшіи суть, которыми я частые случаи получю, ваше величество о такихъ истинныхъ дружбы сентиментахъ и о желаніи моемъ имѣющіи съ вашимъ величествомъ союзъ и тѣсное обязательство вяще и вяще утвердить дѣйствительными опытами всегда удостовѣрять. Притомъ же отъ сердца желая случай съ своей стороны взаимно ваше величество всякими благополучными произшествіями часто поздравлять. И впротчемъ съ совершеннымъ высокопочтаніемъ пребываю.

Въ Санктпетербурхе
Октября 19 дня 1739-го году.

Вашего величества
вѣрная сестра и пріятельница
АННА.

Воспользоваться плодами побѣды помѣшалъ намъ вѣроломный поступокъ нашей союзницы — Австріи. Несмотря на то, что «цесарь» говорилъ: «во что бы ни стало, хочу царицѣ сдержать

слово, потому что она честно исполняетъ свои обѣщанія», онъ заключилъ отдѣльный миръ съ Турціею. «Богъ судья римско-цесарскому двору—писалъ Мишихъ—за таковой печальной злой поступокъ и за стыдъ, который изъ того всему христіанскому оружію послѣдуетъ, и я о томъ нынѣ въ такой печали нахожусь, что не могу понять, какъ тѣсный союзникъ таковымъ образомъ поступить могъ».

(Исторія Россіи, Соловьева. 1878. Т. XX, стр. 126, 159).

Въ Петербургѣ были сильно раздражены предательскимъ образомъ дѣйствій союзной державы. Саксонскій посланикъ, въ депешѣ 3 октября 1739 года, пишетъ: *Lorsque S. M. I. a declaré cette paix particulière publiquement en pleine Cour, elle l'a fait en ces termes: Mon bon ami l'empereur m'a abandonnée et m'a laissée seule contre mes ennemis, mais Dieu ne m'a pas abandonnée.*

(Hauptstaatsarchiv. № 3019 и др.).

Не желая продолжать войны безъ союзниковъ, русское правительство заключило миръ съ Портою. «Черезъ оный миръ — говорится въ манифестѣ 14 февраля 1740 года—границы Наши такимъ образомъ распространены, что они уже претерпѣннымъ донныѣ самовольнымъ набѣгамъ и раззореніямъ болѣе подвержены не будутъ, но въ потребную безопасность приведены. Прежніе извѣстнаго несчастливаго Прутскаго трактата кондиціи вовсе уничтожены, и государство Наше отъ такихъ весьма обидныхъ предосудительныхъ и безславныхъ обязательствъ освобождено. Такъ многіе тысячи, чрезъ долгіе лѣта до начатія войны при разныхъ случаяхъ изъ государства въ полонъ увезенные подданные Наши, которые нынѣ безъ удержанія въ отечество свое отпущены быть имѣютъ, изъ тяжкаго полону и бѣдства избавлены. Въ коммерціяхъ подданнымъ нашимъ такіе пользы и свободы постановлены, которые имъ прежде сего во областяхъ Турецкаго государства никогда позволены не были, и многіе другіе къ Нашей и государства и подданныхъ нашихъ пользѣ и славѣ касающіеся авантажи чрезъ оной миръ доставлены».

Нѣкоторыя мѣста въ манифестѣ напоминаютъ оду на взятіе Хотина (ст. 251 — 255):

Козацкихъ полъ заднѣстрекской тать,
Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ развѣянъ,
Не смѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницой гдѣ покой насѣянъ.
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ. . . .

По случаю заключенія мира кабинетъ-министръ, князь Черкасскій, отъ имени всѣхъ чиновъ россійской имперіи, держалъ такую рѣчь: «Какъ скоро Ваше Величество на россійскій престолъ вступили, то мы оной въ весьма лучшемъ состояніи увидѣли, гдѣ всякія забавы предѣлы свои имѣютъ; при всякомъ изобиліи умѣренность, и при великой магнаficiенціи прензрядпѣйшій порядокъ ежедневно со удивленіемъ усматриваемъ. Сн самыя добродѣтели и преимущества, которыми премудрыя Петра Великаго намѣренія исполнены, превосходятъ въ освященной Вашего Императорскаго Величества персонѣ всякія свѣтскія достоинства и высочества» и т. д.

(Примѣчанія къ Вѣдомостямъ. 1740. Ч. 23 и 24. стр. 95; Ч. 25 и по 30. стр. 99—112).

Подобныя восхваленія въ рѣчахъ лицъ, занимавшихъ высшія мѣста въ государствѣ, должны быть приняты въ соображеніе при оцѣнкѣ похвальныхъ одъ того времени вообще, и въ частности — оды на взятіе Хотина.

Ода Ломоносова произвела весьма сильное впечатлѣніе на современниковъ. Послѣдующіе ученые и писатели различныхъ поколѣній признавали и признаютъ ея неоспоримое значеніе въ исторіи нашей литературы.

Самъ Ломоносовъ былъ повидному доволенъ своею первою, самостоятельною одою: онъ помѣстилъ ее въ собраніи своихъ сочиненій и примѣры изъ нея приводитъ въ двухъ своихъ риторикахъ. Прнпомнимъ замѣчаніе О. П. Буслаява: «Ломоносовъ нашчалъ лучшую у насъ реторику; но которой, болѣе или менѣе,

писаны все прочія. По своей риторикѣ Ломоносовъ объяснял свои оды, приводя ихъ *въ примѣръ правиламъ*: слѣдовательно историческая и субъективная критика требуетъ объяснять стихотворенія Ломоносова схоластическою риторикою».

(Бушлаева: О преподаваніи отечественнаго языка. 1867. стр. 269 — 270).

Литературный противникъ Ломоносова, Сумароковъ, задавшій себѣ трудъ разобрать не только каждую строфу, но и каждую строчку въ одахъ Ломоносова, разумѣется, не съ цѣлію открывать въ нихъ новыя достоинства, находить, что въ одѣ на взятіе Хотина болѣе половины строфъ принадлежать къ числу *весьма хорошихъ, прекрасныхъ* и даже *прекраснѣйшихъ*, т. е. идеально-прекрасныхъ, какъ выразились бы позднѣйшіе критики. По количеству *прекраснѣйшихъ* строфъ ода на взятіе Хотина занимаетъ, у Сумарокова, второе мѣсто между всеми похвальными одами Ломоносова.

Радищевъ, вовсе перасположенный преклоняться передъ авторитетами, утверждалъ, что никто изъ нашихъ стихотворцевъ не могъ доселѣ сравниться съ Ломоносовымъ. Радищевъ говоритъ: «Ломоносовъ вознамѣрился сдѣлать опытъ сочиненія новообразными стихами, поставивъ сперва русскому стихотворенію правила, на благогласіи нашего языка основанныя. Сіе исполнилъ онъ написавъ оду на побѣду, одержанную русскими войсками надъ турками и татарами и на взятіе *Хотина*, которую изъ Марбурга онъ прислалъ въ академію наукъ. Необыкновенность слога, сила выраженія, изображенія едва не дышавшія, изумили читающихъ сіе новое произведеніе. И сіе первородное чадо стремящагося воображенія по неуроченному пути въ доказательство, съ другими купно, послужило, что когда народъ направленъ единожды къ усовершенствованію, онъ къ славіи идетъ не одною тропинкою, но многими стезями вдругъ».

(Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. 1790. стр. 435).

Державинъ въ своемъ «Разсужденіи о лирической поэзіи» приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ оды на взятіе Хотина въ примѣръ художественнаго изображенія того или другого предмета,

той или другой мысли. Такой выбор заслуживаетъ вниманія какъ по имени автора, такъ и потому, что «Разсужденіе» Державина представляло для своего времени нѣчто въ родѣ *L'art poétique* по отношенію къ теоріи лирики, будучи заимствовано изъ «лучшихъ писателей» и «показывая все принадлежности изящной лиры».

Разбирая оды Ломоносова, Мерзляковъ находитъ, что ода на взятіе Хотина «далеко отстаетъ въ чистотѣ, въ плавности, въ ходѣ, въ выборѣ картинъ разительныхъ, въ выборѣ выражений благородныхъ и звучныхъ, въ движеніи самыхъ страстей, отъ слѣдующей за нею, сочиненной на возшествіе Императрицы Елисаветы Петровны, 1742 года». Но у нихъ есть и общій недостатокъ: «Кажется, съ сими двумя первыми одами могущественный гений пѣвца сотрясъ съ раменъ своихъ послѣднія вериги, которыя наложилъ онъ самъ на себя въ юности невольнымъ подражаніемъ старымъ нѣмецкимъ лирическимъ поэтамъ, существовавшимъ въ Германіи въ его время». Вмѣстѣ съ тѣмъ Мерзляковъ признаетъ, что въ одѣ на взятіе Хотина «можно уже узнать Ломоносова; сія ода по пылкости и быстротѣ блеститъ истиннымъ вдохновеніемъ будущаго нашего Пиндара».

(Труды Общества любителей россійской словесности. 1817. Часть седьмая, стр. 44 — 46).

Бѣлинскій говоритъ: «Наша литература началась съ 1739 года—отъ появленія первой оды Ломоносова. . . Ломоносовъ—Петръ Великій русской литературы—прислалъ изъ нѣмецкой земли свою знаменитую оду на взятіе Хотина, съ которой, по всей справедливости, должно считать начало литературы. . . Вліяніе Ломоносова на русскую литературу было такое же точно, какъ вліяніе Петра Великаго на Россію вообще: долго литература шла по указанному имъ пути» и т. д.

(Сочиненія Бѣлинскаго. 1881. Ч. VIII, стр. 56.—1884. Ч. XI, стр. 11).

Академикъ А. А. Кунинъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, касающихся начала литературной дѣятельности Ломоносова, входитъ въ критическое разсмотрѣніе нѣкоторыхъ вопросовъ относительно оды на взятіе Хотина. Замѣчая великое различіе между одою

1738 года и «знаменитою одою 1739 года», акад. Кунникъ говорить: «Какіе уснѣхи долженъ былъ сдѣлать Ломоносовъ въ теченіе года, чтобы создать оду, отличающуюся высшимъ благородствомъ и чистотою языка, поэтическимъ полетомъ и выдержаннымъ употребленіемъ приличнаго размѣра. . . Побѣда русской арміи при Ставучанахъ и послѣдовавшее за тѣмъ взятіе Хотина отозвались во всей Европѣ. Возможно ли было не встрепенуться патріотической душѣ Ломоносова и въ тиши горнозаводскаго мѣстечка не плыть свои чувства въ поэтической формѣ, при вѣсти о томъ, что русская армія такъ блистательно отомстила туркамъ за пораженіе Петра при Прутѣ. . . Первые слова оды на взятіе Хотина: «Восторгъ ввезанный умъ плѣнилъ», которыми Ломоносовъ описывалъ впечатлѣніе, произведенное на него вѣстію о *побѣдѣ* надъ мусульманами, могъ повторить за нимъ и каждый поэтически настроенный читатель, чтобы передать впечатлѣніе, произведенное на него этимъ стихотвореніемъ. Однимъ словомъ, это была *побѣда* въ области человѣческаго духа».

(Ученыя Записки Императорской Академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. 1855. Томъ III. Выпускъ 2. стр. 263.—Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ; издалъ А. Кунникъ. 1865. Часть I. стр. XXVII, XXI).

С. М. Соловьевъ, въ своей «Исторіи Россіи» (1872. Т. XXII. стр. 290—293), такъ опредѣляетъ историческое значеніе оды на взятіе Хотина: «То, чего такъ сильно желали отъ русскихъ ученыхъ, отъ російскаго собранія, и не могли дожидаться отъ извѣстнаго мѣтты и переводчика Тредьяковскаго, именно живой русской рѣчи и сколько-нибудь гармоническаго стиха, то было получено отъ студента, занимавшагося за границею горнымъ дѣломъ. Для насъ въ общей исторіи Россіи вовсе неважно то, въ какомъ отношеніи находится первая ода Ломоносова къ одамъ знаменитаго тогда нѣмецкаго поэта Гюнтера; для насъ важны извѣстныя мысли, взгляды, высказанныя авторомъ по поводу воспоминаемаго событія. Историкъ спокойно и безпристрастно смотритъ и на то, что въ извѣстное время, при извѣстномъ складѣ и настроеніи общества, замѣчательное событіе порождаетъ ли торжественную оду или

рядъ газетныхъ статей и брошюръ, оцѣнивающихъ его значеніе, ибо газетная статья, брошюра и цѣлая книга можетъ также улучшить характеръ похвальной оды; для историка всюду, подъ какую бы то ни было формою, важны мысли и взгляды, взятые авторомъ изъ общества, или данные имъ обществу. Такъ въ первой одѣ Ломоносова нельзя не остановиться на видѣніи, гдѣ Петръ является вмѣстѣ съ Іоанномъ IV (строфа 11 и 12, стих. 101—114). Въ сопоставленіи Петра съ Грознымъ сопоставлены новая и древняя Россія, сопоставлены ровно и дружно; способность автора сопоставить ихъ такимъ образомъ основывалась на изученіи имъ русской исторіи, которое и дало ему твердую почву, устанавливала его навсегда русскимъ человѣкомъ. Новый русскій человѣкъ не увлекся военнымъ торжествомъ, побѣдами, завоеваніями; онъ умѣлъ понять смыслъ русской исторіи, понять цѣль русскихъ войнъ, умѣлъ выставить борьбу Россіи съ азіатскимъ варварствомъ, азіатскимъ хищничествомъ, и слѣдствія торжества Россіи въ этой борьбѣ:

Козацкихъ полъ заднѣстрской тать
 Разбить, прогнанъ, какъ прахъ развѣянь,
 Не смѣетъ больше ужъ топтать,
 Съ пшеницей гдѣ покой насѣянь.
 Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ.
 И видитъ край волнамъ пловець,
 Нигдѣ не зналъ пlying, препятства. . .
 Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
 И лѣсомъ безъ боязни ходитъ.

«Гутъ же, въ первомъ самостоятельномъ произведеніи сына преобразовательной эпохи, знаменитаго труженика и представителя сѣверныхъ земскихъ людей Россіи, встрѣчаемъ вынесенное изъ исторіи и жизни опредѣленіе русскаго народа, встрѣчаемъ стихъ: «Гдѣ въ трудѣ избранный нашъ народъ».

«Для современниковъ вопросъ заключался не въ томъ, кто первый указалъ на тоническое стихосложеніе, но кто писалъ:

Воспѣвай же, лира, пѣснь сладку,
Анну то-есть благонолучну,
Къ вящему всѣхъ враговъ упадку,
Къ несчастію въ вѣки тѣмъ скучну —

и кто писалъ:

Шумить съ ручьями боръ и доль:
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушолъ,
Бои́тся собственнаго слѣда.
Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тѣмѣ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
Коль Росская ужасна сила.

«Перваго автора звали Тредьяковскимъ, второго Ломоносовымъ».

III.

Четыре стихотворения приводятся въ письмѣ Ломоносова, напечатанномъ впервые въ Собраніи сочиненій Ломоносова, въ 1778 году, подъ заглавіемъ: «Письмо о правилахъ руссійскаго стихотворства». Изложивъ свои мысли о русскомъ стихосложеніи, Ломоносовъ говоритъ: «Здѣсь предлагаю я нѣкоторыя строфы изъ *моихъ стиховъ*, въ примѣръ стопъ и сочетаній».

(Покойнаго ст. сов. и проф. М. В. Ломоносова Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. 1778. Книга вторая. стр. 14 — 15).

По поводу этихъ стиховъ г. Будиловичъ замѣчаетъ: «Изъ нѣкоторыхъ выраженій «письма» видно, что Ломоносовъ, въ бытность свою за границею, не переставалъ писать стихи, отрывки изъ которыхъ вошли частію въ это «письмо», частію же въ «Риторикку». Нельзя не обратить вниманія на эти отрывки. Въ нихъ находится то идиллическія картины природы, то въ связи съ ними изображенія любви и тоски».

(М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. Антона Будиловича. 1869. стр. 117 — 118).

Академикъ Пекарскій видитъ въ стихахъ, приводимыхъ Ломоносовымъ, отголосокъ личнаго настроенія автора: «Въ этихъ примѣрахъ есть стихи, въ которыхъ идетъ рѣчь о любви—чувствѣ, которое не должно было быть чуждымъ Ломоносову, такъ-

какъ, по свидѣтельству Вольфа, русскіе студенты въ Марбургѣ отплячались особеннымъ пристрастіемъ къ женскому полу. Вотъ эти стихи, въ которыхъ бытъ-можетъ Ломоносовъ высказывалъ и личныя отношенія свои: Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина, и т. д.; Пимфы околѣ насъ кругами, и т. д.; Весна тепло ведетъ, и т. д.».

(Исторія академіи наукъ, П. Пекарскаго. 1873. Томъ второй. стр. 300 — 301).

По мнѣнію г. Будиловича, стихи, приводимые въ «письмѣ» Ломоносова, представляютъ большее или меньшее сходство съ примѣрами, находящимися въ его Риторикѣ, а именно:

Въ „Письмѣ“:

На восходѣ солнце какъ
 зардится,
 Вылетаетъ вспылчиво хищ-
 ный востокъ,
 Глаза кровавы, самъ вер-
 тится;
 Удара не сноситъ Сѣверъ
 въ бокъ,
 Господство даетъ своему
 побѣдителю
 Пресильному водѣ морскихъ
 возбудителю. . . .

Весна тепло ведетъ,
 Приятный Западъ вѣетъ,
 Всю землю солнце грѣетъ,
 Въ моемъ лишь сердцѣ
 ледъ,
 Грусть прочь забавы бьетъ.

Въ Риторикѣ:

Свѣтлѣйшій солнцевъ конь
 Уже не въ дальный югъ
 Изъ рта пустилъ огонь,
 Но въ нашъ полночный
 кругъ.
 Уже несносный хладъ
 Съ полей не гонитъ стадь. .
 (§ 66).

„О весна, юность лѣта,
 прекрасная мати цвѣтовъ,
 хотя ты возвращаешься, но
 кромѣ тоски съ собою ни-
 чего не приводишь“ (§ 137).

Нимфы околь насъ кругами	Ужъ солнышко спустилось
Танцовали поючи,	И сѣло за горой,
Веслескиваючи руками;	И поле окропилось
Нашей искренной любви	Вечернею росой.
Веселяся привѣчали,	Я въ горькой скукѣ трачу
И цвѣтами насъ вѣнчали.	Прохладные часы.... (§ 62).

Полагають, что стихи, приведенные въ § 62 Риторики, составляютъ отрывокъ оригинальнаго, но неизвѣстнаго намъ, стихотворенія Ломоносова.

(М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. А. Будиловича. 1869. стр. 118, 106 — 107).

Поэтому считаемъ нужнымъ привести вполнѣ стихотвореніе, отрывокъ изъ котораго находится въ Риторикѣ Ломоносова. Оно помѣщено въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки, Q. XIV. № 124, подъ № 33:

Молчите, струйки чисты,
И дайте мнѣ вздыхать.
Вы, птички голосисты,
Покиньте воспѣвать.

Пусть въ рощахъ раздаются
Плачевныя слова,
Ручьями слезы льются,
И стонуть дерева.

Здѣсь ты, моя отрада,
Любезный настушокъ,
Со мной ходилъ до стада
На желтый бережокъ.

Я здѣсь съ тобой свикалась
Отъ самыхъ лѣтъ младыхъ,
И часто наслаждалась
Любезныхъ словъ твоихъ.

Ужъ солнышко спустилось
И сѣло за горой,
И поле окропилось
Вечернею росой.

Я въ горькой скукѣ трачу
Прохладные часы,
И наединѣ плачу,
Лишась своей красы.

Цѣлую тѣ пруточки,
Съ которыхъ ты срывалъ
Прекрасные цвѣточки,
И мнѣ пучки вязалъ.

Слезамъ обливаю
Зеленые листья,
Въ печали презираю
Пріятные кусты.

Я часто вижу власно
Тебя при деревьяхъ,
Бѣгу тебя напрасно,
Облившись вся въ слезахъ.

Но только тѣнь пустая
Меня безсчастну лѣстить,
Смуцаюся, теряя
Пріятный мнѣ твой видъ.

(Сборникъ старинныхъ пѣсней, преимущественно любовныхъ; скорописью второй половины XVIII столѣтія.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1886 годъ, стр. 71—72).

Въ отношеніи языка замѣтимъ:

Вылетаетъ *спыльчиво* хищный востокъ. . .

Весеся *привѣтали*. . .

Танцовали *поюши*,

Всплескиваяши руками. . .

Грусть *проць* забавы *битъ*. . . .

Проць битъ — германизмъ: wegschlagen.

IV.

Въ прошломъ столѣтїи въ Академіи наукъ существовали обычай подносить похвальныя оды въ разные торжественные дни. Сочиненіемъ подобныхъ одъ занимались преимущественно академики: Юнкеръ, Штелинь и Тредьяковскій; два первые восхваляли героевъ дня понѣмецки, Тредьяковскій — норусски. Съ прибытіемъ Ломоносова явилась новая живая сила, обладавшая несомнѣннымъ талантомъ, и съ первыхъ шаговъ своихъ на литературномъ поприщѣ обнаружившая небывалое до того времени искусство владѣть русскимъ стихомъ. Понятно, что къ Ломоносову стали обращаться съ настойчивымъ предложеніемъ сочинять, отъ лица Академіи, торжественныя оды, и онъ долженъ былъ, волею или неволею, подчиниться этому требованію. Первою данью академическому обычаю была ода на день рожденія младенца-императора Іоанна III, которому тогда (12 августа 1741 года) исполнился ровно годъ. «Ломоносовъ — говоритъ академикъ Пеккарскій—вернулся въ Россію въ то самое время, когда на престолѣ былъ императоромъ Іоаннъ III Антоновичъ, которому тогда еще не минуло одного года, а государствомъ правила мать его, Анна Леопольдовна, герцогиня брауншвейг-люнебургская. Послѣ арестованія Бирона, сдѣлавшагося было, по смерти Анны Іоанновны, самовластнымъ распорядителемъ Россіи, герцогиня отъ страдательной роли матери царствующаго государя перешла къ полному господству надъ Россіею. По отзыву современниковъ,

прищеса была мягкаго характера, не любила крутыхъ и крайнихъ мѣръ и вообще давала болѣе простора Россіи, которая такъ сурово была управляема въ предшедшее царствованіе. Несмотря однако на все это, въ Петербургѣ чувствовалось приближеніе новаго переворота. . . Конечно не всѣ вѣрили и не всѣ знали, что тогда происходило кругомъ: приближенные правительницы, дворъ и вообще тѣ, которые ожидали себѣ выгоды и пользы отъ существующаго порядка вещей, мало думали о будущемъ и старались воспользоваться тѣмъ, что представляло настоящее. Ломоносовъ, по внушенію ли покровителей своихъ въ Петербургѣ, или по собственному побужденію, весьма понятному при тогдашнихъ взглядахъ на поэтовъ и поэзію, тотчасъ же принялся за сочиненіе оды ко дню рожденія младенца-императора, т. е. къ 12 августа 1741 года».

(Исторія академіи наукъ. 1873. Т. II, стр. 314—315).

Ода Ломоносова на день рожденія императора Іоанна III помѣщена въ «Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ» 1741 года, часть 66—69, стр. 267—272. Порядокъ строкъ не обозначенъ цифрами. Ода подписана начальною буквою *Л*. Что авторомъ оды былъ *Ломоносовъ*, видно уже изъ общихъ свойствъ стиха—свободнаго и плавнаго сравнительно съ виршами прежняго времени. Другаго *Л* нельзя указать между тогдашними стихотворцами. Въ новомъ произведеніи Ломоносова есть черты, сходныя съ одою: «Первые Трофеи», несомнѣнно принадлежащую Ломоносову, а также съ его знаменитою одою на взятіе Хотина: тотъ же размѣръ, таже десятистрочная строфа, таже чередованье римъ; встрѣчается сходство въ образахъ и выраженіяхъ.

Ода на день рожденія Іоанна III перепечатана академикомъ Кушникомъ въ Ученыхъ Запискахъ Академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. 1855. Т. III. Выпускъ 2, стр. 270—277. Къ тексту приложено нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній.

Младенецъ-императоръ названъ Іоанномъ *Третьимъ*: первый изъ государей этого имени, носившихъ царскій титулъ, былъ

Іоаннъ Грозный; второй — Іоаннъ Алексѣевичъ, братъ Петра Великаго; третій — Іоаннъ Антоновичъ.

По духу того времени, торжественныя оды и хвалебныя надписи составляли какъ бы одно цѣлое съ другими принадлежностями празднествъ — иллюминаціями, символическими изображеніями, и т. п. Для объясненія образовъ, иносказаній, уиодобленій и т. п. въ одахъ и надписяхъ приходится обращаться къ планамъ иллюминацій и фейерверковъ. Поэтому прилагаемъ здѣсь описаніе, помѣщенное какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ вѣдомостяхъ того времени:

Abrisz und Erklärung des Feuerwerckes und der Illumination, welche an dem höchsterfreulichen Geburths-Feste des allerdurchlauchtigsten und groszmächtigsten Fürsten und Herrn Herrn Joannis III Kaysers und Selbsthalters von allen Reussen etc. etc. etc. Ao. 1741 den 12 Aug. in St.-Petersburg vorgestellt worden.

Ob zwar unter so vielen Denckmahlen, welche von den alten Griechen und Römern bis auf unsere Zeiten in Ertz und Marmor übrig geblieben, keine zu finden sind die mit den heutiges Tages gebräuchlichen Devisen oder so genannten Simbildern völlig überein kämen, sondern nach genauer Untersuchung vielmehr zu shliessen ist, dasz die letzteren nur etwa seit 300 Jahren bekannt worden, folglich denen Gesetzen welche die Alten bey Verfertigung ihrer Überschriften beobachtet haben nicht unterworfen sind, so hat man democh diese neueren Erfindungen nach und nach in gewisse Regeln eingeschränckt, die nunmehr mit einer gleichsam allgemeinen Ubereinstimmung angenommen werden.

Unter diesen ist nun diejenige, nach welcher Hohe Personen und Heldemüthige Thaten nicht anders als durch eine an sich selbst edle und erhabene Abbildung vorzustellen sind, um so viel weniger hindan zu setzen, je mehr dieselbe in der Natur und gesunden Vernunft ihren Grund hat; man würde aber eine sehr geringe Kennniesz von denen besten und aller Orten mit so vielem Beyfall aufgenommenen Simbildern an den Tag legen, wann man zu einer neuen Devise eine schlechterdings neue und bishero noch nie gebrauchte Abbildung verlangen wolte.

Изображеніе и изъясненіе фейэрверка и иллюминаціи, которые въ высоко-торжественный и всерадостный день рожденія Всепресвѣтлѣйшаго Державнѣйшаго Великаго Государя Іоанна III, Императора и Самодержца Всероссійскаго, и прочая, и прочая, и прочая. 12 августа 1741 въ Санкт-Петербургѣ представлены были.

Хотя между толь многими отъ древнихъ Грековъ и Римлянъ на металахъ и мраморахъ для незабвенной памяти послѣдующимъ родамъ оставленными изображеніями нѣтъ ни одного, которое бы съ употребительными нынѣ девизами имѣло во всемъ совершенное сходство; но по прилѣжномъ исследованіи можно еще заключать, что наши девизы не далѣе какъ лѣтъ за три ста передъ симъ извѣстны учились; и по тому они тѣмъ законамъ весьма не подвержены, которые отъ древнихъ при изобрѣтеніи ихъ надписей хранены были: однакожь приведены со временемъ уже и новыя оныя изобрѣтенія въ извѣстныя правила, которыя якобы общимъ нѣкоторымъ согласіемъ утверждены и приняты.

Между опыми же правилами наипаче того пренебрегать не должно, по которому высокихъ особъ и храбрыя дѣла не пнако представлять надлежитъ, какъ нѣкоторымъ благороднымъ и по себѣ самомъ высокимъ изображеніемъ, а особливо, что оное правило на самой натурѣ и здоровомъ рассужденіи основаніе свое имѣетъ; чего ради показывало бы то очень малое познаніе паплучшихъ и съ толикою похвалою вездѣ принятыхъ эмблемъ, ежели бы кто для новаго девиза хотѣлъ требовать весьма новаго и нынѣ еще нигдѣ неуотребленнаго изображенія.

Die merkwürdigsten unter den himmlischen sowohl als irdischen Körpern sind schon bey unzähligen Sinnbildern, jedoch mit unterschiedenen Überschriften, angebracht worden, und die Sonne allein wird vermuthlich schon viele tausend mahl im Corps de Devise erschienen seyn, da man bereits einige hundert dergleichen mit auserlesenen Überschriften durch den Druck bekannt gemacht findet.

Democh aber hat man zur Devise eines Grossen Königes unter dessen glücklicher und langwieriger Regierung die Künste und Wissenschaften in dem letzten Jahrhundert höher als jemahls vorher gestiegen, nichts bessers als die blosser Sonne, mit der bekannten sinnreichen Überschrift, ausfinden können.

Wir tragen dannehhero kein bedencken an diesem Tage der Freuden da JHRE MAJESTÄT JOANNES DER DRITTE, KAYSER UND SELBSTHALTER VON ALLEN REUSSEN, das erste Jahr Jhres künftig, wie wir wünschen und mit gewissestem Vertrauen erwarten, gloriwürdigsten Lebens zurück geleget, eine AUFGEHENDE SONNE unter dem Bilde des Apollinis mit der Überschrift.

AUGESCET VENTURA IN TEMPORA LUMEN.

SEIN GLANTZ WIRD SICH JE LÄNGER JE MEHR AUSBREITEN.
vorzustellen.

Zwar kan die vorhergehende höchstlöbliche Regierung der in Gott ruhenden KAYSERIN ANNA, Höchstseltigen Andenckens, auf keine weise einer Nacht verglichen werden nach welcher unsere Sonne aufgegangen, wann wir aber democh die tieffe Trauer in welche das gantze Reich durch den unvermutheten Abschied dieser Monarchin versetzt ist, betrachten, und zugleich dasjenige Ungewitter so sich also fort nach Dero tödlichem Hintritt über Ruszland zusammen zu ziehen schiene, aber durch die Mütterliche Vorsicht und weisesten Anstalten JHRO KAYSERLICHEN HOHEIT DER DURCHLAUCHTIGSTEN GROSZ FÜRSTIN und Regentin von Ruszland zu unserem allgemeinen Frolocken angewandt worden, in Erwegung ziehen, so können wir diese merkwürdige Bege-

Главнѣйшія изъ небесныхъ и земныхъ тѣлъ употреблены были по сіе время уже при бесчисленно многихъ эмблемахъ, однакожъ съ различными надписми; и одно солнце показывано въ девизахъ можетъ быть уже нѣсколько тысячъ разъ, къ которому приличныхъ и наилучшихъ надписей въ печати не одно сто находится.

Но не взирая на то для девиза одного изъ великихъ Государей, подъ котораго благополучнымъ и долговременнымъ владѣніемъ науки и художества въ прошедшемъ вѣкѣ пришли въ наибольшее свое совершенство, ничего лучше изобрѣсти не могли, какъ одно токмо солнце съ извѣстною при немъ остроумною надписью.

Чего ради не сомнѣваемся мы въ сей торжественной и радостной день, въ который Его Величество Іоаннъ III Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій, первый годъ своего впрядь, какъ мы желаемъ и въ несомнѣнномъ упованіи ожидаемъ, достохвальнаго государствованія препроводилъ, представить восходящее солнце въ образѣ Апполлина съ сею надписью.

LUGESCET VENTURA IN TEMPORA LUMEN.

то есть:

Сіяніе свое умножитъ.

И хотя достохвальное государствованіе Ея Императорскаго Величества блаженныя и вѣчподостойныя памяти Государыни Анны Іоанновны пиконмъ образомъ съ ноцію сравнено быть не можетъ, по которой наше солнце возсіяло: однакожъ ежели рассудимъ глубокую опую и на всю имперію печальную кончиною сея Монархини нашедшую печаль, и притомъ въ мысли своей себѣ представимъ, колікій мракъ вскорѣ по Ея кончинѣ на Россію наступать видѣлся, по которой матернимъ промысломъ и мудрыми учрежденіями Ея Императорскаго Высочества Государыни Великія Княгини и Правительницы всея Россіи къ общей всѣхъ радости отвращенъ и прогнанъ; то не можно намъ не удивляться сему достопамятному случаю, и не призна-

benheit nicht anders als einen von dem Allerhöchsten besonders gesegneten Anfang der Regierung JHRO KAYSERLICHEN MAJESTÄT UNSERES ALLERGNÄDIGSTEN HERRN bewundern und mit desto grösserer Zuversicht hoffen, dasz noch ferner alles trübe Gewölcke so sich unseren Grentzen nahen möchte, durch die kräftigen und durchdringenden Strahlen dieser aufgehenden Sonne gar bald werde zerstreuet werden.

Das beständige Gesetze der Natur nach welchem alle Geschöpff der Welt nicht alsofort zu ihrer Vollkommenheit gelangen, sondern zuvor die von Gott ihnen weiszlich gesetzte Zeit erreichen müssen wird gewisser massen auch an der Sonne beobachtet, als welche demjenigen Striche der Erden wo sie aufgehet nur ein Theil von ihrer an sich selbst so grossen Würckung empfinden lässet, bis dieselbe nach verlauff der bestimmten Zeit den Mittags-Punct am Himmel erstiegen, aus welchem sie das gantze Land mit völligem Glantz erleuchtet;

UNSER ALLERGNÄDIGSTER MONARCH IN DESSEN GEHEILIGTER PERSON wir, der hohen Abkunft nach, die grössesten Häuser von Ruszland und Teutschland so glücklich vereinbahret sehen, befindet sich in seiner jetzigen zartesten Jugend eben diesem allgemeinen Gesetze der Natur unterworffen, da JHRO KAYSERLICHEN MAJESTÄT bey DERO an sich selbst unumschränckten Gewalt dasgegenwärtige Alter noch nicht zulässet das Ruder des Reiches zu führen; wie glucklich aber kan sich indessen Ruszland schätzen nachdem die göttliche Güte diese Regierung der Durchlachtigsten GROSZ-FÜRSTIN Kayserlichen HOHEIT anvertrauet, welche alles was sowohl zum höchsten Interesse JHRO KAYSERLICHEN MAJESTÄT als zum Flor und aufnehmen der Unterthanen gereichen kan, durch DERO weiseste Verordnungen tiglich mit unermüdeter Sorgfalt befördern.

In einer so löblichen Verfassung können wir nun derjenigen Zeit getrost und vergnügt erwarten, da unser ALLERGNÄDIGSTER KAYSER und HERR nach dem Wunsch und Willen seiner DURCHLAUCHTIGSTEN ELTERN und nach DEROSELBEN preiswürdigstem Exempel, die Regierung selbst antreten und die Glückseligkeit dieses Reichs durch seine eigene Thaten verewigen wird.

In den beyden Neben-Devisen wird zur rechten Hand ein

вать онаго за благословенное отъ Бога начало государствованія Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго нашего Государя, имѣя при томъ тѣмъ большую надежду, что и впредь всѣ мрачные облаки, которые бы къ предѣламъ нашимъ ни приблизились, сильными и пронизательными лучами сего восходящаго солнца вскорѣ разогнаны быть имѣють.

Непремѣнный оный естества законъ, по которому находящіяся въ свѣтѣ твари не вдругъ къ совершенству своему приходятъ, но должны прежде ожидать опредѣленнаго имъ отъ Бога времени, примѣчается нѣкоторымъ образомъ и при самомъ солнцѣ. Оно той сторонѣ земли, при которой восходитъ, даетъ одну токмо часть своей толь великой силы чувствовать, пока по прошествіи надлежащаго времени въ полуденную точку вступить, откуда оно уже всю землю освѣщаетъ полнымъ сіяніемъ.

Нашъ Всемилоствѣйшій Монархъ, въ освященной особѣ котораго Россійскій Императорскій домъ съ знатнѣйшими домами Нѣмецкаго государства чрезъ Его Величества высокое рожденіе толь благополучно соединился, находится нынѣ подъ тѣмъ же естества закономъ, по тому что настоящій возрастъ Его Императорскому Величеству при Его самодержавной и въ собственномъ рассужденіи никакихъ предѣловъ неимѣющей власти въ правленіе своей имперіи Самому вступить не позволяетъ. Но коль благополучно можетъ себя между тѣмъ Россія почитать, что всемогущество Божіе сіе правленіе поручило Ея Императорскому Высочеству Свѣтлѣйшей Государынѣ Великой Княгинѣ, которая все то, что къ высочайшему интересу Его Императорскаго Величества и къ пользѣ подданныхъ склоняться можетъ, премудрыми своими учрежденіями ежедневно съ неуныннымъ стараніемъ производитъ изволить.

При семъ толь благополучномъ состояніи можемъ мы съ радостнымъ сердцемъ ожидать онаго времени, когда нашъ Всемилоствѣйшій Государь и Императоръ, по желанію и изволенію Свѣтлѣйшихъ Своихъ Родителей и по Ихъ достохвальному примѣру въ государственное правленіе Самъ вступить и благополучіе сея имперіи собственными своими дѣлами въ вѣчныя времена утвердить изволить.

Въ обояхъ по сторонамъ употребленныхъ девизахъ пред-

junger Lorberbaum vorgestellt, den Ruzland kniend umfasst und ein Glantz aus den Himmel bestrahlet, mit der Überschrift:

COLIT ET EXPECTAT. Sie verehret Ihn und wartet.

Zur linken ein junger Palmaum, zu dessen beyden Seiten die Christliche Religion und die Tapfferkeit in weiblichen Figuren stehen mit der Überschrift.

SIC CUSTODITA VIGEBIT. UNTER DIESER VORSORGE WIRD ER GEDEYEN.

Wodurch man eines theils andeuten wollen, wie Ruzland die zunehmenden Jahre Jhro Kayserlichen Majestät von der Göttlichen Güte in tieffester Demuth erwartet, andern theils aber, dasz die Gottesfurcht und Tapfferkeit welche JHRO KAYSERLICHEN MAJESTÄT VON DERO DURCHLAUCHTIGSTEN ELTERN gleichsahm angebohren und eigen sind, HÖCHST-DEROSELBEN Regierung für andern merkwürdig machen werden.

Haben die Alten Perser auf eine unvernünfftige Art die AUFGEHENDE SONNE anzubeten pflegen, so richten wir mit grössestem Recht unsere getreue Wünsche zu Dem, der selbst die Sonne am Himmel, so wie aller Könige Hertzen auf Erden, nach seinem ewigen Rathschlusz regiret, dasz ER JHRE KAYSERLICHE MAJESTÄT zu täglich anwachsender Freude des sämtlichen KAYSERLICHEN HAUSES, zur Befestigung der so theuer errichteten Bündnisse mit DERO Hohen Alliirten und benachbarten Puissancen, zu Unterhaltung einer beständigen innerlichen Ruhe und Einigkeit in allen DERO KAISERLICHEM SCEPTER unterworfenen Reichen und Provintzen. ja zum sicheren Schutz der gantzen Christenheit, bey unverrückter Gesundheit, glücklicher Regierung und allen Kayserlichen Prosperitäten unzehliche Jahre erhalten wolle.

Dieses grosse und prächtige Feuerwerek wurde mit einer schönen Illumination beschlossen, welche aus colorirten Feuern auf dem gewöhnlichen Theatro eine Lustgegend von Alleen, Terrassen, Parterren, Fontainen und dergl. vorstellet, in deren Mitte ein Cederbaum so von Ruzland umarmet wird, hervorraget.

(Anmerkungen bey den Zeitungen 66 bis 68 stück. St.-Petersburg den 18 August. 1741. стр. 261—267).

ставлено съ правой стороны молодое лавровое дерево, которое объемлетъ стоящая на колѣнахъ Россія, а сверху освѣщается оно небеснымъ сіяніемъ съ надписью:

SOLIT ET EXRESSTAT то есть: Почитаеть и ождаетъ.

Съ лѣвой молодое пальмовое дерево, подлѣ котораго съ одной стороны стоить Христіанская вѣра, а съ другой храбрость, въ женскихъ фигурахъ представленныя, съ надписью:

SIC CUSTODITA VIGEVIT то есть: Сими хранимо возрастетъ.

Черезъ сіе показывается отчасти, что Россія умноженія лѣтъ Его Императорскаго Величества отъ Бога въ глубочайшемъ смиреніи ождаетъ; а отчасти, что Благочестіе и Храбрость, какъ врожденныя Его Императорскому Величеству отъ Его Свѣтлѣйшихъ Родителей свѣйства, государствовашіе Его Величества наче всѣхъ прочихъ достопамятнымъ учинить имѣють.

Древніе Персы поклонялись восходящему солнцу нерассуднымъ образомъ, но мы напротивъ того вѣрныя наши желанія и молитвы праведно приносимъ тому, кто и самое солнце на небѣ, такъ какъ всѣхъ Царей сердца на землѣ по предвѣчнымъ своимъ судьбамъ управляетъ дабы онъ Его Императорское Величество къ ежедневному умноженію радости всего Императорскаго дому, къ утвержденію свято постановленныхъ договоровъ съ высокими союзниками и сосѣдственными Государями, къ содержаію постояннаго внутренняго спокойства и согласія во всѣхъ Его Императорскому скипетру подверженныхъ государствахъ и провинціяхъ, и къ надежному защищенію всего христіанства, при непоколебимомъ здравіи, щастливомъ государствованіи, и при всякомъ Императорскомъ благополучіи на неисчетныя лѣта содержать благовоилъ.

При семъ великолѣпномъ фейэрверкѣ представлена была изрядная иллюминація, которая на обыкновенномъ театрѣ фейэрверковъ разноцвѣтными огнями показывала веселое положеніе мѣста изъ аллей, площадокъ, партеровъ, фонтановъ и проч. состоящее, а въ среднѣи оаго видно было кедровое дерево, которое обнимаетъ Россія.

(Примѣчаній къ Вѣдомостямъ часть 66 по 69. Въ Санктпетербургѣ августа 18 дня 1741 года. стр. 261—266.)

Вслѣдъ за этимъ описаніемъ помѣщены: въ нѣмецкихъ «Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ» ода Штеллиа на день рожденія Іоанна III, а въ русскихъ — ода Ломоносова, написанная по тому же случаю. При этомъ надо вспомнить то обстоятельство, что, по возвращеніи Ломоносова изъ-за границы, Шумахеръ «тотчасъ употребилъ его для описанія музеевъ Академіи и для перевода статей, если не для самихъ Вѣдомостей, то по крайней мѣрѣ для «Примѣчаній къ Вѣдомостямъ».

(Ученыя Записки Академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. 1855. Т. III. Выпускъ 2. стр. 270).

Ст. 77: Заплачешъ какъ Филипповъ сынъ,

т. е. какъ Александръ Македонскій, о которомъ сохранилось преданіе, что онъ впадалъ въ уныніе при извѣстіи о каждой побѣдѣ, одержанной его отцомъ:

Ὅσακις γούν ἀπαγγελοῦντο Φίλιππος ἢ πόλιν ἐνδοξόν ἡρῆκώς ἢ μάχην τινὰ περιβόητον νενικηκώς, οὐ πάνυ φαιδρός ἦν ἀκούων, ἀλλὰ πρὸς τοὺς ἡλικιώτας ἔλεγεν «ὦ παῖδες, πάντα προλήψεται ὁ πατήρ, ἐμοὶ δ'οὐδὲν ἀπολείψει μεθ' ὑμῶν ἔργον ἀποδείξασθαι μέγα καὶ λαμπρόν».

(Plutarchi Vitae inter se comparatae. Αλεξάνδρος καὶ Καίσαρ. V.).

Quoties aut praeclara aliqua pugna Philippus vicerat, aut oppidum opulentum in potestatem redegerat; laetantibus aliis, ipse haud obscure indolescebat: exceptaque vox est querentis inter aequales, nihil reliqui facturum patrem sibi ipsisque, quum adolevisset.

Q. Curtii Rufi De rebus gestis Alexandri Magni. I. Freinsheimii Supplementorum in Q. Curtium Liber primus. II.)

Ср. Гюнтеръ: Ода на миръ съ Портою. Ст. 485—490:

Die Allmacht lasse nur dein Haupt,
 Wofern es unsre Sünd erlaubt,
 Nicht eher Stern und Himmel zieren,
 Als bis ein Alexander weint,
 Dem eine Welt zu enge scheint,
 Des Vaters Thaten auszuführen.

Ст. 91 — 110. Проклята гордость, злоба, дерзость,
 Въ чудовище одно срослись;
 Высоко имя скрыло мерзость,
 Слѣпой талантъ пустиль взнестись!
 Велить себя въ неволю славить,
 Престоль себѣ надъ звѣзды ставить,
 Превысить хочетъ вышню Власть,
 На мой животъ ужъ зубы скалить;
 Злодѣйства кто его не хвалить,
 Погрязнетъ скоро въ мрачну пасть.
 Но зрю съ весельемъ чудо славно,
 Дивныя нежъ Алцидъ чинилъ;
 Какъ онъ лишь былъ рожденъ недавно,
 Скрутивъ змѣямъ главы сломилъ.
 Мой Императоръ громъ примаеть,
 На гордость Свой перунъ бросаетъ;
 Внезапно пала та стремглавъ,
 Съ небесъ какъ древня въ адъ денница;
 За рай ужъ держитъ ту темница.
 Ну, гдѣ же твой кичливой нравъ?

Относятся къ Бирону, лишенному власти и арестованному 9 ноября 1740 года и приговоренному къ смертной казни 8 апрѣля 1741 года; но правительница Анна Леопольдовна замѣнила смертную казнь «вѣчнымъ заключеніемъ». Изображеніе гордыни и злобы, захватившей власть неправдою и незнавшей предѣловъ своеволю, взято изъ дѣйствительности, и напоминаетъ отзывы правительственныхъ актовъ о дѣйствіяхъ павшаго временщика.

Бирона обвиняли въ томъ, что «будучи надменъ гордостію и несытствомъ властолюбія, такъ же, какъ и Годуновъ, забывъ Бога и свою присягу, восхотѣлъ наступить и на нашъ Императорскаго Величества незлобивый домъ. Имѣя въ сердцѣ своемъ непреклонное желаніе, и чрезъ своихъ креатуръ различныя способы уотребляя, дабы ему, Бирону, въ Россійской Имперіи яко

самовластному государю быть и оною славною въ свѣтѣ имперіею единому обладать, а у насъ самодержавную власть вовсе отнять. Хотѣлъ съ нашимъ государемъ родителемъ (т. е. съ принцемъ Антономъ Брауншвейгскимъ) шпагами развестись, и чрезъ такой злой умыселъ нашу императорскую фамилію до основанія искоренить. . . . Съ одной стороны состояніе его, въ которомъ онъ въ государство пріѣхалъ, а съ другой нынѣшнее его богатство всему свѣту извѣстны. . . . Онъ же будто для забавы Ея Величества (императрицы Анны Иоанновны), а въ самомъ дѣлѣ по своей свирѣпой собственной склонности, подъ образомъ шутокъ и балагурства такія мерзкія и Богу противныя дѣла затѣялъ, о которыхъ до сего времени во свѣтѣ мало слыхано: умалчивая о печеловѣческомъ поруганіи, произведенномъ не токмо надъ бѣдными отъ рожденія или какимъ случаемъ дальнаго ума и разсужденія лишеными, но и надъ другими людьми, между которыми и честной породы находилсь; о частыхъ между оными заведенныхъ до крови дракахъ, и о другихъ онымъ учиненныхъ мучительствахъ и безстыдныхъ мужеска и женска пола обнаженіяхъ, и иныхъ скаредныхъ между ими его вымысломъ произведенныхъ пакостяхъ, уже и то чинить ихъ заставлялъ и принуждалъ, что натурѣ противно и объявлять стыдно и непристойно» и т. д.

(Рукописи Государственнаго Архива. VI. Часть II. № 287 и др.).

Взглядъ тогдашняго правительства на Бирона весьма ярко выражается въ слѣдующемъ манифестѣ, составляющемъ большую библиографическую рѣдкость; печатаемъ его по экземпляру, принадлежащему Иларіону Николаевичу Толстому, которому и приносимъ искреннюю благодарность за сообщеніе намъ любопытнаго акта.

Божіею Милостію Мы Іоаннъ Третій Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ чрезъ сіе во всенародное извѣстіе и всему свѣту, а особливо всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, по силѣ публикованнаго Нашего Манифеста Ноября отъ 9 дня прошлаго 1740 года, еще довольно

известно, конемъ образомъ Мы во время малолѣтства Нашего въ Регенту опредѣленно бывшего Герцога Курляндскаго Эрнста Юаппа по всеподданнѣйшему усердному желанію и прошенію всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ духовнаго и мірскаго чина отъ того Регентства для того отрѣшнить, и арестовать припуждены были, что оной бывшей Регентѣ презирая и оставя вовсе Ея Императорскаго Величества блаженный и вѣчподостойный памяти вселюбезнѣйшей Нашей Государини Бабки высочайшее опредѣленіе (по которому ему имянно повелѣно было, сіе свое Регентство по государственнымъ нашимъ правамъ, конституціямъ и прежнимъ, какъ отъ Ея Императорскаго Величества, такъ и отъ Пресвѣтѣйшихъ Ея Величества предковъ оудрѣленіямъ и учиненнымъ Государственнымъ уставамъ вести и отивлять, а особливо притомъ не токмо о дражайшемъ здравіи и воспитаніи Нашемъ должное попеченіе имѣть, но и ко вселюбезнѣйшимъ нашимъ Государямъ Родителямъ и ко всей Нашей Императорской фамиліи достойное и должное почтеніе оказывать) злостно дерзнулъ, не токмо многія Государственнымъ нашимъ правамъ и прежнимъ опредѣленіямъ противныя поступки чинить, но и къ любезнѣйшимъ нашимъ Родителямъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, Государынѣ Нашей Матере, и Государю Нашему Отцу великое непочитаіе и презрѣіе публично оказывать, а особливо еще и другія какъ Намъ и любезнѣйшимъ нашимъ Государямъ Родителямъ, такъ и всему Государству весьма опасныя виды и намѣреніи объявить, какъ то все въ вышеписанномъ Нашемъ Манифестѣ Ноября отъ 9 дня 1740 года пространно объявлено.

И хотя Мы за показанныя бывшего оного Регента явныя преступленія, по дарованной Намъ отъ Бога самодержавной власти, моглибъ ему съ добрымъ основаніемъ уже тогда положенное по государственнымъ нашимъ правамъ, и уставамъ наказаніе учинить, въ разсужденіи того, что онъ Намъ присягою вѣрности обязанъ былъ, однакожъ пожеже Мы по природной Нашей къ милосердію склонности, и отъ послѣдняго Нашего подданнаго внадшаго въ погрѣшеніе, все то что онъ къ оправданію своему объявить можетъ, не токмо охотно слушаемъ, но и по разсмотрѣнію къ подлинному ево извиненію всесправедливѣе принимаемъ. Того ради всемилостивѣе указали и по сему дѣлу для подлиннаго изслѣдованія и разсмотрѣнія оного, учредить прежде особливую комиссію, которой комисіи бывшего Регента обо всемъ обстоятельно допросить, также и о томъ, что онъ можетъ быть ко оправданію своему объявить, пристойное и справедливое разсужденіе имѣть, передъ которою комиссіею онъ по допросу не токмо совершенно изобличенъ, но и самъ добровольно въ томъ признался. 1. Что онъ во время послѣднія смертельныя болѣзни, нынѣ въ Бозѣ усоншей Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государини Императрицы Нашей вселюбезнѣйшей Государини Бабки, оставя должное о продолженіи Ея Величества дражайшаго живота попеченіе, только о томъ старался, какъ бы ему правительство Россійской имперіи во время Нашего малолѣтства, которое какъ по божественнымъ такъ и по натуральнымъ и всемъ свѣтскимъ правамъ и по государственнымъ нашимъ уставамъ, Ихъ Императорскимъ Высочествамъ нашимъ

любезнѣйшимъ Государямъ Родителямъ однимъ принадлежить, съ Ихъ Императорскихъ Высочествъ несправедливымъ выключеніемъ добывать, и что онъ въ такомъ намѣреніи Ея Императорское Величество о порученіи ему помянутаго регенства, не токмо безотходно докучалъ, но и по усмотрѣніи что Ея Императорское Величество къ тому съ начала еще несклонна, для достиженія злостнаго своего вида отчасти всею своею тогдашнею властію, а отчасти и разными въ дѣлѣ пространно объявленными безбожными происками и интригами домогался и дѣйствовалъ. 2. Что онъ несказанное число казенныхъ денегъ и прочихъ дорогихъ вещей къ невозвратному государственному ущербу похищалъ и къ корыстнымъ своимъ намѣреніямъ по большей части виѣ государства себя въ пользу употреблялъ, которые свое корыстное намѣреніе онъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ истинному интересу Россійской имперіи всегда злостно предпочиталъ. 3. Что онъ и ево фамилія съ любезнѣйшими Нашими родителями съ ихъ Императорскими Высочествами Государынею Нашею Матерью и Государемъ Нашимъ Отцомъ, которымъ они по точному повелѣнію Ея Императорскаго Величества блаженныя и вѣчнодостоинныя памяти Нашей вселюбезнѣйшей Государыни Баби всякое достойное и должное почтеніе оказывать долженствовали, съ крайнимъ презрѣніемъ и непочтатіемъ поступали, и ихъ вообще всякими вымышленными досадами и противностями безпрестанно опечаливали, и Ихъ Императорскихъ Высочествъ почтеніе и любовь у народа не токмо великими мѣрами умалить, и для того всякія ложныя клеветы разсѣвать старались, и когда усмотрѣлъ всенародное усердіе и желаніе, чтобъ правительство въ рукахъ Ея Императорскаго Высочества Нашей вселюбезнѣйшей Государыни Матери было, то по неизречимому своему властолюбію забывъ Бога и себя, весьма дерзнулъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ обоихъ самихъ допрашивать, и притомъ разныя, неслыханныя, непристойныя угрозы употреблять, между прочими и сіи, что съ Ихъ Императорскими Высочествами равно какъ и съ другими подданными поступать можетъ, и весьма любезнѣйшаго Нашего Государя родителя на поединокъ позвать не постыдится, онагожъ Его Императорскаго Высочества къ низложенію всѣхъ своихъ какъ при арміи такъ и при гвардіи тогда имѣвшихъ чиновъ употребленіемъ всякихъ нечестныхъ способовъ принудилъ, при дворѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ преданныхъ себя людей содержалъ; дабы чрезъ нихъ о всѣхъ Императорскихъ Высочествъ поступкахъ и намѣреніяхъ свѣдому быть, и на послѣди весьма отважился Ихъ Императорскихъ Высочествъ служителей, которымъ повѣрены были пужнѣйшія дѣла безъ всякаго на нихъ подозрѣнія безъ Ихъ Высочества вѣдома, изъ внутреннихъ нашихъ покоевъ побравъ за караулъ въ крѣпость отослать и на жесточайшей пыткѣ предать велѣтъ, уповая либо чрезъ то какое извѣстіе получить, по которомубъ онъ злой свой умысль противъ насъ самихъ и любезнѣйшихъ нашихъ Государей Родителей толь скорое и свободите въ дѣйство произвести могъ. 4. Что онъ же бывшей Регентъ государственныя права и прежнія опредѣленія, по которымъ ему по всемогущѣйшему Ея Императорскаго Величества намѣренію во всемъ неотмѣнно поступать надлежало: по своей воли, и

когда они пристрастнымъ его видамъ противны казались, весьма оставляя и нарушалъ, и кромя вышеобъявленныхъ у Ихъ Императорскихъ Высочествъ обрѣтающихся служителей еще другими многими знатными и заслуженными Офицерами и другими чиновными людьми безъ всякія ихъ вины и токмо по одной той причинѣ, что они по присяжной своей должности ревнуя Намъ и любезнѣйшимъ Нашимъ Государямъ Родителямъ, ево Богу и общему народу несправедливыми поступками недовольны являлись, безъ всякой милости и безчеловѣчно разыскивали, и для лучшаго произведенія злаго своего умысла намѣреніе взявъ изъ полковъ лейбгвардіи Нашей Преображенскаго и Семеновскаго, въ которыхъ по древнему учрежденію болшая часть изъ знатнаго шляхетства всегда Намъ и Предкамъ Нашимъ непоколебимо въ вѣрности находящагося состоятъ, оное шляхетство вовсе вывести и выключить, и мѣста ихъ другими простыми людьми наполнить. И что наивысше есть 5 такіа беззаконныя дальновидныя и злыя намѣренія имѣлъ, и во ономъ чрезъ свое собственноручное признаніе повинился, чрезъ которыя, ежелибы всещедрый Богъ того не отвратилъ, вѣрныя Наши подданныя своего благополучія и Государства, нынѣшней тишины и покоя лишиться, а Мы и любезнѣйшія Наши Государи Родители въ весьма опасное состояніе приведены бытъ моглибъ, умалчивая о многихъ другихъ бывшаго онаго Регента важныхъ же преступленійхъ и безбожныхъ ево какъ къ предосужденію любезнѣйшихъ нашихъ Родителей, такъ и къ общему Государственному ущербу и къ разоренію всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ, дерзостно оказанныхъ поступкахъ, о которыхъ также и о вышесказанномъ обо всемъ по объявленному бывшаго онаго Регента добровольному признанію и по слѣдственному объ немъ дѣлу совершенно и подробно значить.

И понеже по показаннымъ реченнаго Регента безбожнымъ поступкамъ весьма явно: что онъ не токмо въ умыленномъ нарушеніи Государственныхъ правъ, и малослыханномъ похищеніи Нашей казны, но и въ винѣ оскорбленія Величества, и особливо въ зломъ умыслѣннѣи противу Намъ и Государству Нашему приличился, за которыя преступленія какъ по Нашимъ Государственнымъ правамъ, такъ и по божественнымъ натуральнымъ и всенароднымъ законамъ конечная смертная казнь положена. Того ради надлежало ему оную по сущей справедливости и учинить, особливо и потому что онъ Намъ не токмо какъ вышеобъявлено присягою вѣрности обязанъ былъ, но къ тому же еще и всему свѣту извѣстно: что Ея Императорское Величество блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Наша вселюбезнѣйшая Государиня Бабука, ево по одной своей Императорской щедротѣ и милости изъ самыхъ подлыхъ людей въ такіа знатныя чины и состояніе произвела, которая высочайшая Императорская милость ево по справедливости ко всегдашней благодарной памяти, также и въ вѣрной службѣ Россійской имперіи, а особливо къ неотмѣнному должному почитанію любезнѣйшихъ нашихъ Родителей и всея Императорскія Фамиліи возбуждать имѣлабъ. Однакожь какъ Мы по природному Нашему великодушію, и въ разсужденіи добровольнаго онаго бывшаго Регента во всѣхъ вышесказанныхъ тяжкихъ преступленіяхъ признанія, какъ всегда такъ и нынѣ особливо къ милости больше склонны,

такъ указали Мы ево отъ смертной казни Всемилостивѣйше освободить, а напротивъ того со всею ево фамиліею, которая въ объявленной винѣ оскорбленія величества явно съ нимъ обще причислась, по отписаніи всего ихъ движимаго и недвижимаго имѣнія на Насъ, въ вѣчномъ заключеніи содержать: дабы тяжкое оное гоненіе и наглѣя обиды, которыя вѣрныя Наши подданныя отъ него претерпѣли, къ справедливой ихъ сатисфакціи безъ всякаго взыскаія не остались, также и всему тому что Нашему государству и общему покою и благополучію опасно и вредительно быть можетъ, такимъ образомъ вдругъ предупреждено было.

И дабы во всемъ свѣтѣ о семъ Нашемъ Манифестѣ извѣстно учинилось, Того ради указали Мы оной за Нашею Государственною печатью и за подписаніемъ напечатать и во всенародное извѣстіе публиковать. Апрѣля 17 дня 1741 года.

На подлинномъ подписано рукою Ея Императорскаго Высочества Государыни Правительницы Великія Княгини всея Россіи тако:

Имянемъ Его Императорскаго Величества
Анна.

Печатанъ при Сенатѣ
Апрѣля 18 дня
1741 года.

Ст. 95: Велить себя въ неволю славить,

Къ числу «невольныхъ славословій», подносимыхъ временщику, принадлежать и хвалебныя произведенія академическихъ стихотворцевъ.

Dem durchlauchtigsten Fürsten und Herrn Ernst Iohann Herzog in Liffland zu Curland und Semgallen überreicht zu sr. Hoch-Fürstl. Durchlaucht neu erlangten herzoglichen Würde ihre eiffrigste und unterthänigste Glückwünsche die Kayserliche Academie der Wissenschaften St.-Petersburg den 12 juny 1737.
Ode:

Dein Fürsten Thron
Entzückt den stillen Helicon,
Ein lautes Freuden — Lied zu dichten.
Verdienst und Tugend heben DICH:
Die Musen sehn, und freuen sich
DIR ihren Glückwunsch zu entrichten:
Um in den grünen Lorber-Hayn
DIR einen eignen Baum zu weihn,

In dessen eingeschnittner Rinde
 Die Nachwelt disz Gedächtnisz finde.
 Du hast, als hoher Mäcenat,
 Ja stets der Wissenschaft den Pfad
 Zu ANNENS Gnaden-Thron gebähnet. . .
 So ein vollkommner Fürst auf Erden,
 Kan nur der REICHS - GRAF BIRON werden. . . .

Въ одѣ Штеллина: Zu dem hohen Geburts-feste, etc., 12 ноября
 1737 года:

Durch Deiner Grösse Glantz und Pracht
 Hast Du Dein Curland grosz gemacht
 Und ausz Dunkelheit gerissen. . .
 So giengst Du, wie die Sonn'im Lauf,
 Zum Glantz des gantzen Landes auf,
 Mit Strahlen die auf Curland fallen
 Und in die Welt zurücke prallen. . .

Сочинялись оды не только для восхваленія Бирона, но и въ честь его жены и родственниковъ. Въ приливѣ усердія Штеллинъ (tieffstergebner Knecht Stälin) восклицалъ:

Birons Fürsten-Zweig'ohn'Ende!
 O welch schöner Hoffnungs-Stern!

Посвящая Бирону свою «торжественную оду» на взятіе Данцига, Тредьяковскіи говоритъ: «Давно уже искрення ревность, которую я къ вашему сіятельству въ сердцѣ имѣю, меня понуждала, чтобы оную вашему сіятельству чрезъ нѣчто внѣшнее засвидѣтельствовать; но глубокопочитающій васъ мой страхъ отъ того меня удерживалъ, а случай недопускающій до толикаго дерзновенія всегда воспящалъ. Довольно мнѣ было доньгѣ высокія и въ немногихъ находящіяся вашего сіятельства добродѣтели внутренно токмо почитать и онымъ удивляться. . . Однако нынѣ не возмогъ я болѣе удержаться. . . Вамъ, сіятельнѣйшій графъ, приличиѣ надлежало сію оду посвятить, понеже вы, какъ первыи

лицу предстоите толикія монархини, такъ первому вамъ и похвалы ея вручить праведно есть».

(Ода торжественная о здачѣ города Гданска. 1734. Посвященіе).

Ст. 121—130. Разумной Гостомысль при смерти
Крѣпилъ Князей совѣтомъ зборъ:
Противныхъ чтобъ вамъ силу стерти,
Живите въ дружбѣ, бойтесь ссоръ.
Къ брегамъ Варяжскихъ водъ сходите,
Мужей премудрыхъ тамъ просите,
Моглибъ которы править васъ.
Послы мои туда сходили,
Откуда Рурикъ, Труворъ были,
Съ Синавомъ три Князья у насъ.

Ломоносовъ, ссылаясь на Новгородскій лѣтописецъ, говоритъ въ своей Исторіи: «Новгородцы по разореніи отъ Угровъ и по великой моровой язвѣ, собравшись предводительствомъ и правленіемъ благоразумнаго старѣйшины Гостомысла, приведены были въ цвѣтущее состояніе. Послѣ смерти его впали въ великія распри и междоусобицы войны. Наконецъ по завѣщанію Гостомыслову согласясь между собою и кушо съ Чудскими ближними народами, выбрали и призвали Рурика съ братьями къ себѣ на княженіе».

(Древняя Россійская Исторія, сочиненная Михайломъ Ломоносовымъ. 1766. стр. 55).

Ст. 141 — 142: Молчу заслуги, что недавно
Чинила Царска мнѣ любовь,

Прищесса Анна Леопольдовна вовсе не обладала свойствами, необходимыми для правительшицы, а потому о какихъ-либо дѣйствительныхъ заслугахъ ея въ отношеніи Россіи не можетъ быть и рѣчи. Остается предположить, что Ломоносовъ имѣлъ въ виду нѣкоторые изъ правительственныхъ актовъ, обнародованныхъ съ 9 ноября 1740 года по 25 ноября 1741 года, т. е. въ те-

ченіе того времени, которое называется «Правленіемъ Принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской».

Изъ ряда подобныхъ актовъ выдѣляется нѣсколько указовъ, направленныхъ противъ вопіющаго зла того времени — судебной «волокіты», въ которыхъ говорилось слѣдующее: «Намъ небезызвѣстно есть, коимъ образомъ, не только въ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ, но и въ самомъ Сенатѣ, по подаваемымъ отъ людей бѣдныхъ и немущихъ челобитнымъ чрезъ долгопрошедшія времена и годы рѣшенія не чинятся, и тѣ бѣдные челобитчики, таскаясь за тѣми своими дѣлами, приходятъ въ крайнее разореніе и нищету, и напоследокъ, не получа никакого рѣшенія, принуждены и вовсе отъ дѣлъ своихъ отставать, что Намъ слышать не иначе, какъ зѣло прискорбно. . . . Всякія челобитчиковы дѣла велѣно рѣшить безъ всякаго мотчанія и безъ всякія волокіты» и т. д. (Полное собраніе законовъ. 1830. Т. XI. стр. 302—307, и др.).

Изданы были указы противъ роскоши, противъ банкротства, и т. п. Указомъ св. синоду требовалось увеличить число духовныхъ училищъ и заботиться о снабженіи церкви достойными священниками. Сосланныхъ за побѣги въ каторжную работу, съ вырѣзаніемъ поздрей, велѣно освободить отъ этой работы и послать въ Сибирь «на житье, гдѣ имъ дать волю, кто чѣмъ можетъ пропитаніе имѣть». Незвѣстно, считался ли тогда «заслугою» Анны Леопольдовны недавній оборонительный союзъ, заключенный съ Англіею, по которому Англія обязывалась предоставить въ распоряженіе Россіи двѣнадцать кораблей, а Россія должна была послать въ помощь Англіи десять тысячъ пѣхоты и двѣ тысячи конницы и т. д.

Ст. 158 — 159. Отъ устья быстрыхъ струй Дунайскихъ
До самыхъ ускихъ мѣстъ Ахайскихъ.

«Ломопосовъ намекаетъ здѣсь, кажется, на турецкую кампанію при императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ. По взятіи Хотина, казаки простирали свои набѣги до береговъ Дуная. Подъ Ахай-

цами Ломоносовъ разумѣеть *Ахевовъ* (*Αχαιων*) на восточномъ берегу Чернаго моря, которые жили, по древнимъ писателямъ, на югъ отъ Керкетовъ (Черкесовъ въ собственномъ смыслѣ). Не имѣлъ ли онъ здѣсь въ виду какой-нибудь набѣгъ того времени, произведенный на Кавказъ съ сѣвернаго края, изъ степи. Или ему извѣстно было одно мѣсто у Саллюстія, гдѣ рядомъ стоятъ *Achaei atque Taurici*.

(Ученыя Записки. 1855. Томъ III. Выпускъ 2. стр. 275. Примѣчанія академика Куника).

Ст. 161 — 162. Боязнь трясеть Хинейски стѣны;
Геонъ и Тигръ теряютъ путь,

Ст. 168. Упалъ предъ младымъ ницъ Героемъ,

«Вслѣдствіе переговоровъ съ *Китиемъ*, начатыхъ еще при Петрѣ Великомъ, отсюда отправлено было посольство, которое и прибыло въ Москву 1731 года. Въ 1739 году учреждена китайско-русская торговая компанія. Подъ именемъ *Геона* прежде разумѣли то Нилъ, то Араксъ. Здѣсь же разумѣется Сихунъ, либо Джихунъ арабскихъ писателей. (Учен. Зап. II, 761), такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ Ломоносовъ говоритъ о походѣ Шахъ-Надира въ Индію. Отъ 1736 до 1740 года въ Петербургѣ жилъ персидскій посланникъ, имѣвшій прощальную аудіенцію у императрицы въ іюлѣ 1740 года. Турецкій посланникъ представился правительницѣ 1-го іюля 1741 года». (Тамъ же, стр. 275—276).

Ст. 201 — 202: Торжественъ шумъ мой гласъ скрываетъ,
Скончатъ не красной стихъ пора.

Ср. Ода на взятіе Хотина (ст. 279 — 280):

Придать дерзнулъ не красной стихъ
Въ подданства знакъ Твоей державѣ.

V.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь нумерованныхъ страницъ: на первой—заглавіе, на второй—эпиграфъ, на остальныхъ шести—ода. Строчки не обозначены цифрами. Передъ началомъ текста оды небольшая узенькая заставка—узорчатая ленточка; въ концѣ оды—Императорская корона, окруженная узорами. Четыре пояснительныя выноски: *Марсъ*, *Беллону*, *Геркулесъ*, *Адекихъ*, принадлежатъ самому Ломоносову.

Единственный, доселѣ извѣстный, экземпляръ отдѣльнаго изданія оды хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

ВАРІАНТЫ.

II. — Примѣчанія къ Вѣдомостямъ. 1741. Часть 73 и 74. стр. 289 — 296.

Ст. 1. Россійскихъ войскъ хвала растеть, (II.)

Ст. 3. Младой Орель ужъ льва терзаетъ. (II.)

Ст. 8. Свой ядъ премерску зависть травить; (II.)

Ст. 76—77. То оной въ вѣкъ хранить желаютъ,
Чинятъ то умысль намъ жестокъ,

Ст. 79. То воску сердце ихъ мягчае. (II.)

Ст. 127. Но искрамъ и огню претягъ. (II.)

- Ст. 133. Крутить къ брегамъ четвертой части (II)
 Ст. 209. Во дняхъ младыхъ сильна держава; (III)
 Ст. 227. Не ищутъ естли брань пресѣчь: (II)

Ода на побѣду русскихъ войскъ надъ шведскими, 23 августа 1741 года, при Вильманстрандѣ издана была, въ 1741 году, и отдѣльно и въ «Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ».

Не только отдѣльное изданіе оды, но и «Примѣчанія къ Вѣдомостямъ», въ которыхъ она помѣщена, составляютъ большую библиографическую рѣдкость, какъ и все, напечатанное у насъ во времена императора Іоанна III. Въ архивѣ академіи наукъ сохранилось слѣдующее донесеніе сенату: «Указомъ изъ правительствующаго сената повелѣно учиненныя принцу Іоанну присяги сжечь; такожъ манифесты, печатные указы, регламенты, кои публикованы въ народъ, сколько найдется, не оставлявая ничего съ титуломъ принца Іоанна. . . Того ради, сколько отыскано, академія наукъ правительствующему сенату шжайше предлагаетъ». Затѣмъ помѣщенъ реестръ указамъ 1740 и 1741 годовъ и списокъ подъ общимъ названіемъ: «Въ книжѣ», въ который внесены:

О продажѣ Бироновыхъ пожитковъ	10
Прибавленіевъ печатныхъ къ Вѣдомостямъ	90
<i>Одъ или похвальныхъ рчицъ, изданныхъ адъюнк-</i> <i>томъ Ломоносовымъ</i>	12
(Матеріалы для исторіи Академіи наукъ. Т. VII, стр. 526—534).	

Эпиграфъ къ одѣ: «Первые Трофеи» взятъ изъ второй сатиры Горація (ст. 133 — 136):

Nunc ager Umbreni sub nomine, nuper Ofelli
 Dictus, erit nulli proprius, sed cedet in usum
 Nunc mihi, nunc alii. Quocirca vivite fortes
 Fortiaque adversis opponite pectora rebus.

Одинъ изъ рѣдкихъ экземпляровъ сохранился въ библіотекѣ С. Д. Полторацкаго, и перепечатанъ въ журналѣ: «Сынъ отечества и Сѣверный архивъ». Издатели распорядились текстомъ весьма свободно, печатая не только *сверху* вмѣсто *въверху*, но даже *полночныхъ* вмѣсто *вечернихъ*, и т. п. «Почему — спрашиваютъ они — эта ода такъ плоха? Она гораздо ниже предшествовавшей ей оды 1739 года. Мы объясняемъ это состояніемъ души поэта: 1741 годъ былъ самымъ несчастнымъ въ жизни Ломоносова; весною въ семь году онъ бѣжалъ изъ Марбурга, оставя тамъ жену и дочь; попался въ прусскую службу, дезертировалъ, и въ концѣ лѣта пріѣхалъ въ Петербургъ, безъ всякихъ надеждъ, можетъ быть, съ отчаяніемъ въ душѣ. Время ли было ему думать тогда о стихахъ, едва имѣя кусокъ пасущаго хлѣба, не видя ничего въ будущемъ, разлученному съ своимъ семействомъ, и предчувствуя смерть отца? Во всякомъ отношеніи стихи эти чрезвычайно любопытны».

(Сынъ отечества и Сѣверный архивъ. 1838. Т. II. стр. 85—93).

Въ 1855 году академикъ Куникъ снова перепечаталъ, въ Ученыхъ Запискахъ, оду на побѣду надъ шведами; онъ говоритъ: «Едва успѣлъ Ломоносовъ окончить свою оду на день рожденія Іоанна III, какъ долженъ былъ взяться за другую, по собственной ли волѣ, или по желанію академіи, неизвѣстно. Попспѣшность, съ какою сочинена эта ода, была, можетъ быть, причиною того, что ода эта значительно ниже его оды 1739 года. Эту оду постигла та же участь, какъ и предыдущую: обѣ исчезли послѣ 1741 года почти во всѣхъ экземплярахъ «Примѣчаній». Въ 1838 году она была перепечатана въ одномъ журналѣ, но съ такими произвольными поправками, что мы считаемъ себя въ полномъ правѣ еще разъ перепечатать ее изъ «Примѣчаній».

(Ученыя Записки Императорской Академіи наукъ по первому и третьему Отдѣленіямъ. 1855. Томъ III. Выпускъ 2. стр. 277—284).

О двухъ одахъ Ломоносова, написанныхъ имъ въ правленіе Анны Леоновны — на день рожденія Іоанна III и на взятіе Вильманстранда, академикъ Пекарскій дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Само собою разумѣется, что въ настоящее время стихи Ломо-

носова могутъ казаться холодными и напыщенными, и многія изъ его выраженій или устарѣли или кажутся намъ несвойственными духу языка; но если вспомнить время, въ которое появились названныя выше оды, и тѣ произведенія — въ стихахъ и прозѣ, это все равно — которыя предлагались тогдашнимъ читателямъ, то становится понятнымъ, почему произведенія Ломоносова обратили на себя всеобщее вниманіе и восхитили современниковъ и языкомъ и содержаніемъ своимъ. Замѣчательно, что въ самой академіи начало разсмотрѣнія ученыхъ разсужденій Ломоносова, а также Теплова, Рейзера и Виноградова, совпадаетъ со временемъ появленія въ печати стихотворческихъ произведеній перваго изъ нихъ».

(Исторія академіи наукъ. П. Пекарскаго. 1873. Т. II. стр. 317).

Битва при Вильманстрандѣ, составляющая историческую основу оды, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи шведской войны.

(См. Соловьева: Исторія Россіи. 1871. Т. XXI, стр. 90—91. Ученыя Записки. 1855. Т. III. Вып. 2, стр. 278—и др.).

Ст. 11: Оставивъ шумъ войны Грививъ. . .

Грививъ — прозвище *Марса*, встрѣчающееся у римскихъ писателей.

Титъ Ливій (I, 20) о Нумѣ: *Salios item duodecim Marti Gradivo legit*. . .

У Овидія (*Fastorum*. Lib. II, 857—862).

Jamque duae restant noctes de mense secundo,
 Marsque citos iunctis curribus urget equos:
 Ex vero positum permansit Equiria nomen,
 Quae deus in Campo prospicit ipse suo.
 Jure venis, *Gradive*: locum tua tempora poscunt,
 Signatusque tuo nomine mensis adest. . .

У Виргилія (*Энеид*. III, 34—36, и др.):

Multa movens animo nymphas venerabar agrestis
Gradivomque patrem, Geticis qui praesidet arvis,
 Rite secundarent visus omenque levarent. . .

Название *Gradivus* объясняютъ такимъ образомъ: *Martem*, cum saevit, *Gradivum* dici; cum tranquillus est, *Quirinum*: ideo Romae duo ejus templa fuisse, alterum Quirini intra urbem, quasi custodis, sed tranquille; alterum *Gradivi* extra urbem, via Appia, prope portam, quasi *bellatoris*. . . Alii *Gradivum*, quod *gradum* inserant, qui pugnant: aut quod impigre *gradientur*; aut ab hastae concussionem, quod graece dicitur $\chi\rho\alpha\delta\alpha\iota\nu\omega$. Alii *Gradivum*, quia nunquam equester fuit, a *gradu* dictum quod huc et illuc *gradiatur*. . . .

(Commentarii in Virgilium Serviani. sive Commentarii in Virgilium, qui Mauro Servio Honorato tribuuntur. Aeneid. Lib. III, 35 и др.).

Въ одѣ на взятіе Вильмапстранда Ломоносовъ часто обращается къ классической мѣологіи, заимствуя отсюда какъ имена, такъ и образы:

- Ст. 174: Васъ тѣшилъ миръ, насъ *Марсъ* трудилъ;
 Ст. 176: Терпѣль *Беллоны* шумъ нестройной
 Ст. 22—23: Внезапно тихъ къ себѣ почувъ
 Приходъ *Венеры* и *Дѣаны*.
 Ст. 147—150: *Стигійскихъ* водъ шумять брегъ,
 Гребуть по нимъ побитыхъ дѣши,
 Кричатъ тѣмъ, что стоить на сѣши,
 Горька опять коль имъ бѣда.

Упоминается не только *Градивъ*, но и сестра его *Беллона*, и братъ — *Геркулесъ*:

- Ст. 33—34: Не такъ на верьхъ высокой *Эты*
 Поднявшись братъ его шумѣлъ,

Обычай призывать мѣическихъ боговъ составлялъ весьма долго одну изъ особенностей эпоса и лирики. Стихотворцы времени Ломоносова сводили съ Олимпа его счастливыхъ обитателей для приданія большаго блеска воспѣваемымъ торжествамъ.

Тредьяковскій въ одѣ «о здачѣ Гданска» спрашивалъ, для усиленія эффекта:

Не самъ ли *Нептунъ* строишь стѣны,
Что при близкомъ толь горды морѣ? . . .
Не *Минерва* ль копіе мечеть? . .

По случаю свадьбы графа Лестока было сочинено:

Cupidens Erscheinung in der Gestalt eines Wirklichen Geheimten Liebes-Raths, bey Gelegenheit der Hoch Reichs-Gräfflichen L'Estocq-Mengdenschen Vermählung, beschrieben von Einer zum Gehorsahm Fertigen Feder.

Mich deucht! ich hört, und sah die Götter in den Lüfften,
Herrn Grafen L'Estocqs Eh hier auf der Erden stifften.
Ich sah den Jupiter dem Mars zur Seiten stehen;
Apollo war dabey um schon zu Rath zu gehen. . .

Подражаніе древнимъ господствовало въ нѣмецкой литературѣ со времени Опица (1597 — 1639). Въ похвальной одѣ герцогу голштинскому Ульриху (1633 г.) Опиць говоритъ: Слышу, Аполлонъ, твои струны; восторгъ меня увлекаетъ; Фебъ указываетъ мнѣ храмъ славы: дерзаю воспѣть героя Ульриха. Богатство даровъ, ниспосланныхъ свыше богоподобному Ульриху, ослѣпляетъ меня. . .

Mars kam zum Wiegen hin und gab dir seine Kraft,
Latonen weiser Sohn den Preiss der Wissenschaft,
Mercur den freien Sinn, der nie kann stille stehen. . .

Современная Ломоносову нѣмецкая критика восхищалась преувеличеніями Опица, и находила вполне умѣтнымъ обращеніе къ древней мифологіи. По мнѣнію самого Опица, христіанскіе писатели, употребляя имена языческихъ божествъ, нисколько не оскорбляютъ своей религіи, ибо разумѣютъ подъ ними различныя проявленія всемогущества Божія, обозначая ихъ названіями, заимствованными изъ языческаго міра: мудрость — Минерва, солнце — Аполлонъ, и т. п. Издатель Опица поясняетъ: Христіанскіе писатели не изобрѣтаютъ новыхъ сказаній о мифическихъ

богахъ, а только намекають на древнія, общезвѣстныя, допуская всѣмъ понятныя сравненія, метафоры, аллегоріи. Предметы и идеи представляются поэтами въ живыхъ образахъ — огонь, любовь, науки и искусства олицетворяются въ названіяхъ: Вулканъ, Амуръ, Музы. Иногда поэты прибѣгаютъ къ мифическимъ существамъ только потому, чтобы не говорить прямо отъ себя, т. е. по той же причинѣ, по которой прозаики вмѣсто: я говорять: *мы*, и т. п.

Ст. 54 — 55: Къ себѣ васъ та земля влечетъ,
Въ которой медъ съ млекою течетъ?

Библейское выраженіе, часто употребляемое въ литературѣ. Исходъ. III, 7 — 8: «Рече Господь къ Моисею: видя видѣхъ озлобленіе людей моихъ, иже въ Египтѣ, и спихохъ изяти ихъ отъ руку египетскую, и ввести ихъ въ землю благу и многу, въ землю, кипящую млекою и медомъ». Іезекіиль XX, 6: «Въ той день подъяхъ я рукою моею, еже извести я изъ земли Египетскіи, въ землю, юже уготовахъ имъ, землю, кипящую млекою и медомъ: соть есть наче всѣхъ земель» (красу всѣхъ земель).

Ст. 107—110. Враговъ такъ смотритъ нашъ солдатъ,
Враговъ, что вѣчной миръ попрали,
Враговъ, что нашъ покой смущали,
Враговъ, что насъ пожрать хотять.

Представляютъ одинъ изъ видовъ риторической фигуры: «Повтореніе». Но Ломоносовъ не помѣстилъ ихъ въ своей Риторикѣ, приводя въ примѣръ «Повторенія» отрывки изъ другихъ одъ, въ § 93 Риторики 1744 года и въ § 203 Риторики 1748 года.

Ст. 112: Къ трудамъ избранной нашъ народъ,
Ср. Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ
(Ода на взятіе Хотина. ст. 48).

Ст. 121—123: Вспятить не можетъ ихъ гора,
Металль и пламень что съ верьха
Жарчае Геклы къ нимъ рыгаетъ.
Ср. Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металль и пламень въ долъ бросаетъ,
(Ода на взятіе Хотина. ст. 46—47).

Ст. 135: Пустыня, лугъ и брегъ дрожить,
Ср. Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ!
(Ода на взятіе Хотина. ст. 84).

Ст. 162: Оставшей трупъ и стыдъ смердить.
Ср. Und stinckt nach Tůrcken, Schand und Leichen;
(Гюнтера: Ода на миръ съ Портою. ст. 12).

Ст. 191: Высокой крови Царской Дщерь.

Относится къ правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, находившейся, по матери, въ кровномъ родствѣ съ русскимъ царскимъ домомъ.

Ст. 201—205: Добротъ чистѣйшій ликъ вознесъ
Велику Анну въ дверь небесъ.
Откуда зреть въ Россіи ясно
Монарха въ лавровыхъ вѣнцахъ,
На матернихъ Твоихъ рукахъ,

По случаю кончины императрицы Анны Иоанновны была выбита большая золотая медаль съ слѣдующимъ изображеніемъ: императрица возносится на небо, и возлагаетъ царскую корону на младенца Іоанна, котораго держитъ на рукахъ мать его, принцесса Анна Леопольдовна.

(Ученія Записки Императорской Академіи наукъ по первому и третьему Отдѣленіямъ. 1853. Т. I. Вып. 4. стр. 573).

Ст. 211: Отца отечества Отецъ!

Отецъ младенца-императора Іоанна III, принцъ Антонъ Ульрихъ.

VI.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, четыре нenumерованныя страницы: на первой — заглавіе, на остальныхъ трехъ — ода. Строфы не обозначены цифрами. Передъ началомъ текста оды — типографская заставка въ видѣ тройнаго бордюра, верхняя и нижняя части котораго состоятъ изъ криволинейнаго повторяющагося орнамента, а средняя изъ ряда императорскихъ коронокъ. Въ концѣ оды — маленькій типографскій кончикъ: императорская корона; справа и слѣва отъ нея по одной пальметкѣ, симметричныхъ по горизонтальной оси; подъ короною двѣ звѣздочки, а между ними вхоходящій орнаментъ изъ завитковъ, точекъ и подобія стрѣлки.

ВАРИАНТЫ.

II.—Примѣчанія къ Вѣдомостямъ. 1741. Часть 98 по 102. стр. 403 — 408.

(Изъ «Примѣчаній къ Вѣдомостямъ» ода перепечатана академикомъ Кушникомъ въ Ученыхъ Запискахъ по первому и третьему отдѣленію Академіи наукъ. 1855. Т. III. Вып. 2. стр. 284—290).

Ст. 26. Въ Тебѣ щедрота Божья зрится, (II)

Ст. 45. Тебя смотритъ тѣснится всякъ, (II)

Ст. 68. Въ текстѣ опечатка: «воспались», вмѣсто «воспаллась».

Ст. 93. Въ текстѣ опечатка: «зачахъ», вмѣсто «зачалъ».

Въ «Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ» одѣ предшествуетъ подробное и любопытное описаніе торжества, переведенное съ нѣмецкаго языка на русскій. Полагаютъ, что переводъ принадлежитъ Ломоносову. Предлагаемъ и подлинникъ и переводъ:

Erklärung über die Feuerwercks- und Illuminations-Vorstellung welche bey feyerlichster Begehung des hohen Geburths-Festes Ihro Maj. der Allerdurchlauchtigsten Groszmächtigsten Kayserin Elisabeth Petrowna Selbstherrscherin aller Reussen etc. etc. etc. den 18 Decem-ber 1741 vor dem Kayserlichen Winter-Pallast in St. Petersburg aufgeführt worden.

Endlich kan das beruhigte Ruzland dem frohen Tag der hohen Geburth IHRO KAYSERL. MAJEST. ELISABETH, der ehedem nicht ohne besondere Vorsehung des Allerhöchsten als ein fruchtbahrer REGENBOGEN des zukünftigen Trostes und Vorbothe der jetzt aufgeklärten Zeit über das Reich aufgegangen war, mit freyem Gesichte wieder entgegen sehen. Endlich können die getröstete Unterthanen des Ruz. Zepters ihre Augen fröhlich dahin erheben, wohin ihr Hertz bishero durch einen geheimen Zug geleitet worden, nemlich nach ihrer RECHTMÄSZIGEN BEHERRSCHERIN, und würcklich allergnädigsten MONARCHIN ELISABETH PETROWNA. Endlich darff die LIEBE DES VATERLANDES mit dem RAUCH-FASZ ihrer so lange nur im stillen aufgestiegenen Wünsche getrost hervor treten, und an dem ERFREULICHEN GEBURTS-FESTE ihrer ERRETTERIN ELISABETH, den erhabenen Nahmen ihrer erfüllten Hoffnung und ihres eingetroffenen Trostes von der plötzlich erschienenen Gerechtigkeit Gottes mit der Höchsten KAYSER-KRONE geschmückt, betrachten, bewundern und verehren. Ja endlich dürfen die Redlichen im Lande

Изъясненіе фейэрверка и иллюминаціи, которые при торжественномъ празднованіи высокаго дня Рожденія Ея Императорскаго Величества Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія, и проч. и проч. и проч. 18 декабря 1741 года предъ Императорскимъ Зимнимъ Домомъ въ Санктпетербургѣ представлены были.

Нынѣ ужѣ успокоенная Россія всерадостнѣй день высокаго рожденія Ея Императорскаго Величества всемплоствѣйшія своея Государыни Елисаветы Петровны свѣтлымъ и свободнымъ лицомъ встрѣчать можетъ, которой за нѣсколько лѣтъ не безъ особливаго смотрѣнія Божія, яко плодоносная небесная дуга будущія утѣхи, и яко знаменіе просіявшаго нынѣ времени надъ сею имперіею показался. Нынѣ могутъ обрадованныя подданные Россійскаго скипетра очи свои съ веселіемъ туда возводить, куда ихъ сердца тайными движеніями понынѣ неслися, то есть къ своей законной обладательницѣ и истинно всемплоствѣйшей Монархинѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Нынѣ можетъ *любовь отечества съ ѿмѣломъ* своихъ доселѣ въ тайнѣ произносимыхъ желаній дерзновенно показаться, и при всерадостномъ торжествѣ рожденія своея избавительницы Елисаветы высочайшее имя исполнившіяся надежды и собывшагося утѣшенія, которое отъ пезанно явившагося правосудія Божія высочайшею Императорскою короною украшено, рассуждать и почитать съ удивленіемъ. Нынѣ по истиннѣ могутъ вѣрныя и добродѣтельныя

erwachen, ihr Hertz ausschütten, ihren Mund aufthun, und mit Frohlocken ausrufen: NUNMEHRO IST RUSZLAND SEIN ERWÜNSCHTES HEIL, UND DEM HEUTIGEN TAG SEIN VORBESTIMTES RECHT GESCHEHEN.

Dasz es der allgewaltigen Vorsehung Gottes niemals an demjenigen mangelt, was zur Ausführung ihrer vollkommensten Absichten gereicht, ist ein Merkmal der unumschränkten Allmacht. Dasz sie die trefflichsten Mittel zur Vollendung ihrer Absichten sich allezeit in Vorrath schaffe, ist ein Zeichen einer unbegreiflichen Weisheit: Und dasz sie zum Heil gantzer Länder und Staaten oft ein einiges Haupt mit ihrem sonderbaren Schutz bewachtet, ist eine Überführung von ihrer unbeschreiblichen Güte.

Selbst der heutige Tag musz das gröste Zeugnisz dieser ungehinderten Allmacht, der unbetrüghchen Weisheit, und der unermüdeten Güte der Göttlichen Vorsehung über das Ruszische Reich abgeben. Wer bewundert nun nicht die ruhigste Erfüllung eines so grossen Werkes, das vor menschlichen Augen so schwer, der Vorsehung so leichte, zur Beruhigung und zum Glücke Ruszlands aber unentbehrlich war? Wer erkennt nunmehr nicht, dasz die weise Vorsehung eben an dem heutigen Tag ehemals DIE THEURESTE ELISABETH habe lassen geböhren werden, um ihre Wunder in unsern Zeiten durch Sie auszurichten? Wer begreift nunmehr nicht dasz der merkwürdige Geburts-Tag IHRO KAYSERL. MAJEST. zugleich mit dem Recht zum Thron, Kron und Zeppter des Ruszischen Reichs für unsere gegenwärtig ALLERGNÄDIGSTE KAYSERIN bestimmet gewesen.

Denn was die Göttliche Vorsehung beschleust, das ist recht: was sie beschlossen hat, musz geschehen, und was durch sie geschieht, ist von ihr ehemals beschlossen und zubereitet worden. Und also ist auch von ihr das Recht der Kayserl. Krone ehemals auf den heutigen Tag, oder auf IHRO KAYSERL. MAJEST. unserer ALLERGNÄDIGSTEN MONARCHIN VON HÖCHSTDEROSELBEN Geburt an geleget gewesen. Wer aber kennet ihre We-

сердца востать и предъ всеми ясно и съ радостію исповѣдать, что нынѣ случилось Россіи подлинное событіе желаннаго ея благополучія, а сему дню уже давно должна и опредѣленная справедливость.

Что управляющій вся промысль Божіи потребныхъ способъ къ произведенію своихъ всесовершенныхъ намѣреній всегда неоскудно имѣеть, то знакъ подлежащаго предѣламъ всемогущества; что оной наилучшія средства къ исполненію тѣхже намѣреній своихъ избираеть, то свидѣтельство непостижимыя премудрости: а что къ благополучію цѣлыхъ земель и государствъ часто одна токмо глава особливимъ его защищеніемъ охраняется, то доказательство неизреченнаго его милосердія.

Самый нынѣшній день предовольно свидѣтельствуеть о семъ безмѣрномъ всемогуществѣ, о сей непостыдной премудрости, и о семъ превеликомъ милосердіи пекущагося о Россійской имперіи промысла. И такъ кто нынѣ не удивляется наиспокойнѣйшему исполненію такъ великаго дѣла Божія, которое человѣческому разуму толь трудно и ужасно, а всеспильному промыслу толь легко, къ успокоенію же и благополучію Россіи толь необходимо нужно было? Кто нынѣ не познаваеть, что премудрѣйшій промысль дражайшей нашей Государынѣ Елисаветъ Петровнѣ въ прежнее оное время въ такой день родиться изволилъ, дабы его чудеса во времена наши Ею показаны были? Кто нынѣ не постигаеть того умомъ, что достопамятнѣйшій день рожденія Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивѣйшей Государыни въ тожъ самое время и къ праведному обладанію престола, короны и скипетра Всероссійскія имперіи опредѣленъ былъ?

Ибо судьбы Божія промысла праведны, и что оны опредѣляетъ, тому событіе долженствуетъ неотмѣнно послѣдовать, а что силою и дѣйствіемъ его бываетъ, то отъ него самого представлено и уготовано. Чего ради тогожъ промысла судьбами и право къ Императорской коронѣ еще прежде нынѣшнему дню, или паче Ея Императорскому Величеству нашей всемилостивѣйшей Самодержицѣ отъ дня высочайшаго Ея рожденія уже

ge, und wer hat die wunderbaren Fälle zuvor gesehen, die das Werck der göttlichen Vorsehung zu hintertreiben, und die Rechte unserer THEURESTEN KAYSERIN zu unterbrechen schienen, in der That selbst aber lauter beförderliche Mittel zur Erreichung Göttlicher Absichten, das ist, zur sichersten Abwendung tausenderley Gefahr, Noth und Landes-Verderben, und zur Versicherung der Ruhe und des innern Friedens auf gegenwärtige und zukünftige Zeiten für Ruzsland abgeben müssen.

Freilich sind die sinnlichen Menschen dahin gerissen, dasz sie meistens auf ihre selbst erwählten Umwege, Abweichungen und Irrwege mehr, als auf den geraden Pfad der Göttlichen Vorsehung achten. Da sie aber überall würcket, so ist auch überall ihre Spuhr zu mercken. Wer genau auf sie mercket, wird an vieltausend Veränderungen um sich her spühlen, dasz sie im Anfang weiszlich und verborgen, am Ende gerecht und offenbar, alles mit höchster Klugheit, nichts aber jemals umsonst mache und vorbringe. Wer diese Wahrheit erkennt und einsieht, der empfindet bey gerechter Sache auch im grösten Miszvergnügen ein geheimes Vergnügen, und in der Unruhe eine sichere Beruhigung. Er ist am sichersten in der äusserlichen Unsicherheit, und getrost in aller anscheinenden Gefahr. Ihn ärgert nicht das Glück der Ungerechten und das Ungemach der Gerechten macht ihn nicht irre. Die Vernunft eine Tochter der Vorsehung Gottes weiset ihn auf die Gedult, und die Hoffnung ihre Schwester tröstet ihm mit der Zeit. Wer der Höchsten Vorsicht tranet der bescheidet sich, und verlangt mit eigener Klugheit die höchste Weisheit nicht zu meistern. Er ist sicher, die Mittel werden ihm selbst in die Hände fallen, und die Anschläge von der Höhern Weisheit eingegeben werden, wenn die Stunde ihrer Absicht vorhanden.

опредѣлено и придано было. Но кто знаетъ все пути его, кто предвидѣлъ дивныя оныя случаи, которые дѣла смотрѣнія Божія отвращать и неоспоримое право нашей вседражайшей Господарыни Императрицы якобы не допускать видѣлись, а въ самой вещи были способствующія средства къ полученію Божіихъ намѣреній, то есть къ отвращенію тмочисленныхъ напастей, утѣшенія и раззоренія государственнаго, и къ надежному утвержденію тишины и внутренняго спокойствія въ Россіи какъ для настоящихъ, такъ и для будущихъ временъ.

Правда, что брѣнные люди мечтаніями своими устремляются наипаче къ избираемому отъ нихъ самозвольно неправому и отъ истины далеко уклоняющемуся пути и заблужденію, нежели къ послѣдованію правымъ стезямъ Божія промысла. Но пожеке всемогущее смотрѣніе вездѣ дѣйствуетъ, то и слѣды его вездѣ видимы бываютъ. Кто оное прилѣжно рассудитъ, тотъ бесчисленныя вездѣ найдетъ перемѣны, и при начинаніи усмотритъ его сокровенную премудрость, при окончаніи явное и очевидное правосудіе, а вездѣ совершеннѣйшій порядокъ и разумъ, ничего все не строящій и не производящій. Кто сію истину познаваетъ и видитъ, тотъ при справедливости дѣла и въ наибольшемъ недовольствіи чувствуетъ тайное и некоторое удовольствіе и въ смущеніи безмятежное успокоеніе. Таковъ въ вѣдѣніи страхъ бываетъ безопасенъ и въ являющихся напастяхъ благонадеженъ. Его не соблазняетъ щастіе неправедныхъ, ни заключеніе праведныхъ не смущаетъ. Здравое рассужденіе, которое отъ самого Бога начало свое имѣетъ, показываетъ ему терпѣніе, а послѣдующая оному надежда утѣшаетъ его временемъ. Кто на высочайшій промыселъ возлагаетъ свое упованіе, тотъ содержитъ себя всегда въ умѣренности и своимъ разумомъ противъ премудрости Божіей поступать не желаетъ. Оный твердую имѣетъ въ томъ надежду, что все пути и способы сами ему явятся, и все совѣты и рассужденія отъ самой высочайшей премудрости непосредственно предложены и показаны будутъ, когда время и часъ къ исполненію ея намѣренія приблизится.

Dasz aber die höchste Vorsehung Gottes nichts umsonst mache und alle ihre Werke zu ihrem bestimmten Ziel hinaus führe, ist nicht nur in dem ewigen Wesen ihrer unendlichen Weisheit gegründet, sondern auch durch die tägliche Erfahrung vieler tausend Beyspiele bestätigt. Ihre Sorgfalt wircket im Kleinen, und leuchtet insbesondere an den Grossen hervor, die sie mit besondern Gaben zu grossen Wercken reichlich ausgerüstet hat. Es ist ihrer Weisheit gemäsz, durch einer einzigen Person viele Millionen Menschen zu beglücken. Wer hat jemahls geglaubt (der nicht mit Finsternisz geblendet war), dasz die erhabene Person IHRO KAYSERL. MAJEST. unserer erwünschten KAYSERIN, umsonst von Jugend an mit einem Majestätischen Wesen und Ansehen begabet gewesen? Wer hat sich nicht längst vorstellen können, dasz diejenige Schönheit zur Majestät gelangen müste, der die Majestät und Gnade in das liebeichste Antlitz gepräget ist? Wer hat jemahls zweifeln können, dasz die würdigste TOCHTER DES GROSSEN PETERS und der gloriwürdigen KAYSERIN CATHARINA nicht den Thron Ihrer höchst-verdienten Eltern besteigen würde, der doch der Helden-Muth Ihres grossen Vaters und die groszmüthige Tugend Ihrer Mutter angebohren war? Wer hätte nicht hoffen sollen, diejenige geheiligte Person würde noch Landes-Mutter Ihres Reiches werden, Die bishero mit der zärtlichsten Liebe für Ihr Land und mit der mildesten Erbarmung für alle dessen Einwohner, wie ehemahls Ihre theureste Frau Mutter angefüllet war? Ja, wer merckte dann nicht, dasz ELISABETH zu Kron und Zepter erhoben werden muste, da Sie schon vor 12 Jahren darzu berechtiget, erbethen, gerüstet, ernennet, und in den stillen Hertzen so vieler Millionen getreuer Unterthanen des Kayserl. Zepters darzu erhoben war.

Solte die Vorsehung, die da alles zu ihrem bestimmten Endzweck hervorbringet, so erhabene und grosse Eigenschafften um-

А что всеильный промыслъ Божій ничего напрасно не строить и всё дѣла свои къ положенному имъ приводить предѣлу, оное не токмо на вѣчной премудрости его существа основано, но и бесчисленными примѣрами ежедневно поттверждается. Попеченіе его дѣйствуетъ въ маломъ, а особливо оказываетъ себя въ великихъ особахъ, которыхъ оно на великія дѣла особливими дарами изобильно снабждаетъ. То его премудрости приличествуе, что единою токмо особою многіе миліоны людей благополучіе свое получаютъ. Ктобы хотѣлъ когда такое имѣть рассужденіе (развѣ бы кто крайнюю пораженъ былъ слѣнотой и невѣденіемъ), что высочайшая особа Ея Императорскаго Величества нашей преводѣлѣнной Государыни отъ самаго Ея младенчества толккимъ величествомъ и важностію напрасно была украшена? Кто ужѣ давно не могъ помыслить, что красота она величествомъ почтена быть имѣла, которая величество и милость на своемъ наипрїятнѣйшемъ лицѣ всегда изображенныя посылтъ? Кто могъ о томъ когда усумнѣться, что достойнѣйшая Дщерь Великаго Петра и достохвальныя Императрицы Екатерины, на престолѣ толь славныхъ своихъ родителей взойти имѣеть, которая отъ природы и герончною храбростію великаго своего отца и великодушными добродѣтелями своєю матери совершенно украшена? Кто бы не могъ надѣяться, что освященная она особа мäterію отечества и государства своего быть имѣеть, которая начувствительнѣйшею любовію къ отечеству и истишымъ милосердіемъ ко всемъ онаго жителямъ, подобно дражайшей своей матери всегда была исполнена? Кто же напоследокъ не видѣлъ и того, что Елисавета Императорскою короною и скипетромъ украшена быть долженствовала, которая уже за двенатцать лѣтъ передъ сямъ къ тому была прошена, учреждена, назначена и неспоримое на то право имѣла, а въ сердцахъ толь многихъ миліоновъ людей и подлиннаго (подданныхъ?) къ тому была возвышена?

Можно ли подумать, чтобъ промыслъ Божій, который все для опредѣленнаго конца и намѣренія производитъ, нашу дра-

sonst mit der grossen Seele unserer theuresten KAYSERIN verbunden haben? Solte die gerechteste Vorsehung Gottes Sie unter der Ungerechtigkeit haben bleiben lassen? Das sey ferne.

Und woher stammete das heimliche Gebeth so vieler Tausenden vor die Erhaltung dieser Hohen KAYSER-TOCHTER? Woher stammten denn die stillen Wünsche, das brünstige Verlangen, und das einmüthige Flehen so vieler Tausenden für die Erhebung dieser Würdigsten PRINZESZIN? Sind sie von ungefähr? mit nichten. Sind sie erkaufft gewesen? gar nicht. Ein geheimes, ich weisz nicht was, oder deutlicher zu sagen, die Vorsehung des Höchsten flöste ihnen den geheimen Zug, die zärtlichste Zuneigung, und die eiffrigsten Wünsche damals für IHRO KAYSERL. HOHEIT ein. Hat etwan ein voriger Zwang, eine harte Unterdrückung, Noth, Gefahr oder andere Ursachen das ihrige auch zu dieser Sehnsucht beygetragen; so sind sie doch ohne die Einrichtung der höchsten Vorsehung, die das Mannigfaltige znm Einigen hinaus zu führen weisz, nicht möglich gewesen. Überall ist ihre Weisheit, überall ihre Würckung, überall ihre Zubereitung, und zuletzt ihre Ausführung und erfüllte Absicht offenbar.

Nunmehr sehen die Irrigen wo die richtige Vorsehung hingeelet, nun schämen sich die Verwegenen, nun zittern die Boshaften, nun vergnügen sich die Gelassenen, und nun erfreuen sich die Gerechten. Ja nunmehr treten die Redlichen mit der Liebe des Vaterlandes herfür, und sehen den Schild ihrer gerechten Hoffnung von der Himmlischen Gerechtigkeit gekrönet. Nunmehr verehren sie die weisesten Wege der Vorsehung, und erkennen, dasz alle zu Schanden werden müssen, die ihr frevelhaft widerstanden; nun preisen sie die alles regierende Vorsehung

жайшую Государыню Императрицу напрасно украсилъ толь великими душевными дарованиями? И можно ли себѣ представить, чтобъ наисправедливѣйшій оный промыслъ Ея Величество подъ игомъ неправды восхотѣлъ оставить? Да не будетъ.

И откуда же бы происходили оныя отъ толь бесчисленнаго народа въ тайнѣ воссылаемыя молитвы о сей высочайшей Императорской Дщери? Откуда происходили сокровенныя но наипривностиѣйшія желанія и единодушныя воздыханія и моленія толь многихъ тысящей о собывшемся нынѣ надъ сею достойнѣйшею Государынею исполненіи благодати Божественныя? Развѣ все то слышимъ случаемъ такъ дѣлалось? Никако. Или всѣ къ тому были подкуплены? Но весьма иѣтъ. Тайная иѣкоторая неизвѣстная намъ сила, или ясиѣе сказать, высочайшій промыслъ вложилъ всѣмъ тайную оную склонность и наипривностиѣйшія и искрениѣйшія желанія за Ея тогда Императорское Высочество. И ежели бывшее прежде угѣсненіе, бѣды, напасти, или другія причины къ тому также способствовали: то однакожъ имъ безъ высочайшаго и различнаго во едино приводящаго промысла и учрежденія бытъ не возможно было. Вездѣ владычествуетъ его премудрость, вездѣ является его дѣйствіе и сила, вездѣ открывается его предуготовленіе, и напоследокъ вездѣ его воля и опредѣленіе исполняется.

Нынѣ видятъ заблудившіе и разумѣютъ, куда склонялась воля праведнаго Божія промысла. Нынѣ стыдятся дерзостныя и срамъ свой на себѣ посятъ. Нынѣ дрожатъ нечестивые и трясутся. Нынѣ веселятся кроткіе и радуются праведные. Нынѣ вѣрныя и добродѣтельныя сердца съ любовію къ своему отечеству оказываются, и щитъ праведныя надежды небеснымъ правосудіемъ увѣичанный ужѣ видятъ. Нынѣ почитаютъ они премудрыя пути Божія промысла и признавають, что всѣ дерзостно сопротивлявшіеся оному посрамиться должныствуютъ; нынѣ про-

Gottes und erkennen, dasz vor ihr die stärkste menschliche Macht in Unmacht fallen, die feinste Klugheit zur Thorheit, und die List zur Dummheit, die Bosheit zum Netz und der Hochmuth zum Sturtz, die Unschuld aber getröstet, das Recht gerettet, und die Würdigkeit erhoben werden musz.

Wie nun bey so erwünschter Zeit, und bey so beglücktem Erfolg sich eben der Tag, der schöne Tag einstellen musz, welcher der Grund gewesen, auf den unsere stille Hoffnung ihren Anker bishero geworfen; ja wie nun heute der glückliche Stern am Firmament des Ruzsischen Reichs sich wiederum zeigt, nach welchem das treue Ruzland bishero die Ehrfurchts-vollen Blicke seiner unablässigen Hochachtung auch bey manchem aufgezogenen Gewitter und gefährlichen Wolcken, die ihn zu verdecken suchten, geschickt hat; so verdoppelt es nummehr die gerechte Freude über seinen klaren Schimmer, der das gantze Land von neuem erhellet, seine ehemalige Finsternisse erleuchtet, und mit seinem heitern Schein aller Augen und Gemüther aufheitert. Ruzland frohlocket auf dem endlich getroffenen Ruhe-Punct nach langem wancken und schweben. Alle Stände und Geschlechter sind bemüht nach ihrer Art die frohe Regungen ihrer Hertzen kund zu thun, ihre Freude lautbar, und ihre eiffrigen Wünsche vor das allerhöchste und beständige Wohlergehen unserer erwünschten und allergnädigsten KAYSERIN ELISABETH aller Welt bekannt zu machen.

In dem festesten Vertrauen nun zu der leutseeligsten Gnade und Huld IHRO MAJ. unserer allergnädigsten KAYSERIN stellet sich auch vor allerhöchst Dero Augen ein auf diesen frohen Tag verfertigtes Feuerwerk, nebst einer dazu gehörigen Illuminations-Vorstellung dar. Beyde führen anders nichts in sich als eine künstliche Vorstellung unserer natürlichen Regungen, oder einen

славляютъ они все управляющее Божіе смотрѣніе, и признава-
ютъ, что предъ онымъ вся человѣческая сила превращается въ
бессиліе, вся мудрость въ безуміе, вся хитрость въ юродство,
злоба въ свою погибель, гордость въ падеіе; а напротивъ того
певниность получаетъ свое утѣшеніе, правда находитъ пріятіе и
защипеніе, а достоинство славу и возвышеніе.

И какъ при толь вождельномъ времени, и при воснослѣдо-
вавшемъ толь благополучномъ случаѣ той же самыи восейаль
день, о день радости и веселія! которой основаніемъ былъ всея
нашея понынѣ въ тихости и терпѣнн продолжавшіяся надежды;
или паче, какъ нынѣ благополучная онаи звѣзда на Россійскомъ
небѣ наип показалась, къ которой въ непоколебимой вѣрности
пребывающая Россія свои очи и при находящихъ пѣкнхъ страш-
ныхъ облакахъ, которые опую акнбы закрыть старалсь, съ
должнымъ и совершеннѣйшимъ почтеніемъ непрестанно возво-
дпла: такъ въ нынѣшнее время удвоетъ она свою наисправедли-
вѣйшую радость, видя ея свѣтлое и всю имперію вновь освѣ-
щающее сіяніе, которая прогоняя прежіе мраки блистающею
своею свѣтлостію сердца и очи всѣхъ людей увеселяетъ. Воскли-
цаетъ и радуется нынѣ Россія, которая по долгомъ обуреванн
напослѣдокъ къ тихому своему пришла пристанищу. Всѣ всякаго
чина и состоянн люди стараются изъявить веселіе своего сѣрдца,
показать свою безмѣрную радость, и ревностное желаніе о высо-
чайшемъ и непоколебимомъ здравн нашея превождельныя и
всемплостивѣйшя Государынн Императрицы Елисаветъ Пе-
тровны предъ всѣмъ свѣтомъ засвидѣтельствовать.

Чего ради въ твердомъ упованн на высочайшую мплость и
щедроты Ея Императорскаго Величества нашея всемпло-
стивѣйшей Государынн и Самодержицы, представляется предъ
очн Ея Императорскаго Величества къ сему торжественному
дню пріуготовленный фейэрверкъ съ принадлежащею до того
иллумнацею. Они не что иное въ себѣ содержатъ, какъ искус-

feurigen Ausdruck unserer jetzt angeführten Gedanken. Alle Theile, Bilder und Stücke dieser Kunst-Fenere, entdecken nach ihrer Art theils unsere lautere Freude, theils unsere eiffrigen Wünsche auf das heutige frohe Gedächtnisz-Fest und seiner beglückten Umstände.

DER HAUPT-PLAN

stellet demnach einen aus dem zurückweichenden Gewölke aufgehenden REGENBOGEN für, der die Zeichen des hohen Geburtstages und Jahres IHRO KAYSERL. MAJEST. in sich enthält. Unten tritt DIE LIEBE DES VATERLANDES mit sehnelichen Blicken nach der Höhe auf, bringt das bisher verborgen gehaltene Rauchfasz ihrer treuen Wünsche hervor, läst den Weihrauch ihrer Verehrung öffentlich steigen, und erhebt mit der andern Hand den Nahmens-Schild IHRO KAYSERL. HOHEIT DER PRINTZESZIN ELISABETH PETROWNA. Zu gleicher Zeit erscheint in der Mitten auf einem leichten Gewölke ASTRÄA, oder DIE GERECHTIGKEIT DER GÖTTLICHEN VORSEHUNG, die mit einer Hand den erhabnen Nahmens-Schild empor ziehet und mit der Ruzsisch-Kaysperl. Reichs-Krone schmücket, und diese Handlung mit den Worten der Überschrift anzeigt, welche also lauten:

JURA HUIC SUA REDDO DIEI

d. i.

WAS DIESEM TAG SCHON LÄNGST GEBÜHRT,
IST ENDLICH AUCH DURCH MICH VOLLFÜHRT.

Wie nun die Erwegung der auf diesem Plan allegorisch vorgestellten grossen Begebenheiten nicht ohne Begleitung unserer gerechten Bewunderung, aufrichtigsten Freude, Erweckung anderer zu gleichem Ergötzen, und eifrigster Glückwünsche geschehen kan; so begleiten auch den jetzt beschriebenen Feuer-Plan noch gar viele und mannigfaltige Arten anderer Kunst- und Lust-

ствомъ показанное представленіе нашего внутренняго чувствія, или пламенѣющее изображеніе вышеозначеннаго нашего рассужденія. Всѣ виды и части сихъ огней изъясляютъ въ своемъ родѣ отчасти великую нашу радость, а отчасти ревностныя и искреннія наши желанія къ сему торжественному дню воспоминенія и благополучныхъ его обстоятельствъ склоняющіяся.

И тако на обыкновенномъ главномъ планѣ показана изъ уступающаго назадъ облака выходящая *небесная дуга* знаки высокаго дня рожденія и года Ея Императорскаго Величества носящая. Внизу выходитъ *любовь къ отечеству* съ желаніемъ вверхъ взирающая, произносящая понынѣ въ тайнѣ содержанной онымъ наиблизѣйшихъ своихъ благожеланій съ восходящимъ отъ онаго благовоніемъ ея истиннаго почитанія, а другою рукою щитъ съ именемъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны возносящая. Въ срединѣ показывается на свѣтломъ облакѣ *Астрея*, или *правосудіе Божія промысла*, одною рукою помянутой щитъ принимающая, которой она государственною Императорскою короною украшаетъ, и сіе дѣйствіе изъясняетъ слѣдующими въ надписи положенными словами:

JURA SUIS SUA REDDO DIEI:

то есть:

Давный долгъ сему дню.

И какъ рассужденіе на семъ планѣ аллегоричнымъ образомъ представленныхъ великихъ приключеній не можетъ не соединено быть съ нашимъ праведнымъ удивленіемъ, искреннею радостію, и съ возбужденіемъ другихъ къ подобному же увеселенію и наревностнѣйшимъ благожеланіямъ: такъ и при вышеписанномъ планѣ фейэрверка находятся еще многіе другіе различнаго худо-

Feuere. Alle dieselben lassen sich auf die mancherley ergötzender Regungen, freudiger Gedancken und schuldiger Pflicht ausdeuten, welche unsern treuen Gemüthern die Erwegung des heutigen denckwürdigen Tages und seines erfüllten Zweckes zu erwecken vermag. Also zielte z. Ex. das hellweisse Glantz-Feuer, auf die reine Treu, worzu uns die Huld und Gnade unserer **TIEUERSTEN MONARCHIN** verbindet, die hellaufsteigende Flammen auf die brünstige und gleichsam flammende Liebe vor unsere erwünschte **KAYSERIN**, die spielende Feuer-Räder auf die muntere Lust und Fröhlichkeit, die unsere Hertzen über diesen frohen Tag empfinden, die sprühende Feuer-Fontainen auf die freudige Entschüttung unserer Hertzen über das allerhöchste Wohl unserer allergnädigsten **BEHERRSCHERIN**, die Menge über einanaufsteigender Raquetten auf den Eifer unserer zum Himmel aufsteigenden Wünsche vor die beständige Erhaltung unserer mildreichsten **LANDES-MUTTER**. Ja so gar die Einfassung des gesamten Feuerwerck-Platzes, die aus silbernen Festungs-Wercken zu bestehen scheint, löset sich Deutungs-mäszig in dem festen Vertrauen auf die standhaffte Groszmuth und allernädigste Beschützung auf, deren wir von **IHRO KAYSERL. MAJEST. Macht und Gnade** als einer sichern Festung vor allen Anfällen versichert leben können.

AN DEM ILLUMINATIONS-GERÜSTE.

Zeiget sich ein aus Laub-Bogen zusammen geflochtener und in perspectivischer Aussicht weit auslauffender **GARTEN-GANG**.

Den eingang desselben macht ein **PRÄCHTIGES PORTAL** von gedoppelten Säulen auf marmornen Piedestalen; und über dem Haupt-Bogen am Gibel ist der gekrönte Namens-Schild **IHRO KAYSERL. MAJ.** mit einer verzierten **EINFASSUNG** von **EICHBAUMS-ZWEIGEN** aufgerichtet.

жества увеселительные огни. Все они могут примѣнены быть къ различнымъ увеселительнымъ движеніямъ, радостнымъ мыслямъ, и къ всеподданнѣйшей должности нашей, которая въ вѣрныхъ сердцахъ нашихъ рассужденіе нынѣшняго благодарственнаго дня и исполнившагося во ономъ намѣренія возбудить можетъ. Такъ показываетъ напимѣръ свѣтлый блага цвѣта огонь чистую и непритворную вѣрность, къ которой насъ милость и щедроты нашей дражайшей Монархини обязываютъ; свѣтло-восходящіе огни значатъ пламенѣющую любовь къ нашей превождѣнной Императрицѣ; огненные колѣса представляютъ веселіе сердецъ нашихъ, которое мы для сего торжества чувствуемъ; огненные фонтаны изъясняютъ кипящее въ сердцахъ нашихъ избыточство радости о высочайшемъ благополучіи нашей всемилостивѣйшей Обладательницы; множество восходящихъ на воздухъ ракетъ изобразуетъ ревность нашихъ къ Богу воссылаемыхъ желаній о непремѣнномъ сохраненіи здравія нашей щедротнѣйшей Матери отечества; а самое окруженіе всего подъ фейэрверкъ занятаго мѣста, которое серебряной крѣпости подобной видъ имѣетъ, знаменуетъ твердое упованіе, постоянное великодушіе и всемилостивѣйшее защищеніе, котораго мы отъ Ея Императорскаго Величества самодержавной власти и милосердія противъ всѣхъ нападеній несомнѣнно надѣяться можемъ.

Иллюминація

Представляетъ далеко простирающуюся покрытую *садовую аллею*, изъ соединенныхъ перспективнымъ порядкомъ и зелеными вѣтвями украшенныхъ сводовъ состоящую.

При входѣ въ оную здѣланъ великолѣпный *порталь* изъ двойныхъ на мраморныхъ пѣдесталахъ стоящихъ столбовъ; а сверхъ главнаго гзымза надъ фронтисписомъ поставлено *литерою изображенное имя* Ея Императорскаго Величества подъ короною, обогнутыми около него *дубовыми вѣтвями* украшенное.

Zu beyden Seiten an diesen Haupt-Plan stöszt von innen eine ANGENEHME AUSSICHT MANCHER BELAUBTEN BAUM-ALLEEN; von aussen aber eine roth marmorne Brustlehne, oder die Einfassung eines Lust-Gartens, welche nach gleicher Austheilung und Abschnitten in die Ferne ausgeführt, und nach Symmetrischer Ordnung gehöriger Orthen mit Piedestalen abgesetzt, und verzieret ist. Also sieht man in der nächsten Helffte besagten Geländers gegen das Portal eine Amphitheatralische Einschweifung, auf deren Stelle ein PRÄCHTIGES PIEDESTAL und auf denselben ein TROPHEE ODER SIEGS-GESTELLE von feindlichen Standarten, Fahnen und andern Kriegs-Geräthe, errichtet ist. Am Ende aber auf den äussersten Eckpfeiler steht ein anderes EHREN-MAHL DER FRIEDENS-ZEIT, nemlich von allerley Werkzeugen der Wissenschaften, Künste und Gewerbe aufgerichtet.

Die Deutung nun dieser Allegorischen Vorstellung ist ausz Erwägung der einzeln Theile an dieser Illumination leichtlich zu treffen. Die angenehme Auszsicht eines grünenden und blühenden Gartens mit so mancherley reizenden Alleen stellet andern nichts als den nummehr unter der erwünschten Regierung IHRO MAJ. unserer theuresten KAYSERIN, blühenden und GESEEGNETEN ZUSTAND DES RUSZISCHEN REICHES, DIS SCHÖNSTEN ORD- NUNGEN UND WEISESTE VERANSTALTUNGEN und das Verg- nügen aller darinn befindlichen Stände vor. Der Haupt-Schild und die erhabenste Zierde mit dem gepriesensten Nahmen IHRO KAYSERL. MAJEST. deutet AUF ALLERHÖCHST DIESELBEN, ALS DEN ERHABENSTEN UND WÜRDIGSTEN SCHMUCK UND HAUPT DES GESAMTEN REICHES; die besondere Einfassung aber von Eichbaums-Zweigen, auf den eiffrigsten Wunsch aller unter dem Zepter IHRO KAYSERL. MAJEST. sicher und vergnügt wohnenden Unterthanen, dasz nemlich IHRO MAJEST. unsere allergnädigste Landes-Mutter noch so viele allerhöchst deroselben Geburtis-Feyern erleben mögen, als ein Eichbaum Jahre wächst

По сторонамъ соединяются съ симъ главнымъ планомъ изнутри *пріятныя проспекты* изъ нѣсколькихъ деревьями обсаженныхъ аллей состояще; а снаружи изъ краснаго мрамора здѣланная съ обѣихъ сторонъ въ равномъ расстояніи далеко простирающаяся ограда, въ надлежащихъ мѣстахъ нѣдесталами и уступами приличнымъ образомъ украшенная. Въ ближней къ порталу половинѣ оной ограды выведено на подобіе амфитеатра вогнутое окруженіе, въ которомъ по обѣимъ сторонамъ поставлены *презрядныя пѣдесталы* съ стоящими на нихъ *трофеями* изъ непріятельскихъ штандартовъ, знаменъ и прочихъ воинскихъ вещей; а по концамъ при самыхъ крайнихъ столбахъ находится другой *монументъ мирныхъ временъ*, составленной изъ разныхъ до наукъ, художествъ и до кунечества принадлежащихъ орудій.

Знаменованіе сего аллегоричнаго представленія можно изъ разныхъ частей сея иллюминаціи довольно видѣть. Пріятной проспектъ зеленаго и въ полномъ цвѣтѣ стоящаго сада съ многими веселыми аллеями изъявляетъ не что иное, какъ нынѣшнее при желанномъ государствованіи Ея Императорскаго Величества нашей дражайшей Монархини *процветающее и благополучное состояніе Россійскія имперіи, презрядныя порядки, премудрыя учрежденія, и удовольствіе всѣхъ обрѣтающихся здѣсь жителей.* Поставленный для украшенія щитъ съ высочайшимъ именемъ Ея Императорскаго Величества показываетъ собственную Ея Величества высочайшую особу, какъ первѣйшее и достойнѣйшее украшеніе и главу всея имперіи; а обогнутыя около щита дубовыя вѣтви значатъ ревностнѣйшее желаніе всѣхъ подданныхъ Ея Императорскаго Величества въ совершенномъ удовольствіи живущихъ подданныхъ, которое въ томъ состоитъ: *дабы всемоушій Богъ Ея Императорскому Величеству нашей всемилостивѣйшей Матери отечества еще толикое число сихъ торжественныхъ дней высочайшаго Ея рожденія видѣть*

und stehet; und dasz Dero theurestes Leben und Gesundheit von der Eigenschafft der Eichen, d. i. sehr lange fest, dauerhaft und beständig seyn möge.

Die zu beyden Seiten des Portals erichtete Trophäen oder Waffen-Gestelle zielen auf IHRO KAYSERL. MAJ. ANERERBTEN UND ANGEBOHRNEN HELDEN-MUTH VON DERO ALLERDURCHLAUCHTIGSTEN UND GLORWÜRDIGSTEN ELTERN PETERN DEM GROSSEN, UND DER KAYSERIN CATHARINA. Die zu äusserst angebrachten Ehren-Mahle der Friedens-Zeit aber AUF DEN WACHSTHUM UND DAS AUFNEHMEN DER WISSENSCHAFFTEN, KÜNSTE UND GEWERBE, ALS WORAUF ALLE WEISESTEN ANSTALTEN UND VERORDNUNGEN IHRO KAYSERL. MAJ. BEREITS HINAUS LAUFFEN; und endlich die feste Brustlehne oder Marmorne Einfassung des inwendigen Gartens auf den mächtigen Schutz und die feste Erhaltung der Wolfahrt und Ruhms des Ruzsischen Reichs, dessen sich die beglückten Einwohner unter der weisen und allergnädigsten Regierung IHRO KAYSERL. MAJ. vollkommen zu versichern und zu erfreuen haben.

(Anmerkungen bey den Zeitungen. St. Petersburg den 8 December 1741. 98 bis 102 Stück. ryp. 389—402).

благоволил, сколько летъ дубовое дерево расти и стоять можетъ, и дабы дражайшее здравіе Ея Императорскаго Величества свойство твердаго дуба имѣло, то есть долговременно и непоколебимо пребывало.

По сторонамъ портала поставленные трофеи изображаютъ отъ Ея Императорскаго Величества *наслѣдованную славу побѣдъ и природную Ея Величеству героичную храбрость Всепрещвѣтлѣйшихъ Ея родителей, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго и Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны*; а по краямъ находящіеся монументы мѣрныхъ временъ знаменуютъ *распространеніе наукъ, художествъ и купечества, къ чему же и премудрѣйшійя учрежденія Ея Императорскаго Величества склоняются*. Напослѣдокъ твердая мраморная ограда предъявляетъ сильное защищеніе и непоколебимое содержаніе благополучія и славы Россійскія имперіи, которымъ жители сего государства при премудромъ и всемогущѣйшемъ государствованіи Ея Императорскаго Величества нынѣ совершенно пользоваться могутъ.

(Примѣчаній къ Вѣдомостямъ часть 98 по 102. Въ Санктпетербургѣ декабря 8 дня 1741 года. стр. 389—402).

Ода издана безъ имени автора и переводчика, но нѣтъ основанія сомнѣваться, что перевелъ ее Ломоносовъ. Не говоря о томъ, что сочиненіе и переводъ торжественныхъ привѣтствій, подносимыхъ отъ Академіи, обыкновенно поручались тогда Ломоносову, а не кому-либо другому, въ самой одѣ есть черты, общія съ другими произведеніями Ломоносова. «Въ разсужденіи оды—говоритъ академикъ Куникъ—не можетъ быть сомнѣнія: многіе стихи напоминаютъ въ ней оды Ломоносова 1739, 1741, 1742 и слѣдующихъ годовъ».

(Ученыя Записки. Т. III. Вып. 2. стр. 284).

По замѣчанію г. Будиловича, «переводъ безъ сомнѣнія Ломоносова» (Ломоносовъ какъ писатель. 1871. стр. 6). Пекарскій положительно говоритъ, что Ломоносовъ перевелъ оду по порученію Шумахера.

Происхожденіе оды академикъ Пекарскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «25 ноября 1741 года вступила на престолъ императрица Елисавета; давно предчувствуемый переворотъ совершился, и младенецъ-императоръ съ матерью-правительницею, отцомъ-генералиссимусомъ очутились въ заточеніи. Посвященія имъ въ книгахъ, ихъ портреты, даже упоминанія о нихъ — все это старательно и быстро уничтожено Шумахеромъ, распорядителемъ судебъ академіи, и опъ снѣшилъ представить доказательства приверженности и вѣрноподданническихъ чувствъ къ новой государынѣ. Случай къ тому не замедлилъ явиться: 18 декабря былъ день рожденія Елисаветы, и академикъ Штелинь потщился написать *Allerunterthänigster Glückwunsch zum Antritt der erwünschten Regierung Ihre Majestät. . . am frohen Gedächtnisz-Fest der hohen Geburth Ihre Kays. Majest.* Съ самой первой минуты воцаренія новой императрицы, въ народѣ — не только въ Петербургѣ, но и въ отдаленныхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Сибири — сложилось убѣжденіе, что она не благоволитъ къ иноземцамъ и не намѣрена терпѣть вліяніе ихъ, которое такъ чувствовалось въ царствованіе Анны Иоанновны и ея внука. Неудивительно потому, что ода Штелина не могла явиться съ однимъ

нѣмецкимъ текстомъ; его необходимо слѣдовало перевести порусски и притомъ стихами. Шумахеръ обратился къ Ломоносову, и этотъ, исполняя добросовѣстно возложенное на него порученіе, переложилъ въ русскіе стихи нѣмецкія строфы Штелшпа. Ободренный ли *устыхомъ этого перевода при дворѣ*, или увлеченный общимъ убѣжденіемъ въ народѣ, что новая императрица дѣйствительно намѣрена покровительствовать русскимъ болѣе, чѣмъ иноземцамъ», Ломоносовъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ академію наукъ, вслѣдствіе чего и опредѣленъ адъюнктомъ академіи.

(Исторія академіи наукъ. 1873. Т. II. стр. 319—322).

Въ переводѣ сохранено число строчъ подлинника и число стиховъ въ каждой строчѣ; чередованіе римою одно и тоже: первый стихъ римуется съ третьимъ, второй съ четвертымъ, пятый съ шестымъ, и седьмой съ восьмымъ. Римы не всегда удачны:

Ст. 13 — 14: Здѣсь въ ясномъ я стою *свѣту*,
И вамъ тотъ свѣтлой день *кажу*,

Ст. 61 — 62: Достояна на престоль *встути*,
Къ присягѣ мы готовы *вси*.

Ст. 49 — 52: Надежда долго въ *тишинѣ*
Съ желаньемъ на Тебя взирала,
Любезное Твое *лице*
Какъ ясно солнце почитала,

Ст. 57 — 60: Отеческой земли любовь
Коль долго по Тебѣ вздыхала
Избавь избавь Россійску кровь,
Отъ злаго скорбныхъ дней нача́ла,

Ср. Россія ревностно вздыхала,
И сердцемъ всякой часъ вzywала
Къ Тебѣ Защитницѣ своей:
Избавь, низвергни наше бремя,

(Ода на восшествіе на престоль, 1746. Ст. 25—28.)

Однимъ изъ признаковъ, указывающихъ на то, что ода написана Ломоносовымъ, можетъ служить встрѣчающееся въ ней любимое авторомъ слово: *кунно*.

Ст. 35 — 36: На полномъ благѣ лицѣ Твоемъ
И веледѣломъ *кунно* тѣлѣ.

Ломоносовъ весьма часто употребляетъ слово: *кунно*, и своеобразное употребленіе этого слова принадлежитъ къ числу особенностей Ломоносовскаго стиха:

Ср. Елисавету возглашали,
И *кунно* съ ней Петра хваля,
(Ода 10 февраля 1742 года. Втор. ред. Ст. 28—29).

Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
И *кунно* ясный день сіяетъ.
(Ода на прибытіе императрицы Елисаветы, 1742 года. Ст. 325—326).

Противны силѣ Ея страшатся,
И *кунно* милости чудятся.
(Ода на восшествіе на престолъ, 1746 года. Ст. 145—146).

Да возрастетъ Ея держава,
Богатство, щастье и полки,
И *кунно* дѣлъ Геройскихъ слава,
(Тамъ же. Ст. 201—203).

Взирая на дѣла Петровы,
На градъ, на флотъ, и на полки,
И *кунно* на свои оковы
(Тамъ же Ст. 20—23).

Закрой, кричитъ, багряной видѣ,
И *кунно* съ нимъ Магметовъ стыдъ;
(Ода на взятіе Хотина. Ст. 78—79).

Ст. 65—69: Геройска мысль въ Тебѣ тогда
Черезъ дивно дѣло веѣмъ открылась,
Въ любовь Петрова кровь когда
Къ Твоимъ подданнымъ воспалаась.
Прекъ веѣхъ пошла съ крестомъ Своимъ

Историческая черта, относящаяся къ воцаренію Елисаветы. Доказывая необходимость переворота, люди близкіе говорили Елисаветѣ: «Подлинно это дѣло требуетъ немалой отважности, которой не сыскать ни въ комъ, кромѣ крови Петра Великаго». Помолвившись передъ образомъ Спасителя, Елисавета взяла крестъ, вышла къ гренадерамъ и привела ихъ къ присягѣ. Держа крестъ въ рукѣ, она сказала преображенцамъ: «Клянусь умереть за васъ; клянетесь ли умереть за меня?»

(Исторія Россіи, Соловьева. 1871. Т. XXI, стр. 149—150).

VII.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, четыре страницы. На первой страницѣ — заглавіе, на трехъ остальныхъ — ода. Строчки не обозначены цифрами. Передъ началомъ текста оды — типографская заставка въ видѣ полоски и четырехъ родовъ украшеній: верхній и нижній изъ одинаковыхъ криволинейныхъ бордюровъ; средніе изъ ряда двуглавыхъ орловъ, надъ которыми отдѣльно тянутся коронокъ. Въ концѣ оды — двуглавый орелъ; справа и слѣва отъ него по одному орнаменту, состоящему изъ завитковъ, точекъ и подобія стрѣлки; подъ орломъ такой же орнаментъ; справа и слѣва отъ нижняго орнамента по одной звѣздочкѣ.

Ода въослѣдствіи совершенно передѣлана авторомъ: почти всѣ строфы подверглись весьма сильному измѣненію и сверхъ того прибавлены двѣ новыя строфы. Такимъ образомъ явились двѣ редакціи (1742 г. и 1751 г.) одной и той же оды, которыя мы и помѣщаемъ въ нашемъ изданіи.

ВАРІАНТЫ.

Рит. I. — Рукописная Риторика Ломоносова. 1744 г.

С. I. — Собраніе сочиненій Ломоносова. 1751 г. Книга первая. Ода 7. стр. 130—137.

Ст. 3—4. Что отъ напастей злыхъ спасенна
Россія зреть конецъ бѣдамъ. (с. 1)

- Ст. 12. Когда всецѣдый нашъ Творецъ (с. 1.)
 Ст. 14. И нашей скорби далъ конецъ, (с. 1.)
 Ст. 15—16. Ужъ съ радостью любовь согласна
 Вездѣ ликують безопасно. (с. 1.)
 Ст. 45—46. Онъ ради твоего блаженства
 Даровъ достигнетъ совершенства. (с. 1.)
 Ст. 55. Стихїи сами предъявляютъ, (с. 1.)
 Ст. 58. Съ любовью нашею согласно, (с. 1.)
 Ст. 77. Кому возможно описать (с. 1.)
 Ст. 80. Въ Петрѣ природу въ томъ подобну. (с. 1.)
 Ст. 83—84. Видѣніе мой духъ возводитъ
 Превыше Фессалійскихъ горъ! (с. 1.)
 Ст. 87—88. И всѣ страны полночны съ нимъ.
 Украшенна кругомъ звѣздами (с. 1.)
 Ст. 93. Кленется небомъ и землею (с. 1.)
 Ст. 111—112. Гласитъ предъ ней стоя Россія,
 Склонившись къ ней верхомъ своимъ:
 (Рит. I. § 111.)
 Ст. 114—117. И купно подданнымъ твоимъ.
 Тебѣ я оныхъ кровь питаю,
 Горячесть въ ихъ сердца влагаю,
 Чѣтобъ ону за тебя пролить. (Рит. I. § 111.)

«Его Королевское Высочество государь Петръ» — Герцогъ Голштинскій Карлъ Петръ Ульрихъ (впослѣдствіи императоръ Петръ III), сынъ герцога голштейн-готторпскаго Карла-Фридриха и старшей дочери Петра Великаго Анны Петровны (1708—1728), родился 10 февраля 1728 года.

Въ письмѣ къ сестрѣ, цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, 1 февраля 1728 года, герцогиня голштинская говоритъ: «Стану писать, покамѣстъ вашъ племянникъ или племянница не помѣшаетъ; уже дожидаю гостя всякій день».

10 (21) февраля 1728 года Бассевичъ писалъ изъ Кіля:

«Nunmehr kan ich mit erfreuteren Gemüth berichten, wie der liebste Gott Ihro Kais. Hoch. diesen Mittag zwischen 12 und 1 Uhr mit einem gesunden wohlgestalteten Prinzen erfreut hat. Unsere gute Herzogin befindet sich bey allem erwünschten Wohlseyn» etc.

Собственноручнымъ письмомъ Анна Петровна извѣстила сестру о крещеніи своего сына: «Государыня моя дорогая сестрица. Доношу вамъ что вчерашнего дня племянника вашего крестили и дали ему три имя Карль Петръ Улрихъ. Об себе доношу слава Богу в добромъ здравіи уже и с постели встала» и т. д. Числа на письмѣ не выставлено; адресовано оно такъ: «Государыни моеи сестрицѣ цесаревнѣ Элизаветъ Петровнѣ».

(Рукописи Государственнаго архива. IV. № 25).

Узнавши о рожденіи внука Петра Великаго, Сеофанъ Прокоповичъ привѣтствовалъ родителей поворожденнаго письмомъ, напоминающимъ, по своему тону, хвалебную оду Ломоносова: «Родился Петру Первому внукъ, Второму — братъ, росіійской державѣ—опора и, какъ заставляеть ожидать его кровное происхожденіе, — великихъ дѣлъ величайшая надежда. Смотря на васъ, счастливѣйшіе родители, я плачу отъ радости, какъ недавно плакалъ отъ печали, видя васъ пренебрегаемыхъ, оскорбляемыхъ, униженныхъ и почти уничтоженныхъ нечестивѣйшимъ тираномъ (т. е. Меншиковымъ). Этотъ бездушный человекъ, которому нѣтъ подобнаго, васъ, кровь Петрову, старался унижить до той низкой доли, изъ которой самъ рукою вашихъ родителей былъ возведенъ почти до царственнаго состоянія. Отецъ щедротъ посѣтилъ васъ своею милостію, даровавъ вамъ сына. Поздравляя васъ съ такимъ благомъ, дарованнымъ для васъ, для августѣйшей фамиліи, для многихъ царствъ и народовъ, молю всеблагаго Бога, чтобы Онъ увѣичалъ ваши надежды исполненіемъ» и т. д.

(Труды кіевской духовной академіи. 1865. Апрель. стр. 595—599).

Герцогъ Петръ будущій наследникъ русскаго престола и наконецъ императоръ, прибылъ въ Петербургъ 5 февраля 1742 года. Въ тогдашнихъ вѣдомостяхъ сообщалось: «Въ прошлую пятницу,

то есть 5 числа сего мѣсяца, по полудни въ исходѣ 2 часа, прибылъ сюда въ желаемомъ здравіи, къ великому удовольствію Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивѣйшей государыни, Его Королевское Высочество Петръ, владѣтельный государь герцогъ Голштейнъ-Готторпскій (С.-Петербургскія Вѣдомости 9 февраля 1742. № 12. стр. 93—94).

Ст. 3—4: Россія что отъ зла спасенна,
И зрѣтъ конецъ своимъ бѣдамъ,

Стихи эти относятся къ бироновщинѣ и вообще ко времени со смерти Петра II и до воцаренія Елисаветы Петровны.

Ст. 11—14: Въ сіе благопріятно время,
Въ которо щедрый нашъ Творецъ
Восставилъ намъ ПЕТРОВО племя
И нашей скорби далъ конецъ,

Относится къ воцаренію императрицы Елисаветы Петровны.

Ст. 17—18: Всего народа весель шумъ,
Какъ гласъ водъ многихъ въ верхъ
восходитъ,

Апокалипсисъ. I, 15: И гласъ его, яко гласъ водъ много; XIX, 6: И слынахъ яко гласъ народа многа, и яко гласъ водъ многихъ.

Ст. 21—22. Приводятся Ломоносовымъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: «Отвращеніе есть отнесеніе рѣчи отъ предложенной матеріи къ другой вещи, животной или бездушной, во второмъ лицѣ глагола. Чрезъ сію фигуру можно. . . желать, повелѣвать, запрещать. . . или прощаться съ тѣмъ, къ чему риторъ отъ предложенной матеріи отвратился, и. п. запрещеніемъ (Р. § 100):

Воинской звукъ покинь, Беллона,
И жажду крови, Марсъ, оставь.
Ст. 35: Ты паки зришь любезну Анну

Относится къ старшей дочери Петра Великаго, Аннѣ Петровнѣ; утверждаютъ, что она была его любимою дочерью, и своимъ лицомъ, ростомъ и поступью весьма живо напоминала отца. Анна Петровна родилась 27 февраля 1708 года; въ 1725 году, 21 мая, вышла замужъ за герцога голштейнготторпскаго, племянника Карла XII; въ 1727 году, 25 іюля, переселилась, съ мужемъ, въ Киль; скончалась 4 мая 1728 года; погребена въ Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ. Она отличалась образованностью, свободно владѣла языками: русскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ, итальянскимъ и шведскимъ.

Ст. 52—53: День Твоего прихода къ намъ

Безъ вѣтра и тумана ясной

Ст. 57: Со снѣгомъ таятъ купно ледъ

Ст. 59: Казаль весны пріятной слѣдъ,

Изъ метеорологическихъ наблюденій того времени оказывается, что день приѣзда герцога голштинскаго въ Петербургъ если и былъ, «безъ вѣтра и тумана яснымъ», то только до полудня; послѣ же полудня былъ туманъ, но вѣтра не было.

Ventos vehementes experti sumus hoc anno diebus sequentibus: Februarii 3, 7, etc. Nebulae insignes obortae sunt: Februarii 5, 10, 16, etc. (Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae. T. XIV, стр. 240—246. Observationes meteorologicae, institutae Petropoli anno 1742, auctore Georgio Wolfr. Krafft).

Le 5 fevrier. Le ciel s'est couvert l'après midi ce qui a empêché d'observer les hauteurs du soleil correspondantes à celles que l'on avait pris le matin; c'est pourquoi on n'a pas rapporté ici celles du matin.

(Рукопись Пулковской Обсерваторіи подъ заглавіемъ: Observations. . . à Petersbourg dep. le 17 janv. 1741 jusqu'à 31 aoust 1743).

Ст. 65—66. Но мечетъ вверхъ огни горящи,

И въ самыхъ облакахъ свѣтящи.

Относится къ фейерверку по случаю празднованія дня рожденія герцога Шлезвигъ-Голштинскаго.

Ст. 85—90. Рит. I. § 112: «Вымысль есть чрезъестественное изображеніе предлагаемой матеріи, что бываетъ слѣдую-

щими образы: Когда предлагаемая персона или вещь представляется на чрезвычайномъ мѣстѣ. и. п.

Я Дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
Рукою отрока держачу.
И купно всю Россію съ нимъ.
Украшена вездѣ звѣздами,
Разитъ перуномъ въ низъ своимъ
Гоня противности съ бѣдами.

Ст. 111 — 117. Рит. I. § 111: «Разговоръ есть фигура, чрезъ которую отсутствующимъ персонамъ какъ присутствующимъ, усоншимъ равно какъ живымъ, и бездушнымъ вещамъ какъ одушевленнымъ, рѣчь придается. и. п.

Гласитъ предъ ней стоя Россія,
Склонившись къ ней верхомъ своимъ:
Тебѣ я дамъ плоды земныя
И купно подданнымъ твоимъ.
Тебѣ я оныхъ кровь питаю,
Горячестъ въ ихъ сердца влагаю,
Чтобъ ону за тебя пролить.

На страницахъ тогдашнихъ газетъ появилось описаніе иллюминаціи, о которой Ломоносовъ упоминаетъ въ своей одѣ: подобныя описанія составлялись въ ближайшей къ нему средѣ.

«Описаніе иллюминаціи и фейэрверка, которые по всемплощивѣйшему повелѣнію Ея Императорскаго Величества Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни Елисаветы Петровны Императрицы и Самодержицы Всероссийскія и прочая, и прочая, въ высокопаторжественный день рожденія Его Королевскаго Высочества Свѣтлѣйшаго Князя и Государя Петра владѣтельнаго Герцога Голштейнъ Готторпскаго въ Санктпетербургѣ 10 Февраля 1742 года представлены были.

Ничто вѣрнымъ подданнымъ Россійской имперіи радостнѣе того случиться не можетъ, что дражайшей ихъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ бываетъ радостно. Чѣмъ большее удовольствіе чувствуетъ Ея Императорское Величество, тѣмъ большее дѣйствіе радости и въ сердцахъ оныхъ людей происходитъ, которые подъ Ея защищеніемъ безмятежное имѣютъ жительство. Сіе отъ первой оной радости раждаю-

щесея слѣдствіе долженствуетъ быть толь праведнѣе и нужнее, чѣмъ основательнѣе есть ихъ взаимное соединеніе. Но что способнѣе можно усмотрѣть, какъ самое сіе соединеніе, и что съ большимъ удовольствіемъ познавается, какъ толь благополучіе дѣйствіе?

Всякая радость раждается отъ полученія благополучія; и гдѣ есть подлинное благополучіе, тамъ и праведной радости не быть не можно. Но существо благополучія долженствуетъ состоять во всегдашнемъ удовольствіи, а всегдашнее удовольствіе во обладаніи и рассужденіи многихъ совершенствъ или многого добра.

Ктожь не видитъ, что все вышеобъявленныя части соединены съ нынѣшнимъ днемъ, которому посвящено всерадостное воспоминаніе высокаго рожденія Его Королевскаго Высочества Свѣтлѣйшаго Герцога Голштинскаго Петра, достойнѣйшаго Внука Его Императорскаго Величества Петра Великаго и Императрицы Екатерины, блаженныя и вѣчподостойныя памяти? Кто не познаваетъ, что при семъ случаѣ и Ея Императорское Величество наша Всепревѣтлѣйшая и Всемилостивѣйшая Государыня особенное удовольствіе и проходящую отъ того высокую радость чувствуетъ? И кто наконецъ въ своемъ вѣрномъ сердцѣ не ощущаетъ, что отъ тогожь случая всерадостное веселіе, на подобіе теплыхъ солнечныхъ лучей въ пріятные весенніе дни, по всей Россіи распространяется.

И подлинно, благополучная Россія имѣть праведную причину радоваться всему, что ея дροжайшей Императрицѣ радостно быть можетъ. Шбо что иное можетъ Ея Императорское Величество обрадовать, какъ не то, что къ благополучію государства и всеѣхъ онаго жителей склоняется? Необщественное здравіе и всегдашнее благоденствіе подаютъ праведную причину къ удовольствію и радости Ея Императорскаго Величества. Но ты, о вѣрная Россія, чувствуешь отъ того благословенное дѣйствіе къ твоему благополучію: ибо чрезъ то получаешь ты исполненіе наиважнѣйшихъ твоихъ желаній, и основаніе крайняго твоего удовольствія и наисправедливѣйшаго радости. Бремя правленія твоего миліоновъ людей кажется Ея Императорскому Величеству по Ея трудолюбію и бодрости вмѣсто веселія, а неунынное попеченіе о управленіи толь многихъ и важныхъ государственныхъ дѣлъ вмѣсто пріятной забавы. Но кому жь крайнее веселіе и наиврѣятнѣйшее удовольствіе отъ того происходитъ, сжели не тебѣ, благополучнѣйшая Россія? Твоя Великая Императрица послѣдуетъ съ радостію стопами Великаго Ея Государя Родителя; съ радостію производитъ Она великія его и героичныя дѣла, и съ радостію исполняетъ его полезныя отечеству намѣренія. Но ты, оживотворенная Россія, отъ того видишь совершенно, что и къ твоей радости веселья времена Петра Великаго наикъ возвращаются: отъ того усматриваешь ты съ радостію утвержденіе твоей силы и вѣдшее прославленіе твоего имени.

Колікое же внутреннее удовольствіе не является и на всепріятнѣйшемъ лицѣ Ея Императорскаго Величества нашей дражайшей Матери отечества, а особливо въ нынѣшній день! Сія радость происходитъ по истинѣ отъ такого основанія, которое наикъ основаніемъ есть

и общей вѣсь намъ радости, какъ при воспоминаніи прошедшихъ такъ и при рассужденіи будущихъ временъ. Ея Императорское Величество имѣеть нынѣ оное давно желанное удовольствіе, что въ персонѣ Его Королевскаго Высочества Герцога Голштинскаго видить высокую оную особу, къ которой наслаждавшая надежда въ крайшемъ удовольствіи ужѣ давно склонялась. Зелѣнющая вѣтвь почти ужѣ иссохшаго высокаго кореня Великаго Петра стоить въ полномъ своемъ цвѣтѣ, и желаніе Великия Императрицы о благостояніи ея дражайшія Княжескія вѣтви удовольствія своего въ отдаленныхъ извѣстіяхъ о семъ единомъ токмо влукѣ Петра Великаго искать нужды нынѣ не имѣеть. Ея Императорское Величество имѣеть ужѣ сію радость, что совершенное подобіе любезнѣйшія ея Государыни Сестры всегда видѣть, и о высокомъ достоинствѣ оаго собственною своею высочайшею особою засвидѣтельствовать можетъ. Но сіе высокое удовольствіе нынѣ тѣмъ чувствительнѣе, и праведная сія радость тѣмъ совершеннѣе есть, что векорѣ по всерадостномъ прибытіи Его Королевскаго Высочества и оный наступилъ день, въ который Его Высочество къ высочайшему обрадованію Ея Императорскаго Величества за четырнадцать лѣтъ предъ симъ въ свѣтъ провсехъ. О день достопамятнѣй! день веселія и праведныхъ радости о достопамятномъ числѣ лѣтъ, которыя Его Королевское Высочество ужѣ щастливо препроводилъ, и которыя по рассужденію мудрой древности почитаются за щастливыя степеніи многихъ еще впередъ ожидаемыхъ! Пбо по мнѣнію глубокой въ рассужденіяхъ своихъ Пифагоровой секты утверждается, что сжели кто священное седмичное число лѣтъ дважды здраво, бодро и щастливо ужѣ препроводилъ, того и умноженіе оныхъ, то есть многіе степенные годы, въ здравіи, благооспѣшествѣ и въ щастіи ожидаютъ.

Сая сія радостная надежда такого возделѣннаго исполненія, и вышешоказанное основаніе такой надежды, которое съ толь многими знаками многихъ являющихся въ Его Королевскомъ Высочествѣ совершенствъ ужѣ соединено, производить и въ материнскомъ сердцѣ Ея Императорскаго Величества, (которая о будущемъ благостояніи имперіи толкоежь повечеліе имѣеть, какъ и о настоящемъ спокойствѣ и благооспѣшествѣ оаго, а о благополучіи будущихъ въ Россіи временъ толкоежь прилагаетъ старательство какъ и о настоящей безопасности и славѣ,) особливо въ нынѣшній день тѣмъ паче несравненную и совершенную радость, чѣмъ ббольшую надежду Ея Величество на умножающіяся совершенства Его Королевскаго Высочества своего дражайшаго Племянника полагать изволить.

Сія высокая радость Ея Императорскаго Величества склоняется къ несовершеннѣйшей радости и вся имперіи. Вѣрная Россія почитая съ глубочайшимъ подобострастіемъ и любовію въ свѣтлѣйшемъ Влукѣ Великаго своего Монарха и распространителя всѣхъ отъ высокаго рожденія Его Королевскаго Высочества происходящія превосходныя свойства пріемлетъ съ крайнею радостію участіе въ сей праведной радости, которая ей и къ будущимъ благополучнымъ временамъ великую ужѣ подаетъ надежду; а для публичнаго и очевиднаго показанія своего

о семь, особливо же о нынѣшнемъ торжественномъ дни, радостнаго чувствія и искренняго желанія, представляетъ она великолѣпную иллюминацію и фейэрверкъ слѣдующаго содержанія:

А именно показывается при наступающей ночи на обыкновенномъ для иллюминаціи построенномъ театрѣ увеселительной садъ съ цвѣтниками, посреди которыхъ находится бассейнъ съ свѣжею водою, а около онаго въ надлежащихъ мѣстахъ четырнадцать горшковъ съ молодыми цвѣтущими деревцами. По сторонамъ видны аллеи изъ зеленыхъ пальмовыхъ деревъ, у которыхъ верхины между собою соединяются такимъ образомъ, будто бы оныя аллеи изъ многихъ зеленѣющихъ и нарочно въ знакъ чести устроившихъ воробъ состояли, причемъ на переднихъ воробѣтахъ, или надъ входами въ оныя аллеи, употреблены вмѣсто гызмовъ герцогскія шапки. Въ срединѣ у задней сторонѣ въ главномъ проспектѣ показанъ увеселительный домъ съ выходами къ номинутымъ зеленымъ аллеямъ; а для входу въ сіе великолѣпное зданіе здѣлано странное крыльцо о четырнадцати ступеняхъ, изъ которыхъ при первой поставлены у перилъ на пѣдесталахъ двѣ статуи представляющія Любовь и Достоинство, яко предводительницъ къ оному зданію. Впрочемъ изображено надъ дверьми сего удивительнаго дому имя Его Королевскаго Высочества, украшенное по сторонамъ пальмовыми вѣтвями, на самой верхинѣ поставлена Герцогская шапка, а по сторонамъ надъ столбами сверхъ гызмовъ сосуды съ жертвеннымъ омѣяномъ, въ знакъ вѣрныхъ Нашихъ желаній о исполненіи того, что чрезъ вышеобъявленные части показано.

Фейэрверкъ представляетъ театру подобное мѣсто, окруженное снаружи регулярнымъ крѣпостнымъ строеніемъ въ бѣломъ огнѣ, на которомъ, также и со всѣхъ сторонъ около онаго, употреблены всякіе роды простыхъ и сложныхъ огней. Внутри поставлено по обѣимъ сторонамъ четырнадцать пирамидъ Герцогскими шапками и вепзловымъ именовъ Его Королевскаго Высочества Герцога Голштинскаго украшенныхъ, которыя къ задней части фейэрверка, или къ главному на планѣ представленному изображенію въ театральномъ проспектѣ простираются. А именно оной главной планѣ показывается пальмовое дерево пѣсколькихъ лѣтъ, при корени щтъ съ вепзловымъ именовъ Его Императорскаго Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго, а вверху между вновь произрастшими вѣтвями щтъ съ именовъ Его Королевскаго Высочества Петра Свѣтлѣйшаго Герцога Голштинскаго имѣющее. Съ другой сторонѣ стоитъ при томъ Россія съ государственнымъ гербомъ, въ видѣ величественной и бодрой жены, одною рукою радостное знамя съ именовъ Великія своея Императрицы Елисаветы держащая, а другою показывающая на оное пальмовое дерево съ слѣдующею акцибы отъ нея самой произнесенною надписью:

ВОЗРАСТАЙ.

(Примѣчанія къ Вѣдомостямъ. Часть 13 и 14. стр. 48—55).

VIII.

ТЕКСТЪ.

С. I. — Собрание сочинений Ломоносова. 1751. Книга первая Оды похвальные. Ода 7. стр. 130 — 137.

Вторая редакция оды VII. Прибавлены строфы шестая и седьмая; первые пять строфъ соответствуют одна другой въ обѣихъ редакціяхъ; шестая строфа первой редакціи соответствуетъ восьмой строфѣ второй редакціи, седьмая — девятой, восьмая — десятой, девятая — одиннадцатой, десятая — двѣнадцатой, одиннадцатая — тринадцатой и двѣнадцатая — четырнадцатой. Строфы обозначены цифрами.

ВАРИАНТЫ.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочинений Ломоносова. 1751 г. Заглавіе: «Ода 7. На прибытіе Его Императорскаго Высочества Пресвѣтлѣйшаго Государя Великаго Князя Петра Феодоровича въ Санктпетербургъ изъ Голстиніи. Писана чужою рукою. Состоитъ изъ четырнадцати строфъ; порядокъ строфъ не обозначенъ цифрами.

Рит. II. — Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова. 1746—1747 г.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, изд. 1748 г.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова. 1759 г.

С. II.—Собрание сочинений Ломоносова 1757. Книга первая.
Оды похвальные. Ода 9. стр. 121 — 127. Стрфы обозначены
цыфрами.

Ст. 2. Премудрымъ Вышняго судьбамъ, (с. II.)

Ст. 3—4. Россія, что отъ зла спасенна
И зрять конецъ своимъ бѣдамъ. (р.)

Ст. 7. Избавивъ ту отъ странныхъ рукъ (р.)

Ст. 9—10. Что къ нимъ Того приходитъ внукъ
Прекрасной Анною рожденный. (р.)

Ст. 45. Уже для твоего блаженства (р., Рит. II, III и IV.
§ 217).

Ст. 46. Въ немъ зрѣють всяки совершенства (р.)
Въ немъ сиѣють всяки совершенства. (Рит. II.
§ 217).

Добротъ въ немъ сиѣють совершенства.
(Рит. III и IV. § 217).

Ст. 67. И молитъ щедры небеса: (р.)

Ст. 76. Чего всѣ вѣрны ожидаютъ. (р.)

Ст. 79. Весну пріятну обѣщаль, (р.)

Ст. 83. Онъ всей забавы не вмѣщаетъ (р.)

Ст. 93. Восходитъ выше смертныхъ части (с. II.)

Онъ всей отрады не вмѣщаетъ (Рит. II, III и IV. § 196).

Ст. 103. Видѣніе мой умъ возводитъ (Рит. II, III и IV. § 161).

Ст. 104. Превыше Тессалійскихъ горъ! (с. II.)

Въ заглавіи: „Феодоровича“ вмѣсто „Феоодо-
ровича“. (с. II.)

Ст. 41—46. Приводятся (съ указанными вариантами) Ломоносовымъ въ примѣръ риторической фигуры, называемой *Обращеніе*: Обращеніе есть, когда слово обращаемъ къ другому лицу подлинному или вымышленному, отъ того, котораго само настоя-

щее слово требуетъ. Сея великолѣпныя, сильныя и слово оживляющія фигуры довольно есть примѣровъ. . . Сею фигурою можно совѣтовать, засвидѣтельствовать, обѣщать, грозить, хвалить, насмѣхаться, утѣшать, желать, прощаться, сожалѣть, повелѣвать, запрещать, прощенія просить, оплакивать, жаловаться, просить, повелѣвать, сказывать, толковать, поздравлять, и проч. того, къ кому слово отъ предложенной матеріи обращается, и проч.; напр. Обращеніе чрезъ удивленіе (съ удивленіемъ):

О коль велика добродѣтель
Въ Петровыхъ нѣжныхъ дняхъ цвѣтеть!
Коль славенъ сѣвера владѣтель
Въ тебѣ, Россія, возрастетъ!
Уже для твоего блаженства
Въ немъ спѣютъ всяки совершенства.
(Рит. II, III и IV. § 217).

Ст. 55—57: Петрополь по Тебѣ терзался,
Когда съ Тобою разлучался
Еще въ *зачатіи* Твоемъ.

Мать Петра III, герцогиня Анна Петровна, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, герцогомъ голштинскимъ, уѣхала изъ Петербурга въ Киль 25 іюля 1727 года, а черезъ шесть съ половиною мѣсяцевъ, именно 10 февраля 1728 года, родился у нея сынъ Петръ (впослѣдствіи императоръ Петръ III).

Въ одѣ Ломоносова на возшествіе на престолъ императора Петра III «отходящая въ вѣчность» императрица Елисавета Петровна говоритъ своему царственному преемнику о его матери (Ст. 41—44):

Когда я съ Нею разлучалась
И въ ложеснахъ Ея съ Тобой
Коль горестно тогда терзалась,
Отчаянна въ судьбинѣ злой. . .

Ст. 58—60. Стиховъ этихъ нѣтъ въ первомъ изданіи (editio princeps); но въ Риторикѣ они приводятся въ примѣръ «емфазиса» съ слѣдующимъ поясненіемъ: «Емфазисъ есть, когда дѣйствіе или состояніе вещи не прямо изображается, но разумѣется изъ другаго, и чрезъ то великолѣпно возвышается, что бываетъ по обстоятельствамъ, напримѣръ:

Ст. 58—60. Сердца жалѣньемъ закипѣли,
Когда подъ дерскимъ кораблемъ
Балтійски волны побѣлѣли.

Побѣлѣніе волнъ есть обстоятельство бѣгущаго по морю корабля, чрезъ которое здѣсь скорое онаго теченіе разумѣется. (Рит. II, III и IV. § 195.)

Ст. 61—67. Державинъ приводитъ эти стихи въ примѣръ *нужнаго* вдохновенія. «Вдохновеніе рождается прикосновеніемъ случая къ страсти поэта, какъ искра въ нелѣ, оживляясь дуновеніемъ вѣтра. Въ прямомъ дуновеніи нѣтъ ни связи, ни холоднаго разсужденія; оно даже ихъ убѣгаетъ и въ высокому пареніи своемъ ищетъ только живыхъ, чрезвычайныхъ, занимательныхъ представленій. Отъ того-то въ превосходныхъ лирикахъ всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выраженіе, то высокое, то пламенное, то сильное, или особую краску и пріятность въ себѣ имѣющую. . . . Исчислять всѣ виды вдохновенія было бы весьма пространно; но вотъ нѣкоторыя примѣры. . . . Нужнаго:

Какъ мать стenanьемъ и слезами
Крушится о сынѣ своемъ,
Что онъ противными вѣтрами
Отгнанъ живетъ въ краю чужемъ.
Она минуты всѣ цѣтаетъ,
На брегъ по великой часъ взираетъ,
И проситъ щедры небеса.

(Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота. 1872. Т. VII. стр. 528.)

Ст. 81—90. Коликой славой днесъ блистаетъ,
Сей градъ въ прибытїи Твоемъ!
Онъ всѣхъ веселїи не вмѣщаетъ
Въ пространномъ зданїи своемъ;
Но воздухъ наполняетъ плескомъ,
И ноши тьму отъемлетъ блескомъ.
Ахъ естьлибъ нынѣ Россювъ всѣхъ
Къ Тебѣ горяца мысль открылась;
Тобѣ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
На вѣчный день перемѣнилась.

Приводятся Ломоносовымъ въ примѣръ гиперболы: «Ипербола есть повышенїе или пониженїе слова невѣроятное, которое употребляется для напряженїя, напримѣръ: *бытъ скорѣйшїй вихря и молнїи; звѣздъ касающїйся Атлантъ; изъ цѣлыхъ горъ истыченныя храмы*. Сюда принадлежитъ и слѣдующее: «Колікой славой днесъ блистаетъ» и т. д. (Рит. II, III и IV. § 196).

Державицъ приводитъ эти стихи въ примѣръ «*вдохновенїа радостнаго*». (Сочиненія Державина VII. стр. 525).

Ст. 81—86. Екатерина пользуется этими стихами въ своемъ драматическомъ произведенїи: «Начальное управленїе Олега». (Дѣйствїе V. Явленїе 1. Первый хоръ.)

Ст. 101—107. Но спѣшно толь куда восходить
Внезапно мой плѣщенный взоръ?
Видѣнїе мой духъ возводитъ
Превыше Тессалїйскихъ горъ!
Я Дѣву въ солнцѣ зрю стоящу
Рукою Отрока держащу
И всѣ страны полночны съ нимъ.

Ломоносовъ приводитъ эти семь стиховъ въ своей Риторикѣ: «Седьмой способъ къ составленїю вымысловъ есть предложенїе

съ мѣста на мѣсто, или изъ одного времени въ другое. Перваго примѣры суть: похищенная Плутономъ Прозерпина, между звѣздами вмѣщенная Ариадина корона, Касторъ и Поллуксъ и другіе; также и слѣдующіе: «Но снѣжно толь куда восходитъ» и т. д. (Рит. II, III и IV. § 161.)

Ст. 105 — 106. Державинъ: «Околичности», вмѣщенія, или переходы къ какой-либо другой матеріи сходственны качествомъ своимъ воспѣваемому предмету. Они употребляются въ такомъ случаѣ, когда изящность побочнаго содержанія, вдругъ встрѣчая, увлекаетъ поэта; или неплодовитость своего собственнаго побуждаетъ его искать въ другомъ мѣстѣ обогащенія ему. Околичностей, или вводовъ таковыхъ эстетики полагаютъ два рода: первый въ текстахъ священнаго писанія, или какихъ либо премудрыхъ изреченійхъ людей великихъ (апофогмахъ), или общихъ истинахъ (аксіомахъ); другой историческій или басенный. Можно бы, кажется, прибавить астрономическій или астрологическій, замѣствуя оный изъ небесныхъ знаковъ или явленій, которыми поэтъ мнѣніе свое подкрѣпляетъ. Послѣднія прилчествуютъ болѣе лирику, потому что поэзія вѣще украшается вымыслами. Околичностями болѣе всѣхъ изобилуетъ Пиндаръ». Вотъ примѣры: Астрономическій, или астрологическій:

Я Дѣву въ солнцѣ зрю стоящу
Рукою Отрока держащу.

(Сочиненія Державина VII. стр. 557—559.)

Ст. 121—124. Млекою и медомъ напоенны
Тучнѣютъ влажны берега,
И яснымъ солнцемъ освѣщенны
Смѣются злачные луга.

Державинъ (VII, 529) приводитъ эти стихи въ примѣръ «аріадинаго вдохновенія».

IX.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, двѣнадцать пронумерованныхъ страницъ: на первой—заглавіе; на остальныхъ, начиная съ третьей — ода. Передъ началомъ текста оды гравированная на мѣди виньетка съ прямоугольными сторонами. Средину занимаетъ стоящая фигура Императрицы Елисаветы Петровны, съ небольшою короною въ волосахъ, держащая въ правой рукѣ скипетръ. Лѣвая и нижняя части фигуры заслонены стоящимъ впереди камнемъ въ видѣ скалы, съ надписью: *Iuvante minime*. Вокругъ камня разбросаны чертежные инструменты: два циркули, линейка, наугольникъ, мѣра. Позади видъ на Неву съ частью набережной Васильевского Острова и зданіями Академіи наукъ; правѣ Петропавловская крѣпость. Все озаряется лучезарнымъ солнцемъ. Рамкой виньетки служатъ арматуры и атрибуты наукъ, искусства и торговли, именно, съ правой стороны—глобусъ, теллурій, компасъ, книги, арфа, палитра, кисти, циркуль, жезлъ Меркурія и монеты; съ лѣвой стороны—шлемъ, обвитый лаврами, щитъ, лукъ, колчанъ со стрѣлами, знамена, мечъ, пушка и ядра. Средину нижней стороны занимаютъ: щитъ, вошскія трубы, лавровая и пальмовая вѣтви. По бокамъ штандарты, обвитые—одни лаврами, другой—гирляндой изъ пальмовыхъ вѣтвей съ буквами *P* и *L* на стягѣ, соединяются съ верхнею частью рамки, образуемой криволинейнымъ орнаментомъ,

подъ которымъ парить двуглавый орелъ, держащій въ когтяхъ императорскую корону и скипетръ. Съ правой стороны, подъ виньеткою, подпись: «Вырѣзалъ Иванъ Соколовъ». Въ концѣ оды — заставка («кончиль», *cul-de-lampe*) въ видѣ орнаментальнаго кронштейна, на которомъ сидитъ двуглавый, какъ бы раздвоенный орелъ, на груди котораго щитъ съ изображеніемъ простертой изъ облаковъ руки, держащей императорскую корону. Щитъ окруженъ лентою ордена св. Андрея Первозваннаго съ его знакомъ, спускающеюся съ шеи двуглаваго орла. Поверхъ щита императорская корона и два скипетра, а подъ ними лента съ надписью: *Dat et AUFERT*. По сторонамъ орла два сфинкса, изъ которыхъ правый положилъ лапу на лиру, а лѣвый держитъ музыкальный треугольникъ. Подъ заставкою, съ правой стороны, подпись: «Вырѣзалъ Иванъ Соколовъ».

Ода Юнкера на коронованіе императрицы Елисаветы Петровны читана была авторомъ въ торжественномъ собраніи академіи наукъ 29 апрѣля 1742 года. Въ томъ же собраніи произнесены были двѣ рѣчи: первая — академикомъ Крафтомъ, вторая — академикомъ Вейтбрехтомъ. Въ современномъ описаніи академическаго праздника говорится: «Торжественный тотъ день, въ который всеавгустѣйшая императрица всероссійская Елисавета Первая корою въ Москвѣ воспріять изволила, хотя и по всей Россіи радости были: однакожь обыватели города Санктпетербурга особливо съ несказаннымъ изъясненіемъ своея радости оный проводили. Между такими всеобщими восклицаніями за должность почитала и Академія наукъ, что бы заевдѣтельствовать истинное свое къ Августѣ усердіе какимъ возможно веселія знакомъ. Сего ради по установленію Петра Великаго назначила быть публичному собранію въ 29 день апрѣля; которое ужѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ было оставлено. Такое дѣйствіе, отчасти новостію своею, а отчасти матерією; о которой рѣчь въ ономъ собраніи была; тѣмъ нашаче къ удовольствію слышателей представлено было, чемъ большее число охотниковъ къ Наукамъ, а особливо знатныхъ особъ изъ Генералитета, присуствіемъ

своимъ почтить оное изволили. Съ начала онаго собранія Георгъ Волфгангъ Крафтъ, Профессоръ Экспериментальной и Теоретической Физики, по принесеніи навѣрнѣйшихъ желаній Ея Императорскому Величеству, говорилъ рѣчь на Латинскомъ языкѣ о избобрѣтенномъ недавно во Франціи такомъ Клавикордѣ, которой служить можетъ не для увеселенія ушей, но для увеселенія глазъ человѣческихъ; причемъ старался онъ разрѣшить по физическимъ основаціямъ сей вопросъ: *Могутъ ли цвѣты, извѣстнымъ некоторымъ образомъ расположенные, произвести въ глазахъ чужаго чловѣка слабіемъ своимъ такое увеселеніе, какое мы чувствуемъ ушами изъ пропорціональнаго расположенія тоновъ въ Музыкѣ?* На сіе отвѣтствовалъ именемъ всея Академіи Юсіасъ Вейтбрехтъ, Медицины Докторъ и Профессоръ Физіологій.

Въ рѣчи Крафта помѣщены стихи, переводъ которыхъ приписывается Ломоносову на томъ основаніи, что въ тѣ времена только Ломоносовъ могъ написать подобныя стихи. Приводимъ ихъ въ подлинникѣ и въ переводѣ:

Audiat coeli genitor, solique,
 Quas preces fundit pietas, benique, et
 Turbidi Martis gladium menacem
 Condat abysso.

Ut regat sceptro patrio quietas
 Incolas Augusta, per universos,
 Qua patet late populosa in ortum
 Russia, tractus;

Ut statae messes veniant aristas;
 Nec sit infidum ratibus secundum
 Aequet; ut Musis maneamt Boreis
 Otia tuta.

(Sermones in solenni Academiae scientiarum Imperialis conventu die XIX aprilis anni MDCCXLII publice recitati. стр. 4).

Творецъ всѣхъ, неба и земли
 Услыши вѣрной гласъ Науки!
 Нестройный Марсовъ мечъ растли;
 Подай Самъ Жезлъ покоя въ руки.
 Да править тѣмъ Августа всѣхъ.
 Да зреть на весь востокъ въ успѣхъ.
 Пусть снѣютъ жатвы въ день надежный
 И въ морѣ намъ покой живетъ
 Когда по немъ корабль плыветъ.
 При томъ дай Музамъ плодъ полезный.

(Рѣчи, которыя въ публичномъ собраніи Императорской Академіи наукъ читаны были апрѣля 29 дня 1742 года. Переведены съ Латинскаго языка чрезъ Григорія Теплова Натуральной Исторіи Адъюнкта. стр. 3).

Въ академической рукописи № 138 тѣже стихи съ нѣсколькими вариантами:

Творецъ всѣхъ неба и земли
 Услыши вѣрный гласъ науки!
 Грозящій Марсовъ мечъ возми.
 А скипетръ дай Августѣ въ руки.
 Да править тѣмъ покойно всѣхъ,
 Да зреть на весь Востокъ въ успѣхъ.
 Пусть снѣютъ жатвы въ день надежный.
 А смѣль кунецъ товаръ везеть
 Какъ вѣтръ по морю къ намъ;
 При томъ дай Музамъ плодъ полезный.

По окончаніи рѣчей академиковъ Крафта и Вейтбрехта «Надворный Камерный Совѣтникъ и почетный членъ Академіи, Готлобъ Фридрихъ Вильгельмъ Юнкеръ, читалъ на Нѣмецкомъ языкѣ похвальныя стихи Ея Императорскому Величеству, Всероссийскую Императорскую корону воспріявшей. Такимъ образомъ дѣйствіе къ удовольствію всѣхъ слышателей окончалось».

(Рѣчи 29 апрѣля 1742 года. Къ читателю).

Ода на коронацію императрицы Елисаветы Петровны считалась въ свое время однимъ изъ лучшихъ произведеній Юнкера. Продолжатель Миллера Стриггеръ говоритъ: Einige tage nach der in Moskau vollzogenen krönung hielt die kaiserl. academie der wissenschaften zu St. Petersburg den 29 april wegen dieser glücklichen begebenheit eine öffentliche feierliche versammlung, wozu dieselbe den 27 april durch ein programm in lateinischer sprache einladen liess. . . Das gedicht des herrn hofkammerrath Juncker, dessen in dem programm gedacht wird, und welches an schönheit seine übrigen gedichte übertreffen soll, wurde bei academie gedruckt.

(Матеріалы для исторіи Императорской Академіи наукъ. 1890. Т. VI, стр. 548—550).

Академія наукъ сочла пужнымъ ознакомить общество съ тѣмъ, что происходило во время коронаціи. Въ академическомъ изданіи говорится:

«При случаѣ благополучно совершившагося высокаго коронованія Ея Императорскаго Величества, наша всемилостивѣйшія Государыня, нанечатаны разныя похвальныя стихи, рѣчи и другія сему подобныя сочиненія, которыя можетъ быть еще не во всѣхъ рукахъ находятся. Чего ради надѣемся мы благосклоннымъ нашимъ читателямъ показать не непріятную услугу, когда оныя всѣ здѣсь отъ слова до слова сообщимъ. Начало тому учинить слѣдующее описаніе фейерверка, которой въ Императорскомъ столичномъ городѣ Москвѣ во окончаніе бывшаго послѣ коронаціи торжества, въ приустьевіи бесчисленнаго множества зрителей зажженъ былъ.

Изображеніе и изъясненіе фейерверка и иллюминаціи, которые по благополучно совершившемся Апрель 25 дня 1742 году высокою помазаніи и коронованіи Ея Величества Всепресвѣтлѣйшія, Державнѣйшія, Великія и Непобѣдимыя Государыни Елисаветы Петровны Императрицы и Самодержицы Всероссийскія, и прочая, и прочая, и прочая при прочихъ публичныхъ увеселеніяхъ предъ домою Ея Императорскаго Величества въ Москвѣ зажжены были.

Всерадостное и давно желанное коронованіе Ея Императорскаго Величества всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія и непобѣдимѣйшія Государыни Елисаветы Петровны, достойнѣйшія Императрицы и Самодержицы Всероссийскія, и прочая, и прочая, и прочая, производитъ въ сердцахъ вѣрныхъ жителей сея великія имперіи толь многія пріятныя и увеселительныя чувства, которыя всѣ совокупно рѣтко, то есть токмо при всеобщей и высочайшей радости о полученіи всѣхъ желаемыхъ и совершеннѣйшихъ благополучій являются. Удивленіе и почитаніе, любовь

и надѣянїе, удовольствїе и радость, веселїе и восклицанїе, надежда и твердое упованїе, сердечное желанїе и вѣрность возбужденныхъ имиѣ подданныхъ щедротѣйшїя сея Монархини почти незачио окружають и каждое изъ оныхъ при семъ павважѣйшемъ приключенїи съ веселїемъ оказать себя успѣшаетъ.

Коль прїятное смѣшенїе радостныхъ чувствїй! которыхъ начало праведно, а конецъ благополученъ. Они раждаются отъ прошедшаго, являютя въ настоящемъ, а простираются до всего будущаго.

Давно ужѣ прошедшее время въ высокихъ дарованїяхъ Ея Императорскаго Величества паввышшихъ степеней человѣческаго высочества достойнѣйшую Прицессу показало. Какъ ни скрывали умѣренныя Ея поступки природное Еї величество, однакожъ общее всѣхъ признанїе и удивленїе могло оное всегда съ павглубочайшимъ почитанїемъ усматривать. Давно ужѣ въ прошедшіе годы натуральная справедливость и неспоримое всѣхъ народовъ право единой токмо законной наслѣдницѣ, достойнѣйшей Дщери Великаго Петра, отеческое Ея государство назначило и матерїй престоль, корону и скипетръ Еї опредѣлило. Давно ужѣ павчувствительнѣйшая любовь подданныхъ къ Ея Императорскому Величеству желала исполненїя сея справедливости. Давно ужѣ вѣрная надежда возвышенїя сея достохвальнѣйшїа Императорскїа Дщери съ нестерпимымъ желанїемъ ожидала, и притомъ несомнѣннымъ утѣшалась и подкрѣплялась упованїемъ, что врожденныя Ея Императорскому Величеству и къ коронѣ и скипетру устроенныя дарованїя престола долго лишаться ужѣ не могутъ. Давно также ужѣ и ревностная вѣрность того желала, чтобъ ея желанїа исполнились, чтобъ достойнѣйшая сїя Прицесса Императорскою увѣчалась короною, чтобъ имперїа законную себѣ получила Императрицу, а подданные щедротѣйшею Матерїю отечества обрадованы были.

И такъ когда храбрая Елисавета на прародительскїй свой взшла престоль, и чрезъ то Россїйскую имперїю на толь высокую степень истиннаго вознесла удовольствїа, колїкимъ высочествомъ Ея Императорское Величество всѣхъ прочихъ людей превосходитъ; когда на помазанной главѣ всепресвѣтлѣйшїа Императрицы Императорская корона въ такомъ сїянїи является, которое чрезъ нѣсколько времени въ мрачѣ лежавшую Россїю павки просвѣщаетъ; когда Россїйскїй скипетръ и государственный мечъ крѣпкою рукою всемилостивѣйшїа Императрицы и великодушныя Монархини содержатся, и Ея Императорское Величество съ общимъ всего свѣта поттвержденїемъ сама о себѣ то сказать можетъ, что при изображенїи граватоваго яблока вмѣсто надписи положить можно, которое хотя и при первомъ вхождѣ отъ всемогущаго создателя корону свою подучаетъ, однакожъ онаю не прежде какъ токмо приходя въ совершенную зрѣлость производить, и потому природною двосою силою должную себѣ корону бутто само на себя павлагаетъ, то есть: *Meam mihi reddo coronam*, или *свою себѣ павлагаю корону*; и когда павослѣдокъ чрезъ дѣйствительное сихъ словъ событїе благополучїе Россїйскїа имперїи павки совершенно восстановлено и рогъ своего избилїа ужѣ на все государство изливаетъ: то и общая радость съ онымъ

ный соединяется, исполняет сердца вѣрныхъ подданныхъ впечатлительнѣйшимъ веселіемъ, возбуждаетъ мысли радостнымъ звукомъ своей трубы, и вмѣсто преже бывшихъ прискорбныхъ воздыханій, уста всѣхъ людей пылѣ къ радости и торжественному восклицанію отверзаются. Олтари уже не дымятся, на которыхъ понынѣ беспрестанно горѣлъ ошмѣамъ въ тиxости произносимыхъ желаній; но напротивъ того чувствительность благополучныхъ жителей Россійскія имперіи о полученныхъ благодѣяніяхъ создаетъ Богу благодарственные олтари, а несомнѣнное ихъ уюваніе поставляется своей короною увѣнчанной Императрицѣ новый искреннихъ желаній жертвенникъ за Ея долготѣное и неоцѣненное здравіе.

И понеже вышеозначенныя рассужденія о высокомъ помзаніи и короуваніи Ея Императорскаго Величества вспресвѣтлѣйшія державнѣйшія великія Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны съ внутреннимъ чувствіемъ и публичнымъ признаніемъ всѣхъ вѣрныхъ жителей Россійскія имперіи совершенно согласны, и самымъ дѣломъ отъ всѣхъ обще потверждаются: того ради приняты оныя отъ насъ за основаніе, увеселительными огнями представленнаго публичнаго изображенія общепародныя радости; потому что въ нихъ знаменованіе аллегорическихъ представленій въ пынѣшемъ фейэрверкѣ совершенно содержится.

Фейэрверкъ.

Главное представленіе онаго состоитъ изъ одного середняго плана, и двухъ плановъ по сторонамъ поставленныхъ, которые въ перспективномъ расположеніи такъ между собою соединены, что они вмѣстѣ великолѣпной амфитеатръ составляютъ.

Средній планъ показываетъ презрядной пѣдесталь съ изображеннымъ на немъ вензловымъ ипсепемъ Ея Императорскаго Величества между двумя орлами подѣ Россійскою Императорскою короною.

Съ одной стороны подѣ онаго пѣдестала сидитъ *Правосудіе*, въ видѣ геніуса, въ одной рукѣ держащаго отвѣсъ а въ другой Императорскій скипетръ, которымъ оны на помянутой пѣдесталь, какъ на фундаментъ, на которомъ лежитъ коропа, опирается.

Съ другой стороны сидитъ *Храбрость* въ образѣ геніуса латы и шлемъ на себѣ имѣющаго, которой въ одной рукѣ держитъ передъ короною внизъ обращенной государственной мечъ, а предъ нимъ лежитъ отломленной мраморной столпъ. Отъ центра сего представленія простирается къ обоимъ по сторонамъ стоящимъ планамъ въ архитектурномъ соединеніи великолѣпной амфитеатръ, у котораго по сторонамъ между входами поставлены гранатныя деревья съ плодами въ вышеозначенномъ знаменованіи. Чего ради какъ въ рассужденіи сихъ аллегоричныхъ деревьевъ и плодовъ, такъ панначе въ рассужденіи главныхъ свойствъ Ея Императорскаго Величества чрезъ вышепоказанныя изображенія представленныхъ, и въ рассужденіи Императорскія короны, употреблена при томъ въ среднѣ слѣдующая надпись:

MEAM MIMI REDDO CORONAM.

ТО ЕСТЬ:

ПРИРОДНОЮ КОРОНОЮ.

Съ правой стороны помпучатаго амфитеатра, то есть *на одномъ изъ стоящихъ по сторонамъ плановъ* видно надъ празднымъ алтаремъ или жертвенникомъ *Благодолучіе Россійскія имперіи* въ образѣ лавромъ увѣнчаннаго гефіуса на легкомъ облакѣ сидящаго, которой въ рассужденіи вензловаго имени Ея Императорскаго Величества рога изобилія и щастія на Россію изливаетъ, и притомъ слѣдующія слова о Ея Императорскомъ Величествѣ произносить видится:

ILLA ME RESTITUIT.

ТО ЕСТЬ:

СЯ МЯ ВОСТАПОВИЛА.

Съ лѣвой стороны, или *на другомъ изъ поставленныхъ по сторонамъ плановъ*, оказывается надъ празднымъ жертвенникомъ *Радость имперіи*, въ видѣ боезнаго на легкомъ облакѣ гефіуса, и держащаго въ рукѣ сплетенной изъ цвѣтовъ вѣнокъ съ музыкальными инструментами, которой притомъ возносить короновавшее имя Ея Императорскаго Величества, и въ рассужденіи онаго имени слѣдующую надпись произносить видится:

NAEC ME REVOCAVIT.

ТО ЕСТЬ:

СЯ МЯ ВОЗВРАТИЛА.

Тоже самое содержаніе, которое представлено на помпучатомъ фей-эрверкѣ, и въ такомъ же знаменованіи показано пространствѣ разныхъ цвѣтовъ фанарями на новоостроенномъ для иллюминаціи великомъ театрѣ. А именно представляетъ сія иллюминація великую область, которая значить Россійскую имперію. Въ среднѣй оной оказывается высокая каменнстая гора, на которой по обѣимъ сторонамъ при входахъ стоятъ кедры, при вершинахъ на подобіе такеусовыхъ деревъ коронами остриженныя, и представляющіе вверху восходящую аллею. Два самые верхніе кедра соединяются вершинами своими на подобіе зеленого свода, подъ которымъ вверху горы показывается такъ какъ изъ камня высѣченной монументъ съ пнємемъ Ея Императорскаго Величества подъ короною. Подъ сею горою внизу видна малая аллея, простирающаяся до пещеры оной горы, впереди которой сидитъ безопасно двѣглавнй орелъ. Вкругъ около оной горы здѣлана прозрачная галерія, у которой верхи украшены коронами; а по обѣимъ сторонамъ все оное пространство кончится садомъ цвѣтниками наполненнымъ, въ среднѣй

которыхъ на высокой грядѣ видно совершенное гранатовое дерево съ зрѣлымъ гранатовымъ яблокомъ, полную корону имѣющимъ.

Точнѣйшее знаменованіе сея аллегоричнымъ образомъ представленныя иллюминаціи есть слѣдующее: а именно, что по достойномъ и справедливиѣшемъ отъ Ея Императорскаго Величества полученіи престола, и по благополучно совершившемся коронованіи Ея Величества, вѣрные подданные нынѣ подъ державою Ея Императорскаго Величества, аки подъ твердымъ камнемъ, безопасное жителство имѣютъ, и чрезъ природное Ея Величеству милосердіе и сильное защищеніе дикія дерева въ красныя лавровыя и пальмовыя аллеи, а поля въ пріятныя и веселыя переимѣняются сады, то есть все въ цвѣтущее и благополучное состояніе приводится, при чемъ за единое токмо украшеніе природною короною краєйшей гранатной яблочки, или великая и короновавшая Императрица признается и почитается.

Въ рассужденіи сихъ благополучныхъ обстоятельствъ признавать радостное и несомнѣнное всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ надѣяніе на высочайшую милость и мудрую прозорливость Ея Императорскаго Величества, что всемогущій Богъ ихъ благополучіе чрезъ единое токмо дражайшее и непоколебимое здравіе ихъ всемилостивѣйшей Матери отечества твердымъ, постояннымъ, и совершеннымъ учинить, и высочайшій Ея Императорскаго Величества обрадованному отечеству показанныя заслуги тѣмъ токмо однимъ наградить можетъ. Чего ради вмѣсто всѣхъ всеподданнѣйшихъ и нанувѣрнѣйшихъ желаній изъявляетъ оно благодарность свою еще слѣдующимъ образомъ:

Надежда съ правомъ нынѣ довольны,
Желаніе съ вѣрностью спокойны.
Того Россія токмо ждетъ:
Да ввѣкъ живетъ Елисаветъ!

(Примѣчанія къ Вѣдомостямъ. Часть 47 и 48, стр. 185—192).

Х.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собрание сочинений Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальные. Ода I. стр. 49—71. Строфы обозначены цифрами.

ВАРИАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочинений Ломоносова, 1751. «Оды похвальные. Ода I. На прибытіе Ея Величества Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы въ Санктпетербургъ въ декабрь мѣсяць по коронаціи». Строфа 43-я соотвѣтствуетъ строкѣ 44-ой текста, и строфа 44-я строкѣ 43-ей. Строфы не обозначены цифрами. Ода писана чужою рукою.

Рит. I.—Рукописная Риторика Ломоносова, 1744.

Рит. II.—Рукописная, собственноручная Риторика Ломоносова. 1746—1747.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова, изданная въ Собрании его сочинений 1759.

С. II.—Собрание сочинений Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальные. Ода I. стр. 39—56.

- Ст. 8. Мрачнѣйна ночь грозить врагамъ. (Р.)
- Ст. 10. Брега Балтійскихъ водъ трепещуть. (Рит. II,
III и IV. § 136 и 203.)
- Ст. 11—12. Взлети превыше молній, Мѹза,
Какъ Пиндаръ быстрый твой орель; (С. II.)
- Ст. 27—30. Внимая гдѣ Елисаветъ;
Но весь едва объемлетъ свѣтъ
Ея повсюду громку славу:
Какъ въ стихъ вмѣститъ Тоя державу? (Р.)
- Ст. 32. Что тщиться имя воспѣвать (С. II.)
- Ст. 39—40. Парящей славой вознесена
И новымъ блескомъ освѣщенна. (С. II.)
- Ст. 75. Тобой поставилъ судъ правдивый, (Р.)
- Ст. 78. Тобой добротамъ мзду дарить. (Рит. I. § 93.)
- Ст. 115. Напрасно солнце почитаешь, (Р.)
- Ст. 126. Родили лавры памъ зелены. (С. II.)
- Ст. 135. Какъ были тѣ за Обь вселенны, (Р.)
За Обскія брега вселенный, (С. II.)
- Ст. 136. Хребтомъ Рифейскимъ заключенный (С. II.)
- Ст. 140. И съ ней всегда готовы къ брани (Р.)
- Ст. 150. Крушить враговъ Ея навѣты. (Р.)
- Ст. 153. И крѣпкой силою своею (Р.)
- Ст. 154. За лѣсъ и рѣки Готовъ жметъ. (Р., С. II.)
- Ст. 167. Кичливой ихъ терзая духъ, (Р.)
- Ст. 182. Плутонъ, свою являя власть, (Р.)
- Ст. 190. На огонь и рвы течетъ съ размаху. (Р.)
- Ст. 200. Толь злоба жестоко казнится! (Р.)
- Ст. 226. Бѣжитъ еѣдая пѣна рвами. (Р.)
Бѣжитъ кипяща пѣна рвами; (Рит. II. § 235;
Рит. III и IV. § 236.)
- Ст. 229. Ужѣ надежду отвергають (С. II.)
- Ст. 235—236. Единой цѣнью звѣзды свяжетъ
И вспять итти лунѣ прикажетъ. (Рит. I. § 92.)
- Ст. 258. Уже простертою рукой (Р.)

- Ст. 259. Даетъ вамъ мирныя оливы (Р.)
- Ст. 261. Хотя бѣ вы, Готы, возмутили (Р., Рит. II. § 225.
Рит. III. § 229.)
- Ст. 263. Хотя бы вы на насъ взбудили (Р.)
Хотя бы противъ насъ взбудили (Рит. II. § 225.)
Хотя бѣ на насъ вы взбудили (Рит. III. § 226.)
- Ст. 300. И воспѣваютьъ пѣсни новы. (С. II.)
- Ст. 301. О чистой токѣ Невы разливной (Рит. I. § 100.)
- Ст. 303—304. Россійской что Богини дивной
Кропишь лице отъ струй твоихъ. (Рит. I. § 100.)
- Ст. 306. И быстриной твоею сильно (Р. и Рит. I. § 100.)
- Ст. 307—309. Промчись къ вечернимъ вплоть берегамъ,
И большій страхъ вложи врагамъ,
Въ сердца и въ слухи имъ внушая, (Рит. I.
§ 100.)
- Ст. 311. Какъ лютый мразъ весна прогнавши, (Рит. II.
§ 44, Рит. III и IV. § 43.)
- Ст. 325. Мнѣ вдругъ ужасный тонъ блистаетъ. (Р.)
- Ст. 328. То кротость разумъ мой живитъ! (Рит. II.
§ 238, Рит. III и IV. § 239.)
- Ст. 330. Противна мысль противну гонитъ. (Рит. II.
§ 238, Рит. III и IV. § 239.)
- Ст. 349. Подавъ намъ Ону на утѣху, (Р.)
- Ст. 351—354. Но рѣчь ихъ шумный гласъ скрываетъ:
Война при Готскихъ берегахъ
Съ угрюмымъ стономъ възрыдаетъ
И въ дикихъ кроется горахъ: (Рит. II., III и
IV. § 219.)
- Ст. 355. Покой возлюбленный приходитъ (Рит. II. § 219.)
Союзъ возлюбленный приходитъ (Рит. III и IV.
§ 219.)
- Ст. 356. И съ кротостью свой гласъ возводитъ:
(Рит. II, III и IV. § 219.)
- Ст. 357. Престань прекрасный вѣкъ мутить (Р., II.
§ 219.)
- Ст. 374. Отвергни люту власть твою. (Р.)

- Ст. 378. Черезъ воздухъ, огонь и смерть въ полкахъ,
(Р.)
- Ст. 391—395. На чтобы ложное Иандоры
Намъ имя межъ Боговъ вмѣстити,
И дать ей всѣхъ добротъ соборы
И тѣмъ свои стихи пестрить:
Когда бъ въ сѣе мы были время, (Р.)
- Ст. 411—414. Когда бы древни лѣта знали
Толику бодрость съ красотой;
Тобъ храмы въ честь Твою создали,
И жертвой чтили бъ образъ Твой. (Рит. II,
III и IV. § 153.)
- Ст. 427. Не такъ пособныхъ вѣтровъ ждетъ (Рит. II,
III и IV. § 71.)
- Ст. 429. Какъ сердце въ насъ къ Тебѣ пылало. (Рит. I.
§ 56.)
Какъ сердце наше ожидало, (Рит. II, III и IV. § 71.)
- Ст. 430. Чтобъ къ намъ лице Твое сѣяло. (Рит. I. § 56,
Рит. II, III и IV. § 71.)
- Ст. 433. Похваль что лавромъ увязенны; (Р.)
- Ст. 435—437. Твою къ Петровой Дщери ревность
Ни гнѣвъ стихій, ни ѣдка древность
Не могутъ въ мракъ забвенья скрыть, (Р.)
- Ст. 439. Ея дѣла во свѣтѣ громки, (Р.)

Императрица Елисавета Петровна возвратилась, послѣ коронаціи, изъ Москвы въ Петербургъ 20 декабря 1742 года, пробывши въ Москвѣ почти десять мѣсяцевъ. 22 февраля государыня, вмѣстѣ съ герцогомъ голштинскимъ, выѣхала изъ Петербурга, а 28 февраля происходилъ «торжественный входъ» въ Москву.

«Декабря въ 15-й день. Ея Императорское Величество изволила путь въ Санктпетербургъ по полудни въ первомъ часу воспріять.

«Декабря въ 18-й день изволила прибыть въ Новгородъ, гдѣ празднованъ день рожденія Ея Императорскаго Величества.

«Декабря въ 20-й день изволила прибыть въ Санктпетербургъ на старыи свой дворець, что на Смолномъ дворѣ».

(Рукопись Государственнаго Архива. II, 60).

Торжественный въѣздъ въ столицу послѣ коронаціи состоялся по слѣдующей программѣ:

ДИСПОЗИЦІЯ

ВО ВРЕМЯ ШЕСТВИЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

1) За день Ея Императорскаго Величества высочайшаго въ Санктпетербургъ прибытія, въ зимній домъ нарядить лейбъ-гвардіи преображенскаго полку одну роту съ знаменемъ.

2) Въ день высокопомянутаго Ея Императорскаго Величества пришествія, поутру въ шестомъ часу по полуночи отъ императорскихъ палатъ къ адмиралтейству и по прешпективой до триумфальныхъ воротъ, что у Зеленаго мосту, и отъ тѣхъ воротъ по прешпективой къ Казанской, покуда установится гвардія, поставлены быть имѣютъ лейбъ-гвардіи полки въ парадъ по обѣ стороны улицы въ 2 шеренги.

3) Отъ помянутой гвардіи даже до другихъ триумфальныхъ воротъ, что въ Оничковой, поставлены быть имѣютъ по обѣ стороны прешпективой, обрѣтающіеся въ Санктпетербургѣ полки: пингерманланскіи, астраханскіи, казанскіи, кіевскіи, воронежскіи, а далѣ тѣхъ воротъ по слободѣ, откуда Ея Императорскаго Величества въѣздъ будетъ.

4) И дабы означенное число полковъ болѣе въ парадѣ было, всѣ стоящіе тѣхъ полковъ на караулахъ здѣшними гарнизонными полками, сколько возможно, смѣнены.

5) Всю ту дистанцію, на которой полки стоятъ будутъ, раздѣлить по пропорціи людей по полкамъ отъ полиціи, и за нѣсколько дней для лучшаго порядка вывести полки въ парадъ и

поставить по дистанціи по улицѣ на малое время, дабы какой конфузій тогда не пронзшло, и всякой бы полкъ могъ лутче свою дистанцію знать.

6) Командующій вышенамянутыми полками генералитетъ встрѣтитъ Ея Императорское Величество съ приѣзду за Анничковскими тріумфальными воротами и отдадутъ надлежащую честь, а штабъ- и оберъ-офицеры при своихъ полкахъ и по своимъ мѣстамъ.

7) У оныхъ же Анничковскихъ воротъ для встрѣчи Ея Императорскаго Величества имѣютъ собраться обрѣтающіеся въ Санктпетербургѣ генералитетъ, штабъ- и оберъ-офицеры, артиллерійскіе, и инженерные и кадетскаго корпуса; и станутъ вѣдѣ помянутыхъ воротъ по обѣ стороны.

8) Наверху помянутыхъ Анничковскихъ тріумфальныхъ воротъ поставлены будутъ отъ артиллеріи литаврички, трубачи и музыка, и пачать онымъ играть тогда, когда близъ стоящихъ оныхъ воротъ полкъ будетъ честь отдавать.

9) Когда карета, въ которой сѣдѣть будетъ Ея Императорское Величество, предъ которой полкъ, за тридцать шаговъ, приближаться будетъ, тогда всеѣмъ тѣмъ полкомъ отдадутъ честь, и будутъ бить маршь и музыка играть, и въ шествіи Ея Величества мимо полка офицеры партазанами и знамена уклонятъ. А когда изволитъ Ея Императорское Величество весь тотъ полкъ миновать и въ дистанцію другого полка вступитъ, тогда первому полку сказано будетъ: на плечо! и перестанутъ въ барабанъ бить и музыка играть.

10) У Новаго гостиннаго двора для высокопомянутой же Ея Императорскаго Величества встрѣчи имѣютъ собраться російскіе и иностранные знатные купцы, изъ которыхъ станутъ російскіе по правой, а иностраные по лѣвой сторонамъ. И изъ оныхъ будутъ всеѣ по націямъ въ одинакомъ богатомъ платьѣ, а имено. Російскіе—кафтаны суконные, кофейные съ тафтяною голубою подкладкою; камзолы штофные градптуровые и тарцинелевые одноцвѣтные голубые жъ съ позументомъ въ два ряда. Англи-

скої компаніи — кафтаны васьпльковыя суконныя съ золотыми шлейфами или нашивками; камзолы градепалелевыя пунцовыя, выкладенныя золотымъ позументомъ. Галанскої компаніи и прочіе иностранныя кунцы — кафтаны суконныя кофейныя съ золотыми пуговицами и съ бархатною пунцовою подкладкою; камзолы штофныя или градигуровыя пунцовыя жъ съ выкладенымъ золотымъ же позументомъ. И будутъ все оныя стоять по обѣ стороны прешпективной рядомъ въ двѣ шеренги.

11) У церкви Пресвятыя Богородицы Казанскія встрѣтятъ Ея Императорское Величество, сколько въ Санктпетербургѣ собраться можетъ, все знатныя духовныя по обыкновенію со святыми кресты и образы, а притомъ по обѣимъ сторонамъ прешпективной дороги сдѣланы будутъ негораздо высокія мѣста, на которыхъ поставлены будутъ по 20 человекъ изъ семнариіи Невскаго монастыря студентовъ, все въ бѣломъ одѣянніи, имѣя на головахъ бѣлыя перуки и лавровыя вѣнцы, а въ рукахъ вѣтви, и будутъ пѣть Ея Императорскому Величеству похвальную пѣснь, которая при семъ и сообщается.

12) Всѣ вторыхъ триумфальныхъ воротъ имѣютъ собраться 8, 7 и 6 классовъ статскіе чины, такожъ и коллежскіе и прочіихъ судебныхъ мѣстъ секретари и все служители, которые въ рангахъ, все въ богатомъ платьѣ, и стануть все для встрѣчи Ея Императорскаго Величества по обѣимъ сторонамъ рядомъ, а на верху воротъ музыку поставитъ Адмиралтейскую и Кадетскаго корпуса.

13) У двора, гдѣ Ея Императорское Величество вытти изъ кареты изволитъ, у кареты встрѣтятъ Ея Императорское Величество все отъ 5-го класса и выше знатныя чины, такожъ и, сколько могутъ въ Санктпетербургѣ собраться, дамскія персоны.

14) Когда Ея Императорское Величество изволитъ приблизиться къ первостоящему за Аничковскими триумфальными воротами полку, тогда первой сигналь тремя ракетами дастся, изъ которыхъ первая при первыхъ, вторая у вторыхъ триумфаль-

ныхъ воротъ, а третья у дворца имѣють быть раставлены, и потомъ выналять съ крѣпостей: съ Санктпетербургской изъ 71, а съ Адмиралтейской изъ 70 пушекъ.

15) Когда Ея Императорское Величество изволитъ пройти Казацкую церковь, тогда дастся другой сигналъ тремя жъ ракетамп, которыя отъ оной церкви поставлены быть имѣють, и выналятся съ крѣпостей: съ Санктпетербургской изъ 85, а съ Адмиралтейской изъ 84-хъ пушекъ. Ежелижъ изволитъ зайти въ церковь, то тотъ сигналъ имѣеть быть при выходѣ изъ церкви.

16) Когда жъ Ея Императорское Величество изволитъ прибыть ко дворцу, при выступленіи изъ кареты встрѣтятъ Ея Императорское Величество предстоящіе при томъ вышеномяпутыя обоихъ половъ какъ мужскія, такъ и дамскія персоны и учинятъ Ея Императорскому Величеству всенодашнѣйшее поздравленіе благополучнѣйшимъ прибытіемъ. И по вступленіи Ея Императорскаго Величества въ Императорскіе покои учинится третій сигналъ тремя жъ ракетамп, которыя поставлены будутъ у дворца и потомъ выналять съ крѣпостей: съ Санктпетербургской изъ 101, а съ Адмиралтейской изъ 100 пушекъ.

17) По окончаніи оной пальбы зачнется генеральный залпъ бѣлымъ огнемъ изъ мелкаго ружья всѣми въ парадѣ будущими, а именно: отъ праваго крыла лейбгвардіи преображенскаго полку, и слѣдуетъ оный по порядку за первыя и вторыя триумфальныя ворота и назадъ даже до конца лейбгвардіи семеновскаго полку. И оныя генеральныя залпы трижды будутъ. А по послѣднемъ залпѣ всѣ полки вдругъ на караулъ поставятъ и похоть въ барабанъ ударятъ, и музыкѣ играть и напрімѣръ 10 минутъ продолжать, то сказать: «на плечо!» А потомъ всѣ офицеры и рядовые, поднявъ шляпы вверхъ махать и трижды кричать: «вивать, Елисаветъ, Великая Императрица, вивать, вивать, вивать!» И тако всѣ полки въ строю будутъ стоять, пока командующій генералитетъ, по отданіи своего всенижайшаго поздравленія, указъ о роспускѣ получить. И по полученіи онаго полки къ своимъ квартирамъ маршировать будутъ, а именно: гвардія напередъ, а

потомъ полевые полки мимо Ея Императорскаго Величества па-
лать. Тогда генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ и знаме-
нами честь предъ окнами отдавать. И по окончаніи полки въ свои
квартиры порядочно пойдуть.

18) Отъ начала пушечной пальбы даже до распущенія пол-
ковъ надлежитъ во всѣхъ церквахъ въ Санктпетербургѣ въ ко-
локола звонить и на часахъ играть.

19) Съ вечера даже до полуночи предъ Императорскимъ
домомъ предъ Невою рѣкою на театрѣ представлена быть пмѣть
преизрядная иллюминація; такожъ и во всемъ Санктпетербургѣ
всѣ дома наилучшимъ образомъ иллюминированы будутъ; и та
иллюминація продолжаться будетъ чрезъ восемь дней.

Сенатская контора «приказали: Святѣйшаго Правитель-
ствующаго Синода въ Контору сообщить вѣдніе и съ помяну-
той диспозиціи конію съ такимъ представленіемъ, чтобъ объ-
явленные въ XVII той диспозиціи пунктѣ студенты были отобраны
и пѣть ся Императорскому Величеству пѣснь къ помянутому Ея
Императорскаго Величества прибытію были выучены, а платье
на нихъ и перуки, и совѣзмъ по той диспозиціи ихъ убрать, и
мѣста пмѣ сдѣлать отъ Невскаго монастыря, изъ монастырскихъ
доходовъ». 11 ноября 1742 года.

(Рукописи Государственнаго Архива. II. 63.)

Въ архивныхъ рукописяхъ уцѣлѣла и «пѣснь», которую сту-
денты должны были пѣть при встрѣчѣ государыни.

**Стихи на прибытіе Императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы въ
Петербургъ, послѣ коронаціи, 20 декабря 1742 года.**

Пѣснь на встрѣтеніе Ея Императорскаго Величества.

1.

Гряди, нашъ свѣтъ
Елисаветъ,
Въ градъ самодержавный,
Петромъ основанный,

5 Великимъ

Во вѣки.
Гряди смѣло,
Всесчастливо;
Гряди, всѣхъ о мати,
10 Полна благодати
 И лицомъ
 И сердцемъ.
Гостя вожделѣнна,
Радости презвѣльна
15 Милости нучина,
Доброта едина,
Красота и слава,
Гряди мирна, здрава
 Въ домъ наслѣдный.

2.

20 Въ день сей велиї,
Толь веселїй,
Главу вѣщносну,
Руку скитроносну
 Яви намъ,
25 Всѣмъ рабамъ.
Яви чело
И все тѣло,
Миромъ освященно,
Порфирой почтено
30 За многу
 Честь къ Богу;
За любовь къ отчизнѣ
Во всей твоей жизни;
За то, что навѣты
35 Толь многими лѣты
Храбро всѣ терѣла,
Пока свободна
 Народъ бѣдный.

3.

Ибо міръ весь
 40 Гласитъ то днесь,
 Что лучшаго быти
 Какъ ты выну зрѣти
 Не можетъ
 Ничтоже.
 45 Ты бо страхи
 И замахн
 Всѣ прочь отвратила,
 Вѣкъ возобновила
 Сладчайшій,
 50 Дражайшій,
 Въ которомъ побѣды,
 Петровыми слѣды,
 Всякъ день падъ львомъ новы
 Безъ пролитія крови,
 55 Дщерь Екатерины,
 Счастьемъ ты едины
 Получаемъ:

4.

Гряди убо
 И сугубо,
 60 Какъ Петръ, твой родитель,
 Преславный владѣтель
 Наляцай,
 Успѣвай,
 И на люди
 65 Буди, буди,
 Царствуй презѣльно
 Вездѣ безпредѣльно,
 Богато
 И свято!

70 Сего тебѣ чины,
Мати благостыни,
Старые и млады,
Родители съ чады,
Въ стрѣчу исхождая,
75 Слѣды лобызая,
Всѣ желаемъ.

Помѣщая «пѣснь» по списку Государственного Архива, приводимъ варианты по списку Публичной Библиотеки; два изъ нихъ внесены и въ текстъ, какъ болѣе соответствующіе подлиннику по смыслу и по рѣмѣ.

A.—Рукопись Государственного Архива. II. № 63.

Q.—Рукопись Публичной Библиотеки: XIV. Q. 98. Собрание русскихъ пѣсней отъ 1767 года. (Сія книга принадлежитъ адъютанту Ивану Семенову) № 12.

-
- Ст. 14. Радости презрѣнна. (*A.*)
Ст. 16. Щедрота едина. (*Q.*)
Ст. 18. Гряди мирна здрава (*Q.*)
Ст. 31. Честь Богу (*Q.*)
Ст. 39. Ибо градъ весь (*Q.*)
Ст. 62. Наляцая (*Q.*)
Ст. 63. Успѣвая (*Q.*)
Ст. 64. И надъ лоди (*Q.*)
Ст. 66. Царствуй преспльно (*A.*)
-

Одинъ изъ тогдашнихъ стихотворцевъ изображаетъ такими чертами ликоваиіе столицы при возвращеніи государыни:

Стонетъ воздухъ отъ стрѣльбы, вѣтры громъ пронзаетъ,
Отзывъ слухъ по всѣмъ странамъ втрое отдаваетъ,
Шумъ великій отъ гласовъ слышится всемістно,
Полны улицы людей, въ площадяхъ пмъ тѣсно,
Тщится всякій упредить скоростью другаго,
Другъ ко другу говорятъ, а не слышатъ слова,
Скачутъ прямо черезъ рвы и черезъ пороги,
Пробивая насквозь до большой дороги,
Всякъ съ стремленіемъ бѣжитъ въ радостномъ семь стонѣ,
Посмотрѣть Елисаветъ въ лаврахъ и коронѣ.

(Радость столичнаго города Санктпетербурга при торжественно-побѣдоносномъ въѣздѣ Ея Императорскаго Величества всепресвѣтлѣйшія державиѣйшія великія государыни Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійскія, декабря дня 1742 года. Описана стихами чрезъ Михаила Собакина, государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ ассесора. Печатано при Императорской академіи наукъ).

Ода написана во время шведской войны и носитъ на себѣ яркіе слѣды времени своего появленія. Изъ сорока четырехъ строчъ двадцать семь имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ этой войнѣ. Многое, сказанное въ одѣ въ общихъ чертахъ и съ неизбѣжными риторическими прикрасами, подтверждается свидѣтельствами современниковъ, хорошо знакомыхъ съ ходомъ тогдашней войны. Сходство замѣчается не только въ содержаніи, но и въ самомъ тонѣ.

Побѣда русскихъ надъ «готоами», т. е. надъ шведами, является, по словамъ поэта, карою, постигнушею «дерзкаго нарушителя мира» (стих. 93). Тоже названіе дается шведамъ и въ извѣстіяхъ о войнѣ, помѣщавшихся въ газетахъ. Въ Примѣча-

ніяхъ къ Вѣдомостямъ печатался «Журналъ о происхожденіяхъ и дѣйствіяхъ побѣдоноснаго Ея Императорскаго Величества оружія, противъ *выроломнаго* непріятеля Шведа, году благополучнѣйшаго 1742». (Прим. къ Вѣд. Ч. 30 по 32, стр. 117 и слѣд.). Въ реляціи о покореніи Финляндіи: «Великое Княжество Финляндское въ высочайшее Вашего Императорскаго Величества подданство съ великимъ *мироломному* непріятелю, предъ всеѣмъ умнымъ свѣтомъ, вѣчнымъ стыдомъ и съ зѣло чувствительнымъ убыткомъ» (Прим. къ Вѣд. 1742. Ч. 82. стр. 326).

Говоря, что Всевышній отвращаетъ свой взоръ «отъ готовскихъ ослабленныхъ странъ» (ст. 101 — 102), Ломоносовъ выражаетъ ту мысль, которая неоднократно повторяется въ извѣстіяхъ о войнѣ, выходящихъ притомъ изъ шведскаго лагеря. Одинъ изъ шведовъ писалъ своему родственнику: «По кожѣ меня подираеть, въ какой генеральный страхъ наши люди пришли; хотя бы что ни говорили, то очевидно явствуетъ всемогущество Божіе, которое слѣпотою ихъ объяло, что они руки опустили. . . . Такой войны я съ роду моего не видалъ, и не желаю впредь такой же дожить; я сожалѣю о нашемъ бѣдномъ отечествѣ. . . О такой плохой войнѣ никогда не слыхивалъ, не видывалъ и не читывалъ, и желалъ бы лучше умереть, нежели въ такомъ стыдномъ состояніи себя видѣть», и т. д.

Померкла слава нѣкогда страшнаго Льва (левъ — гербъ Швеціи), и враги шведовъ не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на то, что «львовы челюсти зіяютъ» (ст. 145 — 146). Съ горькою проницею замѣчаетъ шведъ-современникъ: «насъ готскій Левъ оставилъ, хотя мы корабль по имени его за собой еще имѣемъ».

Ломоносовъ образно выражаетъ радость Финляндіи, перешедшей въ подданство Россіи (ст. 295 — 296). Сами жители Финляндіи заявляли: «Самая истина есть, что никто изъ обывателей сея земли никогда войны не хотѣлъ, которую Швеція противъ Россіи предпріяла, но отиравленными уполномоченными на сеймъ весьма тому супротивляясь, усильно требовали, дабы мы въ согласіи и въ дружбѣ съ великимъ и сильнымъ Всероссійскимъ

имперіемъ пребывать могли. . . . Нынѣ Всевышній Богъ праведное Ея Императорскаго Величества оружіе противъ шведскаго войска благословилъ, еже мы съ своей стороны за мпловствія Всемогущаго Бога знаки и защищенія поставляемъ и признаваемъ. . . Мы всѣ обязуемъ со всею подданщескою ревностію и послушаніемъ по крайней силѣ и возможности Ея Императорскому Величеству вспомогать» и т. д. (Прим. къ Вѣд. 1742. стр. 267, 268, 266, 293 и др.).

Въ одѣ своей Ломоносовъ касается и дипломатическихъ затѣй того времени — попытокъ Франціи привлечь Турцію на сторону Швецію и пригрозить султану опасностью со стороны Россіи и Персіи (ст. 115—116). Но султанъ рѣшительно отвергъ мысль о поддержкѣ шведовъ; онъ сказалъ: «Когда я былъ въ войнѣ съ Россіею, то Швеція была спокойна, а когда Франціи понадобилось Россію удержать, то Швеція начала войну. Не хочу и слышать объ этомъ шведскомъ союзѣ. Казна моя должна употребиться только въ пользу магометанства и подданныхъ моихъ, а не на помощь гяурамъ: ибѣтъ мнѣ пужды, хотя и пронадуть». (Исторія Россіи, Соловьева. 1871. Т. XXI. стр. 240).

Строгій, современный автору, критикъ произведеній Ломоносова, Сумароковъ находитъ въ этой, весьма длинной, одѣ только двѣ прекраснѣйшихъ и четыре прекрасныхъ строфы; по двадцать три такихъ, которыя или требуютъ большаго исправленія или вовсе не заслуживаютъ вниманія критики.

Державинъ въ своемъ Разсужденіи о лирической поэзіи приводитъ многія строфы этой оды, восхищаясь мастерскими приемами автора, воишѣ удовлетворяющими требованіямъ критики. Даже въ тѣхъ строфахъ, которыя отвергаются Сумароковымъ какъ весьма плохія, Державинъ видитъ силу дарованія, живость воображенія и пронпцательность ума.

Мерзляковъ: «Сія ода наполнена красотъ неподражаемыхъ: воображеніе блестящее, неисчерпаемое богатство языка, свобода,

выборъ мыслей и выраженій: все сіе безъ сомнѣнія должно казаться чудеснымъ для тогдашняго времени, потому что и нынѣ нельзя не признать онаго; но Пѣснопѣвецъ примѣтно увлекался порывами пламеннаго своего гевія. Ода слишкомъ пространна; паденія—неминуемое слѣдствіе сей неумѣренности—встрѣчаются гораздо часто; недостаетъ единства въ Одѣ и ровности, которою впрочемъ всегда отличался Ломоносовъ; искусственные, принужденные переходы—сіи средства неблагодарныя, всегда обличающія насъ въ глазахъ читателя при всемъ стараніи нашемъ скрыть ихъ—показываютъ, что Пѣснопѣвецъ писалъ ее въ разное время и не въ одинакомъ расположеніи духа».

(Груды Общества любителей русской словесности. 1817. Часть седьмая, стр. 45).

Ст. 9—10. Рит. II, III и IV. § 136 и 203: «Дѣйствіе и страданіе впитыватя рѣчи раждаютъ, когда отъ чего производится противное дѣйствіе въ той же вещи, или въ двухъ подобныхъ:

Брега Невы руками плещуть,
Брега Балтійскихъ водъ тренещуть.

Повтореніе есть многократное положеніе реченія въ предложеніяхъ, что бываетъ, когда въ началѣ каждой части періода или въ началѣ многихъ короткихъ періодовъ одно слово повторяется: «Брега Невы руками плещуть» и т. д.

Ст. 41—43. Рит. II, § 238; Рит. III и IV, § 239: «Восхищеніе есть, когда сочинитель представляетъ себя какъ изумленна въ мечтаніи пропсходящемъ отъ весьма великаго, печальнаго или страннаго и чрезъ-естественнаго дѣла. Сія фигура совокупляется почти всегда съ вымысломъ, и больше употребительна у стихотворцовъ. Сюда принадлежатъ и слѣдующіе стихи:

Священный ужасъ мысль объемлетъ!
Отверзь Олимпъ всесильный дверь.
Вся тварь со многимъ страхомъ внемлетъ,
Ст. 52. Вѣщаетъ Ветхій деньми къ Ней,

Даніил. VII, 9, 13, 22: «Зряхъ, дондеже престоли поставишася, и Ветхій денми сѣде. . . Дондеже приде Ветхій денми, и судъ даде святымъ Вышняго».

Ст. 51—54. Державинъ (VII, 562): «*Заимословіе*, или рѣчь заимообразно, такъ сказать, какому-либо существу одушевленному или неодушевленному поэтомъ данная, должна быть въ лирическомъ твореніи весьма краткою; иначе длинный посторонній рассказъ сообщаетъ лирѣ нѣкоторую холодность и сухость, дѣлая сочиненіе не только драматическимъ, но вялымъ, скучнымъ и неприятнымъ. Вотъ примѣръ заимословія:

Благословенна вѣчно буди:
Вѣщаетъ Ветхій денми къ Ней,
И все твои съ тобою люди,
Что ввѣрилъ власти Я Твоей“.

Ст. 61—64: Утѣшиль я въ печали Ноя,
Когда потопомъ мѣръ казнилъ,
Дугу поставилъ въ знакъ покоя,
И тою съ нимъ завѣтъ чинилъ.

Бытія IX, 8—17: «И рече Богъ Ноеви и сыномъ его съ нимъ, глаголя: се азъ поставляю завѣтъ мой. . . И ктому не будетъ потопъ водный, еже пстлти всю землю. . . Дугу мою полагаю въ облацѣ, и будетъ въ знаменіе завѣта между Мною и землею».

Ст. 68: Пробавилъ милость въ людяхъ сихъ,

Псал. XXXV, 11: «Пробави милость Твою вѣдущимъ Тя, и правду Твою правымъ сердцемъ».

Ст. 76: Тобой сотру сердца кичливы,

Притч. XVI, 4—5: «Нечестивіи же въ день золь погибнуть; печить предъ Богомъ всякъ высокосердый».

Ст. 75—78. Рпт. I, § 93; Рпт. II, III и IV. § 168—169: «Слова умножаются повтореніемъ тѣхъ же или присовокупле-

ніемъ однопознаменательныхъ. Повторенія знатнѣйшія виды суть четыре. Когда одно слово въ началѣ многихъ сложенныхъ идей повторяется и. п.

Тобой поставлю судъ правдивой,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой добротамъ мзду дарить. (Рит. I.)

«Слово Риторическое хотя будетъ чисто составлено, приличнымъ теченіемъ устатовлено, и украшено великолѣпно; но безъ пристойнаго движенія реченій и предложеній живности въ немъ никакой не будетъ. Сіе движеніе состоитъ въ обращеніи реченій или предложеній, которымъ слово отъ простаго отмѣняется. Таковыя движенія называются фигурами *реченій*, какъ: «Тобой поставлю судъ правдивый» и т. д. (Рит. II, III и IV.)

Ст. 71—88. Державинъ (VII, 555—556): «*Оборотъ*, или обращеніе. Когда поэтъ средь высренняго своего полета, будто задумавшись ономнивается вдругъ и обращается къ чему-либо занимательнѣйшему, дабы придать тѣмъ болѣе блеска, важности и величества своему предмету. Или, неожиданно перервавъ свою матерію, начинаетъ другую, однако сходственную, или поддерживающую прежнее его содержаніе; или вызываетъ кого-нибудь себѣ въ помощь, въ свидѣтели и проч. Это мастерская уловка, чтобы владѣть, или, лучше, на всемъ скаку умѣть обращать пламеннаго Пегаса. Надобенъ тутъ сплнный, искусный ѣздокъ, или, просто сказать, необыкновенный восторгъ. Чѣмъ круче и быстрѣе будетъ оборотъ, тѣмъ болѣе заслужить удивленія. Но при всемъ томъ, чтобъ оборотъ былъ, какъ выше сказано, къ чему-либо важнѣйшему, или превосходнѣйшему, а иначе исчезнетъ его блескъ. По сему самому требуется въ семъ извѣтїи большаго дарованія. Кажется, принадлежитъ онъ въ особенности Ломоносову. Онъ таковыми великолѣпными оборотами наполненъ, и никто изъ нашихъ пїитовъ съ нимъ въ таковыхъ не сравняется. Вотъ примѣры:

Мой образъ чтятъ въ Тебѣ народы,
 И отъ Меня вліянный духъ;
 Въ бесчисленны промчится роды
 Добротѣ Твоихъ неложный слухъ.
 Тобой поставлю судъ правдивый,
 Тобой сотру сердца кичливы,
 Тобой Я буду злость казнить.
 Тобой заслугамъ мзду дарить;
 Господствуй утверждена Мною,
 Я буду навсегда съ Тобою.
 Но что страны вечерни тмятся,
 И дождь кровавыхъ капель льютъ?
 Что Финскихъ рѣкъ струи дмятся,
 И доли съ влагой пламень пьютъ?
 Тамъ видя выше горизонта
 Входяща Готеска Фаетонта
 Противъ теченія небесъ,
 И вкругъ себя горящей лѣсъ.

Ст. 91 — 96 приводятся Державинымъ въ примѣръ «гнѣвнаго вдохновенія» (VII, 524).

Ст. 117: Цѣлуй Елисаветинъ мечъ,

Гюнтеръ: Ода на миръ съ Портою. ст. 113:

Und küsse CARLS gereitztes Schwerdt!

Ст. 125 — 126. Державинъ (VII, 561): «*Противуположности* весьма успиваютъ и украшаютъ предметы, когда поэтъ кратко и рѣзко умѣетъ ввести ихъ въ пристойномъ мѣстѣ:

Тамъ стены кровью напоенны
 Взрастили лавры намъ зелены.
 Ст. 135—140. За Обскія берега вселенны,
 Хребтомъ Рифейскимъ заключенны,
 За коимъ сильна Росска власть
 Велику держитъ востока часть,

Рифейскія горы (Rhiphaei Montes) назывались также Гипперборейскими (Hyperborei Montes): по баснословной географіи, находились на самомъ отдаленномъ сѣверѣ, гдѣ обитали Борей и другія мнояческія существа. Уральскія горы также назывались Рифейскими. Карамзинъ: «Въ пеходѣ XV столѣтія знамена Москвы уже развѣвались на сибѣжномъ хребтѣ Каменнаго Пояса или древнихъ горъ Рифейскихъ».

(Исторія Государства Россійскаго. Т. IX. гл. VI. стр. 219)

Ст. 145—146. Державинъ (VII, 563—564): «Аллегорія — иносказаніе (въ просторѣчій: отвершица), когда поэтъ, не хотя назвать вещь прямымъ ея именемъ, называетъ въ переносномъ или настоящемъ смыслѣ другою вещью и чрезъ то придаетъ возвышеніе или пониженіе своему предмету: или когда, скрывая подлинное свое о немъ мнѣніе, показываетъ принадлежностями его, какъ-бы подъ рукою, истинныя его доброты или пороки, лаская тонкимъ образомъ чьему-либо самолюбію или издѣваясь надъ онымъ, изъ коихъ послѣдній случай называется пропіею или насмѣшкою. Вотъ примѣръ насмѣшливой аллегоріи:

Орлы на тое не взираютьъ,
Что львовы челюсти зіяють“.

Ст. 161—168. Державинъ (VII, 549—551): «*Блестящія, живыя картины* — съ природою сходственные виды, которые мгновенно мягкихъ или чувствительныхъ людей поражаютъ воображеніе и производятъ заочно въ нихъ фантазію (мечты), или фантастическія чувства. Картины сіи въ лирической поэзіи должны быть кратки, огненною кистью, или одною чертою величественно, ужасно или пріятно начертаны. Вотъ примѣры ужасныхъ картинъ:

Тамъ кони бурными ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ густой,
Тамъ смерть межъ Готскими полками
Бѣжить, ярься, изъ строя въ строй,

И алчну челюсть отверзаетъ,
И хладны руки простираетъ,
Ихъ гордый исторгая духъ,
Тамъ тысячи валятся вдругъ.

Сумароковъ подсмѣивается надъ выраженіемъ: «бурныя ноги»:

Крылатый конь передъ богами
Своими бурными ногами
Сейчасъ ударитъ въ вѣчный ледъ. . .
И бурными ногами
Моря и горы и лѣса. . .

(Полное собраніе сочиненій Сумарокова. 1787. Ч. II. Оды вздорныя.
Ода III, стр. 208, 211.)

Ст. 208—210: Предъ Божимъ гнѣвомъ гвиль и тлѣнь:
Предъ нимъ и горы исчезаютъ,
Предъ нимъ пучины иссыхаютъ.

Іов. IX, 5: «Обетшай горы, и не вѣдятъ; превращай я гнѣвомъ—Онъ передвигаетъ горы, и не узнаютъ ихъ; Онъ превращаетъ ихъ въ гнѣвъ Своемъ».

Исаи LI, 10: «Не ты ли еси опустошай море, воду бездны многу — Не ты ли исушила море, воды великой бездны».

Ст. 211—218. Державинъ (VII, 551) приводитъ въ примѣръ «ужасныхъ картинъ».

Ст. 211—220, т. е. всю двадцать вторую строфу Сумароковъ относитъ къ числу «строфъ прекраснѣйшихъ».

Ст. 221—228. Рит. II. § 235; Рит. III и IV. § 236. «Изображеніе есть явственное и живое представленіе дѣйствія съ обстоятельствами, которыми оно въ умѣ, какъ самое дѣйствіе воображается, напримѣръ:

Такъ флотъ Россійскій въ Понтъ дерзаетъ,
Такъ роетъ онъ поверхъ валовъ;
Надменна бездна уступаетъ,
Стеня отъ тяжести судовъ.

Во слѣдъ за скорыми кормами
Вѣжить кипяща пѣна рвами;
Весельный шумъ, гребущихъ крикъ
Наносятъ Готамъ страхъ великъ”.

Ст. 235 — 236. Рит. I. § 92: «Пропія есть, когда предложенная идея значить противное п. п. о волкѣ: овецъ изрядный пастырь. Сей тропъ изображенъ бываетъ часто чрезъ дѣйствія въ натурѣ невозможныя п. п.

Единой цѣною звѣзды свяжетъ
И всячь итти лунѣ прикажетъ.

Ст. 241 — 250, т. е. двадцать пятую строфу Сумароковъ называетъ «прекраснѣйшею».

Ст. 251—252: Но холмы и дрѣвâ скачите,
Ликуйте множества озеръ,

Мерзляковъ: «Въ одахъ Ломоносова часто обнаруживается искусный ораторъ, располагающій оду свою по правиламъ рѣчи или разсужденія; часто строфы связываются холодными выраженіями: *но се! но что я зрю?—но горы и поля скачите! ликуйте множества озеръ!* Таковыя частыя и незанныя обращенія къ предметамъ бездушнымъ разрушаютъ очарованіе. Но если будемъ разбирать каждую строфу особенно — какая высота, сила, стремительность! Въ каждой одѣ срѣтаете вы отрывки истинно безсмертныя, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ нашей поэзіи».

(Труды Общества любителей россійской словесности. 1812. Ч. I. стр. 87—88).

Ст. 261—270. Рит. II. § 225; Рит. III. § 226: «Уступленіе или признаніе есть, когда что противникамъ уступаемъ, и изъ того наводимъ нѣчто большее, чемъ уступленное опровергается или уничтожается. Къ сему въ примѣръ служатъ и слѣдующіе стихи:

Хотябъ вы Готы возмутили
Поящи западъ быстрины,
Хотябъ на насъ вы возбудили
Союзны ваши все страны;
Но тщетны былибъ все походы:
Незнаемы вамъ народы,
Что далъ сѣвера живутъ,
Того по вся минуты ждуть,
Что имъ велитъ Елисавета,
Готовы стать противу свѣта.

Ст. 281—282: Твое прехвально имя пишеть
Неложна слава въ вѣчномъ льдѣ,

Гюнтера: Ода на миръ съ Портою, ст. 496—497:

Ich geh und gern und find ein Meer,
Dein Lob in ewig Eisz zu schreiben;

Гюнтеровскій «вѣчный ледъ» послужилъ также предметомъ насмѣшекъ для Сумарокова въ его пародіяхъ на оды Ломоносова:

Уже сталь таять вѣчный ледъ,
Судамъ дорогу отверзая. . .
Въ сей часъ ударить въ вѣчный ледъ. . .
Громъ, молніи и вѣчны льдины,
Моря и озера шумять. . .
На вѣчныхъ лютой льдахъ пожаръ. . .
(Вздорныя оды. стр. 215, 208, 207, 212.)

Ст. 288—290. «Ломоносовъ не забылъ только что полученное въ то время извѣстіе объ открытіи нашими моряками, отправленными изъ Камчатки подъ начальствомъ Беринга и Чирикова, береговъ Америки:

Къ Тебѣ отъ восточныхъ странъ слѣшать
Ужè Американски волны
Въ Камчатской портъ веселья полны“.
(Шекарекаго: Исторія Академіи наукъ. II, 334.)

Ст. 301—310. Рит. I. § 100: «Отвращеніе есть отнесеніе рѣчи отъ предложенной матеріи къ другой вещи животной или бездушной, во второмъ лицѣ глагола, и. н. вмѣсто, чтобы просто упомянуть о щастіи Невы рѣки, употреблено слѣдующее отвращеніе:

О чистый токъ Невы разливной
Щастливѣйшій вѣхъ водъ земныхъ,
Россійской что Богини дивной
Кропишь лице отъ струй твоихъ.
Стремись, шуми, теки обильно,
И быстринной твоею сильно
Промчись къ вечернимъ вилоть брегамъ,
И большій страхъ вложи врагамъ,
Въ сердца и въ слухи имъ внушая,
Что здѣсь зимой весна золотая“.

Послѣдній стихъ воспроизведенъ Сумароковымъ въ такомъ видѣ:

На сѣверѣ я виаку поддень,
У Колы Флору на лугахъ.
(Вздорныя оды, стр. 215.)

Ст. 311—320. Рит. II. § 44; Рит. III и IV. § 43: «Ежели въ періодахъ части, то есть члены, или въ членахъ подлежащія и сказуемая будутъ очень неравны, то называются они *зыблющима*. Въ слѣдующемъ двучленномъ, первыи членъ много больше втораго:

Какъ лютый мразъ весна прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ,
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ.
Вселенну паки воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля цвѣтами красить вновь;

Такъ нынѣ милость и любовь
И свѣтлый Дщери взоръ Петровой
Насъ жизнью оживляетъ новой“.

Строфу эту Державинъ приводитъ въ образецъ «сравненій, чрезвычайно оживляющихъ и украшающихъ» лирическую поэзію (VII, 564—565).

Ст. 321—330. Рит. II. § 238; Рит. III и IV. § 239. Ломоносовъ приводитъ эту строфу въ примѣръ «восхищенія»:

Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сонъ?
Еще горить во мнѣ охота
Торжественный возвысить тонъ.
Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
И купно ясный день сіяетъ!
То сердце сильна власть страшить,
То кротость разумъ мой живить!
То бодрость страхъ, то страхъ ту клонить,
Противна мысль противну гонить!

Сумароковъ въ первой «вздорной одѣ» (стр. 206):

Не сплю, но въ бодрой я дремотѣ,
И на яву зрю страшный сонъ. . . .

Ст. 329—330: То бодрость страхъ, то страхъ ту клонить,
Противна страсть противну гонить!

Ср. LXXVI. ст. 217—219:

Надежда, радость, страхъ, любовь,
Живить, крѣпить, печалить, клонить,
Противна страсть противну гонить.

Ст. 341—346. Приводятся Державинымъ въ примѣръ «заимословія» (VII, 562).

Ст. 351—360. Рит. II, III и IV. § 219: «Заимословіе бы-

ваетъ, когда то, что самому автору или представляемому отъ него лицу говорить должно, отдается другому лицу живому, либо мертвому или и бездушнѣй вещи. Почему сѣя фигура немало надлежитъ до вымысловъ:

Но рѣчь ихъ шумный гласъ скрываетъ:
Война при Готскихъ берегахъ
Съ угрюмымъ стономъ возрыдаетъ
И въ дикихъ кроется горахъ:
Союзъ возлюбленный приходитъ
И съ кротостью свой гласъ возводитъ:
„Престань прекрасный вѣкъ мрачить
„И Фински горы кровавить:
„Се царствуетъ Елисавета,
„Да миръ подастъ предѣламъ свѣта“.

Ст. 371—372: Мечи твои и копыя вредны

Я въ плуги и въ серпы скую;

Исаія. II, 4: «И раскуютъ мечи свои на орала и копия свои на серпы».

Михей. IV, 3: «И раскуютъ мечи своя на рала и сулицы своя на серпы».

Ст. 411 — 414. Рим. II, III и IV. § 153: «Косвенные вымыслы имѣютъ въ себѣ нѣкоторую оговорку, или какое нибудь умягченіе, чемъ они съ правдою сопрягаются, и къ ней ближе подходятъ, какъ въ слѣдующихъ примѣрахъ умягчаются вымыслы условіемъ:

Когда бы древни лѣта знали
Толику бодрость съ красотой;
Тобѣ храмы въ честь твою создали,
И жертвой чтилибъ образъ твой“.

Гюнтеръ въ похвальной одѣ графу Шюрку, ст. 161, 165—167:

Herr! lebtest du vor langer Zeit. . .
Dein Bildnisz müst in Ertz und Stein
Den Tempeln neue Pracht verleihn,
Und als ein Halb-Gott Opfer tragen. . .

Ст. 425—430. Рит. I. § 56; Рит. II, III и IV. § 71. «Отъ уравненія можно распространить идеи, ежели обопхъ вещей, которыя между собою уравниются, части и свойства между собою снесены будутъ (Рит. I). . . Великую силу, важность и пространство слову придаетъ уравненіе, когда уравниваемая вещь и то, съ чѣмъ она уравнивается, или которое нибудь изъ нихъ обстоятельно предлагается. (Рит. II, III, IV):

· Не такъ поля росы желаютъ,
И въ зной цвѣты отъ жажды таютъ,
Не такъ пособныхъ вѣтровъ ждетъ
Корабль, что въ тихой портъ плыветъ,
Какъ сердце наше ожидало
(Какъ сердце въ насъ къ Тебѣ пылало)
Чтобъ къ намъ лице Твое сіяло“.

ХІ.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныйя. Ода 8. стр. 138 — 145. Стрфы обозначены цыфрами.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Оды похвальныйя. Ода 8. На день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Феодоровича». Ода писана чужою рукою. Стрфы не обозначены цыфрами.

Рит. I.—Рукописная Риторика Ломоносова, 1744.

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова, въ Собраніи его сочиненій, 1759 г.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныйя. Ода 10, стр. 127—133. Заглавіе тоже, что въ *С. I.* Стрфы обозначены цыфрами.

- Ст. 8. Трава и цвѣтъ покрылись медомъ, (Рит. I. § 51.)
Листы и цвѣтъ покрылись медомъ. (Рит. II.
§ 45; Рит. III и IV. § 44.)
- Ст. 10. Поспѣшно красный вождь свѣтилъ. (Р.; Рит. I.
§ 51; Рит. II. § 45; Рит. III и IV. § 44.)
- Ст. 11. Но о небесъ яснѣйше око (Р.)
- Ст. 13. Какъ наша радость, стань высоко, (Р.)
- Ст. 17—19. И въ новомъ блескѣ сѣсть потщись
Въ горящу златомъ колесницу
Въ зенитъ ступи, прешедъ границу (Р.)
- Ст. 20. И позже въ Океанъ спустись. (С. II.)
- Ст. 45. Намъ полдень съ утромъ въ другъ сѣяетъ
(Рит. II, III и IV. § 137.)
- Ст. 46. Весна плоды и цвѣтъ являетъ, (Рит. II, III и
IV. § 137.)
- Ст. 47. Въ дражайшей всѣхъ душѣ твоей. (Р. Рит. I.
§ 80.)
Въ дражайшей младости твоей. (Рит. II, III и
IV. § 137.)
- Ст. 49. Блеснувши громъ въ полки противныхъ (Р.)
- Ст. 50. Геройскихъ изъ Твоихъ очей. (Р.)
- Ст. 51. Внесется яко кедръ высокій (Р.)
- Ст. 57. И вмѣсто твердыхъ Маврскихъ горъ (Р.)
- Ст. 69. Къ защитѣ насъ, къ противныхъ местн, (Р.)
- Ст. 82. Любовью храбрыхъ дѣлѣ плѣнень, (Рит. II. §
238; Рит. III и IV. § 239. Въ Рит. II. было написано
Ломоносовымъ: «Охотой храбрыхъ дѣлѣ плѣнень»; но
имъ же зачеркнуто слово: *охотой*, и вмѣсто него написано:
любовью.)
- Ст. 84. И древнихъ грозный видѣ временъ! (Рит. III
и IV. § 239. Въ Рит. III. было напечатано: «И *грозный
древнихъ* видѣ временъ», но Ломоносовъ въ корректурѣ
измѣнилъ порядокъ словъ.)
- Ст. 86. Кто, Наввинъ иль Самисонъ стремится? (Р.)
- Ст. 95. Одинъ трясетъ свирѣпымъ югомъ (Р.)
- Ст. 103. То насъ желанный миръ забавитъ (Р.)
- Ст. 115. Возри на кругъ земной пространный, (Рит.
II, III и IV. § 218.)

Ст. 117. Возри въ безмѣрный шаръ небесъ: (Рит. II,
III и IV. § 218.)

Ст. 122. Что свѣтъ въ Петрѣ по праву чтить; (Р.)

Ст. 127—130. Сступивъ къ тебѣ отъ горныхъ сель;
Онъ нынѣ выше звѣздъ поставлешь,
Но Петръ тебѣ по немъ оставленъ
Наслѣдникъ имени и дѣлъ. (Р.)

Ст. 136. Что вышій степенъ невозможенъ, (Р.)

Ст. 138. Яви сію хоть милость съ нами, (Р.)

Ст. 1—10. Рит. I. § 51; Рит. II. § 45; Рит. III и IV. § 44:

«Время подастъ пространную идею о терминѣ предложенныя
темы, когда его свойства, части, обстоятельства и дѣйствія сое-
динены будутъ, и. п. о лѣтѣ. (Рит. I):

Уже врата отверзло лѣто,
Натура ставитъ общій пиръ,
Земля и сердце въ насъ нагрѣто.
Колелетъ вѣтви тихъ Зефиръ,
Объемлетъ мяхкій лугъ крилами.
Крутится чистый токъ полями;
Брега питаетъ тучный иль.
Трава и цвѣтъ покрылись медомъ,
Ведеть своимъ довольство слѣдомъ
Посибно красный вождь свѣтиль».

«Періоды возрастаютъ иногда очень велики; а иногда имѣютъ
опа больше четырехъ членовъ. Напротивъ того въ нѣкоторыхъ
случаяхъ, или и всегда, по разному срѣдству и сложенію Авто-
ровъ, рѣчь состоитъ изъ весьма короткихъ и по большей части
одночленныхъ періодовъ, въ которые могутъ перемѣнены быть
долгіе чрезъ отыганіе союзовъ. Такіе періоды называются *отры-
ными*. Изъ короткихъ періодовъ состоятъ слѣдующіе стихи:
«Уже врата отверзло лѣто» и т. д. (Рит. II, III, IV).

Ст. 45—47. Рит. I. § 80: «Отъ предъидущаго и послѣдующаго производится замысловатая рѣчи, когда предъидущее время съ послѣдующимъ соединяются, и. и.

Мнѣ полдень съ утромъ вдругъ вступаетъ
Весна цвѣты и плодъ являетъ
Въ дражайшей всѣхъ душъ твоей“.

Рит. II, III и IV. § 137: «Отъ времени витѣватая рѣчи раждаются, когда противныя или разныя времена вмѣстѣ соединяются:

Намъ полдень съ утромъ въ другъ сіаетъ
Весна плоды и цвѣтъ являетъ,
Въ дражайшей младости твоей.
Ст. 51—54, 59: Возвысится какъ кедръ высокій.
Надъ сильныхъ всѣхъ Твоя глава;
Ты какъ змѣю попрешь пороки,
Пятой наступишь Ты на Льва.
И силой свыше облеченны

Псал. XXXVI, 35: Высящася яко кедры Ливанскія.

Псал. XC, 13: На аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змѣя.

Большая буква въ словѣ: *Льви* указываетъ на Швецію, гербъ которой—левъ.

Псал. XCII, 1: Облечеса Господь въ силу.

Ст. 81—84. Рит. II. § 238; Рит. III и IV. § 239. Примѣръ «восхищѣй»:

Мой духъ течетъ къ предѣламъ свѣта
Любовью храбрыхъ дѣль плѣнень,
Въ восторгѣ зрять грядущи лѣта
И древнихъ грозный видъ время!

Ст. 88—90. Державинъ (VII, 537—538): «Высокость или выпиренность лирическая есть не что иное, какъ полетъ пылкаго,

высокаго воображенія, которое возноситъ поэта выше понятія обыкновенныхъ людей и заставляетъ ихъ сильными выраженіями своими то живо чувствовать, чего они не знали и что имъ прежде на мысль не приходило. Но высотность бываетъ двоякаго рода: одна — *чувственная* и состоитъ въ живомъ представленіи вещей; другая — *умственная* и состоитъ въ показаніи дѣйствія высокаго духа. Въ одѣ могутъ быть помѣщаемы и та и другая высотность, но только поэтомъ, вкусомъ имѣющимъ, чтобы не распространить дѣйствія и тѣмъ не охладить чувствъ. Вотъ примѣръ умственной высотности:

Онъ Тигровъ челюсти терзаетъ,
Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ,
Велитъ луиъ и солнцу стать”.

Ст. 91—94: Фиссонъ шумитъ, Багдадъ пылаетъ,
Тамъ вопль и звуки въ воздухъ бьютъ,
Ассирски стѣны огонь терзаетъ,
И Тавръ и Кавказъ въ понтъ бѣгутъ.

Въ одахъ Сумарокова, которыя самъ авторъ назвалъ «вздорными» (стр. 209, 211):

Пекшиъ горитъ и Римъ пылаетъ
О свѣтской славы суета!
Троянски стѣны огонь терзаетъ. . . .
Атлантъ горитъ, Кавказъ пылаетъ. . .

Ст. 108—110: Цѣлуйтеъ громы съ тишиною;
Упейся молнія росою;
Стань рядъ планетъ въ щастливый знакъ.

Державинъ (VII, 547—548) приводитъ эти стихи въ примѣръ «новыхъ чувствъ и выраженій», которыя «поражаютъ и восхищаютъ» читателей. Другого мнѣнія былъ Сумароковъ, судя по его «вздорнымъ одамъ» (стр. 205):

Тамъ громы въ громы ударяють,
И не цѣлуютъ тишины:
Уста горящихъ тамо молній
Не упиваются росюю. . .

Ст. 115 — 120. Рпт. II, III и IV. § 218. «Указаніе есть, когда идея представляется, какъ бы она была въ самое то время въ дѣйствіи, и для бѣльшаго оной оживленія употребляются притомъ реченія указательныя, *се, вотъ, возри, смотри, здѣсь, тамъ*, и прочая:

Возри на кругъ земной пространный,
Возри на понтъ тебѣ подстланный,
Возри въ безмѣрный шаръ небесъ:
Онъ зыблется и помаваетъ,
И славу зрѣть твою желаетъ
Свѣтящихъ тьмами въ немъ очестъ“.

Ст. 125—127. Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія,
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,
Соседъ къ тебѣ отъ горныхъ мѣстъ;

Стихи эти послужили поводомъ къ рѣзкимъ выходкамъ въ расколышчѣй литературѣ.

Въ книгѣ: «Кабинетъ Петра Великаго», изданной въ 1800 году учтеръ-библіотекаремъ академіи наукъ Бѣляевымъ, сказано о мундрѣ, въ которомъ Петръ Великій былъ въ полтавскомъ сраженіи: «Взпяря на сіе простое, но всякую цѣну превосходящее одѣяніе Его Величества, не знаю, кто бы не ощутилъ достоюжнаго къ монарху сему благоговѣнія, и не сказалъ въ сердцѣ своемъ: Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія» и т. д. (стр. 35).

Въ «Собраніи отъ святаго писанія о антихристѣ», бывшемъ въ ходу у расколышниковъ, говорится: «И пакы именовася Божествомъ Россіи, якоже свидѣтельствуеть книжка «Кабинетъ Петра» л. 2: «Онъ Богъ твой, о Россія! Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія, соседъ къ тебѣ отъ горныхъ мѣстъ», ибо онъ древній

змій, сатана, прелестникъ, сверженъ бысть за свою гордыню
отъ горнихъ ангельскихъ чиновъ, сошедъ по числу своему 1666,
взявъ члены себѣ плотскія, якоже св. пишутъ Ефремъ и Ино-
литъ: «Родится сосудъ скверный отъ жены, и сатана въ него
вселится, и пачесть творити волею своею».

(Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей руссійскихъ. 1863.
Книга первая. Смѣсь, стр. 60—61.)

Ст. 128, 130: Онъ нынѣ въ вѣчности сіяетъ.

Среди Героевъ, выше звѣздъ.

Ср. LXXVI (Ода 25 ноября 1752 г.). ст. 131—133:

О вы Россійски Героини,
Что въ вѣчности превыше звѣздъ
Сіяете уже Богини,

LIV (Ода 27 августа 1750 г.). ст. 165—167:

Востокъ и западъ наполняетъ
Хвалою Твоей, и возвышаетъ
Твои щедроты выше звѣздъ.

ХІІ.

ТЕКСТЪ.

Три оды парафрастическія псалма 143, сочиненныя чрезъ трехъ стихотворцовъ, изъ которыхъ каждой одну сложилъ особливо. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи наукъ. 1744. Стрфы отдѣлены одна отъ другой * * *

ВАРІАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочиненій Ломоносова, 1751 года. Рукою Ломоносова: «Ода 6 (зачеркнуто: 3) Преложеніе псалма 143». Все остальное — чужою рукою.

С. I.— Собрание разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова. Книга первая 1751. Оды духовныя. Ода 6, стр. 28—31.

С. II.— Собрание разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. . . . Михайла Ломоносова. Книга первая. 1757. Оды духовныя. Ода 6, стр. 22—25. Въ *С. I.* и въ *С. II.* стрфы обозначены цифрами.

Ст. 11. И такъ его ты почитаешь, (С. I. и С. II.)

Ст. 13. Онъ утро, вечеръ, ночь и день (Р., С. I., С. II.)

Ст. 15. И такъ вся жизнь его проходитъ, (Р., С. I., С. II.)

- Ст. 16—17. Подобно какъ пустая тѣнь.
Склони, Виздигитель, небеса. (Р., С. I, С. II.)
- Ст. 19. Да пакы на землѣ явятся (Р., С. I, С. II.)
- Ст. 21. И моліею твоею блесни, (Р., С. I, С. II.)
- Ст. 22. Рази отъ странъ гремящихъ стрѣлы, (С. I, С. II.)
- Ст. 24. Какъ бурей оныхъ разжени. (Р.)
Какъ бурей плевы разжени. (С. I, С. II.)
- Ст. 28—31. Спаси меня отъ многихъ водъ.
Вѣщаетъ ложъ языкъ враговъ,
Десница ихъ сильна враждою,
Уста обильны суетою; (Р., С. I, С. II.)
- Ст. 32. Скрываютъ въ сердцѣ злобный ковъ. (С. I, С. II.)
- Ст. 38. Давида въ крѣпости прославльшу, (Р.)
Что крѣпостью меня прославиль, (С. I, С. II.)
- Ст. 39. Отъ лютаго меча избавиль, (С. I, С. II.)
- Ст. 40. Что врагъ вознесъ рукою своею. (Р., С. I, С. II.)
- Ст. 50. Не тщетно овцы ихъ плодятся, (Р.)
Несчетно овцы ихъ плодятся, (С. I, С. II.)
- Ст. 54. Вездѣ столпами укрѣпленныхъ, (Р., С. I, С. II.)
- Ст. 58. Но тѣ свѣтлѣе веселятся, (Р., С. I, С. II.)

Три парафрастическія оды напечатаны въ августѣ 1743 года, подъ наблюденіемъ Тредьяковскаго, по «письменному и устному извѣстію» генераль-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкаго.

(Матеріалы для біографіи Ломоносова; собр. акад. Билярскимъ. 1865. стр. 50.)

Предисловіе написано Тредьяковскимъ. Читателямъ, знавшимъ «свойства и духъ» авторовъ, предоставлялось узнать, кому изъ нихъ принадлежитъ какая ода. Написанная Ломоносовымъ помѣщена на стр. 19—22 подъ названіемъ: «Ода третія іамбіческая». Что она несомнѣнно принадлежитъ Ломоносову, видно

уже изъ того, что онъ самъ ее помѣстилъ въ Собраніи своихъ сочиненій. «Ода первая іамбическая» написана Сумароковымъ; «ода вторая хорейская» — Тредьяковскимъ.

ДЛЯ ИЗВѢСТІЯ.

Будучи по случаю совокупно сихъ слѣдующихъ Одъ Авторы, имѣли довольной между собою разговоръ о Россійскихъ Стѣхахъ вообще, которые нынѣ, послѣ какъ начали исправлять ихъ охотники, уже въ совершеннѣйшемъ видѣ, и съ пріятнѣйшимъ слуху Стопъ падеи́емъ, нежели какъ старые бесстопные были, производятся отъ Писателей искусныхъ въ Стѣхотвореніи. Разговоръ ихъ былъ нѣкоторой родъ спора, въ рассужденіи, такъ называемыхъ двусложныхъ Стопъ, Хорей и Іамба, которыми нынѣ составляются Россійскіе Стѣхи.

Нѣкоторой *) изъ нихъ такое имѣлъ мнѣніе, что Стопа, называемая Іамбъ, высокое сама собою имѣетъ благородство, для того что она возноится съ низу въ верхъ, отъ чего всякому чувствительно слышна высота ея и великолѣпіе, и что, слѣдовательно, всякой Героической Стѣхъ, которымъ обыкновенно благородная и высокая матерія поется, долженствуетъ состоять сею Стопою; а Хорей, природы нѣжность и пріятную сладость имѣющей самъ же собою, по его мнѣнію, долженъ токмо составлять Элегической родъ Стѣхотворенія, и другіе подобныя, которые нѣжныхъ и мягкихъ требуютъ описаній, потому что онъ съ верху въ низъ упадаетъ, чемъ больше показываетъ нѣжную умильность, нежели высоту и устремительное теченіе.

Другой **) прекословилъ сему, и предлагалъ, что некоторая изъ сихъ Стопъ сама собою не имѣетъ какъ благородства, такъ и нѣжности; но что все сіе зависитъ токмо отъ изображеній, которыя Стѣхотворецъ употребляетъ въ свое сочиненіе, такъ что

*) т. е. Ломоносовъ.

**) т. е. Тредьяковскій.

Іамбомъ состоящей Стіхъ равно изобразить слаткую пѣжноть, когда пѣжнія слова приберутся, и Хореемъ высокое благородство, ежели Стіхотворецъ употребитъ высокія и благородныя рѣчи.

Сіе оны утверждалъ еще, что Хорей и Іамбъ коль себѣ ни противны діаметрально, для того что первый состоитъ изъ долгаго да краткаго слоговъ, а второй изъ краткаго да долгаго; однако сіе ихъ сопротивленіе другъ другу не толь есть непріятельское явно, что бы они не имѣли между собою согласія и дружбы тайно: ибо чистымъ Іамбомъ состоящей Стіхъ, ежели токмо одинъ самый первый слогъ сего Стіха тише обыкновеннаго голосомъ произнесется, имѣеть состоять въ тожъ самое время чистымъ Хореемъ; также, буде Стіхъ составленъ чистымъ Хореемъ, то типайшимъ произношеніемъ перваго его одного токмо слога, составитя оны совокушно чистымъ Іамбомъ.

Отъ сего оны наводилъ, что союзъ между сими обѣими Стопами долженствуетъ быть не заключенной, но природной и братской; а слѣдовательно, когда Іамбъ природы имѣеть высоту, то совокушно имѣеть оную и Хорей; когдажъ въ Хорей также природная есть пѣжноть, то все участіе въ ней по праву должно и Іамбу, и для того какъ Хорей пѣженъ и высокъ, такъ Іамбъ высокъ и пѣженъ.

Въ рассужденіяхъ того, что первый приписывалъ чувствительное благородство Іамбу для того, что оны съ низу въ верхъ восходитъ, а Хорейю умилность для сего, что оны противно ему падаетъ, сей второй говорилъ, что ежелибъ Іамбъ былъ высокъ и благороденъ, то бы Хорейю, какъ по прямой линіѣ противному, надлежало быть нѣсколько, или довольно ниску и подлу, а не умилну и пѣжну; и что ежели бы восхожденіе съ низу въ верхъ въ Стопѣ было точнымъ знакомъ благородства, а паденіе съ верху въ низъ умилности, то бы Гомеровою Іліадѣ, и Віргіліевою Энеідѣ, двумъ нависочайшимъ Героическимъ Поэмамъ, должно было состоять Анапестами, которые также восходятъ съ низу въ верхъ, а не Дактілями, которые падаютъ съ верху

въ низъ, даромъ что ихъ количество слоговъ не состоитъ въ возвышеніи и пониженіи гóлоса, то есть въ различіи тóна, но въ протяженіи и сокращеніи онаго, то есть въ медлѣнномъ и скоромъ произношеніи: ꙗко сїа ихъ долгота и краткость мѣряющаяся временемъ, всячески не могла бытъ безъ возвышенія и уиженія гóлоса, инако бы во всякомъ ихъ Стѣхѣ была токмо Монотонія, которой и въ Прозѣ, то есть не въ ꙗзической рѣчи, бытъ непристойно, хотя въ ней и пѣтъ пѣнія, а они Стѣхи свои произношеніемъ иѣли, то есть, быль у нихъ въ нихъ нѣкоторой родъ музыки, но въ музыкѣ Монотоніи, то есть, одному звону гóлоса, нѣтъ мѣста, и бытъ ей тамъ безъ различія гóлоса, по крайней мѣрѣ двустепеннаго, странно. А понеже не Дидаксы, но Дактили употреблены отъ сихъ великихъ Стѣхотворцовъ; того ради, или каждая Стопа ни благородна ни пѣжна собою, или всякая и благородна и пѣжна совокупно. Къ томужь, какъ восхожденіе, или вознесеніе въ Іамбѣ не непрерывное, по токмо векокъ смѣшенный съ скокомъ, такъ въ Хорей спехожденіе, или спенаденіе не все продолжающееся, по также скокъ смѣшенный съ векомъ: И такъ, наконецъ, обѣ сїа Стопы по всему себѣ равны, такъ что одна предъ другою никакóва преимущества имѣть не можетъ, когда онѣ токмо сами въ себѣ, и къ словамъ не приложенныя, рассматриваются.

На сїе третій *) пзъ ихъ же предлагаль, что и онъ въ Іамбѣ находитъ высоту, благородство и живность; а въ Хорей, кромѣ пѣжности, ничего не видигъ, и что ему въ Іамбическихъ Стѣхахъ рѣчь важнѣйшею кажется: ꙗко Іамбъ, говоритъ онъ, возвышая свой гóлосъ, нѣсколько гордости являетъ, а Хорей упадая, точно изображаетъ любовническое въздыханіе. И такъ Іамбъ ужѣ имѣеть теперь двухъ защитниковъ, и слѣдовательно два гóлоса; а Хорея защищаетъ одинъ токмо гóлосъ.

Но чтобъ не показалось, что двое одного хотять преодолѣть, и что при томъ сїе дѣло не можетъ рѣшиться большинствомъ,

*) т. е. Сумароковъ.

чтобъ позволено такъ сказать, голосовъ: того ради онъ рассуждаетъ, сочинить все́мъ тремъ нѣкоторой высокою родъ Стѣхотворенія, а именно Оду, а для сего выбрать одинъ Псаломъ изъ Псалтыри.

Находящему въ Хоревъ съ нѣжностію и благородство, сочинить бы Оду Хореическую; а стоящимъ за Іамбическую токмо высокость, составить Одическіе свои Стѣхи Іамбомъ. Черезъ сіе тотчасъ объявится, имѣеть ли Хорей при нѣжности высокость, а Іамбъ при высокости нѣжность.

Защитникъ Хорея, какъ прочіе оба его называли, хотѣлъ было пространіе доказывать, что мнѣше его не въ томъ состоитъ, чтобъ онъ приписывалъ точно обѣмъ симъ Стопамъ нѣкоторое особенное свойство высоты, или нѣжности, но по положенію токмо, то есть, буде Іамбъ собою высокъ, то онъ совокупно собоюжъ и нѣженъ; а буде Хорей собою нѣженъ, то онъ также притомъ и высокъ: ибо впрочемъ не признаваетъ онъ, какъ говорилъ выше, ничего сего въ Стопахъ, но причитаетъ все разности словъ. Но оба прочіе не хотѣли отъ него ничего больше слышать, да токмо склонили его къ тому, чтобъ ему сочинить Оду Хореическую, и выбрали себѣ на сіе Псаломъ сто сорокъ третій. Сей есть случай и причина сихъ трехъ Одъ, двухъ Іамбическихъ, а одной Хореической, которыя нынѣ Свѣту подаются.

Однако подаются онѣ Свѣту не въ такомъ намѣреніи, чтобъ рассмотреть и опредѣлить, которой изъ нихъ лучше и великолѣпнѣе вознесся. Сіе предпочтеніе могло бы имъ быть все́мъ тремъ обидно: ибо праведно есть, что все́ трое не подымъ искусствомъ сочинили свои Стѣхи, и что труднѣй и прерывнѣй разумъ Псалма совершенно они изобразили. Чувствительная токмо разность ихъ жара и изображеній, а удивительное согласіе разума здѣсь предлагается, и отъ сего заключается, что все́ добрые Стѣхотворцы коль ни разны въ особености остроты своихъ мыслей и силу различаютъ, однако въ обществѣ въ одинъ пунктъ сходятся, и чрезъ то отъ должнаго себѣ центра не отходятся. Чрезъ сіе самое распознаются многіе дряхлые на Парнассъ ползущіе,

которые и свои мысли не ясно иногда словами изображаютъ, и Стѣхомъ весьма не гладкимъ и не правильнымъ, и въ одной матеріи разны, и въ разности больше надлежащаго другъ отъ друга далеки, для того что не знаютъ, гдѣ ихъ пунктъ неподвижный, и цѣль, въ которую бы мѣтить.

Чтожъ еще до сихъ Оды Писателей; ихъ токмо всѣхъ тропхъ имена здѣсь объявляются, то есть, что Авторы сїи именно: Александръ Сумароковъ Генеральсь-Адъютантъ, Міхайла Ломоносовъ Адъюнктъ при Академіи, да тояжъ Академіи Секретарь Васілей Тредіаковскій. Но которой изъ нихъ которую Оду сочинилъ, о томъ умалчивается: знающіе ихъ свѣйства и духъ тотчасъ узнаютъ сами, которая Ода чрезъ котораго сложена.

А чтобъ, напоследокъ, Читателямъ не имѣть нѣкоторыя неудобности въ томъ, что, читая можетъ быть за благо рассудится кому слыхать Оды съ самымъ подлиннымъ Псалмомъ, а не имѣя вскорѣ Псалтири при себѣ, можетъ онъ лишиться сего удовольствія: того ради вносятся сюда оный Псаломъ весь точно.

ПСАЛОМЪ 143.

Благословенъ Господь Богъ мой, научаяи рудѣ мои на ополченіе, персты мои на брашь.

Милость моя и прибѣжище мое, заступникъ мой и избавитель мой, защититель мой, и на него уповахъ, повинуйи люди моя подъ мя.

Господи, что есть человекъ, яко познался еси ему? или слышь человекъ, яко вмѣняеши его?

Человекъ суетѣ угодился, днѣ его яко сѣнь переходятъ.

Господи, преклони небеса и снуди, коснися горамъ, и воздымаются.

Блесни молію, и разженеши я, послѣ стрѣлы твоя, и смятеши я.

Посли руку твою въ высоты, и изми мя, и избави ми отъ водъ многихъ, изъ рукѣ сыновъ чужихъ.

Ихже уста глаголаша суету, и десница ихъ, десница неправды.

Боже, иѣсь нову воспою тебѣ, во Псалтири десятоструннѣмъ пою тебѣ.

Дающему спасеніе Царемъ, избавляющему Давида раба своего отъ меча люта.

Избави ми, и изми мя изъ рукѣ сыновъ чужихъ: ихже уста глаголаша суету, и десница ихъ, десница неправды.

Ихже сынове ихъ яко новосажденія водруженнаи въ юности своей:

Дщери ихъ удобрены, преукрашены, яко подобіе храма.

Хранилища ихъ исполнена, отрыгающая отъ сего въ сіе. Овцы ихъ многоплодны, множащіяся во исходницахъ своихъ *).

Волове ихъ толсти. Нѣсть паденія оплоту, ниже прохода, ниже вопля въ стогнахъ ихъ.

Ублажиша люди, имже сія суть. Блажени людѣ, имже Господь Богъ ихъ.

ОДА ПЕРВАЯ ІАМБИЧЕСКАЯ.

Благословенъ Творецъ вселенны,
Которымъ днесъ я ополченъ!
Се руки нынѣ вознесенны,
И духъ къ побѣдѣ устремленъ:
Вся мысль къ Тебѣ надежду правитъ;
Твоя рука меня прославитъ.

* * *

*) Псал. СХІІІ, 13: «Да будутъ житницы наши полны, обильны всякимъ хлѣбомъ».

Защитникъ слабая сей груди,
Невидимой своей рукой!
Тобой почтутъ мойя людн
Подверженны подъ скипетръ мой.
Правитель бесконечна вѣка!
Кого Ты поминишь! человѣка.

* * *

Его весь вѣкъ какъ тѣнь преходить:
Всѣ дни его, есть суета.
Какъ вѣтеръ пыль въ ничто преводить;
Такъ гибнетъ наша красота.
Кого Ты, Творче, вспоминаешь!
Какой Ты прахъ днесь прославляешь!

* * *

О Боже! рцы мѣстамъ небеснымъ,
Гдѣ Твой божественный престоль,
Превышше звѣздъ верхамъ безвѣснымъ,
Да приклонится въ пскій доль:
Спустися, да долы освятятся;
Коснися горамъ, и воздымятся.

* * *

Да свѣркнуть молни, громъ Твойя грянетъ,
И взыдетъ вихрь изъ земныхъ нѣдръ;
Рази врага, и не востанетъ;
Пронзи огнемъ ревущій вѣтръ;
Смяти его пустивши стрѣлы;
И дай покой въ мойя предѣлы.

* * *

Простри съ небесъ Свою збѣницу,
Избавь мя отъ враговъ моихъ;
Подай миѣ крѣпкую десницу,

Изми мя отъ сыновъ чужихъ :
Разрушь бунтующи народы,
И стануть брань творящи воды.

* * *

Не приклони къ ихъ ухо слóву:
Дѣла ихъ гнусны предъ Тобой.
Я воспою Тебѣ пѣснь нову,
Взнесу до облакъ голосъ мой,
И восхваляю Тя пѣснью шумной
Въ моей Псалтирѣ многострунной.

* * *

Дающу области, державу,
И царскій на главу вѣнецъ,
Царемъ спасеніе и славу.
Премудрый всѣхъ судьбъ Творецъ!
Ты грознаго меча спасаешь,
Даешь побѣды, низлагаешь.

* * *

Какъ гроздь рососою напоенный,
Сыны ихъ въ юности своей;
И дщери ихъ преукрашенны,
Подобьемъ красоты церквей:
Богаты, славны, благородны;
Стада овецъ ихъ многоплодны.

* * *

Воли въ лугахъ благоуханныхъ,
Во множествѣ слатчайшихъ травъ,
Спокоясь отъ трудовъ имъ данныхъ,

И весь ихъ скоть пасомый здравъ:
Нѣтъ вопля, слезъ, и нѣтъ печали,
Которыбъ ихъ не миновали.

* * *

О! вы щастливые народы,
Имущеи такую часть!
Послушны вамъ земля и воды,
Надъ всѣмъ, что зрите, ваша власть:
Живущее по Творчей волѣ,
Еще сто кратъ щастливы болѣ.

ОДА ВТОРАЯ ХОРЕИЧЕСКАЯ.

Крѣпкій, чудный, бесконечный,
Полнь хвалы, преславный весь,
Боже! Ты единъ превѣчный,
Сый Господь вчера и днесь:
Непостижный, неизмѣнный,
Совершенство пресовершенный,
Неприступна окружень
Самъ величества лучами,
И огньальныхъ слугъ зарями,
О! будь вѣкъ Благословенъ.

* * *

Кто бы толь предивно рѣки
Безъ Тебя мнѣ ополчилъ?
Кто бы пращу, а не лѣки,
Въ брань направить научилъ?
Ей бы мечъ извлечь я тщетно,

Ни коньемъ сразилъ бы мѣтно,
Будебъ Ты мнѣ не помогъ,
Перетовъ трещеть ободрия,
Слабость мѣнцы укѣбилая,
Силь Господь и правды Богъ.

* * *

Нынѣ кругъ земный да знаеть
Милость всю ко мнѣ Его;
Духъ мой твердо уповаеть
На Заступника Сего:
Онъ Защитникъ, Покровитель,
Онъ Прибѣжище, Хранитель.
Повнуя родъ людей,
Даль Онъ крайню мнѣ владѣти,
Даль правительство имѣти,
Чтобъ народъ прославить сей.

* * *

Но смотря мою на подлость,
И на то, что бѣднѣ и малъ,
Прочихъ видя верьхъ и годность,
Чтожъ ихъ жребій не избралъ,
Вышняго судьбѣ дивлюся,
Такъ глася, въ себѣ стыжуся:
Боже! кто я нища тварь?
Отъ когожъ и порождешный?
Пастухомъ опредѣленный!
Какъ? О! какъ могу быть Царь?

* * *

Толь ничтожну, а познался!
Червя точно, а возвелъ!
Благъ и щедръ мнѣ показался!
И по сердцу избобрѣлъ!
Лучшель добрыхъ и великихъ?

Лучше ли я мужей толиких?
Ахъ! и весь родъ смертныхъ пасъ,
Гнилъ и прахъ есть предъ Тобою;
Жизнь его тѣшь съ суетою,
Дни и ста лѣтъ, токмо часть.

* * *

Ей! злыхъ всяко истребишь:
Преклони же звѣздный сводъ,
И коль яро громъ катаешь
Осмотри, снпшедь, злой родъ;
Лишь коснись горамъ, вздымаются;
Лишь пролей гнѣвъ, убоятся;
Грозну молнію блесни,
Тотчасъ сонмъ ихъ разженеши,
Тучей бурныхъ стрѣлъ смятеши:
Возъярись, не укосни.

* * *

На защиту мнѣ смиренну
Руку Самъ простри съ высотъ,
Отъ враговъ же толь презрѣшу,
По великости щедротъ,
Даруй способъ, и избавлюсь;
Вознеси рогъ, и прославлюсь:
Родъ чужихъ, какъ буйнъ водъ шумъ,
Быстро съ воплемъ набѣгаетъ,
Немощь оиъ мою ругаетъ,
И прѣмлетъ въ баснь и глумъ.

* * *

Такъ языкомъ и устами
Сей злословитъ въ суетѣ;
Злой скрежещетъ и зубами,
Слѣпо зрясь на высотѣ;
Смѣло множествомъ гордится;

Храбро оруженъ красится:
А десница хищныхъ сихъ,
Есть десница неправдива;
Душъ ихъ скверность печестива:
Тѣмъ спаси мя отъ такихъ.

* * *

Боже! воспою пѣснь нову,
Вѣкъ Тебѣ благодаря,
Арфу се держу готову,
Звонъ вѣуши и гласъ Царя:
Десять струнъ на ней звенящихъ,
Стройно и красно гласящихъ
Славу Спаса вѣхъ Царей;
Спаса и рабу Давїду,
Смертну страждущу обиду
Лютыхъ отъ меча людей.

* * *

Преклопсь еще мольбою,
Ту къ Тебѣ теперь лїю,
Сокрушенъ надъ нищъ главою,
Перси, зри, мой бїю:
О! чужихъ мя отъ полчища
Самъ избави скоро нища.
Рѣзвъ языкъ ихъ суета,
Въ праву руку къ нимъ вселпась,
И лукавно расширилась,
Хищна вся неправота.

* * *

Сїи славу полагають
Токмо въ множествѣ богатствъ,
Духъ свой гордо напыщають
Велѣбныхъ отъ изрядствъ:
Всѣ красуются сынами,

Больше какъ весна цвѣтами:
Дщерей всѣхъ прекрасныхъ зрять,
Въ златѣ, нѣжно намащенныхъ,
Толь нѣтъ храмовъ пещерныхъ:
Тѣмъ о Вышнемъ не радять.

* * *

Ихъ сокровище обильно,
Недостатка нѣтъ при немъ,
Льетъ довольство всюду сильно,
А избытокъ есть во всемъ:
Овцы въ полѣ многоплодны,
И воловъ стада породны;
Ихъ оградамъ не лъзя пасть;
Татю вкрасться въ тѣ не можно;
Все тамъ тихо, осторожно;
Не страшитъ путей напасть.

* * *

Васъ толь щастіемъ цвѣтущихъ
Всякъ излишно здѣсь блажитъ;
Маль чтитъ и велкъ идущихъ,
Уступаякъ путь, дрожитъ.
О! не вы, не вы блаженны,
Вы коль ни обогащенны:
Токмо тотъ народъ блаженъ,
Богъ съ которымъ пребываетъ;
И которой Вѣчна знаетъ,
Сей есть всѣмъ преукрашенъ.

Въ первый разъ ода Ломоносова напечатана въ брошюрѣ
(двадцать двѣ страницы въ четвертую долю листа), вышедшей въ
свѣтъ подъ такимъ названіемъ и съ такимъ эпиграфомъ:

ТРИ ОДЫ
ПАРАФРАСТИЧЕСКІЯ
ПСАЛМА 143
СОЧИНЕНІЯ
ЧРЕЗЪ
ТРЕХЪ СТИХОТВОРЦОВЪ
ИЗЪ КОТОРЫХЪ
КАЖДОЙ ОДНУ СЛОЖИЛЪ ОСОБЛИВО.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
СІОЮССХЛІV.

Sic honor, et nomen diuinis Vatibus, atque
Carminibus venit. . . .

Horat. de Art. poet. vers. 400 et 401.

ТО ЕСТЬ:

Симъ образомъ искусныя Стихотворцы, я ихъ
Стихи, честь и славу себѣ получаютъ.

Горац. о Наук. Стихотвор. ст. 400 и 401.

За введеніемъ: «для извѣстія» въ брошюрѣ помѣщены: славянскій текстъ псалма 143, ода Сумарокова, ода Тредьяковскаго и наконецъ ода Ломоносова.

Перелагая псалмы, Ломоносовъ шель отчасти по пути, предложенному Симеономъ Полоцкимъ, съ трудомъ котораго онъ

ознакомился въ самой ранней юности. Притомъ въ самомъ способѣ переложения псалмовъ Ломоносовымъ есть нѣкоторыя черты, указывающія на знакомство его съ приемами Симеона Полоцкаго. Поэтому въ примѣчаніяхъ къ «духовнымъ одамъ» Ломоносова мы помѣщаемъ какъ славянскій подлинникъ, такъ и переложеніе Симеона Полоцкаго.

Благословенъ Господь Богъ, рудѣ научай
Моя на бой, и персты на брань наставляй.
Онъ мое прибѣжище, милость, избавитель
Онъ мой заступникъ въ брани и скоръ защититель.
На него азъ уповахъ: онъ ми покорилъ есть
Люди моя, и вожда имъ мя сотворилъ есть.
Боже, что есть человѣкъ, яко Ты оному
Даль еси Тебе знати, суцу мертвешному,
Или что сынъ человѣчь, яко его чтитиши?
Человѣкъ есть подобенъ суетѣ, самъ зрѣши:
Дніе его, яко сѣнь, скоро претекають,
Лѣта, якоже облакъ, мимо прелѣтають.
Господи, склони небо, спедь, горамъ коснися,
Да воздымаются; страшень въ молніихъ явися,
Блесни, а нечестивыхъ полки разженеши;
Посли стрѣлы острыя, а врага смятеши;
Посли руку Ти свыше, изми мя, избави
Отъ водъ многъ, изъ рукъ чуждыхъ, свободна постави,
Ихже языкъ суету многу глаголаше,
И сила ихъ десница неправости бяше.
Боже, иѣспь нову Тебѣ ямамъ восигъвати,
Десятострунну псалтирь персты пребивати,
Спасающу Ти цари, и мене избавлшу
Отъ меча люта, сплу въ побѣду давшу.
Избави мя, изми мя изъ рукъ людей страшныхъ
Отъ хуленія многа устъ необузданныхъ,
Ихъ бо языкъ суету многу глаголаше,

И сила ихъ десница неправости быше.
Ихже сынове, яко новосажденія,
Въ юности своей полни всеукрашенія;
Ихже дщери блистають зѣло удобрены,
Яко храмъ красноцвѣтный лѣно украшены
Хранилища ихъ полна, даже отрыгають;
Овцы ихъ многоплодны на поляхъ играють,
Множащесе въ тысящи, во своихъ пещодѣхъ,
Веселіе творяще держащымъ о плодѣхъ.
Волове ихъ суть толети; стѣны не падають,
Прохода никомуже удобна подають.
Въ стогнахъ ихъ рыданіе и вопль не бываетъ,
Всякъ спце живущія блаженны вѣщаетъ.
Но во правду блаженни людіе бываютъ,
Иже Бога праваго за Бога си знаютъ.

(Псалтирь, рѣшмы преложенная, Симеона Полоцкаго. Въ лѣто отъ сотворенія міра 7188, отъ Р. X. 1630.)

«Три оды парафрастическія», составляющія «необыкновенную библиографическую рѣдкость», перепечатаны академикомъ А. А. Кушикомъ въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ. 1865. Ч. II, стр. 419—434.

ХІІІ.

ТЕКСТЪ.

Рит. ІІІ.—Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г. § 270. Стрoфы не обозначены цифрами, а отдѣлены одна отъ другой звѣздочками.

ВАРІАНТЫ.

Рит. ІІ.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747. § 269. Стрoфы также отдѣлены одна отъ другой звѣздочками.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Оды духовныя. Ода 9. Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сѣянія.» Все писано чужою рукою; только въ заглавіи слово: *великаго* приписано самимъ Ломоносовымъ.

С. І.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды духовныя. Ода 10. стр. 44—46. Заглавіе то же, что и въ *Р.* Стрoфы обозначены цифрами.

С. ІІ.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды духовныя. Ода 10. стр. 34—36. Заглавіе то же, что въ *Р.* и *С. І.* Стрoфы обозначены цифрами.

- Ст. 2. Поля покрыла мрачна ночь; (Р., С. I и II.)
- Ст. 4. Лучи отъ насъ склонились прочь; (С. I и II.)
- Ст. 11—12. Теряеть такъ мой умъ себя
 Смущень пространство то смотря. (Р.)
 Такъ я въ сей безднѣ углублень
 Теряюсь, мыслями утомлень! (С. I и II.)
- Ст. 18. Вездѣ такъ сила естества. (Рит. II. § 269.)
 Тамъ равна сила естества. (С. I. и II.)
- Ст. 28. Являеть оныя уставъ. (Рит. II. § 269.)
- Ст. 29. Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ; (Р., С. I
 и II.)
- Ст. 30. Скажите, что насъ такъ мятеть? (С. I и II.)
- Ст. 34. Стремится отъ земли въ ценить? (Рит. II. § 269.)
- Ст. 35. Какъ быть тому, чтобъ мерзлой паръ (Рит. II.
 § 269.)
- Ст. 39. Склонясь чрезъ воздухъ къ намъ густой; (Рит.
 II. § 269.)
- Ст. 41—42. Иль вѣтъ по морю Зефиръ,
 И движется отъ волнъ Еоиръ. (Рит. II. § 269.)
- Ст. 48. Скажитежъ, коль великъ Творецъ! (С. I и II.)

«Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ» написано въ 1743 году, по свидѣтельству самого Ломоносова. Въ Словѣ о явленіяхъ воздушныхъ онъ говоритъ: «Франклинова догадка о сѣверномъ сіяніи отъ моей теоріи весьма разнится. Сіе мое слово было уже почти готово, когда я о Франклиновой догадкѣ увѣдалъ. Сверхъ сего ода моя о сѣверномъ сіяніи, которая сочинена 1743 года, а въ 1747-мъ году въ Риторикѣ напечатана, содержитъ мое давнѣйшее мнѣніе, что сѣверное сіяніе движеніемъ Еоира произведено быть можетъ».

(Торжество Академіи наукъ въ честь восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, празднованное 26 ноября 1753 г. Слово о явленіяхъ воздушныхъ отъ электрической силы происходящихъ, предложенное отъ Михайла Ломоносова. Изъясненія надлежащія къ Словоу о электрическихъ воздушныхъ явленіяхъ, стр. 72).

Напечатано въ первыйъ разъ въ Риторикѣ Ломоносова, 1748 года. Рит. III, § 270: «Вмѣсто причины можно положить распространеніе какой нибудь Идеи, которая имѣеть принадлежность къ терминамъ, составляющимъ посылку, какъ въ сей Епиграммѣ: *Тварей исследовать не можемъ, следовательно и Творецъ есть не постижимъ*, распространить можно Идею о почвѣ, о мирѣ и о сѣверномъ сіяніи, что учинено въ слѣдующей одѣ:

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла влажна ночь, и т. д.

Приводится вся ода, которая вполнѣдствіи названа Ломоносовымъ: «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ».

По замѣчанію академика Пекарскаго «это одно изъ немногихъ вполнѣ самобытныхъ стихотвореній Ломоносова и притомъ — плодъ свободнаго творчества»; оно «справедливо считается однимъ изъ лучшихъ въ этомъ родѣ произведеній нашего писателя, самымъ блестящимъ его стихотвореніемъ». (II, 345—346).

Оно послужило основою для изображенія Ломоносова на памятникѣ, поставленномъ ему въ Архангельскѣ. Проектъ памятника принадлежитъ ректору академіи художествъ Мартосу. «Идею для составленія сего монумента художникъ почерпнулъ изъ оды Ломоносова: *Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ при слушаніи великаго сѣвернаго сіянія*. По словамъ Мартоса, Ломоносовъ представленъ стоящимъ на сѣверномъ полушаріи для означенія, что есть сѣверный поэтъ, и взирающимъ на величественное небесное явленіе съ восторгомъ и удивленіемъ; гений или ангельскій разумъ подаетъ ему лиру для воспѣтія сихъ безсмертныхъ стиховъ:

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мыслями утомленъ!

Въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Ивалиду»
на 1838 годъ (№ 32, стр. 627) помѣщено:

Вечернее размышленіе о Божіемъ величіи, соч. Ломоносова,
переложенное въ Русскій размѣръ.

1.

День сокрылъ лице; почъ въ поляхъ лежитъ;
Черна тѣнь взонла на вершины горъ,
Свѣтлый лучъ погасъ въ снѣвѣ небесъ;
Бездна звѣздная раскрывается —
5 Нѣтъ числа звѣздамъ, безднѣ мѣры нѣтъ!

2.

Какъ песчишка, намъ незамѣтная,
Въ бурной хляби водъ, некра въ вѣчномъ льдѣ;
Какъ въ порывѣ бурь перелетный прахъ;
Какъ перо въ огнѣ: такъ въ сей безднѣ я
10 Исчезаю весь, весь теряюсь я,
Утомленный мыслей бременемъ.

3.

Намъ гласятъ уста велемудрыя:
Тамъ другихъ міровъ область вѣчная;
Тамъ горятъ соллцы неизсечетныя;
15 Тамъ народовъ жизнь, новый кругъ вѣковъ;
Тамъ для славы Всемогущаго
Вещество хранитъ силу равную. . . .

4.

Но, природа, гдѣ твой, скажи, законъ?
Съ полупочныхъ странъ вдругъ встаетъ заря,
20 Или солнце тамъ ставитъ свой престолъ?
Или вѣчный ледъ морей вспыхнулъ вдругъ?

Вотъ холодный огонь покрываетъ насъ;
Вотъ на землю день всталъ средь полночи!

5.

Вы, которыхъ взоръ книгу дивную
25 Непостижныхъ правъ прощщаетъ въ глубь;
Вы, которымъ знакъ незаметный намъ
Раскрываетъ вдругъ естества уставъ!
Вамъ извѣстенъ путь всѣхъ планетъ, всѣхъ звѣздъ:
Такъ скажите намъ, что смущаетъ насъ?

6.

30 Что сей зыблетъ лучъ ясный въ полночи?
Что сей мещетъ огонь въ твердь небесную?
Какъ вдругъ молнія отъ земли въ зенитъ,
Безъ громовыхъ тучъ, безъ грозы, летитъ?
И какъ можетъ быть, чтобы мерзлый паръ
35 Среди хладныхъ зимъ порождалъ пожаръ?

7.

Или спорить тамъ жирна мгла съ водою?
Или солнца лучъ сквозь туманъ густой,
Преломившись, къ намъ наклоняется?
Или тучныхъ горъ тамъ верхи горятъ?
40 Или въ море дуть пересталъ зефиръ,
И бьютъ волны вверхъ изъ морей въ эфиръ?

8.

Если вашъ отвѣтъ столь сомгнѣній полнъ
И о томъ, что близъ почти вашихъ глазъ;
Такъ скажите жъ намъ: какъ прострашенъ свѣтъ?
45 И что кроется выше дальшихъ звѣздъ?
Коль невѣдомъ вамъ край творенья,
Расскажите намъ, какъ великъ Творецъ.

Стихотвореніе подписано неполнымъ именемъ автора: «К—въ». Размѣромъ своимъ оно напоминаетъ многія пѣсни Кольцова; въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» этого года помѣщено нѣсколько его стихотвореній.

«Вечернее размышленіе» Ломоносова переведено Беллинсгаузеномъ на нѣмецкій языкъ. Находя, что славу русскаго Малерба Ломоносовъ приобрѣлъ своими прекрасными переложеніями псалмовъ, переводчикъ объясняетъ причину своего выбора тѣмъ, что два «Размышленія» Ломоносова (Утреннее и Вечернее) отличаются самобытностью — *keine Nachahmung, sondern eigene producte von ihm sind.*

Abendbetrachtungen bey Gelegenheit einer groszen Nordlichterscheinung.

Sieh Titans Strahlen sich von unserm Blick entfernen,
Sie schwinden; Finsternisz deckt nun gleich Land und Meer:
Doch bald erscheint uns, von ungezählten Sternen
Am weiten Horizont ein unabsehbar Heer.
So wie ein Tropfen dort in aufgethürmte Wogen
Des groszen Oceans im Augenblick verrinnt;
So wie ein leichtes Blatt durch Sturm dem Stamm entzogen,
Im Feuerberge schnell ein kleines Korn verschwindt:
So schwindt der Menschen Geist ganz in des Schöpfers Grösze.
In seiner Schöpfung Reich und ihren weisen Plan;
Wir sehen überall der irdschen Einsicht Blöße,
Und statt der Wissenschaft so oft nur eitlen Wahn.
Zwar spricht der Weisen Mund: es sind noch viele Welten.
Wir sehen andrer Sonnen Spur;
Gewisz sind Wesen noch, die dort, was wir hier, gelten,
Auch dort verkündigt Ruhm, Ruhm Gottes die Natur.
Doch wo ist ihr Gesetz, steigt eine Morgenröthe
Von Mitternacht? sind dort auch Sonnen noch versteckt?
Was ist es, das ein Meer von Feuer hier erhöhte,
Wo itzt nur Schnee und Eis die weiten Tiefen deckt?

O Menschen voll von Wahn, ihr deren hohes Streben,
Die schnöde Eitelkeit euch nur so wichtig preist;
Die ihr, was die Natur im kurzen Erdenleben
Nur schwach zu ahnden gab, Gesetz der Schöpfung heiszt!
Ihr seht mit kühnem Witz der Sterne dunkle Wege,
Berechnet oft so stolz den festbestimmten Lauf;
Wüszet ihr auch, wie ein Blitz, selbst ohne Donner rege,
Von unsern Kreis hinauf zum hohen Aether fährt?
Hat euer Forschergeist die Wissenschaft gefunden,
Die nun schon überall der Dinge Wesen kennt?
Woher es möglich wird, dasz Dunst in kalten Stunden
Eutzündt, dem Feuer gleich, in hohen Luftten brennt?
Voll stättem Zweifel ist selbst von den nahen Dingen
Die ird'sche Kenntnisz, der die Menschen so vertraum;
Wie kann nun Sterblichen der kühne Wunsch gelingen,
Mit schwachem Blick die Schöpfung durchzuschau'n?

(Journal der älteren und neueren Russischen Literatur, herausgegeben
von J. G. Baron von Bellingshausen. 1802. Erstes Heft. s. 31—33.)

XIV.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собрание сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды духовныя. Ода 9. стр. 41—43. Строфы обозначены цифрами.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Оды духовныя. Ода 8. Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.» Строфы не обозначены цифрами. Все писано чужою рукою. Только въ ст. 30 зачеркнуто: *и* п рукою Ломоносова написано: *наишъ*.

С. II.—Собрание сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды духовныя. Ода 9. стр. 32—33. Заглавіе то же, что въ *Р.* и *С. I.* Строфы обозначены цифрами.

-
- Ст. 2. Простерло лучь свой по земли, (Р.)
Ст. 4—6. Мой духъ, чюдятся имъ внемли:
Смотря на толь пресвѣтлу тварь.
Представь, каковъ Творецъ и Царь. (Р.)
Ст. 9—10. Чтобъ въ солнице бренно наше око
Могло подробну все узрѣть; (Р.)
Ст. 20. Едина искра предъ Тобой. (Р.)
Ст. 22. Тобой возженна, Боже мой. (Р.)

Ст. 29—30. Тамъ всякая являетъ плоть,
Каковъ Зиждитель нашъ Господь. (Р.)
Ст. 42. Хвалить Тебя, Творецъ и Царь. (Р.)

Не сохранилось точныхъ указаній о времени написанія «Утренняго Размышленія». Въ первыйъ разъ напечатано оно въ Собраніи сочиненій Ломоносова, 1751 года, и съ тѣхъ поръ постоянно помѣщалось непосредственно передъ «Вечернимъ размышленіемъ». Оба «Размышленія» составляли какъ бы одно цѣлое, и второе изъ нихъ составляло pendant къ первому—по буквальному выраженію современника и почитателя Ломоносова. Предполагаютъ, что «Утреннее размышленіе» относится къ тому же времени, какъ и «Вечернее»: «по содержанію и формѣ это одинъ изъ раннихъ поэтическихъ опытовъ Ломоносова».

(Будиловича: Ломоносовъ какъ писатель. 1871. стр. 10.)

Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ (1745—1789) перевелъ прозою на французскій языкъ «Утреннее размышленіе» Ломоносова, а Лемьеръ переложилъ этотъ переводъ въ стихи. Издавая оду свою, написанную на смерть Ломоносова, Шуваловъ говоритъ:

On désirerait d'insérer ici quelques morceaux des Poësies de Mr. Lomonosof. Quoiqu'une traduction ne soit que l'estampe d'un tableau (où le dessein se conserve, mais où le coloris ne saurait se transmettre), on se flatte que ce serait le meilleur moyen de faire connaître le Poëte qu'on célèbre, et de prouver que les éloges qu'on lui donne ne sont point outrés. Mais on avoue, avec douleur, que n'ayant point l'original sous la main, on est dans l'impossibilité d'exécuter ce louable projet. Toutefois on hazarde un très petit fragment, qui n'est pas même ce que l'Auteur a composé de meilleur. Il y a six mois que cette traduction fut faite à Paris, et mise en vers Français, par Mr. Le Mière Auteur d'Hipermnestre. On donne ici la prose, parce qu'elle est plus littérale.

REFLEXIONS DU MATIN

SUR LA GRANDEUR DE DIEU.

Deja le flambeau du monde répand sa clarté sur la Terre, et découvre à mes yeux les ouvrages de l'Éternel. O mon âme! rempli toi d'allégresse, contemple cet éclat Divin, et songe au Créateur.

Si les mortels pouvaient s'élever assez haut, et porter de près leurs regards sur le Soleil, ils appercevraient de toutes parts un Océan de feu éternellement embrasé.

Là, des vagues enflammées roulent sans cesse, et ne rencontrent jamais de bords: Là, des tourbillons brûlants lutent entr'eux, depuis une multitude de siècles: Là, des pierres bouillonnent comme l'onde, et des torrents de lumière jaillissent en pluie.

Ce disque ardent fut créé pour éclairer la marche des saisons, et les actions des hommes. Mais, Seigneur, cet immense amas de flammes, n'est qu'une étincelle devant toi.

Le Soleil dore la surface des corps où ses faisceaux se brisent. Ta vuë qui ne connaît point d'obstacles, pénètre par tout, et de la sérénité de tes regards, se répand la joye dans le coeur de tous les Êtres.

Le pendant de ce petit ouvrage intitulé, *Réflexions du soir sur la grandeur de Dieu, faites à l'occasion d'une Aurore Boréale*, est encore plus beau. La description poétique du météore est neuve, originale, hardie et sublime.

On compte donner un jour au public une traduction complète des Oeuvres de Mr. Lomonosof.

(Ode sur la mort de Monsieur Lomonosof. De l'Académie
des Sciences de St. Pétersbourg. MDCCLXLV. стр. 11—13.)
Въ 1766 году, въ Almanach des Muses помѣщенъ переводъ
Лембера.

LE LEVER DU SOLEIL.

Déjà l'astre du jour s'est emparé du ciel;
Il lance par faisceaux ses rayons sur la terre,
Et je découvre à sa lumière
Les prodiges sortis des mains de l'Eternel.
Mon ame, élance-toi vers cette clarté pure;
Des portes du matin, admire la nature,
Et remplis-toi de son auteur.
Ah! si nos yeux pouvoient, sans blesser leur paupière,
Approcher du soleil, contempler sa splendeur,
Et s'enfoncer dans sa lumière,
Ils ne verroient qu'un océan de feux
Qui ne rencontre aucuns rivages,
Que tourbillons brûlans, luttant sans cesse entr'eux,
Et dès la naissance des âges,
Embrasant les plaines des cieux.
La pierre se dissout, bouillonne avec furie,
Au sein de ces foyers ardens;
La flâme roule par torrens;
La lumière par flots jaillit et tombe en pluie.
C'est aux clartés de tant de feux divins,
Que marchent les saisons, qu'agissent les humains,
Mais, grand Dieu, cet amas de lumière éternelle,
Qu'est-il devant tes yeux? à-peine une étincelle.
Ce disque dont tes mains ont arrondi les bords,
Dont jamais les feux ne s'épuisent,
Colore seulement la surface des corps
Où ses rayons se brisent.

Ton oeil plus pénétrant perce leurs profondeurs,
Réunit sous un point les déserts de l'espace;
Il ne parcourt pas, il embrasse
Et du même regard il sonde tous les cœurs.

(Сборникъ матеріаловъ для исторіи академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ
издатель А. Кушкѣ, 1865. Ч. I. стр. 201—223.
Утренняя заря. 1800. Книжка I. стр. 72—78)

«Утреннее размышленіе о Божіемъ Величествѣ» переведено и
на пѣмецкiи языкъ—тѣмъ же лицомъ и въ томъ же изданiи, что
и «Вечернее размышленіе»:

Morgenbetrachtungen über die Grösze Gottes.

Schon steigt am Horizont die wohlthatsreiche Sonne,
Durch sie wird jeder Segen neu;
Ihr Strahl enthüllet uns der ganzen Schöpfung Wonne;
O denkt wie grosz der Schöpfer sey!
Wär's Sterblichen vergönnt, die Sonn in ihren Höhen
Mit starkem Auge nah zu schau;
Sie würden staunend dann ein Meer von Feuer sehen,
Und kaum den eignen Blicken traum.
In deiner Grösz'o Gott scheint dieses Meer versunken,
Für dich so klein, für uns so grosz;
Du zündetest für uns, zum groszen Licht den Funken,
Und schön ward deiner Schöpfung Loos.
Durch Titans Strahl gereift, giebst Du uns goldne Aehren,
Der Bäume Frucht, der Pflanzen Saft;
Und aller Wesen Art, die deine Gaben nähren
Fühlt deine Güte, deine Kraft.
Der Welten Innerstes kann deine Allmacht lesen,
Und Höh' und Tiefen sind dir gleich;
Aus deiner milden Hand empfangen alle Wesen,

Du machest sie an Freuden reich.
Allgütiger verleyh' auch mir auf dunklen Wegen
Von deiner Klarheit einen Strahl;
Was dir gefällig ist, gestärkt durch deinen Segen,
Sey meine That und meine Wahl.

(Journal der älteren und neueren Litteratur. 1802. стр. 29—31).

Тамъ же помѣщена, въ нѣмецкомъ переводѣ, ода на взятіе Хотина. Переводъ въ такомъ родѣ:

O welch' Entzücken reizt mich hin zu edlen Höhen,
Mich hin, wo mein Entzücken steigt,
Wo Zephir selbst nur horecht, erstaunt vergisz zu wehen,
Im Hayn und Thal mit Ehrfurcht schweigt.
Der Hypocren nun still, scheint ruhig nur zu lauschen,
Sonst so geschwätzig, itzo nicht,
Nur Lorbeerzweige hör' ich noch in Händen rauschen
Des Mädchenchors, das Kränze flicht.
Wie seh' den Pindus ich zu meinen Füszcn liegen!
Ich höre tapfrer Helden Preis,
In sanfter Schwestern Lied'ich fühl' ihr Feuer siegen
Und eil' in ihren schönen Kreis.
Mit holder Stimme sprach am Quell der Schwestern eine:
Hier trink', vergisz itzt allen Tand,
Dein Auge sey geschärft, und hier aus diesem Hayne
Erblicke dort ein fernes Land. . . .

Въ Трудахъ Общества любителей россійской словесности (1819 г. Ч. XIII, стр. 65—81) помѣщена статья Петра Калайдовича: «Разсмотрѣніе оды Ломоносова: Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ». По мнѣнію критика, «Ода сія принадлежитъ къ лучшимъ лирическимъ произведеніямъ нашего поэта; а по своему высокому предмету, богатству воображенія, силѣ чувства, строгому соблюденію единства и восторга, занимаетъ

первое мѣсто въ его стихотвореніяхъ. Единство строгаѣйшимъ образомъ соблюдено въ цѣломъ и въ частяхъ. Всѣ описанія, всѣ изображенія клонятся къ одной цѣли — представить величество Бога. Предметъ оды есть солнце: отъ начала до конца оно въ глазахъ нашихъ. Другое достоинство оды состоитъ въ соблюденіи степени восторга. Въ ней господствуетъ благоговѣнное чувство, которое по натурѣ своей должно родить восторгъ тихій, умѣренный, и потому Ломоносовъ назвалъ свою оду *размышленіемъ*.

Въ статьѣ Калайдовича сдѣлано нѣсколько замѣтокъ объ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ въ одѣ:

Ст. 1—2. Ужѣ прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли.

«Эпитетъ солнца—*прекрасное*» кажется неприличенъ въ высочайшемъ слогѣ столь величественному свѣтилу, изображенію самого Бога. Простираться могутъ лучи, а блескъ разсыпается» и т. п.

Ст. 27: И взору нашему открылись

Въ текстѣ стихотворенія, помѣщенномъ въ статьѣ Калайдовича:

И взору моему открылись

«Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ—говоритъ онъ—вмѣсто: «и взору моему» стоитъ: *нашему*. По моему мнѣнію, первому слову должно дать преимущество. Ролленъ замѣчаетъ, что переводъ Моисеевой пѣсни: «*Имя Господеву: славно бо прославися*» ослабляетъ силу подлинника, который начинается словомъ: *Ию*. Единственное число представляетъ весь Израильскій народъ въ лицѣ одного Моисея, одушевленный однимъ чувствомъ радости и благодарности. И здѣсь взоры всего человѣческаго рода, устремленные на красоту земли и неба, совокупляются въ одинъ взоръ поэта, воспламененнаго чувствомъ удивленія и благоговѣнія къ Создателю».

XV.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой—заглавіе, на остальныхъ семи—ода. Заставная литера Н—на полѣ изъ орнаментальныхъ завитковъ и цвѣтковъ. Въ концѣ—заставка (cul-de-lampe) изъ орнаментальныхъ завитковъ, симметричныхъ по вертикальной оси. Строфы не обозначены цифрами.

ВАРІАНТЫ.

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова, въ Собраніи его сочиненій, 1759 г.

P.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Оды похвальныя. Ода 9. На день брачнаго сочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго Князя Петра Оеодоровича и Государыни Великія Княгини Екатерины Алексѣевны». Строфы не обозначено цифрами. Писано чужою рукою, только въ ст. 174 зачеркнуто: «мень слухъ вашихъ» и написано Ломоносовымъ: «вашъ слухъ пріятный».

С. I.—Собрание сочинений Ломоносова, 1751. Книга первая. «Оды похвальныйя. Ода 9, На день брачнаго сочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго Князя Петра Ѳеодоровича и Государыни Великїя Княгини Екатерины Алексеевны, 1745 года». стр. 146—156. Стрфы обозначены цифрами.

С. II.—Собрание сочинений Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныйя. Ода 11. стр. 133—141. Заглавіе тоже, что въ *С. I.* Стрфы также обозначены цифрами.

Ст. 5. Любезнѣйшихъ супруговъ вводитъ (С. I и II.)

Ст. 8. Цвѣтуть во дняхъ уже младыхъ, (С. I и II.)

Ст. 13. Красуея свѣтло Россійскій родъ. (Рит. III. § 217.)

Ст. 35. Пусть сей прїятный гласъ промчется (С. I и II.)

Ст. 42. Чрезъ день трудами изпуренны (С. II.)

Ст. 49. Между млечными облаками (С. II.)

Надъ бисерными облаками (Рит. II, III и IV. § 294.)

Ст. 54. Плоды румянцомъ испенренны (Рит. II, III и IV. § 294; С. I и II.)

Ст. 60. Не тутъ ли царствуетъ любовь? (С. II.)

Ст. 104. Сама смотря на нихъ дивится, (С. I и II.)

Ст. 105—107. И полкъ вѣхъ нѣжностей тѣнится,
И къ онымъ тщательно приникъ.

Кругомъ ея умильны смѣхи (С. I и II.)

Ст. 116. Какъ въ тяжкихъ Таврскихъ нутрѣ
горахъ, (С. II.)

Ст. 117. Бурливыхъ вихрей не боится (С. I и II.)

Ст. 121. Не самъ ли въ арфу ударяетъ (С. I и II.)

Ст. 140. Щедротой ободренный трудъ. (С. I и II.)

Ст. 143. Благополучно возрастай. (С. I и II.)

Ст. 145. Ты процвѣтай краснѣе крина, (С. I и II.)

Ст. 150. Какъ на всходящій дневный свѣтъ. (С. I и II.)

- Ст. 157. Не будетъ страшныя премѣны; (С. II.)
 Ст. 174. Вашъ слухъ пріятный протекаетъ, (Р., С. I
 и II.)
 Ст. 176. Какъ благовонный фиміамъ. (С. II.)
 Ст. 179. Свое такъ сердце утѣшаетъ, (Р., С. I и II.)
 Ст. 190. Черезъ сей благословенный бракъ. (С. I и II.)
 Ст. 192—193. Подай, чтобъ Россювъ Обновитель
 Въ потомкахъ вѣчно жилъ своихъ; (С. I и II.)

Ст. 11—13. Исполнилъ Богъ свои совѣты
 Съ желаніемъ Елисаветы:
 Красуйся свѣтло Росскій родъ,

Приводятся Ломоносовымъ въ Риторикѣ въ примѣръ «повелительнаго обращенія».

(Рит. II, III и IV. § 217.)

Ст. 38—40. ПЕТРА СЪ ЕКАТЕРИНОЙ ВНОВЬ
 Счетаеть щастье и порода,
 Пригожство, младость и любовь.

Въ запискахъ Екатерины II говорится о Петрѣ III, незадолго до свадьбы: Il venait le soir passer quelques instants chez moi, mais sans nul empressement; au contraire il était toujours bien aise de trouver quelque prétexte pour s'en dispenser. . . . A la fin du juillet nous rentrâmes en ville, où tout se préparait pour la célébration des noces. Enfin le 21 août fut fixé par l'impératrice pour cette cérémonie. A mesure que ce jour s'approchait, je devenais plus mélancolique; le coeur ne me prédisait pas grand bonheur. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы: Les noces se firent avec beaucoup de pompe et de magnificence. Mon cher époux ne s'occupait nullement de moi. Je baillait, je m'ennuyais, n'ayant pas à qui parler, où bien j'étais en représentations, etc.

Ст. 45—76. О коль прекрасенъ свѣтъ блистаетъ!
Являя видъ страны иной.
Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
Тамъ вихрей пѣтъ и шумныхъ бурь,
Межъ бисерными облаками
Сіяетъ злато и лазурь.
Кристаллы горы окружаютъ,
Струи прохладны обтекаютъ
Усыпанной цвѣтами лугъ.
Плоды карминомъ испещренны
И вѣтви медомъ орошенны
Весну являютъ съ лѣтомъ вдругъ.
Восторгъ всё чувства восхищаетъ!
Какая сладость льется въ кровь?
Въ пріятномъ жарѣ сердце таетъ!
Не тамъ ли царствуетъ любовь!
И горлицъ нѣжное вздыханье,
И чистыхъ голубицъ лобзанье
Любви являютъ тамо власть.
Древа листьями помаваютъ,
Другъ друга вѣтвymi обнимаютъ,
Въ бездушныхъ тамъ любовна страсть!
Ручьи во слѣдъ ручьямъ крутятся,
То гонять, то себя манятъ,
То прямо другъ къ другу стремятся,
И слившись межъ собой журчатъ.
Нарциссъ надъ ясною водою
Плѣненъ своею красотою
Стоитъ любуясь самъ собой.
Зефиръ, какъ ты по брегу дуешь,
Сто кратъ листки его цѣлуешь
И сладкой тѣ кропишь росой,

Приводятся Ломоносовымъ въ Риторикѣ въ примѣръ «вымышленнаго описанія царства любви».

(Рит. II, III и IV. § 294.)

Ст. 64—70. Приводятся Ломоносовымъ въ примѣръ украшающаго описанія и повѣствованія «оживленія бездушныхъ вещей у стихотворцевъ».

(Рит. II, III и IV. § 313.)

Ср. *La Gerusalemme liberata. Canto decimosesto. XII, XVI.*

Vezzosi augelli infra le verdi fronde
Temprano a prova lascivette note.
Mormora l'aura, e fa le foglie e l'onde
Garrir, che variamente ella percote.
Raddoppian le colombe i baci loro;
Ogni animal d'amar si riconsiglia.
Par che la dura quercia, e'l casto alloro,
E tutta la frondosa ampia famiglia,
Par che la terra e l'acqua e formi e spiri
Dolcissimi d'amor sensi e sospiri.

Тамъ пѣга съ тишиной обнявшись засыпають,
Зефиры горлицей межъ тростниковъ вздыхають,
И съ томной сладостью журчитъ въ кустахъ ручей. . . .
Влюбленный здѣсь нарциссъ въ прозрачный токъ глядится.
Роса небесная на вѣтвяхъ блистаетъ,
Изъ толстыя коры струится свѣтлый медъ.
Любовь живить весь лѣсъ, съ першатыми живетъ,
Вздыхаетъ въ тростинкахъ, журчитъ въ ручьяхъ кристалльныхъ,
Несется пѣсями, теряясь въ рощахъ дальныхъ,
И тихо съ вѣтеркомъ порхаетъ по цвѣтамъ.

(Сочиненія К. П. Батюшкова. 1887. Т. I. Отрывокъ изъ X-ой пѣсни Освободеннаго Иерусалима. стр. 60—62.)

Ст. 47—50. Державинъ (VII, 529) приводитъ въ примѣръ «пріятнаго вдохновенія».

Ст. 71—75. Въ пародіяхъ Сумарокова:

Нарцисъ любитъся собою,
Такъ Роза какъ Зефиръ тобою.
О Роза! я ною мятеежно:
Согласія въ сей одѣ пѣтъ:
Цалуйся ты съ Зефиромъ пѣжно.
(Вздорныя оды, стр. 209—211.)

Ст. 94—98. Лице любви толь прекрасно.
Въ ночи горятъ коль звѣзды ясно,
И проникаютъ тихой нощью;
Подобно сей царицы взгляды
Сквозь дѣши и сердца идутъ,

Державинъ (VII, 538) приводитъ эти стихи въ примѣръ «чувственной высокости».

Ст. 101—110. Державинъ (VII, 551—552) приводитъ всю эту строфу въ примѣръ «пріятныхъ картинъ».

Ст. 129—130. И сыплотъ чрезъ долины злачны,
Чемъ блещетъ Ормъ въ своихъ краяхъ.

Ормъ—Ormus (Hormus, Hormuz), островъ въ проливѣ, соединяющемъ Персидскій заливъ съ Индійскимъ океаномъ. Островъ этотъ славился нѣкогда своимъ богатствомъ, источникомъ котораго служила ловля жемчужныхъ раковинъ, добываніе жемчуга. Въ шестнадцатомъ столѣтіи и въ первой четверти семнадцатаго Ормусъ принадлежалъ Португальцамъ и былъ тогда однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ мѣстъ.

La Gerusalemme liberata. Canto decimosettimo. xxv.

Poi due regi soggetti anco veniéno
Con squadre d'arco armate e di quadrella:
Un, soldano è d'Ormús, che dal gran seno
Persico è cinta, nobil terra e bella;

Ст. 131, 138—140. Касталски Нимфы ликовствуютъ,
Онѣ себѣ съ весельемъ ждуть
Имѣть въ Россіи имя славно
И мздою ободренный трудъ.

Говоря, что стихотворцы ожидаютъ награды — «мзды» за свой трудъ, Ломоносовъ выражаетъ мысль, господствовавшую тогда въ литературномъ мирѣ. Знаменитый въ тѣ времена Гюнтеръ писалъ свои похвальные оды съ явною цѣлью получить за нихъ награду и поправить свои обстоятельства. Профессора марбургскаго университета получали денежное вознагражденіе за стихи и рѣчи въ честь высокопоставленныхъ лицъ. Такъ профессору поэзіи, логики и метафизики, Сантороку, выдано двѣнадцать талеровъ *pro honorario wegen verfertigter Poesie auff die Vermählung ihres großfürstl. durchl. Prinz Friedrichs mit Ihrer Hoheit der königl. engl. Prinzessin Maria.* (*Oeconomat-Rechnung de anno 1740.*)

Ст. 151—160. Державинъ (VII, 533) приводитъ эти стихи въ примѣръ «утѣшительнаго вдохновенія».

Ст. 154—157. Какъ Богъ продлитъ чрезъ вѣчно время
Дражайшее Петрово племя;
Щастлива жизнь и нашихъ чадъ:
Небудетъ страшной ужъ премѣны,

Намекъ на перемѣны, происходившія въ правительственныхъ сферахъ со времени смерти Петра Великаго и до воцаренія Елисаветы Петровны.

Ст. 160. И сильныхъ изнеможетъ лукъ.

Псал. LVII, 8: Напряжетъ лукъ свой, дождеже изнемогутъ.

Ст. 181—188. Приводятся въ Риторикѣ Ломоносова въ примѣръ фигуры «Обращенія съ засвидѣтельствомъ».

(Рит. II, III и IV. § 217.)

Ломоносовъ написалъ оду «на день брачнаго сочетанія Ихъ Высочествъ»; Тредьяковскій долженъ былъ по тому же самому поводу переводить комедію. Придворная контора потребовала напечатать «въ самой крайней скорости», къ предстоящему торжеству бракосочетанія, комедію на французскомъ и русскомъ языкѣ. Русскій переводъ присланъ былъ въ Академію для просмотра; но оказалось, что онъ «совсѣмъ къ переправкѣ не годится». Поэтому комедія отдана «вновь для перевода профессору Тредьяковскому, и какъ оный скоро переведетъ, то какъ возможно печататься будутъ съ крайнимъ прилежаніемъ».

(Архивъ Академической Канцеляріи. № 514. Журналы 1745 года. № 572.)

XVI.

ТЕКСТЪ.

Первое издание (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой—заглавіе, на остальныхъ семи—ода. Передъ началомъ текста оды—заставка въ видѣ тройнаго бордюра, средину котораго заполняетъ горизонтальный рядъ коронокъ, а верхній и нижній края составлены изъ орнаментальнаго узора. Въ концѣ оды заставка (cul-de-lampe): императорская корона; справа и слѣва отъ нея по одной пальметкѣ; подъ короною двѣ звѣздочки; между звѣздочками нисходящій орнаментъ изъ завитковъ, точекъ и подобія стрѣлки. Строфы не обозначены цифрами, а отдѣлены одна отъ другой тремя звѣздочками.

ВАРИАНТЫ.

P.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочиненій Ломоносова, 1751. «Оды похвальныя. Ода 2. На день восшествія на престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія.» Строфы не обозначены цифрами. Вся ода писана чужою рукою.

Рит. I.—Рукописная Риторика Ломоносова, 1744.

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова, въ Собраніи его сочиненій, 1759 г.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 2. «На день восшествія на Всероссійскій престоль Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія, 1746 года». стр. 72—82. Строфы обозначены цифрами.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 2. Заглавіе то же, что въ *С. I.* Стр. 57—65. Строфы обозначены цифрами.

Ст. 5—6. Меня надежда струй прозрачныхъ,
На шумъ пріятный въ роцахъ злчныхъ
(*Рит. III и IV. § 239.*)

Ст. 16. Предъ свѣтлымъ днемъ, и въ тверди
скрыться, (Р., С. I и II.)

Ст. 30. Утѣшь, утѣшь Твоихъ людей. (С. II.)

Ст. 31. Покрой отечески законы, (Р., С. I и II.)

Ст. 33. И святости Твоей короны (Р., С. I и II.)

Ст. 39—40. И крѣпкою Тебя рукою
Отъ страшныхъ всѣхъ защититъ золь. (С.
I и II.)

Ст. 58. Мы въ скорбной тмѣ заснули, (Р.)

Ст. 62. Въ печальнѣйшей ноци сидѣль. (Р., С. I и II.)

Ст. 68. И бысть! О твари обладатель! (Р., С. I и II.)

Ст. 92. Тамъ грозный зрится исполинъ (*Рит. III и IV. § 158.*)

Ст. 97. И въ твердь сквозь облака разитъ; (*Рит. II и III. § 158.*)

Ст. 98. Сиканской какъ Вулканъ дымится, (*Рит. III и IV. § 158.*)

Какъ Этна въ ярости дымится, (С. II.)

Ст. 125. Но вѣщшу радость восхищаетъ (Р.)
Но вѣщцу радость ощущаетъ (Рит. II. § 71.)

Ст. 128—130 были написаны Ломоносовымъ и потомъ вычеркнуты имъ. (Рит. II. § 71.)

Ст. 158. Увидѣвъ множество совмѣсно (Р. С. I и II.)
Ст. 175—176. Стоять Трофеи вознесенны,
Цвѣтутъ оливы насажденны (С. I и II.)
Ст. 178. Что новыхъ свѣтовъ досягаетъ; (С. I и II.)
Ст. 197. Подай, о сильно Божество! (С. I и II.)

Ст. 1—2. На верхъ Парнаскихъ горъ прекрасный
Стремится мысленный мой взоръ,

Сумароковъ: Вздорныя оды, стр. 208:

Въ верхахъ Парнаскихъ быстры рѣки. . . .
Стремитесь мысленные взоры
На многія Парнаски горы.

Ст. 1—7. Ломоносовъ приводитъ въ своей Риторикѣ въ примѣръ фигуры: «Восхищеніе».

(Рит. II. § 238; Рит. III и IV. § 239.)

Ст. 8—10. Державинъ (VII, 549): «Олицетвореніе и Оживленіе суть главнѣйшія свойства поэзіи. Она всѣ существа моральныя и духовныя, не имѣющія образа, а равно вещественныя, лишеныя видимыхъ намъ чувствъ, гласа и движенія, олицетворяетъ и оживляетъ, дабы понятіе представить чрезъ то сотворяемый ею, такъ-сказать, новый волшебный очаровательный міръ и имъ удобнѣе удивляя и убѣждая простой умъ, привлечь его на свою сторону. Лирическій поэтъ къ возвышенію своего предмета перѣдко пользуется такими вымыслами. Вотъ примѣръ оживленія:

Тамъ холмы и дрѣвѣ взываютъ,
И громкимъ гласомъ возвышаются
До самыхъ звѣздъ Ели и саветъ.

Ст. 11—12. Рит. I. § 101: «Указаніе есть, когда на предлагаемую вещь указуемъ междометіями: *се, вотъ*. п. п.

И се уже рукой багряной
Врата отверзла въ миръ заря.

Ст. 11—14. Ломоносовъ, въ своей Риторикѣ, приводитъ эти стихи и въ примѣръ фигуры: «Указаніе», и въ примѣръ «Вымысловъ»: «Второе правило къ составленію чистыхъ вымысловъ состоитъ въ приложеніи, когда части, свойства или дѣйствія вещамъ придаются отъ иныхъ, которыя суть другаго рода. Такимъ образомъ прилагается бессловеснымъ животнымъ слово; людямъ излишнія части отъ другихъ животныхъ, какъ Сатирамъ рога и хвостъ, Медузѣ ужъ и змея на голову, Персею и Пегазу крылья; бесплотнымъ или я мысленнымъ существамъ, какъ добродѣтелямъ и дѣйствіямъ плоть и прочая. Сюда принадлежитъ и слѣдующее:

И се уже рукой багряной
Врата отверзла въ миръ заря,
Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румяной
Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря“.

(Рит. II, III и IV. § 156 и § 218.)

Ст. 11—16. Рит. I. § 55: «Уподобленіе рождаетъ странныя и притомъ прекрасныя идеи, ежели многія свойства, части или дѣйствія двухъ подобныхъ вещей между собою прилично снесены будутъ:

Сходящей съ поль златыхъ Авроры
Рука багряна сыплетъ къ намъ
Брильянтовъ, искръ, цвѣтовъ узоры,
Даетъ румянный видъ полямъ,
Свѣтящей ризой мракъ скрываетъ.“

Ст. 11—20. Сумароковъ всю эту строфу считаетъ «прекраснѣйшею».

Ст. 21—25. Ломоносовъ приводитъ въ своей Риторикѣ эти стихи въ примѣръ того, что «Дѣячестія съ своими падежами полагаются приличіе на переди», какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ.

(Рит. II, III и IV. § 319.)

Ст. 35. Отъ церквы отврати налоги:

Ломоносовъ имѣлъ вѣроятно въ виду тѣ притѣсненія, которымъ подвергались церковь и духовенство отъ иностранцевъ, захватившихъ власть въ свои руки, а также и отъ Коллегіи экономіи: уничтоженіе ея императрицею Елисаветой Петровной было радостнымъ событіемъ для нашего духовенства.

Ст. 45—50. Приводятся Державинымъ (VII, 524) въ примѣръ «торжественнаго вдохновенія.»

Ст. 61—62. Уже народъ нашъ оскорбленный
Въ плачевнѣйшей нощи сидѣлъ.

Относятся ко временамъ бироновщины и самовластия чужеземцевъ, о чемъ говорили въ своихъ произведеніяхъ и замѣчательнѣйшіе представители тогдашняго духовенства: «Былъ ли кто изъ русскихъ искусный художникъ, инженеръ, архитекторъ или солдатъ, тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ и самому умереть отъ глада; всѣхъ людей, отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, разоряли и вовсе искореняли. . . . Мы отягчены всѣми паругательствы, страждуще, гонимы, гонимы и мучимы, отечества и правовѣрія лишаемъ». и т. д.

Ст. 65—68. Державинъ (VII, 538) приводитъ въ примѣръ «умственной высоты.»

Ст. 81—87. Ломоносовъ приводитъ въ Риторикѣ въ примѣръ «умягченныхъ вымысловъ словами, сомнѣніе въ себѣ заключающимъ».

Ст. 81—90. Всю эту строфу Державинъ (VII, 523—524) приводятъ въ примѣръ «грознаго вдохновенія», а ст. 87 — въ примѣръ «звукоподражанія»:

И устремлялся громъ на громъ

Ст. 91—100. «Увеличеніе вещей къ составленію вымысловъ весьма способно, которымъ стихотворцы особливо возвышаютъ Героическія поемы, представляя вещи чрезвычайно великими, къ чему много силы придаютъ ужасныя дѣйствія и свойства. Такъ у старинныхъ стихотворцевъ великими представлены, Атласъ, Гиганты и прочая. Сему подражая Камуенсъ представляетъ мысль добрыя надежды подъ видомъ страшнаго Исполина. Сюда же принадлежить и слѣдующее:

Я духомъ зрю минувше время:
Тамъ грозный зрится исполинъ
Рассыпать земнородныхъ племя
И разрушить натуры чинъ.
Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,
Лѣсисты съ мѣсть бугры хватаетъ,
И въ твердь сквозь облака разить;
Сиканской какъ Вулканъ дымится,
Такъ Мгла изъ челостей курится
И помрачаетъ солнца видъ.“

(Рит. II, III и IV. § 153.)

Ст. 101—106. Приводится Ломоносовымъ въ Риторикѣ въ примѣръ вымысловъ, умягченныхъ фигурую: «обращеніе».

(Рит. II, III и IV. § 163.)

Ст. 111—120. Приводится Ломоносовымъ въ Риторикѣ въ примѣръ вымысловъ, умягченныхъ «словами, сомнѣніе въ себѣ заключающими».

(Рит. II, III и IV. § 163.)

Державинъ (VII, 539) приводитъ всю эту строфу въ примѣръ «высокости вообще чувственной и умственной».

Ст. 121—127. Ломоносовъ приводитъ въ своей Риторикѣ въ примѣръ «уравненія», придающаго «великую силу, важность и пространство слову».

(Рит. II, III и IV. § 71.)

Ст. 131—140. Въ Риторикѣ приводится въ примѣръ фигуры: «заимословіе».

(Рит. II, III и IV. § 219.)

Ст. 151—160. Приводится Ломоносовымъ въ примѣръ фигуры: «отвѣтствованіе», т. е. «когда сочинитель слова самъ себѣ на свой вопросъ отвѣщаетъ, что бываетъ разными образами».

(Рит. II, III и IV. § 215.)

Ст. 147—149. Таковъ Екатерининъ ликъ

Былъ щедръ и кротокъ и прекрасенъ;
Таковъ былъ Петръ врагамъ ужасенъ,

Ср. Пушкина: «Полтава. Пѣснь третья».

Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ.

Ст. 181—185. Приводится Ломоносовымъ въ примѣръ расположение періодовъ. «По союзамъ располагаются періоды такъ, какъ сами союзы другъ другу натурально слѣдуютъ:

Хотя отъ смертныхъ сокровенно
Грядущихъ бытіе вещей;
Однако сердце просвѣщено
Величествомъ Богини сей
На будущіе дни взираетъ».

(Рит. II, III и IV. § 322.)

Ст. 201—210. Державинъ (VII, 565) приводитъ какъ одинъ изъ примѣровъ «сравненій, чрезвычайно оживляющихъ и украшающихъ» лирическія произведенія.

XVII.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (*editio princeps*). Въ листъ, четыре ненеумерованныя страницы; на первой заглавіе, на остальныхъ трехъ—ода. Передъ началомъ текста оды заставка въ видѣ тройнаго бордюра, средину котораго занимаетъ горизонтальный рядъ коронокъ, а верхній и нижній края составлены изъ орнаментальнаго узора. Въ концѣ оды заставка (*cul-de-lampe*): императорская корона; справа и слѣва отъ нея по одной пальметкѣ—повтореніе обычнаго нижняго орнамента; по сторонамъ нижняго орнамента симметричныя завитки. Строфы не обозначены цифрами, а отдѣлены одна отъ другой тремя звѣздочками. Подстрочныя примѣчанія находятся въ первомъ изданіи.

Въ *С. I* ода эта помѣщена въ новой редакціи.

ВАРІАНТЫ.

P.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Оды похвальныя. Ода 3. «На день рожденія Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія». Вся ода писана чужою рукою. Строфы не обозначены цифрами. Подстрочныя примѣчанія тѣ же, что въ первомъ изданіи; только пропущено слово: «планетъ».

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова, въ Собраніи его сочиненій, 1759.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныйя. Ода 3. «На день рожденія Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія, 1746 года». стр. 83 — 91. Стрфы обозначены цыфрами. Подстрочныхъ примѣчаній нѣтъ.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныйя. Ода 3. Заглавіе то же, что и въ *С. I.*, стр. 66 — 72. Стрфы обозначены цыфрами. Подстрочныхъ примѣчаній нѣтъ.

Ст. 5. Воздвигнуть намъ Петра по смерти, (С. II.)
Воздвигнути Петра по смерти, (Рит. III и IV.
§ 232.)

Ст. 12. И мати всѣхъ племенъ земныхъ. (Рит. II, III
и IV. § 53.)

Ст. 30. Я слышу тамъ природы гласъ. (С. I и II.)

Ст. 31—32. Се солнце бѣгъ свой премѣняетъ,
И къ вамъ течетъ умножить день; (С. I и II.)

Ст. 47—50. Рожденныя въ признакахъ сихъ:
Отъ ней Геройство съ красотою
По всюду миромъ и войною
Лучи пускаютъ дней златыхъ. (С. I и II.)

Ст. 51—53. Сіе предвѣстіе природы
Хотя представило тогда,
Что ты возвеселишь народы, (С. I и II.)

Ст. 57—58. Когда даровъ Твоихъ признакъ
Надежныѣ въ лицѣ открылся, (С. I и II.)

Ст. 60. Родителей великихъ зракъ. (С. I и II.)

Ст. 63. Свое блистаніе вліяли (С. II.)

Ст. 67—68. И въ нѣжнѣйшихъ являлись дняхъ;
Ужѣ младенческіе взгляды (С. I и II.)

Ст. 73. Безъ гнѣва злобныхъ исправляешь, (Рит. II,
III и IV. § 69.)

- Ст. 77. Но пользой больше протчихъ рѣкъ: (Рит. II. § 69.)
 Но пользой больше прочихъ рѣкъ: (Рит. III и IV. § 69.)
- Ст. 78—79. Своею тихою водою
 Въ брегахъ зеленыхъ пролитою (Рит. II, III и IV. § 69.)
- Ст. 95. Тогда Вандалы побѣждены (С. I и II.)
- Ст. 100. Въ бесчетны вѣки незабвенъ. (С. II.)
- Ст. 124. Возводитъ къ верьху быстрый взоръ, (С. I и II.)
- Ст. 131—132. Парящей Поезѣи ревность
 Дѣла твои превознесетъ; (С. I и II.)
- Ст. 135—136. Открыты естества уставы
 Твоей умножатъ громкость славы. (С. I и II.)
- Ст. 140. И вѣкъ и здравіе Твое. (С. I и II.)
- Ст. 146. Ни громы страшные достигнуть: (Рит. II. § 233, Рит. III. § 234.)

Въ Архивѣ Академіи наукъ находится «Экстрактъ изъ подлинной придворной записки, какимъ порядкомъ торжествованъ день рожденія Ея Императорскаго Величества въ новомъ Зимнемъ домѣ декабря 18-го числа 1746 году. Поутру въ половинѣ 12-го часа Ея Императорское Величество изволила шествіе имѣть въ придворную большую церковь къ обѣднѣ. Предику говорилъ преосвященнѣйшій исковскій. Изъ церкви Ея Императорское Величество изволила шествіе имѣть обратно въ парадныя антикаморы, гдѣ приносили всѣ знатнѣйшіе обоего полу и чужестранные министры поздравленіе и допущены были всѣ къ рукѣ. А какъ въ большой залѣ на столы кушанье поставили, то Ея Императорское Величество съ Императорскими Высочествами изволили шествовать церемоніею въ большую залу, и въ залѣ Ея Императорское Величество изволила кушать на тронѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами, въ трехъ персопахъ. Столъ кушаньямъ былъ въ трехъ перемѣнахъ, на большомъ золотомъ сервизѣ, а протчіе: святѣйшій синодъ и знатнѣйшіе обоего полу,

пяти классовъ, сидѣли за фигурными столами въ большой залѣ, а гвардіи оберъ-офицеры и лейбъ-компаніи ундеръ-офицеры, артиллеріи морскіе и напоольные штабы — въ одной залѣ и передъ залой въ прихожей каморѣ, всего 280 персонъ кушало. Тѣ столы пребогато были убраны конфектами и кушаньемъ съ перемѣною, все на серебрѣ. Во время стола, при зачатіи здоровьевъ, играли въ трубы, били въ литавры, налили изъ пушекъ; на балконѣ играла итальянская музыка; во время того жъ стола служила придворная штатсъ-ливрея вся. Того жъ дня пополудни всѣ чужестранные и знатнѣйшіе обоего полу съѣхались во дворецъ, и въ семь часовъ начался балъ и продолжался до двѣнадцатаго часу».

(Матеріалы для исторіи Академіи наукъ. Т. VIII. стр. 326—327.)

«Вечеру зажжена была на обыкновенномъ театрѣ фейерверковъ презрядная иллюминація, которая представляла храмъ благополучія съ поставленнымъ посредниѣ онаго жертвенникомъ, на которомъ благоговѣніе жертву Богу приносило. Надъ опымъ являлся лѣтящій Геніусъ, показующій рукою на посвященной щитѣ, на которомъ изображены были слова:

АВГУСТЪ РОЖДЕННОЙ КЪ БЛАГОПОЛУЧІЮ ИМПЕРІИ.

По сторонамъ простирались двѣ галлеріи состоящіе изъ поставленныхъ въ перспективу постаментовъ, украшенныхъ литерами, изображающими имя Ея Императорскаго Величества. Въ то же время какъ крѣпость, такъ и всѣ дома въ городѣ до поздней ночи презрядно иллюминированны были».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1746. № 101 стр. 809.)

Ст. 1 — 2. Въ Риторикѣ Ломоносова: «Умножительныя распространенія состоятъ по бѣльней части въ приличныхъ *приложеніяхъ*, которыя бываютъ *существительныя съ прилагательными сочиненными со своими надеждами* напримѣръ:

Въ сей день, блаженная Россія,
Любезна небесамъ страна“.

(Рит. II, III и IV. § 53.)

Ст. 1 — 10. Въ Риторикѣ Ломоносова: «Напряженіемъ или стеченіемъ называется стѣсненіе многихъ важныхъ идей до одной матеріи подлежащихъ и въ одномъ періодѣ или членѣ періода включенныхъ. Сему въ примѣрѣ служатъ слѣдующіе стихи:

Въ сей день блаженная Россія“, и т. д.

(Рит. II, § 231; Рит. III и IV, § 232. Въ Рит. II приведена не вся строфа, а только восемь стиховъ: 3—10.)

Ст. 11 — 12. Въ примѣрѣ «приложеній», состоящаго изъ существительнаго имени съ родительнымъ надежомъ, Ломоносовъ приводитъ:

Натура дщерь гремящаго надъ нами
И мати всѣхъ племень земныхъ“.

(Рит. II, III и IV, § 53.)

Ст. 21—29. Въ Риторикѣ Ломоносова: «Иногда прошедшее время относится въ настоящее и изображается подъ видомъ мѣста, напримѣръ:

Сквозь тучи бывшія печали“, и т. д.

(Рит. II, III и IV, § 161.)

Ст. 71—74. Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.

Въ этихъ стихахъ заключается указаніе на уничтоженіе смертной казни. По указу 1744 года «всѣ натуральной и политической смерти экзекуціи» остановлены и повелѣно обо всѣхъ смертныхъ приговорахъ докладывать Государыниѣ.

Ст. 71—80. Въ Риторикѣ Ломоносова: «Уподобленіе служитъ къ распространенію слова, когда многія свойства, части или обстоятельства самой уподобляемой вещи и самаго подобія между собою прилично снесенія предлагаются.

Такое подобіе въ слѣдующей строфѣ:

Ты судъ и милость сопрягаешь“, и т. д.

(Рит. II, III и IV, § 69.)

Ст. 91—100 и Тогда отъ радостной Полтавы
 103—106. Побѣды Росской звукъ гремѣль,
 Тогда не могъ Петровой славы
 Вмѣстить вселенныя предѣль,
 Тогда Вандалы низложенны
 Главы имѣли преклоненны
 Еще при пеленахъ Твоихъ;
 Тогда предъявлено судьбою,
 Что съ трепетомъ передъ Тобою
 Падутъ полки потомковъ ихъ.
 Гдѣ храбрый Готовъ Побѣдитель
 Лобзаль и въ очи и въ уста
 Впервые Плодъ Свой возделанный,
 Свой Плодъ межъ лаврами рожденный,

Елисавета Петровна родилась 18 декабря 1709 года: въ 1709 году Полтавская битва; въ 1710 г. новыя побѣды — взяты: Рига, Ревель, Выборгъ и др.

Ломоносовъ въ похвальному словѣ Петру Великому: «Преславная надъ непріятельми Петрова подъ Полтавою побѣда съ рожденіемъ Великія Дщери Его въ единъ годъ приключилась, и въѣзжающаго въ Москву съ торжествомъ Побѣдителя приходящая въ миръ встрѣтила Елисавета. Петръ торжествовалъ, побѣдивъ внѣшнихъ непріятелей, и своихъ искоренивъ измѣнниковъ; Елисавета для подобныхъ родилась тріумфовъ. Петръ велъ за собою многочисленныхъ плѣнниковъ, не меньше великодушіемъ, нежели мужествомъ побѣжденныхъ; Елисавета отъ утробы разрѣшилась, дабы послѣ плѣнить сердца подданныхъ челоуколюбіемъ, кротостію, щедротою» и т. д.

XVIII.

ТЕКСТЪ.

С. I. — Собрание сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныйя. Ода 3. стр. 83—91. Новая редакція оды XVII. Прибавлены двѣ новыя строфы: четвертая и пятая; шестая строфа новой редакціи соотвѣтствуетъ четвертой прежней редакціи, седьмая строфа—пятой, восьмая—шестой, девятая—седьмой, десятая—восьмой, одиннадцатая—девятой, двѣнадцатая—десятой, тринадцатая—одиннадцатой, четырнадцатая—двѣнадцатой, пятнадцатая—тринадцатой, шестнадцатая—четырнадцатой и семнадцатая—пятнадцатой; первыя три строфы новой редакціи соотвѣтствуютъ первымъ тремъ строфамъ первой редакціи.

ВАРІАНТЫ.

С. II. — Собрание сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныйя. Ода 3. стр. 66—72.

Варианты относятся къ двумъ новымъ строфамъ; всѣ остальные варианты указаны при одѣ XVII.

Ст. 35—36. Сосцами рѣки проливаетъ,
И тѣми всяку тварь питаетъ. (с. и.)

Ст. 37—40. Державинъ (VII, 552) приводитъ въ примѣръ «пріятныхъ картинъ».

Ст. 61—70. Державинъ (VII, 559) приводитъ въ примѣръ «астрономическаго или астрологическаго ввода» или «околичностей».

Ст. 91—100. Державинъ (VII, 530) приводитъ въ примѣръ «умилительнаго вдохновенія».

Ст. 111—120. Державинъ (VII, 524—525) приводитъ въ примѣръ одного изъ видовъ «вдохновенія», именно «торжественнаго». Сумароковъ считаетъ эту строфу «прекраснѣйшею».

Ст. 157—170. Въ Риторикѣ Ломоносова: «Желаніе Фигура есть изъявленіе сянлаго хотѣнія добра или зла себѣ, либо кому нибудь другому. Напримѣръ:

Но все художество Свое
Тебѣ Иппократъ посвящаетъ
И усугубить тѣмъ жelaетъ
Дражайше здравіе Твое.
Да будетъ тое невредимо“ и т. д.

(Рит. II. § 233; Рит. III и IV. § 234.)

Ст. 162—170. В. П. Ламаицкій говоритъ: «Къ любимѣйшимъ образамъ Ломоносова принадлежалъ образъ величавой, несокрушимой силы, подобно утесу, который

Какъ верхъ высокія горы
Взираетъ непоколебимо
На мракъ и вредныя пары;
Не можетъ вихрь его достигнуть,
Ни громы страшныя подвигнуть,
Внесенъ къ безоблачнымъ странамъ,
Ногами тучи попираетъ,
Угрюмы бури презираетъ,
Смѣется скачущимъ волнамъ.

Сравните Лермонтова (въ стихотвореніи: «Я не хочу»):

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ;
Пускай шумитъ волна морей,
Утесъ гранитный не повалитъ.
Его чело межъ облаковъ;
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не вѣритъ думь».

(М. В. Ломоносовъ. Біографическій очеркъ. В. Ламанскаго. 1864.
стр. 33.)

XIX.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собрание сочинений Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальные надписи. Надпись 11. стр. 184.

ВАРИАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочинений Ломоносова, 1751. «Похвальные надписи. Надпись 12. На плуминацію представленную предъ лѣтнимъ домомъ Ея В. Г. И. Ел. П. въ день Тезоименитства Ея 1747, гдѣ изображена была Миперва, въ храмѣ, значащая премудрость Ея Величества, по сторонамъ символическія изображенія мира и войны и протчая». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собрание сочинений Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальные надписи. Надпись 11. стр. 162. Заглавіе то же, что и въ *С. I.*

Ст. 4. Приносимъ радосныхъ сіянїе огней. (Р.)

Проектъ плуминаціи представляемой въ высокой день тезоименитства Ея Императорскаго Величества предъ лѣтнимъ домомъ Сентября 5 дня 1747 года.

Понеже изъ большой залы или середины лѣтняго дому видъ прямо чрезъ перспективу простирается, то я способенъ рассудить употребить оной къ представленію великолѣпной плуминаціи такимъ образомъ, чтобъ въѣздъ спереди и сзади былъ свободенъ, а именно:

Надъ въѣздомъ объявленной перспективной дороги здѣлать триумфальныя ворота римскимъ орденомъ, а на фронтонѣ щитъ съ вензловымъ именемъ Ея Императорскаго Величества подъ короною, украшенной по правую сторону гіероглифическими изображеніями Минервы и Мира масличными и пальмовыми вѣтвями, Меркуріевымъ жезломъ, Аполлиною лирою и наклоненнымъ рогомъ изобилія, а по лѣвую сторону—военными и побѣдоносными знаками, а именно: лавровыми вѣтвями, копіями, знаменами, щитомъ и шлемомъ, пушками, ядрами и проч. Причемъ внутри свода на обѣ стороны висятъ фестоны, изъ фруктовъ и цвѣтовъ сплетенные, а на архитравѣ подъ щитомъ положена надпись:

РАСЕ. BELLOQUE. CLARA.

т. е.

въ мирѣ и войнѣ славна.

По обѣимъ сторонамъ триумфальныхъ воротъ простираются два флигеля въ амфитеатральномъ видѣ съ произвольнымъ нынѣшнихъ времянъ украшеніемъ, яко боковыми галлеріями и сходами по концамъ.

Въ срединѣ каждой галеріи въ пропорціональной вышинѣ представлена символическая фигура, смотрящая на щитъ съ именемъ Ея Императорскаго Величества, которую въ рассужденіи недалекаго расстоянія отъ большой залы картиною написать и пллуминовать надлежитъ. А именно. На правомъ флигелѣ Геніусъ Россіи, который факломъ своимъ радостный огонь закигаетъ, съ подписью:

Ей въ честь, а намъ въ увеселеніе.

На лѣвомъ флигелѣ Геніусъ любви и вѣрности, который горящее сердце къ щиту приноситъ, а другою рукою оміамъ на жертвенникъ сыллетъ. Подпись при томъ такая:

Усердныя желанія.

На помянутой перспективной дорогѣ можно, по приложенному плану, здѣлать нѣсколько пллуминованныхъ сводовъ, и въ концѣ

проспекта чрезъ триумфальныя ворота за перспективою на полѣ
статуу Минервы въ желтомъ огнѣ изъ фонарей—для изъясненія,
что и въ самой дали имя Ея Императорскаго Величества славно,
и Ее какъ Минерву любить и почитаютъ.

Въ нѣмецкомъ подлинникѣ: «Pace Belloque Clara, d. i.

Im Krieg und Frieden Weltberühmt

Mit Frucht erfüllt, mit Pracht beblüht.

(Рукопись Архива Академической канцелярш. № 108. л. 265—267.)

Празднованіе тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны не ограничилось однимъ днемъ. 17 сентября 1747 года происходило въ присутствіи государыни празднество въ Гостилицкой мызѣ графа Разумовскаго. Приводимъ любопытное описаніе этого торжества, обязательно сообщенное намъ Геннадіемъ Васильевичемъ Юдинымъ:

(ОПИСАНІЕ)

ФЕЙЭРВЕРКА И ПЛЛУМИНАЦІИ,

КОТОРЫЯ

ПРИ ПРОДОЛЖЕНІИ ТОРЖЕСТВА

ДЛЯ ВЫСОКАГО

ТЕЗОИМЕНИТСТВА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

ИМПЕРАТРИЦЫ

И САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКІЯ

ВЪ ПРИСУТСТВІИ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ТАКОЖЕ ОБОИХЪ ПОЛНОМОЧНЫХЪ ПОСЛОВЪ, РИМСКО-ИМПЕРАТОРСКАГО И КОРОЛЕВСКО-ВЕЛИКОБРИТАНСКАГО И ВСѢХЪ ЗНАТНѢЙШИХЪ ОБОЕГО ПОЛА ПЕРСОНЪ СЕНТЯБРЯ 17 ДНЯ 1747 ГОДУ

МЕЖДУ ПРОЧИМИ УВЕСЕЛЕНІЯМИ

ВЪ ГОСТИЛИЦКОЙ МЫЗѢ

ЕГО ВЫСОКОГРАФСКАГО СЯТЕТЕЛЬСТВА

АЛЕКСѢЯ ГРИГОРЬЕВИЧА РАЗУМОВСКАГО

ПРЕДЪ ДОМОМЪ ЕГО СЯТЕТЕЛЬСТВА

ПРЕДСТАВЛЕНЫ БЫЛИ.

ПЕЧАТАНО ВЪ САНКТЪПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ФЕЙЭРВЕРКЪ.

Въ среднѣхъ представленъ олтарь, на которомъ утверждается вензловое Имя Ея Императорскаго Величества подъ Короною. По сторонамъ стоятъ Геніусы съ оиміаюмъ; а вдали на каменной горѣ является храмъ благополучія, надъ которымъ на воздухѣ видно созвѣдіе, Плеяды называемое, съ слѣдующею надписью:

НАШИ ЖЕЛАНИЯ ПРЕВОСХОДЯТЪ.

Всякой легко догадается, что представленныя здѣсь фигуры изображаютъ ту мысль, что наши ревностныя желанія о вѣчномъ почтеніи столь дражайшаго Сѣверу Имени Ея Императорскаго Величества въ большемъ числѣ и усердіи на небо восходятъ, нежели сколько на здѣшнемъ горизонтѣ звѣздъ является.

ИЛЛУМИНАЦІЯ.

Оная состоитъ изъ живописныхъ картинъ, отъ которыхъ въ перспективномъ расположеніи по обѣ стороны Таксусовы деревья и горшки съ цвѣтами къ двумъ источникамъ простираются; что подаетъ глазамъ пріятной видъ, и возбуждаетъ мысль къ примѣчанію находящихся на тѣхъ картинахъ изображеній, которыя изъясляютъ причины нашего удовольствія о семъ благополучномъ днѣ: А именно Слава сооружаетъ Зданіе Чести, котораго верхняя часть сложена изъ толкаго числа камней, сколько считается лѣтъ щастливаго владѣнія Ея Императорскаго Величества. На ономъ зданіи подписано:

ДО НЕБЕСЪ ВОЗВЫШАЕМОЕ.

Стоящая притомъ сѣніемъ окруженная Минерва, яко богиня Наукъ и Художествъ, показываетъ Славѣ чертѣкъ, по которому она должна сіе Зданіе довершить. Подлѣ онаго сидитъ Геніусъ Россійской Имперіи осіяваемой лучемъ отъ Минервы происходящимъ. Внизу находятся слѣдующія слова:

ПРИ ТОЛЬ БЛАГОПОЛУЧНОМЪ
РОССІЙСКИМЪ НАРОДАМЪ ЯВЛЕНІИ,
ТЕЗОИМЕНИТСТВУ ЕЛИСАВЕТЫ

АВГУСТЪЙШЕЙ И ЩЕДРОТЪЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ

ЖЕЛАНИЯ ПРИНЕСЕНЫ СЕНТЯБРЯ 5 ДНЯ 1747 ГОДА.

Сіе изъ ясныхъ и приличныхъ фигуръ сложенное изображеніе долженствуетъ при случаѣ толь важнаго дня произвестъ слѣдующее рассужденіе: Не проходилъ еще ни одинъ годъ благополучнаго и славнаго владѣнія Ея Императорскаго Величества, нашей всемілостивѣйшей Государыни, котораго бы, для великихъ и славныхъ пропшествій, не можно было сравнить, а иногда и предпочестъ цѣлому вѣку многихъ Государей, которые во всю свою жизнь едва одно достопамятное дѣло учинили. Нѣтъ ни одного года, въ которомъ бы не было какого великаго начинанія, щастливаго произведенія въ дѣло, и обыкновеннаго намъ благополучнаго окончанія. Каждое изъ оныхъ могло бы имя и славу Ея Императорскаго Величества, а при томъ и память благополучныхъ нашихъ временъ бессмертными учинить. И хотя Ея Императорское Величество Своею высокою мудростію и прозорливостію многія дѣла въ совершенство привела, которыя все склонялись къ особливому благополучію Отечества; однако каждой годъ содержитъ нѣкоторое отмѣнное приключеніе, которымъ оной въ лѣтописцахъ справедливо именованъ быть можетъ. Итакъ прошедшіе пять годовъ названы быть могутъ слѣдующими именами, а именно: первой (1742) корону приносящій; второй (1743) побѣдоносный; третій (1744) миръ возвращающій; четвертый (1745) бракомъ Наслѣдника Имперіи сочетающійся; пятый (1746) полезными союзами славный; а наконецъ сей 1747 годъ Науки и Художества распространяющій: Но какъ сіи сами по себѣ великія дѣла бессмертное Имя Ея Императорскаго Величества до небесъ возвышаютъ; такъ все вѣрныя подданные оныя чувственно признавають, и вѣчность сея славы, которою они такожь осяиваются, радостно и съ почтеніемъ предусматриваютъ. Ибо какъ бы могли будущія времена и позднѣйшіе, наши потомки забыть, съ какимъ великодушіемъ, мудростію,

постоянствомъ и правосудіемъ, и съ какою явною Божескою помощію сія Сохранительница своего народа наслѣдній Своей престолъ воспріяла? Которая исторія могла бы умолчать, съ какою осторожностію, справедливостію, великодушіемъ, щастіемъ и славою наша Геронія сильное Свое оружіе къ защищенію имперіи употребила? Какая можетъ о насъ въ будущіе вѣки память остаться, которая бы дарованной отъ нашей миролюбивой и милостивой Самодержицы Своему народу миръ не прославлялъ: Миръ, которой нашу безопасность утвердилъ, славою и честію насъ награждалъ, и границы Имперіи распространилъ; а при томъ и побѣжденнымъ не меньше пользы учинилъ, и вѣчнымъ доказательствомъ Ея Императорскаго Величества умѣренности, милосердія и справедливости быть имѣеть? Такимъ образомъ благополучіе Россіи для нашего времени на мудрости, силѣ, безопасности и славѣ утверждено было; но Материнему попеченію нашей Монархини того еще не довольно казалось. Она желала сіе благополучіе и для потомковъ утвердить; и того ради законное отъ крови Петра Великаго наслѣдство престола мудрымъ и полезнымъ бракомъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ еще вѣнчае укрѣпила. Но какъ Героячому духу нашей Монархини неизмѣримое простраство предѣловъ сея великія Имперіи не препятствуетъ попеченіе Свое обращать и на благополучіе иностранныхъ государствъ и народовъ; то такіе полезные союзы заключены, которыми не токмо собственное наше благополучіе утверждено, но и благосостояніе Европы сохранено, и истинныя, ясныя и неспоримыя права дружественныхъ державъ и Государей гарантированы и защищены; и такимъ образомъ Россія возбуждаетъ къ себѣ любовь и почтеніе отъ всѣхъ народовъ, и собственныя свой истинныя пользы на добромъ согласіи съ сосѣдами и на мудро заключенныхъ союзахъ утверждаетъ. А понеже Ея Императорское Величество, вступая въ слѣды Своего въ Бозѣ почивающаго Великаго Родителя, совершенно видитъ, сколько къ благополучію государствъ, къ умноженію власти и къ наставленію народа въ мирныхъ и военныхъ дѣлахъ способствуетъ, когда науки и художества введены будутъ; то сія Великая Дщерь и Наслѣдница несравненныхъ свойствъ Своего Родителя, положенное къ тому отъ Него начало вели-

колѣпно совершить благоволила. Заведенныя Его Величествомъ науки и художества приносили уже различныя плоды, и послѣдующее время оказало, какія благодаренія мы за полезное намъреніе о введеніи ихъ отдавать должны. Къ дальнѣйшему распространенію оныхъ не доставало токмо того, чтобъ опредѣлить имъ пристойное по великости Имперіи содержаніе; но великая наша Матерь Отечества не оставила о томъ ни попеченія, ни потребнаго на то издвенія не пожалѣла; и для того всѣ вѣрныя подданныя воображаютъ себѣ напередъ достойнѣйшее прославленіе Ея имени въ вѣчныя роды: ибо великія дѣла безъ помощи наукъ и художествъ отъ забвенія сохранены и бессмертными учеными быть не могутъ. Дѣла отдаленныхъ отъ наукъ народовъ съ ихъ вѣкомъ умираютъ, и многія славныя дѣйства нашихъ предковъ либо вовсе намъ не извѣстны, либо знаемы, да весьма не ясно и сумнительно, потому что въ тѣ времена науки и художества до ихъ предѣловъ можетъ быть еще не дошли. Такимъ образомъ воспаленныя вѣрностію, ревностію и желаніями о высокомъ благополучіи своей Занитницы сердца подданныхъ не токмо радуются, что они вѣконечное прославленіе въ вѣчныя времена такихъ къ нимъ оказанныхъ благодарнѣйшій напередъ видѣть могутъ, но и ту славу кунно съ благополучіемъ чувствуютъ, которая чрезъ то на ихъ самихъ обращается.

И такъ при семъ радостномъ дни Тезоименитства Ея Императорскаго Величества, что можетъ достоинѣе быть благодарности и рассужденія вѣрныхъ подданныхъ, какъ то, что когда дѣла Ея Императорскаго Величества особливими и отмѣнными приключеніями каждому году въ Россійской Исторіи собственное имя придать могутъ, то сколь достохвально и славно не долженствуетъ пребыть въ вѣчныя роды Великое Имя Совершенствоныи оныхъ? Имя, которое наши потомки за основаніе своего благополучія признавать и оному благодарныя свой сердца вмѣсто храмовъ посвящать будутъ.

XX.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собрание сочинений Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальные надписи. Надпись 12. стр. 185.

ВАРИАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочинений Ломоносова, 1751 г. «Похвальные надписи. Надпись 13. На иллюстрацію представленную въ праздникъ восшествія на Всероссийскій Престоль Ея Величества передъ зимнимъ домомъ, на которой изображена была кристалная гора, а на ней Императорской престоль съ около стоящими Императорскими на столпахъ признаками, а надъ тропомъ вензловое имя Ея В.». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.—Собрание сочинений Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальные надписи. Надпись 12. стр. 162. Заглавіе то же, что въ *С. I.*

Ст. 2. Твердѣйше мрамора, рубина много краше: (Р.)

Ст. 4. На нашей вѣрности вѣвки утверждень. (Р.)

Канцелярія «Главной артиллеріи и фортификаціи» обратилась въ Академію наукъ съ просьбою составить проектъ иллюминаціи на высокаторжественный день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, 25 ноября 1747 года. Порученіе это было возложено академіею на Христиана Крузіуса, «профессора древностей и исторіи литеральной». Крузіусъ представилъ, на нѣмецкомъ языкѣ, проектъ и его объясненіе. Приводимъ ихъ въ современномъ подлиннику русскомъ переводѣ:

«Проектъ иллюминаціи на день восшествія на престолъ Ея Императорскаго Величества.

Въ среднѣ театра представленъ императорскій престолъ на хрустальной горѣ, а надъ престоломъ является вензловое имя Ея Императорскаго Величества, лавровыми вѣтвями украшенное. Съ обѣихъ сторонъ простираются аллеи, состояція изъ наполненныхъ деревьями и плодами сосудовъ. На каждой сторонѣ представлено зданіе Чести (Ehren-Gerüste), изъ которыхъ на одномъ корона и скипетръ, а на другомъ императорскій гербъ лежатъ. Внизу подъ горою подпись:

SOLO MUNITUR AMORE,

т. е.

УТВЕРЖДАЕТСЯ НА ЛЮБВИ И ВѢРНОСТИ ПОДДАННЫХЪ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ

Проекта иллюминаціи на 25 Ноября, а именно на день благополучнаго восшествія на престолъ Ея Императорскаго Величества.

Отмѣнное благополучіе великихъ монарховъ и обладателей многихъ народовъ изъ толь многихъ преимуществъ такъ великолѣпно и ясно блистаетъ, что никто предъ такимъ свѣтомъ очесъ своихъ закрыть не можетъ. Великая сила, высокая власть, изящное великолѣпіе, величество: коротко сказать, заключеніе

всѣхъ имѣній и чести (der Inbegriff aller Güter und Ehre) осѣиваютъ ихъ престолъ, который Провидѣнїе, подобно крѣпкому зѣмку, на верьху человѣческаго благополучїя утверждаетъ.

Но между всѣми преимуществами превосходнѣйшее есть всегдашняя возможность благодѣлывать, споспѣшествовать благополучїю подданныхъ. Чего ради они справедливо земными богами называются, и, кромѣ всемогущаго Бога, одни власть надъ благосостоянїемъ другихъ людей въ своихъ рукахъ имѣютъ.

Сїе самое можетъ служить къ тому, что тѣ, которые впрочемъ силою и высочествомъ между собою равны, одни превзойти другого и свою великость надъ всѣми показать могутъ. Ибо людей благополучными дѣлать и подданныхъ сердца союзомъ любви и почтенїя склонить, Государямъ одному предъ другимъ даетъ толь великое преимущество, сколь они вообще права свои отъ числа прочихъ людей отдѣляютъ.

Все прочее должны они приписывать Божїему Провидѣнїю, отъ котораго они коронѣ и соединеннаго съ оными велелѣнїя удостоены; по искусство, чтобъ любовь подданныхъ къ себѣ обращать, есть та корона, которую они себѣ сами налагаютъ.

И понеже Ея Императорское Величество, какъ весь свѣтъ признаваетъ, благополучное свое государствованїе, яко образецъ для послѣдующихъ временъ, продолжаетъ, и сердца своихъ подданныхъ не меньше любовїю, какъ властїю владѣетъ; такъ сїе всеконечно есть достоинѣйшее и наибольше приличное рассужденїе, которое въ сей достопамятнѣй день наши мысли возбудить и увеселить можетъ. Такимъ образомъ Ея Величество видитъ высочество своего престола, утвержденное на непоколебимомъ основанїи некренней, чистой и непритворной любви своихъ подданныхъ, и колїкое благополучїе отъ того столь многимъ, скипетру Ея подверженнымъ, народамъ раждается, толкїе же способы Ея Величество чрезъ то получаетъ къ вѣчному прославленїю высочайшаго своего имени и къ сохраненїю памяти онаго въ почтенїи у всѣхъ будущихъ родовъ, подобно свѣтлому хрусталу, который не токмо самъ чистъ, свѣтелъ и блистающъ,

но и всему тому, гдѣ онъ находится, особый свѣтъ и сіяніе сообщаетъ.

Сіе то есть, о чемъ обрадованные подданные Богу свои благодарственные жертвы приносятъ, моля при томъ о высокомъ благополучіи своей Государыни, и что изъ ихъ радости примѣтить и въ толь пространныхъ предѣлахъ сея великія имперіи слышать, изъ дѣйствъ каждаго усмотрѣть, и съ лица и поступокъ всѣхъ и каждаго ясно видѣть можно».

(Рукопись Архива Академической канцеляріи. № 110. л. 296—299, 282—284, 329—330 об.)

Ст. 5—6. Пусть мнимая другихъ свобода угнѣтаетъ,
Насъ рабство подъ Твоей державой возвышаетъ.

Стихи эти, какъ «черезчуръ покорные», подверглись рѣзкому осужденію позднѣйшей критики; но по замѣчанію академика Печкарскаго (II, 374—375), «въ нихъ можетъ быть несправедливо корить Ломоносова, который въ этомъ случаѣ былъ, вѣроятно, только переводчикомъ. Подписи къ иллюминаціямъ всегда сочинялъ на нѣмецкомъ языкѣ Штелишъ, а Ломоносовъ обязывался только переводить нѣмецкіе стихи въ русскіе, противъ чего онъ впоследствии возсталъ. Нѣкоторые изъ подобныхъ переводовъ напечатаны были Ломоносовымъ въ его Собраніи сочиненій, 1751 года, но безъ указанія, что это переводные стихи, между тѣмъ какъ о сдѣланныхъ въ 1748 и слѣдующихъ годахъ есть въ современныхъ дѣлахъ неопровержимыя доказательства тому».

Нѣмецкій подлинникъ стиховъ Ломоносова остается пока неизвѣстнымъ; но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію прямая связь подписи Ломоносова съ проектомъ иллюминаціи и объясненіемъ къ нему, принадлежащими профессору Крузіусу. На это ясно указываетъ какъ заглавіе, данное Ломоносовымъ своему стихотворенію, такъ и содержаніе его. Не дѣйствительную свободу отвергаетъ Ломоносовъ, а «мнимую», т. е. такую, которая въ сущности является гнетомъ. Подобной, кажущейся, свободѣ можно, по его мнѣнію, предпочесть рабство, но только въ томъ

случаѣ, если власть монарха утверждается на любви народа и заботахъ о его благосостояніи. Другими словами: мнимая свобода хуже мнимаго рабства. Самое противопоставленіе этихъ понятій навѣрно, быть можетъ, словами «проекта», что монархи, будучи поставлены на высоту недосягаемую, могутъ соперничать между собою дѣйствіями, вызывающими любовь подданныхъ. Въ проектѣ подданные вообще изображаются рабами, но «рабство подъ державою Елисаветы» мягче другихъ уже потому, что она «владѣеть столько же властію, какъ и любовью».

Что Ломоносову предписывали переводить хвалебныя стихи, вопреки его желанію и несмотря на его протесты, на это есть неоспоримыя доказательства: нѣкоторыя изъ нихъ приводятся нами въ объяснительныхъ «Примѣчаніяхъ».

XXI.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой заглавіе; текстъ оды занимаетъ шесть страницъ—отъ третьей до восьмой. Передъ началомъ текста оды заставка съ криволинейнымъ узоромъ, обрамляющимъ рядъ двуглавыхъ орловъ, надъ которыми короны, составляющія отдѣльный горизонтальный рядъ украшеній. Въ концѣ оды—типографская заставка (cul-de-lampe), среднюю которой занимаетъ криволинейный орнаментъ, симметричный по горизонтальной и вертикальной осямъ; надъ нимъ—корона, подъ нимъ—три одинаковые завитка. Строфы не обозначены цифрами, а отдѣлены одна отъ другой тремя звѣздочками.

ВАРИАНТЫ.

P.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Оды похвальныйя. Ода 4. На день восшествія на престолъ Ея Императорскому Величеству Государыни Елисаветы Петровны». Ода писана чужою рукою; только первый стихъ пропущенной переносчикомъ строфы написанъ рукою Ломоносова: «Коль многимъ смертнымъ неизвѣстны, и и проч.». Строфы не обозначены цифрами.

Рит. II.— Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова 1746—1747.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова, въ Собраніи его сочиненій, 1759 г.

Г.— Грамматика Ломоносова.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныйя. Ода 4. «На день восшествія на Всероссийскій престоль Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года». Стр. 92—104. Строфы обозначены цифрами.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныйя. Ода 4. Заглавіе то же, что и въ *С. I.* стр. 73—82. Строфы обозначены цифрами.

Ст. 10. Свое богатство по земли. (С. I и II.)

Ст. 19. Душа Ея зефира тише. (С. I и II.)

Ст. 20. И зракъ прекраснѣ рай. (Р. С. I и II.)

Ст. 50. Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ. (С. I и II.)

Ст. 69. Россію грубостью поправну (С. II.)

Ст. 93. Блаженства нашего причина. (Р. С. I и II.)

Ст. 100. Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ. (С. I и II.)

Ст. 101. Въ толикой горестной печали (Рит. II, III и IV. § 31.)

Ст. 102. Сомнѣнный ихъ смущался путь; (С. I и II.)

Ст. 136. Возри въ поля Свой широки. (С. I.)

Возри въ поля Свой широки. (С. II.)

Ст. 157. Тамъ Лена чистой быстриной (С. I и II.)

Ст. 160. Сравнившись морю шириной. (С. I и II.)

Ст. 164. Стоятъ глубокія лѣса, (С. I и II.)

Ст. 167. Ловящихъ крикъ не разгонялъ; (С. I и II.)

- Ст. 170. Поющихъ птицъ не устрашалъ. (С. I и II.)
 Ст. 172. Гдѣ Музамъ путь свой простирать; (С. I и II.)
 Ст. 186—187. Тамъ влажный флота путь бѣлѣтъ
 И море тщится уступить; (С. I и II.)
 Ст. 190. Твои щедроты возвѣститъ. (С. I и II.)
 Ст. 195. Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ, (С. I и II.)
 Ст. 210. Онъ мрачный отвращаетъ взоръ. (С. I и II.)
 Ст. 224. Въ несчастной жизни берегутъ. (Р.)

Самое заглавіе оды Ломоносова указываетъ на цѣль, съ которою написана эта ода. Она названа радостнымъ и благодарственнымъ приношеніемъ русскихъ музъ, основанныхъ Петромъ Великимъ, утвержденныхъ Екатериною I, обогащенныхъ, оживленныхъ и восстановленныхъ Императрицею Елисаветою Петровною. Подъ именемъ «Музъ Россійскихъ» Ломоносовъ разумѣтъ Академію наукъ, основанную по мысли Петра Великаго, открытую при Екатеринѣ I, оживленную и восстановленную при Елисаветѣ Петровнѣ, даровавшей ей первый уставъ. 24 іюля 1747 года подписанъ былъ Императрицею Елисаветою уставъ, или «Регламентъ Императорской Академіи Наукъ и Художествъ въ Санктпетербургѣ». Поэтому 1747 году давали такое названіе: «годъ, науки и художества распространяющій».

По мнѣнію Мерзлякова, высокое достоинство оды Ломоносова заключается въ томъ, что въ ней «дышетъ небесная страсть къ наукамъ». Поэтъ желаетъ, чтобы они обращены были на распространеніе истиннаго просвѣщенія въ Россіи, страны обширной, богатой всякаго рода произведеніями. Онъ увѣренъ, что «Россія сама въ себѣ найдетъ, если употребитъ свое тщаніе, все металлы, все произрастенія, все драгоценности, которыя со многими издержками получаетъ изъ отдаленныхъ странъ. Сія мысль его тѣмъ важнѣе, что онѣ безъ сомнѣнія были еще довольно новыя въ то время въ его отечествѣ».

(Труды Общества любителей россійской словесности: 1817. Часть седьмая. Мерзлякова: «Разборъ осьмой оды Ломоносова», стр. 28—79.)

С. М. Соловьевъ такимъ образомъ опредѣляетъ значеніе оды Ломоносова: «Въ концѣ 1747 года, когда велсь окончательные переговоры о движеніи русскихъ войскъ на помощь морскимъ державамъ, и когда, несмотря на увѣренія правительства, что это участіе въ войнѣ необходимо для ускоренія мира, многіе думали, что такое участіе можетъ имѣть слѣдствія противныя и завлечь Россію въ опасныя «дальности», по тогдашнему выраженію, Ломоносовъ пишетъ знаменитую оду на день восшествія на престолъ, въ которой прославляетъ миръ и его главный плодъ — процвѣтаніе наукъ. Кто изъ насъ въ дѣтствѣ не зналъ наизусть этихъ стиховъ:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина“, и т. д.

(Исторія Россіи. XXII, 307.)

Ст. 1—10. Екатерина II: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика (подражаніе Шакеспиру)». Дѣйствіе пятое. Явленіе первое. Второй хоръ:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина.
Блаженство сель, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.

Ст. 7—8. Державинъ (VII, 554): «*Перескокомъ* называется то, что показываетъ выпускъ или промежутокъ между понятіями. Въ жару мысли тѣснятся, летятъ, нѣкоторыя изъ нихъ не дого-

вариваются или пропускаются, а важнѣйшія какъ бы выпорхиваютъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ находились въ кругу нашего воображенія. Таковыя перескоки пристойны только въ чрезвычайно важныхъ стремительныхъ ощущеніяхъ страстей. Вотъ примѣръ:

Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ (плыть) въ море за тобою.“

Сумароковъ написалъ «Критику на Оду» Ломоносова и разбираетъ каждую строфу, каждый стихъ съ болѣе или менѣе язвительными замѣчаніями, какъ напримѣръ: «я не знаю, что за ограда града—тишина: я думаю, что ограда града—войско и оружіе, а не тишина. Что корабли дерзаютъ въ море за тишиною, мнѣ весьма сумнительно; тишина остается на берегахъ, а море никогда не спрашиваетъ, война или миръ въ государствѣ» и т. п.

(Позное собраніе сочиненій Сумарокова. 1787. Часть X. стр. 77—91.)

Ст. 26—30. Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россю щастьемъ улаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

Мерзляковъ: «*Полно тѣхъ побѣдъ, вмѣсто: Довольно.* Слово *тылз* поставлено даромъ, но для того, чтобъ дать разумѣть, что есть другого рода побѣды надъ сердцами человѣческими — побѣды великодушія, милосердія, добродѣтели и проч. Последніе превосходные стихи напоминаютъ подражаніе Державина:

Слеза щедротой извлеченна,
Тебѣ пріятели, чѣмъ вселенна,
Пріобрѣтенная войной!

(Сочиненія Державина. Томъ I. «На Шведскій миръ». стр. 312.)

Ст. 50. Лѣтитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

Сумароковъ: «Лѣтитъ мѣжъ водныхъ нѣдръ не одна корма, но весь корабль. Сочинитель сей Оды хулитъ, что я взялъ многое въ свою трагедію изъ Французскихъ стихотворцовъ. Правда я бралъ нѣчто, и для чево то не здѣлать по Русски, что на Французскомъ языкѣ хорошо. Въ томъ только сила, хорошоль я то по Русски здѣлалъ. Ижъ не для того бралъ, чтобъ миѣ то за свое положить, и ни отъ ково онаго не утаивалъ, но еще и показывалъ. Ижъ нарочно бралъ тѣ стихи, которые многимъ знакомы, чтобъ показать хорошоль то въ Русскомъ языкѣ будетъ. Однако я еще не столько бралъ, какъ всѣ другіе славнейшіе стихотворцы, каковъ на примѣръ Расинъ. И ни кто во всей моей трагедіи, не сыщеть чужихъ стиховъ ни тридцати, а въ шестнатцати стахъ, того очень не много. Да для чево миѣ того не дѣлать, когда то всѣ всѣхъ народовъ лутчіе стихотворцы дѣлать не стыдились. Етожъ и не стыдно. А ежели стыдно, для чево онъ г. Ломоносовъ, лѣтитъ корма мѣжъ водныхъ нѣдръ положилъ, онъ и самъ не отречется, что это онъ у меня взялъ».

(Полное собраніе сочиненій Сумарокова. 1787. Часть X, стр. 82.)

Ст. 57. Прекрасны наши времена.

Сумароковъ (X, 83): «Можно сказать *прекрасные дни*, говоря о дняхъ весеннихъ, *прекрасные дѣвѣны*, и *прекрасные времена*, ежели говорятся о погодѣ, а счастливые времена прекрасными не называются».

Ст. 65—66. Послалъ въ Россію Человѣка,

Каковъ неслыханъ былъ отъ вѣка.

Сумароковъ (X, 84): «Ето взято изъ моихъ стиховъ точно, которые за три года прежде сей Оды здѣланы, и которые тамъ написаны о Петрѣ жъ Великомъ:

Отъ начала перьва вѣка,
Таковаго человѣка
Не видало естество.

Отъ начала перьва вѣка — кажется мнѣ ясно, а *отъ вѣка* ничево не знаменуеть; иное бы было, ежелибъ было сказано *во всей вѣчности* не слыхано, а *отъ вѣка* — это я не знаю что».

Ст. 81—90. Тогда божественны науки,
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали рѣки,
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ Себѣ ихъ призываетъ;
Ужѣ Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

Относится къ учрежденію Академіи наукъ, и здѣсь выражена мысль Петра Великаго, руководившая имъ при основаніи Академіи наукъ. Онъ призывалъ иностранныхъ ученыхъ потрудиться на пользу Россіи и содѣйствовать распространенію образованія въ русскомъ народѣ.

Ст. 91—100. Державинъ (VII, 531) приводитъ въ примѣръ «унылаго вдохновенія».

Ст. 101—102. Ломоносовъ въ своей Риторикѣ: «Предлогами соединяемыя приложенія мѣсто, время или иное что значація въ началѣ въ срединѣ и въ концѣ главныхъ предложеній вмѣщены бывають. Однако, гдѣ слово устремить или возвысить должно, тутъ не рѣдко бываетъ пристойнѣе вмѣщать оныя напередъ, на примѣръ:

Въ тѣликой горестной печали
Сомнѣнной ихъ шатался путь».

(Рит. II, III и IV. § 321)

Ст. 103. И токмо шествуя желали

Сумароковъ (X, 86): «Токмо есть слово приказное, равно такъ, какъ *якобы* и *иметься*, а не стихотворное».

Ст. 109—110. Давнобъ Секвана постыдилася
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой.

Секвана (Sequana) — Сена (Seine) постыдилася бы передъ Невой, то есть Парижская Академія наукъ могла бы позавидовать Петербургской.

Ст. 121—126. Ломоносовъ въ своей Риторикѣ: «Члены въ періодахъ и цѣлыя періоды, особливо въ высокихъ и стремительныхъ матеріяхъ, большее великолѣпіе и силу имѣютъ, ежели союзы выкинуты будутъ, которыхъ миновать можно, на примѣръ:

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны.

Здѣсь напередѣ отставленъ союзъ, *хотя*, которой будучи приложенъ, много бы силы отнялъ. Изъ сего еще видно что періоды сильно и великолѣпно начинаются съ косвенныхъ надежей именъ важныя вещи значащихъ».

Ст. 144—147. Тогда сокровища открытъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.

Сумароковъ (X, 90): «Индія слыветъ ета земля, а не Индія. Индія и Россія рюмы самыя бѣдныя» и т. д.

Елагинъ въ своей сатирѣ на петиметровъ подсмѣивается надъ Ломоносовымъ, не называя его имени, за невѣрное удареніе въ словѣ *Индія*, допущенное ради рюмы. Ломоносовъ писалъ Шувалову по этому поводу: «Я подлинно знаю, что сія рюма также пехороша, какъ извѣстная Вамъ у Раина, и для того Елагинъ лжетъ, что онъ ею любовался. Много бы я могъ по-

казать бѣдности его мелкаго знанія и скуднаго таланта, однако напрасно будетъ потеряно время на исправленіе такого человѣка, который уже болѣе десяти лѣтъ стихи кропать началъ, и понышѣ стихотворческой мѣры и стошъ не знаетъ, не упоминая чистыхъ мыслей, справедливости изображеній» и т. д.

Ст. 148—150. Сіе злату́ очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой восставленныхъ наукъ.

Мерзляковъ: «Надобно замѣтить, что горное дѣло, по крайней мѣрѣ въ разсужденіи драгоценныхъ металловъ, тогда только началось. И такъ стихъ: *и камни почувствуютъ силу*—имѣетъ здѣсь свое особенное достоинство для настоящаго времени одь».

Ст. 151—152, 155—156. Ломоносовъ въ своей Грамматикѣ, § 498: «Противительными (союзами) показывается выключеніе или исправленіе перваго положенія, которыхъ обонхъ сочиненія другъ отъ друга не зависятъ:

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами“.

Ст. 163—170. Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоять глубокіе лѣса
Гдѣ въ роскошѣ прохладныхъ тѣней
На пасствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не устрашалъ,
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не разгонялъ.

Ср. Жуковскій въ «Посланія къ Воейкову» (1813 г.):

Лѣса, которыхъ сна отъ отъ вѣка
Ни стукъ сѣкирь, ни человѣка

Веселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучъ дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одинъ олень,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣсясь въ толпу, шумять вѣтвями, и т. д.

Ст. 171—172. Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ бѣгъ свой простирать!

Въ Регламентѣ Академіи наукъ говорится: «Государству не можетъ быть инако, яко къ пользѣ и славѣ, ежели будутъ такіе въ немъ люди, которые знаютъ теченіе тѣлъ небесныхъ и времени, мореплаваніе, географію всего свѣта и своего государства. . . . Всѣ государства, а паче Россійское, имѣютъ случай ктому, чтобъ примѣчанія и новыя изобрѣтенія дѣлать въ травахъ, деревьяхъ, камняхъ, соляхъ, рудахъ, однимъ словомъ во всемъ томъ, что внутри и на поверхности землі находится» и т. д.

Ст. 177—180. Гдѣ солнца веходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутитея,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манжуръ.

Въ половинѣ семнадцатаго столѣтія Амуръ занятъ русскими. Въ 1650 году «нѣкоторой промышленной человекъ, уроженецъ города Солн-Вычегодской, именемъ Ерооей Хабаровъ» отправился «съ охочими людьми на Амуръ рѣку». Векорѣ по занятіи Амуре послали въ Москву ясакъ и «для опыта нѣсколько хлѣба, какой родился на Амурѣ».

Съ 1650 по 1689 годъ продолжалась русская колонизация на Амуръ. Но въ 1689 году заключенъ Нерчинскій трактатъ, по которому вся рѣчная область Амуре перешла во власть китайцевъ или «манжуровъ».

Ст. 191—194. Ломоносовъ въ своей Риторикѣ: «Изъ мѣстъ риторическихъ описанія и повѣствованія особливо украшаются краткими уиодобленіями и сравненіями, напримѣръ:

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ
Рѣкъ подобень Океанъ,
Небесной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ“.

(Рит. II. § 313; Рит. III и IV. § 312.)

Ст. 191—210. Державинъ (VII, 541—544): «Разнообразіе бываетъ: въ картинахъ и чувствахъ; въ слогѣ и украшеніяхъ; въ механизмѣ стиховъ, слоюудареніи или рюмѣ. Образцы разнообразія относительно картинъ можно видѣть въ одахъ Пшдара и Горація. Ломоносовъ имъ наполненъ. Приведемъ въ примѣръ изъ Ломоносова:

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкъ подобень Океанъ“; и т. д.

Ст. 201—202, И се Минерва ударяетъ
205. Въ верхи Рифейски копеймъ,
Плутонъ въ рассѣлинахъ мятется,

Мерзляковъ: «Минерва, даровавшая масличное дерево и копя возлюбленнымъ своимъ Аѳшамъ, никогда не растворяла подземнаго убѣжища Плутона, и въ самой битвѣ Троянской. А это приписываютъ Нептуну, когда онъ ударомъ трезубца своего весьма испугалъ царя подземнаго. Можетъ быть вмѣсто Плутона должно поставить здѣсь *Плутусъ*».

Ст. 211—220. О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ.
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветь отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Держайте нынѣ ободренны

Раченьемъ нашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Эта строфа относится къ студентамъ Академическаго университета, цѣль котораго состояла въ приготовленіи русскихъ молодыхъ людей къ ученой и учебной дѣятельности. Они должны были замѣнить со временемъ тѣхъ ученыхъ, которые по необходимости призваны были изъ чужихъ странъ. «Россія — говорится въ Регламентѣ — не можетъ еще тѣмъ довольствоваться, чтобъ только имѣть людей ученыхъ, которые уже плоды науками своими приносятъ, но чтобы всегда на ихъ мѣста заблаговременно наставлятъ въ наукахъ молодыхъ людей, а особливо что учрежденіе Академическое впредь должно состоять изъ природныхъ Россійскихъ: того ради къ Академіи другая ея часть присоединяется — университетъ». Къ игомцамъ этого университета и обращается Ломоносовъ, говоря, что отечество надѣется увидѣть въ нихъ такихъ же достойныхъ служителей науки, какими были даровитѣйшіе изъ ихъ наставниковъ, призванные «отъ странъ чужихъ».

Обращеніе это Державинъ (VII, 555—557) называетъ великолѣпнымъ, свойственнымъ особенно Ломоносову.

Ст. 221—230. Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ несчастливой жизни утѣшаютъ,
Въ несчастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуют вездѣ,
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Цицеронъ въ рѣчи за поэта Архія говоритъ, что занятія науками даютъ человѣку благороднѣйшее наслажденіе и служатъ лучшимъ способомъ для успокоенія духа отъ житейскихъ тревоженій: Quod si non hic tantus fructus ostenderetur, et si ex his studiis delectatio sola peteretur, tamen, ut opinor, hanc animi remissionem humanissimam et liberalissimam indicaretis. Nam ceterae neque temporum sunt neque aetatum omnium neque locorum: haec studia adulescentiam alunt, senectutem oblectant, secundas res ornant, adversis perfugium ac solacium praebent, delectant domi, non impediunt foris, pernoctant nobiscum, peregrinantur, rusticantur. (Pro Archia poeta, c. VII).

XXII.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.
§ 273.

ВАРІАНТЫ.

P.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочиненій Ломоносова, 1751. «Оды духовныя. Ода 7. Преложеніе псалма 145». Было написано чужою рукою: «Парафразисъ псалма 145». Ломоносовъ зачеркнулъ *Парафразисъ* и написалъ: *Преложеніе*. Весь псаломъ писанъ чужою рукою.

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747. § 273.

C. I.—Собрание сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды духовныя. Преложеніе псалма 145. стр. 32—34. Строфы обозначены цифрами.

C. II.—Собрание сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Заглавіе то же, что и въ *C. I.* Строфы обозначены цифрами.

Ст. 1—2. Хвалу всевышнему Владыкѣ

Потнися, духъ мой, воссылать: (С. I и II.)

Ст. 10. И тлѣнну плоть ихъ гробъ пожретъ; (Рит. II.)

Ст. 12. И слава ихъ и власть минеть. (Рит. II.)

- Ст. 14. Всевышнему во всёхъ дѣлахъ, (Р.; С. I и II.)
 Ст. 17. Безсчетно многими звѣздами (Рит. II.)
 Ст. 19—20. И не постижными дѣлами
 Земли и моря широту. (С. I и II.)
 Ст. 22. По истинѣ въ обидахъ судъ; (Р.; С. I и II.)
 Ст. 23. Дающаго голоднымъ пищу, (С. I и II.)
 Ст. 33. Господь пришелцовъ охраняетъ, (Рит. II.)
 Господь пришельцевъ сохраняетъ, (Р.; С. I и II.)
 Ст. 35. Онъ дерескѣй грѣшныхъ путь скончаетъ,
 (Р.; С. I и II.)

Въ первый разъ напечатано въ Риторикѣ Ломоносова, изданной въ 1748 г., какъ примѣръ силлогизма: «Первая посылка раздѣлительнаго Силлогизма можетъ быть отставлена, и вмѣсто оной положенъ быть краткой приступъ, какъ то видно въ псалмѣ 145-мъ, которой основанъ на слѣдующемъ раздѣлительномъ. Силлогизмъ: *Или уповать на Бога, или на князей сыновъ человеческихъ; но уповать на нихъ неспасительно; следовательно лучше уповать на Бога.* Для яснѣйшаго понятія прилагается онаго псалма Парафрастическая ода:

Хвалу всевышнему владыкѣ
 Потщися духъ мой возсылать“: и т. д.
 (Рит. II и III. § 273.)

Въ Рит. II рукою Ломоносова написано: при первой строчкѣ—*приступъ*; при первомъ стихѣ второй строфы—*вторая посылка*; при третьемъ стихѣ той же строфы—*причина*.

Въ Рит. II первая строфа была переложена Ломоносовымъ такъ:

Хвали душа моя всечасно
 Творца дающа благодать,
 О немъ я стану пѣть всечасно.
 Какъ долго буду я дышать.

Но Ломоносовъ зачеркнулъ это и написалъ сбоку:

Хвалу всевышнему владыкъ
Потщися духъ мой возсылать:
Я буду пѣть въ гремящемъ лигѣ
О немъ, пока могу дыхать.

Псал. 145.

Хвали, душе моя, Господа.

Восхваляю Господа въ животѣ моемъ, пою Богу моему дожде есмь.

Не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческія, въ шихже нѣсть спасенія.

Изидеть духъ его, и возвратится въ землю свою; въ той день погибнуть вся помышленія его.

Блаженъ, емуже Богъ Іаковль помощникъ его; упованіе его на Господа Бога своего,

Сотворшаго небо и землю, море и вся, яже въ нихъ, хранящаго истину въ вѣкъ,

Творящаго судъ обидимымъ, дающаго пищу алчущимъ.

Господь рѣшитъ окованныя.

Господь умудряетъ слѣпцы, Господь возводитъ низверженныя, Господь любитъ праведники.

Господь хранитъ пришельцы; сира и вдову прииметь, и путь грѣшныхъ погубитъ.

Воцарится Господь во вѣкъ, Богъ твой, Сионе, въ родъ и родъ.

Симеон. Полоцк.

Хвали, душе моя, Бога твари всея,

До конца и жизни восхваляю моя.

Пѣснь Богу моему имамъ воспѣвати,
 Дондеже въ существѣ дастъ ми пребывати.
 Надежды въ князѣхъ вси не полагайте,
 Въ сынѣхъ человѣчнхъ вы не уповайте,
 Яко спасеніе въ нихъ не обитаетъ,
 Изшедшу бо духу плоть ся въ прахъ вращаетъ,
 А помышленія тогда исчезаютъ,
 Ибо умышленныхъ дѣлъ не содѣвають.
 Блаженъ человекъ есть, емуже отъ Бога
 Иаковля помощь, и надежда многа
 На Господа жива, иже сотворилъ есть
 Небо, землю, море, и вся исполнилъ есть;
 На Господа, во вѣкъ истину храняща,
 И судъ обидимымъ людемъ си творяща;
 Алчущимъ довольство ищи дающаго,
 Окованныя же люди рѣшащаго.
 Господь умудряетъ во людехъ слѣбныя,
 Возводитъ падшія, любитъ праведныя.
 Господь хранитъ страшныхъ, сира же и вдову
 Воспріяти имать десницу готову.
 Путь человекъ грѣшныхъ имать погубити,
 Самъ же имать вѣчно царь превелій быти,
 Богъ твой, о Сіоне, отъ рода и въ роды,
 Единъ царь и Господь небесны породы.

Переложеніе Ломоносова сдѣлалось извѣстнымъ въ народѣ въ различныхъ краяхъ Россіи. Объ этомъ есть весьма любопытное свидѣтельство въ «Дневникѣ» академика и профессора А. В. Никитенко. Авторъ «Дневника» говоритъ: «Съ Ломоносовымъ я познакомился еще въ раннемъ дѣтствѣ, слушая бродячихъ слѣпыхъ иѣвцовъ, которые, ходя по хуторамъ и слободамъ за подаяніемъ, распѣвали: «Хвалу Всевышнему Владыкѣ потщися духъ мой воспѣвать» и другія духовныя стихотворенія этого автора. Теперь, когда я пишу о Ломоно-

совѣ — о художественномъ характерѣ его твореній, у меня вдругъ ожило воспоминаніе о томъ, какимъ уваженіемъ пользовался онъ во времена моего дѣтства среди массы простаго народа. Имя Ломоносова, какъ поэта, было извѣстно, но крайней мѣрѣ между малороссіянами, всѣмъ сколько нибудь грамотнымъ людямъ. Мнѣ было лѣтъ десять или одиннадцать, когда однажды зашли къ намъ въ хату два бродячіе слѣпые пѣвца и просили у моего отца позволенія пропѣть гимнъ. Съ того времени и до сихъ поръ затвердились у меня въ памяти слѣдующіе стихи Ломоносова, которые слѣпые бродяги пѣли къ великому удовольствію моего отца и всѣхъ домашнихъ:

Хвалу Всевышнему Владыгѣ
Потнися духъ мой возсылать;
Я буду пѣть въ гремищемъ ликѣ
О Немъ, пока могу дышать.

* * *

Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ:
Ихъ тѣ-жъ родили человѣки
И нѣтъ спасенія отъ нихъ!

Сначала меня занимала только игра ихъ лицъ, но потомъ, не знаю, какое то особенное, невыразимое чувство овладѣло моимъ маленькимъ сердцемъ, и вотъ теперь я съ умиленіемъ вспоминаю о томъ. Отецъ сказалъ мнѣ тогда, что это стихи Ломоносова, и съ тѣхъ поръ имя его мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ.

(Русская Старина. 1888. Ноябрь. стр. 283;—1891. Июнь. стр. 624—625.)

XXII^a.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, 1748.

ВАРИАНТЫ.

Рит. II.— Рукописная, собственноручная, Риторика Ломоносова 1746—1747 г.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова. 1759 г.

Ст. 1. Хвалите Господа всея земли языки, (*Рит. IV.*)

Ст. 3. Что милость онъ свою во вѣкъ поставилъ въ насъ,
(*Рит. IV.*)

Псал. 116.

Хвалите Господа вси языцы; похвалите Его вси людие;

Ико утвердися милость Его на насъ, и истина Господни пребываетъ во вѣкъ.

Псалтырь Симеона Полоцкаго.

Хвалите Господа вси міра языцы,
Хвалите вси имя Его человеѣцы,
Яко милость Его на насъ утвердися,
Истина Господня вѣчна сотворися.

Четверостишіе Ломоносова, составляющее переложеніе 116-го псалма, впервые напечатано въ Риторикѣ, издашій въ 1748 году: «Иногда слѣдствіе напереді полагается, а посылка къ ней присовокупляется, какъ причяна. Такое расположеніе есть въ псалмѣ 116.

Хвалите Господа всея земли языки“, и т. д.
(Рит. II. § 268; Рит. III и IV. § 269).

XXIII.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, 1748.

ВАРИАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось Собрание сочиненій Ломоносова 1751 года. «Оды духовныя. Ода 2. Преложеніе псалма 14». Заглавіе это, за исключеніемъ словъ: «Псалма 14» писано рукою Ломоносова. Въ рукописи было: «Парафразисъ псалма 14»; Ломоносовъ зачеркнулъ: *Парафразисъ* и поставилъ: *Преложеніе*. Самый псаломъ писанъ чужою рукою.

Рит. II.—Риторика Ломоносова 1746—1747 г.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова 1759 года.

С. I.—Собрание сочиненій Ломоносова 1751 года. Оды духовныя. Ода 2. Преложеніе псалма 14. стр. 7—8. Стрфы обозначены цифрами.

С. II.—Собрание сочиненій Ломоносова 1757 года. Заглавіе то же, что и въ *С. I.* стр. 6—7.

-
- Ст. 1. Господи, кто обитаетъ (С. I и II.)
Ст. 7. И неслетнымъ сердцемъ точно (Р. II.)
Ст. 8. Какъ языкомъ говоритъ. (Р., С. I и II.)
Ст. 9. Кто устами льститъ не знаетъ, (Р., С. I и II.)
Ст. 12. Что бы въ нихъ увязъ сосѣдь. (Р.; Рит. IV; С. I и II.)
-

Псаломъ 14.

Господи, кто обитаетъ въ жилищи твоемъ, или кто вселится во святую гору твою?

Ходяи непороченъ (безъ порока) и дѣлаяи правду, глаголюи истину въ сердцѣ своемъ;

Иже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріять на ближнія своя;

Уничженъ есть предъ нимъ лукавнуи (лукавий), боящия же ся Господа славить; клеветыи искреннему своему и не отменяся.

Сребра своего не даде (дасть) въ лхву, и мзды на неповпныхъ не пріять. Творяи сия не подвижутся во вѣкъ.

Псалтырь Симеона Полоцкаго.

Господи, кто въ жилищи твоемъ обитаетъ,
Ли въ святѣи горѣ твоеи мѣсто получаетъ.
Ходяи кромѣ порока и правду творящій,
Истину въ сердцахъ носий и языкомъ целестящій.
Иже искреннему си зла не содѣваетъ,
И клеветъ на ближнія сущихъ не внушаетъ.
Предъ нимъ всякъ лукавий мужъ уничижится,
Бояйся же Господа человекъ славится
Иже о немъже клятеся ближнему не лицаетъ,
Сребра не даетъ въ лхву и мзды не желаетъ
Отъ людей неповпныхъ. Спцевъ кто ли будетъ,
Кромѣ подвиженія во вѣки пребудеть.

Въ первый разъ напечатано въ Риторикѣ Ломоносова, изданной въ 1748 году, и приводится въ видѣ примѣра: «Жизненные свойства хотя принадлежатъ токмо до одушевленныхъ вещей; однако въ увеличеніи слова чрезъ распространеніе весьма плодотворны, для того что ихъ много больше нежели матеріальныхъ. Правила суть два, и сходствуютъ съ предложенными (§ 58), то есть, 1) къ одному животному приписаны быть могутъ многія жизненные свойства, 2) вмѣсто одного жизненнаго свойства предложены быть могутъ его степени или какія нибудь отгѣны, либо дѣйствія съ обстоятельствами. Степени бываютъ особливо явственны въ страстяхъ, напримѣръ: въ гнѣвъ, *неудовольствіе*, *негодованіе*, *огорченіе*, *ярость*. Въ примѣръ перваго правила предлагается псаломъ 14 предложенный на Россійскіе стихи.

Госноди кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ тобою населяетъ
Верхъ священный горнихъ мѣстъ“? и т. д.

(Рит. II, III и IV. § 59.)

XXIV.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, 1748. § 152; § 114.

II.—Письмо Ломоносова къ Шувалову, 16 октября 1753 года.

ВАРИАНТЫ.

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747. § 152; § 115.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова, 1759. § 152; § 114.

Ст. 1—37. Рит. II. § 115; Рит. III и IV. § 114.

Ст. 15. И въ бѣшенствѣ другихъ боговъ не почитаетъ.
(Рит. IV.)

Ст. 27. Подумай, что бы намъ избыть отъ злой години.
(Рит. IV.)

Ст. 34. То будутъ чтить тебя и стары и младые. (Рит. IV.)

Приводимъ соотвѣтствующія мѣста въ греческомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ Гибдича. Сравненіе переводовъ, принадлежащихъ писателямъ различныхъ эпохъ, представляетъ интересъ въ историко-литературномъ отношеніи.

«χαῖρ', Ἀχιλλεῦ· δαίτῳ μὲν εἴσης οὐκ ἐπίδουεῖς
ἡμὲν ἐνὶ κλισίῃ Ἀγαμέμνονος Ἀτρεΐδου
ἤδ' ἐ καὶ ἐνθάδε νῦν· πάρα γὰρ μενοεικέα πολλὰ

δαίνυσθ'· ἀλλ' οὐ δαιτὸς ἐπηράτου ἔργα μέμηλεν,
 ἀλλὰ λίην μέγα πῆμα, διοτρεφές, εισορόωντες
 δείδομεν· ἐν δοιῇ δὲ σωσέμεν ἢ ἀπολέσθαι
 νῆας εὐσσέλμους, εἰ μὴ σύ γε δύσειαι ἀλκίην.
 ἐγγύς γάρ νηῶν καὶ τείχεος αὖλιν ἔθεντο
 Τρῶες ὑπέρθυμοι τηλεκλειτοὶ τ' ἐπίκουροι,
 κηάμενοι πυρὰ πολλὰ κατὰ στρατόν, οὐδ' ἔτι φασὶν
 σχῆσεσθ', ἀλλ' ἐν νηυσὶ μελαίνησιν πεσέεσθαι.
 Ζεὺς δὲ σφι Κρονίδης ἐνδέξια σήματα φαίνων
 ἀστράπτει· Ἐκτωρ δὲ μέγα σθένει βλεμεαίνων
 μαίνεται ἐκπάγλως, πίσυνος Διί, οὐδέ τι τίει
 ἀνέρας οὐδὲ θεούς· κρατερῇ δὲ ἐλύσσα δέδουκεν.
 ἀράται δὲ τάχιστα φανήμεναι Ἥῳ δῖαν·
 στεῦται γάρ νηῶν ἀποκόψειν ἄκρα κόρυμβα
 αὐτάς τ' ἐμπρήσειν μαλεροῦ πυρός, αὐτὰρ Ἀχαιοὺς
 δηρώσειν παρὰ τῆσιν ὀρινομένους ὑπὸ καπνοῦ.
 ταῦτ' αἰνώς δείδοικα κατὰ φρένα, μὴ οἱ ἀπειλιάς
 ἐκτελέσωσι θεοί, ἡμῖν δὲ δὴ αἴσιμον εἶη
 φθίσθαι ἐνὶ Τροίῃ, ἐκάς Ἄργεος ἵπποβότοιο.
 ἀλλ' ἄνα, εἰ μέμονάς γε καὶ ὀφέ περ υἴας Ἀχαιῶν
 τειρομένους ἐρύεσθαι ὑπὸ Τρώων ὀρυμαγδοῦ.
 αὐτῷ τοι μετόπισθ' ἄχος ἔσσεται, οὐδέ τι μῆχος
 βεχθέντος κακοῦ ἔστ' ἄκος εὐρεῖν· ἀλλὰ πολὺ πρὶν
 φράξαι, ὅπως Δαναοῖσιν ἀλεξήσεις κακὸν ἦμαρ.
 ὦ πέπον, ἦ μὲν σοὶ γε πατὴρ ἐπετέλλετο Πηλεΐδης
 ἦμακτι τῷ, ὅτε σ' ἐκ Φθίης Ἀγαμέμνονι πέμπεν·
 ,τέκνον ἐμόν, κάρτος μὲν Ἀθηναίῃ τε καὶ Ἥρῃ
 δώσουσ', αἶ κ' ἐθέλωσι, σὺ δὲ μεγαλήτορα θυμὸν
 ἴσχειν ἐν στήθεσσι· φιλοφροσύνη γὰρ ἀμεινῶν
 ληγέμεναι δ' ἔριδος κακομηγάνου, ὄφρα σε μᾶλλον
 τίωσ' Ἀργείων ἡμὲν νέοι ἢ δὲ γέροντες.
 ὣς ἐπέτελλ' ὁ γέρων, σὺ δὲ λήθαι. ἀλλ' ἔτι καὶ νῦν
 παύε', ἔα δὲ χόλον θυμαλγέα· σοὶ δ' Ἀγαμέμνων
 ἄξια δῶρα δίδωσι μεταλήξαντι χόλοιο.

«Здравствуй, Пелидъ! въ дружелюбныхъ намъ пиршествахъ нѣтъ
недостатка,

Сколько подъ царскою сѣнью владыки народовъ Атрида,
Столько и здѣсь; изобильно всего къ улаженію сердца
Въ пирѣ твоемъ; но теперь не о пиршествахъ радостныхъ дѣло.
Грозную гибель, шгомець Кроніона, близкую видя,
Въ трепетѣ мы, въ неизвѣстности, наши суда мы избавимъ,
Или погубимъ, ежели ты не одѣешься въ крѣпость!
Близко судовъ, подъ стѣной уже нашею станъ положили
Гордые мужи Трояне и ихъ дальноземные други,
Множество вокругъ зажигаютъ огней; и грозятся, что болѣ
Ихъ не удержатъ, что прямо на наши суда они грянутъ.
Имъ и Зевесъ, благовѣстныя знаменья вправѣ являя,
Молніей блещеть! И Гекторъ, ужасною силой кичася,
Буйно свирѣпствуетъ крѣпкій на Зевса; въ ничто онъ вмѣняетъ
Смертныхъ и самыхъ боговъ, обладаемый бѣшенствомъ
страшнымъ.

Молится, только-бъ скорѣй явилася денница святая:
Хвалится, завтра срубитъ съ кораблей хвосты кормовые,
Пламенемъ бурнымъ пожечъ корабли, и самихъ насъ Ахеицъ
Всѣхъ передъ ними избить, удушаемыхъ дымомъ пожарнымъ.
Страшно, герой, трепещу я, да гордыхъ угрозъ Пріаида
Боги ему не исполнятъ; а намъ да не судить судьбина,
Гибнуть подъ Троей, далеко отъ Аргоса, милой отчизны!
Храбрый, возвыгнись, когда ты желаешь, хоть поздно, Ахеицъ
Столь угѣсенныхъ, избавить отъ ярости толницъ Троянскихъ.
Послѣ тебѣ самому то горестно будетъ; но поздно,
Зло допустивши, искать исправленія. Лучше во время,
Раньше помысли, да пагубный день отвратишь отъ Ахеицъ.
Другъ! Не тебѣ-ли родитель, Пелей, заповѣдывалъ старецъ,
Въ день, какъ изъ Фойи тебя посылалъ къ Атрееву сыну?
Доблесть, мой сынъ, даровать и Аонна и Гера богиня

Могутъ, когда соизволятъ; но ты лишь въ персяхъ горячпхъ
 Гордую душу обуздывай; кротость любезная лучше.
 Распри злотворной, какъ можно, чуждайся, да паче и паче
 Между Ахеянъ тебя почитаютъ младые и старцы.
 Такъ заповѣдываль старецъ; а ты забываешь. Смягчпся;
 Гнѣвъ отложи сокрушительный сердцу! Тебѣ Агамѣмνονъ
 Выдасть дары многоцѣнные, ежели гнѣвъ ты оставишь.
 Хочешь-ли, слушай, и я предъ тобою и друзьями испещлю,
 Сколько даровъ знаменитыхъ тебѣ обѣщаль Агамѣмνονъ:

Ст. 38 — 52.— Рит. II, III и IV. § 152.

- Ст. 47. Когда увижу я изъ васъ, кто съ неба сойдетъ
 (Рит. IV.)
 Ст. 48. Во брани помощь дать Троянамъ или Грекамъ,
 (Рит. II.)
 Ст. 52. Гдѣ твердой мѣдной полъ, и ворота желѣзны.
 (Рит. IV.)

Ἦώς μὲν κροκόπεπλος ἐκίδνατο πᾶσαν ἐπ' αἴαν,
 Ζεὺς δὲ θεῶν ἀγορὴν παίησατο τερπικέραυτος
 ἀκροτάτῃ κοροφῇ πολυδειράδος Οὐλύμπιοι.
 αὐτὸς δὲ σφ' ἀγόρευε, θεοὶ δ' ὑπὸ πάντες ἄκουον·
 «κέκλυτέ μευ, πάντες τε θεοὶ πᾶσαί τε θείαιναι·
 [ὄφρ' εἴπω, τά με θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι κελεύει.]
 μήτε τις οὖν θήλεια θεὸς τό γε μήτε τις ἄρσῃν
 πειράτω διακέρσαι ἐμὸν ἔπος, ἀλλ' ἅμα πάντες
 αἰνεῖτ', ὄφρα τάχιστα τελευτήσω τάδε ἔργα.
 ὄν δ' ἂν ἐγὼν ἀπάνευθε θεῶν ἐθέλοντα νοήσω
 ἐλθόντ' ἢ Τρώεσσιν ἀρηγέμεν ἢ Δαναοῖσιν,
 πληγείς οὐ κατὰ κόσμον ἐλεύσεται Οὐλυμπόνδε·
 ἢ μιν ἐλών ρίψω ἐς Τάρταρον ἠερόεντα,
 τῆλε μάλ', ἤχι βάδιστον ὑπὸ χθονός ἐστι βέρεθρον,
 ἔνθα σιδήρειαί τε πύλαι καὶ χάλκεος οὐδός,

Иліад. VIII. ст. 1—15.

Въ ризѣ златистой заря простиралась надъ всею землею,
Какъ боговъ на соборѣ призывалъ молчелюбецъ Кроніонъ;
И на высшей главѣ многохолмнаго сѣдя Олимпа,
Самъ оцъ вѣщаль; а безсмертныя окрестъ безмолвно внимали.
«Слушайте слово мое и боги небесъ, и богини:
Я вамъ повѣдаю, что мнѣ въ персяхъ сердце внушаетъ;
И никто отъ богинь и никто отъ боговъ да не мыслить
Слово мое низпровергнуть; покорные все, совокушно
Мнѣ споспѣшайте, да я безпренятетвенно дѣло исполню!
Кто жь изъ безсмертныхъ мятежно захочеть, и я то узнаю,
Съ неба сойти, пособлять Иліонянамъ или Данаямъ,
Тотъ пораженный позорно, страдать на Олимпѣ возвратится!
Или, восхичу его, и низвергну я въ сумрачный Тартаръ,
Въ пропасть далекую, гдѣ подъ землею глубочайшая бездна,
Гдѣ и мѣдьяный помостъ и ворота желѣзныя, Тартаръ,

Ст. 53 — 56.— II. (въ началѣ Письма).

*αὐτίκα δ' ἐξ ὄρεος κατεβήσεται παυπαλόεντος
κραίπνᾳ ποσὶ προβιάς· τρέμε δ' οὐρεα μακρὰ καὶ ὕλη
ποσσὶν ὑπ' ἀθανάτοισι Ποσειδάωνος ἰόντος.
τρὶς μὲν ὀρέζατ' ἰών, τὸ δὲ τέταρτον ἔκετο τέκμων,
Αἰγῆς ἔνθα τέ οἱ κλυτὰ δῶματα βένθεσι λίμνης,*

Иліад. XIII, 17—21.

Вдругъ, негодуя возсталъ, и съ утесной горы устремляя,
Быстро ступая впередъ: задрожали дубравы и горы
Вкругъ подъ стопами священными въ гнѣвѣ идущаго бога.
Трижды ступилъ Посидонъ, и въ четвертый достигнулъ предѣла,
Эги; тамъ Посидона въ заливѣ глубокомъ обитель,

XXV.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, 1748. § 309.

ВАРИАНТЫ.

Рит. II.— Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова, 1759.

Ст. 1 — 48.— Рит. II. § 310; Рит. III и IV. § 309.

Ст. 19. Не мѣдливши не мало (Рит. II.)

Ломоносовъ въ Риторикѣ: «Басня состоитъ изъ одной части, то есть изъ краткаго повѣствованія, которое располагается натуральнымъ порядкомъ, какъ само дѣяніе слѣдуетъ. На концѣ должно быть всегда что нибудь печальное. Примѣръ изъ Анакреонта:

Ночною темнотою
Покрылись небеса“ и т. д.

Εἰς Ἔρωτα.

Μεσονυκτίαις ποτ' ὥραις,
σπρέφεται ὅτ' Ἄρκτος ἤδη
κατὰ χεῖρα τὴν Βωώτου,
μερόπων δὲ φύλα πάντα
κέαται. κόπῳ δαμέντα,
τότ' Ἔρωσ ἐπισταθείς μευ
θυρέων ἔκοπτ' ὀγγῆας.
τίς, ἔφην, θύρας ἀράσσει;
κατὰ μευ σχίσεις ὀνειρώς.
ὁ δ' Ἔρωσ, ἄνοιγε, φησὶν·
βρέφος εἰμί, μὴ φόβησαι·
βρέχομαι δέ, κάσέληνον
κατὰ νύκτα πεπλάνημαι.
ἐλέησα ταῦτ' ἀκούσας,
ἀνὰ δ' εὐθύ λύχρον ἄψα
ἀνέωξα, καὶ βρέφος μὲν
ἐςροῶ, φέροντα τόξον,
πτέρυγας τε καὶ φαρέτρην.
παρὰ δ' ἰστίην καθίξας,
παλάμαισι χεῖρας αὐτοῦ
ἀνέθαλπον, ἐκ δὲ χαίτης
ἀπέθλιβον ὑγρὸν ὕδωρ.
ὁ δ' ἐπεὶ κρύος μεθῆκε,
φέρει, φησί, πειράσωμεν
τόδε τόξον, εἴ τί μοι νῦν
βλάβεται βραχεῖσα νευρή.
τανύει δὲ καὶ με τύπτει
μέσον ἦπαρ, ὡςπερ οἴστρος·
ἀνὰ δ' ἄλλεται καγῶζων,
ξένη δ' εἶπε, συγχάρηθι·
κέρας ἀβλαβὲς μὲν ἔστι,
σύ δὲ καρδίην πονήσεις.

Переводчикъ греческихъ классиковъ Мартыновъ говоритъ: «Кто не знаетъ прекраснаго подражанія Ломоносова сей прекраснѣйшей и весьма замысловатой Пѣсни? Я приведу оное для сличенія съ подлинникомъ и показанія молодымъ нашимъ писателямъ, какъ должно подражать образцамъ, нами избираемымъ».

(Греческіе классики, переведенные съ греческаго языка Иваномъ Мартыновымъ. Часть XXIII. Книга 26. Стихотворенія Анакреона Теоскаго. стр. 4—7, 123—126.)

Державинъ подражалъ этой же одѣ Анакреона въ своемъ стихотвореніи «Купидонъ». Подражаніе ей есть и у Сумарокова.

(Сочиненія Державина, съ примѣчаніями Я. К. Грота. 1865. Ч. II. стр. 73—76.)

XXVI.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, 1748.

ВАРИАНТЫ.

Рит. II.— Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова, 1759.

II.— Письмо Ломоносова къ Шувалову 16 октября 1753 года.

Ст. 1 — 3.— *Рит. II.* § 228; *Рит. III* и *IV.* § 229.

Ст. 1—3. Вы воздухъ безъ меня и землю возмутить
И волны на морѣ поднять дерзнули, вѣтры.
То я васъ! но пора валы мнѣ успокоить. (*Рит.*
II.)

Aeneid. I. 133—135.

iam caelum terramque meo sine numine, venti,
miscere et tantas audetis tollere moles?
quos ego—! sed motos praestat componere fluctus:

Ст. 4 — 7.— *Рит. II,* III и *IV.* § 213.

Ст. 4. Какое, бѣшенство, Трояне, васъ объемлетъ? (*Рит.*
IV.)

Aeneid. II. 42—44.

et procul o miseri, quae tanta insania, cives?
reditis avectos hostis aut ulla putatis
dona carere dolis Danaum? sic notus Ulixes?

Ст. 8 — 20.— Рит. II. § 305; Рит. III и IV. § 304.

Ст. 12. Но что ужъ сказывать вамъ случай непріятной,
(Рит. IV.)

Ст. 13. Что мѣдлить, естли вамъ всѣ греки ненавистны.
(Рит. II.)

Aeneid. II. 96—109.

promisi ultorem et verbis odia aspera movi.
hinc mihi prima mali labes, hinc semper Ulixes
criminibus terrere novis, hinc spargere voces
in volgum ambiguas et quaerere conscius arma.
nec requievit enim, donec Calchante ministro
sed quid ego haec autem nequiquam ingrata revolveo?
quidve moror, si omnis uno ordine habetis Achivos
idque audire sat est? iandudum sumite poenas:
hoc Ithacus velit et magno mercentur Atridae.

Tum vero ardemus scitari et quaerere casus,
ignari scelerum tantorum artisque Pelasgae.
prosequitur pavitans et ficto pectore fatur:

Saepe fugam Danai Troia cupiere relicta
moliri et longo fessi discedere bello;

Ст. 21 — 25.— Рит. II, III и IV. § 69.

Ст. 22. Или когда съ горы стремясь рѣка течеть, (Рит. II
и IV.)

Aeneid. II. 304—308:

in segetem veluti cum flamma furentibus austris
incidit, aut rapidus montano flumine torrens
sternit agros, sternit sata laeta bovomque labores
praecipitesque trahit silvas; stupet inscius alto
accipiens sonitum saxi de vertice pastor.

Ст. 26 — 34. — Рит. II, III и IV. § 155.

Aeneid. III. 209—219:

servatum ex undis Strophadum me litora primum
excipiunt Strophades Graio stant nomine dictae
insulae Ionio in magno, quas dira Celaeno
harpyliaeque colunt aliae, Phineia postquam
clausa domus mensasque metu liquere priores.
tristius haut illis monstrum, nec saevior ulla
pestis et ira deum Stygiis sese extulit undis.
virginei volucrum voltus, foedissima ventris
proluviae uncaeque manus et pallida semper
ora fame.
huc ubi delati portus intravimus, ecce

Ст. 35 — 41. — Рит. II, III и IV. § 158.

Ст. 35—41. Едва онъ рѣчь скончалъ, великая громада
Съ горы къ водамъ идетъ среди овечья
стада,
Ужасной Полифемъ, прескверной изувѣръ
Исполненъ ярости и злобы выше мѣръ.
Лишася зрѣнїя, онъ дубъ несетъ рукою
Какъ трость и ищетъ тѣмъ дороги предъ
собою.
Зубами заскрыпѣлъ и моремъ побѣжалъ:
Едва во глубинѣ до бедръ касался валь. (II.)

Aeneid. III, 655—659, 664—665:

Vix ea fatus erat, summo cum monte videmus
ipsum inter pecudes vasta se mole moventem
pastorem Polyphemum et litora nota petentem,
monstrum horrendum informe ingens, cui lumen ademptum.
trunca manu pinus regit et vestigia firmat;
dentibus infrendens gemitu, graditurque per aequor
iam medium, necdum fluctus latera ardua tinxit.

Ст. 42 — 48. — Рит. II, III и IV. § 159.

Ст. 42. Ужè слухъ по градамъ быстро течеть Ливійскимъ;
(Рит. IV.)

Ст. 45.. Мала въ рожденїи, и ходить боязливо; (Рит. IV.)

Aeneid. IV. 173—177, 181—183:

Extemplo Libyae magnas it Fama per urbes,
Fama, malum qua non aliud velocius ullum:
mobilitate viget, viresque acquirit eundo,
parva metu primo, mox sese, attollit in auras
ingrediturque solo et caput inter nubila condit.
monstrum horrendum ingens, cui quot sunt corpore plumae
tot vigiles oculi supter (mirabile dictu),
tot linguae, totidem ora sonant, tot subrigit auris.

Ст. 49 — 62. — Рит. II. § 229; Рит. III и IV. § 230.

Ст. 49. Что дѣлать нынѣ мнѣ презрѣнной отъ Троянъ?
(Рит. IV.)

Ст. 51. Которыхъ столько брать супружество отвергала?
(Рит. II.)

Ст. 59. Или съ Пуническимъ мнѣ войскомъ устремиться.
(Рит. IV.)

Aeneid. IV. 534—547.

en quid ago? rursusue procos inrisa priores
experiar, Nomadumque petam conubia supplex,

quos ego sim totiens iam dedignata maritos?
 Iliacas igitur classes atque ultima Teucrum
 inssa sequar? quiane auxilio invat ante levatos
 et bene apud memores veteris stat gratia facti?
 quis me autem, fac velle, sinet ratibusve superbis
 invisam accipiet? nescis heu, perdita, necdum
 Laomedontean sentis perinuria gentis?
 quid tum? sola fuga nautas comitabor ovantis?
 an Tyriis omnique manu stipata meorum
 inferar et quos Sidonia vix urbe revelli,
 rursus agam pelago et ventis dare vela iubebo?
 quin morere, ut merita es, ferroque averte dolorem.

Ст. 63 — 101. — Рит. II, III и IV. § 127.

Ст. 70. О Боже мой! уйдетъ пришлецъ намъ
 на смѣявшись (Рит. II.)

Ст. 75. Тебя злой рокъ постигъ, несчастлива
 Дидона! (Рит. IV.)

Ст. 77. Таковъ то вѣренъ тотъ, что отческихъ
 боговъ (Рит. II.)

Ст. 81. И части бы его отцу поставить въ снѣдь?
 (Рит. II.)

И члены бы его отцу во пищу дать? (Рит.
 IV.)

Ст. 83—85. Кто хочетъ умереть, кого ему бояться?
 Сожечь было весь флотъ и сына и отца
 Тѣмъ жаромъ истребить и вдругъ саму
 себя. (Рит. IV.)

Ст. 87. И знающая всю мою тоску Юнона, (Рит. II.)

Ст. 90. Внемите и мою услышите мольбу:
 (Рит. IV.)

Ст. 100—101. Останется среди пещу непогребенъ.
 Сего прошу и духъ свой съ кровью
 проливаю. (Рит. II.)

Aeneid. IV. 584—621:

Et iam prima novo spargebat lumine terras
Tithoni croceum linquens Aurora cubile.
regina e speculis ut primam albescere lucem
vidit et aequatis classem procedere velis
litoraue et vacuos sensit sine remige portus,
terque quaterque manu pectus percussa decorum
flaventisque abscissa comas pro Iuppiter! ibit
hic ait et nostris inluserit advena regnis?
non arma expedient totaque ex urbe sequentur,
deripientque rates alii navalibus? ite,
ferte citi flammam, date tela, impellite remos!
quid loquor, aut ubi sum? quae mentem insania mutat,
infelix Dido? nunc te facta impia tangunt?
tum decuit, cum sceptrum dabas. en dextra fidesque,
quem secum patrios aiunt portare penates,
quem subiisse umeris confectum aetate parentem!
non potui abreptum divellere corpus et undis
spargere, non socios, non ipsum absumere ferro
Ascanium patriisque epulandum ponere mensis?
verum anceps pugnae fuerat fortuna. fuisset:
quem metui moritura? faces in castra tulissem
inplessemque foros flammis natumque patremque
cum genere extinxem, memet super ipsa dedissem.
Sol, qui terrarum flammis opera omnia lustras,
tuque harum interpretis curarum et conscia Iuno,
nocturnisque Hecate triviis ululata per urbes,
et dirae ultrices et di morientis Elissae,
accipite haec meritumque malis advertite numen
et nostras audite preces. si tangere portus
infandum caput ac terris adnare necessest
et sic fata Iovis poscunt, hic terminus haeret:
at bello audacis populi vexatus et armis,
finibus extorris, complexu avolsus Iuli

auxilium imploret videatque indigna suorum
funera; nec, cum se sub leges pacis iniquae
tradiderit, regno aut optata luce fruatur,
sed cadat ante diem mediaque inhumatus harena:
haec precor, hanc vocem extremam cum sanguine fundo.

Ст. 102 — 108. — Рит. II. § 312; Рит. III и IV. § 311.

Aeneid. VI. 616—620:

saxum ingens volvont alii, radiisque rotarum
districti pendent; sedet aeternumque sedebit
infelix Theseus; Phlegyasque miserrimus omnis
admonet et magna testatur voce per umbras:
«discite iustitiam moniti et non temnere divos.»

Ст. 109 — 113. — Рит. II. § 118, Рит. III и IV. § 117.

Ст. 113. Что все ты заслужилъ самъ кровью своею.
(Рит. IV.)

Aeneid. VII, 421—424.

Turne, tot incassum fusos patiere labores
et tua Dardaniis transcribi scepra colonis?
rex tibi coningium et quaesitas sanguine dotes
abnegat, externusque in regnum quaeritur heres.

Ст. 114—124. — Рит. II. § 117; Рит. III и IV. § 116.

Ст. 117. Жестокой нашъ народъ отъ роскошей бѣжить:
(Рит. IV.)

Aeneid. IX, 598—605, 614—615, 617—620:

non pudet obsidione iterum valloque teneri,
bis capti Phryges, et morti praetendere muros?
en qui nostra sibi bello conubia poscunt!

quis deus Italiam, quae vos dementia adegit?
non hic Atridae nec fandi fictor Ulixes:
durum a stirpe genus natos ad flumina primum
deferimus saevoque gelu duramus et undis,
venatu invigilant pueri silvasque fatigant. . . .
vobis picta croco et fulgenti murice vestis,
desidia cordi, iuvat indulgere choreis. . . .
o vere Phrygiae (neque enim Phryges), ite per alta
Dindyma, ubi adsuetis biforem dat tibia cantum!
tympana vos buxusque vocat Berecynthia Matris
Idaeae: sinite arma viris et cedite ferro.

Ст. 125 — 127. — Рит. II, III и IV. § 216.

Ст. 127. Тебя въ началѣ дня, тебя и въ поздній вечерь
Во пѣсняхъ поминалъ. (Рит. II.)

Georg. IV. 464—466:

ipse cava soians aegrum testudine amorem
te, dulcis coniunx, te solo in litore secum,
te veniente die, te decedente cauebat.

XXVII.

ТЕКСТЪ.

Rim. III.—Риторика Ломоносова, 1748. § 268.

ВАРІАНТЫ.

Rim. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747. § 266.

Rim. IV.—Риторика Ломоносова, 1759. § 268.

Ст. 12—13. Что мнѣ незнатной родъ, въ страну
Гесперску,
Не воспятиль ввести стихи Еольски, (Рит. II.)

Horat. Carm. Lib. III. C. XXX.

Exegi monumentum aere perennius,
Regalique situ pyramidum altius:
Quod non imber edax non aquilo impotens
Possit diruere, aut innumerabilis

Annorum series et fuga temporum.
Non omnis moriar, multaue pars mei
Vitabit Libitinam: usque ego postera
Crescam laude recens, dum Capitolium

Scandet cum tacita virgine pontifex.
Dicar, qua violens obstrepit Aufidus
Et qua pauper aquae Daunus agrestium
Regnavit populorum, ex humili potens.

Princeps Aeolium carmen ad Italos
Deduxisse modos: sume superbiam
Quaesitam meritis, et mihi Delphica
Lauro cinge volens, Melpomene, comam.

XXVIII.

ТЕКСТЪ.

Rim. III.—Риторика Ломоносова, 1748.

ВАРИАНТЫ.

Rim. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Rim. IV.—Риторика Ломоносова, 1759.

II.—Письмо Ломоносова къ Шувалову, 16 октября 1753 года.

Ст. 1 — 5. — Рит. II, III и IV. § 156.

Metamorph. I. 264—269.

emittitque Notum. madidis Notus evolat alis,
terribilem picca tectus caligine vultum:
barba gravis nimbis, canis fluit unda capillis,
fronte sedent nebulae, rorant pennaeque sinusque.
utque manu late pendentia nubila pressit,
fit fragor; hinc densi funduntur ab aethere nimbi.

Ст. 6 — 9.— Рит. II, III и IV. § 139.

Metamorph. I. 411—415:

inque brevi spatio superiorum numine saxa
missa viri manibus faciem traxere virorum,
et de femineo reparata est femina iactu.
inde genus durum sumus experiensque laborum,
et documenta damus, qua simus origine nati.

Ст. 10 — 15.— Рит. II, III и IV. § 160.

Metamorph. I. 547—553.

vix prece finita, torpor gravis occupat artus,
mollia cinguntur tenui praecordia libro,
in frondem crines, in ramos brachia crescunt,
pes, modo tam velox, pigris radicibus haeret,
ora cacumen obit. remanet nitor unus in illa,
hanc quoque Phoebus amat, positaque in stipite dextra
sentit adhuc trepidare novo sub cortice pectus.

Ст. 16 — 22. — Рит. II, III и IV. § 57.

Ст. 21. Тамъ море начерталъ кругомъ земли Вулканъ
(Рит. IV.)

Metamorph. II. 1—7.

Regia Solis erat sublimibus alta columnis,
clara micante auro flammisque imitante pyropo,
cuius ebur nitidum fastigia summa tegebat;
argenti bifores radiabant lumine valvae.
materiam superabat opus: nam Muciber illic
aequora caelarat medias cingentia terras
terrarumque orbem caelumque, quod imminet orbi.

Ст. 23—35.—Рит. II, III и IV. § 156.

Ст. 26. Увидѣла въ нутри, какъ зависть ѣстъ змѣевъ
(Рит. II.)

Увидѣла внутри, какъ зависть ѣстъ змѣю, (Рит. IV.)

Ст. 27. И кровію ея своію питаеть злобу; (Рит. IV.)

Ст. 29. Она встаетъ съ земли, оставивъ полъ змей,
(Рит. IV.)

Ст. 31. И видя, что она красно оруженà, (Рит. IV.)

Ст. 34. Глядитъ исъ подъ бровей, и ржа всегда въ
зубахъ, (Рит. II.)

Глядитъ изъ подъ бровей, и ржавчина въ зубахъ,
(Рит. IV.)

Ст. 35. Желта отъ желчи грудь, и ядъ течеть съ языка.
(Рит. II и IV.)

Metamorph. II. 760—777.

protinus Invidiae nigro squalentia tabo
tecta petit. domus est imis in vallibus huius
abdita, sole carens, non ulli pervia vento,
tristis et ignavi plenissima frigoris, et quae
igne vacet semper, caligine semper habundet.
huc ubi pervenit bello metuenda virago,
constitit ante domum (neque enim succedere tectis
fas habet) et postes extrema cuspide pulsat.
concussae patuere fores. videt intus edentem
vipereas carnes, vitiorum alimenta suorum,
Invidiam, visaque oculos avertit. at illa
surgit humo pigre semesarumque relinquit
corpora serpentum passuque incedit inertī.
utque deam vidit formaeque armisque decoram,
ingenuit multum atque animo suspiria duxit.
pallor in ore sedet, macies in corpore toto,
nusquam recta acies, livent rubigine dentes,
pectora felle virent, lingua est suffusa veneno.

Ст. 36 — 43.— Рит. II, III и IV. § 217.

Ст. 38. Но я повиненъ въ томъ, я погубилъ тебя:
(Рит. II.)

Metamorph. IV. 108—115.

repperit, «una duos» inquit «nox perdet amantes:
e quibus illa fuit longa dignissima vita,
nostra nocens anima est. ego te, miseranda, peremi,
in loca plena metus qui iussi nocte venires,
nec prior huc veni. nostrum divellite corpus
et scelerata fero consumite viscera morsu,
o quicumque sub hac habitatis rupe, leones!
sed timidi est optare necem»—velamina Thisbes.

Ст. 44 — 53.— Рит. II, III и IV. § 61.

Metamorph. VIII. 815—824.

mulcebat. petit ille dapes sub imagine somni
oraque vana movet dentemque in dente fatigat,
exercetque cibo delusum guttur inani
proque epulis tenues nequiquam devorat auras.
ut vero est expulsa quies, furit ardor edendi
perque avidas fauces immensaque viscera regnat.
nec mora: quod pontus, quod terra, quod educat aër,
poscit; et appositis queritur ieiunia mensis,
inque epulis epulas quaerit. quodque urbibus esse
quodque satis populo poterat, non sufficit uni;

Ст. 54 — 57.— Рит. II, III и IV. § 126.

Metamorph. XIII. 3—6.

utque erat impatiens irae, Sigeia torvo
litora respexit classemque in litore vultu

intendensque manus 'agimus, pro Iuppiter! 'inquit
'ante rates causam, et mecum confertur Ulixes!

Ст. 58 — 63.— Рит. II. § 238; Рит. III и IV. § 239.

Ст. 58. Устами движеть Богъ; я съ нимъ вѣщать
начну. (Рит. II.)

Ст. 61—63. Я тайнства хочу невѣдомья пѣть,
На облакѣ хочу я выше звѣздъ взлетѣть;
Оставивъ низъ, пойду небесною горою,
Атланту наступлю на плечи я ногою. (II.)

Metamorph. XV. 143—149.

et quoniam deus ora movet, sequar ora moventem
rite deum, Delphosque meos ipsumque recludam
aethera et angustae reserabo oracula mentis.
magna nec ingeniis evestigata priorum,
quaeque diu latuere, canam. iuvat ire per alta
astra; iuvat, terris et inertis sede relicta,
nube vehi validique umeris insistere Atlantis:

Ст. 64 — 67.— Рит. II. § 233; Рит. III и IV. § 234.

Heroid. I. 5—8.

o utinam tum, cum Lacedaemona classe petebat,
obrutus insanis esset adulter aquis!
non ego deserto iacnissem frigida lecto,
non quererer tardos ire relicta dies,

Ст. 68 — 72.— Рит. II, III и IV. § 62.

Ст. 71. И отческимъ богамъ Симоиски жгутъ добычи,
(Рит. II и IV.)

Heroid. I. 3—4, 25—27.

Troia iacet certe, Danais invisa puellis.
vix Priamus tanti totaque Troia fuit.
Argolici rediere duces, altaria fumant,
ponitur ad patrios barbara praeda deos.
grata ferunt nymphae pro salvis dona maritis:

Ст. 73 — 78.—Рит. II, III и IV. § 235.

Ст. 74. Кѡи о печальну грудь свою прибила, (Рит. II.)

Ст. 75. И кажу остатки волосовъ издранныхъ. (Рит. IV.)

Ст. 78. Есть ли мертву найдешь, погребѣ хоть кости.
(Рит. IV.)

Heroid. X. 145—150.

has tibi plangendo lugubria pectora lassas
infelix tendo trans freta longa manus:
hos tibi, qui superant, obstendo maesta capillos:
per lacrimas oro, quas tua facta movent:
flecte ratem, Theseu, versoque relabere vento:
si prius occidero, tu tamen ossa feres.

XXIX.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, 1748.

ВАРИАНТЫ.

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова, 1759.

Ст. 1—2. — Рит. II, III и IV. § 140.

Ст. 1. Дивишься, что не дамъ стиховъ тебѣ моихъ? (Рит. II.)

Martial. Lib. V. Epigr. LXXIII.

Non donem tibi cur meos libellos
Oranti totiens et exigenti,
Miraris, Theodore? Magna causa est:
Dones tu mihi ne tuos libellos.

Ст. 3—6. — Рит. II, III и IV. § 145.

Martial. Lib. V. Epigr. LXXVI.

Profecit poto Mithridates saepe veneno,
Toxica ne possent saeva nocere sibi.
Tu quoque cavisti cenando tam male semper,
Ne posses unquam, Cinna, perire fame.

Ст. 7 — 10.— Рит. II, III и IV. § 141.

Ст. 9—10. Хотя онъ у людей былъ въ жизнь свою
презрѣнь:
По смерти въ ентарѣ у нихъ же сталъ почтенъ
(Рит. IV.)

Martial. Lib. VI. Epigr. XV.

Dum Phaethontea formica vagatur in umbra,
Implicuit tenuem sucina gutta feram.
Sic modo quae fuerat vita contempta manente,
Funeribus facta est nunc pretiosa suis.

Ст. 11 — 14.— Рит. II, III и IV. § 144.

Martial. Lib. VIII. Epigr. XII.

Uxorem quare locupletem ducere nolim,
Quaeritis? Uxori nubere nolo meae.
Inferior matrona suo sit, Prisce, marito:
Non aliter fiunt femina virque pares.

Ст. 15 — 20.— Рит. II, III и IV. § 60.

Ст. 18. И какъ пресладкѣй Нектаръ на Олимпѣ. (Рит. IV.)

Martial. Lib. IX. Epigr. XI.

Nomen cum violis rosisque natum,
Quo pars optima nominatur anni,
Hyblam quod sapit Atticosque flores,
Quod nidos olet alitis superbae;
Nomen nectare dulcius beato,
Quo mallet Cybeles puer vocari
Et qui pocula temperat Tonanti:

Ст. 21 — 26.— Рит. II, III и IV. § 133.

У Марціала этой эниграммы нѣтъ.

XXX.

ТЕКСТЪ.

Б.— Рукописный Сборникъ Библиотеки Академіи наукъ, извѣстный подъ именемъ «Свицннскаго». На коренкѣ: «Рукописи Ломоносова». Въ началѣ текста заглавіе: «Рукописи Михайла Ломоносова, по разнымъ ученымъ предметамъ, и два манускрипта профессора Шлецера». Въ настоящее время № пѣтъ, а прежде Сборникъ значился подъ № 58.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, 1748.

ВАРІАНТЫ.

Р. I.—Рукопись Библиотеки Академіи наукъ. № 112.

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова, 1759.

Ст. 1 — 42.— *Б.*, л. 99—99 об. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

Ст. 43 — 48.— *Рит.* II, III и IV. § 161.

Senec. Troades. Act. I. v. 63—133; Act. III. v. 690—693.

Lamenta cessant? turba captivae mea
ferite palmis pectora et planctus date

et iusta Troiae facite. iamdudum sonet
fatalis Ide iudicis diri domus.

Chorus Troadum. Hecuba.

Chor. Non rude vulgus lacrimisque novum
lugere iubes. hoc continuis
egimus annis ex quo tetigit
phrygius graias hospes Amyclas
secuitque fretum
pinus matri sacra Cybellae.
Deciens nivibus cauit Ide
deciens nostris nudata rogis
et sigeis trepidus campis
decumas secuit messor aristas:
ut nulla dies moerore caret,
sed nova fletus causa ministrat.
Ite ad planctum
miseramque leva regina manum.
vulgus dominam vile sequemur:
non indociles lugere sumus.

Hec. Fidae casus nostri comites
solvite crinem.
per colla fluant moesta capilli
tepido Troiae pulvere turpes.
Paret exertos turba lacertos.
veste remissa substringe sinus
uteroque tenus pateant artus.
cui coniugio pectora velas
captive pudor?
Cingat tunicas palla solutas
vacet ad crebri verbera planctus
furibunda manus. placet hic habitus
placet agnosco troada turbam.
Iterum luctus redeant veteres
solitum flendi vincite morem.

Hectora flemus.

Chor. Solvimus omnes
lacerum multo funere crinem.
coma demissa est libera nodo
sparsitque cinis fervidus ora.

Hec. complete manus: hoc ex Troia
Sumsisse licet.
Cadit ex humeris vestis apertis
inumque tegit suffulta latus
iam nuda vocant pectora dextras.
nunc nunc vires exprime tuas
furiose dolor.

Rhoetea sonent litora planctu
habitansque cavis montibus Echo
non ut solita est extrema brevis
verba remittat: saevite manus:
totos reddat Troiae gemitus.
audiat omnis pontus et aether.
Pulsu pectus tundite vasto.
non sum solito contenta sono.

Hectora flemus.

Hec. Tibi nostra ferit dextra lacertos
humerosque ferit tibi sanguineos.
tibi maternis ubera palmis
laniata iacent.
fluit et multo sanguine manat
quamcumque tuo funere feci
rupta cicatrix.

Columen patriae mora fatorum
tu praesidium Phrygibus fessis
tu murus eras humerisque tuis. . . .
repellor? heu me, rumpe fatorum moras,
molire terras Hector, ut Vlixen domes.
vel umbra satis est, arma concussit manu.

iaculatur ignes. cernitis Danai Hectorem
an sola video? _____

Ст. 49 — 71.— Рит. II, III и IV. § 127.

Ст. 55. Не знаю что теперь злой духъ мой умышляетъ
(Рит. II.)

Ст. 63. Ахъ нѣтъ они мои! ни въ чемъ они невинны!
(Рит. IV.)

Medea. Act. V. v. 910—927.

incumbe in iras teque languentem excita
penitusque veteres pectore ex imo impetus
violentus hauri. quidquid admissum est adhuc,
pietas vocetur.

Hoc age et faxo sciant
quam levia fuerint quamque vulgaris notae
quae commodavi scelera. prolusit dolor
per ista noster. quid manus poterant rudes
audere magnum? quid puellaris furor?
Medea nunc sum crevit ingenium malis.
Iuvat iuvat rapuisse fraternum caput,
artus iuvat secuisse et arcano patrem
spoliasse sacro, iuvat in exitium senis
armasse uatas. quaere materiam dolor:
ad omne facinus non rudem dextram adferes.
Quo te igitur ira mittis, aut quae perfido
intendis hosti tela? nescio quid ferox
decrevit animus intus et nondum sibi
audet fateri. stulta properavi nimis.

Medea. Act. V. v. 931—947.

meritoque placuit: ultimum, agnosco, scelus
anime parandum est. liberi quondam mei
vos pro paternis sceleribus poenas date.
Cor pepulit horror membra torpescunt gelu
pectusque tremuit. ira discessit loco

materque tota coniuge expulsa redit.
 egone ut meorum liberum ac prolis meae
 fundam cruorem? melius a demens furor.
 incognitum istud facinus ac dirum nefas
 a me quoque absit. quod scelus miseri luent?
 Scelus est Iason genitor, est maius scelus
 Medea mater.—occidant. non sunt mei.
 pereant? mei sunt, crimine et culpa carent.
 sunt innocentes fateor: et frater fuit.
 quid anime titubas? ora quid lacrimae rigant
 variamque nunc huc ira nunc illuc amor
 diducit, anceps aestus incertam rapit?

Medea. Act. V. v. 953—955.

Huc cara proles, unicum adflictae domus
 solamen, huc vos ferite et infusos mihi
 coniungite artus. habeat incolumes pater,

Medea Act. V. v. 959—961.

periere matri. rursus inerescit dolor
 et fervet odium. repetit invitam manum
 antiqua Erinys. ira qua ducis sequor.

Ст. 72 — 79.—Рит. II, III и IV. § 125.

Ст. 72. Зевесъ боговъ отецъ, въ твоей десницѣ громъ
(Рит. IV.)

Ст. 73. Страшитъ востокъ и югъ и позный солнцевъ
домъ, (Р. Л.)

Ст. 77—78. И свѣту доказаль, что $\left\{ \begin{array}{l} \text{ты родитель мой.} \\ \text{я рожденъ тобой.} \end{array} \right.$

Ужъ нѣкуда бросать твои разженны стрѣлы
(Р. Л.)

Въ черновыхъ наброскахъ Ломоносова, въ рукописи № 112, заключающей въ себѣ преимущественно матеріалы для грамматики, есть два стиха изъ той же трагедіи Сенеки:

Или самимъ богамъ ужасенъ Геркулесъ?
Или не можетъ съ нимъ Атлантъ здержать небесъ?

Hercules (Oetaeus). Act. I. v. 1—29.

Sator deorum cuius excussum manu
utraeque Phoebi sentiunt fulmen domus,
secure regna. protuli pacem tibi.
quacumque Nereus porrigi terras vetat
non est tonandum. perfidi reges iacent
saevi tyranni. fregimus quidquid fuit
tibi fulminandum. sed mihi caelum parens
adhuc negatur? parvi certe Iove
ubique dignus teque testata est meum
patrem noverca. quid tamen nectis moras?
numquid timemur? numquid inpositum sibi
non poterit Atlas ferre cum caelo Herculem?
quid astra genitor quid negas? mors me tibi
certe remisit, omne concessit malum
quod terra genuit pontus aer inferi.
nullus per urbes errat Arcadias leo,
Stymphalis icta est, Maenali nulla est fera,
sparsit peremptus aureum serpens nemus
et hydra vires posuit et notos Hebro
cruore pingues hospitum fudi greges
hostisque traxi spolia thermodontiae.
vidi silentum fata nec tantum redi,
sed trepidus atrum Cerberum vidit dies
et ille solem. nullus Antaeus Libys
animam resumit, cecidit ante aras suas
Busiris, una est Geryon sparsus manu
taurusque populis horridus centum pavor.
quodcumque tellus genuit infesta occidit
meaque fusum est dextera. . . .

XXXI.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, 1748. § 306.

ВАРИАНТЫ.

Рит. II.— Собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747 г. § 307.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова, 1759. § 306.

Ст. 6. И крадется тихо сквозь лѣсокъ, (*Рит. IV.*)

Ст. 8—9. Увидѣлъ тамъ, что жучко спитъ,

Обнявъ пастушку Фирсъ храпитъ, (*Рит. IV.*)

Ст. 21. Тутъ поздно бѣдной волкъ примѣтилъ, (*Рит. IV.*)

Ст. 23—24. Въ *Рит. II* этихъ стиховъ пѣтъ.

Ломоносовъ въ своей Риторикѣ: «Главныя части, которыя притчу составляютъ, суть двѣ, *повѣствованіе само и приложение*, въ повѣствованіи вымысль, а въ приложеніи краткое правоученіе содержится. Вымысль полагается обыкновенно напередъ, а послѣ того слѣдуетъ правоучительное приложение; наиримѣръ:

Лишь только дневной шумъ замолкъ,“ и т. д.

(*Рит. II.* §§ 306—307; *Рит. III* и *IV.* §§ 305—306.)

Ср. ЛАФОНТЕНА: LE LOUP DEVENU BERGER.

Un Loup, qui commençoit d'avoir petite part
Aux brebis de son voisinage,
Crut qu'il falloit s'aider de la peau du renard,
Et faire un nouveau personnage.
Il s'habille en berger, endosse un hoqueton,
Fait sa houlette d'un bâton,
Sans oublier la cornemuse.
Pour pousser jusqu'au bout la ruse,
Il auroit volontiers écrit sur son chapeau:
«C'est moi qui suis Guillot, berger de ce troupeau».
Sa personne étant ainsi faite,
Et ses pieds de devant posés sur sa houlette,
Guillot le sycophante approche doucement.
Guillot, le vrai Guillot, étendu sur l'herbette,
Dormoit alors profondément;
Son chien dormoit aussi, comme aussi sa musette:
La plupart des brebis dormoient pareillement.
L'hypocrite les laissa faire;
Et pour pouvoir mener vers son fort les brebis,
Il voulut ajouter la parole aux habits,
Chose qu'il croyoit nécessaire.
Mais cela gâta son affaire:
Il ne put du pasteur contrefaire la voix.
Le ton dont il parla fit retentir les bois,
Et découvrit tout le mystère.
Chacun se réveille à ce son,
Les brebis, le chien, le garçon.
Le pauvre Loup dans cet esclandre,
Empêché par son hoqueton,
Ne put ni fuire ni se défendre,
Toujours par quelque endroit fourbes se laissent prendre.
Quiconque est loup agisse en loup:
C'est le plus certain de beaucoup.

Въ примѣчаніи къ изданію этой басни сказано: La fable 94 d'Esopé intitulée: "Εριφος και Λύκος, ne ressemble à celle-ci que par la morale.

(Les grands écrivains de la France. I. De la Fontaine. 1880. T. I. стр. 210—212. Livre III. Fable III.)

Содержаніе басни Эзопа: «Козель и Волкъ» состоитъ въ слѣдующемъ. Козель отсталъ отъ стада; за нимъ погнался Волкъ; Козель, видя неминуемую бѣду, проситъ Волка поиграть на флейтѣ, а самъ сталъ плясать, чтобы умереть повеселѣе. Волкъ заигралъ, собаки бросились на него, и онъ сказалъ: по дѣломъ миѣ; повару не слѣдуетъ быть музыкантомъ: ἔδει γὰρ με, μάγειρον ὄντα, αὐλητὴν μὴ μιμῆσθαι.

Le sujet de cette fable n'a été véritablement traité avant la Fontaine que par Verdizzotti.

(Fables inédites des XIIe, XIIIe et XIVe siècles et Fables de la Fontaine, par A. C. M. Robert. 1825. Tome premier. p. 177—178.)

У Сумарокова есть также Притча: «Волкъ, ставшій насту-
ХОМЪ».

(Собраніе сочиненій Сумарокова. 1781. Ч. VII. Притчи. Книга шестая. V. стр. 290—291.)

XXXII.

ТЕКСТЪ.

Rit. III.—Риторика Ломоносова, 1748. § 307.

ВАРИАНТЫ.

Rit. II.—Собственнооручная Риторика Ломоносова. 1746—1747. § 308.

Rit. IV.—Риторика Ломоносова. 1759. § 307.

Ст. 2. Я слова не скажу про женскія наряды: (*Rit. II.*)
Ст. 15. То истинно теперь о томъ не сомнѣваюсь,
(*Rit. II.*)

Ломоносовъ въ своей Риторикѣ. «Иногда приложеніе полагается напередъ, а потомъ слѣдуетъ вымысль, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ:

Жениться хорошо, да много и досады“, и т. д.

Юмористическіе рассказы о злыхъ и упрямыхъ женщинахъ были въ свое время распространены въ европейской литературѣ вообще. Въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки

(XVII. Q. № 12; скорописью конца XVII вѣка) подъ заглавіемъ: «Повѣсти смѣхотворны, есть же и злыхъ обыкостейъ обличительны; преведены съ польскаго языка» помѣщенъ слѣдующій рассказъ:

„О упрямствѣ жены.“

«Нѣкоего мужа жена утоне; онъ же многихъ ная зъ баграми, повелѣ искати сію противу воды. Человѣцы, зряци и, глаголють ему: «Что, рече, противу обычая творшии: когда повелось кому противу воды плыти? Онъ же рече: «Вѣмъ жены моеи обычай, яко жива бучи (будучи) не згодися со мною, и въ пригодъ сей о ней разумѣю, яко зѣло бѣ упряма. Того ради мною противу воды ей плыти.

XXXIII.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, 1748. § 308.

ВАРИАНТЫ.

Рит. II.— Собственнооручная Риторика Ломоносова, 1746—1747. § 309.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова, 1759. § 308.

Г.— Грамматика Ломоносова, 1755 г. § 497.

Ст. 18. То придетъ и осла взвалить къ себѣ на плечи.

(Рит. II.)

То буду принужденъ осла взвалить на плечи. (Г.)

Ломоносовъ въ своей Риторикѣ: «Прилаганіе соединяется нерѣдко съ самымъ повѣствованіемъ, такъ что оно говоритъ какое нибудь лице предложенное въ притчѣ; напримѣръ:

Послушайте прощю. что старому случилось“, и т. д.
(Рит. II. § 309; Рит. III и IV. § 308.)

Ломоносовъ въ своей Грамматикѣ: «Условные (союзы) совокупаютъ два рассужденія въ общую взаимность, изъ которыхъ въ каждомъ имени и глаголы свое сочиненіе имѣютъ:

Какъ стану я смотрѣть на всея людскія рѣчи,
То буду принужденъ осла взвалить на плечи“,
(Грамматика Ломоносова. § 497.)

У Сумарокова есть «притча», сходная по содержанію; но изложеніе, форма, отдѣльныя черты — не тѣ, что въ баснѣ Ломоносова.

Старикъ со своимъ Сыномъ и Осель.

Одинъ то такъ, другой то инако зоветь;
На свѣтѣ разны правы,
На свѣтѣ разны правы;
Но все ли то ловить, рѣкою что плыветь.
Кто хочеть,
Пускай хлопочеть,
Пускай хахочеть,
Хула не ядъ,
А безъ вины ни кто не понадется въ адъ:
Хулитель ко всему найдетъ себѣ привязку.
Я къ етому скажу старинную вамъ сказку:
Ни года, мѣсяца не помню, ни числа,
Какъ вель мужикъ дорогою осла.
Съ крестьяшиномъ былъ сынь, мальчишка лѣтъ десятка;
Но то одна догатка;
Я въ зубы не смотрѣль: да я жъ не коноваль,
И отъ роду въ такой я школь не бываль.
Мужикъ былъ старъ и съ бороною:

Съ какой? съ сѣдою.
 Прохожіи встрѣтившись смѣялся мужику,
 Какъ будто дураку,
 И говорилъ: идутъ пѣшками,
 А есть у нихъ осель, ослы вы видно сами.
 Не празденъ сталъ осель;
 Крестьянинъ на него полезъ и сѣлъ:
 Безъ шпоръ крестьянинъ былъ, толкалъ осла пятами.
 Прохожіи встрѣтившись смѣялся мужику,
 Какъ будто дураку,
 И говорилъ: конечно братъ ты шумень,
 Или безумень;
 Самъ ѣдешь ты верхомъ,
 А мальчишка съ собой волочишь ты пѣшкомъ.
 Мужикъ съ осла спустился,
 А мальчикъ на осла, и такъ и сякъ,
 Не знаю какъ,
 Вкарабкался взмогнулся.
 Прохожіи встрѣтившись смѣялся мужику,
 Какъ будто дураку,
 И говорилъ: на глупость это схоже,
 Мальчишка помоложе;
 Такъ лутче онъ бы шелъ, когда бъ ты былъ уменъ,
 А ты бы ѣхалъ старой хренъ.
 Мужикъ осла еще навьютилъ,
 И на него себя и съ бороною взрютилъ,
 А парень таки тамъ:
 Не будетъ ужъ теперь никто смѣяться намъ;
 Ворчалъ мужикъ предвѣдавъ то сердечно:
 Конечно,
 Я мышлю такъ и самъ,
 Ни кто смѣяться ужъ не станетъ;
 Известно то давно, что сердце не обманетъ.
 Прохожіи встрѣтившись смѣялся мужику,

Какъ будто дураку,
И говорилъ: старикъ и въ грѣхъ не ставитъ,
 Что такъ осла онъ давитъ,
А скоро сѣдока и третьява прибавитъ.
Удачи нѣтъ: ни кто не хочетъ похвалить;
Не лутче ль на себя мужикъ осла взвалить?

(Собраніе сочиненій Сумарокова. 1781. Ч. VII. стр. 66—68. Кн. II.
Притча II.)

XXXIV.

ТЕКСТЪ.

Ар:— Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 115. Стихи писаны собственноручно Ломоносовымъ.

Четверостишіе Ломоносова есть переводъ нѣмецкихъ стиховъ Штеллиа, сдѣланный Ломоносовымъ скрѣпя сердце, по настоячивому требованію академическаго начальства.

Судьба этой «Надписи» особенно любопытна потому, что знакомитъ съ тѣми стѣснительными условіями, при которыхъ Ломоносовъ долженъ былъ писать свои литературныя произведенія.

Изъ «Канцеляріи Главноіи Артиллеріи и Фортификаціи» прислана была въ Академію наукъ промеморія слѣдующаго содержания: «Въ торжественный день высочайшаго Ея Императорскаго Величества коронованія, то есть будущаго апрѣля 25 числа сего 748 году, имѣетъ быть репрезентовано противъ зиняго Ея Императорскаго Величества дому на театрумѣ иллюминаціи, къ которой надлежитъ заблаговременно проектъ учинить. Того ради опредѣлено: въ Академію наукъ послать промеморію и требовать, чтобъ благоволено было къ означенному дню иллюминаціи учредить проектъ и чертежъ съ показаніемъ надлежащихъ эмблемъ и прочихъ по искусству украшеніевъ». Планъ иллюминаціи составленъ былъ Штеллиномъ, а Ломоносову

поручено перевести стихи, служащiе изъясненiемъ (Erklärung).
20 апрѣля послано ему такого рода предписанiе:

«Благородный Господиъ Профессоръ Ломоносовъ!

Приложенныя при семъ стихи изволите перевести стихами жъ на Россiйскiй языкъ и конечно сего апрѣля 23-го числа взнести въ Канцелярiю академiи наукъ».

Приложены были стихи Штелина:

Dein Kronbau stehe lang und fest
Wie Treu und Wunsch uns hoffen läst.

Ломоносовъ пришелъ въ негодованiе отъ такого порученiя и написалъ Г. П. Теплову, заправлявшему тогда всеи академическими дѣлами, слѣдующее писъмо:

«Милостивой Государь мой Григорей Николаевичъ.

Хотя должность моя и требуетъ чтобы по присланному ко мнѣ ордеру здѣлать стихи съ нѣмецково; однако я того исполнить теперь не могу, для того что въ нѣмецкихъ вирнахъ нѣтъ ни складу ни ладу; и такъ такимъ переводомъ мнѣ себя пристыдить весьма не хочется и весьма досадно чтобы такую глупость перевести на Россiйской языкъ, и къ такому празднеству. И ежели бы я отъ нихъ отступить осмѣлелъ, то не имѣя никакого къ тому плана, не знаю чего держаться. И все сего дѣла поведенiе очень чудно. Кто бы не засмѣялся той музыкѣ, когда бы двое согласившися нѣтъ, одинъ бы выпускалъ голосъ безъ всякаго движенiя рта, а другой бы поворачивать губами, языкомъ и гортанью? Но почти то же дѣлается, когда одинъ составляетъ изображенiя для Иллюминацiй, а другой надписи. И потому не дивно что мнѣ мало такихъ Иллюминацiй видать случилось гдѣ бы кромѣ разноцвѣтныхъ огней что-нибудь удивленiя достойное было. Я думаю что лучше бъ было, когда бы Артиллерiйская Канцелярiя чрезъ сношенiе отъ Академiи требовала изобрѣтенiя къ Иллюминацiи и съ надписанiями. Что до нынѣшняго надлежитъ, то извольте требовать отъ Артиллерiи плана, и ко мнѣ

прислать, что сегодня здѣлать можно, а къ завтрашнему дню
будетъ у меня готово. Въ прочемъ со всякимъ почтеніемъ пре-
бываю

Вашего Высокоблагородія

покорнѣйшій слуга

Михайла Ломоносовъ.

Апрѣля 22 дня

1747 (описка, вмѣсто 1748) года.

Въ тотъ же день Тепловъ отвѣчалъ Ломоносову:

«Государь мой Михайла Васильевичъ.

При семъ прилагаю изъясненіе иллюминаціи, по которому
прошу сочинить такіе стихи, какіе вамъ пристойно покажутся
на російскомъ языкѣ. А чтобъ господина совѣтника Штелльна
не обидѣть, то прошу и его стихи перевести стихами же, и
тогда Канцелярія Артиллеріи то употребить, что ей отъ высокаго
мѣста апробовано будетъ. Въ прочемъ письмо ваше такнхъ
экспрессій наполнено, которыя предосудительны чести господина
совѣтника Штелльна. Берегитесь, чтобъ вы ему не досадили.
Пишетъ всякъ, кто сколько можетъ, но разсужденіи (въ рукописи:
о разсужденіи), какъ кто хочетъ.

Пожалуй поспѣши къ утру.

Вашъ покорный слуга

Г. Тепловъ.»

22 апрѣля

1748 году.

(Рукопись Академической канцеляріи. № 115. л. 2—15.)

Советъ ли опытнаго дѣльца или дружеская приписка подѣй-
ствовали на Ломоносова, и онъ прислалъ въ Академію двѣ надписи
въ стихахъ. Одна изъ нихъ, переводная, въ первый разъ напе-
чатана академикомъ Билярскимъ въ его «Матеріалахъ для
біографіи Ломоносова» (стр. 103). Другая, оригинальная, издана
самимъ Ломоносовымъ въ Собраніи его сочиненій.

XXXV.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собрание сочинений Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальные надписи. Надпись 13. стр. 186.

ВАРИАНТЫ.

Ар.— Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 115. л. 13. Рукою Ломоносова какъ вся Надпись, такъ и ея заглавіе: «Стихи на Россійскомъ языкѣ сочиненныя».

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочинений Ломоносова, 1751. «Похвальные надписи. Надпись 14, На плюмпацію представленную на праздникъ Коронованія Ея Величества 1748 года передъ зимнимъ домомъ, гдѣ представленъ былъ во храмѣ Олтарь изъ сердець сложенной, на верху Императорской вѣлець, по сторонамъ галлерей къ восходящему и заходящему солнцу». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собрание сочинений Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальные надписи. Надпись 13. стр. 163. Заглавіе то же, что въ *С. I.*

- Ст. 1—2. Во храмѣ ревности, на Олтарѣ сердцець
 Подавшему Тебѣ съ высотъ своихъ вѣнецъ (Р.)
 Ст. 4. Да щастіемъ Твоимъ Россію увѣнчаетъ, (Р.)

Ломоносову былъ посланъ, вмѣстѣ съ нѣмецкими стихами Штелина, слѣдующій планъ иллюминаціи:

- А. «Тріумфальныя ворота (*Arcus triumphalis*), которыхъ проспектъ въ зеленую аллею противъ восходящаго солнца простирается.
- ВВ. На верху обѣ стороны украшены поставленными трофеями и рогами изобилія,
- С. а имя Ея Императорскаго Величества, подъ короною, — лавровыми и пальмовыми вѣтвями.
- ВВ и С. Оба какъ знаки благополучныхъ случаевъ въ военное и въ мирное время.
- Д. Желательный храмъ (*Templum votivum*, *Wunsch-Tempel*), гдѣ на желательномъ олтарѣ (*Wunsch-Altar*) горящая жертва является. Надъ нимъ представлена галлерія или переходы, изъ которыхъ въ зеленую боковую галлерію пройти можно».

Изъясненіе.

Усердно желаемъ, чтобъ корона твоя долго твердо стояла».

На основаніи этого плана Ломоносовъ составилъ надпись на день коронаванія императрицы Елисаветы Петровны. Какъ собственныя стихи Ломоносова, такъ и переведенныя имъ съ нѣмецкаго, сохранились въ архивѣ академіи наукъ; и тѣ и другіе писаны Ломоносовымъ собственноручно:

Стихи на Россійскомъ языкѣ

сочиненныя.

Въ храмѣ ревности на олтарѣ сердцець
 Къ подавшему Тебѣ съ высотъ своихъ вѣнецъ

здравленія, причемъ Ея Величество знатнѣйшихъ обоего пола персонъ и иностранныхъ господъ Министровъ къ рукѣ допускать изволила. Потомъ Ея Императорское Величество всемялостивнѣйше соизволила Графиню Анну Ивановну Бестужеву Рюмину, супругу Его Сіятельства господина Канцлера, Своею Гофмейстериною объявить, я ей высочайшій Свой портретъ брилліантами преобгато украшенной пожаловать. О полудни Ея Императорское Величество кушала публично съ Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ (понеже Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня, пзъ своихъ покоевъ выходить не изволила) на тронѣ въ большой залѣ, въ которой знатнѣйшія обоего пола персоны и духовенство трактваны за фигурнымъ столомъ на 200 кувертовъ, въ среднѣ котораго преизрядно украшенной бассейнъ съ однимъ большимъ и нѣсколько малыми фонтанами здѣланъ былъ. Господѣ Послы и прочіе чужестранные Министры званы были на обѣдъ къ Его Сіятельству господину Канцлеру, гдѣ они богатожъ отъ двора трактваны. Во время стола въ большомъ залѣ играла на балконѣ Италіанская голосная и инструментальная музыка, а при питіи за высокія здоровья производилась пушечная пальба съ Императорскихъ яхтъ. По полудни въ 7 часу начался балъ, а при наступленіи ночи противъ Императорскаго дворца за рѣкою зажжена преизрядная иллюминація, причемъ также Императорскія яхты, крѣпость и все дома въ городѣ до полуночи иллюминованы были. На другой день на придворномъ театрѣ представлена въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и всего двора Италіанская оперетта называемая: *Приблизитце мира*. Сего дня будетъ при дворѣ балъ въ маскахъ и ужинъ, а завтра французская комедія».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 35, стр. 278—279.)

XXXVI.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 14. стр. 187.

ВАРИАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Похвальныя надписи. Надпись 15, На иллюминацію представленую на день Тезоименитства Ея Величества 1748 года Сентября 5 дня передъ лѣтнимъ домомъ, на которой изображенъ былъ фонтанъ, а по сторонамъ его храмы мира и войны». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 14. стр. 163. Заглавіе то же, что и въ *С. I.*

Ст. 3. Ты мать щедротами, Ты именемъ покой: (Р.)

Ст. 6. И льеть избытокъ свой въ окрестныя страны (Р.)

«Пятаго числа сего мѣсяца (сентября) торжественнѣйшій день всевысочайшаго тезоименитства Ея Императорскаго Величества Нашей всемилостивѣйшей Самодержицы, празднованъ въ лѣтнемъ домѣ. Вечеру былъ при дворѣ балъ, и на дворѣ предъ залою представлена была великолѣпная иллюминація, состоящая въ монументѣ или великолѣпномъ Зданіи въ честь Имени

Ея Императорскаго Величества, въ двухъ крылахъ по обѣ стороны перспективы, или главнаго входу во дворецъ съ аллегорическими и на славное имя Ея Императорскаго Величества склоняющимися украшеніями. А именно на правомъ крылѣ изображены были Миръ и благополучныя времена чрезъ цвѣтушія травы и колосы, масличныя и пальмовыя вѣтви, математическіе, ремесленныя, земледѣльные и гражданской архитектуры инструменты; а на главномъ сводѣ сего крыла находилась картина, представляющая на зеленомъ холму украшеннаго цвѣтками Геніуса имени Ея Императорскаго Величества, которой поднявъ къ верху держалъ щитъ съ вензловымъ именемъ оплетеннымъ масличными и пальмовыми вѣтвями. Подлѣ являлись опрокинутой рогъ Изобилія и два младенца, которые упاداющіе изъ рога плоды и цвѣтки подъ покровомъ Имени Ея Императорскаго Величества радостно собирали съ подписью: *къ увеселенію подданныхъ и друзей.*

Лѣвое крыло въ равной симетріи съ правымъ украшено было все знаками войны, силы и побѣды, какъ напримѣръ трофеями, бомбами, перуномъ, оружіемъ и прочимъ. Въ главномъ сводѣ картина прежней величины представляла Геніуса Имени Ея Императорскаго Величества съ шлемомъ на головѣ, мечемъ опоясанаго, въ одной рукѣ конь, а въ другой окруженной лаврами щитъ съ именемъ Ея Императорскаго Величества держащаго. Предъ нимъ лежали два низверженные Геніуса Злости и Ярости съ подписью: *къ низверженію злости и враговъ.*

Завтра для тогожь торжества въ оперномъ домѣ будетъ Италіанское дѣйствіе, называемое Пастораль».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 72. стр. 574—576.)

XXXVII.

ТЕКСТЪ.

Ар.— Архивъ Академической канцеляріи Рукопись № 121.
л. 294. Стихи писаны собственноручно Ломоносовымъ.

ВАРІАНТЫ.

В.—Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 96. стр. 768.

Ст. 3. Преншла препятствій многихъ стѣну. (в.)

Нѣмецкіе стихи на иллюминацію 25 ноября 1748 года написаны Штелиномъ:

Zu unserm längst erwünschten Glück
Zu deines Vaterlands Vergnügen
Hat deine kluge Tapfferkeit die vorenthaltne Burg erstiegen.
Zum Denckmahl dieser That, zur Ehre dieser Nacht
Hat unsre Pfficht u. Treu diesz Freuden-Feur gemacht.

Русская надпись была въ свое время напечатана въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ при описаніи празднованія 25 ноября:

«Сего Ноября 24 дня поутру для тезоименитства Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великія Княгини Екатерины Алексѣевны знатныя обою пѣла персоны и чужестран-

ные господа Министры приносили Ея Высочеству поздравленія, причемъ какъ съ крѣпости такъ и съ адмиралтейства производилась пушечная пальба. По полудни былъ балъ въ галеріи, по окончаніи котораго кушали вечернее кушанье. При столѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ кушали господа чужестранные Послы и Министры и Россійскія обоюго пола знатныя персоны, а въ другихъ комнатахъ за столами 170 персонъ.

На другой день для высокаго восшествія Ея Императорскаго Величества на Всероссійскій престолъ, поутру въ 12 часу собралсь ко двору Ея Императорскаго Величества знатныя обоюго пола персоны и чужестранные господа Министры. Ея Императорское Величество изволила имѣть шествіе высочайшимъ Своимъ придворнымъ Штатомъ церемоніею чрезъ парадныя покои въ придворную церковь къ обѣднѣ. По окончаніи Божіей службы Ея Императорское Величество изволила шествовать въ парадныя покои, гдѣ всѣ знатныя и чужестранныя господа Министры приносили поздравленія, причемъ съ обѣихъ крѣпостей пушечная пальба происходила. Ввечеру Ея Императорское Величество изволила кушать въ залѣ вечернее кушанье со всею лейбкомпаніею за богато убранными столами; за первымъ Ея Императорское Величество, яко Капитанъ, въ гранадерскомъ уборѣ съ Оберъ и Унтеръ-Офицерами, а за другими столами гранадеры лейбкомпаніи.

При наступленіи ночи въ оба вышеозначенные дни весь городъ изрядно былъ иллюминованъ, а на театрѣ иллюминаціи противъ зимняго Ея Императорскаго Величества дворца зажжена была слѣдующая иллюминація.

Пыльнинымъ днемъ обрадовавшись Россійская имперія представлена подъ видомъ укрѣпленныя двойнымъ валомъ и ровомъ крѣпости, которая столь храбро и благополучно взята, и въ знакъ всеобщія радости и совершеннѣйшаго удовольствія высококимъ именемъ и короною достойнѣйшя Побѣдительницы и законныя Владѣтельница на штандартѣ украшена, съ слѣдующею подписею или нѣтъическимъ изъясненіемъ:

Явивъ щастливую премѣну,
Чего желалъ Россійскій свѣтъ,
Прешла пренятствій многихъ стѣну,
Восшедъ на тронъ Елисаветъ.
На память дня того и оной ночи въ честь
Мы тѣмъ праздничны еи огни принесть“.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 96. стр. 767—769.)

XXXVIII.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой заглавіе, текстъ оды на шести страницахъ — съ третьей по восьмую. Передъ началомъ текста оды типографская заставка въ видѣ полоски изъ двухъ рядовъ украшеній (двуглавые орлы и надъ ними рядъ коронъ), обрамленныхъ симметрично размѣщеннымъ криволинейнымъ бордюромъ, не связаннымъ по угламъ; средина обоихъ горизонтальныхъ рядовъ бордюра занимаютъ звѣздочки. Въ концѣ оды маленькая типографская заставка (cul-de-lampe), средина которой занимаетъ криволинейный орнаментъ, симметричный по вертикальной и горизонтальной осямъ. Надъ нимъ корона, а нижнюю часть составляютъ три несвязанные завитка. Строфы не обозначены цифрами, а отдѣлены одна отъ другой тремя звѣздочками.

Первое изданіе этой оды составляетъ большую библиографическую рѣдкость. Оно находится въ библіотекѣ академika А. О. Бычкова, и мы приносимъ искреннюю признательность нашему уважаемому сочлену за сообщеніе намъ принадлежащаго ему экземпляра.

ВАРИАНТЫ.

P.— Руконись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Оды похвальные. Ода 5. На день

восшествія на престоль Ея Императорскаго Величества Государыни Елисаветы Петровны». Ода писана чужою рукою. Строфы не обозначены цифрами.

Рит. II.— Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746 — 1747.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова, въ Собраніи его сочиненій, 1759 г.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 5. «На день восшествія на престоль Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1748 года». стр. 105 — 117. Строфы обозначены цифрами.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 5. Заглавіе то же, что въ *С. I.* Стр. 83 — 92. Строфы обозначены цифрами.

-
- Ст. 19. И земледѣлецъ безмятежно (с. II.)
Ст. 23. Покрывнаго судами мѣря (с. II.)
Ст. 39. Да будетъ радость повседневно, (Р. С. I и II.)
Ст. 63. Блестящими шумя крылами (С. I и II.)
Ст. 69. И тѣсно въ слѣдъ ея летаетъ (С. I и II.)
Ст. 80. Чтобъ плескъ входилъ до облаковъ. (С. II.)
Ст. 81. Тогда во все предѣлы свѣта (Р. С. I и II.)
Ст. 87. И въ мысли отступали всячь. (С. I и II.)
Ст. 96. Чѣмъ путь ему пресѣченъ къ стаду. (С. I и II.)
Ст. 106. Чѣмъ для блаженства смертныхъ рода,
(С. I и II.)
Ст. 111. Европа и весь мѣръ свидѣтель, (С. I и II.)
Ст. 113. Колика нынѣ добродѣтель (С. I и II.)
Ст. 125. Когда воспѣть щедроты тщиюся, (С. I и II.)
Ст. 128. Какъ пали Готы предъ Тобою? (С. II.)
Ст. 129—130. Но больше мирною рукою
Ты цѣлой удивила свѣтъ. (С. I и II.)

- Ст. 150. Что словъ къ тому не достаетъ! (С. I и II.)
- Ст. 161—162. Въ лугахъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Двина и Донъ, (Рит. II,
III и IV. § 320.)
- Ст. 166. На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ (С. I и II.)
- Ст. 175. Се знойные Каспійски бреги, (С. I и II.)
- Ст. 192. Гдѣ Готѣ гордящійся упаль (С. I.)
Гдѣ Готъ гордящійся упаль (С. II.)
- Ст. 196—200. Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ
Единой обрацаль рукой.
Но палъ, и звукъ его достигнуль
Во все страны, и страхомъ двигнуль,
Съ Дунайской Вислу быстриной. (С. I и II.)
- Ст. 203. Вънцемъ, порфиною блистаетъ; (С. II.)
- Ст. 205—206. Тамъ равной ревностью пылають
Сердца, какъ стогны все сѣяють (С. I и II.)
- Ст. 210. Подобны испустилъ лучи. (С. I и II.)
- Ст. 228. Отсутствуя ты будешь съ нами: (Р., С. I и II.)
- Ст. 229—230. Покрытымъ орлими крилами
Кто смѣетъ прикоснуться намъ? (С. I и II.)
- Ст. 238. Лишь только ополчишься къ бою, (Р., С. I и II.)

Ст. 1—4. Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.

Сумароковъ въ третьей «вздорной одѣ»:

Трава зеленою рукою
Покрыла многія мѣста,
Заря багряною погою
Выводитъ новыя лѣта.

Тѣмъ не менѣе Сумароковъ находитъ, что въ этой одѣ всего болѣе «прекраснѣйшихъ» строфъ; къ числу ихъ онъ относитъ: пятую, двѣнадцатую, семнадцатую, восемнадцатую, девятнадцатую и двадцать-четвертую.

Пушкинъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (гл. пятая, XXV):

Но вотъ багряною рукою
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ именинъ.

Князь Вяземскій также подсмѣивается надъ «багряною рукою зарн»:

Аврора съ алыми перстами
Прекрасный вымыселъ пѣвца;
Но онъ опонленъ риомачами
И весь истеря до конца.
Хотя съ критическихъ покосовъ
Удалыхъ нашихъ косарей
Въ труху пошелъ нашъ Ломоносовъ
Съ цвѣтущей славою своею.
Я, старожилъ былого вѣка,
Нерѣдко старца стихъ твержу,
Но каюсь, грѣшный, не безъ смѣха
Я на «зарю» его гляжу.
«Заря багряною рукою»
Напоминаетъ прачку миѣ,
Которая бѣлье зимою
Полощетъ въ ледяной водѣ.

(Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. 1887. Т. XI. стр. 437.)

Ст. 1—10. Державинъ (VII. 536—537): «Смѣлый приступъ, или громкое вступленіе, бываетъ отъ накопленія мыслей,

которыя, подобно водѣ, стѣснившейся при плотинѣ или скалѣ, вдругъ прорываясь сквозь оныя, съ шумомъ начинаетъ свое стремленіе. Но находятся однако оды, которыя начинаются тихо и отчасу выше восходятъ своимъ пареніемъ. Бываютъ и такія, которыя имѣютъ ровное и прямое направленіе; а другія мѣстами порывисты и извивисты, каковы всѣ г. Ломоносова, смотря по предметамъ, какіе они описываютъ. Вотъ примѣръ тихаго вступленія:

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ“ и т. д.

Ст. 36—60. И вамъ, возлюбленныя Музы,
За горьки слезы и за страхъ,
За грозно время и плачевно,
Да будетъ радость повсядневно,
При Невскихъ обновясь струяхъ. и т. д.

Относятся къ Академіи наукъ, обновленной уставомъ, даннымъ ей Елисаветою.

Ст. 61—74. Державинъ (VII, 566) приводитъ въ примѣръ оживляющихъ и украшающихъ «уподобленій».

Ст. 81—84. Державинъ (VII, 519): «Священная ода есть самое высшее пламенное твореніе. Она быстротою, блескомъ и силою своею, подобно молніи объемля въ единый мигъ вселенную, образуетъ величіе Творца. Вотъ примѣръ: «Освѣтиша молнія Твоя вселенную, подвижесе и трепетна бысть земля». (Псал. LXXVI, 19) или:

Тогда во всѣ предѣлы Свѣта
Какъ молнія достигнулъ слухъ,
Что царствуетъ Елисавета,
Петровъ въ себѣ имѣя духъ.“

Ст. 85—96. Относятся къ Швеціи, въ которой борьба паргій склоняла правительство то на сторону Россіи, то противъ нея.

Ст. 101—110. Европа утомлена въ брани,
 Изъ пламени поднявъ главу,
 Къ Тебѣ свой простерла длани
 Сквозь дымъ куреніе и мгу.
 Твоя кротчайшая природа,
 Чемъ для блаженства смертныхъ рода,
 Всевышній нашъ украсилъ вѣкъ,
 Склонилась для ея защиты,
 И мечъ Твой лаврами обвитый
 Необнаженъ войну пресѣкъ.

Относится къ Ахенскому миру. Въ самый разгаръ войны между Англіей, Австріей, Голландіей съ одной стороны и Франціей съ другой, Россія двинула вспомогательный корпусъ подъ начальствомъ князя Реннина, и движеніе этого корпуса способствовало только скорѣйшему заключенію мира, переговоры о которомъ уже начаты были въ Ахенѣ. Желанный миръ былъ восстановленъ и, по общему признанію, одною изъ причинъ его ускоренія было движеніе русскаго войска къ Рейну. Такимъ образомъ уже въ третій разъ движеніе русскаго войска останавливало завоевательные замыслы, сдерживало побѣдителя, вело къ миру въ Европѣ: появленіе русскаго войска на Рейнѣ повело къ Вѣнскому миру, окончившему войну за польское наслѣдство; движеніе русскаго войска въ 1745 году заставило Фридриха II ускорить Дрезденскимъ миромъ, и наконецъ послѣднее движеніе Реннинскаго корпуса заставило сѣбѣ ити Ахенскими переговорами. Новое могущество, появившееся на востокѣ съ начала вѣка, оказывало свое вліяніе на европейскія дѣла новымъ особеннымъ образомъ; политическое равновѣсіе получало для себя сильное ручательство».

(Соловьева: Исторія Россіи. 1872. Т. XXII. стр. 250, 261—262.)

Если таковъ взглядъ современнаго намъ историка, то какое сильное впечатлѣніе на современниковъ Ломоносова должно было произвести замѣреніе Европы Россією, не обна-

жавшею меча и тѣмъ не менѣе положившею конецъ европейской войнѣ.

Ст. 131—144. Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ всѣми кто дарами цвѣлъ:
Тотъ крѣпкое имѣетъ тѣло;
Но слабъ въ немъ духъ и умъ не зрѣлъ.
Въ другомъ блистаетъ умъ небесный,
Но домъ себѣ имѣетъ тѣсный,
И духу силъ не достаетъ.
Иной прославился войною;
Но жизнью миръ порочитъ злою,
И самъ съ собой войну ведетъ.
Тебя, Богиня, возвышаютъ
Души и тѣла красоты,
Что въ многихъ раздѣлясь блистаютъ,
Едина всѣ имѣешь Ты.

Похвалы Ломоносова Елисаветѣ имѣютъ историческій смыслъ; онѣ объясняются и современнымъ автору положеніемъ дѣлъ въ Россіи и недавнимъ прошлымъ, которое было тогда у всѣхъ свѣжо въ памяти. «Ломоносовъ—говоритъ Бѣлинскій—далъ намъ именно такую поэзію, кромѣ которой ни ему, ни другому кому, хотя и великому гению, дать было невозможно. Ломоносовъ «гѣлъ» тó, что заключалось въ самой дѣйствительности. Послѣ указа о вѣрности Бироновской тираніи, царствованіе Елисаветы по справедливости казалось эпохою столь же счастливою, сколько и славною,—и Ломоносовъ пѣлъ «блаженство дней своихъ», пѣлъ «любезныя ему науки въ дражайшемъ отечествѣ». Больше нечего было бы пѣть въ то время и самому Шекспиру».

(Сочиненія Бѣлинскаго. 1883. Ч. VII. стр. 84—88.)

Слова стихотворца подтверждаются и свидѣтельствами историческими.

По отзыву князя Щербатова, обличавшаго «поврежденіе правовъ въ Россіи», императрица Елисавета Петровна «въ моло-

дости своей была отменной красоты, пажна, милосердна, сострадательна и щедрa, от природы одарена довольнымъ разумомъ; веселаго нрава; чувствовала свою красоту» и т. д.

Испанскій посоль въ Россіи при Петрѣ II, «герцогъ Лпрійскій» (duc de Lihria) такъ отзывается о Елисаветѣ Петровнѣ: «Принцесса Елисавета, дочь Петра I и царицы Екатерины,—такая красавица, какихъ я никогда не видывалъ. Цвѣтъ лица ея удивителенъ, глаза пламенные, ротъ совершенный, шея бѣлѣйшая и удивительный станъ. Она высокаго роста и чрезвычайно жива. Въ обращеніи ея много ума и пріятности; но замѣтно нѣкоторое честолюбіе».

Шлецеръ говоритъ въ своей автобіографіи, что Елисавета, по мнѣнію знатоковъ, видѣвшихъ ее принцессою, была одна изъ совершеннѣйшихъ красавицъ своего времени; она дышала страстью, и въ ея обращеніи выражалась и благосклонность и прелесть. Одинъ нѣмецкій профессоръ сошелъ съ ума отъ ея красоты и т. д.

Самыя преувелченія въ похвальныхъ одахъ были болѣе или менѣе невольною данью господствовавшему литературному обычаю. Не говоря о такихъ заурядныхъ стихотворцахъ, какъ Юнкеръ и Штелинь, но и такіе крупныя таланты, какъ Гюнтеръ—кумръ современной Ломоносову молодежи, не знали мѣры въ восхваленіи сильныхъ земли. Вольтеръ, обращаясь къ Елисаветѣ Петровнѣ, называлъ ее сѣвѣрною Семирамидой:

Semiramis du nord, auguste impératrice
Et digne fille de Ninus,
Le Ciel me destinait à peindre tes vertus,
Et je dois rendre grâce à sa bonté propice:
Il permet que je vive en ces temps glorieux
Qui t'ont vu commencer ta carrière immortelle
Au trône de Russie il plaça mon modèle,
C'est là que je lève mes yeux.

Ст. 161 — 167. Ломоносовъ въ своей Риторикѣ: «Предложенія возносительными мѣстоименіями и нарѣчіями присоединяемы полагаются въ срединѣ главнаго предложенія или послѣ онаго.

Въ лугахъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Двина и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя стадамъ наводятъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хиновъ отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ“.

(Рит. II, III и IV. § 320)

Ст. 161 — 170. Державинъ (VII, 550) приводитъ въ примѣръ «величественныхъ картинъ».

Ст. 175. Се знойные Ирканы бреги,

Ирканиа (Нугсаниа) — область на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, отчего и Каспійское море называлось Гирканскимъ—Нугсанинн маге Ἰρκανία θάλασσα. Во второмъ изданіи оды вмѣсто: «Ирканы бреги» Ломоносовъ поставилъ: «Каспійски бреги».

Ст. 213—225. Москва едина на колѣна
Унавъ передъ Тобой стоить,
Власы сѣдя простираетъ,
Тебя, Богиня, ожидаетъ,
Къ Тебѣ единой вопія:
Возри на храмы опаленны
Возри на стѣны разрушенны;
Я жду щедроты Твоя.
Гряди, Краснѣйшая Денницы,
Гряди, и свѣтлостью лица
И блескомъ чистой багряницы
Утѣшь печальныя сердца,
И время возврати златое.

Москва въ то время сильно пострадала отъ пожаровъ. «По подлинному извѣстію, во всѣ пять пожаровъ згорѣли: три монастыря, тридцать двѣ церкви, тысяча девять сотъ двадцать четыре двора, считая въ томъ числѣ, какъ худое деревянное дворовое строеніе, конюшня и сарап, такъ и простые избы, тринадцать богадѣленъ, четырнадцать пивоваренъ, пять бань, да двѣнадцать кабаковъ». Въ тогдашней Москвѣ считалось около семидесяти тысячъ домовъ и около шестисотъ церквей; слѣдовательно во всѣ эти пожары «сгорѣло тридцатая доля по числу домовъ» и только двадцатая доля «по пометрическому численію мѣста».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 49. стр. 390—391.)

Ст. 231—240. Державинъ (VII, 546—547) приводитъ въ примѣръ *Иравдоподобія*, которое «состоитъ въ томъ, чтобъ собраны были всѣ приличія и принадлежности къ восиѣваемому предмету въ пособіе, дабы ему чрезъ нихъ казаться болѣе вѣроятнымъ».

Въ заключеніе извѣстія о празднованіи дня восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, 25 ноября 1748 года, говорится: «Того же числа его сіятельство господишь президентъ Академіи наукъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій поднесъ Ея Императорскому Величеству именемъ Академіи наукъ поздравительную оду на сей торжественной день, которую Ея Императорское Величество милостиво принять соизволила, и сочинителю сего поздравленія профессору химіи господину Ломоносову всемплоствѣйше пожаловать изволила двѣ тысячи рублей въ награжденіе».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 96. стр. 768—769.)

XXXIX и XL.

ТЕКСТЪ.

Ар. — Архивъ Академической канцеляріи. Рукопись № 122.
л. 550—550 об. Стихи писаны собственноручно Ломоносовымъ.

Ни двустистиіе, ни четверостишіе Ломоносова не появились въ свое время въ печати. Въ первый разъ напечатаны они, безъ нѣмецкаго подлинника, академикомъ Пекарскимъ въ его Исторіи Академіи наукъ (II. 395).

Нѣмецкіе стихи написаны Штелшномъ:

So tritt nach unserm Wunsch disz Jahr mit Glück hervor,
Und unser Wohlseyn steigt mit deinem Ruhm empor.

* * *

Sieht dich die Treu u. Schuldigkeit
Im Tempel der beglückten Zeit
So musz dein gröster Theil der Erden
Zu dem beglücktsten Reiche werden.

Генераль-аншефъ Дираксинъ «объявилъ Ея Императорскаго Величества именной изустный указъ—быть фейерверку въ Москвѣ будущаго 1749 году генваря 1 числа». Велѣдствіе этого академикъ Штелинь составилъ и представилъ слѣдующее

„Описаніе и изъясненіе трехъ соединенныхъ плановъ фейерверка на новой 1749 годъ.

«Средней планъ представляетъ тріумфальныя ворота по римскому великолѣбію лавровыми и пальмовыми вѣтвями украшенной Щитъ подъ короною Имени Ея Императорскаго Величества, надъ которымъ знаки новаго года, а имянно двуличная Янусова голова и число 1749 года на верху. Сквозь отверстіе оныхъ являются городъ и рѣка Москва, а надъ ними восходящее солнце въ сіяніи. При воротахъ сидитъ Москва въ видѣ женщины въ городской коронѣ, на щитъ своего герба опершиесь, и не токмо пристальнымъ взоромъ смотритъ на являющееся ей вновь солнце, но и распростертою рукою показываетъ на оное всему городу къ оказанію своего веселія, а другою рукою, къ изъясненію сердечной своей радости, ударяетъ въ грудь, въ веселіи трепещущуюся. На воротахъ, ко изъясненію сего представленія, подписано: По Нашему Желанію, то есть съ новымъ годомъ восходитъ наки вожделѣнное солнце всерадостнѣйшаго присутствія Ея Императорскаго Величества въ Москвѣ.

Къ изъясненію самыхъ всеподданнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ желаній клонятся оба посторонніе плана, которые, какъ двѣ галереи, соединены тріумфальными воротами. Изъ посторонняго плана правой руки выходитъ повои годъ подъ образомъ младенца, держащаго въ рукѣ астрономическую сферу и раздѣленную на двѣнадцать равныхъ частей эклиптику, опоясаннаго зодіакомъ съ числомъ 1749 года, котораго благополучіе имперіи во образѣ жены въ вѣщѣ, изъ масляныхъ вѣтвей и класовъ сплетенномъ, держащія рогъ изобилія, ведетъ за руку, съ надписью: Ея Предводительствомъ, то есть видимъ мы съ удовольствіемъ наступающее лѣто.

На лѣвомъ крылѣ радостно выходитъ слава имени Ея Императорскаго Величества въ провожаніи благополучія подданныхъ. Слава изображена подъ образомъ крылатаго юноши въ вѣнцѣ, изъ лавровыхъ вѣтвей сілетенномъ, держащаго въ рукѣ двѣ трубы, а на груди щитъ съ вензеловымъ именемъ Ея Императорскаго Величества, а благополучіе изображено въ видѣ жены въ штофномъ цвѣтномъ золотномъ платьѣ и въ вѣнцѣ, изъ цвѣтковъ сілетенномъ, предъ ногами которыя лежатъ опрокинутой рогъ изобилія и сыплющіяся изъ него плоды и монеты съ надписью надъ обими: Нераздѣлно пребываютъ, т. е. благополучіе подданныхъ и слава высочайшаго Имени Ея Императорскаго Величества.

Ещежъ на верху обохъ вышеобъявленныхъ постороннихъ строеній является Россійская Имперія въ видѣ двоеглавнаго орла, которой при такомъ по нашему желанію благополучномъ времени распростерши крылья весело къ верху подымается.

Знаменованіе представленія на всѣхъ трехъ соединенныхъ планахъ коротко содержится въ слѣдующихъ, къ Ея Императорскому Величеству склоняющихся словахъ:

Такъ нынѣ новый годъ къ намъ щастіе приводитъ.
Съ Твоею славою таланъ нашъ въ верьхъ восходитъ.

Описаніе иллюминаціи.

На высокомъ театрѣ, которой, склоняясь на Россійскую имперію, представляетъ здравую плодоносную и пріятную страну съ высѣченными аллеями на подобіе креста святаго апостола Андрея Первозваннаго и съ раздѣленными на двоеглавныхъ орловъ садовыми пиналерами, а впрочемъ какъ крѣпкими стѣнами и оборонительною крѣпостью утверждёнъ, такъ и великолѣпными фонтанамъ, порогами и шлюзами украшенъ, стоитъ храмъ благополучнаго времени на крылѣ съ защищающимъ Благополучіемъ. А по обѣ стороны купола поставлены другія двѣ статуи, а

именно: Слава имперіи и Изобиліе, да на верху грудной портретъ двузрачнаго Януса, представляющій остроуміе со временемъ и возобновеніе онаго (die Klugheit bey der Zeit und die Verneuerung derselben), а на немъ число 1749 года. Въ храмѣ блистаетъ вензловое имя Ея Императорскаго Величества Елисаветы Первья подь короною.

Вирочемъ сей высокой театръ украшенъ перилами и стоящими на нихъ золотыми сосудами и прозябающими въ нихъ плодами. Знаменованіе сего представленія содержится въ слѣдующемъ:

Взираетъ вѣрность на Тебя
Во храмѣ полного блаженства,
Пространная Твоя земля
Тогожь достигнетъ совершенства“.

(Рукопись № 122. л. 545—550 об.)

ХІІ.

ТЕКСТЪ.

Ар. — Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 124. л. 539. Четверостишіе Ломоносова — переводъ латинскаго эпиграфа для Придворнаго календаря на 1749 годъ. Оно находится въ прямой связи съ Ахенскимъ миромъ, заключеніе котораго и относится къ числу «безнагубныхъ» побѣдъ, одержанныхъ Россіею. Причину, почему находили нужнымъ оставить латинскій эпиграфъ безъ перевода, объясняли такимъ образомъ:

Man hat auf Anrath aller Kenner das Motto (die Aufschrift) lateinisch gelassen weil es durch die Übersetzung die Curiositaet und die Force würde verlohren haben. Das Motto aber ziehlet hauptsächlich auf unsre Armee in Teutschland und auf den Frieden in Aachen. Herr Prof. Lomonossoff hat es auf solche Art übersetzt:

Ты войско, ты совѣтъ и т. д.

Вслѣдствіе этого Академическая Канцелярія опредѣлила: «Къ его сіятельству академіи господину президенту графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому сего числа (23 декабря 1748 года) особливимъ штафетомъ послать маленькіе русскіе и нѣмецкіе календари, и притомъ во извѣстіе его сіятельству донести: Въ маленькихъ календаряхъ, по совѣту всѣхъ знатоковъ, подпись латынская постановлена, и то для того учинено, понеже отъ перевода

на Россійской языкъ вся бѣ пропала куріозность и явственная сила, а та поднись вообще клопнется на Всероссійскую армію въ Нѣмецкой землѣ и на заключенной миръ въ Акенѣ. А какими рѣчьми на руссійскомъ языкѣ та съ латинскаго языка поднись переведена господиномъ профессоромъ Ломоносовымъ, оная для извѣстія его сіятельству здѣсь объявлена въ слѣдующемъ содержаніи:

Ты войско, ты совѣтъ
Даешь своимъ сосѣдамъ;
Твоимъ дивится свѣтъ
Беспагубнымъ побѣдамъ“.

(Архивъ Академической Канцеляріи, Рукопись № 517. Журналь № 912.)

Эпиграфъ взятъ изъ Горация (Carm. Lib. IV. c. XIV. v. 32 — 34):

. sine clade victrix (victor)
Te copias, te consilium et tuos
Praebente.

(Ср. Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ. 1865. стр. 752—753.)

Миѣніе Шумахера было приято, и Календарь вышелъ съ однимъ латинскимъ эпиграфомъ, безъ стиховъ Ломоносова. Календарь этотъ составляетъ большую бібліографическую рѣдкость и доселѣ извѣстенъ только одинъ экземпляръ его, находящійся въ бібліотекѣ Д. О. Кобеко.

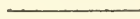
(Русскіе и славянскіе календари и мѣсяцословы за сто лѣтъ (1725—1825.) Описалъ Николай Собко. Берлинъ. 1880. стр. 24.)

Приписимъ искреннюю признательность Дмитрію Омпичу Кобеко за сообщеніе намъ принадлежащаго ему экземпляра.

Календарь заключаетъ въ себѣ шестнадцать нумерованныхъ страницъ, въ 32 долю листа; заглавіе: «Придворной календарь на лѣто отъ Рождества Христова 1749, которое есть простое содержащее 365 дней». Латинскіе стихи изъ Горация

составляют подпись гравированной на мѣди вишѣтки (Гр. Ів. Соколовъ). Вишѣтка эта любопытна по отношенію не только къ надписи Ломоносова, не попавшей въ календарь, но и къ другимъ произведеніямъ Ломоносова этого времени.

Въ криволинейной продолговатой въ вышину рамкѣ, украшенной въ верхней части цвѣточными гирляндами, а въ нижней подобіемъ пальмовыхъ вѣтвей и раковинною, изображена спящая подъ пальмовымъ деревомъ царственная женская фигура въ порфирѣ и съ малою короною въ волосахъ. Правую рукою она удерживаетъ летящаго на облакѣ Меркурія, ухватясь за конецъ его жезла, а лѣвою, въ которой держитъ маслячную вѣтвь, опирается на щитъ съ изображеніемъ двуглаваго орла. Въ лѣвой рукѣ Меркуріи держитъ вензель съ буквою S въ лавровомъ вѣнкѣ. У ногъ женской фигуры, справа — поверженный геній раздора съ дымящимся факеломъ въ лѣвой рукѣ, а съ лѣвой стороны — сидящій ребенокъ, призмѣряющій шлемъ съ перьями. Позади фигуръ — часть зданія съ колоннами; на среднемъ планѣ — Нева, а за рѣкой — зданіе Академіи наукъ съ высокою башней обсерваторіи, въ томъ видѣ, какъ она была построена первоначально. Висящія на стволѣ пальмоваго дерева мечъ и конь и подобіе щита съ лѣвой стороны, позади ребенка, дополняютъ композицію вишѣтки.

ХІІІ.

ТЕКСТЪ.

Р. Д.— Рукопись Библиотеки Академіи наукъ. № 112, заключающая въ себѣ черновыя бумаги Ломоносова. Писано собственноручно Ломоносовымъ. Противъ одиннадцатой строфы сбоку:

Огонь, дымъ, звукъ взревѣлъ,
И брегъ тряхнулъ хребтомъ.

Заглавіе чужою рукою: «Преложеніе псалма 103. Благослови душе моя Господа, Господи Боже мой возвеличился еси зѣло etc.»

Псаломъ сто-третій называется «псалмомъ о мірстѣмъ бытіи», т. е. о сотвореніи міра. Приводимъ славянскій переводъ и переложеніе Симеона Полоцкаго.

Псаломъ 103.

Благослови, душе моя, Господа. Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло; во исповѣданіе и въ велелѣиоту облеклся еси.

Одѣйся свѣтомъ, яко ризою; простирай небо, яко кожу.

Покрывай водами превысиренія своя; полагай облаки на восхожденіе свое; ходяй на крплу вѣтрено.

Творяй ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный.

Основаяй землю на тверди ея, не приклонится въ вѣкъ вѣка.
Бездна, яко риза, одѣяніе ея; на горахъ станутъ воды.
Отъ запрещенія Твоего побѣгнутъ, отъ гласа грома Твоего
убоятся.

Восходятъ горы и нисходятъ поля, въ мѣсто, еже основалъ
еси имъ.

Предѣлъ положилъ еси, егоже не преидутъ, иже обратятся
покрыти землю.

Посылаяй псточники въ дебрехъ, посредѣ горъ пройдутъ
воды.

Напаяютъ вся звѣри селныя, ждуть онагря въ жажду свою.

На тыхъ птицы небесныя привитаютъ, отъ среды каменія
дадутъ гласъ.

Напаяяй горы отъ превысиреннихъ своихъ, отъ плода дѣль
Твоихъ насытитея земля.

Прозябаяй траву скотомъ и злакъ на службу челоуѣкомъ
извести хлѣбъ отъ земли.

И вино веселитъ сердце челоуѣка, умастити лице елеемъ, и
хлѣбъ сердце челоуѣка укрѣпитъ.

Насытитея древа польская, кедри ливантін, иже еси наса-
дилъ.

Сим. Полоцк.

Душе моя, Господа да благословши,
Господи, коль великъ ты и страшень ся зриши;
Во славу и лѣноту еси облеченный,
Яко ризою свѣтомъ многимъ обвѣншій.
Ты небо, яко кожу, изволи проняти,
Превысирняя водами своя покрывати.
Ты, въ восхожденіе ти еси полагаяй
Облаки, и онѣми аерь претекаяй.
На крылѣхъ скоротечна вѣтра ты ходши,
Невещественны духи ангелы твориши.

И во видѣ паляща огня служить Тебѣ
 Раби твои, иже ты ꙗвѣснословятъ въ небѣ.
 Тобою на тверди си земля основаша,
 И вовѣки не будетъ та поколебаша.
 Ону, якоже риза, бездна одѣваше,
 И на горахъ высокихъ вода вездѣ бѣше.
 Но запрещеніемъ ти воды признадоша,
 На гласъ грома твоего въ море низтекоша.
 Горы быша велия, поля ся постлаху,
 Идѣже основу си и мѣсто пріяху.
 Предѣлъ водамъ изволилъ еси положить,
 Егоже не возмогутъ вѣчно преступити;
 Ни обратятся наки землю покрывати,
 Но въ ложахъ своихъ шуметь вовѣки стояти.
 Во дебрѣхъ источники, Боже, изводиши,
 И посредѣ горъ воды обилны точиши,
 Да вся звѣри селшыя въ жаждѣ напоятъ,
 И онагровъ притекшихъ жажду утоляютъ.
 Къ тымъ небесныя птицы тщатся прилетати,
 Въ каменехъ поющыя, жажду утоляти.
 Тобою отъ превысшихъ горы піють воды,
 Земля ся насыщаетъ дѣлесъ твоихъ плоды.
 И сыта суица, нажитъ скотомъ прозябаеть,
 Траву людемъ во службу, и хлѣбъ въ пищу даеть.
 Вино во веселіе чловѣкомъ родятъ,
 Елей лице мастити, хлѣбъ во крѣпность плодитъ.
 Тѣми древа польная себе насыщаютъ,
 И кедрѣ ливанстѣи вѣтви оживляютъ.

Сохранилось весьма любопытное свидѣтельство самого Ломоносова о переложеніи имъ сто-третьяго псалма. Отвѣчая Татищеву, Ломоносовъ пишетъ: «Совѣтъ о преложеніи псалмовъ мнѣ весьма пріятенъ, и самъ я давно къ тому охоту имѣю, однако двѣ вещи пренятствуютъ: первое недосути, пбо главное мое

дѣло есть горная наука, для которой я былъ парочно въ Саксонію посыланъ; также химія и физика много времени требуютъ, кромѣ текущихъ дѣлъ въ академическихъ собраніяхъ. Второе—опасеніе, ибо я не смѣю дать въ предложеніи другаго разума, нежели какой псаломскіе стихи въ переводѣ имѣютъ. Такъ припавшійся перелазить на стихи прекрасной псаломъ 103, для того покинулъ, что многія пашель въ переводѣ погрѣшности, напри-мѣръ: *змій сей, егоче создалъ еси ругатися ему*, вмѣсто: *се китъ, ео создалъ еси презирати оное* (то есть море, его про-странство)».

(Архивъ конференціи Академіи наукъ. Исходящія письма 1749—1751 годовъ. Письмо Ломоносова къ Василию Никитичу Татищеву 27 января 1749 года.

Ср. Дополнительные извѣстія для біографіи Ломоносова. Академика П. Некарскаго 1865. стр. 35—36.)

Псал. *СIII*, 25 — 26. Сіе море великое и пространное. . . Змій сей, егоче создалъ еси ругатися ему.—Это море великое и пространное. . . Тамъ этотъ левіаоанъ, котораго Ты сотворилъ играть въ немъ.

На Ломоносова особенно сильное впечатлѣніе производилъ псаломъ 103 величественнымъ изображеніемъ картины мірозда-нія. Александръ Гумбольдтъ считаетъ 103 псаломъ однимъ изъ величайшихъ произведеній:

Man möchte sagen, dasz in dem einzigen Psalm das Bild des ganzen Kosmos dargelegt ist: «Der Herr, mit Licht umhüllet, hat den Himmel wie einen Teppich ausgespannt. Er hat den Erdball auf sich selbst gegründet, dasz er in Ewigkeit nicht wanke. Die Gewässer quellen von den Bergen herab in die Thäler, zu den Orten, die ihnen beschieden: dasz sie nie überschreiten die ihnen gesetzten Grenzen, aber tränken alles Wild des Feldes. Der Lüfte Vögel singen unter dem Laube hervor. Saftvoll stehen des Ewigen Bäume, Libanons Cedern, die der Herr selbst gepflanzt, dasz sich das Federwild dort niste, und auf Tannen sein Gehäus der Habicht baue». Es wird beschrieben «das Weltmeer, in dem es wimmelt von Leben ohne Zahl. Da wandeln die Schiffe,

und es regt sich das Ungeheuer, das Du schufest darin zu scherzen». Es wird «die Saat der Felder, durch Menschenarbeit bestellt, der fröhliche Weinbau und die Pflege der Oelgärten» geschildert. Die Himmelskörper geben diesem Naturbilde seine Vollendung. «Der Herr schuf den Mond, die Zeiten einzutheilen, die Sonne, die das Ziel kennt ihrer Bahn. Es wird Nacht, da schwärmt Gewild umher. Nach Raube brüllen junge Löwen und verlangen Speise von Gott. Erscheint die Sonne, so heben sie sich davon und lagern sich in ihre Höhlen: dann geht der Mensch zu seiner Arbeit, zu seinem Tagewerk bis Abend». Man erstaunt, in einer lyrischen Dichtung von so geringem Umfange, mit wenigen groszen Zügen, das Universum, Himmel und Erde geschildert zu sehen. Dem bewegten Elementarleben, der Natur ist hier des Menschen stilles, mühevollcs Treiben vom Aufgang der Sonne bis zum Schlusз des Tagewerks am Abend entgegengestellt. Dieser Contrast, diese Allgemeinheit der Auffassung in der Wechselwirkung der Erscheinungen, dieser Rückblick auf die allgegenwärtige unsichtbare Macht, welche «die Erde verjüngen» oder in Staub zertrümmern kann, begründen das Feierliche einer minder lebenswarmen und gemüthlichen als erhaben poetischen Dichtung.

(Kosmos. Entwurf einer physischen Weltbeschreibung von Alexander von Humboldt. 1847. Zweiter Band. s. 46—47.)

Переложеніе сто-третьяго псалма напечатано въ первый разъ въ Полномъ собраніи сочиненій Ломоносова 1784 г. Часть I. стр. 43—46, но съ отступленіями отъ подлинника, какъ напримѣръ:

Ст. 51. И всѣ народы насыщаешь

Напечат: И всѣхъ живущихъ насыщаешь

Ст. 11. Крилами вѣтровъ шумъ наводишь,

Напечат: Крилами вихровъ шумъ наводишь,

Ст. 43. И ждуть ослы, какъ въ жаждѣ таютъ,

Напечат: Онагри ждуть, какъ въ жаждѣ таютъ.

Подобныя неточности въ изданіи сочиненій Ломоносова послужили поводомъ къ энграммѣ на Козодавлева, подъ редакціей котораго издавъ первый томъ сочиненій Ломоносова:

Онъ Како — другъ крамзы, но только другъ нахальщій,

Кѣмъ изуродованъ какъ бабкой повивальной

Малербъ Россійскихъ странъ, пресладостный пѣвецъ.

Онъ (О), Како (К) — инициалы имени издателя: Осипъ Козодавлевъ. Крамза — мурза, какъ называлъ себя Державинъ. Малербъ Россійскихъ странъ — Ломоносовъ, о которомъ Сумароковъ сказалъ:

Онъ нашихъ странъ Малербъ, онъ Пидару подобенъ.

Въ изданіи 1784 года сдѣлано такое примѣчаніе:

«Сіе предложеніе никогда еще не было напечатано; оно отыскано въ оставшихся рукописаніяхъ покойнаго господина Ломоносова».

ХІІІ.

ТЕКСТЪ.

Рукопись Архива Академической Канцеляріи. № 125. л. 584.
Стихи писаны собственноручно Ломоносовымъ и переведены имъ съ нѣмецкаго; подлинникъ принадлежитъ Штелину. Штелинъ составилъ на нѣмецкомъ языкѣ описаніе иллюминаціи и заключилъ его слѣдующими стихами:

Da manch entflamter Wunsch für dich zum Himmel steigt,
So wird die Zuversicht mit Freuden überzeugt.
Es soll dein Fest, dein Flor, dein Wohlergehen
In immer grünem Schmuck, gleich Amaranthen stehen,
Der wenn gleich Zeit und Frost der holder Schmuck vertreibt,
In unverwelektem Flor und steter Schönheit bleibt.

Къ рукописи Штелина приложенъ и русскій переводъ:

«Описаніе иллюминаціи на высокій день рожденія Ея Императорскаго Высочества Государыни Великія Княгини Апрѣля 21 дня 1749 года.

Представляется дворъ съ зеленѣющимися, между собою нарочно сомкнутыми перилами и окруженный садовыми порталами, оплетенными амарантовыми листьями, по срединѣ котораго является на входѣ, изъ краснаго мрамора сдѣланномъ, пьедесталь, украшенный амарантовымъ вѣщимъ, а на пьедесталь, въ

золотомъ сосудѣ—цвѣтущій амарантъ, какъ изображеніе неувядаемой красоты и долголѣтнаго здравія. Выше на помянутыхъ перилахъ поставлены многіе сосуды съ горящимъ опиумомъ, а вверху порталы уставлены молодыми амарантовыми кустами. Все сіе изъясляетъ подданнѣйшія и ревностныя желанія о неувядаемомъ высокомъ благополучіи и долголѣтномъ здравіи Ея Императорскаго Высочества дражайшія государыни и Великія Княгини.

Знаменованіе всего представленія въ слѣдующихъ стихахъ содержится:

Коль много за Тебя сердцеъ пылаеть къ Богу“, и т. д.

(Рукопись Академической канцеляріи. № 125, л. 582—584.)

XLIV.

ТЕКСТЪ.

Рукопись Архива Академической Канцелярии № 125. л. 591 об.
Стихи писаны рукою Ломоносова и переведены имъ съ нѣмецкаго
подлинника Штеллна:

Wie glücklich ist dein Reich! wie glücklich so viel Kronen,
Die unter deiner Kron in stoltzer Ruhe wohnen!
Ihr Glück entflammt den Wunsch, für dich zu Gott zu schreyen:
Herr! lasz Elisabeth noch lang ihr Reich erfreuen.

Къ описанію, составленному Штелльномъ на нѣмецкомъ языкѣ,
приложенъ современный подлиннику русскій переводъ:

«Описаніе плуминаціи, которая въ высочайшій день коро-
націи Ея Императорскаго Величества Апрѣля 25 дня 1749 года
въ Москвѣ представлена быть имѣеть.

Представляется великолѣпный монументъ (строеніе съ стол-
бами), на среднемъ котораго шатръ на верху Императорская
корона надъ вензловымъ именовъ Ея Императорскаго Величества,
а внизу на трехъ особливыхъ пирамидахъ — короны трехъ
царствъ: астраханскаго, казанскаго и сибирскаго, а на обѣихъ
боковыхъ галеріяхъ между столбами поставлено столько велико-
княжескихъ и княжескихъ гербовъ, коронъ и герцогскихъ шляпъ,
сколько главныхъ провинцій въ Россійской имперіи считается.

Позади сего строения видна зеленѣющая земля съ пріятными аллеями и фонтанами, а въ среднѣи́хъ чрезъ порталъ является восшедшее уже на семь градусовъ на горизонтъ солнце, которое всю землю освѣщаетъ. На концахъ каждаго крыла представлены круглые храмы съ желательнымъ олтаремъ, на которомъ горитъ пламя.

Знаменованіе сего представленія содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Коль счастлива земля, коль счастливы вѣнцы“ и т. д.

(Рукопись Академической канцеляріи. № 125. л. 591—592.)

XIV.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 8. стр. 181.

ВАРИАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Похвальныя надписи. Надпись 8. На спускъ корабля именуемаго Святаго Александра Невскаго 1749». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 8. стр. 160. Заглавіе то же, что и въ *С. I.*

Ст. 1—3. Гора что горизонтъ на сушѣ покрывала,
Внезпно съ берегу на быстрину збѣжала
Между палатъ стойтъ гдѣ былъ недавно лѣсъ;
(Р.)
Ст. 5. Но мы въ лодочкѣ на сушѣ чуть сидѣли, (Р.)

Корабль «Александръ Невскій» спущенъ былъ 18 мая 1749 года, какъ видно изъ слѣдующаго извѣстія: «Сего мая 18 числа въ Адмиралтейской крѣпости при прѣсудствіи Адмиралтейской коллегіи господъ членовъ и генералитета и прочихъ обрѣтающихся при Санктпетербургѣ знатныхъ и духовныхъ персонъ, построеныя два шестидесять шести пушечные корабля спущены, а осьмидесятиной корабль строенъ вновь заложенъ благополучно; и тѣ спущенные корабли пмянованы, перьвой Іоаннъ Златоустъ, второй Александръ Невскій».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1749. № 40. стр. 218.)

XLVI.

ТЕКСТЪ.

Рукопись Архива Академической Канцелярии № 129. л. 295.
Подлинное описаніе и стихи — Штелльна; переводъ *стиховъ* —
Ломоносова, писанъ его рукою:

Sieh, Ruzland! die beglückte Nacht,
Die deine Wolfahrt wider bracht,
Da die Gerechtigkeit u. Vaterlandes Liebe
Nebst Klugheit, Tapfferkeit, Genad-und Groszmuths Triebe,
Die Erbin deines Throns Elisabeth
Auf ihrer Eltern Thron begleitet u. erhöht,
Und zum erwünschten Glück für alle die dich lieben
Als Wächter ihres Throns untrennlich stehen blieben.

«Описаніе пдуминаціи въ высочайшій день восшествія Ея Императорскаго Величества на всероссійскій императорскій престолъ, въ Москвѣ ноября 25 дня 1749 года представленной.

На каменной горѣ, на рѣкѣ, по которой судами ходить можно, представляется выѣченый съ перилами постаментъ, на которомъ, подъ великолѣпнымъ на столбахъ зданіемъ, поставленъ императорскій престолъ, императорскою короною и вензловымъ именемъ Ея Императорскаго Величества украшенный. На верху является лучами озаренное око Божія Провидѣнія, а внизу изображенъ Россійскій гербъ, лавровыми и пальмовыми вѣтвями

украшенный, съ крестомъ на сердечномъ щиту святаго апостола Андрея Первозваннаго. Двойной входъ къ высокому престолу состоитъ изъ двухъ великолѣпныхъ мостовъ, гдѣ на каждомъ стоятъ золотые сосуды и шесть статуи, а именно: Правосудіе, Мудрость, Храбрость, Любовь къ отечеству, Великодушіе и Милость. Самое зданіе съ обѣихъ сторонъ украшено простирающеюся въ полукружїи аллеєю изъ кедровыхъ деревьевъ, которая отъ полукружїи къ обонмъ постороннимъ крыльямъ вдаль перспективнымъ видомъ распространяется, гдѣ средняя точка на правомъ крылѣ показываетъ монументъ съ литерою П., то есть Петръ, а на лѣвомъ крылѣ написана литера Е., то есть Екатерина.

Изъясненіе сего представленія состоитъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Россія посмотри на ту щастливу ночь“ и т. д.

(Рукопись архива Академической канцеляріи. № 129. л. 293—295.)

XLVII.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 7. стр. 180.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Похвальныя надписи. Надпись 7. На прибытіе Ея Величества Гдѣи И. Е. П. изъ Москвы въ Санктъ Петербургъ 1749 года, декабря дня». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 7. стр. 160. Заглавіе то же, что и въ *С. I.*

-
- Ст. 1. Поднявшись Солнце въ верхъ возводитъ взоръ
по свѣту, (Р.)
- Ст. 4. И что онъ по земли толь быстрой видитъ
бѣгъ; (Р.)
- Ст. 6. И огненнымъ бичемъ зардѣвшись наказуетъ. (Р.)
- Ст. 10. Какъ видѣтъ Оную обратно здѣсь желаемъ. (Р.)
-

Императрица Елисавета Петровна выѣхала изъ Петербурга въ Москву 15 декабря 1748 года и возвратилась въ Петербургъ 20 декабря 1749 года:

«Въ прошедшей четвертокъ, то есть 15 числа сего мѣсяца (декабря 1748 г.), въ ночи послѣ ужина Ея Императорское Величество при обыкновенной пальбѣ изъ пушекъ съ здѣшной крѣпости и адмиралтейства, въ Москву при саможеланномъ здравіи шествовать изволила; а по утру тогожъ дня изъ Императорскія Высочества туда отправилась».

«Здѣсь (въ С.-Петербургѣ) получена пріятная вѣдомость, что Ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая Государыня, не смотря на бывшую талую погоду, въ прошедшее Воскресеніе (18 декабря 1748 года) поутру въ 8 часу въ желаемомъ здравіи въ Москву прибыть соизволила, бывши на дорогѣ меньше полутретьихъ сутокъ».

«Въ Санктпетербургѣ декабря 22 дня (1749 г.). Третьяго дня по полудни въ 3 часу Ея Императорское Величество наша всемилостивѣйшая Государыня съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ великимъ Княземъ и Государынею великою Княгиною, въ вождѣнномъ здравіи благополучно прибыла въ здѣшней столичной городъ, о которой всеобщей радости немедленно объявлено было народу пушечною пальбою съ крѣпости и адмиралтейства».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 101. стр. 808 и № 103. стр. 824;—1749. № 102. стр. 814.)

XLVIII.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой заглавіе; вторая и восьмая—пустыя; на остальныхъ пяти—идиллія. Передъ началомъ текста—гравированная заглавная вишетка въ продолговатомъ по горизонтальнымъ сторонамъ прямоугольникѣ; средина занимаетъ лира, сверху которой отъ рамки изъ завитковъ спускаются гирлянды, поддерживаемыя по сторонамъ двумя крылатыми амурами. Въ концѣ—гравированная на мѣди вишетка въ рамкѣ изъ листовнаго орнамента, съ изображеніемъ дымящагося жертвенника, а по сторонамъ его двухъ вазъ.

Первое изданіе «Полидора» составляетъ величайшую библиографическую рѣдкость. Приносимъ искреннюю благодарность почтенному библіофилу Геннадію Васильевичу Юдину за доставленіе намъ принадлежащаго ему, рѣдчайшаго экземпляра.

Подъ именемъ «Полидора» въ Идилліи говорится о графѣ Кириллѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ, избранномъ въ томъ году въ гетманы Малороссіи.

Графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій родился 18 марта 1728 года и въ дѣтствѣ былъ настихомъ. Пятнадцати лѣтъ отъ роду посланъ былъ за границу для образованія и пробылъ тамъ два года. 21 мая 1746 года восемнадцатилѣтній Разумовскій назначенъ былъ президентомъ Академіи наукъ «въ разсужденіе усмотрѣнной въ немъ особливои способности и приобрѣтеннаго въ наукахъ искусства». Двадцати двухъ лѣтъ отъ роду онъ избранъ былъ малороссійскимъ гетманомъ.

Избраніе въ гетманы происходило въ Глуховѣ, съ особою, небывалою дотолѣ, торжественностью, 22 февраля 1750 года. 24 апрѣля малороссійскіе депутаты приносили Государынѣ благодарность за дозволеніе избрать гетмана, а 5 іюня новый гетманъ утвержденъ въ своемъ званіи. Графъ Кирилль Григорьевичъ былъ братомъ перваго любимца и самъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ, а потому ему оказывали исключительный почетъ. Въ оффиціальныхъ бумагахъ обязаны были называть его «высоко и благоурожденнымъ», хотя всеѣмъ извѣстно было его происхожденіе. Много затрудненій вызвало поминаніе его въ церквахъ; сперва поминали такъ: «благороднаго Кирила гетмана»; потомъ болѣе пространио: «высоко и благоурожденнаго сіятельнаго графа Кирила Григорьевича, гетмана Малыя Россіи»; но не все священнослужители могли справиться съ этимъ длиннѣйшимъ титуломъ, и во вниманіе къ его трудности, форма нѣсколько упрощена, стали поминать: «сіятельнаго графа, гетмана Кирила Григорьевича».

(Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. 1880. Т. I. стр. 3—142.)

Разумовскій былъ гетманомъ «обоихъ сторонъ Днѣпра», и въ идилліи Ломоносова дѣйствіе происходитъ на берегу Днѣпра; въ числѣ дѣйствующихъ лицъ—«Днѣпрская Нимфа»; припѣвъ: «красуйтесь Днѣпрскія струи».

Ст. 6—9. Муза Калліопа говоритъ:

Единъ у насъ теперь предстатель Полицдоръ.
Богиня, что полъ пространны управляетъ
И щедрою Парнассъ рукою украшаетъ,
Ему вручила жезлъ, чтобъ въ сихъ лугахъ пастн.

Богинею называется здѣсь императрица Елисавета, оказывающая свое благоволеніе Парнассу и музамъ, то есть Академіи наукъ и художествъ. Какъ президентъ академіи и гетманъ,

Полидоръ-Разумовскій названъ предателемъ музъ, которому врученъ пастырскій жезлъ.

Ст. 97—100. Каковъ, скажи намъ, Полидоръ?
Я далъ отвѣтъ: онъ превышаетъ
Собой всѣхъ здѣшнихъ пастуховъ;

А. А. Васильчиковъ говоритъ: «Пастораль эта какъ то сквозитъ пронию, которая, впрочемъ, можетъ быть не приходила на мысль Ломоносову. Полидоръ, «превышающій собой всѣхъ здѣшнихъ пастуховъ», слишкомъ живо напоминаетъ бывшаго пастуха Лемёшевскаго обществениаго стада».

Ст. 104—106, Скажи, скажи о Нимфѣ намъ,
111—114. Которой Полидоръ красую
Плѣнившись торжествуетъ самъ.
Лозѣ подобно плодовитой
Она возлюбленнымъ плодомъ
Благословеніемъ покрытой
Наполнить Полидоровъ домъ.

Подъ именемъ Нимфы, которою плѣнился Полидоръ, авторъ разумѣетъ жену графа Кирилы Григорьевича. К. Г. Разумовскій былъ женатъ на внучатной сестрѣ императрицы Елисаветы, Екатерины Ивановны Нарышкиной. Въ запискахъ Екатерины II говорится о графѣ Кирилѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ: Il était marié à une riche héritière de la maison Narichkine, que l'impératrice lui avait fait épouser, un peu malgré lui à la vérité, mais avec laquelle il paraissait bien vivre; d'ailleurs il était connu que toutes les plus jolies femmes de la cour et de la ville se l'arrachaient; et réellement il était bel homme, d'une humeur originale, très agréable et il avait sans comparaison plus d'esprit que son frère, qui d'un autre côté l'égalait en beauté, mais le surpassait en générosité et bienfaisance. Ces deux frères-là étaient la famille de favoris la plus aimée que j'aie jamais vue.

XLIX.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собрание сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальные надписи. Надписи 1 — 5. стр. 175 — 178.

ВАРІАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочиненій Ломоносова, 1751. «Похвальные надписи. Надпись 1. Къ статуи блаженныя памяти Гдѣя Императора Петра Великаго. Надпись 2, къ той же. Надпись 3, къ ней же. Надпись 4, къ той же. Надпись 5». Писаны собственноручно Ломоносовымъ.

А.— Рукопись Государственнаго Архива, № 135. л. 175—176 об. «Надписи къ Кошней статуи Петра великаго». Писаны собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собрание сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальные надписи. Надписи 1 — 5. стр. 157 — 159. Заглавія тѣ же, что въ *С. I.*

Надпись 1.

- Ст. 2. Которой ради насъ лишилъ себя покоя (Р.)
Который ради насъ лишилъ себя покоя, (А.)
- Ст. 5. Онъ скипетръ отложивъ простеръ къ работѣ
руки, (А.)
- Ст. 6. И власть свою скривалъ чтобъ намъ открыть
науки. (Р.)
- Ст. 12. Домашне божество Россія почитаетъ, (Р.)
- Ст. 14. Сколь много есть ему обязанныхъ сердець. (А.)
-

Надпись 2.

Надпись 5 (А).

- Ст. 2. Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ. А кто Онъ былъ
таковъ, (Р.)
Къ веселью Россовъ всѣхъ. А кто онъ былъ
таковъ; (А.)
-

Надпись 3.

Надпись 5 (Р.); Надпись 4 (А.).

- Ст. 2. Въ Петровѣ градѣ се Россіяны утѣшаетъ, (А.)
-

Надпись 4.

«Надпись 3, (Р.); Надпись 3 (А.).

- Ст. 3. Была отъ Еллиновъ честь божеска дана, (А.)
- Ст. 8. Поставите олтарь предъ сей звалиный видъ; (Р.)
Поставите олтарь предъ сей звалиный видъ: (А.)
-

Надпись 5.

Надпись 4 (Р.); Надпись 2 (А.).

Ст. 8. И долѣ въ свѣтѣ семь Маусайла жиль. (Р.)

Ст. 9. Сїе несытою гортанью возгласила, (Р. и А.)

Ст. 12. Взирая на него Персъ, Турокъ, Готъ, Сармать,
(С. П.)

Пять надписей къ статуѣ Петра Великаго напечатаны въ первый разъ въ Собраніи сочиненій Ломоносова, 1751 г. Въ собственноручной рукописи Ломоносова, находящейся въ Государственномъ Архивѣ, вслѣдъ за этими надписями помѣщена надпись Ломоносова къ ракъ св. Александра Невскаго. Судя по находящейся при послѣдней надписи помѣткѣ, надо полагать, что надписи къ статуѣ Петра Великаго писаны не позже іюля 1750 года.

Г.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 6. стр. 179.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. Похвальныя надписи. Надпись 6. Писана собственноручно Ломоносовымъ. Заглавіе то же, что въ *С. I.*; нѣтъ только союза *и* въ словахъ: «благовѣрному и великому Князю».

А.—Рукопись Государственнаго Архива, № 135, л. 177. «Надпись на серебряную раку святаго и благовѣрнаго Князя Александра Невскаго». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 6. стр. 159. Заглавіе буквально то же, что въ *С. I.*

Ст. 7. Отъ перьваго сребра, что нѣдро Ей земное (р.)

Въ рукописи Библіотеки Александрo-Невскоі лавры № 18/17, подъ заглавіемъ «Лѣтопись Александрo-Невск. лавры», на л. 7 — 8: «Въ 1750 году въ честь святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, блаженныя памяти Ея Императорское Величество Елисаветъ Петровна раку изъ первообрѣтеннаго при ея благословенной державѣ сребра сооружить благоволила. Оная рака дѣлапа была чрезъ многіе годы и во-первыхъ на праздникъ поставлена была одна рака, потомъ послѣ пирамида, а въ 1753 году и совсѣмъ во окончаніе приведена. Всея же сея раки начала и окончанія, на серебряныхъ двухъ щитахъ, держимыхъ двумя ангелами, находятся надписи, сочпены г. Ломоносовымъ.

Надпись а

изображена на пирамидѣ, стоящей при гробѣ св. Александра Невскаго:

Богу всемогущему и Его угоднику благовѣрному и великому князю Александру Невскому, Россовъ усердному защитнику, презрѣвшему прещеніе мучителя, тварь боготворить повелѣвнаго, укротившему варварство на востокѣ, низложившему зависть на западѣ, по земномъ княженіи въ вѣчное царство преселенному въ лѣто 1263, усердіемъ Петра Великаго на мѣсто древнихъ и новыхъ побѣдъ пренесенному 1724 года.

Державнѣйшая Елисавета, отеческаго ко святымъ почитанія подражательница, къ нему благочестіемъ усердствуя, сію мужества и святости Его дѣлами украшенную раку изъ первообрѣтеннаго при Ея благословенной державѣ сребра сооружить благоволила въ лѣто 1750 (въ *С. II.* Надп. 38: «въ лѣто 1752»).

Надпись б

на самой серебряной ракѣ:

Святой и храбрый князь здѣсь тѣломъ почиваетъ, и т. д. (сходна съ *С. I.*). Лѣта Господне 1750, государствованія своего 9. Августа 30 дия въ Санктпетербургѣ.

Сверхъ надписи Ломоносова представлены были еще четыре, но Елисавета Петровна выбрала надпись Ломоносова, при которой въ рукописи Государственнаго Архива помѣтка: «Отъ Ея Императорскаго Величества анпробована и послана к совѣтнику въ Шлатеру іюля въ 16 день 1750». Шлаттеръ былъ совѣтникомъ монетной канцеляріи; подъ его наблюденіемъ производились работы по сооружеію раки.

Надпись Ломоносова находилась «въ такомъ мѣстѣ, откуда она весьма невидна, чего ради Ея Императорское Величество указать соизволила къ большей, позади раки стоящей пирамидѣ предѣлать два ангела со цѣтани, на которыхъ надпись вновь назначить, дабы она отъ всякаго видна была, и чтобъ разными искуснѣйшими профессорами на оныхъ цѣтахъ пристойныя надписи для предложенія и анпробаціи Ея Императорскому Величеству сочинены были. Определено оныя надписи сочинить господамъ профессорамъ: Ломоносову, Штелину, Тредіаковскому и Фишеру». 24 ноября 1751 года надписи были представлены въ Кабинетъ, и баронъ Черкасовъ «приказалъ взнести, какъ святыи благовѣрный князь Александръ Невскій былъ у царя Батия и какъ онъ его заставлялъ кланяться солнцу и огню и идолемъ, но онъ того не учинилъ, и оной Батий отпустилъ святого съ честію». О такомъ требованіи сообщено было Ломоносову, Тредьяковскому, Штелину и Фишеру.

(Ср. Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Бяларскимъ. стр. 159—162.

Пекарскаго: Исторія Академіи наукъ. II. стр. 460—461, 479—480, 907—908.)

II.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собрание сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 15. стр. 188.

ВАРІАНТЫ.

Р.— Руконись, съ которой печаталось первое Собрание сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Похвальныя надписи. Надпись 16. На илдумнацію представленную Ея Императорскому Величеству отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Ораніенъ-Баумѣ 1750 года Мая дня; гдѣ изображены были два соединенныя сердца пылающія на олтарѣ къ сіяющему надъ ними Солнцу, по сторонамъ сіялъ молодой мѣсяць и всходящая денница». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собрание сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 15. стр. 164. Заглавіе то же, что и въ *С. I.*

Ст. 7. Тобою нашъ восходъ на ономъ озаренъ. (Р.)

Праздество въ Ораніенбаумѣ происходило 25 іюля 1750 года, какъ видно изъ слѣдующихъ извѣстій:

«Въ Санктпетербургѣ юля 31 дня. Минувшей среды, а именно 25 числа сего мѣсяца, Ея Императорское Величество, наша всемогуществѣйшая Государыня, высочайше соблаговолила навѣститъ въ Ораніембомѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго Князя и Государыню Великую Княгиню. Ихъ Императорскія Высочества къ воспріятію Ея Императорскаго Величества не токмо чрезъ нѣсколько времени напередъ учинили торжественнѣйшія приготовленія, но и по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію звали тогоже дня на балъ и ужину знатныхъ господъ: здѣшнихъ министровъ, римскаго императорскаго господина посла и прочихъ иностранныхъ господъ министровъ, также всѣхъ господъ сенаторовъ и придворныхъ кавалеровъ съ придворными дамами. Столъ съ изрядными кушаньями приготовленъ былъ весьма добропорядочно, послѣ чего представленъ десертъ, изъ изрядныхъ и великолѣпныхъ фигуръ состоящей. Во время стола играла италіанская вокальная и инструментальная камерная музыка, при чемъ нѣли и пововыписанные италіанцы, а при штіи за высокія здравія пушечная пальба производилась. При наступленіи ночи, противъ залы на построенномъ надъ каналомъ тамошней приморскою гавани великомъ театрѣ представлена была слѣдующая великолѣпная иллюминація:

Во входѣ въ амфитеатръ, которой къ морю перспективнымъ порядкомъ простирался, стоялъ по одну сторону храмъ *Благоговѣйной любви*, а по другую храмъ *Благодарности*. Между обоими храмами на общемъ ихъ среднемъ мѣстѣ въ честь высокихъ свойствъ Ея Императорскаго Величества стоялъ оltарь, на которой отъ Солнца, лучи свои испускающаго возжешья, и отъ радости для вожделѣннаго присутствія Ея Императорскаго Величества воспламенившіяся Ихъ Императорскихъ Высочествъ сердца отъ благоговѣйной любви и благодарности въ жертву приносились, съ подписью:

ОГНЕМЪ ТВОИМЪ
КЪ ТЕБѢ ГОРИМЪ.

По обоѣ стороны вышеобъявленныхъ храмовъ флигели на столбахъ, какъ переднія галеріи съ представленными напротивъ аллеями изъ гранатовыхъ деревъ въ пріятнѣйшемъ видѣ двухъ далеко распространяющихся перспективъ до оризонта простирались. Тамъ на одной сторонѣ являлась восходящая и отъ Солнца освѣщенная Луна, съ подписью:

Т о б о й с в ѣ т я с ь б ѣ ж у.

На другой сторонѣ представлена была восходящая на оризонтѣ планета Венера, которая свѣтъ свой отъ Солнца жъ получала, съ подписью:

Т о б о й я с н а в с х о ж у.

Впрочемъ какое Ея Императорское Величество по высочайшей своей щедротѣ за изрядныя приготовленія и за неусышное стараніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ благоволеніе милостивѣйше изъявить позволила, оное между прочимъ и пзъ сего заключать можно, что Ея Величество при отъѣздѣ своемъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ шестьдесятъ тысячъ рублевъ пожаловала».

По другому извѣстію, первая подпись:

Т у д а ж ъ п л а м я п с н у с к а ю т ъ ,
О т к у д у е г о п о л у ч а ю т ъ .

Вторая подпись:

С в ѣ т о м ъ е г о о с ѣ я в а ю с ь .

Третья подпись:

О т ъ н е г о ж ъ о з а р я ю с ь .

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1750. № 62. стр. 493—495;—№ 63. стр. 501—502.)

III.

ТЕКСТЪ.

Полное собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова, съ пріобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ твореній. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ, издвненіемъ Императорской Академіи наукъ. 1784. стр. 311—312.

Напечатано въ первый разъ въ изданіи сочиненій Ломоносова 1784 года подъ такимъ заглавіемъ и съ такимъ поясненіемъ:

«Письмо къ Его Высокородію Ивану Ивановичу Шувалову. Сіе письмо написано августа 18 дня 1750 года. Тогда Его Высокопревосходительство бывшій Оберъ-Камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ Камеръ-Юнкеромъ».

Академикъ Пекарскій считаетъ также, что стихотворное Письмо къ Шувалову написано 18 августа 1750 года, и видитъ въ этомъ доказательство того, что «Шуваловъ, съ самаго перваго времени какъ сдѣлался любимцемъ императрицы Елисаветы, вступилъ въ сношенія съ Ломоносовымъ и сталъ оказывать ему покровительство».

(Исторія Академіи наукъ. II. 452—453.)

Но по мнѣнію г. Будиловича, стихотвореніе это написано Ломоносовымъ не раньше 1752 года: «Въ 1750 году отношенія Ломоносова къ Шувалову еще не были такъ близки. Потому

здѣсь сказано: хитрость (искусство) въ Царскомъ Селѣ *принуждаетъ вверхъ скакать высоко воду*, а въ одѣ 27 августа 1750 года сказано: *однако ежели оной воли, я воды обращаю къ вершинѣ: речетъ и въ небо устремлю*, т. е. фонтанъ въ 1750 году есть и его нѣтъ?»

(Ломоносовъ какъ писатель. 1871. стр. 23.)

Въ стихотвореніи своемъ Ломоносовъ говоритъ о Царскомъ Селѣ:

Ст. 17—20. Гдѣ хитрость мастерства преодолѣвъ
природу,
Осеннимъ днямъ даетъ весны прекрасной
видъ,
И принуждаетъ въ верхъ скакать высоко
воду,
Хотя ей тягость въ низъ и жидкость течь
велить.

Императрица Елисавета Петровна, съ самаго вступленія своего на престоль, заботилась объ исполненіи своей давней мысли—о проведеніи въ Царское Село проточной воды. Въ 1743 году отправленъ былъ въ Царское Село «фонтанный мастеръ» для отысканія мѣста въ саду, гдѣ всего удобнѣе сдѣлать фонтанъ. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ производились измѣренія и изслѣдованія, откуда провести воду въ Царское Село. Въ концѣ концовъ оказалось, что рѣшительнымъ препятствіемъ для достиженія цѣли служить сравнительно высокое положеніе Царскаго Села и сравнительно низкій уровень воды въ рѣкахъ: Невѣ, Икорѣ, Славянкѣ и т. д. Единственно пригодными найдены *Виттелевскіе ключи*, т. е. ключи, находящіеся при деревнѣ *Виттелевой*, въ шести верстахъ отъ Царскаго Села. Въ ноябрѣ 1748 года императрица Елисавета повелѣла немедленно приступить «къ приведенію Виттелевской воды въ Царское», а 15 ноября 1749 года, Виттелевская вода пущена была въ большой прудъ,

III.

ТЕКСТЪ.

Ар.— Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 142. л. 184 об. Писано Ломоносовымъ собственноручно.

По требованію Канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи, проектъ иллюминаціи 5 сентября 1750 года составленъ академикомъ Штелиномъ; ему же принадлежатъ и пояснительные нѣмецкіе стихи:

Mit den frischen Friedens-Palmen
Steigt dein Nahme mehr empor!
Rusland, und mit ihm Europa flicht
Den Ehren-Krantz davor.

Русскій переводъ составленнаго Штелиномъ «описанія иллюминаціи» сохранился въ рукописи, съ поправками Ломоносова:

«Описаніе иллюминаціи на высочайшій день тезоименитства Ея Императорскаго Величества сентября 5 дня 1750 года.

Представляются два, симметрическимъ порядкомъ одинъ противъ другого расположенные, мраморные монумента, и притомъ перспективнымъ образомъ прострающаяся пзъ шпалеръ линий съ разными подъ коронами и другими украшеніями.

Въ среднѣ надъ каждымъ монументомъ представлено вензловое Ея Императорскаго Величества имя подъ короною въ лав-

ровомъ вѣнцѣ съ являющимися (mit hervorragenden) оружіемъ и побѣдоносными знаками. По обѣ стороны строенія заключаютъ молодія пальмовыя деревья, какъ знаки возобновленныхъ мирныхъ временъ, а средина сего зданія Чести украшена аллегорическими картинами съ пальмами, и представляетъ слѣдующее:

По правую сторону Россія, яко побѣдоносная и храбрая имперія, въ амазонскомъ платьѣ возноситъ къ верьху имя Ея Императорскаго Величества между молодыми пальмовыми деревьями, на мраморномъ пьедесталѣ стоящими.

По лѣвую сторону сегожь монумента сидитъ участіе принимающая въ славѣ и добродѣтеляхъ Ея Императорскаго Величества Европа, съ радостію смотритъ на лежащее предъ стонами Ея Величества оружіе и военные снаряды, и для изъявленія благодарности украшаетъ имя Ея Императорскаго Величества цвѣтами и вѣщами.

Знаменованіе обонхъ аллегорическихъ представленій содержится въ слѣдующихъ къ Ея Императорскому Величеству сключающихся стихахъ:

Съ младыми пальмами спокойныхъ нашихъ дней
Возвышено Твое преславно имя въ свѣтѣ.
Россія, и пріявь покой Европа съ ней,
Похвалъ вѣнцы за то плетуть Елисаветѣ“.

(Рукопись Академической Канцеляріи № 142. т. 179—186.)

LIV.

ТЕКСТЪ.

Первое издание (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой — заглавіе, текстъ оды на шести страницахъ — съ третьей по восьмую. Передъ началомъ текста оды типографская заставка, состоящая изъ ряда двуглавыхъ орловъ съ коронами надъ ними; сверху и снизу орнаментальныя полоски. Въ концѣ оды заставка (cul-de-lampe): императорская корона; справа, слева и снизу орнаментъ изъ завитковъ, точекъ и подобія стрѣлки; по сторонамъ нижняго орнамента два симметричныя завитка. Строфы не обозначены цифрами, а отдѣлены одна отъ другой тремя звѣздочками.

ВАРИАНТЫ.

С. I.—Собрание сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныя. «Ода 6, въ которой Ея Величеству благодареніе отъ сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость въ Сарскомъ селѣ Августа 27 дня, 1750 года». стр. 118—129. Строфы обозначены цифрами.

С. II.—Собрание сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 6. Заглавіе то же, что въ *С. I.* стр. 93—102. Строфы обозначены цифрами.

- Ст. 79—80. Цвѣты, межъ конхъ Индѣ крутятся.
 Увидѣвъ при моихъ ключахъ. (С. I и II.)
- Ст. 116. Раченьемъ древность и безмѣрнымъ (С. I и II.)
- Ст. 124. Чѣмъ Нильскій брегъ отягощенъ. (С. I и II.)
- Ст. 130. Здѣсь созидаетъ Божество. (С. I и II.)
- Ст. 133. Изъ нихъ пресвѣтлыми очами (С. I и II.)
- Ст. 137. Врученный свѣтъ подь скипетръ свой. (С. I и II.)
- Ст. 144. То нынѣ чувствовалъ Парнаесъ, (С. I и II.)
- Ст. 145. Какъ Ты отъ мѣтъ преисненренныхъ (С. II.)
- Ст. 155. Зевесовымъ провзень ударомъ, (С. I и II.)
- Ст. 157. Не можетъ тяготу поднять, (С. II.)
- Ст. 215. Чтобъ земледѣлецъ выбрать время, (С. II.)

Въ заглавіи оды, во второмъ изданіи ея — въ Собраніи сочиненій Ломоносова 1751 года, сказано, что высочайшая милость была дарована автору 27 августа 1750 года. Академикъ Билярскій спрашиваетъ: «Въ чемъ состояла эта милость? Вѣроятно, въ пожалованіи дачи Короволдай? Говорю: вѣроятно, потому что въ академическихъ бумагахъ нѣтъ документа объ этомъ пожалованіи».

(Матеріалы для біографіи Ломоносова. стр. 151.)

«По смыслу стихотворенія трудно теперь угадать въ чемъ заключалась эта милость; только положительно можно сказать, что она не состояла въ пожалованіи дачи Короволдай, о чемъ въ одѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Правда, что въ старческихъ воспоминаніяхъ И. П. Шувалова, записанныхъ Тимковскимъ, есть извѣстіе, что Ломоносовъ, приступивъ къ русской исторіи, писалъ ее медленно, причемъ ссылаясь на свою нужду и бѣдность. «Чтобъ ободрить его, — рассказывалъ Шуваловъ — я взялъ его съ собою въ Царское Село. Опъ описалъ въ стихахъ Славянку. Я выпросилъ ему деревушку въ сорокъ душъ за Ораніенбаумомъ». Шуваловъ точно выпросилъ у Елисаветы

крестьянъ Ломоносову, но только гораздо послѣ, именно въ мартѣ 1753 года въ Москвѣ и притомъ не сорокъ, а двѣсти слишкомъ душъ» и т. д.

(Пекарскій: Исторія Академіи наукъ. II. 454.)

Ст. 11 — 14. Державинъ (VII. 560 — 561) приводитъ въ примѣръ «сомнѣній» восторженнаго поэта, разрѣшеніе которыхъ чрезвычайно поражаетъ слушателей.

Ст. 31 — 60.

Императрица Елисавета Петровна повелѣла обер-архитектору графу Растрелли осмотрѣть, гдѣ можно изъ Невы къ Царскому Селу «сдѣлать водяную коммуникацію, а особливо тѣми мѣстами, гдѣ Ея Величество сама на шлюнкѣ изъ Невы шествіе имѣла». И впоследствии нѣсколько разъ производимы были изслѣдованія о томъ, какимъ образомъ можно было бы «ѣздить изъ Петербурга въ Царское Село водою».

(Яковкинъ: Исторія Села Царскаго. II. 15, 136—137 и др.)

Ст. 71—77. Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ,
Тогда на вѣтвѣхъ высококъ
И посреда зеленыхъ лозъ
Со свѣтомъ птицы воспеваютъ
Отъ сна къ веселью возбуждаютъ,
Что царствуетъ въ мѣлкихъ лугахъ.

Ломоносовъ въ своей Риторикѣ приводитъ въ примѣръ «удобленія, раджающаго пространства и притомъ прекрасныя идеи»:

Сходящей съ поля златыхъ Авроры
Рука багряна сылетъ къ намъ
Бриллиантовъ, искръ, цвѣтовъ узоры,
Даетъ румяный видъ полямъ.
Свѣтящей ризой мракъ скрываетъ,
И къ сладкимъ пѣснямъ птицъ возбуждаетъ.

Ст. 101—110. Елисавета Петровна очень любила охоту и Ломоносовъ, изображая Всадницу, бралъ черты изъ дѣйствительности:

Коль часто доли оживляютъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ.
Когда Богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!
Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ,
Коню бѣжать не воспяцаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связъ:
Крутитъ главою, звучитъ бродами,
И топчетъ бурными ногами
Прекрасной Всадницей гордясь!

Въ тогдашнихъ Вѣдомостяхъ и въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ находятся подобнаго рода извѣстiя: «Ея Императорское Величество, наша всемилоостивѣйшая Государыня, съ нѣкотораго времени позволила забавляться охотою въ находящихя около Петергофа лѣсахъ; при чемъ побиты были разные дикiе звѣри, и между ими одинъ медвѣдь чрезвычайной величины, потому что его кожа была безъ четверти четырехъ аршинъ. Также и одинъ лось вышиною отъ конягъ до спины въ два аршина и шесть вершковъ».

(Санктпетербургскiя Вѣдомости. 1748. № 68. стр. 541.)

Выдающимся событiемъ въ лѣтописяхъ придворной жизни временъ Елисаветы была охота 30 сентября 1751 года:

«Великолѣнiе, соединенное съ искуснымъ распоряженiемъ, которымъ росiйскiй императорскiй дворъ предъ другими столь превосходно сияетъ, никогда въ прекраснѣйшемъ видѣ не оказывалось, какъ 30 числа прошедшаго мѣсяца при учрежденной въ Красномъ селѣ охотѣ.

Ея Императорское Величество, Его Императорское Высочество, Государь Великiй Князь, и нѣсколько Дамскихъ особъ, которыя кунно съ знатнѣйшими придворными Кавалерами,

числомъ до 30 персонъ, на оную приглашены были, прибыли туда все въ одинакомъ платьѣ; а именно въ суконныхъ бирюзового цвѣту Черкасскихъ кафтанахъ, и въ алыхъ камзолахъ вездѣ золотымъ газомъ пребогато выкладенныхъ, причемъ не было ни одного, ктобъ не имѣлъ на себѣ такого платья, кромѣ Его Превосходительства Римско-Императорскаго Генерала и полномочнаго Посла, барона Претлаха, и Графа Коллоредо, которыхъ Ея Императорское Величество также къ себѣ охотѣ звать повелѣла.

Оная началась въ 12 часу передъ полуднемъ, а въ исходѣ 6 часа ввечеру окончалась.

При прибытіи Ея Императорскаго Величества на сборное мѣсто, стояли тамъ, кромѣ свиты Ея Величества, въ два ряда больше 70 егеровъ въ Черкасскомъ же одинакомъ платьѣ, а именно въ алыхъ суконныхъ кафтанахъ и въ зеленыхъ камзолахъ съ золотымъ позументомъ.

Какъ скоро данъ былъ сигналъ трубленіемъ въ роги, то началась охота, и съ совершеннѣйшимъ успѣхомъ продолжалась, причемъ было больше 300 гончихъ и борзыхъ собакъ.

Вышепомянутое одинакое платье высокихъ особъ, также и егерское, было столь великолѣпно и богато, что оно стоило больше 20000 рублей, не считая того, что каждый Кавалеръ имѣлъ при себѣ еще нѣсколько собственныхъ егеровъ и другихъ служителей, которые не меньше богато одѣты были; также и немалого числа заводныхъ лошадей съ богатымъ наборомъ. А понеже притомъ и самое положеніе мѣста, гдѣ охота происходила, для множества холмиковъ чрезвычайно способно было, чтобъ такое съ наилучшимъ порядкомъ соединенное великолѣпіе зрѣнію совершенно представить: то по справедливости сказать можно, что все сіе удивленія достойной видъ производило.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 81. стр. 677—678.

Журналы Камеръ-фурьерскіе. 1751 года. стр. 92—95.)

Ст. 111—113. Относится къ великолѣпнымъ зданіямъ, сооруженнымъ при Елисаветѣ Петровнѣ въ Царскомъ Селѣ. Нѣ-

сколько тысячъ рабочихъ трудились ежегодно надъ «строеніемъ Царскаго Села». Главнымъ руководителемъ работъ былъ знаменитый Растрелли.

Ст. 143 — 220. Здѣсь авторъ развиваетъ свою любимую мысль о водвореніи наукъ въ Россіи и о побѣдѣ знанія надъ невежествомъ. Объ этой побѣдѣ онъ говоритъ всегда съ особеннымъ увлеченіемъ; въ словахъ его слышится глубокое убѣжденіе и искреннее чувство. Въ настоящей одѣ онъ выражаетъ надежду, что наукамъ открытъ свободный путь въ Россію и что невежество, враждебное просвѣщенію поражено навсегда подобно страшному великану Энциладу, дерзнувшему возстать противъ Зевеса и за это пораженному громомъ. Земля тяготѣетъ надъ погибшимъ и Этна стоитъ прямо надъ его головой.

LV.

ТЕКСТЪ.

Тамира и Селимъ Трагедія, Михайла Ломоносова. 1750. Въ 8^о; семьдесятъ пять нумерованныхъ страницъ; на первой страницѣ—заглавіе, вторая—пустая, на третьей—«Краткое изъясненіе», на четвертой—«Дѣйствующія лица»; на остальныхъ страницахъ, отъ пятой до семьдесятъ пятой—трагедія. Въ началѣ книги—гравированная на мѣди картинка, безъ подписи, изображающая часть стѣнъ города Каффы, изъ за которыхъ видны вершины башенъ и минаретовъ, увѣчанная полумѣсяцемъ; вдали море и корабли. Багдадскій царевичъ Селимъ, верхомъ на бѣломъ конѣ, заглядывается на стоящую на башнѣ Тамиру, окруженную дѣвцами. Тамира любитъ Селимомъ. Скачущій всадникъ съ правой стороны и конное войско Селима съ лѣвой дополняютъ картину.

ВАРІАНТЫ.

Собственноручная рукопись Ломоносова, находящаяся въ Библіотекѣ Академіи наукъ. Въ листъ; двадцать восемь страницъ; на внутренней сторонѣ верхней обложки помѣтки—внизу, стариннымъ почеркомъ: «Изъ типографіи 1756 декабря 3»; вверху, новѣйшимъ почеркомъ: «Рукоп. труды Ломоносова. № 3. 28 стр.». Рукопись заключаетъ въ себѣ не всю трагедію, а только нѣкоторыя ея части, а именно: четыре, и притомъ неполныя,

явленія второго дѣйствія и почти все третье дѣйствіе. Въ рукописи находятся: всѣ явленія третьяго дѣйствія, за исключеніемъ явленія седьмаго, и изъ второго дѣйствія: все пятое явленіе, четвертое явленіе до ст. 573, шестое явленіе до ст. 647, и изъ второго явленія ст. 512—519. Въ рукописи, въ третьемъ дѣйствіи, вовсе нѣтъ явленія, соотвѣтствующаго седьмому явленію по печатной редакціи. Оно прибавлено Ломоносовымъ впоследствии, какъ видно изъ того, что въ рукописи оно непосредственно слѣдуетъ за шестымъ и обозначено: «Явленіе 7», такъ что все третье дѣйствіе состоитъ, по рукописному тексту, изъ семи явленій; въ печатной же редакціи, въ третьемъ дѣйствіи—восемь явленій.

Всѣ отличія печатнаго текста отъ рукописнаго указаны нами въ отдѣлѣ вариантовъ; всѣ варианты замѣтованы изъ названной нами собственноручной рукописи Ломоносова, хранящейся въ академической библіотекѣ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе второе.

Ст. 512. Но я твоею нынѣ любовію увѣренъ,

Явленіе четвертое.

Ст. 536—537. Отмстивъ своихъ купцовъ грабежъ, я миръ
далъ граду,

Имѣя громъ въ рукахъ ударить не хотѣлъ,

Ст. 539. Которой я свои трофеи предпочелъ.

Надъ: *свои трофеи* рукою Ломоносова: *свою побѣду*

Ст. 546. И кто угодитъ тѣмъ, что будто рушитъ
ссоры

Ст. 552—554. Тебѣ удовлетворить Селимъ я уповаю,

Когда за дерзость я повинныхъ накажу.

Спокойство утвердивъ я больше не желаю,

- Ст. 565. За тое надлежитъ воздать моей любви;
Ст. 567. То друга ты ево себѣ усынови.
Ст. 572—573. Но прежде не могу Нарсимова приходу
Толь важнаго съ тобой союза утвердить.

Явленіе пятое.

- Ст. 593. Вооруженнаго Мамаю прогнѣвить;
Ст. 609. Кто гонитъ одново, тотъ всякому грозитъ,
Ст. 611. Изъ многихъ областей въ одну соединить.
Ст. 623. Ордынскіе цари и областію гнѣвъ.

Явленіе шестое.

- Ст. 638. Лежитъ и поля часть велику покрываетъ;
Ст. 647. Но обще щастье ихъ въ любовь соединить.

За этою строкою въ рукописи рукою Ломоносова: «Конецъ второму дѣйствію».

Въ рукописи, на стр. 25, также рукою Ломоносова: «Заманъ. Кого царь ненавидитъ на войну посылаетъ чтобы буйствомъ своимъ погибъ».

дѣйствіе третіе.

Явленіе первое.

- Ст. 659. И въ горести кажи на мнѣ геройской видъ.

Въ рукописи въ словѣ: *геройской* буква *й* переправлена въ *о*.

- Ст. 670. Искусство покажу коварствомъ симъ Геройско,
Ст. 674. Вконецъ отчаятся Мамаю недостоино,

Явленіе второе.

- Ст. 690. Но я славнѣ быть Тамирою желаю,
Ст. 702—703. Какъ даннымъ отъ меня онъ краемъ
завладѣеть,

Дугами тучными..... межъ Дономъ и
Днѣпромъ

Ст. 706. Но *серца* моего съ симъ чувства несогласны!

Ст. 708. Любезный Государь! Селима оставляя

Ст. 710. Что въ *сердцѣ* ненависть искоренилась
злая

Ст. 715. Чемъ ты Дмитрѣя и гнѣвъ свой побѣдиль.

Ст. 719. И презираешь ту спокойна съ высоты.

Ст. 725. Тобой возвышены прославлены тобой!

Ст. 732. Величество свое и пеншетны ѳрды

Явленіе третіе.

Ст. 736—738. Ужель возлюбленный Нарсимъ къ намъ
возвратился,

Дражайшій мой отецъ.

Ты видишь здѣсь ево,

Ст. 741. Тамира. *Испугавшись Мамая.*

О строги небеса!

Ст. 760. О томъ, чрезъ что бы имъ ко щастію
дойти:

Ст. 764. И будешь строгости моей благодарить.

Явленіе четвертое.

Ст. 772. И младости твое волненье припишу.

Ст. 776. Всякъ ищетъ чтобъ была ево дочь мнѣ жена.

Ст. 790. Когда бы оное щитала ты своимъ.

Ст. 795—798. Непосредственно за этимъ въ рукописи ст.
803—806:

Какая польза въ томъ что рокъ свой проклиная,

Не бракомъ буду бракъ но плѣномъ называть

И на оковы толь несносныя взирая,

Тебѣ послѣдовать, а о иномъ вздыхать!

- Ст. 860. Но ахъ что мыслию я! и что я здѣсь косвию?
 Ст. 862. Любезный Зансанъ сѣбѣни отметитъ злодѣю;
 Ст. 880—881. Могу ль минуту дать Селиму живу быть,
 Сія рука моя умывшись кровью мерсской,
 Ст. 888. Доколѣ мнѣ терпѣть?
 Ст. 890. Чтобъ мерску кровь его Тамирѣ скоро
 зрѣть!

Явленіе седьмое.

Въ рукописи явленіе *седьмое* соотвѣтствуетъ явленію *восьмому* въ печатномъ.

- Ст. 904. Бѣги отсель бѣги, Тамира и спасайся,
 Ст. 909. И плаватели всѣ направились гренуть;
 Ст. 911. Уже намъ и Борей способной началъ дуть.
 Ст. 915. Ахъ! что продерская, ахъ что начать хочу!
 Ст. 926. Несчастливая, кому себя ты поручаешь?
 Ст. 929. Оставившу отца и честь на семь брегу!
 Ст. 939. И бури хищныя ревутъ передо мной.
 Ст. 944. Не тотъ въ немъ блещетъ духъ не та ево
 порода,
 Ст. 950. И какъ ужъ будешь ты въ странахъ толь
 удаленныхъ,
 Ст. 956—958. А вы несчастныя постройтесь мракомъ
 стѣны,
 Дабы родителю на память привести
 Что строгостью ево Тамиры вы лишены.

NB. Ст. 952—955 въ рукописи нѣтъ; но между ст. 951 и слѣдующимъ проведена черта, означающая въ этомъ мѣстѣ вставку.

Трагедія Ломоносова «Тамира и Селимъ» обязана своимъ появленіемъ желанію императрицы Елисаветы Петровны увели-

чить репертуаръ русской сцены, который въ тѣ времена былъ крайне скуденъ. Желаніе это стало особенно сильно съ тѣхъ поръ, какъ начались спектакли, заведенные княземъ Борисомъ Григорьевичемъ Юсуповымъ, о которыхъ сохранился разсказъ Екатерины II, въ ея запискахъ, относямый къ 1749 году:

Pendant le séjour de la cour en dernier lieu à Moscou, le prince Youssouloff, sénateur et chef du corps des cadets, avait eu le commandement en chef de la ville de St.-Petersbourg, où il était resté dans l'absence de la cour. Pour son amusement et celui des principales personnes qui s'y trouvaient avec lui, il avait fait jouer par les cadets, alternativement, les meilleures tragédies, tant russes, que composait alors Soumarokoff, que françaises, de Voltaire: celles-ci étaient défigurées. A son retour de Moscou l'Impératrice ordonna que les pièces de Soumarokoff fussent jouées à la cour par cette troupe de jeunes gens. L'Impératrice prit plaisir à voir ces représentations, et bientôt on crut remarquer qu'elle les voyait jouer avec un plus grand intérêt qu'on ne s'y serait attendu. Le théâtre, qui était dressé dans une salle du palais, fut transporté dans l'intérieur de son appartement; elle prit plaisir à parer les acteurs; elle leurs fit faire des habits superbes, et ils étaient tous couverts de pierreries de Sa Majesté Impériale. On remarqua surtout que le premier amoureux, qui était un assez beau garçon de dix-huit à dix-neuf ans, comme de raison, était le plus paré; aussi on lui vit hors du théâtre des boucles de diamants, des bagues, des montres, des dentelles et du linge fort recherché. Enfin il sortit du corps des cadets, et le grand-veneur comte Razoumowsky, ancien favori de l'Impératrice, tout de suite le prit pour son adjudant, ce qui donna à l'autre le rang de capitaine. Alors les courtisans firent des conclusions à leur manière et se figurèrent que puisque le comte Razoumowsky avait prit le cadet Békétoff pour son adjudant, ceci ne pouvait avoir d'autre cause que celle de balancer la faveur de M. Schouvaloff, le gentilhomme de la chambre, qu'on savait n'être ni bien, ni bien lié avec la famille Razoumowsky; et de là enfin fut tirée

la conjecture comme quoi ce jeune homme commençait à jouir d'une très grande faveur chez l'Impératrice.

При дворѣ часто давались французскія комедіи и итальянскія интермедіи; но число русскихъ пьесъ было весьма ограничено. Въ 1750 году давали нѣсколько разъ трагедію Сумарокова: «Хоревъ», его же трагедію: «Спявь и Труворъ» и нѣсколько пробныхъ представленій «русской трагедіи», названіе которой не сохранилось въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ. 26 сентября была первая проба, 28 сентября — генеральная проба «трагедіи русской», а 29 сентября того же 1750 года въ журналѣ Академической канцеляріи записано: «Сего числа академіи наукъ господишъ президентъ объявилъ именной Ея Императорскаго Величества изустный указъ, копмъ ему, господину президенту, повелѣно: профессорамъ Тредіаковскому и Ломоносову сочинить по трагедіи и о томъ имъ объявить въ канцеляріи, и какія къ тому потребны имъ будутъ книги, изъ библіотеки оныя выдать съ роспискою, и по окончаніи того возвратить въ библіотеку попрежнему».

29 сентября Ломоносовъ получилъ приказаніе сочинить трагедію, и немедленно принялся за перо; на рукописномъ экземплярѣ трагедіи написано рукою Ломоносова: «Начать 29 сент. послѣ обѣда». Въ октябрѣ Ломоносовъ представилъ корректурные листы, стр. 1 — 16; президентъ написалъ на заглавномъ листѣ: «Печатать. Президентъ графъ К. Разумовскій», и въ академической канцеляріи состоялось, 1 ноября 1750 года, слѣдующее опредѣленіе: «Оной трагедіи немедленно напечатать шесть сотъ экземпляровъ на заморской коментарной бумагѣ, да двадцать пять на заморской же александрійской средней руки бумагѣ».

Велѣно было также «внѣсть вырѣзать на мѣди по пренорціи оной трагедіи»; внѣетка была одобрена: *approb. Acad. artium. d. 14. 9bre 1750. I. Sthln* (Штелишъ).

Трагедія была написана по высочайшему повелѣнію, а потому ее надобно было поднести императрицѣ и «знатымъ персонамъ». На переплетъ экземпляровъ, назначаемыхъ для этой цѣли, потребовалось: «полторы четверти аршина золотого гласу, полторы

съ четвертью аршина серебрянаго гласу, аршинъ съ четвертью зеленой тафты, аршинъ съ четвертью красной тафты, три четверти аршина бѣлаго гроднтуру» и т. д.

(Архивъ Академической канцеляріи. Рукопись № 145. л. 484—510.)

Но трагедія Ломоносова была поднесена Государынѣ не ранѣе весны или лѣта 1751 года, какъ видно изъ слѣдующаго письма Ломоносова Шувалову:

«Поздравляю васъ съ прїѣздомъ въ прекрасное Сарское Село, въ которое я отсюда какъ въ рай мыслю и взираю, и завидую Тампрѣ, что она щастливѣе своего сочинителя, за тѣмъ, что предстанеть безъ него предъ очи великїя Монархини, въ томъ прїятнѣйшемъ мѣстѣ, которое отъ него усердными похвалами возвышено*). Я чаю, что когда Тампра въ концѣ третьяго дѣйствїя отъ отца своего бѣжать намѣрится; то Зансаномъ будетъ поймана не въ самомъ бѣгствѣ, но когда засмотрится на красоту великолѣпнаго зданїя и въ изумленїи остановится, забывъ о Селимѣ; и Мамай отъ Нарсима тогда будетъ проколотъ, когда онъ въ полѣ на позлащенные верхи оглянется. О томъ я думаю такъ, а въ прочемъ, что бы она безъ меня также поступила, какъ недавно у меня въ домѣ, того равно такъ сильно желаю, какъ съ искреннимъ почитанїемъ пребываю» и т. д.

Ст. 1—3. Насталь ужасной день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи;
Даетъ печальной знакъ къ военной непогодѣ

Ср. Жуковского: «Орлеанская Дѣва». Дѣйствіе IV. Явленіе 1:

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ.

Ст. 21—24 и ст. 392—397. Тампра говоритъ о Селимѣ:
Какъ въ перемирны дни скакаль передъ стѣнами,
Искусствомъ всѣхъ другихъ и взоромъ превышаль,

*) Ср. Ода LIV. ст. 111—130. стр. 216—217.

И стрѣлы пущенны ужè подь облаками
Направленными въ слѣдъ стрѣлами расѣкаль.

Селимъ такъ передаетъ впечатлѣнiе, произведенное на него
Тамирою:

Я въ перемирны дни на градъ сей утѣсенный,
Приблизившись ко рву едва успѣлъ взглянуть,
Прекрасны очи грудь пронзили изъ бойницы.
Смущень и изумлень спросилъ, какъ ѣхаль прочь:
Мнѣ плѣнникъ объявилъ, что смотрять тутъ дѣвицы,
И что Муметова въ срединѣ оныхъ дочь.

Стихи эти дали содержанiе вѣнкеткѣ, которая приложена къ
трагедiи: «Тамира и Селимъ».

Ст. 49—59. Тамира, «оставшись одна, старается себя увѣ-
рить, что противникъ ихъ не Селимъ, а отецъ его, и невольно
увлекается въ другую сторону, все думая о Селимѣ. Это мѣсто
истинно поэтическое:

Что онъ противу насъ вооружился въ полѣ,
Сыновняя любовь и должности велятъ.
И какъ родительской не согласится волю?
Отецъ его, отецъ, не онъ намъ сопостать. и т. д.

(Ломоносовъ въ исторiи русской литературы и русскаго языка.
К. Аксакова. 1846. стр. 502—503.)

Ст. 340—417. Въ стихахъ этихъ, составляющихъ первое
явленiе втораго дѣйствiя, указывается — говоритъ Аксаковъ —
«на другую внѣ настоящаго дѣйствiя лежащую жизнь Селима;
это прекрасное мѣсто; это совершенно поэтическое явленiе, когда
бросается свѣтъ на другую жизнь человѣка, на другiе его дни, и
невольно поднимается рядъ возможныхъ картинъ и возможныхъ
явленiй жизни. Прекрасно, когда какое нибудь слово, какой
нибудь намекъ, напоминаетъ, указываетъ на это. Такой отчасти
намекъ встрѣчается еще, когда упоминается о Дмитрiѣ Донскомъ,
о Куликовской битвѣ, о Русскихъ вообще» и т. д. (стр. 505.)

И въ тмѣ бесславіи кончаютъ долгой вѣкъ!
Добротами всходить на верьхъ хвалы высокой
И славно умереть родился человекъ.

Эти стихи заслуживаютъ вниманія особенно потому, что въ нихъ выражается любимая мысль, задушевное убѣжденіе автора.

Ст. 1490 — 1498. Батюшковъ сближаетъ эти стихи съ изображеніемъ поля битвы въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» Тасса (пѣснь XX; строфы: L, LI и LII):

Così si combatteva; e 'n dubbia lance
Col timor le speranze eran sospese.
Pien tutto il campo è di spezzate lance,
Di rotti scudi et di troncato arnese:
Di spade ai petti, a le squarciate pance
Altre confitte, altre per terre stese:
Di corpi altri supini, altri co' volti,
Quasi mordendo il suolo, al suol rivolti.

Giace il cavallo al suo signore appresso:
Giace il compagno appo il compagno estinto:
Giace il nemico appo il nemico; e spesso
Sul morto il vivo, il vincitor sul vinto.
Non v'è silenzio, e non v'è grido espresso:
Ma odi un non so che roco e indistinto:
Fremiti di furor, mormori d'ira:
Gemiti di chi langue e di chi spira.

L'arme, che già sì liete in vista foro,
Faccano or mostra spaventosa e mesta.
Perduti ha i lampi il ferro, e i raggi l'oro,
Nulla vaghezza ai bei color' più resta.
Quanto apparia d'adorno e di decoro
Ne cimieri e ne' fregi, or si calpesta.
La polve ingombra ciò ch'al sangue avanza:
Tanto i campi mutata avean sembianza.

«Такъ ратовало воинство съ равнымъ страхомъ и надеждою. Все поле завалено преломленными конями, разбитыми щитами и доспѣхами. Мечи вонзилися въ грудь, въ прободенные панцири; шпы по землѣ разметаны. Здѣсь трупы, шпы поверженныя въ прахѣ, тамъ трупы, лицомъ обращенныя къ солнцу.

«Лежитъ конь близъ всадника, лежитъ товарищъ близъ бездыханнаго товарища, лежитъ врагъ близъ врага своего, и часто мертвый на живомъ, побѣдитель на побѣжденномъ. Нѣтъ молчанія, нѣтъ криковъ явственныхъ, но слышится нѣчто мрачное, глухое — клики отчаянія, гласы гнѣва, воздыханія страждущихъ, вопли умирающихъ.

«Оружіе, дотолѣ пріятное взорамъ, являетъ зрѣлице ужасное и плачевное. Утратила блескъ и лучи свои гладкая сталь. Утратили красоту свою разноцвѣтныя доспѣхи. Богатыя шлемы, прекрасныя латы въ прахѣ ногами попораны. Все покрыто пылью и кровью: столь ужасно премѣнилось воиство!

«Сія картина поля сраженія напоминаетъ намъ прекрасныя стихи Ломоносова:

Различнымъ образомъ поверженны тѣла.
Иной съ размаху мечъ занесъ на сопостата;
Но прежде прободень, удара не скончалъ,
Иной забывъ врага, прельщался блескомъ злата;
Но мертвый на корысть желанную ушалъ.
Иной отъ сильнаго удара убѣгая,
Стремглавъ на пизъ слетѣлъ и *стонетъ* подъ конемъ.
Иной пронзень *угасъ*, противника пронзая,
Иной врага повергъ, и *умеръ* самъ на немъ.

Замѣтимъ мимоходомъ для стихотворцевъ, какую силу получаютъ самыя обыкновенныя слова, когда они поставлены на своемъ мѣстѣ».

(Сочиненія К. Н. Батюшкова. 1885. Т. II. стр. 154—156.)

Трагедія *Тамира и Селимъ* отпечатана въ ноябрѣ 1750 года, а въ началѣ января 1751 года она появилась на сценѣ. Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, 9 января 1751 года, записано: «При Дворѣ, на маломъ театрѣ, представлена была кадетами русская новая трагедія, сочиненная профессоромъ Ломоносовымъ: *Тамира и Селимъ*».

Первое изданіе трагедіи Ломоносова разошлось очень скоро. 17 января 1751 года представлено было въ Академическую канцелярію, что изъ шестисотъ тридцати одного экземпляра трагедіи Ломоносова «за отпускомъ въ Москву и за продажею понынѣ въ наличности ничего не остается». На этомъ основаніи Академическая канцелярія опредѣлила: «Объявленной трагедіи напечатать на такой же бумагѣ, на какой прежде печаталось, шестисотъ экземпляровъ»; но прежде послать профессору Ломоносову «ордеръ въ такой силѣ, нѣтъ ли чего въ ней убавить или что прибавить и перемѣнить, а буде что перемѣнить надобно, то въ такомъ случаѣ включить въ заглавномъ листѣ, что она печатана вторымъ изданіемъ».

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 149. л. 229—232 об.)

По свидѣтельству самого Ломоносова, Елагинъ (Иванъ Перфильевичъ) написалъ пародію на трагедію: «Тамира и Селимъ». Въ письмѣ къ И. И. Шувалову, 16 октября 1753 года, Ломоносовъ говоритъ: «Увѣряю, что я съ Перфильевичемъ переписываться никогда намѣренъ не былъ; и нынѣ, равно какъ прежде сего Пародію его на Тамиру, всѣ противъ меня намѣренія и движенія пропустилъ бы я беспристрастнымъ молчаніемъ безъ огорченія» и т. д.

(Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову. Я. К. Грота. 1862. стр. 24.)

Въ рукописяхъ Московскаго Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилась юмористическая афиша слѣдующаго содержанія:

„ОТЪ РОССІЙСКАГО ТЕАТРА.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

758: года Февр: 29 дня будетъ представленіе трагедіи Тампыры. Начало представленія будетъ въ тринадцать часовъ по полуночи. Актриса, изображающая Тампирю, будетъ убрана драгоцѣннымъ бисеромъ и мусіею. Въ сей оперѣ и въ сію мусію чрезъ химію превращены Пиндаровы лирическія стихи собственными руками сего великаго стихотворца.

Малая комедія:

Racine malgré lui.

Потомъ балетъ:

Бунтованіе гигантовъ.

Украшеніе балета.

1: Трясеніе краевъ и смятеніе дорогъ небесныхъ,

2: На стѣронахъ театра Осса и на ней Пиндъ.

Кавказъ и на немъ Етна, которая давить только одинъ верхъ ево.

Въ среднѣхъ подъ трясеніемъ дорогъ небесныхъ Гигантъ, который хочетъ солнце снять ногою, будетъ танцовать соло; потомъ все представленіе окончаютъ обще танцовальщики и пѣвцы, пѣвцы поя слѣдующее:

Сѣреди прекрасныхъ розъ

Пестра бабочка летаетъ.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Въ трехъ первыхъ тонахъ ошибся или капельмейстеръ или стихотворецъ, однако въ оной пѣсни для красоты мыслей его отпустительно».

(Портфели Миллера. № 414.)

Въ любопытномъ Извѣстіи о русскихъ писателяхъ, появившемся въ 1768 году въ журналѣ: Neue Bibliothek der schönen

Wissenschaften und der freien Künste, встрѣчаемъ слѣдующій отзывъ о драматическихъ произведеніяхъ Ломоносова: Weniger Beyfall haben seine beyden Tragödien erhalten, davon die erste *Tamira und Selim* und die andere *Demophont* heiszt. Vielleicht finden auch Kenner hier noch viele Spuren eines schönen Geistes, aber den Tragikus selten; welches er zu seiner Ehre selbst bey Gelegenheit zugestanden hat.

(Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 147.)

Въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія предпринято было изданіе русскихъ драматическихъ сочиненій, которыя «остротою мыслей, пріятностію и важностію слога, а наипаче насѣяннымъ въ оныхъ правоченіемъ способствуетъ къ искорененію предразсужденій и пороковъ» и т. д. Изданіе началось трагедіею «Тамира и Селимъ»: она помѣщена первою въ первомъ томѣ «Россійскаго Оеатра».

(Россійскій Оеатръ. 1786. Часть I.)

По мнѣнію К. С. Аксакова, въ трагедіи Ломоносова *Тамира и Селимъ* «есть истинныя поэтическія мѣста не только относительно языка; въ ней въ самыхъ характерахъ лицъ, въ положеніяхъ, есть много изящнаго». Приведа болѣе шестой части общаго числа стиховъ (247 изъ 1595), Аксаковъ заключаетъ: «Мы выписали все или почти все поэтическія мѣста. Изъ нашихъ выписокъ видно, какъ прекрасны, какъ совершенны часто стихи Ломоносова, и какъ далеко выше эта трагедія трагедіи Озерова».

(Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка. 1846. стр. 501—516.)

LVI.

ТЕКСТЪ.

Ар. — Архивъ Академической Капцелярии. № 139. л. 30.

Стихи эти написаны по поводу иллюминаціи 25 апрѣля. Проектъ иллюминаціи составленъ академикомъ Штелшомъ, которому принадлежитъ и нѣмецкій подлинникъ Надписи. Въ современныхъ подлиннику рукописяхъ сохранилось описаніе иллюминаціи въ русскомъ переводѣ. Оно оканчивается стихами, также переведенными съ нѣмецкаго языка на русскій; но они отличаются отъ тѣхъ, которые писаны рукою Ломоносова.

«Описаніе иллюминаціи на торжественный праздникъ коронаціи Ея Императорскаго Величества Елисаветы Первья и проч. и проч. и проч. Апрѣля 25 дня 1750 года, въ Санктпетербургѣ.

Въ рассужденіи какъ всемілостивѣйшаго, такъ спокойнаго и благополучнаго владѣнія Ея Императорскаго Величества нашей щедротнѣйшей Государыни, которая понынѣ чрезъ восемь лѣтъ Императорскую и притомъ три Царскія короны, а именно: Казанскую, Астраханскую и Сибирскую съ умножающеюся на всякой годъ славою поспѣтъ, въ воспоминеніе сего радостнаго праздника высочайшей коронаціи Ея Императорскаго Величества на обыкновенномъ театрѣ представлена слѣдующая иллюминація.

Въ благодареніе и честь Ея Императорскому Величеству представленъ былъ публичной амфитеатръ, гдѣ въ среднѣхъ на мраморномъ и золотомъ украшенномъ зданіи Чести поставлены были пальмовыя вѣтви, которыя Императорскою короною украшенное вензловое имя Ея Императорскаго Величества окружали и подъ нимъ еще три царскія короны тѣлою покрывали. Объявленное зданіе Чести имѣло восемь проходовъ, изъ которыхъ каждой отверзался тройными триумфальными воротами.

Изъясненіе сего представленія въ слѣдующихъ стихахъ содержится:

Когда четырьми украшенна вѣнцами
Сіяетъ царствуя, какъ день, Елисаветъ,
По нравдѣ пятымъ Ту вѣнчалъ лавровымъ свѣтъ.
И имя славное пальмовыми листьями
Побѣда, щастіе и Росская страна
Усердствуетъ обвить, что Ею спасена.
И каждый годъ свое довольство объявляетъ,
Что Ей торжественны врата изображаетъ“.

Соотвѣтствующіе стихи въ нѣмецкомъ подлинникѣ:

Seitdem ELISABETH vier Reiches-Kronen trägt
Hat Ihr die Welt mit recht den Lorber beygelegt
Wo mit Ihr Sieg und Glück des Namens Ruhm umzogen,
Die Sanftmuth Ihrer Huld und Ihr beglücktes Reich
Umwindt Ihr Ehren-Mahl mit Palmen-Reisz zugleich
Und jedes Jahr von Ihr zeigt seinen Ehrenbogen.

Вслѣдъ за этимъ стихи рукою Ломоносова: «Четыре родъ вѣнца ЕЛИСАВЕТЪ ДАТЬ» и т. д.

(Рукопись Академическаго Архива № 139 л. 30—31 об.)

Ст. 1—2. Четыре родъ вѣнца ЕЛИСАВЕТЪ ДАТЬ
И пятымъ Тую свѣтъ лавровымъ увѣнчалъ,

Ср. Ода на 25 ноября 1752 года:

Ст. 211—212. Что должно Оной по наследству
Геройствомъ возмогла дотти.

Въ тогдашнихъ Вѣдомостяхъ помѣщено описаніе иллюминаціи, начиная отъ словъ: «Въ благодареніе и въ честь Ея Императорскому Величеству представленъ былъ публичной амфи-театръ» и т. д. Описаніе оканчивается тѣми же стихами:

Когда четыреи украшена вѣнцами, и т. д.
(Санктпетербургскія Вѣдомости 1750. № 34. стр. 268—269.)

LVII.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собрание сочинений Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальные надписи. Надпись 16. стр. 189.

ВАРИАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочинений Ломоносова, 1751 г. «Похвальные Надписи. Надпись 17». Заглавие то же, что и въ *С. I.* Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собрание сочинений Ломоносова 1757. Книга первая. Похвальные надписи. Надпись 16. стр. 164. Заглавие то же, что и въ *С. I.*

Ар.— Архивъ Академической Канцелярiи; рукопись № 145. л. 212. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

В.— Санктпетербургскія Вѣдомости. 1750. № 96. стр. 765.

Ст. 5—6. Изъ Лабиринта бѣдъ изведенъ Тобою,
Вошли въ прекрасные спокойствiя сады,
(Ар., В.)

Ст. 8. Вкушаемъ радости сладчайшiе плоды. (Ар., В.)

Академикомъ Штелиномъ составлено «Описаніе иллюминаціи на всерадостивѣйшій день благополучнаго на императорскій престолъ восшествія Ея Императорскаго Величества, ноября 25 дня 1750 года»; описаніе заключается стихами:

Du, die du täglich noch durch Weisheit, Huld und Macht
Auf deiner Länder Wohl und Ansehn bist befließen,
Hast ehemals dein Reich in der beglückten Nacht
Aus düstern Labyrinth auf Gottes Winck gerissen.
Was Wunder, dasz die Treu, die sich daran ergötzt
Dir alle Jahr dafür noch Ehren Säulen setzt
Und zu dem Himmel fleht: Er wolle deinem Leben
Den längsten Auffenthalt in Ruszlands Lustfeld geben.

Описаніе, составленное Штелиномъ, вошло въ статью о празднествѣ 25 ноября, помѣщенную въ тогдашнихъ Вѣдомостяхъ:

«Въ прошлую субботу, то есть 24 числа сего мѣсяца высокій день Тезоименитства Ея Императорскаго Высочества Государыни Великія Княгини празднованъ съ обыкновенными церемоніями. На другой день поутру въ 12 часу, то есть въ высочайшій день восшествия на Всероссійскій престолъ Ея Императорскаго Величества, нашей всемилостивѣйшей Государыни, въ галеріи было многочисленное собраніе въ богатомъ убранствѣ. Послѣ того Ея Императорское Величество въ провожанія придворнаго Своего штата изволила шествовать въ придворную церковь для слушанія божественной службы, по окончаніи которой слѣдовать назадъ въ парадные покои причемъ производилась пушечная пальба съ крѣпости и Адмиралтейства. Ввечеру въ 7 часу былъ нами пріѣздъ ко двору Ея Императорскаго Величества, причемъ вся Лейбкомпанія поставлена была въ галеріи въ парадъ. Ея Императорское Величество, яко Капитанъ той компаніи, имѣя на Себѣ строевое платье, изволила допускать къ рукѣ всѣхъ

господь Оберъ и Унтеръ-Офицеровъ и рядовыхъ, послѣ чего шествовать въ большую залу и тамъ кушать. Господа Оберъ и Унтеръ-Офицеры кушали съ Ея Императорскимъ Величествомъ за однимъ столомъ, а рядовые по обѣ стороны за другими столами изрядно плумированными. Во время стола производилась вокальная и инструментальная музыка, а при питіи за высочайшія здравія происходила пушечная пальба. Ихъ Императорскія Высочества Государь Великій Князь и Государыня Великая Княгиня съ господами иностранными Министрами, также съ Штатсъ-Дамами и съ нѣкоторыми Генералами кушали въ особой камерѣ подлѣ трону.

При наступленіи ночи всѣ дома въ городѣ изрядно были иллюминованы, а на театрѣ иллюминаціи противъ зимняго Императорскаго дворца зажжена была слѣдующая иллюминація:

Представлено было Око Божія Провидѣнія, лучами своими темной и къ выходу неудобной Лабиринтъ осіявающее, чтобъ вошедшую въ оной Россію по Божію изволенію мужественною храбростію Ея Императорскаго Величества Дщери Государя Императора Петра Великаго, въ пріятную съ свободными увеселительными выходами и съ изрядными цвѣтниками страну вывести. Въ воспоминеніе сего великаго случая по обѣ стороны Лабиринта по срединѣ увеселительнаго поля поставлены были два торжественные столба, на которыхъ повѣшенъ былъ гербовной щитъ свободившіяся изъ Лабиринта Россійскія имперіи съ слѣдующимъ къ Ея Императорскому Величеству склоняющимся въ стихахъ знаменованіемъ.

Во время Твоея, Монархиня, державы,“ и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1750. № 96. стр. 764—765.)

Вошедшее въ статью описаніе Штеллиа начинается со словъ: «Представлено око Божія Провидѣнія» и т. д. до заключительныхъ стиховъ.

Въ рукописи рукою Ломоносова:

Во время Твоея, Монархія, державы
Сугубой щастливы мы лѣта красотой;
Одну даетъ намъ Богъ округъ вѣковъ создавый.
Другую дарствуетъ приходъ, Богиня, Твой.
Изъ Лабиринта бѣды изведены Тобою,
Вошли въ прекрасныя спокойствія сады,
И ставя нынѣ столицы съ Твоею похвалою,
Вкушаемъ радости сладчайшіе плоды.
Nostra damus.

(Рукопись № 145. л. 209—212.)

LVIII.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собрание сочинений Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 17. стр. 190.

ВАРИАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочинений Ломоносова, 1751 г. Похвальныя надписи. Надпись 18. Заглавіе то же, что въ *С. I.*, только вмѣсто: «надъ олтаремъ»— «на олтарь». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

Ар.—Архивъ Академической канцеляріи; рукопись № 146. л. 228. Писано собственноручно Ломоносовымъ; заглавіе: «Къ 18 числу».

В.—Санктпетербургскія Вѣдомости. 1750. № 102. стр. 903—904.

С. II.—Собрание сочинений Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 17. стр. 165. Заглавіе то же, что въ *С. I.*

-
- Ст. 1. Щастливая звѣзда на горизонтъ блистала, (Ар.)
Щастливая звѣзда на Горизонтъ сіяла (Р.)
Щастливая звѣзда на оризонтъ блистала, (В.)

Ст. 2. Когда Елисаветъ Россіи возсіяла. (Р.)

Ст. 3. Монархиня, Твой къ намъ сверкнулъ
пресвѣтлый лучь, (Р.)

Монархиня, Твой къ намъ сверкнувъ
пресвѣтлый лучь (Ар., В.)

Ст. 5—7. Единымъ сердцемъ все къ тебѣ равно пылаемъ,
И тое на оltарь усердія възлагаемъ.
Изъ храмовъ ревности усердія гласятъ; (Ар., В.)

Описаніе иллюминаціи 18 декабря, составленное Штелиномъ, заключается такимъ поясненіемъ въ стихахъ (poetische Erklärung):

Dein Strahl, beglückter Stern, der du dein Licht verliehen
Als Ruzlands Schutz und Lust, Elisabeth, erschien,
Dein Strahl entflamt das Hertz der Ihr getreuen Lande,
Deckt Wunsch und Eiffer auf, halt Tempel in dem Stande
Und zündt auf dem Altar das Opfer für sie an.
Mit dessen Glut der Wunsch zum Himmel steigen kan:
O lasz, Elisabeth, die uns zum Glück gegeben,
Disz Fest in höchstem Wol noch hundredmal erleben.

«Сего мѣсяца 18 числа въ день высочайшаго рожденія Ея Императорскаго Величества, при наступленіи ночи весь городъ пзрядно былъ иллюминованъ, а на обыкновенномъ иллюминаціи театрѣ противъ зимняго Ея Императорскаго Величества дворца зажжена была слѣдующая иллюминація:

Представленъ былъ постановленной отъ всеподданнѣйшей и вѣрной Россійской имперіи жертвенникъ, надъ которымъ являлась пакн возшедшая звѣзда рожденія Ея Императорскаго Величества въ великолѣпнѣйшемъ сіяніи, и лучами своими возжигала принесешное на жертву сердце съ радостію и ревностію вѣрно соединенныхъ подданныхъ. Какъ въ среднѣ, такъ и по обѣ сто-

роны въ прострающихся перспективнымъ порядкомъ рощахъ поставлены были разные отверстые храмы, чрезъ что знаменовалось, что какъ въ отдаленнѣйшихъ провинціяхъ сея имперіи, такъ и въ близости чувствуютъ радость о пынѣшнемъ высокомъ праздникѣ, и вѣрнѣйшія желанія о высочайшемъ благополучіи и долголетствіи Ея Императорскаго Величества во всѣхъ храмахъ приносятся.

Знаменованіе сего представленія въ слѣдующихъ стихахъ содержится:

Щастливая звѣзда на оризонтѣ блистала“ и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1750. № 102. стр. 902—904.)

ЛХ.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 18. стр. 191.

ВАРИАНТЫ.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Похвальныя надписи. Надпись 19, На Иллюминацію изображенную въ новыи 1751 годъ представленную передъ зимнимъ Домомъ, гдѣ изображенъ былъ земной глобусъ, на которомъ стояло вензловое имя Ея Величества и число новаго года, по сторонамъ отверстыя храмы и съ возжеженнымъ пламенемъ олтари». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

Ар.—Архивъ Академической канцеляріи; рукопись № 146. л. 228. Писано собственноручно Ломоносовымъ; заглавіе: «Къ новому году».

В.—Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 2. стр. 14.

С. II.—Собраиіе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныйя подписи. Надпись 18. стр. 165. Заглавіе то же, что и въ *С. I.*

Ст. 2. Желанія къ Тебѣ, Монархиня, стремятся, (Ар., В.)
Ст. 8. И слухъ Твой и другу полесвѣта усладить. (Ар., В.)

Описаніе иллюминаціи и стихи принадлежатъ Штелльну:

Die Tempel stehen noch. Es rauchen die Altäre
Die unsre Glut entflammt. Der Wunsch erneuert sich
Mit der verneuten Zeit, und zielt allein auf dich,
Huldreichste Kayserin, auf dein Wol, deine Ehre.
Die Trèue wünscht und rufft: Es sey das neue Jahr
Voll Ruhm und Glück für dich, wie das vergangne war:
Musz der Seegens-Strahl wird er nur dich beglücken
Auch jenen Erdkreis-Theil, der dir gehört, erquicken.

(Рукопись Академическаго Архива. № 146. л. 226—228.)

Краткое описаніе иллюминаціи и стихи Ломоносова помѣщены въ извѣстіи о празднованіи дня новаго года:

«Сего Генваря 1 числа при дворѣ Ея Императорскаго Величества были дамы въ робахъ, кавалеры въ богатомъ платьѣ, а ливрейные двора Ея Императорскаго Величества служители, яко то Камернажи, Пажи и Камерлакеи, лакеи, гайдукки и скороходы, всего до двухъ сотъ человекъ, въ богатой штатѣ ливреѣ.

При наступленіи ночи весь городъ былъ иллюминованъ, а на обыкновенномъ театрѣ иллюминаціи зажжена была слѣдующая иллюминація.

На средніи поставленъ былъ на твердомъ pedestalѣ земной шаръ въ такомъ положеніи, что сѣверо-восточная часть онаго видна, а вверху надъ тѣмъ, вензловое имя Ея Император-

скаго Величества подъ короною, яко высочайшее онаго украшеніе являлось. Надъ тѣмъ вверху видно было число новаго года, украшенное лавровыми и пальмовыми вѣтвями, подъ которыми спускались солнечныя дуги, яко знаки плодоносія и побѣды. Въ прострающихся какъ по обѣ стороны, такъ и къ срединѣ перспективныхъ линійхъ поставлены были между храмами горящіе жертвенники, что слѣдующими стихами истолковано:

Отверсты храмы все и олтари дымится“ и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 2. стр. 13—14.)

IX.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собрание сочинений Ломоносова, 1751 г. Книга первая. Оды духовныя. Ода I. Преложение псалма I. стр. 5—6. Строфы обозначены цифрами.

ВАРИАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось Собрание сочинений Ломоносова, 1751 года. «Оды духовныя. Ода I. Преложение псалма I». Напечатанное курсивомъ писано рукою Ломоносова. Заглавіе это дано Ломоносовымъ вмѣсто зачеркнутаго имъ: «Разныя лирическія поемы. Парафразисъ псалма I». Псаломъ писанъ чужою рукою.

С. II.—Собрание сочинений Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 5—6. Заглавіе тоже, что и въ *С. I.* Строфы обозначены цифрами.

Ст. 4. Въ судѣ единомъ засѣдать. (Р.)

Въ согласныхъ мысляхъ засѣдать. (С. II.)

Ст. 5. Но волю токмо подвергаетъ (С. II.)

Ст. 7. И сердцемъ оный наблюдаеть (с. п.)
Ст. 14. Въ беззлобственныхъ своихъ дѣлахъ, (р.)
Ст. 16. Какъ вихремъ возмущенный прахъ, (р.)

Ст. 21—22. Господь на праведныхъзираеть,
И ихъ въ пути своемъхранить;

Въ текстѣ (Псал. I, ст. 6) только: «Вѣсть Господь путь праведныхъ»; но у Симеона Полоцкаго:

Вѣсть бо Господь путь правыхъ, тыя защищаетъ.

Псаломъ I.

Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде.

Но въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ его поучится день и ночь.

И будетъ яко древо, насажденое при исходящихъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ, и вся елика аще творить, усѣбеть.

Не тако нечестивѣи, не тако, но яко прахъ, егоже возметаетъ вѣтръ отъ лица земли.

Сего ради не воскреснутъ нечестивѣи на судъ, ниже грѣшницы въ совѣтъ праведныхъ.

Яко вѣсть Господь путь праведныхъ, и путь нечестивыхъ погнбнетъ.

Псалтирь, риѣмы преложенная, Симеона Полоцкаго.

Блаженъ мужъ, иже во злыхъ совѣтъ не вхождаше,

Ниже на пути грѣшныхъ человекъ стояше:

Ниже на сѣдалищѣхъ восхотѣ сѣдѣти

Тѣхъ, иже не желаютъ блага разумѣти.

Но въ законѣ господни волю полагаетъ,
Тому днемъ и пощю себе поучаетъ.
Будетъ бо яко древо при водахъ сажденно,
Еже дастъ во время си плодъ свой неизмѣнно.
Листъ его не отпадетъ, и все еже дѣетъ,
По желанію сердца онаго успеетъ.
Не тако нечестивый, ибо исчезаетъ
Яко прахъ, егоже вѣтръ съ земли развѣваетъ.
Тѣмже нечестивіи не имуть востати
На судъ, ниже грѣшницы въ совѣтъ правыхъ стати.
Вѣстъ бо Господь путь правыхъ, тыя защищаетъ,
Путь пакн нечестивыхъ въ конецъ погубляетъ.

LXI.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собрание сочинений Ломоносова, 1751 г. Книга первая. Оды духовныя. Ода 3. Преложение псалма 26. стр. 9 — 12. Строфы обозначены цифрами.

ВАРИАНТЫ.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось Собрание сочинений Ломоносова, 1751 г. «Оды духовныя. Ода 3 (зачеркнуто: 7). Преложение Псалма 26». И заглавіе и вся ода писаны рукою Ломоносова. Строфы, за исключеніемъ первой, не обозначены цифрами, а отдѣлены одна отъ другой звѣздочкой. Строфа 14 соотвѣтствуетъ строфѣ 13 печатнаго текста и наоборотъ.

С. II.—Собрание сочинений Ломоносова, 1757 г. Книга первая. Оды духовныя. стр. 8 — 10. Заглавіе то же, что въ *С. I.* Строфы обозначены цифрами.

Ст. 2. Кого я утрашюся? (Р.)
Ст. 5—6. Во злѣбъ плоть мою пожрать,

Противны устремились; (с. п.)

Ст. 7. Но злой совѣтъ хотя начать, (р.; с. п.)

Ст. 9—11. Хотя полкъ противъ меня встань;
Но я не утрашаюсь.

Хотя враги воздвигнутъ брань; (р.)

Ст. 14—15. Чтобъ въ храмъ его въ его вселиться.

И больше въ свѣтъ не ищу; (р.)

Ст. 21. И нынъ вознесъ мою главу (р.)

Ст. 28. Когда подь кровь Твой прибѣгаю. (р.)

Ст. 53. Ты сердце духомъ укрѣпись, (с. п.)

Псаломъ 26.

Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой: кого убоюся?
Господь защититель живота моего: отъ кого утрашуся?

Внегда приблизатся на мя злобующимъ, еже сибѣти плоти
мая: оскорбляющіи мя и врази мои, тѣи изнемогоша и надоша.

Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое; аще
встанеть на мя брань, на него азъ уповаю.

Единою просихъ отъ Господа, тѣ възыщу — еже жити ми въ
дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту
Господню, и посѣщати храмъ святый Его.

Яко скры мя въ селеніи своемъ въ день золь моихъ; покры
мя въ тайнѣ селенія своего; на камень вознесе мя.

И пыгѣ се вознесе главу мою на враги моя; обыдохъ и по-
жрохъ въ селеніи Его жертву хваленія и воскликновенія; пою и
восною Господеви.

Услыши, Господи, гласъ мой, имже воззвахъ: помилуй мя и
услыши мя.

Тебѣ рече сердце мое: «Господа възыщу»; възиска Тебе лице
мое; лица Твоего, Господи, възыщу.

Не отврати лица Твоего отъ мене, и не уклони гнѣвомъ отъ раба Твоего; помощникъ мой буди, не отрини мене, и не остави мене, Боже, Спасителю мой.

Яко отецъ мой и мати моя остависта мя; Господь же воспріятъ мя.

Законоположи ми, Господи, въ пути Твоемъ, и настави ми на стезю правую врагъ моихъ ради.

Не предаждь мене въ души стужающихъ ми, яко восташа на мя свидѣтели неправедніи, и солга неправда себѣ.

Вѣрую видѣти благая Господня на земли живыхъ.

Потерни Господа, мужайся, и да крѣпится сердце твое, и потерни Господа.

Псалтыр. Симеона Полоцк.

Господь просвѣщеніе мое и спаситель,
Никогоже боюся, онъ бо защититель
Есть животу моему: ниже усташуся,
На всеящую помощь его надѣюся.
Егда злоторящій ко миѣ приблизится,
Да снѣдятъ плоти моя: тогда посрамятся.
Оскорбляющій мя презнемогоша,
И враждующій миѣ со срамомъ подоша.
Аще же на мене полкъ вражій ополчится,
И брашъ встанетъ на мя, сердце не болтается;
Ибо азъ на Господа Бога уповаю,
Едию же отъ Него просяхъ и желаю:
Еже ми въ дому Его весь животъ мой жити,
И красоты Господня очима ми зрѣти;
Церковь святую Его выну посѣщати,
И обѣты оному моя воздаяти.
Яко въ день зла моего далъ ми въ храмъ свой вшити,
Въ тайнѣ крова своего отъ враговъ покрыти.
На камень вознесе мя, и шнѣ се главу

Надъ враги вознесъ мою, облече мя въ славу.
Церковь его съ хвалами радостно обыдохъ,
Съ восклицаніемъ Ему жертвы моя пожрохъ.
И въ грядущая лѣта имамъ воспѣвати
Пѣніе псалмовъ Богу, и честь возсылати.
Ты же услыши гласъ мой, Боже милостивый,
Помилуй мя, якоже невинныхъ любивый.
«Господа възвѣщу» сердце мое глаголаше,
И лице мое Тебе, Боже мой, искаше.
И впродѣ лица Твоего потщуся искати,
Ты отъ мене не изволь того отвращати.
Ни отъ раба Твоего гнѣвомъ уклоняся,
Не отрѣй мя, но скорый помощникъ явися.
Не остави мя, Боже, Ты бо мой спаситель,
Мати мя оставила, съ нею и родитель.
Ты же пріять мя еси, и изволи дати
Законъ ми, и да могу тощю соблюдать.
Врагъ моихъ ради, на путь правый мя настави,
Отъ стужающихъ души враговъ ю избави,
Яко свидѣтеліе лживи восташа,
Солга неправда себѣ, въ срамѣ вси остана.
Вѣрую, яко узрю Господия благая
Тамо, гдѣ есть живущихъ земля пресвятая:
Токмо душе мужайся, и сердце крѣнися,
Терпи Господа, къ Нему бѣжати всетнися.

Ст. 37—40. Слова псалма (XXVI, 10): «Отецъ мой и мать моя оставили меня; но Господь приметъ меня» переданы Ломоносовымъ такъ:

Меня оставилъ мой отецъ
И мать еще въ младенствѣ;
Но воспріять меня Творецъ
И даль жить въ благоденствѣ.

«Понудихомъ ити къ вамъ Іону епископа рязанскаго, мужа
суца духовна, и въ добродѣтельномъ житіи отъ младенства
много лѣта поживша».

(Акты историческіе. I, 73.)

«И московское бѣ государство имъ великимъ государемъ
приняло покой и тишину и благоденство».

(Акты историческіе. II, 378.)

Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Петру Великому: «Видите
исполненіе обѣтованнаго вамъ предзнаменованіями благоден-
ства».

LXII.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собрание сочинений Ломоносова, 1751 г. Книга первая. Оды духовныя. Ода 4. Преложение псалма 34. стр. 13—20. Строфы обозначены цифрами.

ВАРИАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось Собрание сочинений Ломоносова, 1751 г. «Оды духовныя. Ода 4. Преложение Псалма 34». Строфы отдѣлены одна отъ другой #. Вся ода писана рукою Ломоносова.

С. II.— Собрание сочинений Ломоносова. 1757. Книга первая. Заглавие то же, что въ *С. I.* стр. 11—16. Строфы обозначены цифрами.

-
- Ст. 3. Всегдашнй буди Покровитель, (Р.)
Ст. 17. Да сильный гнѣвъ твой злыхъ восхититъ, (С. II.)
Ст. 27. Что зляся на меня напрасно, (С. II.)

- Ст. 28. Скрывали ковъ сѣтей своихъ. (Р.)
Ст. 41. Уже свидѣтели возстали (Р.)
Ст. 51. Смирять себя, дабы возстали (Р.)
Ст. 60. Готовя ровъ гдѣ бѣ миѣ унасть. (Р.)
Ст. 84. Коль сладко намъ на то взирать! (Р.)
Ст. 89. Возстани, Господи Виждитель, (Р.)
Ст. 91. И буди при моеи рѣшителъ (Р.)

Псаломъ 34.

Суди, Господи, обидящія мя, побори борющія мя.

Принми оружіе и щитъ, и востани въ помощь мою.

Изеуши мечъ, и заключи сопротивъ гонящихъ мя; рцы души моеи: спасеніе твое есмь Азъ.

Да постыдятся и посрамятся щущіи душу мою; да возвратятся внять, и постыдятся мыслящіи ми злая.

Да будутъ яко прахъ предъ лицемъ вѣтра, и ангель Господень оскорбляя ихъ.

Да будетъ путь ихъ тма и ползокъ, и ангель Господень погоняий ихъ.

Яко тупе скрыша ми пагубу сѣти своя, веуе поносиша души моеи.

Да приидеть ему сѣть, юже не вѣсть, и ловитва, юже скры, да обиметь и, и въ сѣть да виадетъ въ шю.

Душа же моя возрадуется о Господѣ, возвеселится о спасеніи Его.

Вся кости моя рекутъ: Господи, Господи, кто подобень Тебѣ, избавляий нища изъ руки крѣпильшихъ его, и нища и убога отъ расхищающихъ его.

Воставше на мя свидѣтеле неправедии; яже не вѣдахъ, вопрошаху мя.

Воздаша ми лукавая воз благая, и безчадіе души моей.

Азь же, впегда они стужаху ми, облачахся во вретнице, и смиряхъ постомъ душу мою, и молитва моя въ пѣдро мое возвращается.

Яко ближнему, яко брату нашему, тако угождахъ; яко плача и сѣтуя, тако смиряхся.

И на мя возвеселишася и собрашася; собрашася на мя раны, и не познахъ; раздѣлишася и не умилнишася.

Искусиша мя, подражниша мя подражніемъ; поскрежетаха на мя зубы своимъ.

Господи, когда узриши? Устрой душу мою отъ злодѣйства ихъ, отъ левъ едиnorodную мою.

Исповѣмся Тебѣ въ церкви мнозѣ; въ людехъ тяжцѣхъ восхваляю Тя.

Да не возрадуются о мнѣ враждующіи ми неправедно, ненавидящіи мя туне, и помизающіи очима.

Яко мнѣ убо мирная глаголаху, и на гнѣвъ лести помышляху.

Разшириша на мя уста своя, рѣша: благоже, благоже, видѣша очи наши.

Видѣлъ еси, Господи, да не премолчиши; Господи, не отступи отъ мене.

Востани, Господи, и воими суду моему, Боже мой и Господи мой, на прю мою.

Суди ми, Господи, по правдѣ Твоей, Господи Боже мой, и да не возрадуются о мнѣ.

Да не рекутъ въ сердцахъ своихъ: благоже, благоже души нашей; ниже да рекутъ: покрохомъ его.

Да постыдятся и посрамятся вкупѣ радующіеся зломъ моимъ; да облукуются въ студъ и срамъ велерѣчующіи на мя.

Да возрадуются и возвеселятся хотящіи правды моя, и да рекутъ вѣну: да возвеселится Господь, хотящій мира рабу Его.

И языкъ мой поучится правдѣ Твоей, весь день хвалѣ Твоей.

Псалтыр. Симеон. Полоцк.

Суди Господи мя обидяція,
Возбрани Боже мене борюція,
Невинна еуца.
Возми меч и щитъ, стани въ помощь мою,
Взешь оружіе яви милость Твою,
Зашии гоющихъ.
Рцы души моей: Азь есмь твой спаситель,
Сотвори, да всякъ оныя гонитель
Посрамленъ будетъ.
Злаго ми любцы всяять да возвратятся,
Яко предъ вѣтромъ прахъ, да расточатся
Въ разныя страны.
Ангель Господень ихъ да оскорбляетъ,
Ангель Господень ихъ да погоняетъ
Въ тмѣ путемъ ползкимъ.
Яко ми сѣти пагубы сокрыша,
И души моей всеу поносша
Зѣло досадно.
Еяже не вѣсть, въ сѣть врагъ да впадется,
Въ ловитву, юже секры, да вилетется
За свою прелесть.
Душа же моя да возвеселится
О Бозѣ Спасѣ, яко свободится
Отъ сѣти ловчи.
Вся моя кости рекутъ: живый въ небѣ
Боже, кто и гдѣ есть подобенъ Тебѣ
Въ милосердіи;
Ты нища изъ рукъ крѣпкихъ избавляй,
Отъ хищныхъ враговъ мене свободядай,
Самъ единъ еси.

Лжесвидѣтели на мя клеветаху,
Ихже не вѣдѣхъ, мене вопрошаху,
Да мя погубятъ.
За мою благость воздаша ми злая,
Душу загнаша въ мѣста неплодная,
Да гладомъ таю.
А ввсегда они стужаху ми зѣло,
Смиряхъ духъ постомъ, а вретпщемъ тѣло,
Да Господь призритъ.
Молитва моя въ нѣдра ми вратися,
Господь всещедрый милостивъ явился
За смиреніе.
Яко ближнему тщахся угождати,
Яко о братнихъ случаехъ рыдати,
Тако смиряхся.
Они же на мя соборъ сотвориша,
Со веселіемъ раны ми мыслиша,
Азъ аки не чухъ.
Отъ любви должны вси раздѣлишася,
Оней же злобѣ не умилишася,
Братія суще.
Подражніемъ лютѣ мя дражниша,
Искупиша мя, и скрежетъ твориша
Зубы своими.
О Господи мой, когда то узрши,
И душу мою благоустроиши
Отъ ихъ злодѣйства,
Иже яко льви гладїи рыкають,
Единородну мою умышляють
Зубы терзати.
Азъ въ церкви мнозѣ Тя исповѣдати
Имамъ, и въ людехъ тяжцѣхъ восхваляти
За милость Твою.
Врагомъ безъ правды ненависть имущимъ

На мя, очима си помизающимъ
Не даждь радости.
Яко миѣ убо мирю глаголаху,
А въ сердцѣхъ дести на гнѣвъ помышляху,
Да мя погубятъ.
Уста си на мя лютѣ разширяху,
Благоже, благо видятъ, глаголаху,
Очеса наши.
Ты сія видѣвъ, да не премолчиши,
Боже, отъ мене да не отступиши,
Во скорби суца.
Востани, Боже, сотвори судъ правый,
Господи, зри прю, даждь судъ, да лукавый
Не веселится.
Да въ сердцѣхъ своихъ о миѣ не вѣщаютъ:
Благо намъ, благо; ни да обѣщаютъ:
Уже поизремъ и.
Срамъ да обиметь, и да постыдятся
Вси врази вкуиѣ, иже веселятся
О злыхъ ми сущихъ.
Въ студи и срамоту да суть облечени,
Иже великимъ хуламъ изучени
Миѣ глаголати.
Иже по моей правдѣ побораютъ,
Веселіе и радость да познаютъ
Во сердцѣхъ своихъ.
Иже ми мира желаютъ отъ Бога,
Вънцу да поютъ: буди слава многа
Господу Богу.
Азъ же языкомъ правду Ти хвалити
Моимъ и славу имамъ возносити
Въ мирѣ на всякъ день.

ЛХШ.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собрание сочинений Ломоносова, 1751 г. Книга первая. Оды духовныя. Ода 5. Преложение псалма 70. стр. 21—27. Строфы обозначены цифрами.

ВАРИАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось Собрание сочинений Ломоносова, 1751 г. «Оды духовныя. Ода 5. Преложение псалма 70». Вся ода писана рукою Ломоносова. Строфы отдѣлены одна отъ другой #.

С. II.— Собрание сочинений Ломоносова, 1757 г. Книга первая. Заглавіе такое же, какъ въ *С. I.* стр. 17—21. Строфы обозначены цифрами.

-
- Ст. 27—28. Однако мысли не мятутся,
Что ты Господь Заступникъ мой (Р.)
Ст. 44. Се нынѣ часъ его рубить. (Р.)
Ст. 79. Но паки обратяся избавиль (Р.)
Ст. 82—83. И утѣшитъ восхотѣль

И (о)братясь меня избавить (р.)
Ст. 95—96. Коварныхъ постыдится
Которой ищетъ мнѣ бѣды. (р.)

Псал. 70.

На тя, Господи, уповахъ, да не постыжуся въ вѣкъ.
Правдою Твоею избави мя и изми мя; приклони ко мнѣ ухо
Твое, и спаси мя.
Буди ми въ Бога защитителя и въ мѣсто крѣпко спасти мя,
яко утверждение мое и приближице мое еси Ты.
Боже мой, избави мя изъ руки грѣшнаго, изъ руки законо-
преступнаго и обидящаго.
Яко ты еси терѣніе мое, Господи, Господи упование мое
отъ юности моея.
Въ Тебѣ утвердихся отъ утробы, отъ чрева матере моея Ты
еси мой покровитель; о Тебѣ вѣніе мое вьшу.
Яко чудо быхъ многимъ, и Ты помощникъ мой крѣпокъ.
Да исполнятся уста моя хваления, яко да воспую славу Твою,
весь день великолѣпіе Твое.
Не отвержи мене во время старости, вьегда оскудѣвати крѣ-
пости моеї, не остави мене.
Яко рѣша врази мои мнѣ, и стрегущїи душу мою совѣ-
щаша вкупѣ,
Глаголюще: Богъ оставилъ есть его, пожените и имите его,
яко иѣсть избавляїй.
Боже мой, не удался отъ мене; Боже мой, въ помощь мою
вонми.

Да постыдятся и исчезнутъ оклеветающіи душу мою; да облекутся въ студъ и срамъ ищущіи злая мнѣ.

Азъ же всегда возуноваю на Тя, и приложу на всяку похвалу Твою.

Уста моя возвѣстятъ правду Твою, весь день спасеніе Твое, яко не познахъ книжная. (Уста мои будутъ возвѣщать правду Твою, всякій день благодѣянія Твои; ибо я не знаю имъ числа).

Вниду въ силѣ Господни; Господи, помяну правду Тебе одинаго.

Боже мой, имже научилъ мя еси отъ юности моея, и доннынѣ возвѣщу чудеса Твоя.

И даже до старости и престарѣнія, Боже мой, не остави мене, дождеже возвѣщу мыщцу Твою роду всему грядущему.

Силу Твою и правду Твою, Боже, даже до вышнихъ, яже сотворилъ ми еси величія, Боже, кто подобенъ Тебѣ.

Елики явилъ ми еси скорби многи и злы, и обращаю оживотворилъ мя еси, и отъ безднъ земли возвелъ мя еси.

Умножилъ еси на мнѣ величествіе Твое, и обращаю утѣшилъ мя еси, и отъ безднъ земли пакы возвелъ мя еси.

Ибо азъ исповѣмся Тебѣ въ людехъ, Господи, въ сосудѣхъ псаломскихъ истину Твою, Боже, воспую Тебѣ въ гуслѣхъ, Святыи Израилевъ.

Возрадуется устнѣ мои, егда воспую Тебѣ, и душа моя, юже еси избавилъ.

Еще же и языкъ мой весь день поучится правдѣ Твоей, егда постыдятся и посрамятся ищущіи злая мнѣ.

Псалтыр. Симеон. Полоцк.

На тя, Боже, уповахъ, и не постыжуся:

Правдою Ты измени мя, и возвеселюся.

Изволи ко мнѣ ухо Твое приклонити,

И отъ палежащихъ бѣдъ спаситель ми быти.

Въ Бога защитителя, въ градъ ми крѣпокъ буди,

Да спасуся Тобою, егда гонять люди,
Яко утверженіе, Боже, еси мое
Ты, и приближице мнѣ единъ извѣстное.
Боже, изъ рукъ грѣшнаго мужа мя избави,
Отъ законопреступна свободна мя яви,
И отъ обидящаго, яко Ты ми еси
Терпѣніе, Господи, царствуй въ небеси.
Ты ми упованіе съ юности моя,
Въ Тебѣ утверженіе есть ми жизни вся.
Отъ чрева матери ми Ты мой покровитель,
Отъ утробы былъ еси души ми хранитель.
О Тебѣ мое выну устрою пѣніе,
Яко чудо быхъ многимъ, воздамъ хваленіе.
Ты бо помощникъ крѣпкій изволилъ ми быти,
На звѣри и на шуды сильна сотвориши.
Да исполнятся уста моя хваленія,
Яко да слава Твоей дамъ сладкопѣнія,
И велѣніе Ти весь день воспѣваю,
Тако благодарствіе сердца проявляю.
Не отвержи мя, Боже, во время старости,
Не остави мя, всегда лишуся крѣпости,
Ибо стрегшии мене въ лестви уклониша,
Со враги кунно о мнѣ совѣтъ сотвориша,
Глаголюще: жените, Богъ остави его,
Имте, пособія не подасть своего.
Но Ты, Боже, отъ мене днесь не удалися,
Боже мой, въ помощь мою прійти потицися.
Да клеветницы мои съ срамомъ исчезаютъ,
Ищущіи злая мнѣ въ студъ ся облакають.
Азъ же всегда на Тебе имамъ уповати,
Къ похваламъ Твоимъ новы хвалы прилагати.
Уста моя возвѣстятъ правду Ти святую
И весь день спасенія милость великую,
Яко княжвыхъ не познахъ, потицися азъ вшити

Въ силы Господня, и тѣхъ знаніе нажити.
Помяну правду Тебе единого Бога,
И благодѣянія Твоя повѣмъ многа.
Боже, чудеса Твоя азъ буду вѣщати,
Яже ми отъ юности изволилъ сказати
Даже и до старости и престарѣнія
Боже мой, не лишнн мя, ради служенія,
Дондеже силу Твою возвѣщу грядущимъ
Родомъ и правду Твою вѣкомъ въ предъ будущимъ.
Величія Тп, яже сотворилъ ми еси,
Прикасаются даже вышнему небеси,
Боже, кто Тп подобенъ; коль многи явленны
Злы скорби мнѣ Тобою, и есмь искушенны:
Ты же, обращаея ко мнѣ, жива ми постави,
И отъ глубокихъ земныхъ безднъ мене избави.
Умножилъ еси на мнѣ величіе Твое,
И обращаея, утѣшилъ еси сердце мое.
И пакн отъ безднъ земли изволилъ мя взяти,
Что азъ возмогу за то Тебѣ воздаяти.
Се пновѣмся Тебѣ азъ предъ человекн,
Въ сосудѣхъ Тп псаломскихъ воспую во вѣки,
Испну Твою, Боже, имамъ возвѣщати,
О святѣй израилевъ, и гуслами бряцати.
Егда же воспую Тп, радостенъ явлюся
Устнама, и душею превозвеселюся,
Юже еси избавилъ; ктому глаголати
Языкъ мой правду Твою не имать престати.
Егда же злая мнѣ ищутъ, постыдятся
Тобою, щедрѣй Боже, и злѣ посрамятся.

LXIV.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собрание сочинений Ломоносова, 1751 г. Книга первая. Оды духовныя. Ода 8. стр. 35 — 40. Стрфы обозначены цифрами.

ВАРИАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось Собрание сочинений Ломоносова, 1751 г. «Оды духовныя. Ода 8. Избранная изъ Юва Глава 38, и прочая». Стрфы обозначены цифрами. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.—Собрание сочинений Ломоносова, 1757 г. Книга первая. стр. 27 — 31. Заглавіе то же, что въ Собр. *I.* Стрфы обозначены цифрами.

Ст. 2. На Бога ропчень, человекъ. (Р.)

Ст. 18—19. Бесчисленны тмы новыхъ звѣздъ
Моей возженныхъ въ другъ рукою (Р.)

Ст. 35. Было написано Ломоносовымъ:

И землю въ знойшой день отъ жажды

Но Ломоносовъ измѣнилъ этотъ стихъ :

И нивы въ день томящей жажды (Р.)
Ст. 39. И основанія земли тряхнуть,

Стихъ этотъ написанъ Ломоносовымъ вмѣсто зачеркнутаго :

И землю можешь ли тряхнуть,
Ст. 44. По мрачному ходящихъ дну?
Ст. 46. Всегдашнею покрыты мглою (с. II.)
Ст. 54—55. И горь сердца трясущимъ трѣскомъ
Концы вселенной устрашать (Р.)
Ст. 57. Твоей ли хитростью взлѣтаетъ (Р.)
Ст. 59. Крыла по вѣтру простираетъ
Ст. 63.—64. Что въ пищу я ему послалъ.
Толь быстро око ты ли даль? (с. II.)
Ст. 65. Возри въ луга на Бегемота (Р.)
Ст. 68. Безвредной попирать ногой (Р.)
Ст. 73. Ты можешь ли Левіафана (с. II.)
Ст. 94. Какъ уголь въ горнилѣ раскаленный. (Р. и с. II.)
Ст. 109. Онъ знаетъ что, съ тобою стронтъ

Ломоносовъ зачеркнулъ этотъ стихъ, и написалъ :

Онъ все на пользу нашу строить (Р.)

Ст. 91—92. О левіаоанѣ:

Какъ печь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;

Ср. Ода на взятіе Хотина, ст. 25—26, о кораблѣ:

Сѣдая пѣна вокругъ шумитъ;
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;

Псал. XII, 24: «Оставляет за собою свѣтящуюся стезю; бездна кажется сѣдною».

Занметвованія Ломоносова изъ книги Іова въ такомъ родѣ:

XXXVIII, 8—11: Заградихъ же море врата, егда излива-
шеся изъ чрева матери своей исходящее. Положихъ же ему
облакъ во одѣяніе, мглою же повихъ е. И положихъ ему предѣлы,
обложивъ затворы и врата. Рѣхъ же ему: до сего дойдши и не
прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя.

Ст. 25—32. Кто море удержалъ берегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши здвигнулъ Океанъ?

XXXVIII, 17: Отверзаются же ли тебѣ страхомъ врата
смертная; вратницы же адовы видѣвши тя убоишася ли.

Ст. 45—48. Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнюю покрыты тмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты сперъ ли адовы уста?

XXXIX, 26—27: И твоею ли хитростью стоитъ ястребъ, рас-
простеръ крилѣ недвижимъ зря на югъ; твоимъ же ли повелѣ-
ніемъ возносятся орелъ, несясь же на гнѣздѣ своемъ сѣдя
вселяется.

Ст. 57—60. Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крила простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?

XLI, 17—18: Аще срящутъ его копя, ничтоже сотворять ему, копіе воззено и броня; вмѣняетъ бо желѣзо аки плевы, мѣдь же аки древо гнило.

Ст. 79—80. Копье и меч и молотъ твой
Щитаешь за тростникъ гнилой.

Чтобы составить вѣрное понятіе о способѣ, какимъ Ломоносовъ пользовался своимъ библейскимъ петчпшккомъ, надо имѣть въ виду содержаніе всѣхъ главъ, указанныхъ Ломоносовымъ. Мы приводимъ ихъ въ русскомъ переводѣ, потому что Ломоносовъ, по его собственному свидѣтельству, находилъ многія неточности въ славянскомъ переводѣ библейскихъ книгъ вообще; въ настоящемъ случаѣ русскій переводъ оказывается болѣе соответствующимъ цѣли.

Глава XXXVIII.

Когда Еліуй пересталъ говорить, Господь отвѣчалъ Іову изъ бури и сказалъ:

Кто сей, омрачающій Провидѣніе словами безъ смысла?

Пренояннъ нынѣ чресла твои, какъ мужъ: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Миѣ:

Гдѣ былъ ты, когда Я полагалъ основанія земли? Скажи если знаешь.

Кто положилъ мѣру ей, если знаешь? Или кто протягивалъ по ней вервь?

На чемъ утверждены основанія ея или кто положилъ краеугольный камень ея,

При общемъ ликованіи утреннихъ звѣздъ, когда всѣ сыны Божіи восклицали отъ радости?

Кто затворилъ море воротами, когда оно исторглось, вышло какъ бы изъ чрева,

Когда Я облака сдѣлалъ одеждою его и мглу пеленами его,
И утвердилъ ему Мос опредѣленіе, и поставилъ запоры и
ворота,

И сказалъ: доселѣ дойдешь, и не перейдешь, и здѣсь предѣлъ
надменнымъ волнамъ твоимъ?

Давалъ ли ты когда въ жизни своей приказаніе утру, и ука-
зывалъ ли зарѣ мѣсто ея,

Чтобы она охватила края земли и стряхнула съ нея нечести-
выхъ;

Чтобы земля измѣнилась, какъ глина подъ печатью, и стала,
какъ разноцвѣтная одежда;

И чтобы отнялся у нечестивыхъ свѣтъ ихъ, и дерзкая рука
ихъ сокрушилась?

Исходилъ ли ты во глубину моря, и входилъ ли въ изслѣ-
дованіе бездны?

Отворялись ли для тебя врата смерти, и видѣлъ ли ты врата
тѣни смертной?

Обозрѣлъ ли ты широту земли? Объясни, если знаешь все это.

Гдѣ путь къ жилищу свѣта, и гдѣ мѣсто тьмы?

Ты конечно доходилъ до границъ ея, и знаешь стези къ
дому ея.

Ты знаешь это, потому что ты былъ уже тогда рожденъ, и
число дней твоихъ очень велико.

Входилъ ли ты въ хранилища снѣга, и видѣлъ ли сокровищ-
ницы града,

Которыя берегу Я на время смутное, на день битвы и войны?

По какому пути разливается свѣтъ, и разносится восточный
вѣтеръ по землѣ?

Кто проводитъ протоки для изліянія воды и путь для гро-
моносной молніи,

Чтобы шель дождь на землю безлюдную, на пустыню, гдѣ
нѣтъ человѣка,

Чтобы насыщать пустыню и степь, и возбуждать травныя
зародыши къ возрастанію?

Есть ли у дождя отецъ? или кто раждаетъ капли росы?

Изъ чьего чрева выходитъ ледъ, и иней небесный, — кто раждаетъ его?

Воды, какъ камень, крѣпнуть, и поверхность бездны замерзаетъ.

Можешь ли ты связать узелъ Хима, и разрѣшить узы Кесиль?

Можешь ли выводить созвѣздія въ свое время, и вести Асъ съ ея дѣтьми.

Знаешь ли ты уставы неба; можешь ли установить господство его на землѣ?

Можешь ли возвысить голосъ твой къ облакамъ, чтобы вода въ обиліи покрыла тебя?

Можешь ли посылать молніи, и пойдутъ ли онѣ, и скажутъ ли тебѣ: вотъ мы?

Кто вложилъ мудрость въ сердце или кто далъ смыслъ разуму?

Кто можетъ разчислить облака своею мудростію и удержать сосуды неба,

Когда пыль обращается въ грязь, и глыбы сплпаются?

Ты ли ловишь добычу львицѣ, и насыщаешь молодыхъ львовъ,

Когда они лежатъ въ берлогахъ или покоятся подъ тѣнью въ засадѣ?

Кто приготовляетъ вѣрону кормъ его, когда птенцы его кричатъ къ Богу, бродя безъ пищи.

Глава XXXIX.

Знаешь ли ты время, когда рождають дикія козы на скалахъ, и замѣчалъ ли роды лапей?

Можешь ли разчислить мѣсяцы беременности ихъ? И знаешь ли время родовъ ихъ?

Онѣ изгибаются, раждая дѣтей своихъ, выбрасывая свои поши.

Дѣти ихъ приходятъ въ силу, растутъ на полѣ, уходятъ и не возвращаются къ нимъ.

Кто пустилъ двѣаго осла на свободу, и кто разрѣшилъ узы онагру,

Которому стень Я назначилъ домомъ и солончаки жилищемъ?

Онъ посмѣвается городекому многолодству, и не слышитъ криковъ погонщика.

По горамъ ищетъ себѣ ищи, и гоняется за всякою зеленою.

Захочетъ ли единорогъ служить тебѣ, и переночуетъ ли у яслей твоихъ?

Можешь ли веревкою привязать единорога къ бороздѣ, и станетъ ли онъ боронить за тобою поле?

Попадѣшься ли на него, потому что у него сила велика, и предоставишь ли ему работу твою?

Повѣришь ли ему, что онъ сѣмена твои возвратитъ и сложитъ на гумно твое?

Ты ли далъ красивыя крылья навлицу и перья и пухъ строусу?

Онъ оставляетъ яйца свои на землѣ, и на пескѣ согрѣваетъ ихъ,

И забываетъ, что нога можетъ раздавить ихъ, и полевой звѣрь можетъ растоптать ихъ.

Онъ жестокъ къ дѣтямъ своимъ, какъ бы не своимъ, и не опасается, что трудъ его будетъ напрасенъ;

Потому что Богъ не далъ ему мудрости, и не удѣлилъ ему смысла.

А когда поднимется на высоту, посмѣвается коню и всаднику его.

Ты ли далъ коню силу, и облекъ шею его гривною?

Можешь ли ты испугать его, какъ саранчу? Храпѣніе поздрей его — ужасъ!

Роетъ погою землю, и восхищается силою; идетъ на встрѣчу оружію.

Онъ смѣется надъ опасностію, и не робѣетъ, и не отворачивается отъ меча.

Колчанъ звучитъ надъ нимъ, сверкаетъ конь и дротикъ.

Въ порывѣ и ярости онъ глотаеъ землю, и не можетъ стоять при звукѣ трубы.

При трубноиъ звукѣ онъ издаеъ голосъ: гу! гу! И издалека чуеъ битву, громкіе голоса вождей и крикъ.

Твоею ли мудростію летаеъ ястребъ, и направляетъ крылья свои на полдень?

По твоему ли слову возносится орелъ, и устрояеъ на высотѣ гнѣздо свое?

Онъ живеъ на скалѣ, и почуеъ на зубцѣ утесовъ и на мѣстахъ неприступныхъ.

Оттуда выматриваетъ себѣ пищу; глаза его смотрять далеко.

Птенцы его пьютъ кровь, и гдѣ трунъ, тамъ и онъ.

И продолжалъ Господь, и сказалъ Юву:

Будеъ ли состязующійся съ Вседержителемъ еще учить? Обличающій Бога пусть отвѣчаеъ Ему.

И отвѣчалъ Ювъ Господу, и сказалъ:

Вотъ я ничтоженъ; что буду я отвѣчать Тебѣ? Руку мою полагаю на уста мои.

Однажды я говорилъ, — тепеъ отвѣчать не буду, даже дважды, но болѣе не буду.

Глава XL.

И отвѣчалъ Господь Юву изъ бури, и сказалъ:

Препоишь, какъ мужъ, чресла твои; Я буду спрашивать тебя, а ты объясняй Миѣ.

Ты хочеши испровергнуть судъ Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?

Такая ли у тебя мышца, какъ у Бога? И можеши ли возгремѣть голосомъ, какъ Онъ?

Укрась же себя величіемъ и славою, облекись въ блескъ и великолѣпіе.

Излей ярость гнѣва твоего, посмотри на все гордое, и смири его.

Взгляни на всѣхъ высокомерныхъ, и унизи ихъ, и сокруши печестивыхъ на мѣстахъ ихъ.

Зарой всѣхъ ихъ въ землю, и лица ихъ покрой тьмою.

Тогда и Я признаю, что десница твоя можетъ спасать тебя.

Вотъ бегемотъ, котораго Я создалъ, какъ и тебя; онъ ѣсть траву, какъ волъ.

Вотъ его сила въ чреслахъ его и крѣпость его въ мускулахъ чрева его.

Поворачиваетъ хвостомъ своимъ, какъ кедромъ; жилы же на бедрахъ его перенлетены.

Ноги у него, какъ мѣдныя трубы; кости у него, какъ желѣзные прутья.

Это верхъ путей Божіихъ; только сотворившій его можетъ приблизить къ нему мечъ Свой.

Горы приносятъ ему пищу, и тамъ всѣ звѣри полевые играютъ.

Онъ ложится подъ тѣнистыми деревьями, подъ кровомъ тростника и въ болотахъ.

Тѣнистыя деревья покрываютъ его своею тѣнью; ивы при ручьяхъ окружаютъ его.

Вотъ, онъ пьетъ изъ рѣки, и не торошится; остается спокоенъ, хотя бы Иорданъ устремился ко рту его.

Возьметъ ли кто его въ глазахъ его, и проколетъ ли ему носъ багромъ.

Можешь ли ты удою вытащить левіаѳана, и веревкою схватить за языкъ его?

Вдѣнешъ ли кольцо въ ноздри его? Проколешь ли иглою челюсть его?

Будетъ ли онъ много умолять тебя, и будетъ ли говорить съ тобою кротко?

Сдѣлаетъ ли онъ договоръ съ тобою, и возьмешь ли его навсегда себѣ въ рабы?

Станешь ли забавляться имъ, какъ птичкою, и свяжешь ли его для дѣвочекъ твоихъ?

Будутъ ли продавать его товарищи ловли; раздѣлять ли его между Хананейскими купцами?

Можешь ли пронзить кожу его копьемъ и голову его рыбачью острогою?

Клади на него руку твою, и помни о борьбѣ; впередъ не будешь.

Глава ХLI.

Надежда тщетна; не упадешь ли отъ одного взгляда его?

Нѣтъ столь отважнаго, который осмѣлился бы потревожить его; кто же можетъ устоять передъ Моимъ лицомъ?

Кто предварилъ Меня, чтобы Мнѣ воздавать ему? подъ всѣмъ небомъ все Мое.

Не умолчу о членахъ его, о силѣ и красивой соразмѣрности ихъ.

Кто можетъ открыть верхъ одежды его; кто подойдетъ къ двойнымъ челюстямъ его?

Кто можетъ отворить двери лица его? кругъ зубовъ его — ужасъ.

Крѣпкіе щиты его — великолѣпнѣе; они скрѣплены какъ бы твердою печатью.

Одинъ къ другому прикасается близко, такъ что и воздухъ не проходитъ между ними.

Одинъ съ другимъ лежатъ плотно, сдѣлываясь и не раздвигаются.

Отъ его чиханія показывается свѣтъ; глаза у него, какъ рѣшницы зари.

Изъ пасти его выходятъ пламеншки, выскакиваютъ огненные искры.

Изъ ноздрей его выходитъ дымъ, какъ изъ кипящаго горшка, или котла.

Дыханіе его раскаляетъ угли, и изъ пасти его выходитъ пламя.

На шеѣ его обитаетъ сила, и передъ нимъ бѣжитъ ужасъ.

Мясистыя части тѣла его сплочены между собою твердо, не дрогнуть.

Сердце его твердо, какъ камень, и жестко, какъ нижній жерновъ.

Когда онъ поднимается, силачи въ страхѣ совсѣмъ теряются отъ ужаса.

Мечъ, коснувшійся его, не устоитъ, ни конь, ни дротикъ, ни латы.

Желѣзо онъ считаетъ за солому, мѣдь за гнилое дерево.

Дочь лука не обратитъ его въ бѣгство, пращныя камни обращаются для него въ плеву.

Булава считается у него за соломинку; свисту дротика онъ смѣется.

Подъ нимъ острые камни, и онъ на острыхъ камняхъ лежитъ въ грязи.

Онъ кипятитъ пучину, какъ котель, и море претворяетъ въ кипящую мазь.

Оставляетъ за собою свѣтящуюся стезю; бездна кажется сѣдною.

Нѣтъ на землѣ подобнаго ему; онъ сотворенъ безстраннымъ.

На все высокое смотритъ смѣло; онъ царь надъ всѣми сынами гордости.

Въ выборѣ Ломоносовымъ книги Іова обнаруживается чутье натуралиста, умѣющаго понимать поэтическое достоинство изображеній природы и ея явленій. Ал. Гумбольдтъ называетъ книгу Іова однимъ изъ величайшихъ произведеній литературы. Указавши основную идею и высокое значеніе 103 псалма, Гумбольдтъ продолжаетъ:

Aehnliche Ansichten des Kosmos kehren mehrmals wieder, am vollendetsten vielleicht in dem 37 sten Capitel des alten, wenn auch nicht vormosaïschen Buches Hiob. Die meteorologischen Prozesse, welche in der Wolkendecke vorgehen, die Formbildung und Auflösung der Dünste bei verschiedener Windrichtung, ihr Farbenspiel, die Erzeugung des Hagels und des rollenden Donners werden mit individueller Anschaulichkeit beschrieben; auch viele Fragen vorgelegt, die unsre heutige Physik in wissenschaftlicheren Ausdrücken zu formuliren, aber nicht befriedigend zu lösen vermag. Das Buch Hiob wird allgemein für die vollendetste Dichtung gehalten, welche die hebräische Poesie hervorgebracht hat. Es ist so malerisch in der Darstellung einzelner Erscheinungen als kunstreich in der Anlage der ganzen didactischen Composition. In allen modernen Sprachen, in welche das Buch Hiob übertragen worden ist, lassen seine Naturbilder des Orients einen tiefen Eindruck. «Der Herr wandelt auf des Meeres Höhen, auf dem Rücken der vom Sturm aufgethürmten Wellen.—Die Morgenröthe erfasst der Erde Saumen und gestaltet mannigfach die Wolkenhülle, wie des Menschen Hand den bildsamen Thon». Es werden die Sitten der Thiere geschildert, des Waldesels und der Rosse, des Büffels, des Nilpferds und der Crocodile, des Adlers und des Strauszen.—Wir sehen «den reinen Aether in der Schwüle des Südwindes wie einen gegossenen Spiegel über die dürstende Wüste hingedeht».

(Kosmos. 1847. B. II. 47—48.)

Державинъ (VII, 524, 533) приводитъ нѣсколько строчъ изъ «Подражанія Іову» какъ превосходные образцы поэтическаго вдохновенія: первую и вторую строчы—въ примѣръ «гнѣвнаго», четырнадцатую—въ примѣръ «утѣшительнаго вдохновенія». Начало знаменитої оды Державина: «*О Ты, пространствомъ безконечный!*» напоминаетъ начало оды Ломоносова: «*О ты, что въ горести напрасно!*».

Отзывы позднѣйшихъ писателей и критиковъ въ такомъ родѣ: Ода, выбранная изъ Іова—«одна изъ лучшихъ одъ Ломо-

носова: въ ней много высокихъ мыслей, поразительныхъ картинъ и неподдѣльныхъ глубокихъ чувствъ, а слѣдовательно много истинной поэзіи.

(Филологическія Записки. 1868. Выпускъ I. стр. 15—26.)

Въ нашей рукописной литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка большою извѣстностью пользовалась народія на «Подражаніе Іову». Она вызвана разными нововведеніями по арміи, переѣбною формы, и т. п., а также многими другими распоряженіями, возбуждавшими сильныя толки въ тогдашнемъ обществѣ. Въ народіи призывается къ отвѣту, подобно многострадальному Іову, потергѣвшій отъ нововведеній офицеръ.

1.

О ты, что въ горести напрасно
На службу ронцешь, офицеръ,
Шумишь и серднишься ужасно,
Что ты давно не кавалеръ.
Внимай, что . . . тебѣ вѣщасть,
Онъ гласомъ сборы прерываетъ,
Рукою держитъ эспаптонъ,
Смотри, каковъ въ щиблетахъ онъ.

2.

Речеть: сбери все силы пшиѣ,
И стой такъ прямо, какъ солдатъ.
Гдѣ былъ, какъ въ унтерскомъ я чинѣ
Завель въ Россіи вахтнарадъ,
Когда шержировать заставилъ,
Явилъ въ маневрахъ и прославилъ
Величество и власть мою.
Подай-ка тактику свою.

3.

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
 Возросъ изъ алебардовъ лѣсъ,
 Моей обдѣланной рукою?
 А ты не видѣлъ сихъ чудесь!
 Когда солдаты всѣ одѣты
 Какъ бы виновные валеты
 Тянули фронтъ передо мной?
 А ты тогда вкушалъ покой.

4.

Кто деревянными кремнями
 Солдатъ здѣсь выучилъ стрѣлять,
 Къ спицѣ бѣлеными ремнями
 Лонетки вздумалъ привязать?
 Мундиры съ битью золотою
 Не я ли сильною рукою
 На плечи офицеръ надѣлъ
 И въ праздникъ ихъ носить велѣлъ?

5.

Въ болотахъ глинистыхъ и грязныхъ
 Когда ты прежде увязалъ,
 И офицеровъ безобразныхъ
 Въ худыхъ мундирахъ гдѣ видалъ?
 Не зря враговъ передъ собою,
 Приговлялся ли ты къ бою,
 Никто на косякъ не погибъ,
 И взялъ ли приступомъ ты бибъ?

6.

Главы обстрижены солдатски
 Ты могъ ли пуклями снабдить,
 И ихъ одѣвши подурацки,
 Въ казармы кучами набить,

И вдругъ, ударивши тревогу,
Подобясь звѣрю, а не Богу,
Отъ трусости какъ листъ дрожать. . .
И двухъ въ солдаты написать?

7.

Изъ бѣглыхъ могъ ли ты капраловъ,
Кои не могутъ говорить,
Подѣлать кучу генераловъ
И имъ полки препоручить?
Ты могъ ли эскадронъ направить
И подъ арестъ за то отправить;
За вздоръ изъ службы исключить
И навѣкъ въ крѣпость посадить?

8.

Твоей ли хитростью Кутайцовъ
Играетъ роль большихъ вельможъ?
Мѣщанъ онъ душитъ такъ, какъ зайцовъ,
Дворянство все не ставитъ въ грошъ.
Въ моихъ палатахъ обитая,
Россiянъ вѣрныхъ разоряя,
Въ немъ виденъ точный басурманъ:
Такой талантъ тобою ли данъ?

9.

Не зрится ль въ томъ моя щедрота,
Велѣлъ что головы рубить?
Пришла ль когда къ тебѣ охота
Кадиломъ миру покадить?
Священной ризою одѣту
Въ себѣ представить шута свѣту,
Служить обѣдню за пона:
Неужли мысль сія глупа?

10.

Ума тваво предѣлы узки
 Могли ли тайну ту понять,
 Что Анна греческа порусски
 Святую значить благодать?
 Могли ли руки твои дерзки
 Украсить шапки гренадерски,
 Знамена, флаги кораблей
 Любезной именовъ твоей?

11.

Скажи ты мнѣ, въ странахъ росіійскихъ
 Кто славный акціонъ завелъ,
 Чтобъ кто хотѣлъ крестовъ мальтійскихъ
 За деньги въ ономъ ихъ нашелъ;
 Съ французомъ кто два года дрался,
 Чтобъ островъ Мальты намъ достался,
 На коемъ нѣтъ почти людей?
 Дѣла то мудрости моей!

12.

Возмогъ ли ты хотя однажды
 Гоненье шляпамъ объявить,
 Велѣть, росіянину чтобъ каждый
 Престаль бы круглую носить?
 Пучки и сапоги съ ушами
 Указомъ истребя межъ вами,
 Изгналъ потомъ съ заносомъ фракъ,
 А все кричать, что

13.

Ко удивленью всего свѣта
 Когда мундиры я кроилъ,
 Зачѣмъ не подалъ ты совѣта,
 Чтобы покрой я премѣнилъ?

Когда я выдумалъ щиблеты
Ботфорты, латы и колеты,
Зачѣмъ тогда ты не сказала,
Чтобъ видѣ иной всему я дала?

14.

Сіе, служивый, разсуждая,
Представь мою ты сильну власть,
И мерзостный мундиръ таская,
Имѣй свою въ терѣбны часть!
Я все на пользу вашу строю—
Казню кого или покою:
Аресты, каторги сноси,
И безъ роптанія труси.

(Рукопись Императорской Публичной Библіотеки. F. XVII. № 2.
л. 401—403. Бумаги Дѣйств. Тайн. Сов. А. А. Саблукова; скорописью
XVIII и XIX в.)

Авторъ пародіи—Сергѣй Никифоровичъ Маринъ (1775—
1813), пріобрѣвшій извѣстность своими пародіями на оды Ломо-
носова и Державина; одна изъ нихъ—пародія на оду: «На рож-
деніе порфиророднаго отрока» очень нравилась Кутузову,
которому читали ее послѣ Бородинской битвы.

(Сочиненія Державина. Т. VI. стр. 289.)

Нѣсколько строчъ пародіи напечатаны, по списку, сооб-
щенному Н. Н. Селифонтовымъ, въ Русской Старинѣ, съ слѣду-
ющимъ примѣчаніемъ: «Писано, какъ кажется, къ генералу
Капихаху—учителю тактики и военному интукмейстеру въ
царствованіе императора Павла I».

(Русская старина. 1882. Декабрь. стр. 499—502.)

LXV.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собрание сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 19. стр. 192.

ВАРИАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собрание сочиненій Ломоносова, 1751. «Похвальныя надписи. Надпись 20, На Иллюминацію представленную на торжественный День коронаванія Ея Величества Апрѣля 25 числа 1751 года, передъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображена была въ Амфитеатрѣ окруженная сѣянїемъ Императорская корона и скипетръ на украшенномъ постаментѣ съ вензловымъ именемъ Ея Величества. По обѣимъ сторонамъ два портала далече простирающихся аллей, при которыхъ поставлены грудныя изображенія четырехъ частей свѣта». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

Ар.— Архивъ Академической канцеляріи; рукопись № 150. л. 213. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

В.— Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 35. стр. 288.

С. II.— Собрание сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 19. стр. 166. Заглавіе то же, что и въ *С. I.*

Ст. 3. Европа, Африка, Америка, Азія (Ар., в.)

Ст. 7. Введи свой умный свѣтъ къ Божественному
свѣту, (Р.)

Введи твой умный взоръ къ божественному свѣту,
(Ар., в.)

Описаніе иллюминаціи въ день коронаванія императрицы Елисаветы Петровны 25 апрѣля 1751 года и стихи Ломоносова помѣщены въ тогдашнихъ Вѣдомостяхъ:

«Сего мѣсяца 25 числа при наступленіи ночи весь городъ былъ иллюминованъ, и особливо за Цевою рѣкою предъ дворомъ Ея Императорскаго Величества представлена была на обыкновенномъ театрѣ слѣдующая иллюминація, а именно:

На среднемъ возвышенномъ мѣстѣ здѣланнаго изъ садовыхъ шпалеръ и отверстыхъ аллей амфитеатра видны были лежащія на украшенномъ вензловымъ Ея Императорскаго Величества именемъ и лавровыми и пальмовыми вѣтвями обвитомъ постаментѣ Императорская корона и скипетръ, которыя, подобно Солнцу, сіяніемъ своимъ не токмо весь амфитеатръ освѣщали, но и лучи свои чрезъ отверстия аллей яко границы имперіи на далекое расстояніе испускали. По обѣ стороны сего представленія соединялися впереди два поргала весьма далеко простирающихся покрытыхъ аллей, при которыхъ въ особливыхъ мѣстахъ стояли четыре грудныя статуи въ различныхъ видахъ и убранствахъ, а именно Европа, Азія, Африка и Америка, обращающія съ удивленіемъ взоръ свой къ среднѣмъ амфитеатру.

Знаменованіе сего аллегорическаго представленія содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Лучи отъ Твоего, Монархиня, вѣнца“ и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 35. стр. 287—288.)

Въ академической рукописи сохранились стихи Ломоносова, писанные имъ собственноручно, а также и нѣмецкіе стихи Штелина:

Seit dem du Kron und Zepter trägst, o Ruzlands Schmuck
Elisabeth,
Hat dein stets wirkendes Verdienst auf Palm und Lorbern sie
erhöht,
Und ihren Glantz so ausgebreitet, dasz er dein groszes Reich
erhellte,
Und durch die aufgeklärten Gräntzen in die entferntesten Länder
fällt.
Erstaunt sieht nun ein jeder Theil von den vier Gegenden der
Erden,
Wie deines Kayserthumes Macht, und Ruhm, und Glück erhöht
werden.
Auch disz macht, dasz ausz unsrer Brust der Wunsch in vollem
Eiffer bricht:
Erleb dein Krönungs-Fest so oft, als die Bewundrung von dir
spricht.

(Рукопись Академического Архива. № 150. л. 211—213.)

LXVI.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надписи 9 и 10. стр. 182 — 183.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова 1751 г. «Похвальныя надписи. Надпись 9. На Маскарады 1751 года. Надпись 10. На тѣ же». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надписи 9 и 10. стр. 161. Заглавія тѣ же, что и въ *С. I.*

Надпись А.

Ст. 3. Чтобы ни одного таланта не отнять. (р.)
Ст. 9—10. И тѣмъ самимъ, когда лице свое скрываешь,
Къ народу своему веселіемъ сіяешь. (р.)

Надпись Б.

Ст. 5—7. Отъ кроткихъ восточныхъ водъ до шумныхъ
волнъ Балтійскихъ,
Отъ самыхъ вѣчныхъ льдовъ до знойныхъ
странъ Каспійскихъ
Коль много въ платьѣ тамъ и въ лицахъ
перемѣнъ! (Р.)

Ст. 10—11. Тамъ отъ согласнаго народовъ разныхъ
кличу
Черезъ воды черезъ поля веселый гласъ
течетъ, (Р.)

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны особенно часто бывали придворные маскарады. Въ 1751 году, къ которому относятся надписи Ломоносова:

2 января. «При Дворѣ Ея Императорскаго Величества отира-
влялся маскарадъ; на тотъ маскарадъ дозволено было пріѣзду
имѣть какъ знатнымъ обоюга пола персонамъ и иностраннымъ
министрамъ, такъ и всему знатному дворянству съ фамиліями,
кромѣ малолѣтнихъ, въ пристойныхъ маскахъ, не имѣя арлекни-
скаго, или гримекаго и деревенскаго платья. Всего во ономъ
маскарадѣ находилось 665 персонъ».

8 января. «При Дворѣ былъ придворный обыкновенный
маскарадъ, противъ прежняго».

15 января. «При Дворѣ Ея Величества былъ обыкновенный
придворный маскарадъ и продолжался до четвертаго часа по
полуночи».

18 января. «При Дворѣ Ея Величества былъ публичный
маскарадъ, который начался въ 8-мъ по полудни, а кончился въ
7-мъ часу въ послѣдней четверти по полуночи».

22 января. «При Дворѣ былъ обыкновенный придворный
маскарадъ, который начался въ 7-мъ, окончился въ 3-емъ часу
въ началѣ за полночь», и т. д.

На публичный маскарадъ при Дворѣ Ея Величества, 22 декабря, указано «пріѣздъ имѣть въ однихъ только доминахъ, какъ мужеска такъ и женска пола; и притомъ, чтобъ всѣ были въ баутахъ (въ паличникахъ изъ легкой матеріи, которыми завѣшивалась часть лица изъ подъ маски и шеи), которые бѣ были до самой маски, чтобъ щекъ и шей не было видно. И для того отнюдь оныхъ баутовъ не было (бы) изъ сдѣланныхъ флеровъ и женскому полу бытъ въ малыхъ физбенахъ, а кромѣ онаго сорта маскараднаго платья никакаго другого одѣянія не употреблять. И чтобъ на ономъ маскарадномъ платьѣ мишурнаго убранства и въ тѣхъ убранствахъ хрусталей нигдѣ не было, да и не имѣть же при себѣ никакихъ оружіи» и т. д.

На придворномъ балѣ 23 февраля 1750 года «дамы были въ кавалерскомъ платьѣ, а кавалеры въ дамскомъ — въ самарахъ».

(Журналы Камеръ-фурьерскіе. 1751 и др.)

Придворные маскарады посѣщаль и Ломоносовъ. Въ Академію наукъ прислано было приглашеніе на придворный маскарадъ 8 февраля 1752 года, на которомъ надо было быть также «въ доминахъ съ баутами». На вопросъ Академической канцеляріи, кто предполагаетъ быть на придворномъ маскарадѣ, Ломоносовъ отвѣчалъ: «Бытъ намѣренъ и съ женою».

Другіе академики написали на пригластельной повѣсткѣ: Штелинь — «бытъ намеренъ»; Тредьяковскій, Крашенишниковъ, Поповъ — «бытъ не намѣренъ»; Миллеръ — «не намѣренъ»; Гришовъ — *Ich bitte diesmal meine Abwesenheit zu excusiren*; Рихманъ — *absentiam excusatam rogo*; Буgrave — *gratias ago pro oblato*, и т. д.

(Рукопись Академическаго Архива № 162. л. 229—230.)

LXVII.

ТЕКСТЪ.

Ар.— Архивъ Академической канцеляріи; рукопись № 155.
л. 172. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

ВАРИАНТЫ.

В.— Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 72. стр. 547.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 20. стр. 166—167. «На иллюминацію представленную въ день тезоименитства Ея Величества Сентября 5 дня 1751 года».

-
- Ст. 1—2. По всюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣтеть,
Лежить оружіе и съ кровью слезъ не льетъ;
(С. II.)
- Ст. 5. По правдѣ Божій миръ. Монархія, слывень.
(С. II.)
- Ст. 8. И славы храмъ тебѣ безсмертный возвышаетъ.
(С. II.)
-

Въ академической рукописи находятся собственноручные стихи Ломоносова, а равно и стихи Штеллна:

Europa stund in Furcht und sah der Noth entgegen
Die mit der Krieges-Fluth ausz Nord im Anbruch war.
Dein Name zeigte sich, die Welle musz sich legen
Zur Ruh und sicherem Wohl wird Sturmwind und Gefahr.
Die Wolfahrt deines Reichs sieht also mit Vergnügen
Den Pflug in Furchen gehn, das Schwerdt darnider liegen,
Und alles rufft dir zu: dein Name sey gepriesen
Und dir sein Fest von Gott noch hundertmal gewiesen.

(Рукопись Академического Архива № 155. л. 167—172.)

Переводъ описанія иллюминаціи 5 сентября 1751 года, исправленный Ломоносовымъ, помѣщенъ въ Вѣдомостяхъ:

«5 числа сего мѣсяца торжествовано при дворѣ всевысочайшее тезоименитство Ея Императорскаго Величества. Вечеру въ 8 часу былъ ко двору Ея Императорскаго Величества наипрѣдъ ѣздъ и балъ, по окончаніи котораго вечернее кушанье происходило. Въ оноежь время и весь городъ былъ иллюминованъ, а предъ дворомъ Ея Императорскаго Величества на великомъ театрѣ представлена была слѣдующая иллюминація:

Между двумя пріятно прострающимися аллеями изъ молодыхъ пальмовыхъ деревъ по срединѣ въ театрално изображенномъ мѣстѣ представленъ былъ въ честь высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской монументъ или зданіе чести, предъ которымъ стояла Россія съ своимъ щитомъ, и стоящей предъ нею съ почтеніемъ Европѣ подавала пальмовую вѣтвь въ знакъ спокойныхъ и благополучныхъ временъ.

Надъ снмъ изображеніемъ являлся позади фронтонъ или верхъ зданія чести, и подлѣ его украшенной щитъ съ вензловымъ именемъ Ея Императорскаго Величества подъ короною.

На переди онаго флигеля или аллеи видѣнъ былъ Геніусъ съ плугомъ на отверстомъ полѣ, а на переди другаго крыла видѣнъ былъ Геніусъ на оружіи сидящій и лежащія предъ нимъ на землі нѣсколько мечей и копьевъ.

Знаменованіе сего аллегорическаго представленія содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Повсюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣтетъ;“ и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 72. стр. 545—547.)

LXVIII.

ТЕКСТЪ.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757 года. Книга первая. Надпись 39. стр. 182.

Ср. Полное собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова, съ приобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ твореній. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ, издвеніемъ Императорской Академіи Наукъ. 1784. стр. 321. Въ письмѣ къ Шувалову, которое никогда не было еще напечатано.

10 сентября 1751 года Ломоносовъ писалъ Шувалову: «Не могу преминуть, чтобы Вашему Превосходительству не сообщить сочиненныхъ мною послѣ спуску корабля за обѣдомъ краткихъ стиховъ, вѣдая Вашу къ наукамъ, а особливо къ словеснымъ охоту.

Сойди къ намъ Златоустъ, оставивъ небеса», и т. д.

«Въ Санктпетербургѣ сентября 10 дня (вторникъ). Въ минувшее воскресенье, повопостроенной въ адмиралтействѣ корабельнымъ мастеромъ Сютерландомъ осмидесять пушечной корабль

благополучно спущень на воду по полудни во 2 часу, при высочайшемъ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, также при иностранныхъ господахъ министрахъ и при знатныхъ обоюга пола персонахъ, именованъ *Іоаннъ Златоустъ*; а по спускѣ того корабля всемплодивѣйше отъ Ея Императорскаго Величества пожалованъ помянутой корабельной мастеръ изъ мазорскаго полковничьимъ рангомъ и награжденъ нѣкоторою денежною суммою».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 73. стр. 553—554.)

LXIX.

ТЕКСТЪ.

Ар.— Архивъ Академической Канцелярїи. Рукопись № 158.
л. 21 об. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

ВАРІАНТЫ.

В.— Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 96. стр.
797—798.

Надпись Ломоносова на 25 ноября 1751 года напечатана въ
первый разъ въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, при описанїи
иллюминаціи.

Ст. 1—3. Желая къ храму насъ блаженства возвести,
Ты трудной путь сама должна была пройти,
Тамъ горы, хляби, тамъ бугры, стремнины,
рѣки,

Ст. 7. Внезапно возсіалъ Твой лучъ веѣхъ бѣдствій
выше,

Ст. 9. Надежда, Вѣрность намъ и Радость и Любовь,

Ст. 11. Коль щастлива Твоимъ возшествіемъ Россія,
(В.)

«25 числа (ноября) Ихъ Императорскія Высочества съ чужестранными министрами и знатнѣйшими перваго и втораго классовъ обоюго пола персонами изволили кушать вечернее кушанье противъ новаго залу въ парадныхъ новыхъ покояхъ. Притомъ всѣ дома въ городѣ иллюминированы были, а на театрѣ иллюминацій противъ Императорскаго зимняго дому зажжена слѣдующая иллюминація: Представленъ былъ храмъ Великолѣпнѣ Россійскія имперіи на высокой каменной горѣ, къ которому отъ низу уская, каменштая, ямштая и почти не проходима стезя между голыми надвислыми камнями и каменными облаками простиралась. Надъ входомъ во храмъ видѣнъ былъ гербъ Россійской имперіи. Надъ главнымъ гзымзомъ надъ столбами представлены были четыре статуи въ бодромъ видѣ, а именно: Любовь, Надежда, Вѣрность и Радость, а на верху куполы Императорская корона въ полномъ сіяніи. Притомъ видна была по обѣимъ сторонамъ вокругъ внизу далеко простирающаяся и зеленѣющая земля, свѣше на подобіе лучей осіянная въ видѣ перспективно простирающіяся звѣзды. Знаменованіе сего представленія въ слѣдующихъ стихахъ содержится:

Желая къ храму насъ блаженства возвести“, и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 96. стр. 796—798.)

Описаніе это — исправленный Ломоносовымъ переводъ нѣмецкаго подлинника Штелина. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Ломоносовъ представилъ въ Академическую Канцелярію слѣдующій собственноручный «Репортъ»:

«Описанія иллюминаціи, на 25 число будущаго ноябрю мѣсяца, исправленной мною переводъ и съ сочиненными мною стихами на онуюже иллюминацію въ Канцелярію Академіи наукъ при семь присылаю 1751 года Октябрю 11 дня. Совѣтникъ Михайло Ломоносовъ».

Стихи Штелина на иллюминацію 25 ноябрю 1751 года:

Hier sieht die Danckbarkeit den Tempel aufgebaut
Den auch die späteste Zeit noch mit Bewundrung schaut,

Den Tempel, den dein Muth zu deines Reichs Vergnügen,
Trotz der Unmöglichkeit, in einer Nacht erstiegen.
Da Liebe, Hoffnung, Treu und Freude Theil annahm,
Und mit erfülltem Wunsch dir froh entgegen kam.
Dadurch erscheint dein Reich in Sternen gleicher Pracht
Und rufft: Elisabeth hat alles widerbracht.

(Рукопись Академического Архива. № 158. л. 16—22.)

LXX.

ТЕКСТЪ.

Ар.—Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 158. л. 31 об. Писано собственноручно Ломоносовымъ. Подъ стихами подпись его рукою: «Стихи сочинилъ М. Ломоносовъ».

Стихи написаны Ломоносовымъ на иллюминацію 18 декабря 1751 года.

«Описаніе иллюминаціи на высокій день рожденія Ея Императорскаго Величества декабря 18 дня 1751 года.

Представляется простирающійся по обѣ стороны въ прямыхъ линіяхъ, а въ срединѣ въ великой амфитеатръ соединяющееся веселое мѣсто (Lustplatz), состоящее изъ нѣсколькихъ рядовъ партеровъ, одинъ на другомъ лежащихъ, которые въ надлежащемъ расстояніи дерновыми лѣсницами рассѣчены, сосудами и таксовыми деревьями (Tax-Wäyssen) уставлены; позади, на верху перспективами изъ кедровыхъ деревъ, а напередѣ изрядными перилами окружены.

Въ срединѣ, на вышепомянутомъ веселомъ мѣстѣ представленъ партеръ о нѣсколькихъ въ округъ къ верху поднимающихся ступеняхъ и канапяхъ (Ruhebäncken), на которомъ въ мраморномъ и золотомъ украшенномъ великомъ сосудѣ видѣнъ великой алоіи, высоко поднявшійся, а изъ средины онаго видно

золотое вензловое имя Ея Императорскаго Величества подъ короною. Надъ нимъ носится по воздуху небесный ангель-хранитель (*genius tutelarıs*), который покрываетъ оное своимъ щитомъ, на которомъ изображеніе солнца усматривается.

Знаменованіе сего аллегорическаго представленія въ слѣдующихъ стихахъ содержится:

Среди прекраснаго Россійскаго Райа, п т. д.

Нѣмецкій подлинникъ оканчивается стихами составителя описанія, академика Штеллина:

Der du für die theuren Jahre unserer Monarchin wachst,
Schutzgeist, der du ihre Tage frisch, gesund und fröhlich machst,
Halte ferner deinen Schild über sie und ihre Reiche,
Dasz ihr Wohl und Lebens-Krafft hundertjährgen Pflantzen
gleiche,
Da mit jedem Jahre schöner, stärker und erhöhter gehe
Und zur Wolfahrt gantzer Länder, wie zur Pracht im Lustplatz
stehe.

(Рукопись Академическаго Архива. № 158. л. 26—28 об.)

LXXI.

ТЕКСТЪ.

Ар. — Архивъ Академической Канцеляріи. № 158. л. 32. Писано собственноручно Ломоносовымъ; подъ стихами его подпись: «Стихи сочинилъ М. Ломоносовъ».

Надпись Ломоносова напечатана, безъ всякихъ уклоненій отъ его автографа, въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ 1751 г. (№ 4. стр. 30.)

Тамъ же помѣщенъ переводъ замѣтки Штеллна объ иллюминаціи:

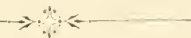
«Сего генваря 1 числа при наступленіи ночи всѣ дома въ городѣ иллюминированы были, и на обыкновенномъ театрѣ фейэрверковъ видна была слѣдующая иллюминація, а именно: Представлено было Благополучіе на великолѣпномъ педесталѣ, держащее въ одной рукѣ рогъ Изобилія и притомъ жезлъ Эскулапіевъ съ обвившеюся змѣею, яко изобрѣтеніе непрерывнаго здравія, и съ каждымъ новымъ годомъ возобновленной крѣпости, а другою возносящее къ верху щитъ имени Ея Императорскаго Величества, и исходящіе оттуда свѣтлые лучи на около лежащее веселое мѣсто, яко на всю Россійскую Имперію испускающее. Знаменованіе сего представленія въ слѣдующихъ стихахъ содержится:

Веселѣемъ сердца годъ новыи оживляетъ” и т. д.
(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1752. № 4. стр. 29—30.)

Стихи Штеллиа на иллюминацію 1 января 1752 года:

Hier setzt des Landes Treu, huldreichste Kayserin,
Für dein erwünschtes Wohl der Wünsche Rauchfasz hin,
Und fleht den Himmel an: er wolte deinem Leben
Mit jedem neuen Jahr verneute Kräfte geben!
Denn hebt die Wolfahrt dich und deinen Ruhm empor
So geht nichts unserm Wohl, nichts unserm Glücke vor:
Dadurch alleine kan dein fünffter Theil der Erden
Auch bey dem rauhsten Nord zum schönsten Lustplatz werden.

(Рукопись Академическаго Архива. № 158. л. 26 об.—27, 32.)

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3316
A1
1891
t.1

Lomonosov, Mikhail Vasil'-
evich
Sochineniia

